

Экскременты КОСМИЧЕСКИХ ЛОСЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Крюк

18+

Крюк Экскременты космических лосей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66108780

SelfPub; 2021

Аннотация

Старый маразматик, алкаш, гопник и рэпер летят в галактику Серьёзные Щи, чтобы продать инопланетному императору экскременты космических лосей. По дороге у них выходит из строя дичевтиратель, и они попадают в плен. Героям предстоит узнать, что такое Программа Всеобщей Дебилизации, свобода слова и художественная ценность.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1: Мыслитель и предприниматель	5
Глава 2: Пацанские посиделки	19
Глава 3: Путешествие на Пищимуху	35
Глава 4: Литературное кафе «Сингулярность»	51
Глава 5: Космические партизаны	78
Глава 6: Страшная правда	91
Глава 7: История Хельмимиры. Часть 1	101
Глава 8: История Хельмимиры. Часть 2	144
Глава 9: История Хельмимиры. Часть 3	167
Глава 10: В гостях у генерала	194
Глава 11: Клуб «Золотая клетка»	222
Глава 12: Ложь, предательство и поэты серебряного века	251
Глава 13: Бродячая жизнь	283
Глава 14: «Стойло замечательных талантов» и Внутренняя Вагина	314
Глава 15: Тачка, жрачка, колбаса и моральные страдания	342
Глава 16: Легионеры, Солнцеподобный и новая Гвендельфина	366
Глава 17: «Ох уж этот Зубарев!» и фанатичные интеллигенты	397
Глава 18: Колодец и маятник	414

Глава 19: Антоха в стране чудес	439
Глава 20: История Зугарда. Часть 1	467
Глава 21: История Зугарда. Часть 2	502
Глава 22: История Зугарда. Часть 3	530
Глава 23: История Зугарда. Часть 4	556
Глава 24: Допрос с пристрастием и театр абсурда	594
Глава 25: Генеральское творчество и метафизика лосей	614
Глава 26: Интегральное уравнение и феерическое шоу	647
Глава 27: Ночь во дворце	687
Глава 28: Чудесное свойство бульварной литературы	721
Глава 29: Дохлая крыса на стене	754
Глава 30: Хельмимира и на работе и дома	789
Глава 31: Хельмимира и сюрреализм	813
Глава 32: Никто не уйдёт необиженным	847

Крюк

Экскременты космических лосей

Глава 1: Мыслитель и предприниматель

– Поднимайся, спящий красавец! – бодро воскликнул Бабельянц, ввалившись в комнату Гоблиновича. – Пришло время грандиозных свершений!

Стояло позднее утро. Гоблинович крепко спал, раскинувшись на старом диване. Он вышел из запоя совсем недавно, и вот вчера опять сорвался: об этом говорили пустые бутылки под столом. «Спящим красавцем» его назвал бы разве что полный маразматик. Вонючий и небритый, Гоблинович выглядел как рядовой провинциальный пьяница. Когда-то он был сероглазый брюнет; теперь же его волосы начинали сесть, а глаза сильно заплаыли.

Однако под внешностью горького алкаша скрывалась неординарная творческая натура. Иннокентий Гоблинович был автором философской прозы, и его повести иногда печатали в альманахе «Таланты города Старокозлищенска». Пи-

сательство дохода не приносило, и волей-неволей Иннокентий вынужден был примерять на себя гораздо более приземлённые специальности: сторож, подсобный рабочий, водитель такси...

Отношения Гоблиновича с работодателем всегда складывались по одному и тому же сценарию: «труд – зарплата – запой – увольнение». После этого был период «творческого кризиса». Иннокентий выходил из него только тогда, когда денег совсем не оставалось. Последним местом, откуда его уволили, был театр. Там Гоблинович задержался дольше обычного, хоть ему и приходилось трудиться простым работником сцены. Его завораживал дух лицедейства, а образованные собутыльники служили приятной компанией. И пусть репертуар был избитый, а публика редела с каждым годом, святилище Мельпомены представлялось Иннокентию отдельным, праздничным миром.

Гоблинович так сильно полюбил свою работу в театре, что иногда приходил туда вовремя. «Если б ты ещё и пить меньше начал, – говорил ему Бабельянц, – то я бы решил, что у тебя роман с кастеляншей». Однако Гоблинович всё так же тяготел к алкоголю. В один прекрасный день он сорвался – сорвался, как и всегда, нелепо и трагично.

В театре его ждали из запоя. Работать там было просто некому. Осознав, наконец, что Гоблинович угодил обратно в лапы зелёного змия, администрация всё-таки уволила его по статье. Так и остался он снова безработным – писатель,

философ и просто хороший человек.

– Вставай, богема! – требовал Бабельянц. – Пора нам, почётным жителям города Старокозлищенска, перевернуть эту галактику с брюха на ноги!

Приподнявшись, Гоблинович смотрел на товарища, не понимая ни слова. Наконец, он мало-помалу связался с реальностью.

– Афанасий, ты чего орёшь, как потерпевший? – спросил он, потянувшись за чайником. – Совсем оглох, старый шлагбаум?

– А, проснулся, голубчик! – торжествующе воскликнул Бабельянц. – Проснулся, выпивоха беспросветная! Давай-ка вылезай уже из своего запоя в реальный мир. Ты сможешь мне проверить одно выгодное дельце.

– Ну и сволочь же ты, Афоня! – произнёс Иннокентий, отхлебнув из носика. – Мне, если хочешь знать, гораздо лучше в моём запое, чем в твоём реальном мире.

Гоблинович был натура созерцательная, в то время как Бабельянц обладал предпринимательской жилкой.

Город Старокозлищенск был расположен на планете Кривоцыца, которая входила в состав Елдыринской Губернии. За свою историю Кривоцыца переживала разные времена. Молодость Бабельянца пришлась на тот период, когда в Елдыринской Губернии была запрещена свободная торговля. Однако хитрому Афанасию вовсе не хотелось работать на государство за маленькую зарплату. Мечтая о красивой жизни,

он сделался «фарцовщиком» – продавцом иностранных товаров «из-под полы». Чего только не было у пройдохи! Контрабандные сигары, конфеты из жира головоногих сурикатов, модная одежда, запрещённые книги... Последним фактом Бабельянц гордился особенно. Ведь торговать заграничными нарядами – вполне себе обычное преступление, а распространять запрещённую литературу – уже диссидентство. Из-за этого Афанасий считал себя немного литератором и борцом с системой.

В молодости Гоблинович у Бабельянца постоянным покупателем. «Эх, Иннокентий, – мечтательно говорил Бабельянц, – мне выпало родиться не в ту эпоху... Вообрази, какие комбинации я мог бы проворачивать в каком-нибудь казино у тёплого моря! Или представь, дружище, какой бы из меня получился меценат – покровитель поэтов и балерин! Что же могло заклинить в причудливом движении судьбы, которая бросила меня здесь – на жуткой планете с уродливым названием Кривоцыца, в одноэтажном Старокозлищенске?»

Однако времена изменились. На смену запретам пришла эпоха вседозволенности. Информация стала доступной, а чтение – немодным. Зато на одном из спутников Кривоцыцы нашли акакиевые месторождения. Несмотря на чиновничий произвол, жизнь в Старокозлищенске казалась сносной.

Бабельянц, человек расторопный и предприимчивый, открыл на местном рынке торговую точку. Бизнес шёл отлич-

но; вскоре Бабельянц купил квартиру, куда стал водить друзей и любовниц. С «коллегами по цеху» он ограничивался лишь деловыми контактами; себя же Бабельянц относил к «просвещённым буржуа» – и компанию подбирал соответствующую: студенты-гуманитарии, художники, околобогемные дивы, полунищие литераторы... Бабельянц и его друзья распивали дорогие коньяки и обсуждали новинки элитарного кино. Купаясь в провинциальном блеске, Афанасий чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Спустя некоторое время Бабельянц собрал приличную сумму и купил помещение, чтобы открыть магазин. Однако не тут-то было: вскоре выяснилось, что незадолго до покупки это самое помещение облюбовал мэр города. Старый хозяин, по-видимому, вовремя избавился от опасной собственности. Когда Афанасий понял, что прокололся, обратного пути уже не было.

Последовала городская инспекция. Проверка нашла у бухгалтерии у Бабельянца кучу несоответствий. Привычный к теневым схемам, он никогда не заботился о том, чтобы вести дела согласно букве закона. Решая проблемы взятками, Афанасий не любил пунктуальности и бумажной волокиты. Однако на этот раз обычная схема не сработала: знакомые контролёры отказались помогать коммерсанту. В итоге Бабельянц попал под суд – и хорошо ещё, что бедняга отделался условным сроком с конфискацией имущества.

К тому времени, когда Бабельянц потерял всё, в его две-

ри уже стучалась старость, и поздно было начинать жизнь с нуля. Деловые контакты были потеряны, друзья и женщины растворились – так, будто их и не было. Только Гоблинович пожалел старого знакомого пустил его к себе пожить. Спустя какое-то время Бабельянц переехал в родительский дом на окраине города.

Работать пришлось на местной фабрике сельскохозяйственных дронов: Бабельянц подворовывал оттуда запчасти и торговал ими из-под полы. Не то, чтобы судьба ничему не учила его – но и жить он привык на широкую ногу. По старой привычке Афанасий выпивал – ровно столько, чтоб не уволили. Вскоре завод объявил себя банкротом; к счастью, Бабельянц не успел попасться на воровстве. Его старость спасло то, что всю жизнь он был фиктивно оформлен товароведем на складе, где заправлял его добрый знакомый. По старой дружбе Бабельянц дарил ему дефициты. Именно поэтому ровно к шестидесяти пяти годам старик мог рассчитывать на небольшую пенсию. Всё было не так уж плохо, и Бабельянц продолжал бодро идти по жизни. Правда, с годами его походка становилась всё более сгорбленной, а возраст всё чаще давал знать о себе внезапными приступами радикулита.

Бабельянц приходил к Гоблиновичу с различными бизнес-идеями. Чего только он не придумывал! Первой ласточкой была продажа реквизита для перфомансов; Афанасий собирал его на свалке. Будучи грамотным человеком, он на-

зывал это умным словом «ресайклинг». Потом были матрасы из чайных пакетиков, музей поношенной обуви, порнографические открытки с гусями... Каждая последующая идея была всё больше связана с тем, чего бы ещё отыскать на помойке; бизнес-планы всё чаще выдавали старческий маразм – однако старик не терял энтузиазма. Каждый раз, как впервые, он горячо рассказывал Иннокентию о том, на какую золотую жилу наткнулся.

Сейчас Афанасий был особенно воодушевлён: седые вихры на его голове победоносно торчали в разные стороны, а в тёмно-карих глазах, несмотря на конъюнктивит, горел огонь будущих завоеваний.

– Вперёд, мой друг, навстречу своему успеху! – восклицал Бабельянц. – Монетизируем, наконец, эту жалкую вселенную!

Оглядев тощую фигуру старика, Иннокентий узнал симптомы очередной коммерческой истерии. Поставив чайник на место, он вытащил из кармана сигареты, усмехнулся и закурил.

– Что, опять на свершения потянуло? – спросил Иннокентий, выпуская дым. – Рассказывай, старая акула, свой гениальный план.

– О, это нечто невообразимое! – ответил Бабельянц. – Бизнес нового формата, на такой уровень мы ещё не выходили. Даже идея с продажей свёклогусей в ночные клубы Нового старокозлищенска не была такой удачной. Вот увидишь:

совсем скоро перед нами преклонятся монархи, фюреры и прочие генералы! Самые красивые и дорогие женщины будут отдаваться нам совершенно бесплатно!

– Да уж, – вздохнул Иннокентий, – чтобы позволять себе дорогих женщин бесплатно, нужно иметь миллиарды... Или хотя бы притворяться, что имеешь...

– Хватит притворяться – давай же скорее их зарабатывать! – воскликнул Бабельянц.

– Зарабатывать – это хорошо, – отозвался Гоблинович. – А не работать и зарабатывать – ещё лучше...

– Работать не придётся! Мы ведь станем богаты!

– А вот это мне нравится. С этого места, прошу, подробнее...

Потирая руки, Бабельянц вприпрыжку приблизился к Иннокентию. Тот продолжал смотреть на него с насмешливым интересом.

– Будешь моим соратником в одном прибыльном деле, – заявил Бабельянц. – Надевай портки и поднимайся: нам понадобятся удача, вера в себя и корабль твоего племянника.

– Подожди, а племянник-то мой здесь причём? – удивился Бабельянц.

– Притом, что он доставит нас на Пищимуху! А ещё у него в гараже всегда есть чем опохмелиться. Так что пойдём, времени мало: богатство ждать не будет.

Пищимуха – один из спутников планеты Кривоцица. В течение многих веков туда свозили бытовые и промышленные

отходы. В конце концов там стало вредно находиться; казалось, никакая форма жизни не может приспособиться к условиям мусорного полигона. Только самые проспиртованные гуманоиды решались выходить туда без химзащиты. Однако позже учёные обнаружили на Пищимухе целую экосистему. Помимо примитивных одно- и максимум двухклеточных организмов, планета была населена космическими лосями. Эти большие рогатые создания питались излучением и создавали кислород из углекислого газа. Животные обладали мощными конечностями, а в полёте использовали свои газы как двигатель. При выходе из атмосферы – когда уровень кислорода понижался – лоси покрывали морду естественным скафандром; перебирая копытами, они устремлялись ввысь – туда, где излучение было особенно сильным. Никто не мог сказать, как именно лоси попали на спутник. По официальной версии, они мутировали из помойных крыс, которых когда-то завезли с Кривоцицы.

Несмотря на то, что лоси были огромны, обнаружили их далеко не сразу. Это случилось только тогда, когда один лось подлетел и боднул пассажирский космический корабль. Открытие произвело фурор. На изучение лосей выделили крупные суммы из государственного бюджета. Однако со временем исследования приостановили: администрация планеты решила, что лоси не имеют хозяйственной ценности, и такое солидное финансирование им ни к чему. Кроме того, председателю местного Комитета Животных, господину Живо-

дёрову, срочно понадобился особняк у озера Дохлая Кони-на... Программу свернули, оставив лишь минимум для отчёта руководству. Для лосей это было даже хорошо: их, наконец, оставили в покое.

Ни Бабельянц, ни Гоблинович в науке не разбирались. На-сущной проблемой для них было то, где бы достать опохмелиться; по сравнению с этим даже галактическое господство занимало второе место в списке приоритетов. Собираясь на поиски, Гоблинович пытался натянуть правый носок.

– А зачем тебе, Афанасий, на Пищимуху понадобилось? – спросил он у Бабельянца. – Небось, опять свой ресайклинг на помойке искать собираешься?

– О нет, всё намного серьёзнее! – возразил пожилой де-лец. – Не знаю, безопасно ли здесь разговаривать... Вдруг нас услышат какие-нибудь шпионы? Они ведь только и меч-тают, что выведать мой секретный план...

– Давай колись уже, конспиратор!

– Ладно, ладно...

На самом деле Бабельянц и вправду еле сдерживался, что-бы не похвастаться находкой. Однако, собираясь начать рас-сказ, он всякий случай он огляделся по сторонам: нет ли ни-где шпионов? Убедившись, что они с Гоблиновичем в ком-нате одни, старик приблизился к дивану и таинственно заго-ворил:

– Короче, история такая: был я недавно в пункте приёма стеклотары. Там всегда много интеллигентных людей соби-

рается. Познакомились мы с одним пожилым профессором. Он раньше в Академии наук работал, изучал альтернативные источники энергии. Сидим, значит, у меня дома, выпиваем культурно, а он мне вдруг и говорит: «Вы, – говорит, – человек бизнеса, то есть торговли, как я понимаю... В таком случае, не подскажите, где можно родину продать?» Я от таких разговоров опешил...

– Вот тебе и божий одуванчик! – заметил Гоблинович.

– И не говори! Я у него спрашиваю: «Как же это можно – родину продать? Она ведь вам не принадлежит! Хотя, если хорошенько задуматься... На границу, в Свободные Художники лететь надо. Или ещё дальше: там в галактике Серьёзные Щи есть империя Мундимора. Она вашу родину с удовольствием купит. У них, буржуев, ни стыда ни совести нет... Уж вы мне поверьте: я сам не первый год в бизнесе».

– Ну ты и чёрт! – рассмеялся Иннокентий.

– Ты послушай, что дальше было! Старикашка расплакался и давай мне на жизнь жаловаться: мол, затёрли его, бедолагу... «Я, – говорит, – великое открытие совершил, а они мне не верят! Это какой же переворот мог бы произойти, если бы они не отправили меня на пенсию, как какого-то марзматики! Недаром говорят: нет пророка в своём отечестве. Поэтому, голубчик, вся отечественная наука и сидит в глубокой заднице». Я спрашиваю: «А что за переворот? Какое открытие вы совершили?» И тут, Иннокентий, начинается самое интересное. Дедуля, вероятно, в сильном подпитии вы-

дал мне все свои козыри...

Понизив голос, Бабельянц поведал Гоблиновичу о том, что в течение последних лет пожилой учёный наблюдал за пищимухинскими лосями. Он обратил внимание на то, каким способом они летают. Академик выдвинул теорию, согласно которой в помёте этих животных содержались частицы «какионы». Они могли быть разновидностью тахионов, способных развивать огромные скорости. Учёный утверждал, что фекалии лосей можно использовать как ускоритель и сырьё для топлива.

Академик поделился своими мыслями с научным сообществом. Увы, он не встретил поддержки со стороны коллег: те в открытую подняли его на смех. Вскоре стало ясно, что никто не воспринимает исследования лосиного помёта всерьёз. Тогда профессор впал в глубокий эмоциональный кризис, откуда был только один выход – на пенсию.

– Старик от обиды совсем спятил, – продолжал рассказывать Бабельянц. – Всё твердил о каких-то иностранных шпионах, которым он загнал бы тайну лосиного помёта по сходной цене – назло отечественным скептикам... «Пускай, – говорит, – моё открытие лучше врагам достанется, чем умрёт в неизвестности! Потомки простят мне то, что между моралью и наукой я выбрал последнее...» А сам, бедняга пьяненький, слезами обливается...

– Да уж, – участливо вздохнул Гоблинович, – жаль деда: ополоумел под старость лет.

– Вот и я говорю, ополоумел! – живо согласился Бабельянц. – Ну кто, спрашивается, в пункте приёма стеклотары инопланетных агентов ищет? Да и потом: нельзя быть таким моралистом, когда пытаешься торговать научными разработками!

Изменившись в лице, Гоблинович уставился на старика.

– Я, – рассуждал Бабельянц, – вижу ситуацию таким образом. Зачем вообще нужны иностранные агенты, если можно без посредников загнать лосиный помёт лидеру какой-нибудь космической державы? Взять хотя бы императора Мундиморы – это же идеальный покупатель! Здесь, как и в любом бизнесе, понадобятся дополнительные издержки: корабль твоего племянника, топливо, алкоголь, элитные куртизанки и прочее...

Иннокентий дивился всё больше и больше. В начале беседы он лишь частично понимал, к чему клонит Бабельянц. Теперь же обрывки сложились в единую картину, которая поражала своей genialностью.

– Эх, и что бы он без меня делал – докторишка этот вшивенький? – рассуждал Бабельянц. – И где бы он без меня покупателей искал? Пусть ещё спасибо скажет, что я три процента от сделки ему предложил: можно было вообще не говорить, что я финансовый гений, а повернуть всё потихому и денежки прикарманить... Но, друг, хочешь не хочешь, а авторское право всё же блюсти приходится. Так что со старикашкой мы поделимся – если, конечно, он к тому времени

ещё не скопытится...

Гоблинович снова закурил.

– Даже не знаю, Матвеич, что тебе и ответить... – вздохнул он задумчиво. – Помню, как-то раз ты свои собственные фекалии под видом удобрений толкнуть пытался – это ещё куда ни шло... Но везти лосиные какахи мундиморийскому императору – такого размаха мысли я даже от тебя не ожидал!

Бабельянц и сам был не против поскорее забыть тот случай с фекалиями. Это почти удалось ему из-за склероза.

– Все неудачные операции давно в прошлом, – с достоинством ответил старик. – Мы, наконец, дождались своего Шанса!

– Толковый ты мужик, Матвеич, – произнёс Иннокентий, затягиваясь. – Только вот не везёт тебе почему-то. Может, карма плохая... Чистить не пробовал?

– У меня нет времени на твои разговоры! Вперёд, на встречу большому успеху!

– Ладно, ладно... докурю и пойдём, – примирительно буркнул Гоблинович. В конце концов, большой успех мог послужить ему пищей для размышлений.

Глава 2: Пацанские посиделки

Путь к большому успеху лежал через дворы старокозлиценской Махнушки. В течение многих лет она носила почётное звание самого криминального места в городе. Со временем Махнушка уступила свой гордый статус более молодым и дерзким районам. В одном из них жил племянник Гоблиновича. Несмотря на близость к историческому центру, на Махнушке до сих пор не построили трассу для передвижения воздушного транспорта. Асфальтированная дорога, по обочине которой шагали Бабельянц и Гоблинович, была местами разбита. Одноэтажные здания, обрамлённые зеленью, создавали атмосферу тихой, заброшенной провинциальности. День был погожий, и кое-где на специальных турникетах сушились простыни. Иногда ветер доносил из окон запах жареной картошки.

– Вот гляжу я на эти дома, – рассуждал Гоблинович, – и просто не верится, что наша высокоразвитая, технологически продвинутая раса давно уже космос покорила...

– Хех, – усмехнулся Бабельянц, – насчёт домов не знаю, а вот глядя на то, какие у нашей расы пенсии, в это действительно верится с трудом.

– Тебе-то чего жаловаться, пройдоха? – заметил Иннокентий. – Да и вообще, Матвеич... не в пенсиях величие народа, а в силе духа!

– Ага, – отозвался старик, – только этот «великий дух» нужно каким-то образом поддерживать в теле. А с маленькой пенсией это сложно.

– Ничего ты, старый жлоб, не понимаешь! Страдания возвышают, укрепляют, обогащают внутренний мир. В этом, наверное, и есть особая миссия нашей расы – сочетать в себе телесную нищету и духовное богатство...

– Мне, Иннокентий, от этого духовного богатства ни жарко, ни холодно, – признался Бабельянц. – Поэтому давай-ка провернём нашу аферу и получим денежки.

Вскоре пейзаж изменился. В какой-то момент уютная Махнушка перетекла в заводской спальный район, где совсем не было зелени. Дорогу обступали серые бетонные коробки, которые отличались друг от друга лишь неприличными надписями на стенах. В этой части города почти не ходил воздушный транспорт; лифт с выжженными кнопками, который должен был возить пассажиров на остановку аэротрассы, имел пожизненную табличку «Не работает».

– Я вот ещё что думаю, Иннокентий, – деловито произнёс Бабельянц, – не следует, наверное, рассказывать твоему племяннику обо всём сразу. Ну, знаешь, ни один великий стратег не раскрывает подчинённым все детали своего плана. Он выдаёт их постепенно, по мере выполнения тактических задач...

– Ты что же, – усмехнулся Гоблинович, – моему племяннику не доверяешь?

– В бизнесе, голубчик, доверие – вещь губительная. Здесь, как говорится, доверяй – но проверяй. А если твой племянник захочет нас «кинуть»? Возьмёт корабль – да и провернёт всё один. И не докажешь потом, что лосиные фекалии – наша идея. Это только мы, порядочные, выделили академику целых два с половиной процента от прибыли...

– Не два с половиной, а три.

– Вначале вообще было все пять – это я сторговался. И дело здесь не в процентах, а в том, что деловые люди нашего уровня должны защищать свои инвестиции от посторонних интервенций.

От неожиданности Гоблинович умолк. Ему было сложно воспринимать бизнес-термины с похмелья. Догадавшись, наконец, что к чему, он внезапно зашёлся громким смехом.

– Ты что, совсем дурак? – спросил Афанасий, нахмурившись. – Мы, по-твоему, шутки шутим?

– Матвейч, – хохотал Иннокентий, обнажая отсутствие нескольких зубов, – мой племянник и слов-то таких умных не выговорит, как твоя интервенция! Он максимум что умеет – это коммуникатор отжать у какого лоха на районе.

Чтобы срезать путь, друзья спустились в мелкий овраг, за которым начиналась промзона. Овраг был сильно загажен. По мере того, как он углублялся, на его склонах было всё меньше мусора, а в самом низу – там, куда никто не мог добраться – белели дикие цветы. Противоположный берег оврага прилегал к наземному шоссе; от него отходила ветка

в сторону заброшенной фабрики, которую теперь посещали разве что сталкеры бомжи. Заканчивался асфальт – и дорога переходила в насыпь из мелкого щебня, которая тянулась к гаражам.

– В который раз навещаю твоего племянника и всё удивляюсь: на кой чёрт ему понадобилось открывать автосервис в такой глуши? – проворчал Бабельянец, увязая в грунте.

– Не знаю, – пожал плечами Иннокентий. – Гараж по факту сестре моей принадлежит: купила, чтоб сын дурью не маялся. Говорит, пусть лучше копейку в дом принесёт, чем оболтусом на шее сидеть. А то будет как его дядька – алкаш безработный...

Автосервис носил креативное название «СТО Гараж Автозапчасти». Он находился на пустыре чуть поодаль от основной массы кооперативных строений. Племянник Гоблиновича Антоха работал здесь со своим другом Дюнделем. Друзья занимались ремонтом наземного транспорта; аренда участка обходилась дёшево. И пусть клиентов было немного, Антоха и Дюндель почти всегда оставались в плюсе. На районе ребят считали «владельцами автосервиса»; это помогало им клеить тёлоч.

Вечером гараж превращался в тусовочное место: Антоха и Дюндель устраивали возле гаража дискотеки и рэп-баттлы. Главным рэпером на районе был Дюндель: все друзья знали, что у него талант говорить под музыку. Тексты, которые Дюндель сочинял едва ли не на ходу, описывали суро-

вую жизнь реального бандита – несмотря на то, что знаковых бандитов у Дюнделя никогда не было. На районе высоко ценили его творчество. «Только такую музыку должен слушать нормальный пацан», – говорили друзья.

Рэп в Елдыринской Губернии был очень популярен. Существовали две группировки рэперов: «гламурные подонки» и «реальные пацанчики». Несмотря на то, что они почти ничем не отличались друг от друга, группировки враждовали – только потому, что понты «гламурных подонков» стоили чуть-чуть дороже. «Нормальные пацаны» завидовали «мажорам», а те презирали чернь. В основном елдыринские рэперы читали о своих гениталиях. Как только рэпер приходил к успеху, он тут же переставал считаться андеграундом. Переходя в группу «мажоров», перебежчик, как правило, становился кумиром девочек до десяти лет. Женщин в этой культуре не было: считалось, что форма их гениталий недостаточно крута и сурова. Впрочем, девушки могли выступать как атрибут статусного мачо.

Дюндель относил себя к «дворовым ребятам». Он писал настоящий, тяжело выстраданный рэп о том, как нелегко живётся реальному гангста (который в глубине души нормальный пацан). Главной проблемой реального гангста было то, что люди отказывались воспринимать его как реального гангста. Мечтая о большой сцене, Дюндель вкладывал душу в творчество. Слово Золушка, он верил, что его мечты сбываются. При этом Дюндель знал: добившись успеха, он наве-

гда останется верен идеалам своей юности и баночному пиву «Саня Бумер».

Подходя к гаражу, Бабельянц и Гоблинович заметили, что металлическая дверь приоткрыта и подперта шиной. «Значит, хозяева где-то неподалёку», – подумал Гоблинович. Следы на песке говорили о том, что колёса какого-нибудь клиентского «Трахмана» побывали здесь как минимум пару дней назад. В высокой траве что-то застрекотало и тут же затихло. Возможно, местная фауна испугалась алкашей, не желая стать закуской. Прямо за гаражом начинался необъятный, первобытный пустырь, отграниченный от густо-синего неба ровной линией горизонта.

Приблизившись, Иннокентий остановился, рассматривая вывеску. Новенькая и яркая, она выделялась на фоне облезлых стен. Матвеич, который плёлся сзади, использовал эту паузу, чтобы отдышаться. Из гаража доносились обрывки разговора. Антоха и Дюндель, по всей вероятности, были внутри.

– ...чѐ-т стремновато в этот раз получилось... – услышал Иннокентий, аккуратно переступая через шину. – Могли ведь местные видеть или ещё кто...

– Не нагнетай, – прозвучало в ответ, и теперь стало понятно, что говорит именно Антоха. – Дяди полицейские такими вещами даже не занимаются: у них дела об отжатых коммуникаторах годами лежат...

– Здорово, мужики! – воскликнул Иннокентий.

Гараж был освещён всего несколькими лампочками. Это помогало экономить и создавало нужную атмосферу. На диване в углу курили Антоха и Дюндель. Перед ними стояли мясные консервы, хлеб и несколько банок «Сани Бумера». Жестянка из-под дешёвой икры служила пепельницей и была переполнена. Диван был предназначен для отдыха клиентов, но чаще ребята сидели там сами. Глядя на них, Гоблинович подумал, что не хватало бы карточной колоды и пары пистолетов. Здесь же, на двухстоечном подъёмнике, располагалась чья-то «ласточка».

– Здорово, дядь Кеша, – удивлённо произнёс Антоха. – Неожиданно, однако, ты нарисовался...

Антоха – долговзый блондин с волевым подбородком и прямой линией носа. На районе он считался завидным парнем: привлекательная внешность, статус хозяина автосервиса и стиль поведения доминирующего примата делали его объектом девичьих мечтаний. «Слышь, у тебя лицо и таз ничего такие», – говорил он любой девке. Антоха был настоящий мастер подката. Темноволосый и полноватый Дюндель едва доходил ему до плеч. У Дюнделя были большие ясные глаза и приятные черты, однако на фоне красавца друга он казался неприметным толстяком. Ребята дружили с самого детства.

В молодости мать Антохи работала на заводе по производству цветной газировки «Убейсобака». Там она и познакомилась с будущим мужем. Расписались они только потому, что

должен был родиться Антоха. Условия на заводе были почти такие же, как в лаборатории по изготовлению химического оружия – поэтому новоиспечённая супруга ушла в декрет на ранних сроках беременности. Имея единственного кормильца, семья нуждалась. Иногда кормилец заначивал зарплату и тратил её на посиделки с друзьями: «Молодой, погулять охота...» Отношения между супругами охладели; как только Антоха пошёл в детский сад, его мать устроилась на рынок продавать овощи-фрукты. Обвешивая покупателей, она стала приносить оттуда неплохие деньги. А поскольку баба, по всем законам природы, не имеет права зарабатывать больше мужа, уязвлённый отец Антохи запил ещё сильнее. Вскоре жена выгнала его из дома. «Сама виновата, – говорили соседи. – Не сохранила семью. Кому такая баба нужна, которая больше мужика приносит? А полы, небось, не мыты!»

Антоха был главным хулиганом школы. С малых лет он доставлял матери неприятности. Хотя, с точки зрения бытовой елдыринской морали, неприятностями это не считалось: именно хулиганом и должен был расти «нормальный пацан». Однако постоянные вызовы в школу изнуряли несчастную женщину, и Антохе постоянно «прилетало» от сердитой маман. Ей пришлось постараться, чтобы сын хоть как-то закончил школу. После серьёзного разговора с матерью Антоха поступил учиться на автослесаря. «Иначе будешь как твой папаша-идиот», – угрожала мать. Выучившись, он получил от неё в подарок тот самый гараж, где они с Дюндедем и

устроили автосервис.

– Здравсте, Афанасий Матвеич! – поздоровался Антоха, завидев Бабельянца.

– Здравсте, здравсте... – откликнулся дед, пробираясь в полумраке и устало кряхтя. – Давненько не виделись...

Дюндель тоже поздоровался. К Бабельянцу ребята относились иронично-снисходительно. Чудаковатый старик выделял нелепые штуки, и это было весело. Несмотря на то, что Бабельянца и Гоблиновича постоянно приходилось чем-то угощать, в гараже были рады их приходу. За интересные разговоры и уморительные выходки не жаль было никакого пива.

– Мы это... – произнёс Иннокентий, растерянно почесав затылок. – Здесь, в общем-то, мимо проходили... Решили вот зайти, поздороваться...

– Так уж и поздороваться! – усмехнулся Антоха. – Тебе просто опохмелиться нечем.

– Ну, может, и нечем, – рассудил Гоблинович. – Ты что, родному дядьке опохмелиться не дашь?

– Эх, дядь Кеша! – воскликнул Антоха. – Пьянь ты беспросветная, а не человек! Мог бы, между прочим, когда-нибудь и нам с Дюндедем пузырь притащить... А то всегда только мы наливаем... Хотел бы и я иметь такого племянничка!

– А ты детей заведи, – посоветовал Гоблинович. – Они тебе ещё быстрее нальют. Хотя немного подождать, наверное,

всё-таки придётся.

Все, кто находился в гараже, закатились громким хохотом.

– Не слушай его, Антоха, – возразил Бабельянц, – детей только ради стакана воды перед смертью заводят. А племянники для того и нужны, чтоб чего покрепче наливать.

– Ах вы старые циники! – беззлобно произнёс Антоха. – Чего стоите? Проходите уже за стол!

Усевшись на диван, Бабельянц и Гоблинович получили по банке «Сани Бумера». Антоха расщедрился и прибавил к закуске банку морского болельщика. Дюндель припас её на особый случай; он пробовал было возмутиться, но Антоха объяснил ему, что быть жлобом не по-пацански. Товарищи выпили.

– К слову о семейных ценностях, – проговорил Гоблинович, – а как твоя мать поживает?

– Нормально поживает, – бодро ответил Антоха. – Ты это... сам бы к нам зашёл.

Иннокентий криво усмехнулся.

– Я б зашёл, – сказал он многозначительно, – да мне там не рады...

– Ещё как рады! – возразил Антоха. – Маманя всегда говорит: мол, хорошо, что этот забулдыга нигде под забором ещё не окошел... Беспокоится, значит.

– На похороны денег жалеет? – спросил Гоблинович.

Бабельянц захихикал. Дюндель продолжал тянуть пиво,

бессмысленно хлопая глазами.

– Ты, дядь Кеша, идиота не включай, – серьёзно произнёс Антоха. – Я тебя как человека прошу: зайди маманю проведать...

Отношения Гоблиновича с сестрой уже много лет были натянутыми: она совсем не жаловала его вредные привычки. И всё же, несмотря на разногласия, родственники общались. Иногда мать Антохи просила Иннокентия о мелких услугах: перетащить диван, помочь с сантехникой... Он брал у неё в долг, если приходилось туго. Когда Антоха был маленький, Гоблинович водил его на прогулки. Иногда одинокой женщине нужно было свободное время: каждый заслуживает праздник посреди серых будней... Тогда Гоблинович оставался с ребёнком, чтобы утром собрать его в школу.

Шли годы; Иннокентий всё глубже увязал в трясине алкоголизма и безработицы. Каждый раз, когда он навещался к сестре, она ругала его за пьянство и неопрятность. Эти попытки наставить его на путь истинный оборачивались скандалами. В конце концов Гоблинович и вовсе перестал с ней видеться.

– Ты, Антоха, не быкуй, – спокойно сказал Иннокентий. – Зачем в бутылку лезешь? Твою маман лучше навещать в трезвом виде, а со мной такого не случается. Да и в гости с пустыми руками не ходят... А я, как всегда, временно безработный.

Наслаждаясь угощениями, Бабельянц не забывал следить

за ходом беседы. Сцены семейной жизни мало интересовали старика. Он только и ждал подходящего момента, чтобы обсудить дела. Когда, наконец, наступила пауза, Афанасий загадочно проговорил:

– Кстати, для тех, кто хочет поправить финансы... Есть у меня одна довольно чистая работёнка...

Здесь он умолк, желая внести элемент интриги. Антоха и Дюндель уставились на него – и тут же закатились обидным, уничижительным смехом.

– С Вами, дед Афанасий, «чистых» работёнок не бывает, – произнёс Антоха. – То на помойку Вас вывези, то ещё чего похлеще придумаете... Помнишь, Дюндель, как они с дядь Кешей фекалии продавать пытались?

– Ага, было дело, – смеясь, отозвался рэпер. – Фекалии-химикалии!

– Я только помогал продавать, – буркнул Гоблинович.

– Ребята, ну что Вы как маленькие? – примирительно сказал Бабельянц. – Это ведь бизнес. Не важно, чем торговать – хоть говном, хоть цветочками. Главное – чтобы доход приносило. А это дельце – так и быть, открою вам коммерческую тайну – должно принести немалые барыши. И я готов ими поделиться, если, вы окажете мне небольшую услугу...

Звучало довольно заманчиво. Однако ребята не спешили обольщаться. Они уже много раз помогали деду с его безумными затеями – и всегда оставались без денег. Так получилось вовсе не потому, что у Бабельянца не было сове-

сти. Просто ни одно из предприятий себя не окупило, и на провальном деле не зарабатывал никто. Впрочем, ребята и сами знали, что вряд ли обогатятся на поношенной обуви. Они всегда участвовали, что называется, «по приколу». Увы, «приколы» стоили денег на топливо. Каждый раз подсчитывая убытки, ребята договаривались больше не соглашаться на предложения деда.

– Знаем мы, Афанасий Матвеич, ваши «прибыльные дела», – заявил Антоха. – Опять какое-нибудь кидалово...

– Да что ты такое говоришь?! – возмутился Бабельянц. – Когда я тебя обманывал?!

– Всегда вы меня обманывали. Скажи, Дюндель?

– Точно, – подтвердил рэпер. – Вы, дед Афанасий, тот ещё кидала.

– Ребята, ребята, ну всякие ведь бывают обстоятельства! – воскликнул Бабельянц. – Вы оба помните, что в прошлый раз я был невиновен... Кто знал, что хозяин свёклогусей найдёт меня так быстро? А я ведь уже почти научил их танцевать эротический буги-вуги! Хорошо ещё, что нас просто побили... А могли в полицию заявить.

– Да уж, – вздохнул Антоха. – И зачем, спрашивается, мы с Дюндедем в это ввязались?

– Ничего! – воскликнул Бабельянц. – Все неприятности позади! Обещаю: если в этот раз вы поможете нам добраться на Пищимуху, то я верну вам все долги, которые за мной водятся... Ну, что скажете?

После упоминания полиции Антоха помрачнел. Все, кто находился за столом, притихли.

– Так и быть, – произнёс он, многозначительно покосившись на Дюнделя, – поможем вам с дядей Кешей! Только, Афанасий Матвейч, кроме оплаты, есть у нас ещё одно условие...

– Какое такое условие? – насторожился Бабельянц.

Дюндель смотрел на Антоху, растерянно хлопая глазами.

– Условие, Афанасий Матвейч, такое, – медленно проговорил Антоха. – Если завтра к вам придёт полицейский, вы скажете, что на Пищимуху мы вас возили не сегодня днём, а, допустим, вчера вечером.

В воздухе повисла неудобная пауза. Соображая, Бабельянц переводил взгляд с Антохи на Гоблиновича. Тот печально вздохнул и потянулся за сигаретами.

– Не знаю даже, что и сказать, – усмехнулся Бабельянц. – Наверное, надо соглашаться...

– Мать узнает – прибьёт, – констатировал Гоблинович, закуривая. Антоха молчал, боясь посмотреть ему в глаза.

С отлётом решили не тянуть. Ребята хотели сделать так, чтобы к приходу участкового корабль оставался на месте, а следы путешествия не выглядели свежими.

Готовясь к старту, Антоха активировал приборную панель и системы жизнеобеспечения. Дюндель отодвинул шину внутрь гаража и принялся плотно задраивать вход. Необходимо было упаковать газонепроницаемый рукав по конту-

ру специальной выемки, чтобы обеспечить герметизацию. У гаража совсем не было окон. Вместо них на внешнем корпусе располагались камеры, изображение от которых выводилось на мониторы приборной панели. Вывески «СТО Гараж Автозапчасти» и «Покраска Авто Недорого» тоже были несгораемыми элементами обшивки. Рядом с гостевой зоной находилась дверь в аппаратный отсек. Снаружи отсек выглядел небольшой пристройкой. Двигатели, баки с горючим и ёмкости с окислителем были расположены под кабиной. Если гараж садился на неустойчивую поверхность, они оказывались на уровне подвального помещения.

Для того, чтобы выводить свои корабли на орбиту, елдыринцы использовали оксигуркуль – дешёвое топливо первой ступени. Оно имело высокий удельный импульс. Когда аппарат оказывался в открытом космосе, необходимо было сделать полёт комфортным и управляемым. В этом помогал перзюзий акакия. На полу посреди кабины располагались шлюзы для заполнения топливных баков. Они работали так, что члены экипажа могли добавлять туда перзюзий прямо во время полёта. Это был простейший космический корабль. Хозяева более совершенных моделей не считали его за транспорт, однако на мегарынок в соседнюю звёздную систему Антоха и Дюндель добирались без проблем.

Когда все приготовления были окончены, ребята установили курс на Пищимуху. «Поехали!» – буднично сказал Антоха, и летающий гараж стремительно поднялся в воздух,

оставляя за собой искромётный, дымящийся след на фоне яркого неба.

Глава 3: Путешествие на Пищимуху

Дорога на Пищимуху составляла триста восемьдесят эклов. Привычный к музыке в пути, Дюндель врубил прикольный рэпчик. Из динамика доносилось ритмичное описание огромного фаллоса, и его обладатель никак не мог разместить это счастье в своей «бэхе». Дюндель блаженно кивал в такт композиции. Всякий раз, когда слово «тачка» рифмовалось со словом «сучка», он ощущал наслаждение соразмерностью.

Молчали каждый о своём. Пряча неловкость перед Гоблиновичем, Антоха не отходил от мониторов. Бабельянц дремал, развалившись на диване. Должно быть, ему снились элитные куртизанки. Старик явно не мог решить, чем бы с ними заняться: вот уже много лет он был импотентом.

– Кстати, Афанасий Матвейч, – внезапно спросил Антоха, – а для чего вы опять на Пищимуху летите? Клад искать собрались?

Дюндель хихикнул: шутка показалась ему вполне забавной. Различив своё имя сквозь дремоту, Бабельянц вздрогнул. Понимая, что вопрос Антохи ему невыгоден, старик предпочёл казаться спящим.

– Дрыхнет Матвейч, – пояснил Дюндель. – От пива, видать, размяк...

Зажмурившись, Бабельянц представлял себе множество

стаканов коньяка с лимонными дольками. Считая их, он вновь попытался уснуть, однако времени на отдых уже не было. Корабль вошёл в атмосферу Пищимухи, и оставалось лишь найти комфортное место для приземления. Это мог быть остов чего-то огромного или плато на одном из склонов пищимухинских гор.

«Пищимухинскими горами» назывались огромные свалки мусора. Даже взгорья самой Кривоцицы могли бы им позавидовать. «Велик и могуч елдыринский разум! – любил говорить Иннокентий. – Загадать то, что природа создавала многие эры – вот это мощь человеческого интеллекта!»

Посадка прошла удачно. Описав несколько кругов над поверхностью Пищимухи, гараж отыскал себе приличную равнину. С одной стороны от неё находилось поле бытового мусора, с другой – длинная гряда промышленных отходов.

– Приехали, – объявил Антоха. – Можете идти, собирать свои... Кстати, Афанасий Матвеич, вы мне так и не сказали, что вообще здесь хотите.

– Да вот, лосиные какахи идём искать, – проговорил Бабельянц, хитро улыбаясь. Пройдоха знал, что фразу воспримут как шутку и оказался прав: Дюндель тотчас же закатился громким смехом. Антоха с достоинством ухмылялся, приговаривая что-то вроде «Ну дед, ну приколист...»

– Что значит «идём»? – спросил Гоблинович. – Снова потянешь меня за собой? На твои, Матвеич, вылазки никакого остаточного алкоголя в крови не хватит!

Атмосфера Пищимухи была насыщена ядовитыми газами. Обычно гуманоиды не решались покинуть свой корабль без костюма химзащиты. Однако настоящие мужики говорили, что все эти прибаамбасы только для маменькиных зануд. Достаточно лишь выпить сорокоградусной – и вот уже бравый елдыринец готов хоть с рептилоидами сражаться, хоть в радиоактивную шахту прыгать. В народе ходило мнение, что алкоголь защитит от любой напасти. Бабельянц и Гоблинович хотели бы этому верить.

– Мне нужна твоя помощь, Иннокентий, – деловито произнёс Бабельянц. – Кто потащит моё тело, если по дороге меня вдруг схватит радикулит?

– Давай хоть респираторы с собой возьмём, – предложил Гоблинович. – Может, они и впрямь от чего-нибудь защитят...

– Хе, – лукаво усмехнулся старик, – из нас двоих у тебя гораздо меньше поводов об этом беспокоиться!

– Брось, Матвеич, своё кокетство. Все знают, что мы с тобой одинаково проспиртованы. А ты, дед, ещё и на мумию смахиваешь.

Какахи планировали собирать в коробку из-под обуви. Хозяйственный Бабельянц снабдил её ремнями, чтобы носить за спиной. К ней прилагались лыжные палки – по одной на каждого елдыринца, а также совок и два респиратора. Елдыринцы надели утяжеляющие жилеты и ботинки, чтобы легче двигаться в условиях низкой гравитации. Когда друзья

были готовы, Дюндель открыл им дверь – и вот уже пахнуло внутрь гаража дивным дыханием огромной свалки.

– Закрывай, закрывай скорее! – прокричал Антоха, как только Бабельянец и Гоблинович исчезли в проёме.

Это была равнина. Перед путниками простиралось разноцветное поле, которое незаметно переходило в белёсые холмы.

– Матвеич, а ты не боишься на лосей нарваться? – спросил Иннокентий через респиратор. – Они, говорят, здоровые...

– Сколько раз мы здесь бывали – и ни разу не нарвались, – беззаботно отозвался Бабельянец. – Их ведь не кишмя кишит... Если что – замаскируемся под мусор!

– А мы с тобой и есть биомусор, – усмехнулся Иннокентий.

Холмы, которые сперва казались такими близкими, теперь будто бы отдалялись. Запах местных испарений, который проникал даже через респираторы, пополнился новыми нотками. Опираясь на лыжные палки и увязая в трясине из отходов, елдыринцы просто двигались вперёд – к истокам своего непомерного богатства.

– Интересно, – рассуждал Гоблинович, – а как выглядят эти самые какахи? Мы, получается, даже не знаем, что ищем.

– Какахи должны выглядеть как какахи, – заявил Бабельянец. – Что-что, а фекалии всегда определишь!

Иннокентий хотел было пошутить, что многие люди до сих пор не научились определять фекалии: иногда они при-

нимают их за кино и музыку. Внезапно поднялся ветер. Елдыринцев чуть не сбило с ног, и им пришлось отступить на несколько шагов. Друзья остановились, чтобы переждать особый разгул стихии. Бабельянец укутался в свой бежевый плащ и присел на корточки. Гоблинович, натянув на уши воротник, плотно зажмурил глаза и отвернулся. Сквозь шум он различал, как поднимаются в воздух огромные куски картона. Иногда ему в спину попадали мелкие предметы. «Интересно, а как переживают бурю космические лоси? – думал Гоблинович, изредка осмеливаясь приоткрыть один глаз. – Прячутся в низинах или, напротив, поднимаются над потоками воздуха? Это же настоящий зоологический триумф – такие вот универсальные животные!»

Буря утихла так же внезапно, как и началась. Теперь путники брели под «снегопадом» из оседающих пластиковых пакетов. Оба старательно смотрели под ноги: вдруг им попадётся то, что они ищут?

– Смотри-ка, здесь и приодеться можно! – воскликнул Бабельянец, заметив неподалёку прямое женское пальто. – Почти новое! Нужно организовать сюда шоппинг-туры...

– Пойдём, на обратном пути заберёшь, – угрюмо произнёс Гоблинович. – И вообще, Антоха запретил тебе таскать на борт всякое хламьё.

– Кому хламьё, а кому – полезная вещь, – проговорил Бабельянец, натягивая на себя обновку. – Пахнет, конечно, не цветочками, зато сидит идеально!

Застегнувшись на все пуговицы, престарелый модник принялся разглядывать себя. Пальто было тёмно-синее, потёртое, максимального размера из возможных. «Ни одной дырки!» – восхищался Бабельянц. Единственным недостатком было застывшее пятно на боку.

– Ну и вонь, – заметил Гоблинович.

– Ничего, отстирается! – отозвался старик.

Иннокентий подошёл ближе и пригляделся.

– По-моему, это какая-то моча, – озадаченно произнёс он. – Снял бы ты эту дрянь...

– Деревня, – огрызнулся Бабельянц. – Ты просто завидуешь, что я первым его увидел.

Иннокентий устало вздохнул: спорить с дедом было бесполезно. Он собрался уже идти дальше, как внезапно заметил у себя под ногами подозрительную субстанцию. Остановившись, он исследовал её острым концом своей палки.

– Слышь, Матвеич, может, это какахи? – спросил Иннокентий у деда.

– Нет, это точно не они, – авторитетно заявил Бабельянц, приглядевшись. – Уж ты мне поверь: я жизнь прожил!

– Я понимаю, что жизнь... просто здесь всё выглядит, как какахи лосей. Так и запутаться недолго...

Наконец, друзья оказались на вершине холма. Оттуда открывался вид на живописную долину. Судя по следам, там недавно стоял грузовой космический корабль. Это мог быть мусоровоз или частный аппарат каких-нибудь «старателей».

Многие жители Кривоцицы промышляли тем, что добывали цветные металлы из выброшенных на помойку электроприборов. Где-то вдалеке виднелись мудрёные мозаики из мусора: холмы чередовались с низинами. Иногда сильный ветер создавал барханы из картона и пластика.

– Ух ты, здесь и речка имеется! – проговорил Иннокентий, указывая на тонкий мутный ручеёк на дне впадины.

– Ага, речка! – обрадовался Бабельянц. – Речка – это хорошо! Речка – это то, что надо!

Гоблинович удивлённо посмотрел на друга, опасаясь, не свихнулся ли старый.

– Ты чему это, дед, так радуешься? – подозрительно спросил он. – Пить из неё, что ль, собрался?

– Где есть речка – там обычно много лосиного помёта! – объяснил Бабельянц. – Это мне учёный сказал. Пойдём вдоль русла – только внимательно смотри под ноги!

С этими словами старик живо потрусил по склону мусорного пригорка. Его напарник, едва поспевая за ним, плёлся где-то сзади. Внезапно Бабельянц остановился и резко отпрянул назад.

– Ты чего? – успел было удивиться Гоблинович, как вдруг Бабельянц мгновенно упал на живот и заговорил испуганным шёпотом:

– Лоси, лоси! Маскируемся под мусор!

Недолго думая, Иннокентий бросился на четвереньки. Следуя примеру товарища, он начал быстро закапываться в

отбросы. Лосей было не видать, но, судя по всему, животные находились в низине под холмами. «Если заметят – могут напасть», – лихорадочно думал Иннокентий. Устроившись в мусоре и едва дыша, он принялся следить за Бабельянцем. Старик находился впереди и мог наблюдать за лосями. Краем глаза Иннокентий заметил сбоку от себя нечто, похожее на сухие экскременты. Вытянув голову, он различил вдалеке огромное бурое животное с массивными рогами. Зверь настороженно принюхивался и смотрел по сторонам. Проклинавая своё любопытство, Гоблинович вплотную притиснулся к поверхности отходов. Респиратор сполз на бок. Запах, к которому Иннокентий уже привык, внезапно стал выразительнее.

– Вот и выйди на такого с одной лыжной палкой, – чуть слышно бормотал дед. – Убьют нас эти твари – и плакали наши денежки...

– Засунь ты себе в задницу свою лыжную палку! – тихо сказал Гоблинович, боясь, как бы старик не вытворил ничего безумного. – Такого не то, что палкой – из ружья не уложишь.

Даже издали было понятно, что в холке зверь намного выше, чем Бабельянец или Гоблинович. Тело животного покрывала плотная, густая шерсть, на спине проступали зачатки крыльев. Лоси имели длинные конечности и широкие копыта – чтобы легче было передвигаться по горам отходов. На груди был кислородный пузырь, с помощью которого лось

мог инкапсулировать морду в безвоздушном пространстве. Раскидистые рога имелись даже у самок. Это были истинные хозяева Пищимухи – прекрасные, величественные создания, которые посмели бросить вызов техногенной цивилизации.

Друзьям оставалось только ждать, когда лоси уйдут в другое место. Так, притаившись в засаде, Бабельянц и Гоблинович провели немало времени. «Интересно, – рассуждал Иннокентий, – а если Антоха и Дюндель улетят без нас, то как мы с Матвеичем здесь выживем?» Елдыринец невольно представил себе жизнь на Пищимухе. Как ни странно, он совсем не испугался. «Всё, вроде, есть – почти как дома. Иногда здесь даже продукты питания утилизируют... Одна беда – лоси. И выпить нечего. Нормальный человек в здравом уме алкоголь на помойку не выбросит... А без него, как ни крути, плохие из нас робинзоны...»

– Уходят, уходят! – возбуждённо проговорил Бабельянц. Иннокентий мгновенно опомнился.

– Матвеич, – произнёс он как можно тише, – здесь возле меня какие-то фекалии... Наберём их в коробку и свалим отсюда к чертям собачьим, да поживее.

Аккуратно двигаясь, Бабельянц снял коробку с плеч. Ползая на животе и поднимаясь на локти, друзья торопливо складывали своё сокровище в картонную тару. Совок присвоил Матвеич; Иннокентию приходилось работать голыми руками. Когда коробка почти наполнилась, Бабельянц внимательно посмотрел туда, где ранее он видел животных.

– Порядок, – сказал старик, – эти твари далеко ушли.

К вершине холма добирались ползком, как военные разведчики в тылу врага. Когда же пик был пройден, друзья подумали, что лоси уже их не увидят. Оба, словно по команде, поднялись и побежали. Хотя сложно назвать бегом неловкое, затруднённое движение сквозь зыбучую трясину мусора.

Тем временем друзья остановились отдышаться. Бабельянец, громко охая, держался за спину: абсолютно не вовремя дал знать о себе его давний радикулит.

– А чтоб меня трансгрессия... – стонал несчастный старик. – Помру я здесь – и всё, конец мечтам! Не дождутся меня элитные куртизанки...

– Держись, Матвеич! – говорил Иннокентий, забирая у Бабельянца коробку с экскрементами. – Потерпи: немного уже осталось... Если хочешь, пойдём помедленнее. Нас наверняка никто не пресле...

Внезапно голос Иннокентия оборвался. Вдали, темнея на фоне пластиковых нагромождений, показалась фигура космического лося. В голове Иннокентия возникла единственная мысль – спасти свою шкуру.

– Матвеич, там лось! – оголтело заорал Иннокентий. – Бежим!

Бабельянец, который в это время сгорбленно стоял, мгновенно выпрямился, будто бы ошпаренный кипятком. Вытаращив глаза, он в ужасе уставился туда, куда смотрел его товарищ. Рогатая угроза неумолимо приближалась, опустив

голову и отталкиваясь от поверхности всеми копытами.

– Да чтоб тебя! – выругался Бабельянц и, преодолевая невыносимую боль, сделал судорожное движение вперёд.

Гоблинович хотел было посадить его себе на спину, однако чуть не упал, накренившись под весом старика. Отбросив лыжную палку, Бабельянц изо всех сил двинулся вперёд. Елдыринцы знали: до корабля необходимо было добраться как можно быстрее – иначе мусорная свалка станет их могилой.

Вдалеке, словно спасительный маяк, показался гараж. Оборачиваясь, Иннокентий видел, что лось приближается. «Догонит нас эта махина, если не поддадим», – судорожно думал елдыринец. Иннокентий догадывался, что лося мог привлечь запах мочи: возможно, пальто пометил его конкурент. Сильно вспотевший, Бабельянц находился на пределе своих сил. Тяжело дыша и спотыкаясь, он начал отставать.

– Матвеич! – крикнул Иннокентий. – Сними тулуп!

Приостановившись, Бабельянц начал расстёгиваться. Иннокентий подскочил к нему сзади, взял пальто за воротник и, когда руки старика были свободны, отбросил его прочь. До гаража оставалось совсем немного – последний рывок. Боясь увидеть лося прямо за собой, Иннокентий снова обернулся – и внезапно ощутил радостное облегчение. Животное больше не гналось за елдыринцами, а стояло на месте, обнюхивая какой-то предмет.

Времени на разговоры не было. Оказавшись у цели, друзья принялись бешено колотить в дверь гаража и звать на по-

мощь. Они слышали неторопливые шаги за дверь: флегматичный Дюндель спокойно разблокировал выход. Как только дверь была открыта, елдыринцы оголтело бросились внутрь корабля.

– Вы чего это? – спросил Дюндель, хлопая глазами.

– Мать его за ногу! – вопил, задыхаясь, Бабельянц. – Слава преподобной Авдотье Титечкиной!

– Ребята, – сказал Иннокентий, всё ещё не в силах прийти в себя, – там снаружи огромный лось. Мы едва ушли от него... думали, не вернёмся.

Антоха, который до этого отдыхал на диване, мгновенно вскочил на ноги.

– Едрит-адгидрид, – с ужасом проговорил он, – если эта штука пробьёт обшивку – нам конец... Дюндель, включай скорее внешние камеры!

Тем временем Дюндель уже успел задраить выход. Антоха бросился в кладовую и схватил ёмкость с куркулем. Во время старта куркуль соединится с жидким кислородом, образуя оксикуркуль, и выведет корабль на орбиту Пищимухи.

– Дядь Кеша, помоги открыть бак! – попросил Антоха, держа канистру обеими руками.

– Лось приближается... – в испуге произнёс Дюндель, глядя на мониторы внешних камер. – Ягодицын шмаровоз, они ж так быстро летают!

Обернувшись, Гоблинович увидел на мониторе лося: высунув язык, он мчался прямо по направлению к кораблю.

На рогах у животного красовалось то самое пальто, которое они с Бабельянцем выбросили во время бега. Торопливо опустившись на корточки, Иннокентий с усилием открутил крышку люка в полу. Антоха, сняв защитку, наполнил бак горючей жидкостью.

– Заводи машину! – крикнул он Дюнделю, который находился у приборной панели. Тот, опустив рычаг, активировал механизм старта. Компоненты горючего первой ступени соединились в ёмкости двигателя. Гараж, словно пробка от гигантской бутылки шампанского, срыву двинулся вверх. Ещё немного – и поверхность неприветливой планеты была далеко.

– Амбивалентная капуста! – облегчённо воскликнул Бабельянец. – Слава Остапу Шаромыжникову и Кисе – проповеднику его!

– Это, что ли, мы с тобой? – усмехнулся Гоблинович. – Ты только и бредишь какими-то архаическими божествами!

– Вы с каких пор такой религиозный? – шутливо спросил Антоха. Он будто уже и забыл о пережитом приключении.

– А ты попробуй от лося пешком удрать – вообще фанатиком станешь, – отозвался старик. Боль, которая отступила на фоне опасности, начинала понемногу возвращаться.

Внезапно елдыринцы почувствовали, что тяга корабля заметно снизилась. Самодовольная ухмылка живо исчезла с лица Антохи. Оказавшись у приборной панели, он проверил параметры. Уровень топлива второй ступени был нулевым.

– Нужно подсыпать перзюзия, – сказал Антоха, открывая люк.

Дюндель отправился в кладовую за мерником горючего, однако вернулся с пустыми руками.

– Закончилось, – пожал плечами рэпер. – Последнее было в баке.

– Какого...?! – произнёс Антоха, в ужасе уставившись на Дюнделя. Тот, как ни в чём ни бывало, пялился в ответ.

Над кабиной воцарилось гробовое молчание. Иннокентий, который уж было поверил, что все невзгоды закончились, в испуге посмотрел на племянника. Гараж, покинув атмосферу Пищимухи, стал очень медленно перемещаться параллельно её экватору.

– Придурок ты, – раздражённо проговорил Антоха, – где сука, горючее?!

– А я откуда знаю? – невозмутимо отозвался Дюндель. – Чуть что – сразу я виноват...

– Ты идиота не включай! Оно, по-твоему, что, испарилось?!

– Может, и испарилось. А ещё Корявый на прошлой неделе заходил – я и ему одолжил немного...

Антоха опешил – и спина его покрылась холодным потом. Он вспомнил, как на прошлой неделе тоже отсыпал Корявому пол-ящика твердокристаллического перзюзия. Понемногу паззлы выстроились в единую картину. Тем временем, гараж застрял над поверхностью враждебной планеты. «При-

дётся службу спасения звать, – с досадой думал Антоха. – Всё алиби коту под хвост».

– Матвейч! – окликнул он старика. – Вы, короче, скажете, что мы вас и вчера, и сегодня возили...

– Ребята, – тихо произнёс Иннокентий, кивая на монитор. – Гляньте-ка, что у нас прямо по курсу...

Обернувшись, Антоха и Дюндель так и обмерли. Старик выругался. Перебирая длинными конечностями, к гаражу подлетал тот самый лось, от которого елдыринцы, казалось бы, удрали. Животное двигалось за счёт собственных газов.

– Да чтоб тебя плющило! – внезапно воскликнул Бабельянц. – Иннокентий, коробка, коробка!

С этими словами старик поднялся, опираясь о стенку дивана. Потянувшись, он схватил коробку с фекалиями и в несколько рывков оказался у крышки второго люка. Винт, который до этого открутил Антоха, легко поддался усилию. Откинув защитку, Бабельянц высыпал в бак около трети содержимого коробки. После этого он закрутил вентили и беспомощно осел, пытаясь отдышаться.

– Ты что творишь?! – заорал Антоха, опомнившись.

– Включай, включай! – с одышкой проговорил Бабельянц. – Заводи эту дуру!

Антоха продолжал стоять как вкопанный, поражённо глядя на старика. Гоблинович видел, как приближается огромный лось. Внезапно он посмотрел животному в глаза – и ощутил странную тревогу: на него будто смотрела сама Веч-

ная Пустота, которая вдруг обрела сознание... «Что ты такое?!» – пронеслось в голове у Гоблиновича. Корабль, друзья и он сам представились ему как бы со стороны – так, словно он спокойно наблюдал мизансцену из-за кулис.

– Не думай – делай! – заорал Бабельянец и тут же застонал от боли: будь он в состоянии добраться до рычага, то сделал бы всё сам.

Внезапно Дюндель, очутившись возле Антохи, взялся за рычаг. Ни встретив ни малейшего сопротивления, он повернул его вниз. «Ну и ну! – ошарашенно подумал Гоблинович. – Он, видать, вообще не думает». Теперь ему было ясно, почему незамысловатые натуры больше склонны к действию. Излишние раздумья только сдерживают неизбежный ход вещей.

Сначала всё оставалось так, как и было. Внезапно гараж начало трясти: энергия, выделившаяся во время реакции первой ступени, активировала «какионы» – частицы в фекалиях лосей, открытые профессором. Поддавшись чудовищной тяге, корабль сорвался с места. Гоблиновичу даже показалось, что в этот момент отключилась искусственная гравитация. Корабль вместе со своими пассажирами унёсся в Вечную Пустоту, а изумлённый лось – для которого аппарат попросту исчез в пространстве – так и остался висеть над Пищимухой, недоуменно хлопая своими большими, умными глазами.

Глава 4: Литературное кафе «Сингулярность»

Иннокентий очнулся на полу между стеной, противоположной панели управления, и дверью в аппаратный отсек. Голова гудела так сильно, будто бы он снова стал трезвенником и впервые перебрал со спиртным. Осмотревшись, Иннокентий увидел Бабельянца, который, охая, карабкался на диван. С другой стороны от двери, вытянув ноги и спиной опираясь на электрощит, сидел Дюндель. Он, очевидно, тоже приходил в себя. Антоха, который уже оклемался, стоял за панелью управления.

Пытаясь пошевелиться, Гоблинович обнаружил, что сильно ушиб левую руку. «Ну, по крайней мере стакан держать могу», – усмехнулся он. Стараясь не потерять равновесие, Иннокентий медленно встал на ноги.

– Жив? – спросил Антоха. – Нас, видимо, отбросило на несколько эризенгов от Пищимухи. Повезло, что никуда не врезались.

В гараже царил жуткий беспорядок: вещи были разбросаны, а «ласточка» на подъёмнике неустойчиво опустилась вперёд фарами. Корабль двигался с большой скоростью, вокруг была лишь пустота. Гоблиновичу вдруг вспомнилась цитата о том, что на самом деле космос – довольно скучное,

однообразное место.

– А где конкретно мы сейчас находимся? – спросил Иннокентий. – Что показывают приборы?

– Ничего не показывают, – хмуро отозвался Антоха. – Дичевтиратель сломан. Я включил радар: поищем что-нибудь сами.

– Послать бы сигнал бедствия... – предложил Иннокентий и тут же осёкся, понимая, что сигнал может перехватить патрульный шаттл. Тогда Антоха потерял бы правдоподобное алиби, а с ним и весь смысл полёта на Пищимуху.

Дюндель к тому времени уже совсем оклемался: на нём не было ни ушиба, ни царапины. Он встал, поправил одежду и вскоре оказался рядом с Антохой. Ребята принялись обсуждать, где именно их выбросило и куда следует двигаться.

Обернувшись, Гоблинович направился было к дивану – и тут же услышал из-за его спинки торжествующий смешок Бабельянца. Иннокентию показалось, что старик сошёл с ума.

– А говёшки-то, оказывается, непростые! – хихикал Бабельянец. – Мудрёные какахи, прав был докторишка! Вот продадим их мундиморийскому императору – и заживём по-человечески... Шубу себе куплю, как у дона Косячелло...

Старик лежал, обняв коробку двумя руками и мечтательно уставившись куда-то в потолок. Ему было абсолютно плевать на то, что корабль занесло непонятно куда, а кислорода осталось немного. Боль в пояснице давала о себе знать, но сейчас, на пороге новой жизни, это не имело никакого

значения. Совсем скоро в распоряжении Бабельянца будут лучшие медики! Украдкой он даже подумывал о том, как бы восстановить потенцию. Нужно ведь и с элитными куртизанками пообщаться... Фантазируя, Бабельянц весело смеялся, словно ребёнок в ожидании праздника.

– Вы, дедуля, помолчали бы лучше, – раздражённо сказал Антоха. – Мы из-за вас встряли по самое не балуй, и как теперь выбраться – пёс его знает. Молитесь, чтобы по дороге нам попалась какая-нибудь планетёнка – запас кислорода пополнить. Иначе не понадобятся вам ваши денежки.

– Эх, Антон, – усмехнулся Бабельянц, – без меня твой корабль, избитый лосиными рогами, так и завис бы над Пищимухой... Поэтому скажи спасибо, что я вовремя засыпал какахи в бак. Сами вы и не поверили бы, что на говне корабли ходить могут.

– Очень даже поверили бы! – заявил Дюндель. – Такое уже было в сериале «Космодесант капитана Канта и злобные копирасты».

Гоблинович вспомнил, как однажды, придя к сестре в гости, он случайно увидел одну из серий этого шедевра. Капитана Канта играл перекаченный мужик в берете. Ему предстояло отыскать древний артефакт – «вещь в себе». В конце концов главный герой победил врагов, используя духовные скрепы.

– Вы, Матвеич, баклана-то из меня не делайте, – сердито сказал Антоха. – Из-за кого, спрашивается, мы вообще по-

лезли во всю эту историю? Без Вас и Вашего лосиного дерьма ни я, ни Дюндель ни на какую Пищимуху бы не сунулись.

– В том-то и смысл, – отозвался Бабельянц, – что без меня такие люди, как вы с Дюндедем, так бы и потребляли на своём уровне.

Бабельянц говорил спокойно. Его маразматичная карикатурность внезапно превратилась в тень какой-то издёвки. Антоха остервенело пялился на старика, не в силах понять ни слова из его речи.

– Ты что, дед, – медленно произнёс молодой елдыринец, – совсем офонарел солянку гнать? Фильтруй поток, жадюга старый!

Бабельянц понимал Антоху примерно в той же степени, в какой Антоха понимал его. Старик хотел уже ответить что-нибудь высокомерное, однако его опередил Гоблинович.

– У тебя, Афанасий, бред величия, – произнёс Иннокентий. – Это благодаря профессору мы все имеем возможность потреблять на более высоком уровне, а ты просто придумал способ на этом нажиться.

Антоха с восторгом посмотрел на дядьку. Ему показалось, что Иннокентий наехал на друга за беспредел. «Вот это мужик! – с благодарностью думал Антоха. – Встрял за нормальных пацанов – и ничего, что с виду алкаш малахольный...»

– Всё верно, – заявил Бабельянц, – каждому своё. У профессора есть потребность заниматься наукой, а мне нужны шуба, коньяк и элитные куртизанки. Необходимо, чтобы

существовали те, кто изобретает, и те, кто распространяет. Ведь без меня, по сути, этот вшивый докторишка со своим гениальным открытием так бы и помер в неизвестности.

– А он, скорее всего, уже и помер в неизвестности.

– Тем более! Зачем добру пропадать?

Гоблинович усмехнулся. Он понимал, что и сам был не прочь нажиться на чужой интеллектуальной собственности.

– А представь себе, Афоня, – произнёс Гоблинович, – что попало бы тебе ценное произведение искусства – только вот его никто не купил бы задорого... Стал бы ты ему искать потребителя?

– Я что, по-твоему, совсем дурак?

– А раньше ты, Афоня, другим был. Поэтам всяким мечтал помогать...

– Послушай, к чему этот разговор? Причём здесь поэты, когда мы топливо продавать пытаемся? И вообще, художественная ценность – понятие относительное, а научно-технический прогресс – это то, на чём всегда можно хорошо заработать. Поэтому не к месту, Кеша, твои сравнения.

– Может, и не к месту. Просто я заметил, что раньше ты хотя бы уважал тех, на ком пытался заработать. А сейчас называешь профессора «вшивым». Это что, привычка мелких торгашей презирать интеллигенцию?

Бабельянц смущённо заёрзал. Глядя на него, Иннокентий вдруг понял, почему за последнее время на Кривощице стало так много дешёвки – начиная с плохого рэпчика и заканчи-

вая пошлыми фильмами. «Дешёвку ведь намного выгоднее продавать, – догадался Гоблинович. – Произвести её несложно, а покупатель всегда найдётся». Только вот как могут разумные создания платить за низкопробный продукт?

Дюндель решил «заморить червячка». Он поднял горбушку хлеба, вытер и принялся жевать. Наблюдая за ним, Гоблинович хотел было провести аналогии – но внезапно его оглушил сигнал радара.

Антоха бросился к панели управления. Дюндель, не переставая жевать, последовал за ним.

На экранах показался аппарат сферической формы, который двигался прямо позади.

– Гы, прикольно, – усмехнулся Дюндель. – Мандаринка сзади наяривает!

– Что ещё за мандарины? – бормотал Антоха, переводя свой взгляд с экранов радара на монитор. – Не видел я ни разу таких аппаратов...

Пассажиры необычного корабля даже не пытались связаться с гаражом. Да и Антоха не горел желанием ни с кем разговаривать. «Может, это вообще беспилотник?» – рассуждал он. Внезапно, словно удар о кирпичную стену, его осенила страшная догадка: что, если гараж занесло в Свободные Художники, и сейчас за ним гонится местный пограничный патруль?

– Мужики, – проговорил он, бледнея, – винтить отсюда нужно: это, походу, уже не Елдыринская Губерния...

– Чиво?! – воскликнул Дюндель, роняя кусок изо рта.

– «Чиво-чиво»! – передразнил Антоха. – Нас, говорю, в Свободные Художники сдуло, а чёртов мандарин – это мусора ихние, усёк?

Дюндель пробормотал какое-то ругательство или свой новый трек. Иннокентий взглянул на мониторы: инопланетный корабль становился всё ближе.

– Гони, гони! – заорал Бабельянц, сотрясая воздух обоими кулаками. – Эти сволочи заберут коробку!

Антоха, склонившись над панелью, попытался прибавить скорости, однако оторваться не удалось.

– Ёперный карась, да чтоб меня леший дрючил! – заорал Антоха. – Нужно подкинуть ещё дерьма!

Дюндель и Гоблинович одновременно бросились к отверстию бака и принялись откручивать винт. Бабельянц тотчас же подскочил к открытому люку и кинул туда часть фекалий.

– Отлично, – сказал Иннокентий, затягивая винт.

Антоха вновь попытался набрать разогнаться, но не тут-то было: корабль, не меняя хода, продолжал двигаться с прежней скоростью.

– Что за... – пробормотал Антоха, панически нажимая на рычаги. – Какого лешего оно сейчас не работает?!

В перспективе показалось бледное сияние. Будто очерчивая громадный объект, оно простиралось за пределы видимости. Внутри этого пространства не было ничего, кроме серповидной мерцающей полоски. Внезапно Антоху настиг-

ло прозрение: корабль неумолимо двигался навстречу одному из самых опасных и загадочных космических объектов.

– Всё, кранты, – в ужасе прошептал Антоха. – Это, мать его, жерло пространства-времени!

Обезумев от безысходности, покрывая ругательствами всё, что только можно себе представить, он стал ещё сильнее напирать на устройства управления; сообразив, что происходит, Дюндель принялся ему помогать... Елдыринцы знали: в туннель можно пройти, только если корабль двигается на определённом топливе – иначе живыми не выбраться. И этим топливом был вовсе не перзюзий акакия.

Старик, побледнев, застыл в обнимку со своим сокровищем. Корабль-преследователь остался далеко позади, но это теперь не имело никакого значения. Иннокентий подумал о том, что под занавес негоже суетиться. Мир показался ему гротескным, будто вылепленным из пластилина. Беготня, которой предавались Антоха и Дюндель, выглядела смехотворной. Появилось, однако, желание, чтобы всё закончилось поскорее. Внезапно, оглядывая кабину, Иннокентий увидел испуганные глаза Бабельянца. Старик, осунувшись, вопросительно смотрел, отказываясь верить происходящему.

– Не грусти, Афанасий, – приободрил его Гоблинович. – Возможно, внутри этой чёрной дыры мы найдём прекрасный мир с океанами коньяка... А на берегах из шуб там возлежат элитные куртизанки...

Бабельянц внимательно выслушал и даже не удивился. Он

только пару раз в жизни слышал о том, что в природе существуют жерла пространства-времени, через которые можно преодолевать тысячи эклов за пару часов. В Елдыринской Губернии не было ни одного такого объекта.

– Хотелось бы мне, Кеша, верить во все эти океаны коньяка и шубные горы, – задумчиво проговорил Бабельянец. – Но, боюсь, после смерти я ничего этого не заслуживаю.

Между тем гараж продолжал лететь напрямик в сияющую неизвестность. Внезапно корабль-преследователь появился снова и теперь спокойно летел за гаражом.

Антоха, бросив рычаги, повернулся к дивану. Взгляд его, полный отчаяния и ненависти, был устремлён на Бабельянца.

– Что, сука, доволен? – взбешённо проговорил елдыринец, сжимая кулаки. – Доволен, гад, что нормальных пацанов подставил?!

Старик был неподвижен. Его сморщенные пальцы продолжали сжимать коробку, оставляя на ней мелкие вдавленности. Выражение испуга на его лице сменилось какой-то стоической гримасой.

– Молчишь, сволочь? – не унимался Антоха. – Молчишь, падла?! Сам, небось, пожил в своё удовольствие, а нам, как скотам, теперь подыхать из-за тебя приходится?

– Оставь деда в покое, – произнёс Гоблинович. – Ты на всё это добровольно подписался – ещё и выгоду хотел поиметь. Так что веди себя достойно хоть напоследок, раз уж челове-

ком достойным не вырос.

Антоха изумлённо посмотрел на дядьку. Внезапно корабль затрясло. Границы жерла пространства-времени, которые издавека напоминали расплывчатую полосу, приблизились. Теперь это была уже не полоса, а мерцающая туманность, куда погрузился гараж.

– Не втюхивай мне свои проповеди, – проговорил Антоха, резко обернувшись лицом к Иннокентию. – Я, может, потому достойным не вырос, что растил меня алкаш-неудачник!

Гоблинович усмехнулся: ответить было нечего.

Тем временем корабль оказался в гравитационном поле жерла пространства-времени. Гоблинович вспомнил, что где-то слышал об «эффекте макаронизации» – явлении, при котором любой предмет, у которого находится у границ сверхмассивного объекта, бесконечно вытягивается в длину. Внимательно осмотревшись, Иннокентий не обнаружил ничего подобного. Корабль двигался прямо в пасть космического монстра.

Матерясь, Антоха предпринял последнюю – отчаянную и безнадежную – попытку замедлить ход корабля. Разумеется, ничего не вышло. Содрогаясь от бессильной злобы, он вновь посмотрел на Бабельянца и двинулся к нему, готовый выместить на нём свою ярость.

– Ну всё, сука, молись, – мрачно произнёс Антоха. – Прибью, падла!

– Только давай побыстрее, – глухо отозвался старик. – Те-

бе и самому недолго осталось.

Антоха направился к нему – тут же отлетел назад: корабль вдруг рвануло с огромной силой. Вслед за Антохой к панели управления покатались Дюндель, Гоблинович, диван с обзумевшим Бабельянцем... Кабину осветила яркая, ослепляющая вспышка, после чего всё стихло – ошеломлённо и всеобъемлюще.

– Посмотрите, – прошептал Дюндель, указывая на монитор, куда подавалось изображение задней камеры.

Потрясённые, елдыринцы подняли глаза и обомлели: позади, на границе жерла пространства-времени, горел их собственный корабль. Горели они сами.

Бабельянец непроизвольно вскрикнул. Впереди – там, где находилось само жерло – зияла пространственная воронка, окружённая полусферическим сиянием. Корабль, накренившись, размеренно двигался в пробойну реальности – и одновременно погибал у горизонта событий жерла.

– Это что за чертовщина?! – испуганно произнёс Антоха.

Послышались тихие всхлипывания. Антоха обернулся и изумлённо посмотрел на Дюнделя. Тот, закрыв рот ладонью, плакал о своей несчастной судьбе.

– Полегли пацаны, – приговаривал Дюндель, вытирая щетину на подбородке, – не повезло, не фартануло...

Сбитые с толку, елдыринцы ошарашенно переглядывались.

– Дюндель, – осторожно произнёс Гоблинович, – так мы

же, вроде бы, здесь...

– Какое «здесь»?! – воскликнул Дюндель, тыча пальцем в монитор: – Вы что, не видите?! Мы там!

Внезапно, словно бы появившись из ниоткуда, на мониторе показался тот самый загадочный корабль сферической формы. Елдыринцы молча следили за тем, как он, приблизившись к горизонту событий, раздвоился, оставив одну из своих копий гореть. Другая копия, отделившись, продолжала спокойно двигаться за гаражом.

– Вот же ё моё... – озадаченно произнёс Антоха.

Внезапно послышался сигнал радиосвязи. Антоха включил микрофон.

– Эй, вы, на непонятной посудине! – проговорил чей-то бацище. – Немедленно назовите себя!

Фраза была сказана на общегуманоидном языке, который изучали на всех мало-мальски приличных планетах. Елдыринцы испуганно замерли. Оба аппарата летели друг за другом, не сближаясь и не отдаляясь ни на секунду. Внешний горизонт был пройден. Границы внутреннего горизонта смутно проглядывались впереди. Что-то подсказывало Антохе: стоит только перейти эту черту, и шаткое равновесие изменится в пользу незнакомцев.

– Мы знаем, что Вы там, – произнёс уже другой преследователь, голос которого был ближе к баритону. – Почему вы молчите? Вы что, мундиморийские шпионы?

Внезапно Бабельянц, кряхтя, подполз к устройству радио-

связи.

– Никакие мы не шпионы! – заявил он прямо в переговорную панель. – Шпионы, если хотите знать, летают на дорогих машинах и пьют мартини. А у нас на всё это пока ещё денег нет!

– Знаем мы вас, конспираторов! – скептически произнёс незнакомец. – Настоящий шпион никогда ни в чём не признается! Хотя корабль ваш и вправду слишком уж неказистый....

– А сами вы случайно не шпионы? – неожиданно спросил Бабельянц.

Незнакомцы, похоже, впали в недоумение.

– Погодите! – сурово проговорил первый, «контрабасовый», переговорщик. – Мы до вас ещё доберёмся...

– Это мы до вас доберёмся! – угрожающе отозвался Бабельянц. – Ух, доберёмся – мало не покажется!

Газовая дымка, приближаясь, открывала изумлённым путникам своё мягкое, почти сверхъестественное сияние. Внимательно приглядевшись, можно было заметить едва уловимое, зачарованное движение этой мерцающей пелены вокруг некоего скрытого центра. Затаив дыхание, елдыринцы ждали. Радиомолчание не сулило им ничего хорошего. Антоха и Дюндель напряжённо переглядывались. Бабельянц взволнованно тискал коробку, а Гоблинович всё смотрел, как постепенно их корабль погружается в светлые объятия внутреннего горизонта.

Внезапно елдыринцы ощутили лёгкий толчок. Движение гаража замедлилось. Из-за внешних границ огромным брюхом начал «выныривать» инопланетный аппарат. Он был больше гаража как минимум вдвое. Приблизившись к елдыринцам, он остановился, будто наблюдая за ними с издевательской ухмылкой. Оба аппарата, очевидно, попали в ту область жерла пространства-времени, где вновь стало возможным самостоятельное движение. Впереди сияло яркое кольцо. За ним проглядывался светлый, вращающийся коридор.

Внезапно одна из частей сферического корабля отодвинулась набок. За ней обнаружилась полость, и внезапно елдыринцы увидели что-то наподобие лазерного прицела. Обезумев от ужаса, они бросились под приборную панель; в ту же секунду гараж содрогнулся и, чуть накренившись, застыл... Далее последовала тишина.

– Ага, попались! – донёсся из радиоприёмника торжествующий баритон. – Ну, и кто здесь теперь кому покажет? Вы, дорогуши, пойдёте с нами!

– Мы не дорогуши! – завопил Бабельянц. – Мы крутые парни!

Сферический корабль направился к кольцу. Гараж повело в сторону и тут же потянуло вслед за ним. Теперь было ясно, что елдыринцы оказались в некоем «гравитационном лассо».

Пространство, которое их окружало, представляло собой коридор. Его стены вращались против часовой стрелки. Далеко впереди виднелся источник света – сияющее жёлтое

блюдце с тёмной серединой. Сфера тащила гараж, словно пса на поводке, и «крутым парням» не оставалось ничего другого, кроме как ждать своей участи.

– Люди добрые, а куда вы нас везёте? – по-хорошему спросил Гоблинович.

– В литературное кафе «Сингулярность», – ответил «контрабасовый» незнакомец. – Будем вас просвещать и образовывать.

– Литературное кафе – это хорошо, – облегчённо вздохнул Иннокентий. – Я и сам, кстати, немного литератор...

– Представляться нужно было, когда спрашивали. А теперь сидите и молчите в своём сарайчике.

Сферический корабль свернул влево. Спустя несколько эклов – так, по крайней мере, показалось пленникам – вдалеке проступили силуэты тёмных строений. Они висели над сияющей бездной в одном из «карманов» расплывчатого коридора.

«Парящий город!» – восторженно подумал Иннокентий и тут же, приблизившись, осознал свою ошибку. Чудесный мир оказался всего-навсего конструкцией из нескольких кораблей, пришвартованных друг к другу.

На подлёте к первому из кораблей в цепочке – грузовому гиганту – сфера остановилась. Догадываясь, что сейчас последует радиобеседа, Антоха попытался найти необходимую волну. Вскоре пленники услышали знакомый голос.

– «Фёдор Михалыч», я «Эрих-Мария», – говорил тот, что

побасистее. – Прошу стыковки.

– Это, наверное, их имена! – воскликнул Дюндель. – Ну, в смысле, этих двоих...

– «Эрих-Мария», я «Фёдор Михалыч», – донеслось откуда-то с противоположной стороны беседы. – За счёт чего публикует свои произведения писательница Любовь Олеговна Богатыймуж?

– За счёт того, что она ортопед-стоматолог, – ответили с борта «Эрих-Марии».

– Принято, стыковка разрешена.

– Только откройте четвёртый шлюз: с нами пленники, – сказал баритон.

Елдыринцы молча наблюдали за тем, как неторопливо поднимается затвор шлюза. Необъятная громадина приготовилась употребить в себя два небольших судна.

– Они, видать, космическая мафия, – предположил Антоха. – А Фёдор Михалыч у них за главного.

– Конечно, мафия! – усмехнулся Иннокентий. – У них даже литературная гостиная имеется...

– Ребята, ребята, они ведь отберут коробку! – испуганно воскликнул Бабельянц. – Нужно срочно что-нибудь придумать!

Антоха покосился на него с выражением озлобленной досады. Пытаясь побороть в себе тошный страх, он надеялся как-нибудь договориться с «главным мафиози». Однако нужные слова всё не приходили на ум. Елдыринский ко-

рабль, войдя в шлюз, опустился на пол. Сфера продолжала парить в воздухе. Яркая полоса внешнего излучения под механическими воротами становилась всё меньше, пока, наконец, совсем не исчезла. На некоторое время пространство шлюза погрузилось в темноту. Путники ждали, когда откроется внутренний затвор. Он оставался герметичным до тех пор, пока внешние ворота не были полностью заблокированы.

Наконец глухая металлическая заслонка начала медленно подниматься. Взору пленников явилось огромное помещение с полукруглыми пристеночными нишами, где находились корабли сферической формы. Одна из ниш пустовала, и её тут же занял «Эрих-Мария». Гараж оставался на прежнем месте. В ту же минуту открылись очередные механические двери. Оттуда с автоматами наперевес появились гуманоидные существа – широкоплечие, здоровенные, с красноватой кожей и массивными щетинистыми подбородками. Было их порядка десяти или пятнадцати. Двигаясь один за другим в два ряда, они быстро окружили гараж и застыли, ожидая приказа.

– Пресвятой Герасим Остоженский! – воскликнул Бабельянец. – Вот так махинища!

– Это качкоиды, – проговорил Антоха, бледнея. – Видать, нам и правда конец...

«Эрих-Мария» опустил свой трап. Из кабины вышли двое: немислимых размеров качкоид в рыжей куртке и худо-

щавый кареглазый тип заурядной человеческой наружности. Приблизившись к гаражу, незнакомцы остановились прямо напротив вывески «СТО Гараж Автозапчасти».

– Это они! – произнёс Дюндель. – Эрих и Мария!

– Ага, – подтвердил Антоха. – Только вот Мария какая-то страшенькая...

«Эрих», похоже, что-то говорил, обращаясь в камеру. Ничего, разумеется, не было слышно. Время от времени качок-ид ставил руки на пояс и как будто ждал ответа.

– Может, просто останемся здесь? – полушутя спросил Гоблинович. – Пускай сами нас вытаскивают, если им это интересно.

– Здесь, дядя, выпить больше нету, – отозвался Антоха. – Поэтому придётся тебе лезть наружу.

Гоблинович покосился на пустые банки, раскиданные по всем углам кабины. Тем временем «Эрих» показывал в камеру какой-то аппарат, угрожающе потрясывая им в воздухе. Елдыринцы тут же догадались, что это был инструмент для резки металла.

– Гараж резать не дам! – воскликнул Антоха.

Сорвавшись с места, он направился к выходу и принялся его распечатывать.

– Ребята, а как же коробка? – простонал Бабельянц. – Давайте скажем, что это удобрения!

Дверь гаража теперь находилась выше той поверхности, на которой он стоял. Держа обе руки над головой, Антоха

спрыгнул. За ним, растопыбив в воздухе короткие пальцы, уморительно плюхнулся верный Дюндель. Бабельянца, словно перепуганного кота, пришлось доставать одному из качкоидов. Последним шёл Иннокентий.

– Проверьте радужки, – приказал альфа-качкоид.

Один из солдат приблизился к пленникам и по очереди приставил иридосканер к правому глазу каждого из них. После этого елдыринцев построили в ряд, тщательно обыскали и снова провели над ними каким-то прибором. У Бабельянца грубо отобрали коробку – притом что он до последнего не хотел отдавать её в руки солдата. Тот, заглянув под крышку, оглядел какахи. Сбитый с толку, он вопросительно уставился на бледного, взъерошенного старика.

– Вы уж не сердчайте, ребятки, – объяснил Гоблинович, – дед наш давно маразматик: вообще ничего не соображает. А в коробке лежат какахи его любимого овцеслона. Тот, бедняга, на позапрошлой неделе сдох...

Качкоиды, нахмурившись, устремили на Иннокентия подозрительные взгляды. «Эрих» что-то сказал им на непонятном языке, после чего трое или четверо полезли внутрь гаража. Худощавый тип направился за ними. Солдат, который отнял у Бабельянца сокровище, брезгливо сунул его обратно.

– Он теперь везде их за собой таскает – какашки эти засохшие, – продолжал Гоблинович, наблюдая за тем, как приближается к нему исполинская фигура альфа-качкоида. – Мы

даже обещали отвезти его на Планету Клонирования Питомцев по Экскрементам... Только Вы не говорите ему, что такой планеты не существует.

Подойдя ближе, альфа-качкоид остановился. У него были тёмные волосы, бритые виски и чуть раскосые глаза.

– Такая вот история, – заключил Иннокентий. – А Вы случайно не Фёдор Михалыч?

Наблюдая за дядькой, Антоха болезненно напрягся. Видя, как запросто Иннокентий общается с «паханом» космических головорезов, молодой елдыринец снова почувствовал уважение. Дюндель тоже смотрел на Гоблиновича широкими глазами, вытянувшись из-за спины какого-то солдата. Бабельянец был неподвижен, словно восковая фигура.

– Нет, я точно не Фёдор-Михалыч, – проговорил альфа-качкоид, и Гоблинович тут же узнал «басистого» переговорщика. – Не нравится мне его мрачное морализаторство... А ты, умник, расскажи мне, кто вы такие и откуда взялись.

– Старокозлищенские мы, – как-то совсем уж по-деревенски произнёс Гоблинович, – планета Кривоцица, что в Елдыринской Губернии – может, слышали? Там ещё неподалёку акакий добывают, и самогон там хороший... А сюда, в Свободные Художники, нас, видать, случайно занесло.

Качкоид изменился в лице. Смутившись этой переменной, Гоблинович заметил, что и солдаты пришли в какое-то странное недоумение.

– Ладно, – произнёс, наконец, качкоид, – разберёмся...

Ведите их на «Айн Рэнд», у нас мало времени.

– Куда, простите? – испуганно спросил Гоблинович.

– К нашему лидеру.

Их путь проходил через весь грузовой корабль насквозь – длинными коридорами жилых сегментов, далее – в обход командного пункта, который находился в самом центре огромной конструкции. «Фёдор Михалыч» был предназначен для перевозки космических аппаратов меньшего размера. Основной объём корабля занимали открытые площади, подобные тому «ангару», в котором елдыринцы оказались сразу же после прибытия. Многие из них были переоборудованы, а пространства служили складами.

На глаза пленникам попадались гуманоиды различных рас: исполинские качкоиды, истинно люди – человекоиды елдыринской наружности, тучные смугловатые ниби, ириасцы с грубыми чертами, худошавые зумбуляне... «Ну и разнообразие!» – думал Гоблинович. Он едва мог поверить в то, что все человеческие расы – один и тот же биологический вид. Встречались и такие создания, чью расу невозможно было определить. Тогда Иннокентий понимал: это были метисы – плоды межрасового соития.

Иногда он замечал созданий с вытянутым черепом, глаза которых почти не имели белков. Ростом они заметно уступали качкоидам, но в среднем были выше истинно людей. Пропорции их тел отличались от елдыринских чуть удлинёнными конечностями и более узким расположением костей та-

за. Гоблинович знал: так выглядят мундиморийцы. «Неужели мы в Мундиморе?!» – дивился елдыринец.

Корабли соединялись при помощи специальных коридоров, которые Гоблинович мысленно окрестил «тамбурами». Во время взлёта они складывались внутрь. На протяжении всего пути он насчитал три «межкорабельных» коридора. Логово состояло как минимум из четырёх базовых кораблей и «москитного флота», который находился внутри. Остальные аппараты были меньше «Фёдор Михалыча», а «Айн Рэнд» и вовсе представляла из себя небольшой манёвренный крейсер. По дороге альфа качкоид то и дело переговаривался с кем-то через коммуникатор. Дюндель был абсолютно уверен в том, что его с товарищами ведут к какому-то дилеру. Обогнув командный пункт «Айн Рэнд», конвой свернул в небольшое помещение. Это и был кабинет главаря космической банды.

Пленников вводили по очереди, и первым из них шёл Антоха. Увидев того самого «лидера», которому подчинялись качкоиды, елдыринец испытал судорогу ужаса. «Всё, кранты», – подумал несчастный... Лидером оказалась баба.

Когда все пленники вошли в кабинет, женщина встала из-за стола, продолжая опираться на него фалангами своих длинных пальцев. Это была уже не молодая, но довольно статная темноволосая мундиморийка с тонкими чертами лица и яркими зелёными глазами. Наклонив голову, женщина внимательно рассматривала елдыринцев. Гоблинович заме-

тил кобуру у ней на поясе поверх приталенного жакета.

– Вот, Хельмимира, привёл тебе пленничков, – сказал альфа-качкоид. – Летели прямо к базе. Говорят, случайно сюда занесло... А один вообще думает, что попал в Свободные Художники.

Отодвинув своё кресло, мундиморийка вышла из-за стола и приблизилась к Дюнделю, который приходился ей по плечи. Бедняга и не думал сопротивляться, когда она расширила веки его правого глаза и принялась разглядывать радужку.

– Похоже, это действительно человек... – вздохнула Хельмимира, отпуская свою жертву. – Они ещё не научились делать такие натуральные глаза для биороботов. Вы всех осмотрели?

– Всех. Они точно люди, – проговорил качкоид.

– Тогда устройство слежения где-то на корабле.

– Корабль сейчас обыскивают мои ребята. С ними остался Гардиальд.

– Этих людей тоже обыщите более тщательно.

– Да куда уж тщательнее!

– Нужно скорее понять, что с ними делать. Армия генерала Зугарда появится здесь раньше, чем я предполагала.

– Сколько времени у нас есть?

– Зугард окажется у входа в жерло через пять джоселинских минут. Учитывая искажение времени, у нас два часа, чтобы убраться.

На столе, помимо клавиатуры, находились ещё несколько

предметов – небольших, овальных и гладких. «Интересно, что это?» – думал Гоблинович. Слушая разговор мундиморрийки с качкоидом, он всё пытался вставить свои пять копеек. Ему хотелось убедить Хельмимиру в том, что елдыринцы безопасны и бесполезны. Он понимал, что жадность привела их с друзьями прямо в центр какого-то инопланетного конфликта. «Попали так попали, – сокрушался Гоблинович. – И как теперь свои шкуры спасти?» В глубине его души таилась смутная надежда, что при обыске ничего не найдут. Иннокентия мучил вопрос, где же они всё-таки находятся. А ещё сильнее ему хотелось узнать, почему это место называется литературным кафе.

– В материализаторах сейчас заканчивают сбор чистого энтузиазма, – сказала Хельмимира, всё ещё находясь возле скованного наручниками Дюнделя. – Выступаем через сорок минут, когда все баки будут наполнены... Кстати, а что в коробке у старика?

Притихший Бабельянц испуганно вздрогнул и покрепче прижал соковище к себе.

– А в коробке у старика, представь себе, фекалии, – ответил качкоид. – Говорят, маразматик...

Хельмимира прищурилась и внимательно осмотрела Бабельянца. Тот попытался изобразить из себя сумасшедшего. Один глаз его начал дёргаться, и получилось довольно правдоподобно. Узкая дверь кабинета неожиданно открылась, и на пороге показался тот самый худощавый тип, который при-

был вместе с качкоидом.

– Ну как, нашли что-нибудь? – спросила Хельмимира.

Гоблинович помнил, что типа назвали «Гардиальд». Остановившись, Гардиальд многозначительно смотрел на пленников. Вид у него был смущённый и огорошенный, будто бы он только что увидел привидение.

– Да говори же! – нетерпеливо воскликнула мундиморийка.

– Их корабль... – в растерянности произнёс Гардиальд, переводя дыхание. – Там нет двигателя на чистом энтузиазме...

Над кабинетом повисла напряжённая пауза. Альфа-качкоид, который до этого стоял у стены в расслабленной позе, мгновенно изменил выражение лица и двинулся вперёд. Хельмимира резко обернулась к елдыринцам и по очереди обвела их цепким, испытующим взглядом. Остановив его на Гоблиновиче, она решительно двинулась к нему.

– Ты! – проговорила она, сверкнув глазами. – Отвечай: как вы прошли через внешний горизонт?

Теперь Гоблинович видел едва заметную морщину, которая зигзагом проходила между бровями женщины.

– Мадам! – элегантно обратился он к Хельмимире. – Всё началось с того, что мы летели за поросятами на ярмарку в Свободные Художники, и у нас неожиданно сломался ди-чевтиратель...

– Не заговаривай мне зубы! – бесцеремонно оборвала его

Хельмимира. – Или ты добровольно скажешь, что сообщает вашему кораблю нулевую массу, или эту информацию достанут из тебя другими способами!

От ужаса Иннокентий готов был провалиться в нижний отсек «Айн Рэнд». Однако внезапно посреди тишины раздался высокий, резкий сигнал коммуникатора на груди Хельмимиры. Это заставило елдыринца вздрогнуть, а Хельмимиру – ответить на вызов.

– Сбор чистого энтузиазма окончен, – послышалось из динамика. – Обновились данные с разведывательных аппаратов. Генерал Зугард будет здесь через четыре джоселинских минуты.

– Наполняйте топливные баки на максимум, – сказала Хельмимира. – Пусть все экипажи займут свои места.

После короткого «будет сделано» связь прервалась. Хельмимира, приподняв подбородок, посмотрела на качкоида.

– Нужно выступать, – решительно заявила она. – Пленных возьмём с собой: допросим их по дороге или когда прибудем на место. Подготовьте их корабль для безопасной транспортировки: на борту должны быть ответы.

– Наверное, должны быть, – согласился Гардиальд. – Но мы пока нашли только перевернутую мебель и образцы отупляющего искусства...

– И говёхи в топливном баке, – исподтишка заметил кто-то из солдат, едва сдерживая скабрезное хихиканье.

Услышав последнюю фразу, Хельмимира невольно повела

бровью.

– Давайте на всякий случай их разделим, – произнесла она, немного подумав, и, указывая на Бабельянца с Гоблиновичем, по-хозяйски добавила: – Эти двое полетят со мной в скрытом отсеке «Фёдор-Михалыча». Остальных разместите на «Айзека» и выделите им надёжную охрану.

Выходя из кабинета, Гоблинович думал о том, что в литературе сильные женские персонажи вызывают у читателя зависть и раздражение, а слабые – жалость и презрение. Во рту у него было сухо, и очень хотелось пить. Сзади, прижимая «ответы» к груди, семенил Бабельянц. За ним шагал невозмутимый Дюндель. Антоха на этот раз шёл последним. Он был обескуражен тем, что суровые качкоиды терпят бабу в качестве лидера. Пропустив конвой вперёд, альфа-качкоид также направился к выходу.

– Исаак! – окликнула его Хельмимира.

Обернувшись, он остановился.

– Пошлите разведывательный аппарат к выходу из жерла, – сказала мундиморийка. – Я снова хочу убедиться, что нам не готовят засаду.

– Ты параноик, – усмехнулся Исаак. – Мы уже несколько раз отправляли к гейзеру беспилотники.

– Отправьте их туда снова, – настойчиво произнесла Хельмимира. – И, знаешь, лидеру космических партизан просто необходимо быть параноиком.

Глава 5: Космические партизаны

С пленниками обращались довольно сурово, однако им всё же дали немного воды и средство для профилактики лунной болезни. Хитрый Бабельянец выпросил ещё и противовоспалительную мазь. Оказавшись на «Айзеке», конвой разделился. Антоху и Дюнделя забрали на верхний ярус, в то время как Бабельянец и Гоблинович продолжили путь обратно на «Фёдор-Михалыча». Вскоре оба елдыринца оказались в потайной камере, которая была замаскирована под одну из генераторных кабин. Осмотревшись, Иннокентий посмел-таки спросить у конвоира:

– Уважаемый, а почему это место называется литературным кафе?

Вооружённый качкоид медлил, будто бы раздумывая, следует ли вообще разговаривать с пленником. Однако, вероятно, он всё же углядел что-то располагающее в облике выпивохи.

– Мы совершенствуем свой ум постоянным чтением, – произнёс охранник, помолчав.

– А это, простите, какая галактика? – продолжал допытываться Гоблинович.

– Галактика Серьёзные Щи. Хотя, если честно, не такие уж они и серьёзные...

Согласно плану Хельмимиры, корабли партизанского

флота готовились расформировать «кафе» и отсоединиться от сингулярного реактора. Потом, двигаясь по цепочке, они должны были направиться к гейзеру – области, где из во внешнее пространство выбрасывается материя и энергия. У гейзера партизаны планировали остановиться и покинуть жерло по одному, чтобы не привлекать к себе внимания. Так аппараты смогли бы рассредоточиться и в конце концов улететь на разные базы.

Грузовые суда – «Айзек» и «Фёдор Михалыч» – имели фиктивный груз на случай проверки в патрульных зонах. Остальные «базовые» аппараты «литературного кафе» были мундиморийские крейсера – быстроходные корабли в форме вытянутых сфероидов. Основную же часть «москитного флота» составляли мирные пассажирские суда. Ко всем из них были самостоятельно прилажены мощные двигатели и боевые орудия; партизаны позаботились о том, чтобы скрыть их всевозможными способами. Также приходилось прятать и гравитаторы – устройства наподобие того, каким «Эрих-Мария» тащил гараж на базу. Обычный гравитатор состоял из блокатора и гравитационной тяги. Блокатор создавал вокруг объекта специальное поле, из которого было не выбраться. Он работал на белиберде – редкой и очень дорогой субстанции. Помимо крейсеров, у партизан были и другие военные суда, в основном трофейные. Многие из них достались Хельмимире ещё в ходе восстания генерала Кермунда. С каждой серьёзной схваткой их оставалось всё меньше. Путешество-

вали партизаны под фальшивыми документами.

Когда все приготовления были окончены, флот партизан тронулся с места. Первым шёл «Айзек», за ним следовала целая эскадрилья аппаратов наподобие «Эрих-Марии», далее – «Айн-Рэнд» ... Последним в цепочке был «Фёдор-Михалыч», на борту которого находилась Хельмимира. Ей не терпелось поскорее увидеть гараж и допросить пленников. Путь, который она выбрала, проходил вдалеке от важных объектов и патрульных зон. Внешность Хельмимиры, как врага империи, была известна каждому комиссару; путешествуя, мундиморийка часто пряталась в потайные каюты на кораблях, замаскированные под блок в аппаратном отсеке. Иногда она передвигалась на «Мэри Шелли» – своём личном аппарате.

Хельмимира тщательно осмотрела елдыринский корабль и сама перепроверила, нет ли от него подозрительных сигналов. Однако всё было без толку: проклятый сарайчик оставался невинен и молчалив. Тогда Хельмимира позвала нескольких толковых ребят, чтобы те разобрали панель управления; впрочем, внутри неё тоже ничего не нашлось. Кто-то предположил, что чудесная технология располагается в основании корабля, и его нужно приподнять; кто-то даже предлагал осмотреть двигатели – однако и для этого необходимо было полностью разобрать судно... В конце концов, исследование отложили до прибытия на базу. Кроме всего прочего, Хельмимиру интересовал состав сплава, из

которого был изготовлен гараж. «Если не получим информацию от этих гуманоидов – придётся доставать рентгенофлуоресцентный спектрометр», – думала Хельмимира, готовясь отправиться к пленникам.

Когда она вошла в каюту вместе с двумя своими охранниками, старик лежал на пристеночной койке, а Иннокентий рылся в выдвижном ящике жестяной тумбы. Услышав, что открываются двери, Бабельянц вскочил.

– Потеснитесь, господа, – заявила Хельмимира, усаживаясь на единственный стул в каюте. – Не вы одни сегодня путешествуете первым классом.

Понимая, что надо изображать невменяемого, Бабельянц тут же напустил на себя безумный вид. Смущённый, Гоблинович испуганно пялился на похитителей. В руках у него была небольшая вещица, похожая на половинку сливы; Иннокентий нашёл её в ящике за секунду до того, как на пороге появились партизаны.

– Что, книги интересуют? – спросила Хельмимира, кивая на странный предмет. – Здесь, по-моему, есть и мои публикации...

– Несколько запрещённых статей о деградации современной массовой культуры, – подсказал один из качкоидов.

– Точно, – усмехнулась Хельмимира. – Спасибо, Олаф.

– Я извиняюсь, а как их читать? – спросил Иннокентий. – Наверху только пара закорючек...

– Давай покажу, – буднично сказала мундиморийка, про-

тягивая руку.

Иннокентий робко приблизился к Хельмимире и положил незнакомый предмет в её ладонь.

– Возможно, ты просто придуриваешься, как и твой приятель-симулянт, – произнесла Хельмимира, покосившись на Бабельянца. – Но если ты и вправду не умеешь этим пользоваться, то, смотри, здесь внизу есть кнопка активации...

Она поставила предмет на тумбу, и в то же мгновение из небольшой борозды на его поверхности появилась голограмма. Она изображала мундиморийский текст.

– Это называется «лайка» – портативный носитель информации. Перелистываешь, касаясь пальцем, – объясняла Хельмимира, в то время как в воздухе перед ней мелькали страницы.

– Вот так чудеса! – бормотал Бабельянец. – Это ж какое сильное колдунство!

Оба качкоида рассмеялись. Хельмимира продолжала искать переводы текстов на общегуманоидный язык. В отличие от мундиморийского, он считался разговорным наречием и был понятен даже выходцам из отсталых регионов.

– Вы старика не слушайте, – проговорил Иннокентий. – Сами мы старокозлищенские, а дед и вовсе малограмотный... Откуда нам понимать, колдунство оно или нет?

Качкоиды снова разразились громким хохотом. Иннокентий почувствовал, что вжился в роль. Невольно вспомнилась работа в театре. Хотя, сказать по правде, вся эта игра в неотё-

санных мужиков не была таким уж лицедейством... Гоблинович пародировал себя самого – и это было забавно.

Внезапно раздался сигнал коммуникатора на груди Хельмимира. Качкоиды прекратили смеяться и беспокойно переглянулись.

– В чём дело? – спросила Хельмимира, отвлекаясь от книги. – Что-то срочное?

– Пришли данные разведывательных дронов, – послышалось из динамика.

– Всё чисто?

На том конце повисла тревожная пауза. Качкоиды сосредоточенно застыли, наострив уши.

– Впереди нас ожидает засада, – проговорил невидимый собеседник. – На выходе из жерла пространства-времени замечен имперский флот.

Сердце Гоблиновича мгновенно ушло в пятки. Мелькнула надежда, что враги партизан могли бы освободить его и остальных елдыринцев из плена – однако опыт показывал, что милости от вооружённых людей ждать не стоит. Бабельянц сидел на лежанке, выпучив глаза.

– Сколько их? – спросила Хельмимира.

– Порядка ста аппаратов, – ответили из динамика. – Возможно и больше.

– Войска генерала Зугарда уже пересекли внешний горизонт?

– Да, Хельмимира. Мы окружены.

– Остановите корабли. Я поднимаюсь на мостик.

Свернув голограмму, Хельмимира встала. «Эти двое идут с нами», – бросила она качкоидам, указывая на елдыринцев, и, развернувшись, зашагала к выходу.

Командный пункт «Фёдор Михалыча» находился в самом центре корабля. За панелью управления сидели несколько пилотов; кабину охраняли вооружённые партизаны. Оказавшись на мостике, Хельмимира направилась к мониторам; те, кто пришли с ней, расположились возле. Бабельянц и Гоблинович робко стали в углу. Иннокентий ожидал встретить альфа-качкоида, которого он по наивности принял за Фёдора Михалыча, однако ни его, ни человека по имени Гардиальд елдыринец так и не увидел. Ни Хельмимира, ни её подручные не обращали внимания на пленников. В какой-то момент Гоблиновичу стало ясно, что они с Бабельянцем предоставлены сами себе.

– Вот попали так попали! – произнёс Бабельянц, едва не плача.

Хельмимира связалась с кем-то на другом судне, и Иннокентий различил знакомые голоса.

– ...объявим эвакуацию на «Айзеке» и отправим его вперёд всего флота, – говорила Хельмимира. – За ним пойдут аппараты с наибольшей огневой мощностью, которые прикроют остальных...

Замерев, Гоблинович внимательно слушал. От волнения мысли его путались; иногда он даже не мог различить слов

– но кое-что всё же удалось понять. Хельмимира предложила следующее: корабли должны были стыковаться с «Айзеком» по очереди. Каждому из них предстояло забрать определённое количество пассажиров – исходя из грузоподъёмности. Тех, кто остался, решили вывезти на «Фёдор Михалыча» специальным челноком. Тот, кто будет покидать «Айзека» последним, направит его к выходу из жерла. Двигаясь на автопилоте, грузовой корабль послужит щитом, под прикрытием которого остальные аппараты получают возможность отстреливаться.

«Вот тебе и конструктор!» – дивился Гоблинович, думая о плане Хельмимиры.

– Начинайте! – приказала мундиморийка.

Из-за того, что «Фёдор Михалыч» шёл замыкающим, наблюдать рокировку было невозможно. Склонившись над переговорной панелью, Хельмимира контролировала процесс по радиосвязи. Наконец, все пассажиры «Айзека» оказались на других судах; тогда Хельмимира спросила, готовы ли орудия... Ответ был положительный, и Хельмимира приказала начинать операцию. «Айзек» не мог долго принимать на себя огонь – однако это обеспечило бы прорыв хоть какой-то части партизанского флота.

Иннокентий почувствовал, как «Фёдор Михалыч» тронулся с места. Елдыринец видел, что изображение на главном экране охватывало десяток аппаратов, которые шли впереди. «А что, если военных там вдруг не окажется? – пред-

ставил себе Гоблинович. – Жерло, однако, меня намного меньше испугало...»

На мониторе показался кусок тёмного пространства, окружённый сияющим кольцом. В какой-то момент Иннокентий заметил, что впереди почти не осталось кораблей.

– Орудия на полную мощность! – приказала Хельмимира. – Готовимся выйти из гейзера!

Увидев первую вспышку, Иннокентий содрогнулся. За ней последовали вторая и третья... Впрочем, космические сражения представлялись ему намного более зрелищными. «Фёдор Михалыч» прибавил ходу, и гейзер начал стремительно приближаться. Показался остов разрушенного «Айзека», за которым прятались несколько кораблей. Это были те, кто обстреливал вражеский флот, чтобы дать уйти остальным... Сердце Иннокентия ёкнуло, и философствовать расхотелось.

Он посмотрел на Бабельянца. Старик, осунувшись, продолжал обнимать коробку. Почувствовав на себе взгляд, он поднял уставшие глаза. Надежда на то, что оба они останутся невредимы, таяла с каждой секундой.

– Мадам! – неожиданно для себя произнёс Гоблинович. – Позвольте кое-что вам сообщить...

Обернувшись, Хельмимира посмотрела в его сторону. Всё это время она пристально следила за радарными и отдавала короткие указания; кто-то из её подчинённых предложил ей эвакуироваться, на что она ответила неохотным «будет вид-

но». Теперь она казалась Иннокентию особенно постаревшей: черты её лица приобрели болезненную остроту. В какую-то секунду Гоблинович подумал, что она уже не боится смерти.

– Чего тебе? – резко спросила Хельмимира.

– Мадам, – заговорил Иннокентий, пытаясь овладеть собой, – вы, кажется, спрашивали, что позволило нашему кораблю двигаться с огромной скоростью...

Взгляд Хельмимиры мгновенно оживился. Разомкнув руки на груди, она быстро повернулась к Иннокентию.

– Говори, – произнесла Хельмимира.

– Так вот, – продолжал Гоблинович, – технология прямо у деда в коробке. Если хотите выжить и спасти своих людей – добавьте её в топливный бак.

Не говоря ни слова, Хельмимира приблизилась к Бабельянцу, взяла коробку и открыла её. Однако, увидев содержимое, мундиморийка тут же захлопнула крышку и отдала коробку обратно деду.

– Эти двое и впрямь поехавшие, – пробормотала Хельмимира, возвращаясь к панели управления.

– Мадам, возьмите фекалии! – в испуге заорал Бабельянец, следуя за ней хромым шагом. – Иначе нам конец!

– Уберите его от меня, – спокойно сказала Хельмимира, обращаясь к подручным.

– Да послушайте же! – воскликнул Иннокентий, глядя, как двое партизан оттаскивают Бабельянца обратно на ме-

сто. – Мы знаем, что всё это кажется полным бредом, но, клянусь: эти экскременты – универсальное топливо. Иначе как, по-Вашему, кусок говёхи оказался в баке нашего корабля?

– Приближаемся к выходу из гейзера, – сказал кто-то из партизан.

Обернувшись, Хельмимира вновь посмотрела на Гоблиновича. Впереди, словно огромное покусанное яблоко, виднелся «Айзек». Один из кораблей, которые находились позади него, был сильно повреждён.

– Хорошо, – сказала, наконец, Хельмимира. – Приказываю снизить ход.

Пилоты исполнили.

– Как работает ускоритель? – спросила мундиморийка. – Сколько нужно этому кораблю на сотню эризенов?

– Хорошо работает наш ускоритель! – отозвался Бабельянец. – Я треть коробки высыпал, чтоб до вас добраться!

– Олаф, – обратилась Хельмимира к одному из подчинённых, – возьми у деда коробку, спустись в аппаратный отсек и добавь это дерьмо в топливный бак с чистым энтузиазмом.

Олаф забрал коробку у Бабельянца и быстрым шагом направился к выходу из кабины. Хельмимира немедленно бросилась к переговорной панели и включила радиосвязь.

– Внимание всем кораблям, – громко объявила она в микрофон. – Приказываю немедленно явиться на «Фёдор Михайлыча»!

Находясь в устье гейзера, «Фёдор Михалыч» был всё ещё защищён от вражеского огня. Корабли, которые следовали перед ним, немедленно выполнили приказ Хельмимиры. Однако суда возле «Айзека» не могли сделать это так же быстро: выброс энергии из жерла создавал для них преграду.

– «Островский», я «Фёдор Михалыч», – сказала Хельмимира. – Сейчас мы выйдем из гейзера с открытыми шлюзами. У вас десять секунд.

««Островский» – это вон тот корабль возле «Айзека»! – догадался Гоблинович.

– «Фёдор Михалыч», я «Островский», – донёсся из динамика чей-то голос. – Уходите. Позади скоро будут имперцы.

– «Островский», я «Фёдор Михалыч»! – воскликнула мундиморейка. – Вы там что, совсем идиоты?! А ну живо ко мне, пока нас всех не поджарили!

Собеседник пробовал даже спорить, но был обложен десятиэтажным матом. Из динамика слышалось, как кто-то на борту «Островского» назвал Хельмимиру «шальная бабень». Получив дополнительный нагоняй, партизаны повиновались.

Тем временем корабль двинулся прочь из гейзера. Какой-то вражеский беспилотник устремился было к нему, но не успел выстрелить и был сбит; несколько уцелевших партизанских кораблей также бросились к шлюзам... Иннокентий смотрел на них, содрогаясь от волнения. «Только бы успели! – мысленно повторял елдыринец. – Только бы получи-

лось!»

– Стыковались, – произнёс один из пилотов. – Шлюзы заблокированы.

– Полный вперёд! – крикнула Хельмимира – и вот огромный корабль, разогнавшись, исчез в пустоте с небывалой скоростью.

Тем временем имперский флот, подобно удивлённому космическому лосю, так и остался недоуменно стоять у гейзера.

В тот самый момент, когда тяжёлый крейсер и несколько истребителей нацелились, чтобы одновременно открыть огонь по партизанам, Хельмимира крикнула: «Полный вперёд!»

Глава 6: Страшная правда

Гоблинович не помнил в своей жизни такого безумного путешествия. Пространство-время расширилось перед кораблём и сжималось позади него; находясь в кабине, Иннокентий слышал разговоры партизан; те обсуждали новый ускоритель. Было понятно, что управляемость «Фёдор Михалыча» не изменилась, однако теперь он мог позволить себе намного больше скоростей света, чем ранее. Потом, правда, случился курьёз: опасаясь погони, партизаны перелетели на тысячу двести эриzenов дальше от того места, куда направлялись. Это оказалось им даже на руку: Хельмимира изменила место назначения, и теперь корабль держал курс на самую отдалённую базу во всей галактике.

Понемногу шумиха улеглась, а «Фёдор Михалыч» выровнял ход. Только тогда мундиморийка обратила-таки внимание на притихших пленников.

– Ну что, господа провинциалы, – произнесла она, испытующе глядя на Бабельянца и Гоблиновича, – так и будете изображать слабоумных или поговорим начистоту?

Измученный старик обескураженно молчал. Иннокентий невесело тарасился на Хельмимиру; его радость от чудесного бегства куда-то улетучилась. Внезапно Гоблинович ощутил, как возрастает в нём беспокойство о судьбе племянника. Теперь елдыринцу было плевать даже на грубую силу кач-

коидов.

– Мадам, – проговорил Иннокентий, – с нами обращались, как с паршивой сволочью, притом что мы ни в чём не виноваты... Что ещё нам оставалось делать, кроме как изображать слабоумных?

– Отлично, – усмехнулась мундиморейка. – А мне, по-вашему, надо было просто отпустить вас на все четыре стороны!

В кабине находились пилоты, елдыринцы, Хельмимира и те самые охранники, что сопровождали её во время визита к заключённым. Только теперь Гоблинович заметил, что многие камеры выведены из строя. Аварийные лампочки мигали, извещая экипаж о том, что повреждены крайние отсеки. Побитый жизнью, но не сломленный, «Фёдор Михалыч» возвращался в партизанское логово зализывать раны.

Внезапно открылась механическая дверь кабины; Гоблинович видел, как резко повернула голову Хельмимира – и тут же глаза её расширились от волнения... На пороге стоял Исаак, за крупной фигурой которого виднелась макушка худощавого Гардиальда.

– Слава фундаментальным взаимодействиям, вы живы! – обрадовалась мундиморейка.

– Что здесь происходит? – спросил качкоид, без всяких церемоний заходя в кабину. – Поверить не могу, что нам удалось так легко скрыться!

– Об этом расскажут господа из елдыринской глубинки, –

отозвалась Хельмимира, однако, опомнившись, настороженно произнесла: – Постойте-ка... Вы ведь должны были уйти на «Карло Гольдони»!

Смутившись, Исаак остановился. Гардиальд, который шёл за ним, сделал то же самое. Некоторое время они молча смотрели на возмущённую Хельмимиру. Её гневный взгляд не сулил ничего хорошего.

– Не злись, – произнёс, наконец, качкоид, – оно так вышло...

– Что значит «вышло»?! – не унималась мундиморийка, взбешённо сверкая глазами. – Как ты посмел действовать не по плану?

Внезапно Гоблинович понял: вместо того, чтобы уйти под прикрытием «Айзека», Исаак остался защищать остальные корабли. Теперь же качкоид молчал, глядя куда-то в пустоту. Гардиальд благоразумно прятался за его широкой спиной.

– Вас не было ни на одном из кораблей, которые мы подобрали у гейзера, – говорила Хельмимира. – И вас не было на «Карло Гольдони»... Вы что, были у «Айзека»?!

– Ну, предположим, были, – неохотно отвечал Исаак, тяжело вздыхая. – Послушай, всё ведь обошлось... И, к слову, «Карло Гольдони» вместе с теми заложниками достался Зугарду – если это тебя успокоит...

Внутри у Гоблиновича словно что-то оборвалось. Вздвигнув, он бессознательно двинулся вперёд, не в силах поверить словам качкоида. Заметив это, Исаак взглянул на него – и

тут же отвёл глаза в сторону. Хельмимира, изменившись в лице, тихо выругалась.

– Это двое знали, как работает ускоритель? – обратилась она к елдыринцам.

Над кабиной повисла неудобная пауза. Иннокентий молчал, пытаясь осознать случившееся. Пульс отдавался в висках болезненными ударами; отрицая действительность, елдыринец всё ждал, что какая-нибудь третья сила опровергнет ужасные новости, и Антоха с Дюндедем окажутся живы-здоровы на отдалённой базе... Увы, чуда не произошло.

– Откуда им знать, как работает ускоритель? – подал голос Бабельянц, видя, что его друг окончательно выбит из колеи. – Этого, наверное, никто не знает, кроме профессора...

Понемногу оклемавшись, старик рассказал партизанам историю своей авантюры. Партизаны слушали с большим вниманием; Бабельянц изо всех сил пытался выставить себя скромным и обиженным, что добавляло его рассказу комичности.

– Не понимаю, – сказала Хельмимира, когда он закончил, – как вы вообще остались живы? Ваш аппарат был неуправляем!

– Возможно, существует неизвестное нам жерло пространства-времени, сквозь которое они случайно прошли, – предположил Гардиальд.

Иннокентий так и стоял, ошалело вытаращившись на Исаака. Внезапно в сознании несчастного елдыринца возникла

страшная мысль о сестре – и ему сделалось гадко от того, с каким будничным неудовольствием Хельмимира приняла исчезновение Антохи... «Проклятая стерва!» – думал Гоблинович, содрогаясь от горя и бессилия. Весь мир должен был ужаснуться его несчастью – и тут же Иннокентия накрыло отчётливое, неотвратимое понимание того, что сам он во всём виноват... Похолодев, Гоблинович обернулся и посмотрел на Бабельянца. Тот заискивающе беседовал с партизанами.

– Не хотелось бы отвлекать вас по пустякам, – с горькой иронией произнёс Гоблинович, – но можете вы хотя бы сказать мне, какая судьба ждёт пленников?

Все, кто находился в кабине, умолкли. Какое-то время стояла тишина.

– Возможно, их просто депортируют восвояси, – предположил Исаак. – Они ведь с нами не связаны.

– Не утешал бы ты людей понапрасну, – возразил Гардиальд и, обращаясь к елдыринцам, добавил: – Зугард – самый молодой из имперских генералов, и при этом самый жестокий. Никто не знает, что он сделает с вашими друзьями... Молитесь, чтобы они не повторили судьбу моей сестры и ещё многих несчастных.

Что-то в груди Гоблиновича будто бы оборвалось и упало – на пол кабины, на нижний ярус «Фёдор Михалыча», в беспросветную бездну...

– Что с ними случилось? – тихо спросил он.

– Этот подонок применил оружие массового поражения против целой планеты. Моя сестра была там... вместе с остальными. И теперь её постигла участь хуже смерти.

Партизаны скорбно молчали.

– Исаак, – обратился Гардиальд к качкоиду, – покажи им запись.

Исаак недоверчиво посмотрел на друга: готов ли тот снова встретится со своей болью?

– Шёл бы ты отсюда, – сказала Гардиальду Хельмимира. – Ты нужен соратникам. И помни: ещё не всё потеряно. Ты знаешь, кто может нам помочь.

Не говоря ни слова, Гардиальд вышел.

– А вы уверены, что нам следует это видеть? – испуганно спросил Матвеич.

– Тебя здесь никто не держит, – усмехнулась Хельмимира. – Если хочешь, подожди в коридоре.

– Показывайте запись, – проговорил Иннокентий, бледнея.

Исаак достал из кармана транслятор – небольшое плоское устройство, внутри которого, тем не менее, стоял мощный процессор. Сам транслятор имел монитор и складную клавиатуру, но чаще всего жители Мундиморы подключали его к большому экрану. Транслятор использовали как устройство спутниковой связи. Также к экрану могли подключить лайку и клавиатуру – и получался полноценный компьютер. Подобные «трансформеры» были распространены по всей им-

перии. Коммуникатор, в отличие от транслятора, носили на груди и использовали для радиосвязи на высоких частотах.

Исаак отыскал нужный видеофайл, подошёл к елдыринцам и включил воспроизведение.

Сначала монитор оставался пустым и тёмным. Вскоре там возникло изображение отвратительного существа – и Гоблинович невольно отпрянул в ужасе... Создание, вероятно, когда-то было человеком; теперь же оно не походило на представителя ни одной гуманоидной расы. Бровей почти не было; кожа имела болезненный желтовато-коричневый оттенок. Скулы отличались неестественными размерами, щёки были втянуты, а губы напоминали гигантских слизней. Судя по огромному вымени, это была самка. Длинные когти на её руках были выкрашены в кислотный цвет.

– Привет, с вами Гвендельфина Куколка, – проговорило нечто, шлёпая своими губами-слизнями. – В этом видео я расскажу, как правильно симулировать оргазм, чтобы получать шубы и драгоценности даже от нищобродов, и сколько денег должен зарабатывать мужчина, с которым не стыдно переспать на первом свидании...

– Элитная куртизанка! – с восторгом прокричал Бабельянец – и тут же умолк, заметив на себе косые взгляды.

Водрузив на стол своё гигантское, еле-еле упакованное вымя, блогерша подводила итоги какого-то конкурса. Подписчицы должны были прислать ей фото члена своего любовника на фоне его машины. Победила некая мадам, ко-

торая прислала фото самого длинного фаллоса на фоне самой дорогой «кобыловозки». В подарок она получила книгу «Стань богиней – работай вагиной: достаток и благополучие женщины». Автором бестселлера была, разумеется, сама Гвендельфина Куколка.

«В какой мучительной агонии, должно быть, умирали клетки её мозга!» – с ужасом думал Иннокентий. Заметив, что бедняга едва не умоляет о пощаде, Исаак убрал от него транслятор и выключил видео.

– Надеюсь, достаточно, – произнёс качкоид. – А то ещё скажут, будто мы пытаем пленников.

Бабельянц, бормоча восторженную околесицу, умолял включить видео снова. Его никто не слушал: партизаны думали, что дед со страху молится. Иннокентий молчал, пытаюсь привести себя в чувства.

– Что скажете? – спросила Хельмимира и тут же сама ответила за елдыринцев: – Понимаю, никому не приятно видеть подобное. Однако без этого невозможно понять, с каким злом мы боремся.

– Вы боретесь с элитными куртизанками?! – возмутился Бабельянц.

– Мы боремся с Программой Всеобщей Дебилизации, которую пытаются внедрить император и его прихвостни, – ответила Хельмимира.

– Не могу даже представить, – ошеломлённо проговорил Иннокентий, – что за оружие способно сотворить с челове-

ком такое...

– Отупляющий лазер, – пояснил Исаак. – Раньше у имперских солдат были винтовки с отупляющим лучом. Он вызывал распад связей между клетками головного мозга. Его использовали в тех случаях, когда, к примеру, опасного преступника нужно было взять живым... Не так давно имперцы построили «Потрошитель галактик» – военный корабль с отупляющим лазером огромной мощности. Такое оружие способно сделать идиотами население целой планеты.

– Теперь понятно, что случилось с сестрой вашего товарища, – задумчиво произнёс Гоблинович.

Он вспомнил про Дюнделя и Антоху. Ребята и так особым умом не отличались, а если ещё и лазер применить – вообще пиши пропало.

– Стефания была одной из нас, – проговорил Исаак, и на лице его появилась тень глубокой скорби. – Однажды ей не повезло оказаться на планете Макнамара. Там поднялось восстание против императора Брандомонда... Когда Зугард применил отупляющий лазер, она не успела спрятаться в убежище. В тот день отупела большая часть населения планеты.

Иннокентий догадался, что речь шла о Гвендельфине Куколке, которую когда-то звали Стефанией. Всё, что сказали партизаны, потрясло его до глубины души. Подумать только: разумное население целой планеты деградировало до уровня «гвендельфин куколок»! Теперь эти люди будут с вытяну-

тыми губами фотографироваться в туалетах ночных клубов, а некоторые начнут писать плохой рэп. Повсюду появятся курсы личностного роста «Как стать настоящим мужчиной» и «Замуж за миллионера». Одна половина пострадавших станет ведущими, а вторая – слушателями. Общество отбросит на множество лет назад. Научно-технический прогресс остановится. Неудивительно, если начнутся крестовые походы, бубонная чума, домострой... Представив эти ужасы, Иннокентий невольно содрогнулся.

После разговора в кабине пленников отвели в одну из кают. Иннокентий думал о Хельмимире.

«Интересно, – рассуждал елдыринец, – и как это она умудрилась стать лидером этой группировки? Возможно, у ней просто нормального мужика нет?»

Глава 7: История Хельмимиры. Часть 1

Хельмимира Лукреция Гелихард родилась в семье преподавателей истории и права на планете Эстер-Ледерберг. Планета считалась «университетской»: там было много учебных заведений. Рядом находилась главная планета империи – Джоселин-Белл-Бернелл, однако на Эстер стекались даже столичные абитуриенты.

Хельмимира выбрала Университет общественных наук и поступила туда учиться на журналиста. Она хорошо успевала по всем предметам, но не забывала и развлекаться. Организм Хельмимиры всегда вырабатывал много чистого энтузиазма: это вещество добывали из живых разумных созданий, и оно служило универсальным источником энергии. Каждый раз выходя из материализатора, Хельмимира не чувствовала даже лёгкой усталости. «Тобой можно города отапливать», – шутили подруги.

Однажды Хельмимира вызвалась работать волонтером в местную библиотеку. Вместе с другими студентами она сортировала стихи, романы и повести, которые накопились там за много тысячелетий; волонтеры обрабатывали файлы и переводили их в голографический формат. Некоторые произведения так понравились Хельмимире, что она скопировала

их для себя. Тогда мундиморийка ещё не знала, что скоро они будут запрещены: Айн Рэнд, Анна Ахматова, Аркадий и Борис Стругацкие, Умберто Эко...

На четвёртом курсе Хельмимира начала замечать странности в поведении преподавателей: учебную программу резко изменили; требования к студентам снизились. На занятиях по кинематографу теперь показывали развлекательные фильмы; то же самое происходило и с литературой, которую предлагали студентам. Образцы общегуманоидного искусства заменили на старинные мундиморийские тексты, где прославлялся культ силы и традиции.

– Традиция – это всего лишь многовековая привычка, и притом не всегда полезная, – сказала Хельмимира однажды на занятии, за что получила самый низкий балл.

Часы по имперской идеологии увеличили в два раза. Студентов убеждали в том, что каждому существу во вселенной по праву рождения уготовано определённое место, и нарушать этот порядок нельзя. Есть монарх – отец и светоч нации, есть воины, которые защищают страну от гнусного врага (имя врага не уточнялось), а есть народ, которому положено работать и не задавать лишних вопросов... Преподаватели, которые не хотели участвовать в пропаганде, увольнялись. Было очевидно: кто-то могущественный пытается отменить эволюцию общественной мысли, которая произошла в империи за много лет. Вскоре из библиотеки исчезли произведения древних гуманоидов. Спустя некоторое время их

запретили.

Будучи уже старшекурсницей, Хельмимира воспринимала эти перемены с тревогой и отвращением. То, что говорили на лекциях по идеологии, шло вразрез с её понятиями о справедливости, и она не боялась обсуждать это вместе с другими студентами. Однажды Хельмимира показала друзьям романы и повести, которые когда-то нашла в библиотеке... Как же сильно отличались они от того, что навязывала имперская пропаганда!

– Мы должны распространить это среди студентов младших курсов, – сказала Хельмимира друзьям. – Иначе смысла нет учиться в этой казарме... Кто со мной?

Хельмимира создала и возглавила студенческий кружок любителей запрещённой литературы. Когда об этом узнал декан, мундиморийку едва не отчислили. Благо, родители Хельмимиры сумели найти нужные связи, и она всё же доучилась последний курс под их контролем. Сжав зубы, Хельмимира слушала увещевания матери и упрёки отца; а чего ей только стоило не перечить преподавателям! Закончив университет, Хельмимира решила, что с неё хватит: имея на руках распределение в местную газету «Агропромышленные новости», мундиморийка собрала чемодан и отправилась покорять столицу.

Это было время, когда на Джоселин-Белл-Бернелл ещё существовала свободная пресса. Хельмимира долго обивала пороги оппозиционных изданий, пока в одном из них её не

взяли младшим корректором.

– Беглянка, – усмехнулся главный редактор. – А как же «Агропромышленные новости»?

Так началась её карьера: в съёмных апартаментах на окраине зоны Джудит-Лав-Коэн и без единого космотугрика за душой. Однако, несмотря на скромную зарплату, несмотря на презрение большого мира к маленькому человеку, Хельмимира была полна решимости изменить вселенную.

Ей доверили раздел о новинках кино, и Хельмимира взялась за дело с энтузиазмом. Её статьи пестрили остроумными ремарками и отсылками к классическим произведениям; мундиморийка всегда умудрялась получать нужные интервью и приглашения на предпоказы фильмов. Спустя некоторое время её заметили и предложили редактировать информационный блок о событиях массовой культуры. Хельмимира согласилась, но свою колонку не бросила.

Карьера молодой журналистки шла в гору: новые знакомства, интересные встречи, работа допоздна... Вращаясь в околбогемной среде, Хельмимира замечала, как модные фильмы и книги становятся всё хуже и хуже. «Конечно, это вкусовщина, – убеждала себя мундиморийка. – Мне, наверное, сложно угодить». Однажды она познакомилась с молодым режиссёром, который сказал ей довольно странную фразу: «Сейчас, если хочешь пробиться в люди, нужно либо снимать абсолютный шлак, либо становиться придворным шутом».

Поговаривали, что Его Высочество Брандомонд – тогда ещё принц, сын императора Сигриса Гордетольфа – был поклонником «альтернативной» культуры. В один прекрасный день Хельмимиру пригласили во дворец на элитный показ какой-то картины. То, что увидела мундиморийка, потрясло её до глубины души: фильм был как будто снят в другой вселенной. «Отчего же он так хорош? – спрашивала себя Хельмимира. – Ведь нет ни особых спецэффектов, ни дорогой графики...» Зачарованная, она смотрела на игру актёров – и чувствовала, как сердце её тает от какое-то невероятной теплоты, невероятной искренности. Музыка была восхитительна. Все новинки современного кино казались Хельмимире фальшивкой – словно восковые муляжи рядом с живыми фруктами. «Что же в нём такого особенного? – рассуждала мундиморийка. – Может... душа?»

Когда приём был окончен, Хельмимира обратилась к организатору. Она спросила у него, покажут ли фильм в кинотеатрах. Тот посмотрел на неё свысока и презрительно усмехнулся: «Боюсь, это не для широкой аудитории».

Поражённая, она пошла прочь – мимо хорошо одетых гостей, которые обсуждали произведения литературы. Неожиданно для себя Хельмимира услышала название того самого романа, за который её чуть было не отчислили из университета... Придворные наслаждались прекрасными продуктами высокой культуры, в то время как массового зрителя кормили низкопробными шутками.

С тех пор колонка Хельмимиры стала ещё более ядовитой и хлёткой. Когда же на экраны вышла очередная комедия, которую снял имперский режиссёр по фамилии Какашкин, мундиморийка разнесла её в клочья. «Не проблема, что зрителя держат за жвачное животное, – написала Хельмимира. – Проблема в том, что после просмотра он может им стать».

Наказание последовало немедленно. Ещё до того, как номер оказался на сервере, главный редактор газеты вызвал Хельмимиру к себе в кабинет.

Оказалось, что её выходки давно всем надоели. Гадость, которую она написала о фильме господина Какашкина, никогда не увидит свет. Инцидент во дворце Его Высочества бросает тень на доброе имя владельца газеты. Теперь издание станет более лояльным к политике императора.

– Если вы всё ещё дорожите своим местом, – проговорил главный редактор, – то напишите нормальную рецензию на фильм... И вообще, будьте поскромнее. Присмирите ваш борзый слог. Молодым девушкам не положено так сильно умничать – иначе мужа себе не найдёте.

Содрогаясь от возмущения, Хельмимира молчала. Ожидая, что молодая женщина испугается, главный редактор отпустил её «хорошенько подумать». Однако уходить она не спешила. В недоумении он поднял на неё глаза – и вот тут-то Хельмимира высказала ему всё, что накопилось в её отчаянной душе.

– Меня, – проговорила она, – просто вырвет, если я снова

увидю хоть один фильм господина Какашкинда. Эта ублю-
дочная клоунада не имеет никакого отношения к хорошему
кино. Я скорее отрежу себе руки, чем напишу о ней хоть од-
но доброе слово. И да, по поводу замужества... Я презираю
трусов и тупиц, которые боятся остроумных женщин.

Бледное лицо главного редактора покраснело и покрылось
испариной. Хватая губами воздух, он был не в силах выда-
вить из себя ни слова.

– Жаль, что так выходит, господин Ильфо-Ульфо, – груст-
но усмехнулась Хельмимира. – Когда-то и вы были настоя-
щим журналистом, а теперь вот семью кормить надо... Не
мне вас судить. Прощайте.

С этими словами Хельмимира вышла из кабинета. Она
знала: работу в столице она больше не найдёт. «Сначала до-
бейся, нахальная девка!» – орал ей вслед главный редактор.
«Добьюсь, не переживайте», – мысленно отвечала ему Хель-
мимира, покидая приёмную.

Несмотря на неудачу, сдаваться Хельмимира не собира-
лась. У неё были сбережения и старый дом на родной плане-
те бабки. Хельмимира собрала деньги, купила сервер и полу-
чила разрешение отправлять файлы на спутник, откуда они
поступали на трансляторы подписчиков.

Успех пришёл далеко не сразу. Хельмимира так и назва-
ла свою газету – «Свобода слова». Сначала денег на рекламу
не было, и файлы приходилось рассылать бесплатно. Вскоре
появились те, кто захотел оформить подписку. Хельмими-

ра сама вела все разделы издания и занималась техническими вопросами. Приходилось экономить. Когда подписчиков стало больше, Хельмимира позволила себе расширить штат. Первым её сотрудником стал Исаак Бергдис Варда – охранник ночного клуба «Пафосная стерлядь» и начинающий писатель.

С ним Хельмимира познакомилась ещё тогда, когда работала на прежнем месте. В газете была рубрика «Творчество наших подписчиков». Скитаясь по изданиям, Исаак пытался пристроить свои рассказы, и однажды попал в приёмную господина Ильфо-Ульфо.

– Тебе чего, здоровяк? – спросил главный редактор, увидев качкоида на диване для посетителей. – Прости, но нам сейчас не нужны охранники.

Качкоидов считали туповатыми; обычно им доверяли несложные занятия. Несмотря на то, что качкоиды составляли основу пехоты мундиморийской армии, даже там они едва могли дослужиться до младшего офицера. Качкоид с высшим образованием считался большой редкостью – как, например, женщина-учёный. И то, и другое осуждалось. «В этом мире каждый должен следовать своему предназначению, а не каким-то глупым мечтам», – говорил император Сигрис Гордетольф.

– Я не ищу работу, – сказал Исаак, – а хотел бы опубликовать своё произведение в вашей газете.

Криво усмехнувшись, Ильфо-Ульфо оглядел его с ног до

ГОЛОВЫ.

– Не знаю, чем тебе помочь, – произнёс редактор. – Мне не публикуем статьи о вкусной и здоровой пище – ну, или что ты там навалял? А вообще, обратись в журнал любительского творчества: там и домохозяйек публикуют, и детей, и качкоидов...

С этими словами главный редактор удалился в свой кабинет. Бедняга Исаак так и остался стоять в приёмной на глазах у остальных посетителей. По воле случая, среди них была Хельмимира. Бегом спустившись по лестнице, она догнала Исаака у самого выхода из редакции – когда, сгорая от унижения, он готов был навсегда оставить попытки стать писателем.

– Эй, парень! – окликнула его мундиморийка, не боясь выйти на холод в лёгком платье. – А ну стой!

Оглянувшись, он увидел за собой красивую молодую женщину: спортивные туфли, высокая причёска и горящие глаза... Пройдёт немало времени в различных системах исчисления, но именно такой Хельмимира останется для него навеки.

– Дай мне свои тексты, – решительно сказала она, приблизившись. – Если понравятся – помогу опубликовать.

Исаак оглядел её подозрительным взглядом: странная дамочка, возможно, хочет над ним поглумиться.

– Какое тебе дело до моих текстов? – огрызнулся качкоид.
– Такое дело, что я терпеть не могу социальные стереоти-

пы, – ответила Хельмимира.

Исаак мгновенно понял всю подноготную этой красотишки: ушлая баба явно спит с главным редактором и хочет заработать на очередное симпатичное платье.

– Денег, фифа, у меня нет, – заявил Исаак. – Так что пощи других претендентов на своё правдолюбие.

Несколько секунд Хельмимира внимательно смотрела ему в глаза, а потом спросила:

– Ты что, и впрямь тупой?

Уже будучи шкипером космических партизан, Исаак любил называть Хельмимиру «фифа» – всегда в шутку и наедине. «Никакая я уже не фифа», – грустно улыбалась Хельмимира, оглядывая свои грубые сапоги, постаревшие руки и пистолет на поясе.

В тот вечер она взяла его координаты, но так и не вышла на связь – ни на следующий день, ни после... Спустя некоторое время Исаак решился пойти в редакцию и узнал, что странную «фифу» уволили со скандалом. «Плакала моя лайка, – думал качкоид, горько усмехаясь. – А я, дурак, ещё на что-то надеялся!»

Выгнали Хельмимиру и вправду быстро: господин Ильфо-Ульфо оформил увольнение сразу после разговора в кабинете. Из-за всех этих злключений Хельмимира совсем забыла о качкоиде; её увлекла новая борьба – и вот мундиморийка отправилась на другую планету, чтобы продать бабушкин дом и достать немного денег. Однако, вернувшись

в столицу, Хельмимира заметила у себя на рабочем столе ту самую лайку с творчеством Исаака... Проклиная себя, мундиморийка тут же села за стол и принялась читать, хотя двое суток не спала в дороге.

Рассказы и повести качкоида оказались неожиданно хороши. «Какой интересный, необычный слог! – думала Хельмимира, переходя глазами от символа к символу. – Так самобытно, так свежо... Хотя есть, конечно, налёт каких-то дешёвых курсов писательского мастерства – но это неизбежное зло нашего времени...»

Сюжеты рассказов Исаака выдавали подробности его жизни. Хельмимире представилась рабочая зона планеты – одна из тех, например, что примыкают к Джоселинскому Промышленному Бассейну; грубое окружение, тяжёлая рутина и ненасытная жажда вознестись над обыденностью силой творчества...

Её догадки были близки к правде. Исаак действительно родился на Джоселин-Белл-Бернелл – в зоне, где добывали ихний. Отец качкоида работал на рудниках, мать – на скотобойне. Юный Исаак ходил в местную школу. Он отлично ладил со сверстниками, но иногда над ним подсмеивались из-за любви к книгам. Некоторое время после школы Исаак работал там же, где и его отец. А в один прекрасный день молодой качкоид попрощался с родными и уехал в Джудит-ЛавКоэн, где нашёл работу охранника.

«Ишь, какой царевич! – завистливо рассуждали знако-

мье. – Красиво жить – совсем не то, что здесь ишачить!» И хоть скромная Джудит-Лав-Коэн была отделена от шикарных Беатрис-Тинслей и Каролин-Порко чередой агропромышленных комплексов, для гуманоидов из рабочих зон даже она казалась верхом изящества и роскоши.

Однако Исаак уехал совсем не за красивой жизнью. С первой зарплаты он оплатил себе курсы писательского мастерства. Спасаясь от скуки, он много читал. А когда к нему пришло вдохновение, качкоид принялся творить запоем. «Нам с детства внушают, что наши мечты неосуществимы, а заработать можно лишь тяжким трудом, который обязательно ненавидишь», – напишет он в одном из своих рассказов.

...Поглощённая чтением, Хельмимира не заметила, как прошло несколько часов. Когда она закрыла последнюю страницу, небо за окном уже озарялось красноватыми лучами одного из джоселинских солнц – Сесилии-Пейн. «Обязательно напишу ему!» – думала Хельмимира, засыпая. Ей приснился необъятный океан – такой, какого не встретишь на Джоселин.

Проснувшись, Хельмимира написала Исааку и стала ждать. Однако время шло, а качкоид всё медлил с ответом. Сначала Хельмимира не беспокоилась, но вскоре поняла, что Исаак попросту её не дождался. «Как глупо всё вышло! – сокрушалась Хельмимира. – Может, поговорить с ним лично?»

Клуб «Пафосная стерлядь» находился в центральной ча-

сти Джудит-Лав-Коэн, среди модных торговых центров и изящных кафе. Хельмимира подъехала туда наземным такси и, смущаясь, вошла внутрь. Было ещё слишком рано для посетителей, однако за одним из столиков уже веселились какие-то тусовщики. Осмотревшись, мундиморийка увидела двоих охранников и спросила об Исааке.

– В отпуске он, – проговорил какой-то качкоид и по-дурачки оскалился.

– В запое, уже с неделю, – уточнил второй охранник.

Хельмимира почувствовала неприятный укол в груди.

– Может, цыпа, это он из-за тебя квасит? – спросил первый качкоид, всё также глупо улыбаясь.

Изумившись тому, насколько прав он может быть, Хельмимира бессознательно подняла на него глаза.

– Может, из-за меня... – тихо произнесла мундиморийка и тут же, спохватившись, спросила: – Ты знаешь, где его найти?

– Как не знать! – попросту ответил охранник. – Здесь недалеко есть рюмочная «У дона Забулдыгина» – там его и ищи. Он, фифа, теперь оттуда не выходит.

– И спит в подсобке, – добавил второй качкоид.

Радуюсь тому, что парни оказались такими болтливými, Хельмимира поспешила в рюмочную – и там нашла Исаака прямо за барной стойкой.

– Хватит пить! – без всяких церемоний сказала она, приблизившись.

Ошеломлённый, Исаак повернул голову.

– Ты зачем сюда явилась, ненормальная? – спросил он.

Остальные забулдыги, вероятно, подумали, что Хельмимира – его бывшая.

– Хочу предложить тебе работу в моей газете, – уверенно сказала Хельмимира, игнорируя косые взгляды.

– Это там, откуда нас с тобой прогнали? – уточнил Исаак.

Несколько секунд Хельмимира молчала.

– К чёрту всё! – неожиданно проговорила она и, ко всеобщему удивлению, уселась прямо возле качкоида. – Бармен, три «Пилота в глубоком штопоре»!

Обалдев от такого поворота, Исаак рассмеялся. Мундиморийка рассказала ему о том, как её выгнали из редакции; о том, что она прочла все его рассказы – и они ей понравились; о том, что у неё теперь есть сервер и лицензия на распространение информации...

– Знаешь, мне было легко получить все эти разрешения, – похвасталась Хельмимира. – Я ведь женщина, а женщин они вообще всерьёз не воспринимают. Наверное, подумали, что я собираюсь вести журнал о домоводстве... Удобно, да? Теперь никому из них мало не покажется!

Исаак ответил, что ему никто не позволил бы вести журнал о домоводстве. Оценив шутку, Хельмимира посоветовала качкоиду не ломаться, а идти к ней работать. В конце концов, сколько можно смотреть на всю эту пафосную стерлядь?

Помимо Исаака, в штат сотрудников Хельмимиры пере-

шли те, кого не устраивала политика господина Ильфо-Ульфо. Скоро в редакции «Свободы слова» работали восемь журналистов, два корректора и один специалист по техническим вопросам. Всё больше людей покупали подписку. «Сатира – мощное оружие», – говорила Хельмимира своим подчинённым.

«Низкая оплата женского труда – отличная попытка сохранить институт семьи и духовные скрепы. Очень трогательно и в духе имперской идеологии».

«Социальные гарантии высоки для военных и ничтожны для всех остальных. Предлагаю к каждому военному приставить две-три декретницы и одного инвалида».

«Имущественный ценз на выборах местных чиновников – очень «современный» шаг. Власти, наверное, думают, что умный человек не может быть бедным».

Через три с половиной джоселинских года «Свободу слова» читали во всех зонах столицы. Хельмимире приходилось нанимать новых сотрудников. У газеты был форум, и это добавляло ей популярности: далеко не все имперские издания любили обратную связь. Разумеется, всегда находились те, кто пытался взломать сервер и получить свежий номер бесплатно.

Однако свободной прессе приходил конец. Главным советником Его Величества по вопросам культуры стал маэстро Харальдюф. Именно он и внедрил Программу Культурной Доступности на всех планетах Мундиморы. Чуть позже

Хельмимира окрестила её «Программой Всеобщей Дебилизации». Она заключалась в том, чтобы заставить народ поменьше думать. Для этого у Харальдюфа были свои цензоры; именно они решали, какой фильм выйдет на экраны, какая книга увидит свет, какое шоу появилось в эфире... Главной их задачей было поддерживать имперскую пропаганду. Цензура пропускала только те произведения, в которых восхвалялись традиционные устои, патриархальная семья, культ войны и святость монарха. Необходимо было оградить мундиморийское общество от любого прогресса мысли. Однако не все «идеологически правильные» произведения выдерживали проверку. Например, если в книге был хороший слог, её не допускали до массового читателя. В прокат выходили фильмы без сюжета – зато со множеством клише. Имперские каналы показывали шоу о том, как правильно испражняться. Научно-популярные передачи были запрещены.

Читателям нравилось, с какой весёлой ехидцей Хельмимира высмеивала пропаганду. Однако и саму Хельмимиру критиковали без всякой жалости.

«Она зарабатывает себе на жизнь, поливая грязью чужие творения», – возмущались моралисты.

«Да возьмите её кто-нибудь замуж! – пытался шутить господин Какашкин. – У неё просто мужика нет, вот и лезет в главные редакторы».

«Так женитесь на мне, – отвечала ему Хельмимира. – Рядом с вами я отупею и не смогу больше писать сатирические

тексты».

Вообще, на одинокую бабу принято было смотреть с жалостью и презрением, как на что-то неполноценное. Считалось, что женщина может серьёзно заниматься любимым делом только потому, что у неё мужика нет. С лёгкой подачи Какашкинда Хельмимира получила позорное клеймо «сильной и независимой» – однако на самом деле всё было совсем не так, как злорадно думали неравнодушные.

Исаак в жизни своей не видел таких женщин, как Хельмимира. Его мать была сурова, немногословно и хозяйственна. Первая девушка, с которой он стал встречаться, жила в доме напротив и мечтала выйти замуж сразу после школы. Она даже пробовала забеременеть. Что бы ни говорили о качко-идах, у Исаака был достаточно высокий интеллект для того, чтобы этого не случилось. После разрыва её родители называли его подлецом и негодяем. Братья несчастной даже вызвали Исаака на бой, от которого сами потом отказались.

– Ты был её первым мужчиной! – в ярости кричали они.

– А она была моей первой женщиной, – отвечал Исаак. –

И я не хотел бы ломать ей жизнь.

Вторая его пассия работала на заводе. Это была весёлая, трудолюбивая девушка – но как-то у них не срослось. Однажды Исаак признался ей, что мечтает стать писателем. Та подняла его на смех. Расставшись с ней, Исаак начал думать о том, чтобы уехать из родной зоны – подальше от устаревшей морали.

Он прибыл в Джудит-Лав-Коэн – и тут же был ослеплён множеством прелестниц. Одна красивая зумбулянка написала на салфетке свой номер и положила ему в карман, когда он был на смене в «Пафосной стерляди». Исаак сначала опасался, а потом не выдержал и позвонил. Он ездил к ней в приличный сектор неподалёку от клуба, а потом узнал, что её муж откуда-то там вернулся и мечтает его убить... Потом была одна недотрога, но Исаак связываться не стал: слишком уж странная. Была мимолётная подруга на курсах писательского мастерства – вот, пожалуй, и весь нехитрый список его отношений.

Хельмимира явилась для Исаака чем-то из ряда вон выходящим. Сначала он пытался держать себя в руках: в конце концов, мундиморийка была его начальницей. По всем законам природы мужик не имеет права спать с женщиной, которая выше него социально и больше зарабатывает. «Вот меня и догнала та самая устаревшая мораль», – смеялся Исаак, замечая за собой такие мысли. Обманывать себя было всё сложнее: качкоид и Хельмимира проводили вместе много времени. «Даже пытаться не стоит», – думал бедняга, оставаясь один на один со своей жгучей, бестолковой, неистойвой страстью.

Когда в редакции появились ещё люди, он стал чувствовать себя особенно глупо. «Исаак, – говорила ему Хельмимира, – ты не сможешь мне сегодня? Хочу сделать видеосюжет и добавить в выпуск». «Исаак, я собираюсь в админи-

страцию зоны брать интервью. Составишь мне компанию?» «Исаак, я еду покупать сладости в комнату отдыха. Боюсь, одна я всё не унесу». При этом Хельмимира была так хороша собой и так прекрасно пахла, что бедняга не смог бы отказать, даже если бы захотел.

Всё это становилось невыносимым. «Уеду в родную зону!» – в сердцах думал Исаак и тут же понимал: на самом деле Хельмимира ждёт и улыбается. Строгая и требовательная к другим сотрудниками, она менялась, как только он переступал порог её кабинета. «Исаак, тебе нравится моя полупрозрачная блуза?» – нет, это его фантазии, на самом деле она сказала что-то другое... Однажды он достал и подарил ей запрещённую книгу. Хельмимира с радостью приняла подарок. «Знаешь, – сказала она, – мы с друзьями на выходных собираемся у меня дома смотреть артхаус. Ты тоже приходи». Когда все гости разошлись, а Хельмимира стояла у двери в спальню и улыбалась, Исаак схватил её и поцеловал. И плевать ему было на устаревшую мораль, вековые стереотипы и законы природы.

Время шло. Независимых изданий на Джоселин-Белл-Бернелл становилось всё меньше. Несколько раз в редакцию «Свободы слова» приходили с проверками. Потом власти Мундиморы приняли закон, согласно которому все предприятия и организации обязаны были каждый месяц сдавать государству по двадцать карло-саганов чистого энтузиазма на сотрудника. Тем не менее, дела у «Свободы слова» шли

хорошо, и теперь её транслировали даже на соседнюю Эстер-Ледерберг.

– Я знаю, что меня читают мои родители, – говорила Хельмимира Исааку. – И я знаю, что они в ярости.

Иногда на её транслятор приходили странные файлы. Обычно она удаляла их как вирусные. Однажды Хельмимира всё-таки решила открыть один из них и увидела довольно качественный короткометражный фильм. Было ясно: в империи существовали подпольные студии, которые распространяли своё искусство бесплатно, без лицензии. Хельмимира попыталась найти хоть одну такую студию на Джоселин, но не смогла.

Тем временем, странности продолжались. Однажды в редакцию «Свободы слова» зашёл университетский товарищ Хельмимиры по имени Флисиор – пригожий зумбулянин с необыкновенно бледной, почти голубоватой кожей и трагическим взглядом огромных тёмных глаз. Он искал работу. Хельмимира знала его как талантливоего литератора и согласилась взять на испытательный срок. О своей прежней работе Флисиор почти не рассказывал – якобы какое-то независимое издание на Эстер-Ледерберг; о том, что привело его на Джоселин, он молчал вовсе.

Через несколько месяцев праздновали юбилей «Свободы слова». Хельмимира заказала столик в ресторане. Еды и напитков было немерено. Гости веселились на всю катушку и начали расходиться только тогда, когда на небе уже не было

ни одного светила. За столом остались только самые стойкие: Исаак (он почти не пил), Хельмимира и Флисиор – причём последнему уже явно хватало. Товарищи решили проводить его домой.

Флисиор снимал жильё в той части Джудит-Лав-Коэн, где находился огромный лесопарк. Исаак выгрузил его тушку из аэротакси, положил её к себе на плечо и понёс по дороге вдоль зарослей раскидистого русланника. Хельмимира, сняв туфли, босиком шла по газону. Иногда, приходя в сознание, Флисиор смеялся, бормоча отрывистые фразы наподобие «Вы, ребята, много чего не знаете!» или «Я, ребята, могу такое вам рассказать!».

Вскоре все трое оказались на месте. В доме не было даже взлётно-посадочной площадки. Зато парковка наземного транспорта перед подъездом была забита. Когда Флисиора втащили в лифт, он внезапно очнулся и, глядя в глаза Хельмимиры абсолютно трезвым взглядом, произнёс:

– Они вербуют тех, кто им подходит. А когда он им надоёдает – промывают мозги, чтоб ничего не помнил.

Ключи от квартиры пришлось искать долго. Зумбулянин шарил по карманам, а Исаак и Хельмимира поглядывали друг на друга: он – со снисходительной насмешливостью, она – удивлённо и настороженно. Когда, наконец, Флисиор открыл двери, все трое оказались в небольших апартаментах из двух жилых комнат, кухни и санузла.

– Ну всё, друг, приехали, – сказал Исаак, помещая нетрез-

вое тело на кровать. – Пора тебе хорошенько проспаться.

Неожиданно Флисиор, который начинал клевать носом, открыл глаза и мёртвой хваткой вцепился в руку качкоида.

– Они взяли меня на работу, – заговорил он быстрым, нервическим шёпотом, – я работал неделями, работал месяцами... У меня было всё... Всё, понимаете? А потом они просто избавились от меня, как от старой собаки... Они не думали, что я вспомню...

– Да кто – «они»?! – воскликнула, не выдержав, Хельмимира. – Говори уже нормально, раз такой болтливый!

Зумбулянин повернулся к ней и тихо произнёс:

– Харальдюф и придворные.

Исаак дал ему воды. Флисиор медленно уселся на кровать. Он рассказал о том, что после учёбы работал в заштатной газете на Эстер-Ледерберг и иногда издавался. Однажды ему предложили поучаствовать в одном конкурсе и обещали хорошую работу. Флисиор предоставил жюри свой последний, ещё не изданный роман. Вскоре с ним связались и пригласили на Джоселин. Сразу по прибытии его доставили в зону Беатрис-Тинслей, где жили император и придворные. Там его ждал маэстро Харальдюф – тогда ещё камердинер принца Брандомонда. Он усадил гостя за обеденный стол и долго беседовал с ним о жизни и творчестве. «Как вы смотрите на то, чтобы переехать на Джоселин?» – спрашивал маэстро. Всё это казалось Флисиору безумным сном: его, начинающего автора, приглашают работать в императорскую зону!

Флисиору сказали, что его книги будут издаваться строго ограниченным тиражом, однако гонорар пообещали баснословный. Вне себя от счастья, Флисиор подписывал какие-то бумаги о неразглашении, в которых не разбирался, а красивые девушки-биороботы продолжали подливать вина в его бокал... Вскоре Флисиор окончательно перебрался в Беатрис-Тинслей. Все его предыдущие публикации были изъяты из массовой продажи.

У него было всё, о чём только можно мечтать – кроме свободы. Просыпался он в то время, когда одно джоселинское солнце было уже высоко, а второе только появлялось на горизонте. Ожидая, когда подадут завтрак, он купался в огромном бассейне с тёплой минеральной водой. Потом следовал день, наполненный писательской работой. Для вдохновения разрешалось гулять в сопровождении охраны. Иногда Флисиор летал на Розалинд-Франклин – планету, сплошь покрытую водой. Там, на тёплых коралловых островах, находились виллы знати. Спокойная жизнь в комфорте и роскоши была похожа на сказку, однако зумбулянин быстро пресыщался всем, кроме творчества. Самым драгоценным, самым пронзительным наслаждением для него было творить – не отвлекаясь на бытовые проблемы, не отдавая никому свой чистый энтузиазм, не страдая от цензуры...

Иногда Флисиор бывал на светских вечеринках. Во время одной из них он случайно узнал о Программе Культурной Доступности. Зумбулянин даже чуть не подружился с дру-

гим писателем – белокурым ниби с планеты Нэтти-Стивенс – но тот потом куда-то исчез. Впрочем, возможно, люди маэстро, которые постоянно следили за «творцами по контракту», попросту не дали им общаться: Харальдюф не любил, когда его подопечные слишком ладили между собой.

Придворных красоток Флисиор едва ли ценил по достоинству. Его томная красота привлекала к себе женщин определённого склада; он выглядел роковым и загадочным, однако его натура была слишком холодной и невосприимчивой. Несколько раз он влюблялся, но быстро остывал – и снова ни одно живое существо не могло отвлечь его писательства. По приказу Харальдюфа, «творцов по контракту» развлекали девушки-биодроиды. Маэстро и сам отдавал им предпочтение. «От женщин всегда много проблем, – любил говорить Харальдюф. – Особенно от тех, кто слишком много думает».

Однажды Флисиор познакомился с принцессой Визулиндой – совсем ещё юной дочерью императора. Та, смущаясь, подошла к нему после киносеанса.

– Здравствуйте, – сказала она запросто. – Мне очень нравятся ваши романы.

Понимая, кто перед ним, Флисиор поклонился. Визулинда пригласила его на заседание книжного клуба благородных девиц – и с тех пор, несмотря на разницу в возрасте, между писателем и принцессой завязалась невинная дружба. Флисиор понимал, что нравится Её Высочеству – и эту дет-

скую привязанность невозможно было воспринимать серьёзно. Друзья общались в присутствии гувернантки; Визулинда рассказывала, что собирается поступать Биотехнологический Университет на Эстер-Ледерберг. Они часто обсуждали его книги – и Флисиор отмечал, что Визулинда понимает их лучше чем кто бы то ни было. Не в силах побороть неловкость, зумбулянин держался отстранённо и с большим почтением. Визулинда весело смеялась, прося посвятить ей новую «Алису в стране чудес».

– Моя реальность не менее занимательна, – говорила Её Высочество.

Всё закончилось, когда одним утром Флисиор обнаружил себя в незнакомом месте. Сперва бедняга даже не понимал кто он; мысли роились в беспорядке – так, что невозможно было узнать даже знакомые предметы. Мир вокруг будто бы вращался; в этом вихре Флисиор искал хоть шаткую опору для осознанности – и не мог её нащупать; ему всё казалось, что он задыхается... Потом какая-то часть его разума всё же посветлела – и зумбулянин понял, что находится на общественном космодроме «Андреа-Гез», прямо в главном холле перед большим табло. Повинуясь бессознательному порыву, Флисиор запустил руки в карманы; там, на самом дне, лежали его удостоверение личности и билет на Эстер-Ледерберг. Внезапно он вспомнил дуло отупляющего ружья над головой – и это было единственное, что он мог воссоздать из последних событий. Содрогаясь, зумбулянин повернулся и зашагал

прочь... На Эстер не тянуло. Наперекор всему, назло судьбе и тем, кто оставил его здесь, Флисиор спустился на нижний уровень космопорта, сел в электропоезд и вышел в зоне Мария-Кюри.

Он всё ещё плохо осознавал себя; каждая мысль, каждое решение давались с трудом. Несколько дней Флисиор бродяжничал, а потом устроился работать в буфет – и вот потекла для него странная, бессознательная жизнь.

Так проходили месяцы. Путешествуя из одной зоны в другую, Флисиор пытался восстановить в памяти то, что происходило с ним последние несколько лет. На каждом из мест работы из него извлекали чистый энтузиазм несколько раз в месяц по расписанию. Выходя из материализатора, он едва соображал, а потом страдал мигренью. Большого труда стоило бедняге оклематься. Вспомнив, наконец, основы своей профессии, он устроился консультантом в книжный магазин.

Это было время, когда Программу Культурной Доступности ещё не успели внедрить повсеместно. Существовали независимые издательства; в книжных магазинах можно было найти произведения, до которых не добралась цензура. Немногим позже монополистами книжного рынка стали только две крупных корпорации: издательство «Вялый обоснуй» и издательство «Издевательство». Первое занималось литературой для настоящих мужчин: бизнес-руководства, околонуточная фантастика и рассказы о бравых воинах

различной степени адекватности. Второе издавало книги для дам: любовные романы, кулинарные энциклопедии и пособия Гвендельфины Куколки о том, как стать настоящей богиней. Поощрялось, чтобы книжный магазин был разделён на два отдела: мужской и женский. Если книга, написанная женщиной-автором, попадала на «мужскую» половину, то мог случиться скандал. Так в жителях империи поддерживались священные традиции гендерных различий.

Когда же Флисиор впервые переступил порог своего будущего места работы, такого порядка ещё не было. На полках царил хаос. Бедолага читатель, теряясь в названиях, просто не мог сообразить, какую бы книгу ему приобрести. Некоторые книги были даже без картинок. Женщины-авторы, которые не писали любовных романов, часто прятались под мужскими псевдонимами – чтобы не отпугивать аудиторию.

Зумбулянин проработал в магазине около двух лет, прежде чем стали появляться первые воспоминания. Всё это время он почти ни с кем не общался, а жил в мансарде. По долгу службы он много читал, и ему приходилось анализировать тексты. Однажды Флисиор изучал очередную книгу – и внезапно в его сознании вспыхнул мгновенный след прошлого: искусственный водопад посреди вычурного холла, пышные наряды гостей, любознательная дева, тощее лицо гувернантки... Флисиор вздрогнул и закрыл голограмму. Позже, овладев собой, он попытался соединить фрагменты. По мере того, как приходили воспоминания, мозаика всё дополня-

лась, пока частицы паззла не образовали полную картину... Завершающим штрихом стало то, что однажды в книгохранилище на глаза Флисиору попался его же роман – тот самый, который был опубликован ещё до встречи с Харальдюфом. Флисиор помнил далеко не все детали, однако теперь он точно знал, что именно с ним произошло.

Выслушав его историю, Исаак и Хельмимира ошарашенно молчали.

– Такие вот дела, – заключил Флисиор. – Всё было хорошо до тех пор, пока мою последнюю книгу не забраковали придворные критики... Проще говоря, от меня избавились, когда я надоел.

– Ты точно знаешь, что именно поэтому? – спросила Хельмимира.

– Да, я уверен, – ответил зумбулянин. – Я и раньше об этом слышал. Ходили слухи, что люди Харальдюфа «списывают» постаревших актёров и музыкантов... Я, если честно, не верил.

В комнате воцарилась тишина. Исаак и Хельмимира переглянулись.

– Если всё это правда, нужно срочно об этом рассказать, – произнесла, наконец, Хельмимира.

– За этим я и пришёл к тебе, – усмехнулся Флисиор. – А потом передумал...

– Почему? – удивилась мундиморийка.

– Думаю, будет лучше оставить всё как есть, – рассудил

зумбулянин. – Если я заговорю, со мной расправятся...

– Ты хоть понимаешь, какую тайну раскрыл?! – воскликнула Хельмимира. – Ты не имеешь права молчать!

– Предлагаешь мне пойти против Харальдюфа?

– И против Харальдюфа, и против императора. К чёрту Программу!

– Ты ненормальная – больше и сказать нечего...

– Ненормальный тот, кто терпит над собой всё это скотство!

– Даже если расскажем – нам вряд ли кто-то поверит.

– Ещё как поверит! Подумай, скольких людей мы могли бы предупредить!

– Да, могли бы... А для тех, кого уже завербовали, они просто увеличат заряд – чтоб уж точно ничего не всплыло...

Хельмимира вновь умолкла, осекшись. Исаак тяжело вздохнул.

– Конечно, без твоего согласия я не стану ничего публиковать, – сказала Хельмимира, помолчав. – Но, знаешь, если поднять шумиху в прессе, Харальдюфу как бы то ни было придётся отвечать на обвинения – и вряд ли он посмеет что-либо с нами сделать... Так что подумай, Флисиор: мы могли бы изменить многое.

Было уже совсем светло, когда Исаак и Хельмимира оставили Флисиора одного. Ещё некоторое время после этого зумбулянин ходил на работу в редакцию «Свободы слова» – так, будто бы ничего не произошло. А потом он внезапно ис-

чез, не вернувшись из поездки на Эстер-Ледерберг.

За несколько месяцев до своего исчезновения он говорил Исааку о том, что снова хотел бы написать роман – только ничего не выходит. Как и все граждане империи, сотрудники «Свободы слова» постоянно должны были отдавать свой чистый энтузиазм «на благо общества». Каждый раз выходя из материализатора, Флисиор жаловался, что чувствует себя разбитым. Его организм, в отличие от организма Хельмимиры, не мог вырабатывать много душевной энергии. Всё чаще он брал дополнительные выходные. Поначалу Хельмимира закрывала на это глаза, но спустя какое-то время стала вычитать из зарплаты.

Однажды Флисиор явился в редакцию на удивление рано. Бедняга, судя по всему, почти не спал; он казался бледнее, чем обычно; глаза будто впали. Его трагическая красота имела болезненный оттенок.

– Вчера кто-то прислал мне один из тех романов, что я написал для принца Брандомонда, – сказал Флисиор, когда поздним вечером пришёл в кабинет Хельмимиры.

Отвлёкшись от вычитки статей, мундиморейка подняла на него удивлённый взгляд.

– И что бы это могло значить? – спросила она.

– Не знаю, – вздохнул зумбулянин, шумно опускаясь на бесформенное сидение перед столом. – Ты точно никому об этом не говорила?

– Ещё чего! – возмутилась Хельмимира.

– Может, Исаак проболтался?

– Довольно!

Голос Хельмимиры сделался резким; чуть наклонившись вперёд, она неотрывно уставилась на Флисиора.

– Ты что, так и будешь всю жизнь бояться любого шороха? – проговорила мундиморийка после паузы.

Флисиор вздрогнул и поднял взгляд.

– И что ты предлагаешь делать? – спросил он раздражённо.

– Я предлагаю поступить правильно, – без колебаний ответила Хельмимира. – Хватит молчать! Подумай об этом хорошо, Флисиор.

Спустя некоторое время зумбулянин стал вести себя спокойнее и даже повеселел, а потом попросился в отпуск на родную планету.

– Очень хочется увидеть отца с матерью, – признался он коллегам, покидая редакцию «Свободы слова». – Мы плохо расстались, и пришло время помириться.

Когда же Исаак и Хельмимира прибыли на Эстер-Ледерберг в поисках Флисиора, его родители приняли их довольно холодно. Супруги явно хотели поскорее избавиться от незваных гостей. Тем не менее, они позвали их в дом и заварили целый перколятор душистого кофечая. На все вопросы Хельмимиры они отвечали коротко и сухо. Отец Флисиора – пожилой зумбулянин в старомодном жилете из добротной шерсти – посоветовал гостям «не лезть в эту историю».

Разочарованные, Исаак и Хельмимира попрощались и вышли прочь. Перед отлётом на Джоселин они всё же не поленились расспросить соседей о Флисиоре. Кто-то сказал, что недавно видел его у дома родителей – но мог и обознаться.

Несмотря на неудачу, Исаак и Хельмимира не собирались бросать расследование. Они узнали номер космического рейса, которым летел зумбулянин. Его также отмечали на контроле прибытия. Это говорило о том, что Флисиор действительно летал на Эстер. Потом удалось достать списки тех, кто прибыл на Джоселин за последнее время. Флисиора среди них не было. Не было его и среди тех, кто вылетал с Эстер-Ледерберг на другие планеты.

– Выходит, он до сих пор на Эстер, – говорила Хельмимира. – Если, конечно, он не путешествовал частным аппаратом.

Двигаясь в слепую, журналисты пытались собрать как можно больше фактов. Сразу по возвращении домой Хельмимира встретила хозяйка квартиры, которую снимал зумбулянин. Флисиор остался должен, и Хельмимира заплатила необходимую сумму, чтобы осмотреть апартаменты.

Однако осмотр результатов не дал. Жилище выглядело так же, как и в тот раз, когда Исаак и Хельмимира были там впервые: кое-какая мебель, одежда, книги... Транслятор и клавиатуру Флисиор взял с собой. На столе, помимо недопитого кофе, лежала открытая, практически пустая упаковка дорогих сладостей.

– Мне вот интересно, – рассуждала Хельмимира, когда они с Исааком шли через парк обратно к стоянке аэротакси. – Как ему удалось всё вспомнить? Говорят, действие отупляющего лазера необратимо.

– Технология новая, – ответил Исаак, подумав. – Скорее всего, мы до сих пор чего-то не знаем.

Заявление о пропаже Флисиора давно лежало в Комиссии Уголовных Расследований – и всё без толку. Его фото было в каждом номере «Свободы слова». Проходили месяцы, однако никаких новостей о журналисте в редакцию не поступало. Злые языки обвиняли Хельмимиру в том, что она спекулирует на чужом горе. Мундиморийка не обращала внимания. Гораздо большей была то, что поиски зашли в тупик. Вне себя от бессильной ярости, Хельмимира понимала: шансы найти Флисиора таяли с каждым днём.

Теперь она поставила себе новую цель: найти людей, с которыми случилось то же, что и с Флисиором. Это, разумеется, было непросто. Хельмимира решила действовать издалека. Она начала с того, что позвонила знакомому директору независимого издательства. От него она узнала имена писателей, чьи книги были изъяты из массовой продажи за последнее время. Никто из тех, кого он припомнил, не был родом с Джоселин. Никто из них больше ни разу не публиковался в столице.

Хельмимира навела справки и вышла на след одного писателя с планеты Нэтти-Стивенс. Его подруга работала в ре-

дакции журнала, владелец которого заключил со «Свободой слова» договор о взаимной рекламе. Девушка рассказала, что и она участвовала в конкурсе на место у приличного работодателя. Жюри высоко оценило её произведения. Однако потом ей сказали, что «предпочтения отдаётся писателям мужского пола», извинились и больше не звонили. Зато её друга, который по количеству баллов шёл сразу позади, довольно скоро пригласили в Беатрис-Тинслей. Спустя некоторое время она тоже переехала на Джоселин-Белл-Бернелл. Знакомые переписывались: девушка рассказывала писателю о том, как за небольшую плату работала корректором. Он, в свою очередь, хвастался своей роскошной жизнью в Беатрис-Тинслей. Чуть позже молодой мужчина перестал выходить на связь. Девушка, разумеется, решила, что баловень судьбы не изволит больше общаться с неудачницей. Когда же она прилетела к родственникам на Нэтти-Стивенс, то узнала, что бывший придворный писатель находится в психиатрической больнице в том же секторе, где она жила раньше. Хельмимира даже летала туда пообщаться – и нашла лишь тень человека. Бедняга страдал от тяжёлого эпизода депрессии и ничего не помнил.

Существовали и другие зацепки. Спустя некоторое время после путешествия на Нэтти-Стивенс Хельмимира нашла информацию о другом писателе – уже с планеты Ида-Ноддак. Его судьба была схожа с судьбой Флисиора. Хельмимира полетела на Иду и встретила с его матерью. Пожилая

женщина рассказала, что сын действительно работал в Беатрис-Тинслей. Когда же от него перестали приходить письма, она сама отправилась на Джоселин-Белл-Бернелл. В Комиссии Уголовных Расследований обещали помочь, и на этом всё закончилось. На приём к Харальдюфу она не попала.

Сопоставляя факты, Хельмимира понимала: Флисиор ничего не выдумал, и Программа Культурной Доступности действительно существует – как существует и «особая» культура, отличная от культуры масс. Всё чаще вспоминала она тот вечер, когда сама побывала в Беатрис-Тинслей на киносеансе для придворных. Тем не менее, в руках у неё не было ни одного доказательства. После каждой командировки она возвращалась домой с тяжёлым сердцем. Расследование длилось уже много месяцев – однако до сих пор Хельмимира не сумела собрать материал для статьи. Постоянное созерцание чужого горя оставляло в её душе болезненные раны, которые потом долго рубцевались, превращаясь в грубые полосы. Хельмимира как будто билась о кирпичную стену, за которой слышались голоса.

Когда Исаак ночевал у себя, Хельмимира то и дело просыпалась от малейшего шороха. Возвращаясь с работы, она стала бояться водителей аэротакси. Отпирая дверь собственной квартиры, мундиморийка отчётливо слышала позади себя пугающие шаги – и, оборачиваясь, не видела за спиной никого...

Рядом с Исааком было спокойнее, но не могла же Хель-

мимира везде таскать его за собой. Как-то раз качкоид признался, что здорово устал от всей этой «погони за призраками».

– Это не погоня за призраками, – сказала Хельмимира. – Это работа журналиста – докопаться до правды, рассказать её и призвать к действию.

Однажды Хельмимира купила себе личный пистолет модели «грэйс-хоппер». Это было небольшое легковесное оружие для стрельбы на близком расстоянии. Регистрируя пистолет Секции Уголовных Расследований, Хельмимира встречала недоумевающие взгляды.

– И всё же, – назидательно произнёс какой-то чиновник, – советую вам хранить эту вещь у мужа. Ему намного легче понять, как она работает.

– Обожаю социальные стереотипы, – ответила незамужняя Хельмимира. – А теперь у меня даже есть то, на чём я буду их вертеть.

Чтобы научиться стрелять, она заплатила одному ветерану – владельцу тира. Сначала старик был озадачен: мунди-морийка любила платья и выглядела как «девочка». Потом он всё-таки сжалился над несчастной: у таких, как она, чаще всего просто мужика нет.

– Ничего, – подбадривал бабёнку отставной ефрейтор, – выйдешь замуж, и не понадобится тебе этот дружок.

– Вы говорите так, будто я не пистолет купила, а фалло-иммитатор, – отвечала Хельмимира.

Пытаясь охладить воспалённый разум, мундиморийка всё чаще навевалась в тир. Старик обучал её новым приёмам. В конце концов, он проникся уважением к упорной «бабёнке» и даже различил в ней хорошего стрелка.

«Если за мной придут, то никакой пистолет мне не поможет», – думала Хельмимира каждый раз, когда возвращалась с тренировки. Однако с оружием было спокойнее. Приходя домой, мундиморийка продолжала работать над статьёй о Программе Всеобщей Дебилизации – несмотря на скепсис коллег.

Перед тем, как опубликовать статью, Хельмимира официально уволила всех сотрудников газеты, включая даже Исаака. В одно прекрасное утро очередной выпуск «Свободы слова» отправился на спутник, после чего оказался на трансляторах подписчиков. Реакция на форуме была неоднозначной: кто-то обвинял Хельмимиру во лжи, кто-то посмеивался над странной теорией заговора, кто-то благодарил за расследование... Находились и те, кто думал, что статья – просто шутка в стиле Хельмимиры. «За это мы вас и любим, госпожа редактор: интриги, скандалы, расследования и качественная сатира». Однако большинство читателей согласилось с основной мыслью статьи: отгораживать себя от «мурных» продуктов культуры – не такая уж и плохая идея.

Спустя некоторое время шумиха вокруг статьи улеглась, и жизнь покатила своим чередом. Немного успокоившись, Хельмимира взяла небольшой отпуск и потратила его на до-

рогом курорте. Вернувшись, она решила официально взять своих сотрудников обратно в штат. Всё выглядело стабильным, обыденным, спокойным... А однажды, в один пасмурный выходной, кто-то прислал Хельмимире красивую коробку.

Случилось это ближе к закату Веры-Рубин. Хельмимира задремала за чтением – и вдруг услышала сигнал почтового дроида. Квартира мундиморийки находилась на семнадцатом этаже; беспилотник спокойно приблизился и завис прямо перед воротами на посадочную площадку. Заметив его, Хельмимира открыла ворота и вышла. Никаких посылок она не ждала, и первой мыслью было вернуть подношение обратно отправителю. Беспилотник влетел на террасу; мундиморийка уже собралась нажать на сенсорной панели значок «отклонить», как внезапно обнаружила, что операция невозможна. Тем временем дроид, оставив коробку у её ног, благополучно скрылся. Ругаясь последними словами, Хельмимира побежала обратно в квартиру и захлопнула дверь.

«Этого ещё не хватало! – думала Хельмимира, поглядывая на подарок сквозь стекло. В её памяти всплывали истории убийства неугодный журналистов – и от этого становилось не по себе. «А, впрочем, зря я паникую, – пыталась успокоить себя Хельмимира. – Это может быть и от Исаака – извинение за сцену в такси...» Судя по специальному штемпелю, почтовая служба сканировала коробку на наличие взрывных устройств.

«Что ж, – усмехнулась Хельмимира, – возможно, там находятся самые красивоупакованные нейротоксичные споры за всю историю биологического оружия... Надену-ка респиратор».

Копаясь в недрах аптечки, она вспомнила, что где-то уже видела точно такую же коробку. Снова оказавшись на террасе, мундиморийка надела не только респиратор, но и медицинские перчатки. Будучи экипированной, Хельмимира, наконец, решила приступить к делу: присела на корточки, сняла полимерную ленту и, приготовившись к чему угодно, подняла крышку... Внутри лежали изысканные сладости.

Захлопнув коробку, Хельмимира осмотрелась. Немного погодя она открыла её снова, и, чувствуя себя Пандорой, запустила туда несколько пальцев. Её внимание привлекла упаковка большой конфеты, которая лежала сверху... На ней были нацарапаны символы.

«У Вас мало времени», – говорилось в записке. – Через несколько часов к Вам придут, чтобы арестовать по ложному обвинению. На стоянке у большого торгового центра рядом с Вашим домом есть летательный аппарат (номер ячейки и код прилагаю). Координаты уже в навигаторе. Вас встретят. Позывные – «Вера Рубин – Карл Саган». О товарищах не беспокойтесь: нужны только Вы. С уважением, подписчик».

Хельмимира перечитала текст. Кровь прилила к её голове. «Всё это либо глупая шутка, либо жалкая провокация!» – возмущённо думала мундиморийка. Она не помнила, как

вновь оказалась в квартире; пытаясь взять себя в руки, Хельмимира принялась ходить из комнаты в комнату – и тут же осознала, что её сотрясает болезненный страх... Внезапно, словно резкая пощёчина, явилась мысль о том, что всё это правда. «За мной уже выехали!» – пронеслось у Хельмимиры в голове. Вне себя от ужаса, мундиморийка схватила коммуникатор, чтобы связаться с Исааком – но тут же подавила этот порыв. «Если всё правда, то и звонки отслеживаются, – подумала она. – Нельзя, чтобы Исаак пострадал из-за всей этой борьбы с системой... В конце концов, мы друг другу никто». У любого из сотрудников «Свободы слова» всегда оставалась возможность отречься от всего, что делала и писала главный редактор. Под самыми скандальными статьями всегда стояло только её имя.

Хельмимира накинула тёплый кардиган, схватила сумку и собрала всё необходимое: пистолет, обёртку от конфеты, деньги, лайки, ключи, респиратор... Транслятор и коммуникатор, по которым её могли бы вычислить, мундиморийка оставила на своём столе. Одному из знакомых она написала, что собирается ехать в редакцию.

Недалеко от дома находилась зона отдыха. Хельмимира спряталась в самой дальней беседке и стала ждать. Несколько часов, о которых говорилось в тексте, были преувеличением: совсем скоро к дому подъехала машина, из которой вышли двое в штатском; Хельмимира узнала их по особой выправке. Содрогнувшись, мундиморийка посмотрела

вверх. На уровне семнадцатого этажа к дому подлетел ещё один аппарат и припарковался на посадочной площадке её квартиры... Всё, о чём предупреждал неизвестный, было правдой. И теперь не оставалось ничего, кроме как спастись.

Хельмимира подождала, пока сотрудники Тайного Комитета окажутся в подъезде, и вышла из беседки через противоположный ход. Не оборачиваясь, она быстрым шагом направилась к стоянке торгового центра. Сердце её бешено колотилось, в руке был зажат заветный фантик. Хельмимира чувствовала себя голой, босой, одинокой, беззащитной... Отчаянный страх отдавался в её висках гулкими ударами. Уже почти бегом Хельмимира достигла нужной ячейки. Вид бегущей дамы никого не смутил. Комиссар правопорядка даже уступил ей дорогу... Он вряд ли знал, что через пару часов её объявят в розыск по всей империи.

Хельмимира вошла в торговый центр, поднялась на стоянку, нашла нужную ячейку и набрала указанные символы. Ячейка с шумом открылась; внутри стоял аппарат – небольшой, двухместный, овальной формы – идеальный вариант для близких путешествий. Ключ находился у входа в кабину. Волнуясь, Хельмимира села за штурвал. Загорелась панель управления: полный бак, все системы исправны, координаты конечной точки определены... Двигаясь к шлюзу по длинной трассе, Хельмимира всё думала, что вот сейчас – у выхода – за нею вслед устремится патрульный шаттл... Это-

го, к счастью, не произошло. И в то самое время, когда агенты Его Величества, должно быть, искали Хельмимиру в здании редакции, мундиморийка покинула атмосферу Джоселин-Белл-Бернелл; в её сумке – тут же, на соседнем сидении – находились древние тексты, когда-то скаченные в университетской библиотеке.

Пролетая мимо обзорных спутников, Хельмимира чувствовала дрожь в коленях. Джоселин осталась далеко позади, но перепуганной беглянке всё казалось, что вот-вот её настигнет эскадрилья патрульных шаттлов. Наконец, Хельмимира поставила на автопилот и бессильно откинулась в кресле; постепенно доходил до неё тот факт, что всё конечно, и летит она в неизвестность, которая разверзлась прямо под ногами. Сдавленной истерикой билось внутри сожаление об Исааке; губы Хельмимиры дрогнули, и вот уже готова она была превратиться в ту ревущую, беспомощную бабёнку, которую видит за штурвалом любой женоненавистник... Однако посреди отчаяния само собою вдруг появилось жгучее, нестерпимое отвращение к собственной слабости – откуда-то изнутри, из глубины естества, из Вечной Пустоты, которая окружала кукольную капсулу. Перед Хельмимирой обнажилась одна простая истина: необходимо выжить любой ценой, а для этого нужно иметь твёрдую руку и холодный рассудок. Уныние безысходности превратилось в истощное лихачество. Теперь Хельмимира вовсе не смиренно вступала в неизвестность, а бросалась туда с разбегу. Она перевела

на ручное управление, крепко взяла штурвал и повела свой аппарат к едва наметившемуся абрису планеты Эстер-Ледерберг.

Глава 8: История Хельмимира. Часть 2

«По-моему, я уже близко», – подумала Хельмимира, глядя на дичевтиратель. Конечный пункт, предусмотренный нечаянным спасителем, находился не на самой Эстер, а на её квазиспутнике Джошуа – прибившимся астероиде, который не имел хозяйственной ценности. Приближаясь к нему, Хельмимира нервничала всё больше. Обогнув спутник несколько раз, она не заметила ничего необычного. Однако, снизившись, мундиморийка различила в одном из кратеров силуэт шарообразного корабля. Почти сразу после этого раздался резкий сигнал бортового устройства связи. Вздрыгнув от неожиданности, Хельмимира поняла: с ней пытаются связаться.

– «Вера Рубин», я «Карл Саган», – внезапно послышалось из динамика, – у нас мало времени.

В течение нескольких секунд Хельмимира изумлённо молчала, не веря собственным ушам. Голос переговорщика показался ей до боли знакомым... И тут же она вспомнила: утро после весёлой пирушки, разговор в кабинете, долгие поиски...

– Флисиор?! – спросила мундиморийка, забыв о безопасности.

– Я открою главный шлюз, – проговорил зумбулянин. – Стыкуйся.

Содрогаясь от мысли о предательстве, Хельмимира всё же направила свой корабль в зияющий проём на тучном теле большого судна. Вечностью показалось для неё время, когда герметизировались первые ворота и открывались вторые. Наконец, она посадила капсулу в парковочное гнездо.казалось, люди в штатском вот-вот готовы были появиться из-за механической двери... Опустился лифт. Флисиор, вопреки опасениям, встретил Хельмимиру один.

– Здравствуй, – проговорил он запросто. – Рад, что тебя не схватили.

Не в силах произнести ни слова, Хельмимира продолжала изумлённо пялиться на Флисиора: тот вёл себя так, будто бы вчера они виделись в редакции.

– Пойдём в кабину управления, – предложил зумбулянин. – Познакомлю тебя с пилотами.

Пилотами оказались двое молодых людей: брат и сестра. Войдя, Хельмимира увидела только их затылки: у девушки были тёмные волосы, заплетённые в высокий хвост, а её брат был побрит почти налысо. Увлечённые тем, как бы поскорее уйти от Эстер, ребята даже не заметили нового пассажира.

– Они ещё только учатся водить эту махину, – объяснил Флисиор. – И да, на всякий случай... спасательные шаттлы в соседнем отсеке.

Хельмимира лишь усмехнулась: за последние часы она ис-

пытала столько страха, что была уже не способна волноваться о каком-то там кораблекрушении.

– Куда мы летим? – спросила мундиморийка.

– На Нэтти-Стивенс, – отозвался Флисиор. – В имение важной персоны.

– Какой ещё персоны?!

Флисиор назвал имя и титул. Изумлённая, Хельмимира вновь потеряла дар речи.

– Вот такие люди читают «Свободу слова», – весело произнёс Флисиор.

– А ты-то что? – спросила Хельмимира, опомнившись. – Где ты пропадал всё это время?

– Там же, – ответил зумбулянин. – Дом большой, места много: хватит и мне, и тебе, и этим ребятам...

Хельмимира снова умолкла – на этот раз от возмущения. Мундиморийка вспомнила всё, что пережила после исчезновения Флисиора – и тут же почувствовала острую злобу.

– Сукин ты сын, – произнесла она после паузы. – Ты хоть знаешь, сколько народу тебя искало?!

– Знаю, – неожиданно резко ответил Флисиор. – А ещё я знаю, что ты обнародовала мою историю.

– Что мне оставалось?! Молчать я не могла!

– Неужели? А ведь обещала не публиковать ничего без моего согласия...

– Я была уверена, что тебя похитили! Я даже не знала, жив ты или нет!

– А был бы я жив, то что бы со мной сделали после твоей публикации?

Хельмимира осеклась. Несколько секунд они с Флисиором продолжали смотреть друг на друга.

– Я не просил меня искать, Хельмимира, – сказал зумбулянин. – И не просил меня спасать.

С этими словами он повернулся и устремил взгляд на мониторы. Ошарашенная, Хельмимира ещё некоторое время неподвижно стояла, не в силах поверить собственным ушам; немного погодя она медленно отошла в угол кабины и усе-лась на пол. Брат и сестра продолжали всё так же невозмутимо пилотировать, словно бы и не слышали разговора.

Остаток пути Хельмимира провела в тягостных раздумьях. Уверенность, которую она почувствовала там, внутри капсулы, вновь уступила место отчаянию. Мундиморийка всё ещё не верила, что навсегда потеряла дом, газету, Исаака; побег с Джоселин до сих пор казался ей очередным приключением, после которого она обязательно вернётся домой и напишет интересную статью... Но чем дальше продвигался корабль в глубины космоса, тем острее Хельмимира осознавала своё горе и одиночество. Содрогаясь от боли, она думала о том, как будет искать её Исаак – и старалась не разрыдаться. «Лучше оставить его навсегда, – твердила себе мундиморийка – и тут же понимала, что всё ещё надеется хоть как-то связаться с любимым. В какой-то момент она и вправду чуть не заплакала; Флисиор, который стоял за спи-

ной пилотов, обернулся и посмотрел в её сторону... Заметив его взгляд, Хельмимира сжала зубы, втайне мечтая поскорее остаться наедине с собой. Тем временем дорога тянулась невероятно долго – и от этого хотелось застрелиться.

Обессиленная, Хельмимира сама не заметила, как задремала – и вновь её преследовали, а она убегала длинными коридорами какой-то больницы... «Снижаемся», – услышала она сквозь сон – и тут же, вздрогнув, очнулась.

– Переведи в местную систему координат, – сказал пилот, обращаясь к сестре. – Вообще не понимаю, где мы...

Хельмимира вскочила, уставилась на мониторы – и тут же поняла, откуда взялся сон про больницу. «Я ведь уже бывала здесь раньше», – подумала мундиморийка, вспоминая бедолагу-писателя. Который попал в психушку. Однако вскоре Хельмимира поняла, что не узнаёт местности. Мониторы обзорных камер показывали гряды гор, тогда как в прошлый раз была равнина. С каждой секундой пейзаж внизу становился отчётливее: то тут, то там виднелись озёра и богатые дома. Снизившись ещё немного, корабль направился в огромный особняк на широком плато. Заводя машину в ангар, брат и сестра громко ругались, обвиняя друг друга в «косорукости»; в конце концов корабль всё-таки задел ворота – и тогда оба спорщика испуганно умолкли...

– Полёт окончен, – объявил брат, когда, наконец, корабль оказался в специальном гнезде. – Выходим.

Вся эта суета не вызывала в душе Хельмимиры ни малей-

шего отклика: боль и отчаяние сменились апатией. Спускаясь в дом, брат и сестра продолжали спорить; Флисиор и Хельмимира шли следом.

– Я живу на втором этаже, – говорил Флисиор. – Стефания – этажом ниже, а Гардиальд – возле гостиной. Тут ещё много комнат: выбирай, какую хочешь...

Желая спрятаться подальше, Хельмимира заползла в самый тёмный, самый отдалённый угол – и там, на протяжении многих часов, лежала, то засыпая, то плача, то погружаясь в невесёлые мысли. Время от времени Стефания – так Флисиор назвал девушку-пилота – приносила ей воду. Когда же она – спустя примерно трое суток по джоселинскому счёту – вновь пришла в комнату Хельмимиры с графином, та вдруг сказала: «Ну всё, хватит киснуть! Покажи-ка мне дом, дорогая».

Так началась для Хельмимиры странная, размеренная жизнь в фамильном особняке богатых аристократов. Дом был запущенный, однако неухоженность придавала ему спокойную, мягкую красоту: фасадная штукатурка местами отвалилась, обнажив красный кирпич. Сутки на Нэтти-Стивенс длились намного дольше, чем на Джоселин; ночи в горах были невероятно холодными, а дни – невероятно жаркими. Совсем скоро Хельмимира перебралась из своего угла в гостиную: там стоял аккумуляторный обогреватель. Специальные элементы накапливали солнечную энергию за день и расходовали за ночь.

На террасе водились большие насекомые. Днём они питались мхом, а на ночь залезали в глубокие норы. В доме была библиотека, которая состояла из книг по физике и биологии. Часть её хранилась в виде голограмм, а другая часть находилась на сервере в кабинете бывшей хозяйки – престарелой герцогини. Потом, как говорил Флисиор, усадьба перешла её дочери и зятю. И только после несчастного случая на Розалинд-Франклин имение досталось нынешней владелице.

Почти сразу по приезде Хельмимира узнала историю ребят-пилотов. Будучи студентами, они сняли сатирический фильм об имперской идеологии, и их исключили из университета. От обиды ребята взломали сервер университетского издания и поместили туда своё детище. Фильм стал популярен среди молодёжи, а какой-то поклонник и вовсе отправил его на Джоселин. Эта выходка дорого стоила: брата и сестру скоро вычислили. Хакерство подпадало под уголовную статью, и юным киноделам грозил реальный срок. Избежать ареста им помог тот же, кто спас Хельмимира.

Бытом в усадьбе никто не занимался; пищу принимали везде где только можно. Чтобы достать первое необходимое, ребята и Флисиор отправлялись в какой-нибудь посёлок и обменивали там вещи. Парализованные своим положением, квартиранты-нелегалы ждали одного: поддельных документов, которые обещали им покровители с Джоселин. Так проходили долгие недели.

Оклемавшись, Хельмимира решила не сидеть сложа руки.

– Неплохо бы наведаться в деревню, – сказала она ребятам. – Куплю продуктов и приготовлю что-нибудь вкусное. Если хотите пообедать со мной, то наведите порядок. Особо страждущим достану сигареты.

Обитатели усадьбы встретили её слова без особого энтузиазма. Однако мысль о домашней еде соблазнила их умы и желудки. Гардиальд попробовал спорить: уборка – не мужское занятие. Тогда Хельмимира подняла его на смех: «Ты что, и впрямь боишься, что у тебя пиписька отвалится?» Стефания напомнила брату о том, что они не в родительском доме.

Ребята отыскали уборочный инвентарь, вставили туда батарейки и привели в порядок ту комнату, где раньше находилась столовая. Не участвовал только Флисиор: ему было плевать на кормёжку, болтовню и другие мелочи жизни. Питался он чем попало и мог подолгу не есть. Когда нужен был чистый энтузиазм, Флисиор давал ничтожно мало энергии по сравнению с остальными жителями усадьбы. Всё, чего он жаждал – написать новый роман, опубликовать его и начать жизнь заново.

Хельмимира была не ахти какой поварихой, однако голодные студенты пришли в восторг от её стряпни. Впервые за долгое время беглые гуманоиды ели чинно, собравшись вместе за большим столом. Чтобы не привлекать внимания, ужинали при тусклом свете настенных канделябров. Это было очень романтично и позволяло экономить энергию. Мун-

диморийка рассказывала о том, как сама была бунтаркой в студенчестве; брат и сестра делились планами: ребята хотели отправиться в Свободные Художники. Хельмимира лишь грустно улыбалась этим наивным мечтам: юных гуманоидов, скорее всего, депортировали бы довольно скоро. Хельмимира понимала, что и ей, и этим несчастным студентам было попросту некуда идти.

Быт в усадьбе стал понемногу налаживаться. Для Хельмимиры это было отличное средство не свихнуться от тоски, неизвестности и безделья. Каждые сутки кто-то из обитателей усадьбы должен был помогать Хельмимире на кухне, а кто-то поддерживал чистоту санузла. Не удалось привлечь только Флисиора: это был на редкость непритязательный в быту и абсолютно замкнутый гуманоид, который ненавидел всякую дисциплину.

Отношения с ним у Хельмимиры складывались непросто. «И как только можно быть таким эгоистом? – мысленно возмущалась мундиморийка. – Он вообще о ком-нибудь думает, кроме себя?!» Впрочем, Флисиор и Хельмимира почти не виделись – за исключением тех дней, когда зумбулянин спускался поесть за общим столом.

– Вы только посмотрите, кто к нам явился! – шутила тогда Хельмимира. – Садись, дорогой, поешь... Потом поможешь нам всё убрать.

– Убирать он не любит, – нередко замечал Гардиальд. – Только есть.

– В таком случае, – говорила Хельмимира с улыбкой, – на террасе есть вкусные насекомые...

Хельмимира знала, что Флисиор сбежал на Нэтти-Стивенс вместе со студентами; знала она и то, что его попросили «не трепаться». «Так было нужно, чтобы ничего не сорвалось», – объяснил зумбулянин. Однако, несмотря на это, Хельмимира всё равно презирала его за дезертирство и безразличие. Себя, впрочем, она ругала не меньше: «Сама устроила шумиху – сама же и получила по голове!»

Флисиор, казалось, всё понимал – и поэтому избегал общества своей бывшей начальницы. И всё-таки однажды случился между ними разговор с глазу на глаз – неожиданно откровенный и душевный. В один из долгих вечеров после ужина, когда Гардиальд ушёл читать на веранду, а Стефания уже спала, Флисиор и Хельмимира снова остались наедине.

Было уже темно. В хозяйской кладовке удалось найти несколько бутылок домашней настойки; она была простоватая и терпкая, но Хельмимира смаковала её с упоенным наслаждением. Флисиор полулежал в кресле позади стола. Мундиморийка знала, как действует на него даже небольшая доза алкоголя, и поэтому следила за тем, чтобы он совсем не «наклюкался». Однако, наблюдая за ближним, Хельмимира как-то позабыла о себе.

– Ты, наверное, осуждаешь меня, – внезапно проговорил зумбулянин. – Я понимаю, как всё это выглядит... Хочешь знать, почему я сбежал?

Выйдя из раздумий, Хельмимира подняла на него насмешливый взгляд.

– На работу ходить не хотелось? – спросила она.

– Не хотелось, – честно признался Флисиор. – А ещё не хотелось отдавать свой чистый энтузиазм правительству.

– О да, – с насмешкой воскликнула Хельмимира, – намного лучше жить в чужом доме, питаюсь насекомыми с террасы!

– Зря смеёшься, – мрачно отозвался зумбулянин. – Знаешь, после всего, что случилось, у меня начались панические атаки... Только здесь прошло.

Хельмимира вновь хотела съязвить, но одёрнула себя. Некоторое время молчали.

– Я ведь пропащий человек! – внезапно произнёс Флисиор, горько усмехнувшись. – Попробовал на вкус невероятную жизнь – и теперь вот не могу иначе... Не могу, как все.

Хельмимира слушала, опустив голову на согнутый локоть. Один из канделябров на стене погас: у него, вероятно, перегорела спираль.

– Ты мог бы, – сказала Хельмимира, подумав, – удачно жениться на какой-нибудь состоятельной леди.

– А как же общественное мнение? – усмехнулся Флисиор.

– Надо было родиться женщиной. Тогда никто не осудил бы тебя за то, что ты пытаешься присесть на шею.

– Да ты, мать, пьяна.

– И что? Я, может, страдаю в разлуке.

– А я вот ни о ком не страдаю, – сказал зумбулянин. –

Привык, наверное, что женщины в меня влюбляются. Взять хотя бы нашу маленькую патронессу... А вообще, развелась бы со мной любая богатая вдова, как только бы я охладел к ней. Иногда мне кажется, что моя внешность – это какая-то ошибка природы.

Ночь была тихая. Опустив голову на обе ладони, Хельмимира почему-то напомнила себе «Любительницу абсента».

– Скажи мне кое-что, – попросила она. – Я думаю, это имеет большое значение.

– Что именно?

– Меня давно беспокоит один вопрос... Как тебе удалось вспомнить, что именно с тобой случилось? Говорят, последствия лазера преодолеть невозможно.

Флисиор задумался. В коридоре что-то загремело, и тут же послышалась ругань: по дороге в свою комнату Гардиальд споткнулся в темноте.

– А этот малый, оказывается, пытался за ней ухаживать, – усмехнулся зумбулянин, кивком указывая туда, где промелькнула фигура молодого человека. – Она, правда, так и не ответила ему взаимностью. После этого Стефания выгнала её из шайки, чтобы брат не мучился. А она потом простила, и теперь эти студенты здесь... Иронично? У неё большое сердце.

– Давай по делу, – оборвала его Хельмимира.

– Хорошо, – вздохнул Флисиор. – Ты спрашиваешь, как я сумел всё вспомнить... Мне, сказать по правде, и самому

это интересно. Глупо было бы надеяться, что я один такой избранный...

Он допил содержимое своего стакана и откинулся на спинку кресла.

– Когда я только оказался на космодроме, мне было очень трудно думать, – продолжал Флисиор, прикрыв глаза. – Любая работа мысли была мучительна. Это продолжалось довольно долго. Транслятора у меня не было, денег на подписку – тоже. Когда я работал в закусочной, мне попалась книга о хранении продуктов. Её текст показался мне очень мудрёным, однако я попробовал его осилить. После этого я заметил, что думать становится легче, и брал читать всё подряд. Со временем я начал воспринимать и более сложные тексты... Тебе смешно, а для тупого гуманоида это настоящий успех – выудить из набора букв его истинный смысл.

Хельмимира и не думала смеяться. Поднявшись с кресла, зумбулянин взял свой стакан и пошёл к столу. Хельмимире показалось, будто он собирается допить вино, однако вместо этого Флисиор взял себе воды.

– Всё это очень сложно описать словами, – произнёс он после паузы. – Каждый день в твоём мозгу идёт кропотливая, тягостная работа, и ты ощущаешь её почти физически... Так, например, я вспомнил, что когда-то занимался литературой, и решил поработать консультантом книжного магазина. Сперва, конечно, приходилось нелегко: я работал с такими текстами, которые не всегда можно было понимать бук-

важно. Когда попадалась научная литература, у меня мозги закипали... Я ведь, как и ты, гуманитарий. Наверное, эти усилия и помогли мне восстановиться. Помню, когда я читал один роман...

– Какой? – взволнованно спросила мундиморийка.

– Название у него было дурацкое – «Солярис»... Так вот, я был у себя в мансарде, и делал кое-какие пометки. Внезапно меня как будто ослепило – и тут же появились обрывки воспоминаний: какая-то вечеринка во дворце, нарядные гости, принцесса, Харальдюф... За этот изначальный кусок цеплялось всё остальное. Теперь я понимаю, что связи между клетками мозга способны восстанавливаться даже после лазера.

Флисиор умолк и посмотрел на часы. Прошла только малая часть местной ночи.

– Не знаю, насколько вообще верны эти умозаключения, – усмехнулся Флисиор. – Понятия не имею, как это работает, хотя мне, впрочем, теперь не важно. Учёные напишут ещё немало трудов по этому поводу... Наш маленький меценат, к примеру, тоже интересуется этой темой.

Хельмимира слушала, стараясь ничего не упустить; откровение Флисиора потрясло её до глубины души. Впрочем, в ту ночь зумбулянин не сказал больше ничего интересного. Заболтавшись, он стал говорить о «маленькой патронессе»; из его рассказа Хельмимира поняла, что Флисиор и хозяйка дома когда-то имели связь. Мундиморийка почти не удиви-

лась: из всех обитателей усадьбы именно Флисиор переписывался с покровителями и доносил новости до остальных. Свои послания он маскировал под «письма дядюшки» и изъяснялся кодовыми фразами. Его, в отличие от Хельмимиры и студентов, не преследовали власти – зато сам он боялся прошлого и хотел спрятаться от него подальше.

После своей ночной исповеди Флисиор, казалось, стал избегать Хельмимиру ещё больше. Его теперь совсем не видели за столом; иногда Стефания беспокоилась, всё ли с ним хорошо.

– Не волнуйся, – отвечала Хельмимира. – Он погружён в творчество.

В свободное время Хельмимира тоже пыталась написать хоть несколько абзацев – и всё не могла найти в себе силы. Весь энтузиазм шёл на освещение комнат и готовку, а остальные душевные порывы сжигала тоска об Исааке.

Каждая вылазка за продуктами напоминала шпионскую операцию. Иногда на Хельмимиру находили припадки мучительного страха за тех, кого она оставила на Джоселин-Белл-Бернелл. Чтобы не оставаться наедине с собой, мундиморийка искала общества студентов. Пытаясь хоть как-то заинтересовать ребят, она предложила им тексты, которые привезла в сумке. Произведения так понравились молодым людям, что они даже поставили сцену из «Пигмалиона» в общей гостиной. Хельмимира была единственным зрителем пьесы. Она думала о том, что не вся молодёжь ещё отупела из-за

Программы Всеобщей Дебилизации. «Возможно, у империи даже есть достойное будущее», – рассуждала мундиморийка.

Они – Хельмимира, Стефания и Гардиальд – обсуждали творчество и говорили о жизни. На столе стоял горячий перколятор; вместо кофечая заваривали сушёный мох. Однажды студенты показали Хельмимире свой фильм. «Да я ведь уже смотрела его раньше! – удивлённо воскликнула мундиморийка. – Он как-то пришёл ко мне на транслятор...»

Однажды Хельмимира не удержалась от того, чтобы поговорить о наболевшем.

– Дома остался кое-кто очень дорогой для меня, – сказала она друзьям в один прекрасный, неимоверно долгий вечер. – Мне безумно хочется перечитать все его повести, которые я сюда привезла, но я не решаюсь.

Гардиальд немедленно захотел ознакомиться с творчеством Исаака: он давно искал приличного современного автора. Стефания рассказала о том, что её возлюбленный тоже остался на Эстер.

– За последнее время я кое-что поняла, – тихо произнесла девушка. – Чтобы создать что-то стоящее, нужно жертвовать. Ты делаешь то, что должен – хоть и знаешь, что наказание неизбежно.

Завязался спор о том, стоит ли творчество свободы, любви и жизни.

– А не хотели бы вы, – спросила Хельмимира, – творить, не боясь расплаты за инакомыслие?

– Ещё бы не хотели! – усмехнулся Гардиальд. – Каждый хотел бы... Только это, наверное, невозможно...

– Если не бороться – то ничего не возможно, – сказала Хельмимира. – Вот вам и искусство, и жертва.

В один прекрасный день пришли новости с Джоселин – и тихой, размеренной жизни Хельмимиры в усадьбе пришёл конец. Мундиморийка и студенты, как обычно, обедали в столовой, когда внезапно туда ворвался Флисиор – взъерошенный и бледный. В руке у него был транслятор; зумбулянин не произнёс ещё ни слова, однако Хельмимира мгновенно поняла, что случилось ужасное. То, что сказал Флисиор, только подтвердило её худшие догадки.

– Нужно убираться отсюда, – объявил Флисиор. – Она арестована.

Новость повергла обитателей усадьбы в шок. Впрочем, им повезло, что другие покровители успели предупредить их об опасности. Содрогаясь от волнения, Флисиор зачитал письмо целиком; оно состояло из кодовых фраз.

– Документы сделать не удалось, – продолжал переводить Флисиор. – Нам советуют не медлить: совсем скоро сюда явится Комитет.

– Это не за вами, – пробормотала Хельмимира. – Это я им нужна.

– А нам куда деваться? – спросила Стефания.

Несколько секунд Флисиор медлил, вглядываясь в монитор. Хельмимира быстро поднялась со своего места, подо-

шла к Флисиору и перечитала письмо.

– А что означает фраза «моя жизнь идёт привычным ходом»? – спросила она, указывая на первый абзац.

– Ничего, – отозвался Флисиор. – Это «дежурное» вступление.

– А вот это о чём? – не унималась мундиморийка. – «Рада, что вы с вашей новой возлюбленной вот-вот отправитесь в путешествие...»

– Это и есть сигнал. Нужно срочно бежать.

– А что значит «Мои детские фото Вы найдёте среди газет, которые читала покойная тётушка»?

Флисиор умолк, продолжая вчитываться. Несколько секунд он медлил; Хельмимира нахмурилась, пытаясь понять смысл фразы. Брат и сестра недоуменно переглядывались.

– Архив, – внезапно произнёс зумбулянин. – Если что-то есть, то только там.

Зумбулянин и Хельмимира тут же двинулись в кабинет на втором этаже; брат и сестра поспешили за ними. Флисиор включил сервер; мгновенно загорелись лампочки и заработала система охлаждения. Оборудование было старое но, похоже, работало исправно. Не теряя времени, зумбулянин подключил к серверу свой транслятор.

– Ты знаешь, где искать информацию? – взволнованно спросила Хельмимира.

– Не имею понятия, – признался Флисиор, перебирая файлы.

– Проклятье, времени мало! – в сердцах воскликнула мундиморийка.

– Мы подготовим корабль, – сказала Стефания.

Когда брат и сестра ушли, Флисиор и Хельмимира ещё некоторое время перебирали документы, пытаясь найти хоть что-то, похожее на номера старых газет. Наконец, им улыбнулась удача: на одном из дисков лежала целая папка со множеством сохранённых газетных статей. Они были рассортированы по изданиям – и в первом же из них случайно обнаружили две фотографии белокурой девочки.

– Ну, и что она хотела этим сказать? – возмутилась Хельмимира. – Нет, чтобы изъясняться точнее!

– Не знаю, – сокрушённо проговорил Флисиор. – Это же сколько надо информации перелопатить...

– Она что, не знала в каком положении мы будем это читать? Нет, нужно убираться немедленно!

Хельмимира уже повернулась и направилась к выходу, как внезапно Флисиор тихо произнёс:

– Постой-ка... А ведь она и вправду не хотела, чтобы мы всё это читали...

– Не хотела, тогда зачем отправила нас на сервер? – раздражённо воскликнула мундиморийка. – Нельзя было загадать загадку полегче?

– Газета называется «Пятый угол»... Где-то я уже это слышал...

– Естественно слышал! «Пятый угол» принадлежит ву-

цзяньсюнскому медиамагнату Ульффу Бертехельму. Офисы по всей империи.

Несколько секунд Флисиор молчал – и вдруг его лицо озарила неожиданная догадка.

– Это и есть ответ, – проговорил он уверенно. – Лети к Бертехельму за помощью.

Когда Флисиор и Хельмимира явились в ангар, дроиды уже успели погрузить на борт запасы чистого энтузиазма и сырьё для генерации кислорода. Брат и сестра стояли тут же, оба с небольшими сумками. Хельмимира испытала чувство дежавю: ей уже приходилось убегать прямо из-под носа Тайного Комитета.

– Ну что, бойцы, готовы? – спросила она у ребят. – Стефания, активируй входную дверь!

– Надо глянуть, нет ли патруля снаружи, – заметил Гардиальд.

Флисиор, который до этого стоял позади всех, буднично произнёс:

– Всё, ребята. Дальше без меня.

Разом обернувшись, гуманоиды устремили на него взгляды. Стефания смотрела с грустью; её брат, казалось, был равнодушен.

– И куда теперь? – спросила мундиморийка.

– Да, в общем-то, куда угодно, – пожал плечами Флисиор. – Я ведь не в розыске. Найду себе тихий городок и работу сторожа. Напишу роман и буду искать издательство.

Хельмимира ненавидела прощаться. Ей всегда казалось, что в любом расставании есть что-то гнетущее и пронзительное. Даже теперь она чувствовала болезненный комок в горле. Флисиор не был ей особенно близок, однако вместе с ним она провожала далёкое, дорогое прошлое. Брат и сестра стали подниматься на борт; мундиморийка пожелала зумбулянину удачи и последовала за ними. «Скорее бы закончилась эта слезливая сцена! – досадовала Хельмимира, едва ли не содрогаясь от нахлынувшей тоски. – Ненавижу, ненавижу прощаться!» Она была рада тому, что ей не довелось прощаться с Исааком.

Наконец, корабль вырвался в небо. Поспешно, пока не заметил патруль, ребята запустили двигатели на полную мощность – и вот уже неслись они, меняя топографию пространства-времени, за множество эризенгов от своего прибежища. Это было понурое, будничное бегство: никакой погони на хвосте, но пронзительное ощущение неотвязной тревоги – и снова мучительная неизвестность.

Молодые люди сокрушённо молчали. Хельмимира молчала тоже. Вскоре стало ясно, что они оказались достаточно далеко от Нэтти-Стивенс. Гардиальд, который находился за панелью управления, перевёл корабль на малую скорость и обернулся к Хельмимире.

– Поздравляю, – сказал он с грустной иронией, – теперь мы официально космические бомжи.

Путники принялись обсуждать, что же делать дальше.

Стефания предложила лететь в систему Нандини-Харинат: говорили, что там можно устроиться на работу без документов.

– Ну уж нет! – воскликнула Хельмимира. – Я скорее отдаюсь бы в руки Тайного Комитета, чем полетела бы в систему Нандини-Харинат!

Мундиморийка вспомнила, как брала интервью у беженцев из Нандини. Все они рассказывали о том, что на планетах системы царит произвол: местная Комиссия Уголовных Расследований срослась с криминалом.

– Наш всемогущий император закрывает на это глаза, боясь посориться с местными князьями, – сказала мундиморийка. – Ему-то что? Они ведь отдают энтузиазм!

– Всё это очень убедительно, – произнёс Гардиальд. – Но что же Вы предлагаете?

– А предлагаю я вот что...

Хельмимира рассказала ребятам о странной находке в архиве. Выслушав, брат и сестра переглянулись.

– Вы точно уверены, что правильно поняли? – спросил Гардиальд. – Может, она имела в виду что-то совсем другое.

– Думаю, Флисиор прав, – ответила Хельмимира. – По крайней мере, стоит рискнуть: ву-цзянсюнцы имперцев не жалуют...

– Вот именно, не жалуют! – воскликнул Гардиальд. – А вы ещё и мундиморийка!

Ву-Цзяньсюн была присоединена к Мундиморийской Им-

перии относительно недавно. Она находилась неподалёку от планет Забархан-шахада, и в прошлом на неё часто нападали соседи. С приходом мундиморийской армии набеги прекратились, однако плата была высока: Ву-Цзяньсюн потеряла независимость и право иметь собственную армию. Именно поэтому, несмотря на внешнюю покорность, среди ву-цзяньсюнцев сохранялись антиимперские настроения. Существовали даже патриотические клубы сторонников былой независимости. По мере того, как повышались поборы чистого энтузиазма, ву-цзяньсюнцы всё менее охотно терпели имперские гарнизоны на своей территории. Время от времени случались восстания, которые кто-то финансировал. Тогда становилось понятно, что ву-цзяньсюнские князья вели двойную игру.

– Акститесь, – увещевал Гардиальд. – Неужели вы думаете, Бертехельм не выдаст вас императору?

– Не выдаст! – заявила Хельмимира. – Он, как и я, ненавидит его политику.

– Из-за вас мы тоже рискуем!

– К Бертехельму пойду я одна. Вы, если хотите, ждите меня на корабле.

Раздражённый, Гардиальд умолк.

– Боюсь, ничего не выйдет, – вздохнула Стефания.

– Бойся, это нормально, – сказала Хельмимира. – Но, главное, не сиди при этом сложа руки.

Глава 9: История Хельмимира. Часть 3

Встретиться с таким человеком, как Бертехельм, оказалось непросто. По пути на Макнамару – главную планету системы Ву-Цзяньсюн – беглецов настиг патруль, и они спрятались в жерло пространства-времени. Жерла были изучены крайне плохо: перемещаться на чистом энтузиазме мундиморийцы научились всего пару десятилетий назад. Стандартное топливо стоило в разы дешевле, однако на нём невозможно было пересечь горизонт событий.

– Здесь точно нет охраны? – спросила Хельмимира, когда корабль уже приготовился выйти из жерла.

– Точно нет, – отозвался Гардиальд. – Этот туннель не имеет хозяйственной ценности: расстояние маленькое. Он даже на карте не отмечен.

Для того, чтобы выйти на Ульфа Бертехельма, мундиморийка использовала свои старые контакты с журналистами. Наконец, встреча состоялась. Гардиальд пошёл туда вместе с Хельмимирой. Бертехельм давно был в курсе того, кто она такая и что с ней случилось. Он даже оговорился, что некоторые номера «Свободы слова» доставляли ему особой почтой. В итоге Хельмимира действительно получила работу, и довольно грязную: искать компроматы на мундиморийских

чиновников и военных. Гардиальда и Стефанию она взяла к себе в штат. Беглецы-нелегалы раскапывали пахучие подробности чужих пороков. Свои находки Хельмимира опубликовала под псевдонимом «Г. С. Мымриков».

Бертехельм обеспечил Хельмимиру и её друзей поддельными документами; беглецы работали за еду и безопасность. Однако такая жизнь продолжалась недолго: вскоре началось восстание генерала Кермунда.

Кермунд был одним из имперских генералов, чьи гарнизоны стояли на территории Ву-Цзяньсюн. Заручившись поддержкой князей, он попытался совершить государственный переворот в свою пользу. По всей Ву-Цзяньсюн существовали подпольные заводы, где производили оружие. Кроме того, силы империи в тот момент были сосредоточены в Свободных Художниках: Мундимора помогала соседям в борьбе с террористами из «Творческого кризиса». Это повышало шансы повстанцев на победу. Двигаясь к столице, Кермунд без особого труда захватывал одну планету за другой.

Опираясь на ресурсы Ву-Цзяньсюн, Кермунд пообещал князьям автономию и снижение поборов чистого энтузиазма. Ульф Бертехельм поддержал восстание. По мере того, как мятежники брали очередную планету, им нужно было привлекать её население на свою сторону. Для этого Бертехельм снаряжал специальные экспедиции. Сначала это были челноки – наподобие почтовых – которые сбрасывали информацию на орбиты захваченных планет. Затем появились

«передвижные редакции» – боевые корабли, в экипажи которых входили журналисты. Когда повстанцы взяли планету Виви-Уоррен, Бертехельм предложил Хельмимира возглавить одну из таких редакций. Так Хельмимира получила свой первый боевой корабль и вооружённый экипаж.

Работать Хельмимира умела. Вскоре на Виви-Уоррен появилось несколько газет под её руководством. Многие местные жители присоединились к армии Кермунда. По всей территории планеты создавались тренировочные лагеря. Журналистов охраняли солдаты, но Хельмимира настояла на том, чтобы её сотрудники также проходили военную подготовку – независимо от пола. Каждые сутки они отработывали смену в газете, а потом обучались управлять военной техникой. Хельмимира тренировалась наравне с остальными. Вскоре она стала отправлять на фронт военных журналистов из своей команды. Часто она сама ездила по горячим точкам. Агитаторы писали статьи, поддерживали боевой дух повстанцев и посылали сигналы на орбиты ещё незахваченных планет.

Однако в своей борьбе Хельмимира пошла дальше, чем остальные руководители «передвижных редакций». Зная о существовании Программы Культурной Доступности, она призывала разумных гуманоидов игнорировать отупляющее искусство. В противовес ему повстанцы распространяли запрещённые фильмы и книги. Чтобы поддержать независимых творцов, создавались целые мастерские. Любой желаю-

щий мог отправить своё произведение в штаб Хельмимиры. Гардиальд, Стефания и другие активисты вместе подбирали материалы в печать.

Спустя какое-то время Хельмимира уже командовала десятью «редакциями». Вокруг неё собралось немало гуманоидов, которые были преданы идеям борьбы за свободу. Именно тогда Хельмимира выдвинула теорию о том, что чтение помогает излечиться от лазерной идиотии. Однако без научных данных это утверждение ничего не стоило. Многие доктора относились к нему скептически. Желая доказать свою правоту, Хельмимира устраивала массовые чтения в госпиталях и оставляла там книги. В тех палатах, куда приходили чтецы-энтузиасты, лазерные больные поправлялись чаще. «Всё это нетяжёлые пациенты, – говорили врачи. – А вот пусть она попробует вылечить кого-нибудь посложнее».

Однако вскоре удача отвернулась от мятежников. Армия генерала Альдагора, чьим протеже был Зугард, остановила шествие Кермунда к столице. Началось отступление, в ходе которого повстанцам приходилось сдавать планеты.

Хельмимира не спешила убегать в тыл. Она и близкие к ней журналисты работали в полевых условиях. Не единожды она спасала солдат Кермунда благодаря своему чистому энтузиазму, помогая целым батальонам скрываться в жерлах пространства-времени. И всё же становилось понятно, что армию генерала Кермунда ждёт неминуемое поражение. Отступая назад на Макнамару, силы мятежников редели; бое-

вой дух падал, и уже никакая агитация не могла вернуть измождённым воинам прежней веры в победу.

Однажды стало известно, что Кермунд погиб, а Ульф Бертехельм и другие ву-цзяньсюнские князья бежали. Зугард находился на подступах к Ву-Цзяньсюн. Новость о том, что восстание обезглавлено, посеяла в его рядах смуту. Армия уже не была единым целым: вместо неё существовали отдельные отряды, которые постепенно уничтожались войсками императора Сигриса Гордетольфа.

Среди всеобщей сумятицы Хельмимира знала, что делать. На астероиде в глубине Ву-Цзяньсюн был расположен подпольный завод военной техники, до которого ещё не успел добраться враг. Там руководил один из подручных Ульфа Бертехельма. Хельмимира взяла своих сторонников и отправилась туда. Она связалась с заводом по радиосвязи попросила открыть ей ворота, однако получила отказ. Понимая, что завод прекрасно охраняется, а силы её невелики, Хельмимира отступила.

Фронта больше не существовало; командиры генерала Кермунда вместе со своими войсками находились в бегах. К одному из них, полковнику Эниброну, Хельмимира пришла за помощью. Она рассказала ему о заводе и предложила атаковать его как можно скорее.

– Мы можем укомплектовать новый флот, – говорила мундиморийка. – Мы соберём остальные силы и продолжим борьбу.

Эниброн, казалось, был заинтересован. Он последовал за Хельмимирой, и вместе они взяли завод штурмом. Выяснилось, что подручный Бертехельма обещал продать какому-то иностранному князьку большую партию военной техники. Нажившись, он собирался бежать из империи, но не успел. совместные отряды полковника и Хельмимиры ворвались на завод, и ушлый делец был казнён как предатель.

Однако Хельмимира совсем недолго радовалась победе. Эниброн заявил, что сам продаст князьку обещанные корабли и сбежит в Забархан-Шахад вместе со своими ближайшими товарищами. Её, Хельмимиру, он звал с собой. Поражённая, мундиморийка не хотела верить своим ушам... Однако следовало всё-таки признать грустную правду: у тех, кто поддержал восстание, не оставалось больше надежд на победу.

– Что ж, – сказала Хельмимира, – отдай мне часть флота, как договаривались, и на этом разойдёмся. Солдаты, которых ты бросаешь, останутся со мной.

Эниброн усмехнулся, пряча неловкость и стыд под маской высокомерия.

– Ты, как и все бабы, глупа, – надменно проговорил он. – Да и кто признает тебя как лидера? Люди не станут слушать женщину. Погибнешь ни за что – вот и вся твоя история.

– Возможно, погибну, – ответила Хельмимира. – Но, знаешь, есть вещи и похуже смерти.

Под «вещами похуже смерти» Хельмимира имела в виду жизнь в Забархан-Шахаде, где у женщин не было прав.

Они, к примеру, не могли выйти на улицу без сопровождения мужчины. При этом каждая женщина обязана была носить на себе коробку с дырочками для носа и глаз. В особо ортодоксальных регионах женщин зашивали в специальные мешки и таким образом переносили по улице. Если женщина появлялась на людях без мужчины, с ней разрешалось делать всё, что вздумается. Если же она смела показаться кому-либо без мешка или коробки, её забивали камнями. Женщине воспрещалось получать образование и говорить то, что может не понравиться мужчине. Все эти красивые обычаи пришли бы по вкусу многим мундиморийкам, но Хельмимира предпочла бы скорее сдохнуть, чем жить в Забархан-Шахаде.

Позади была империя, где повстанцев казнили; впереди была унижительная, неприглядная «бабья» участь... Что ещё оставалось Хельмимире, кроме как продолжать борьбу? Войдя во вкус, Хельмимира следовала порывам своей решительной и властной натуры. Одна только мысль повести за собой армию вызывала в ней странное возбуждение. Посреди откровенной безнадёги она ощущала нездоровое веселье. Это пошло ей только на пользу: отчаянная бодрость мундиморийки была так заразительна, что многие солдаты воспряли духом.

Основной костяк сторонников Хельмимиры составляли журналисты – такие, например, как Гардиальд и Стефания – а также подчинённые Ульфа Бертехельма, которые не су-

мели вовремя покинуть Мундимору. По дороге на завод к ним присоединялись участники подпольных ву-цзяньсюнских движений, беглые военнопленные и те, кого могли репрессировать имперские власти. «Не войско, а сброд», – говорили имперцы о партизанах.

Понимая, что сопротивление хочет возглавить женщина, многие были в недоумении. Кто-то говорил, что всё безнадежно, и дезертировал. Многие надеялись на то, что мятеж возглавят мужчины – младшие офицеры Энибронна, которых мундиморейка взяла в союзники. Мало кто верил, что женщина способна руководить солдатами. Однако Хельмимира пресекала любые попытки указать ей на её место. Она нещадно высмеивала всех, кто заикался о «женском предназначении». Она осаживала шутников, которые намекали на «женский ум» и «неженское дело» – за словом в карман не лезла. Она спорила с теми, кто всерьёз говорил ей уйти из главного штаба. «Я уже сделала достаточно, чтобы здесь находиться», – говорила Хельмимира. Она заставляла людей отвечать за свои слова – и те сдавались, когда у них заканчивались аргументы. И в конце концов её признали: Хельмимира стала одним из лидеров мятежа. Офицеры больше не смущались, когда она присутствовала в главном штабе и обсуждала решения. Воины больше не ставили её авторитет под сомнение, а журналисты гордились ею.

Хельмимира давно привыкла брать на себя ответственность за людей. Теперь же это были не просто люди, а солда-

ты, которые, несмотря на вековые предрассудки, распознали в ней лидера. Она понимала, что не может позволить им хоть на минуту усомниться в себе. Полковник бежал, бросив своих воинов на произвол судьбы. Хельмимира же не только осталась, но и вселила в них страсть к победе.

Она не была профессиональным полководцем и только-только начинала осваивать навыки боевого командира. Поэтому, несмотря на пылкие речи и громкие лозунги, Хельмимира вовсе не спешила вести свои отряды в бой. Каждую свободную минуту она посвящала тому, чтобы почитать какое-нибудь руководство по военному делу. Избегая встречи с противником, партизаны учились воевать бок о бок и вести подпольную борьбу. Иногда им всё же приходилось отбиваться. В этих потасовках они получали опыт. Местные жители многих планет помогали партизанам. На планетах, где в период восстания работали «передвижные редакции», появилось много тайных групп, которые поддерживали Хельмимиру.

Двигаясь по территории Ву-Цзяньсюн, Хельмимира надеялась отыскать других командиров, чтобы объединить усилия. Она знала, что полковник Ротигерн всё ещё продолжает борьбу с имперскими войсками. Разведка докладывала, что он командовал двумя гаргрифами, которые состояли из нескольких родов войск. Однажды Хельмимира узнала, что армия Ротигерна попала в окружение у орбиты Виви-Уоррен. Пользуясь случаем, мундиморийка попыталась прийти

ему на помощь, но пробиться не удалось. Вместо этого партизаны отступили. Укрывшись в одном из жерл пространства-времени, флот Хельмимира подсчитывал потери и готовился к новым, ещё более суровым, испытаниям.

Пытаясь объединить свои войска с войсками Ротигерна, Хельмимира сама оказалась под прицелом. Она понимала: её уже ищут и собираются атаковать. Находясь внутри жерла, партизаны копили силы. Их аппараты имели мощные системы генерации кислорода, а дополнительным источником энергии служила сингулярность. И всё же Хельмимире следовало быть начеку: в любой момент могли появиться войска империи.

Расположившись в кают-компаниии одного из кораблей, лидеры сопротивления обсуждали план действий. В самый разгар дискуссии в каюту вошёл Гардиальд.

– Есть срочные новости, – доложил он Хельмимире. – Только что у горизонта события задержали имперский челнок. Внутри только один солдат – скорее всего, дезертир... Похоже, вы знакомы.

– Как его зовут? – спросила Хельмимира.

– Исаак. Исаак Бергдис Варда.

В одно мгновение Хельмимира побледнела.

– Прикажите ему стыковаться с патрульным кораблём и общитесь, – сказала она. – Если всё будет в порядке, то привезите его на базу.

– Ну уж нет! – запротестовал кто-то из офицеров. – Вы

хоть понимаете, что это опасно?!

– В моей газете работал качкоид с таким именем, – твёрдо возразила Хельмимира. – Это был преданный, мыслящий сотрудник. И теперь мы должны узнать, зачем он явился.

Ожидая, когда приведут пленника, она оглушённо молчала. Гардиальд, который когда-то читал Исаака, разумеется, всё понял; для остальных же Хельмимира изо всех сил пыталась казаться спокойной. В это время двое офицеров продолжали спорить между собой... Хельмимира не слышала ни слова из того, что они говорили. Никто, наверное, не заметил, как блестели её глаза. Умопомрачённая, она прятала от всех своё непутёвое, пылающее, беспредельное счастье.

Наконец, он вошёл – похудевший, гладко выбритый, одетый в форму имперского солдата. Благодушно возвышаясь над своим конвоем, он смотрел на Хельмимиру со странным, ироническим спокойствием. Они не видели друг друга целую вечность.

– Ну здравствуй, Исаак, – спокойно произнесла Хельмимира. – Не думала, что встречу тебя снова. Зачем пожаловал?

– Хотел бы присоединиться к партизанскому движению, – ответил качкоид, словно по нотам. – Разделяю ваши ценности. Привёз данные, которые могут вам понадобиться.

– Да ты, я вижу, просто псих, – заявила мундиморийка, глядя Исааку в глаза. Внутри неё всё ликовало.

Кто-то из конвоиров сказал, что у перебежчика изъяли ак-

туальную карту жерл пространства-времени.

– Если принять на веру слова этого качкоида, – произнесла Хельмимира, торжествуяще оглядывая офицеров, – остальные жерла могли бы служить нам прибежищем.

– Карты постоянно обновляются, – скептически заметил кто-то из её подручных.

Проигнорировав его реплику, Хельмимира вновь посмотрела на Исаака пристальным взглядом.

– Судя по тому, что ты здесь, – произнесла она, – имперцы о нас знают?

– Они знают, – подтвердил Исаак, – и готовят операцию по зачистке. Батальон, в котором я служил, сейчас находится на планете Лиза-Мейтнер. Там около гаргрифа имперских солдат вместе с боевой техникой. Командиры ожидают подкрепления и, когда оно прибудет, собираются атаковать вашу базу.

В штабе Хельмимиры на Исаака смотрели враждебно и с недоверием: он прибыл из тыла врага, его мотивации были расплывчаты. Всё это выглядело так странно и глупо, что качкоида следовало бы попросту пристрелить. В глубине души Хельмимира знала, что он не врёт, но разве может настоящий лидер слепо верить эмоциям?

Партизаны вычислили самый короткий путь, по которому к Лизе-Мейтнер могло подойти подкрепление. Они встретили его прямо в открытом космосе. Сработал эффект неожиданности, и несколько имперских гаргрифов были разбиты

наголо. Перед этим партизаны обесточили все спутники связи, по которым на Лизу-Мейтнер мог прийти сигнал бедствия. Хельмимира следила за тем, чтобы ни один челнок не ушёл с поля боя.

Не теряя времени, партизаны отправились на Лизу-Мейтнер. Теперь в их распоряжении были дополнительные корабли и пленники. Партизанский флот было невозможно отличить от имперского. Сначала военные на Лизе-Мейтнер приняли их за подкрепление и подпустили к себе. Правда всплыла только тогда, когда часть партизан принялась обстреливать аппараты на орбите Лизы-Мейтнер, а другая часть напала на главный военный космодром. К тому времени, как со стороны Нэтти-Стивенс пришли ещё два имперских гаргрифа, Лиза-Мейтнер и её орбита оказались под контролем партизан.

Пройдёт ещё немало времени, прежде чем имперцам удастся вернуть Лизу себе. Её мирные жители поддерживали партизан. За то время, пока на планете находилась Хельмимира, там была организована самая крупная во всей галактике сеть подпольных ячеек.

Информация, которую привёз Исаак, подтвердилась. Однако партизаны всё ещё держали его под стражей; Хельмимира дожидаться не могла удобного случая поговорить с ним. Однажды, когда в её блоке объявили отбой, она вышла из каюты и направилась в камеру, где находился заключённый. Солдат, который стоял у входа, посмотрел на неё с удивле-

нием.

– Открывай, – приказала ему Хельмимира.

Рассудив, что начальству виднее, партизан повиновался.

– Жди меня здесь, – произнесла Хельмимира, видя, что охранник намерен идти вместе с ней. – Хочу одна допросить этого пленника.

Дверь захлопнулась – и сердце Хельмимиры дрогнуло; расположившись на узкой лежанке, Исаак поглощённо читал. Не говоря ни слова, Хельмимира сделала несколько шагов вперёд и остановилась посреди каюты. Выйдя из оцепенения, качкоид закрыл голограмму и встал с кровати. Несколько минут они молча смотрели друг на друга, как бы не веря, что всё это происходит на самом деле.

– Ты зачем сюда явился, ненормальный? – тихо спросила Хельмимира, пытаясь удержать себя последним усилием воли.

– К тебе, фифа, явился, – ответил Исаак, пожав плечами.

Хельмимира подошла к нему вплотную и, уткнувшись в его камуфляжную куртку, глухо зарыдала. Не существовало больше ни опасности, ни смерти. Вселенная вдруг приняла гармоничную и правильную форму, и всё в ней теперь было идеально. Бережно обнимая возлюбленную, Исаак гладил её по волосам. Когда-то она вдохнула смысл в его жизнь и душу в его творчество – а теперь она вдохновляет миллионы живых созданий на борьбу с несправедливостью.

Он рассказал ей о том, как долго искал её; не нашёл – за-

пил. Вначале ему казалось, что Хельмимиру арестовал Тайный Комитет. Однако после того, как сотрудников «Свободы слова» вызвали на допрос, Исаак вообще перестал что-либо понимать. Он бывал на Эстер-Ледерберг, на Нэтти-Стивенс и ещё много где, пока надежда совсем не угасла. После этого он окончательно опустился: перестал писать, иногда подрабатывал где придётся и топил своё отчаяние в дешёвом алкоголе. «А что? Могу себе позволить, – скажет он своему другу Гоблиновичу. – У меня, в отличие от тебя, прекрасное здоровье».

Когда столицу всколыхнула новость о восстании Кермунда, Исаак остался безучастен. Однажды он услышал имя Хельмимиры – и тут же подумал, что ошибся. Когда же бедняга понял, что это действительно она, она сумела повести за собой столько гуманоидов, сомнений не оставалось... Качкоид записался добровольцем в армию Его Величества. Основные войска империи находились на тот момент в Свободных Художниках. Имперские рекрутёры поспешно набирали солдат из мирных жителей. Такого здорового качкоида была рада пополучить к себе любая дивизия. Пройдя короткие курсы бойца, Исаак отправился на фронт.

Сначала приходилось очень тяжело. Непосредственная цель казалась почти недостижимой. Множество раз Исаак чуть было не погиб и чуть было не отчаялся. Наконец он узнал, что армия империи готовится уничтожить шайку недобитых повстанцев.

– Это люди Эниброна, – говорили имперцы. – С ними какая-то журнашлюха-пропагандонка. Она якобы придумала способ лечить лазерную идиотию и теперь пудрит всем мозги.

Будучи охранником одного из старших офицеров, Исаак услышал много важной информации. Командиры говорили на литературном мундиморийском, даже не подозревая, что качкоид может его знать. Перед тем, как совершить своё подлое бегство, Исаак оглушил нескольких сослуживцев. Когда дезертира хватились, он был уже далеко.

Слушая качкоида, Хельмимира немного успокоилась. Наконец, наступила её очередь рассказывать свою историю. Они с Исааком уселись друг напротив друга. Хельмимира взахлёб говорила обо всём, что случилось; иногда она прерывалась для того, чтобы снова обнять его и убедиться, что он реален... Так продолжалось до тех пор, пока в каюту не заглянул охранник.

Вскоре Исаака выпустили из-под стражи и позволили присоединиться к партизанам. Смущаясь, они с Хельмимирой держали свои отношения в тайне. Он вращался среди обычных солдат, она – среди командования. Новенький быстро нашёл общий язык с другими качкоидами. Мундиморийка мечтала сделать Исаака своим личным телохранителем, но почему-то стеснялась соратников. Спустя некоторое время он стал командиром небольшого отряда.

В один прекрасный день партизаны объединились с остат-

ками армии полковника Ротигерна; действуя сообща, союзники заняли несколько планет. Вначале Хельмимира очень радовалась такому альянсу, однако не тут-то было: совсем скоро ей пришлось узнать Ротигерна поближе – и это знакомство оказалось не из приятных.

Ротигерн был ещё молод: высокие звания в военное время раздавались щедро. Из всех людей Хельмимиры полковник уважал только офицерский состав, а остальных считал сбродом. Саму же мундиморийку Ротигерн и вовсе не воспринимал всерьёз: ну какой, спрашивается, из бабы предводитель? Хельмимира знала, что в мечтах Ротигерн видел себя новым Кермундом; однажды кто-то из её подручных подслушал разговор полковника с одним из офицеров – и выяснил, что Ротигерн собирается встать во главе повстанцев. «Бабу выбросим на какой-нибудь планете, – говорил Ротигерн. – Ну, или пусть с нами летает...»

Хельмимира прислушивалась к Ротигерну в том, что касалось тактики и стратегии. Ротигерн же, напротив, обращался с Хельмимирой презрительно и свысока. Пытаясь переманить офицеров на свою сторону, он неумело фамильярничал. Пытаясь вызвать лояльность простых солдат, он рисовался и пытался произносить пафосные речи. Тех, кто не был военным, Ротигерн попросту не принимал в расчёт. Глядя на всю эту клоунаду, Хельмимира думала о том, что же делать с наглым компаньоном. Ротигерн был нужен ей ради победы – и в то же время представлял опасность. Она слишком много

вложила в партизанское движение, чтобы вот так просто отдать его первому встречному.

Глядя на нового лидера, партизаны были озадачены. Мужественный полковник выглядел и вёл себя как человек, способный возглавить сопротивление. Находилась те, кто готов был его поддержать. Однако многие из партизан всё также были верны Хельмимире. «С одной стороны, она, конечно, баба, – рассуждали они. – Но ведь это она придумала, как лечить идиотию. Она не бросила своих людей, когда Эниброн бежал. Она собрала костяк сопротивления из тех, кто не был военным. Значит, не такая уж она и баба».

«Воспринимайте любого лидера критически», – написала Хельмимира в одной из своих статей.

Однажды после взятия планеты союзники устроили пирушку в каком-то разграбленном дворце. Там, где когда-то был большой парадный зал, накрыли стол для командования. Закусывая чем придётся, ключевые фигуры сопротивления по-фронтальному пили. Алкоголя было в достатке; захмелев, бражники разделились на группы и переговаривались между собой, не обращая друг на друга никакого внимания. Хельмимира сидела во главе стола и, закинув ногу за ногу, вальяжно курила; Исаак стоял позади неё в качестве охранника. Ротигерн и несколько офицеров сидели справа от Хельмимиры и оживлённо общаясь. Внезапно полковник презрительно произнёс что-то наподобие «бабам никогда нельзя доверять ничего серьёзного», после чего с непри-

ятной ухмылкой посмотрел на Хельмимиру. Та, выпустив дым, усмехнулась.

– Эй, Ротигерн, – окликнула она его так, чтобы все слышали. – Ты говоришь, бабам нельзя доверять ничего серьёзного?

Услышав громкую фразу, партизаны умолкли. Ротигерн, продолжая скалить свои ровные зубы, с нахрапом устоял на Хельмимиру.

– Я всегда это говорю, – произнёс он с вызовом, – и сейчас могу повторить.

Неторопливо выпустив дым, Хельмимира сделала паузу.

– Тогда скажи мне, – спокойно обратилась она к полковнику, – член свой ты кому доверяешь?

За столом послышались разрозненные смешки. Притихшие партизаны слушали нетрезвую перепалку с ехидным интересом.

– Тебе могу доверять, – заявил Ротигерн, глаза которого начинали наливаться яростью.

– Ты, вижу, смелый парень, – одобрительно произнесла Хельмимира. – Но что-то не сходится. Для таких щеглов, как ты, нет ничего серьёзнее собственного хрена.

Последняя фраза вызвала за столом громкий хохот. Ротигерн перестал улыбаться и продолжал смотреть на мундиморийку с остервенением.

– Не будь у тебя охраны из качкоидов, – злобно проговорил он, – не была б ты такая языкастая!

Выпустив дым, Хельмимира печально вздохнула.

– А знаешь, Ротигерн, чем быдлоид от приличного гуманоида отличается? – спросила она. – Тем, что быдлоид ведёт себя нормально только тогда, когда боится получить по морде.

С того дня противоречия между Хельмимирой и полковником обострились ещё сильнее. Это привело к нескольким неудачам подряд. Видя откровенное презрение, мундиморрийка уже в открытую спорила с Ротигерном на заседаниях штаба. Полковник хотел, чтобы она ушла; офицеры не спешили его поддерживать, хоть и Хельмимиру не защищали. В один прекрасный день вышло так, что Ротигерн и Хельмимира не договорились. Желая доказать превосходство над глупой бабёнкой, Ротигерн вместе со своей армией двинулся в наступление... и проиграл.

Понеся большие потери, его флот возвращался на базу. Специальный подъёмник привозил экипажи из ангара. Покидая кабину, солдаты один за другим отправлялись на обработку в санитарный отсек. Хельмимира вместе с группой своих людей стояла у выхода из лифта, подсчитывая уцелевших и раненных. Она была в ярости. Наконец, из-за механической двери показался Ротигерн. Заметив это, Хельмимира тотчас же двинулась в его сторону.

– Много народу погубил, герой? – резко спросила она.

Ротигерн молчал. Его смуглое мужественное лицо искажала гримаса бессильной злобы. Одержав победу, он поста-

вил бы нахальную бабищу на место и забрал бы себе её армию... Однако этого не случилось, и приходилось терпеть её жалкие проповеди. Коридор опустел: солдаты, что прибыли с Ротигерном, уже находились в санитарном отсеке, а остальные корабли ещё не стыковались.

– Что ты понимаешь в войне, посудомойка? – глухо прохрипел полковник.

– Ты угробил половину флота из-за мелочных амбиций, – произнесла Хельмимира. – Будешь и дальше называть меня посудомойкой?

Крыть было нечем. Побагровев ещё больше, Ротигерн сжал кулаки.

– Старая подстилка, – свирепо произнёс он, теряя контроль над собственным гневом. – Будь ты мужиком – я проучил бы тебя в честном бою. Но ты всего лишь позорная шлюха – и я даже не знаю, что с тобой делать. Хочешь поиграть в командира? Валяй, только это не для бабьих мозгов. Ты посмотри на себя: твоё место в солдатском борделе. Ты...

Договорить он не успел: Хельмимира достала пистолет и пристрелила его на месте. Адьютант полковника мгновенно бросился к ней и попытался выбить оружие из её руки, однако тоже был застрелен. Всё произошло в течение нескольких секунд; направив пистолет на оставшихся спутников Ротигерна, Хельмимира стояла, готовая снова выстрелить в любого, кто двинется с места. Говорить она не могла: в горле застрял огромный ком.

Никто, казалось, не ожидал ничего подобного. Оглушённые, спутники Ротигерна стали поднимать руки вверх. Постепенно Хельмимира осознала, что партизаны, которые находились позади неё, также взяли их на мушку. Внезапно её затрясло; на полу, прямо перед ней, находились двое: у одного была прострелена голова, у второго – грудная клетка, не защищённая бронежилетом. Первый лежал неподвижно; второй был в агонии.

Сомневаясь в том, что её барабанные перепонки целы, Хельмимира вызвала подкрепление. К этому времени адъютант, очевидно, был уже мёртв. Партизаны скрутили помощников Ротигерна; пытаясь не смотреть на пол, мундимо-рийка поместила пистолет обратно в кобуру и обернулась к подчинённым.

– Уберите трупы, – приказала она двум качкоидам, и тут же, обращаясь к остальным, продолжила: – Подготовьте несколько отрядов. Когда люди Ротигерна стыкуются, заберите у них оружие и отправьте в санитарный блок. Возьмём их под стражу. Вам всё понятно?

Отходя от шока, партизаны молчали. Недоуменно глядя на своих подручных, женщина повторила вопрос.

– Понятно, возьмём их под стражу, – внезапно произнёс Исаак, – а что дальше?

Не понимая, к чему он клонит, Хельмимира подняла на него удивлённые глаза.

– Дальше – в материализатор, – убеждённо ответила она. –

Нужно собрать их чистый энтузиазм.

– А потом? – не унимался качкоид. – Потом ты что с ними сделаешь?

Хельмимира смотрела на него так, будто видела впервые.

– Думаю, им нужно раздать винтовки и отпустить свободно гулять по базе, – насмешливо проговорила она. – Чтобы они подняли мятеж и расправились со мной за своего лидера.

Несколько секунд Исаак задумчиво смотрел ей в глаза.

– Хельмимира, отмени приказ, – негромко, и в то же время твёрдо произнёс качкоид. – Нужно поговорить с этими людьми и убедить их перейти на нашу сторону.

– Хочешь, чтобы я спустилась в ангар? – с вызовом спросила Хельмимира.

– Тебе нельзя: ты в ярости.

Ошеломлённая, она была возмущена и сбита с толку – но всё же понимала, что Исаак, в сущности, прав. Внезапно её охватил панический страх.

– Ты никуда не пойдёшь! – заявила Хельмимира. – Они убьют тебя раньше, чем ты успеешь им что-либо доказать!

– Давай-ка без эксцессов, – ответил качкоид. – Ничего они со мной не сделают.

С ним вызвалось идти ещё двое. Хельмимире хотелось спуститься в ангар самой, но она знала, что всё бесполезно; глядя на то, как Исаак переговаривается с подручными, Хельмимира готова была удерживать его любыми способа-

ми... Вместо этого она просто стояла, опустив руки вдоль тела, и смотрела переговорищикам вслед.

Исаак долго беседовал с людьми Ротигерна. В результате они присоединились к армии Хельмимира и присягнули ей на верность. Многие пожелали вступить в отряд Исаака, признавая в нём своего лидера. Впервые качкоид заявил о себе как о шкипере космических партизан – первом помощнике Хельмимира.

На обед каждому партизану выдали дополнительный паёк. Оправляясь от потрясений, Исаак и Хельмимира пили в отдельной каюте. Она сидела на полу, опершись о стену; он возился у стола, разливая вино: себе – в металлическую кружку, ей – в гранёный стакан.

– Этот подонок, видно, решил, что у меня там косметичка, – усмехнулась Хельмимира, указывая на кобуру.

– Такие вот вы, женщины, импульсивные, – шутливо отозвался Исаак. – Убьёте ненароком – и имени не спросите.

Приблизившись, он протянул ей напиток. Мундиморийка взяла стакан, сделала несколько глотков и вспомнила о заброшенном горном поместье: тогда она едва бы поверила, что вновь увидит любимого... Подумать только: он бывал на Нэтти-Стивенс в то самое время, когда она так сильно о нём тосковала! Это было иронично и жутко. Больше всего на свете она боялась потерять его снова.

– Осуждаешь меня? – спросила Хельмимира.

– Нет, почему же, – ответил качкоид. – Если б ты его не

пристрелила, я свернул бы ему шею.

– Я говорю не об этом.

– А о чём?

– О том, что было после... Мне страшно смотреть, во что я превращаюсь.

Исаак, который до этого ходил по комнате, остановился напротив Хельмимира.

– А по-другому и не получится, – сказал он, подумав. – Обратной дороги у нас больше нет.

– Тогда зачем ты остановил меня? – спросила Хельмимира. – Зачем не позволил расстрелять его людей?

– Затем, чтобы тебе потом жить было легче.

С того времени партизанское движение стало намного более организованным. Дисциплина и субординация усилились. Хельмимира избавлялась от всех, кто мог составить ей конкуренцию или ставил под сомнение её авторитет. Спустя какой-то время в главном штабе остались только её сторонники.

«Иногда женщине приходится действовать жёстче, чем мужчине», – говорила Хельмимира. – «Иначе её не воспринимают всерьёз».

Объединив войска, Хельмимира перенимала опыт профессиональных военных. Дух вольного братства стал покидать отряды, однако и в такой обстановке многие из партизан продолжали заниматься творчеством. В какой-то момент Хельмимира официально запретила отупляющее искусство

среди своих соратников. Собрав последние силы, партизаны отстояли занятый ими регион. Однако, несмотря на достижения, исход войны был очевиден: огромное войско империи против кучки недобитых повстанцев. План объединить армию Кермунда провалился. Союзников не осталось, ресурсы иссякли. Отбросив ненужные иллюзии, Хельмимира осознала: для того, чтобы выжить, партизанскому движению следует уйти ещё глубже в подполье.

На каждой захваченной планете появлялась тайная ячейка сопротивленцев. Даже если планету не удавалось удержать, Хельмимира знала: семена посеяны, основа заложена. Среди подпольщиков были крупные чиновники, сотрудники Комиссии Уголовных Расследований, преподаватели, врачи... Все они тайно помогали движению и распространяли искусство партизан.

Хельмимира активно продвигала свою доктрину о том, что чтение и анализ могут защитить разум от идиотии. Каждый из партизан обязан был прочесть все книги, которые она привезла когда-то с Джоселин. Иногда неравнодушные доносили на подпольщиков. Тогда имперские власти арестовывали их и облучали без суда и следствия. Однако после этого многие облучённые оставались в здравом уме. Это ещё раз доказывало то, что методы Хельмимиры были и вправду эффективны.

Официально война окончилась в пользу имперцев, однако подпольное и партизанское движение распространилось

вплоть до ядра империи. Со временем Хельмимира наладила связь с ву-цзяньсюнскими магнатами, которым удалось избежать репрессий. Потом появился ещё один источник финансирования, который контролировала сама Хельмимира. Говорили, что это был кто-то при дворе.

Партизаны нападали на почтовые челноки, выводили из строя спутники связи и отправляли свои сигналы на трансляторы пользователей. К тому времени, когда их удавалось обнаружить, они скрывались. Иногда происходили стычки между партизанами и военными.

Имперские газеты ласково называли космических партизан «тоталитарной сектой». Злые языки твердили, будто Хельмимира поклоняется Дядюшке Ю-Ю – древнему боже-ству мундиморийского пантеона. Его изображали как бородача в огромных очках верхом на чёрной собаке. В руках у Ю-Ю была гитара, которой он поражал демоническую сущность, одетую в поющие трусы. Особливо суеверные гуманоиды верили, что Хельмимира давно продала ему душу и призывает его с помощью мантры «Что такое осень». Имперские газеты писали, что партизаны проводят свои ритуалы там, где в море тонет печаль. Оккультисты возражали: «Ю-Ю завещал «Не стреляй», а стерва Хельмимира только этим и занимается».

Глава 10: В гостях у генерала

Генерал Зугард был очень расстроен и зол: не так давно его бросила любимая, а теперь ещё и Хельмимира ушла прямо из-под носа. «Не везёт мне с женщинами в последнее время, – думал мундимориец, находясь в командном пункте своего флагмана. До прибытия в столицу оставалось ещё пять джоселинских часов.

Было совсем не сложно подsunуть противнику неправильную информацию, а потом подстеречь его у жерла пространства-времени. Зугард любил такие манёвры. Помимо практической пользы, он находил в военных ухищрениях какую-то неестественную, чрезмерную приятность. Однако в этот раз всё пошло совсем не по плану. Флот противника понёс кое-какие потери, но в общем операция провалилась. Многим из партизан удалось бежать, а корабль Хельмимиры ушёл с аномальной скоростью. Догнать его не удалось. Обдумывая, что же могло пойти не так, Зугард перебрал все возможные и невозможные варианты. Мысль о том, какая же технология способна была обеспечить Хельмимире прорыв, ставила генерала в тупик и лишала его покоя.

В конце концов Зугард решил, что на сегодня с него достаточно. Он отправился в свой кабинет, где в сейфе была припрятана одна его тайная страстишка... Всё дело в том, что военачальник давно страдал мучительной графоманией.

Избавиться от недуга не удавалось, и время от времени генерал соблазнялся написать очередной шедевр. Сначала это были оригинальные, совсем не заезженные истории о простых ребятах, которые внезапно становятся крутыми. Главный герой – весь такой обычный – живёт своей обычной жизнью. В один прекрасный день ему в руки попадает меч-кладенец, который переносит его в Княжество Пердеслав, где никогда не видели Марти Сю. Сначала он слаб и жалок, но длится это недолго: сила и знания приходят уже в третьей главе. В некоторых запущенных случаях герой вообще оказывается избранным. Становясь первым парнем на деревне, он имеет моральное право на все вагины, которые видит – а зачем ещё, спрашивается, нужна крутизна? Отодрав сотню эльфиек, парень возвращается домой настоящим мужиком. Если бы Зугард осмелился показать кому-нибудь свои повести, то стал бы любимым автором спермотоксикозных мальчиков всех возрастов.

Следует отдать генералу должное: повзрослев, он устыдился многих своих творений и уничтожил их без всякой пощады. Однако страсть к писательству не угасла. С каждым годом его произведения становились всё более ироничными. Сейчас, после расставания с Визулиндой, они вообще состояли из сплошного цинизма, сатиры и странностей.

В последнее время Зугард усиленно работал над романом «Все идиоты, а я просто сволочь». Роман был в какой-то степени автобиографический. Лайка, где находился файл с про-

изведением, обычно лежала среди секретных документов. Очередную главу можно было писать с таким видом, будто печатаешь рапорт государственной важности.

Именно этим и собрался заняться генерал. Он запер дверь, активировал голограмму и стал перечитывать то, что написал ранее. Свежим взглядом он видел, что получилось из рук вон плохо. Визулинда, наверное, подняла бы его на смех за такое количество штампов...

«Я думаю, Зугард, что нужно предлагать читателю пакет для рвоты, когда пишешь о спасении красавиц».

«Алые паруса» туда же отнесёте, Ваше Высочество?»

«Пожалуй, нет. История, в которой наивная девочка уплывает неизвестно куда вместе с первым встречным, скорее тянет на жестокую драму...»

Неожиданно в дверь постучали. Зугард поспешно закрыл документ, кинул его обратно в сейф и принял свой обычный генеральский вид. Через несколько секунд он опомнился и разблокировал дверь.

– Разрешите войти? – спросил адъютант, заглядывая.

– Разрешаю. Чего тебе?

– На одном из захваченных кораблей нашли двух елдыринцев. Партизаны, судя по всему, держали их в заложниках. Они говорят, у них для Вас есть важная информация. Просят личную встречу.

– А приём у императора они не просят? – усмехнулся генерал.

Смутившись, адъютант переступил с ноги на ногу.

– Они, вообще-то, к нему и направлялись, – произнёс он, помочав. – А потом их захватили партизаны. Теперь, говорят, решили с вас начать. Уж лучше, чем просто сидеть в камере...

Такой ответ развеселил генерала.

– А что за пленники? – спросил он, смягчившись.

– Молодые мужчины, истинно люди, документов при себе не имеют.

– Ладно, веди их сюда.

«Информаторов» немедленно доставили на флагман. Антоха, который шёл впереди, старался держаться с достоинством. Для него это был уже второй полководец за последнее время. Оказавшись в кабинете, он сильно удивился: Зугард абсолютно не соответствовал его представлениям о космических генералах. Вместо почтенного старца в парадном кителе перед ним предстал довольно молодой широкоплечий мундимориец с голубыми глазами. «Второй разрыв шаблона, – подумал Антоха, оглядывая рослую фигуру военачальника. – Ну, хоть не баба, и то хорошо». Дюндель наивно пялился по сторонам. Генеральский кабинет выглядел солидно: узорчатый пол, массивная мебель и герб империи.

– Что хотели? – спросил Зугард, и по его тону ребята поняли, что с генералом шутки плохи.

– Мы, короче, эта... – увесисто произнёс Антоха. – Держим райончик на планете Кривоцица...

– Я в курсе, из какой дыры вы прибыли, – оборвал его мундиморец. – Что у вас за информация?

Обескураженный, Антоха немного сдулся. Тем не менее, гордость не позволила елдыринцу выдать свою обиду перед генералом.

– Короче, здесь вот какое дело, – с достоинством продолжал он, – подвязались мы отвезти к вашему императору одного старикашку...

Далее Антоха рассказал генералу о том, что старик открыл какую-то новую технологию сверхсветового перемещения. Они с Дюндем согласились помочь ему добраться до Мундиморы, а дядя Кеша полетел за компанию. По пути на них напали космические бандиты. Ими управляла какая-то ведьма. Там был ещё Фёдор Михалыч, но и он в итоге оказался подкаблучником. Негодяи захватили гараж, дядю Кешу и деда вместе с секретной технологией. Потом их с Дюндем хотели посадить на какого-то «Гольдони». Ребята сопротивлялись: путешествовать на корабле с таким названием было не по-пацански. Однако, получив прикладом по морде, они вынуждены были взойти на борт.

Слушая рассказ елдыринца, генерал пытался определить степень его кретинизма. «Идиот или всё же лазутчик?» – рассуждал Зугард. Впрочем, одна деталь заставляла сердце генерала биться так часто, будто он снова видел принцессу Визулинду. Речь шла о технологии. Сами провинциалы и их запутанная история выглядели несуразно. Однако тот факт,

что Хельмимира вырвалась из окружения неведомым образом, нельзя было списывать со счетов.

– Мы, начальник, сразу поняли, что Вам такая бадяга понравится, – проговорил Антоха. – Не думайте, мы не стукачи... Просто дядьку и корабль жалко. И домой очень хочется.

Задумавшись, генерал вышел из-за стола и прошёлся по кабинету.

– А почему это ты решил, что мне твоя бадяга понравится? – спросил он, пытаясь не выдать возбуждения. – Что в ней такого особенного? У нас в ангаре, может, ещё круче бадяга есть.

Антоха был смущён и обескуражен: генерал попался явно не простой и какой-то слишком уж привередливый.

– Не знаю я, что там у вас в ангаре, – произнёс елдыринец, – но двести тысяч эризенов мы с этой штукой прошли как нечего делать... И в жерла пространства времени она пускает.

Улышав последнюю фразу, генерал резко остановился. Все знали, что никакое топливо, кроме чистого энтузиазма, не может обеспечить переход через жерло пространства-времени. Краем глаза Антоха заметил, как вытянулось лицо адъютанта.

– А ты, дурила, ничего не попутал? – спросил Зугард. – Знаешь, что за такие шутки бывает?

– Обижаете, начальник, – заявил Антоха. – Провалиться

мне на месте, если вру!

«Прапорщик Залупенко тебе начальник, – сердито подумал Зугард, преодолая задумчиво расхаживать по кабинету. – Этот болван, похоже, сам верит в то, что говорит».

– А ты эту технологию видел? – спросил он Антоху. – Как она выглядит?

– Видел какое-то вещество у деда в коробке, – расплывчато ответил елдыринец. – А вообще, мы пацаны простые и в научных штуках не смыслим ни черта... Теперь вот попали, как лохи.

Генерал задал пленнику ещё несколько наводящих вопросов. Было очевидно, что именно елдыринская технология позволила Хельмимире скрыться. У Зугарда было отличное чутьё на всякие выгодные авантюры. Сейчас оно подсказывало генералу, что эти двое балбесов ему точно пригодятся.

Разыгрывая комедию перед генералом, Антоха вдруг понял, что лицедейство – фамильная черта Гоблиновичей. Вот также и его дядька недавно строил из себя деревенского дурачка перед партизанами... Воспоминание о недавней ссоре отозвалось в сердце елдыринца болезненным уколом. Понимая, что вляпался в историю, он сильно переживал за мать. Она, должно быть, уже все морги обзвонила. Антоха надеялся, что имперцы помогут ему спасти Гоблиновича из лап Хельмимиры. Старика же он до сих пор считал виновным во всех своих злоключениях – просто потому, что нужно было кого-то обвинять. Отдавая секрет лосиных кашешек, ел-

дыринiec чувствовал странное удовольствие: вроде бы и деду насолил. «Попаданцы хреновы, – злился он, ворочая в голове свои невесёлые мысли. – Чувствую, прибьёт меня маманя, если гараж не верну».

Тем временем Зугард принял своё генеральское решение.

– Так и быть, – обратился он к пленникам. – Я доложу о вас императору. Думаю, скоро мы найдём ваших товарищей и отобьём их у повстанцев. Но учтите: вы должны в точности следовать моим указаниям. Иначе план сорвётся.

Не веря своему счастью, Антоха и Дюндель обрадованно переглянулись. Наблюдая за ними краем глаза, генерал остался доволен: эти двое явно купились на его уловку и теперь будут сотрудничать. Никакому императору он, естественно, докладывать о них не собирался... Помимо графомании, у Зугарда имелись и другие гнусные секреты.

– Необходимо, – проговорил он, – чтобы вы немного побыли у нас под присмотром: вокруг партизанские шпионы, и вас могут устранить как свидетелей. Кроме того, вы можете в поисках.

– Нас что, в тюрьму посадят? – испуганно спросил Антоха.

Мундимориец задумался. Он едва ли рискнул бы посадить пленников на гауптвахту. Остальные генералы могли узнать о них и наверняка полезли бы не в своё дело. Отправить Антоху и Дюнделя в лагерь для военнопленных он тоже не мог: тогда вместо полезных информаторов он получил бы

два овоща. К тому же, с помощью своих новых знакомых он планировал расположить к себе изобретателя секретной технологии. Сейчас, находясь на флагмане, Зугард предпринял всё, чтобы избежать утечки информации. Однако он понимал: по прибытии на Джоселин-Белл-Бернелл ситуация изменится.

«Что бы такое придумать? – спрашивал себя Зугард, изо всех сил напрягая свою бурную, нездоровую фантазию. – Куда бы засунуть этих дебилов? Тайный Комитет о них быстро пронюхает: у него везде свои люди. Да и коллеги всегда рады настучать... Хоть дома у себя их держи, ей-богу!

Внезапно ему в голову пришла одна смелая идея.

«А если, – рассудил он, – поселить их где-нибудь под приглядом? Ну, скажем, в Джудит-Лав-Коэн – чтоб наверняка подальше от императора? Или в Каролин-Порко – чтобы одновременно у меня на виду...»

Сперва мысль показалась ему безумной, однако он всё же допустил её. Двое гуманоидов – иголка в стоге сена по меркам густонаселённой планеты. Ну что, в сущности, будет стоить ему прокормить двух елдыринцев? Копейки. Если не выпускать пленников из дома и постоянно держать их под контролем, получится довольно-таки комфортное и безопасное заключение.

– Кстати говоря, – произнёс генерал, как бы опомнившись, – а что вообще вы умеете делать? Чем занимались на своей планете?

– Мы автослесари, – ответил Аноха.

– Авто кто? – переспросил Зугард.

– Автослесари, – повторил Антоха. – Чиним наземный транспорт.

– А, механики, значит... – потянул мундимориец и снова задумался о чём-то своём. Профессия этих несчастных заинтересовала его лишь как дополнительная информация.

– А ещё я читаю рэп, – собравшись с духом, произнёс Дюндель. От неожиданности Антоха испуганно уставился на друга.

– Идиот, – усмехнулся Зугард. – Я спрашивал о роде занятий, а не о том, какие книги тебе нравятся.

– А я и не про книги говорю, – сказал Дюндель. – Рэп – это такой крутой пацанский музон.

Ещё ни разу в жизни Зугард не видел такой кристальной непосредственности. Это было слишком интересно, чтобы игнорировать.

– А ну изобрази, – неожиданно проговорил Зугард.

– Что, прямо здесь? – смутился Дюндель.

– Нет, мать твою, в созвездии Гидроксилажа, – серьёзным тоном заявил генерал.

Над кабинетом повисла изумлённая пауза. Все смотрели на Дюнделя, а Дюндель смотрел на Зугарда.

Дюндель никогда не боялся публики. Уверенный в собственной крутизне, он с удовольствием выступал перед пацанами с района. Обычно все они встречали его рэпчик «на

ура». Дюндель жаждал настоящего драйва; главной наградой для него была не слава, а возможность излить свою суровую – и в то же время романтичную – душу зрителям... Он часто побеждал в рэп-баттлах.

Оказавшись перед лицом генерала, Дюндель почувствовал себя не в своей тарелке. Спустя какое-то время он оклемался, и предложение Зугарда показалось ему довольно лестным. Дюндель не был особенно тщеславен, однако трепет честолюбия всё же всколыхнул его сердце. Никому из его знакомых ещё не доводилось вживую выступить перед настоящим генералом. Думая о том, что скажут пацаны на районе, он почувствовал возбуждение.

– Йоу, камон, – пафосно произнёс Дюндель, – Эм-Си Суровая Мошонка здесь, пипл... Погнали!

От неожиданности Зугард автоматически схватился за пистолет. Антоха заметил, что лицо адъютанта снова вытянулось – причём теперь почти в два раза. К счастью, Зугард успел взять себя в руки и теперь просто стоял, уставившись на елдыринца. В это время Дюндель, находясь в состоянии художественного аффекта, самозабвенно читал свои гениальные строки:

У меня всё по-пацански, хулигански,
Берегись меня!
Дорогие шлюхи, наркота,
бандитская фигня!

Я чисто с братками
Кулаками
Всё решаю сам!
У меня нет мозга,
Но зато есть пушка – бам-бам-бам!

На районе пацаны
Все меня уважают,
Ведь на всяких там шалав
Я их не меняю!

«Вот это по-пацански!» – с гордостью думал Антоха. Пытаясь помочь другу, он принялся издавать ртом специфические звуки – те, что иногда сопровождают импровизированные рэп-выступления. При этом он время от времени поглядывал на мундиморийцев... Те явно были в шоке.

Бухаем с пацанами,
Наши сучки с нами:
Лучшие шкуры района,
Элитное бабьё, на****!

– Что это он там гундосит на своём плебейском наречии? – тихо спросил Зугард, обращаясь к адъютанту. – Это какой-то особый язык для гуманоидов с отрицательным интеллектом?

– Не могу знать, – ответил тот. – Полагаю, это какой-то ублюдочный диалект общегуманоидного языка. Возможно, тупиковая ветвь...

– Я меня клетки мозга умирают.

Я бунтарь,

В жопу мне фонарь!

Но встретил тебя – и нет пацана...

– Хватит! – воскликнул Зугард. – Прекратить холуйские песнопения!

Обиженный словами генерала, который сам был «ещё пацан», Антоха захотел набить его напыщенную морду. В его глазах Дюндель оставался гением, гордостью района – даже несмотря на то, что иногда Антоха подавлял его своим нахрапом. Сам же Дюндель был в недоумении: что, спрашивается, могло не устроить генерала? Хотелось поспорить, но правильные слова всё не шли ум... Вот если бы это была рэп-битва, тогда другое дело: Дюндель расправился бы с генералом своими неточными рифмами. Когда-нибудь он всё-таки напишет ответ и исполнит его речитативом, а пока остаётся лишь молча стоять, глотая обиду.

– Ладно, господа, не обижайтесь, – смягчился Зугард. – Кстати, слово «господа» вас не очень смущает? Или вы называете себя исключительно «пацаны»?

Генерал явно издевался. Сжав кулаки, Антоха разъярённо

пыхтел: окажись Зугард у них на районе, ему бы не поздоровилось. Дюндель, в отличие от него, оставался безразличным: «господа» звучало в новинку, но вполне нормально.

– Ну, не будем тратить время попусту, – деловито продолжал Зугард. – Чтобы найти ваших друзей, мне нужно знать, как они выглядят. А ещё лучше, давайте-ка составим фотороботы...

По прибытии на Джоселин елдыринцев отделили от общей массы военнопленных и быстро увезли под предлогом депортации. Несколько часов они, уставшие и голодные, обретались в каком-то изоляторе. После этого их доставили в надёжное место, которым оказалась большая квартира в Каролин-Порко. Там было шесть комнат и несколько санузлов. Простые пацаны не верили своему счастью: такие апартаменты они видели разве что в кино. Помимо Антохи и Дюнделя, в квартире поселились ещё двое мундиморийцев. Они должны были охранять гостей и не давать им общаться с внешним миром. Оба они были голубоглазые шатены и чем-то походили на самого генерала.

«Лучший способ спрятать человека – это поместить его в жилой комплекс какого-нибудь мегаполиса», – пошутил Зугард, прощаясь с пленниками на борту своего шаттла.

Мебели в квартире было немного, и от этого она казалась просторной. Когда Дюндель впервые перешагнул порог своей комнаты, он так и обомлел от восторга. У стены стояла огромная кровать, где он поместился бы как минимум с пя-

тью девушками. Напротив висел монитор, который занимал почти всю стену. Комната Антохи выглядела так же круто. Елдыринцам выдали трансляторы. Можно было подключать их к монитору и смотреть всё, на что была оплачена подписка. Пленники должны были есть, спать, смотреть развлекательные передачи и вести себя смиренно до тех пор, пока люди генерала не найдут их товарищей.

– Вот это сладкая жизнь! – говорили мундиморийцы.

Сами же они обустроили для себя спортзал и проводили там много времени.

Мундиморийские каналы были потрясающи. Там день и ночь крутили порно, музыкальные клипы, развлекательные шоу. В пакет входили каналы известных рэперов – и Дюндель смотрел их днями напролёт. Иногда рэперы снимали фильмы о собственной крутизне. Там было всего несколько типов персонажей: «крутой», «плохой», «клоун» и «тёлка». Сюжет всегда сводился к тому, что «ровные» пацаны побеждали «неровных», ведь главное в жизни – это пацанская дружба и пацанские понятия. В конце, когда пацаны обнимались на фоне заката, Дюндель едва не плакал.

Остальное мундиморское кино недалеко ушло от рэперских шедевров. Антоха и Дюндель с удовольствием смотрели канал господина Какашкина. Его фильмы отличались новизной и свежестью мысли. В каждом из них была заложена идея «потребляй побольше, но главное – это семья». Как можно с этим не согласиться? Только полный отморозок не

умиляется на традиционно-благочестивые ценности.

Комедийные сериалы были уморительны: все они учили, как стать проституткой. Каналы светской хроники рассказывали о том, какого цвета трусы у очередной знаменитости. Рекламные блоки привлекали аудиторию до пяти лет. Цветастые ролики можно было смотреть хоть круглосуточно.

Антоха и Дюндель с головой окунулись в заманчивый мир безделья. Это было великолепно – отдохнуть от пережитых невзгод. Затворники могли подолгу не видеть мундиморийцев. Еду и всё необходимое привозили из магазинов. Первое время елдыринцы отсыпались, потом – осваивались на новом месте. За окнами бурлил мегаполис, однако внешний мир был запрещён. Следуя этому правилу, Антоха и Дюндель почти не интересовались тем, что происходило вокруг. Достаточно было той информации, которую они получали из транслятора – а её было действительно много. Свежие впечатления увлекли елдыринцев настолько, что острота прошлых потрясений сошла на нет. Казалось, вот-вот сюда придут Бабельянц и Гоблинович, а милостивый генерал вновь поможет решить любую проблему.

Шли месяцы, менялось положение светил на небе, а новости всё не приходили. Несколько раз пленников возили к генералу на опознание тех, кого задержали в ходе очередного рейда против партизан. Ни Гоблиновича, ни Бабельянца среди задержанных не было. Постепенно в душе Антохи разрасталось беспокойство. Сначала это был маленький пре-

дательский червячок, который копошился где-то в глубине грудной клетки. Со временем он выпускал всё новые и новые конечности, как бы превращаясь из личинки в многопалого монстра. В конце концов чудище целиком опутало разум Антохи, и игнорировать его было уже невозможно.

Пытаясь отвлечь себя от тревожных мыслей, Антоха заедал их под какой-нибудь весёлый фильм. С каждым разом он ощущал всё меньше удовольствия. В конце концов ему надоели мундиморийские каналы. Теперь он воспринимал их как что-то привычное и абсолютно одинаковое. Антоха стал хуже спать и всё думал о дядьке, гараже и матери. Ожидание становилось невыносимым. Несколько раз он попытался сходить в тренажёрный зал, однако мундиморийцы не пускали туда чужаков. Любая попытка подружиться с ними заканчивалась провалом. Это были, что называется, «парни себе на уме»: невозмутимые и недоверчивые, они беззаветно подчинялись генералу. Зугард имел что-то наподобие личной гвардии и разведки. Он выбирал подходящих людей из нижних чинов и помогал им подняться.

Делать было нечего, и Антоха жил по инерции – ел, спал и смотрел мундиморийские каналы. Весь его мир слился во что-то единое, раздражающее, сытое и неинтересное. Череда цветных картинок вращалась бессмысленным круговоротом, а в центре было мучительное беспокойство, которое не покидало разум ни днём, ни ночью.

Дюндель намного легче переживал своё пленение. Мун-

диморийские каналы приводили его в восторг. Никогда в своей жизни он не видел таких оригинальных, потрясающих шоу. Он, разумеется, также беспокоился о родителях. Однако, будучи натурой незамутнённой, Дюндель охотнее воспринимал всё новое и жил сегодняшним днём. Наверное, поэтому его оптимизм оказался более живуч. В тихих беседах, которые друзья вели втайне от мундиморийцев, он убеждал Антоху «подождать ещё немного».

«Тебе-то хорошо, – угрюмо возражал Антоха, – твой дядька ведь не в плену у космической ведьмы... Неизвестно ещё, что она с мужиками делает».

Антоха представлял, как Хельмимира кастрирует мужиков хирургическими инструментами. Так, по его мнению, выглядел феминизм.

– Она их всех, наверное, того... – рассуждал Антоха.

– И Фёдор Михалыча?! – в ужасе спрашивал Дюндель.

– И его тоже.

От таких разговоров Дюнделю становилось очень страшно. По странной иронии, именно тогда и случился с ним непредвиденный восторг, который так свойственен любой поэтической натуре.

После разговора Антоха ушёл к себе, а Дюндель принялся смотреть любимые каналы. Между фильмами началась реклама популярных блогов... И тут сердце несчастного Дюнделя замерло: на вычурном фоне сидела девушка, красивее которой он никогда ещё не видел. Её полуобнажённая грудь

была прекрасна, как перси богини-матери. Её пухлые губы так и манили к себе. Судя по роскошному маникюру и аккуратным бровям, красавица предпочитала дорогие салоны.

– Привет, с вами Гвендельфина Куколка, – проговорила она своим ангельским голосом. – В этом видео я расскажу, как правильно симулировать оргазм, чтобы получать шубы и драгоценности даже от нищевродов, и сколько денег должен зарабатывать мужчина, с которым не стыдно переспать на первом свидании...

«Гвендельфина Куколка! – с упоением повторил Дюндель, зачарованно глядя в монитор. – Брюнетка из моих эротических снов...» Некоторое время он находился в лёгкой прострации, следя за каждым движением восхитительного существа. Осознав, наконец, что реклама окончена, он метнулся к транслятору и, отыскав канал Гвендельфины, хотел подписаться... Канал, разумеется, был платным. Финансами всей компании распоряжались мундиморийцы.

Чтобы избавиться от напряжения, Дюндель пошёл в ванную. После этого немного полегчало, однако он долго не мог уснуть. Одно лишь воспоминание о гладкой, загорелой коже прекрасной Гвендельфины возбуждало в нём новые порывы несбыточной страсти. «Вот это тёлочка! – думал Дюндель. – Хотя, скорее всего, занята уже... Много у неё, наверное, богатых спонсоров...» Ему снились необыкновенно красочные сны: гибель какой-то звезды, ощущение полёта, сияющая бездна пространства-времени...

Утро выдалось пасмурным и каким-то похмельным. В эту пору года на джоселинском небе сперва появлялась Вера-Рубин, однако теперь она была скрыта под плотным слоем туч. Проснувшись, Дюндель сразу вспомнил о Гвендельфине – и тут же его знойное воспоминание натолкнулось на глухие стены каземата. Впервые за долгое время он почувствовал себя пленником.

Лёжа в кровати, он думал о том, как здорово было бы выйти из этой элегантной тюрьмы и пройтись по улицам Каролин-Порко. Возможно, он встретил бы Гвендельфину или просто поглазел бы на здешний народ. Между плотной рольшторой и рамой окна проходила полоска света. Дюндель поднялся с постели и отодвинул занавески. Перед ним был многоликий пейзаж огромного города: острые шпили небоскрёбов, изгибы трасс и архитектурные нагромождения неправильной формы... Там, далеко внизу, сновал наземный транспорт. Аэропути имели несколько уровней, проходили по ходу зданий и ограничивались специальными знаками. Почтовые и доставочные дроиды могли летать совершенно свободно. Изредка в небо поднимались капсулы для путешествий на Эстер-Ледерберг.

Любуясь городом, Дюндель как будто бы видел его впервые. Внезапно елдыринец изумился тому, что всё это время подобная красота оставалась для него недоступной. Ощувив полёт мысли, он пробовал было что-нибудь срифмовать, однако запутался в красочном потоке. Ему хотелось взмыть над

небоскрёбами – седлая своё вдохновение, захлёбываясь им, забыв обо всём на свете...

Суrowая реальность напомнила о себе довольно скоро. Проголодавшись, Дюндель отправился на поиски какой-нибудь снеди. Антоха ещё спал. За столом в кухне-студии молча и безразлично завтракали мундиморийцы. Елдыринец поздоровался и подошёл к холодильнику. Он взял еду и хотел уже вернуться к себе, как вдруг остановился у выхода и глупо уставился на тюремщиков.

– Мужики, – произнёс он, видя, что никто не обращает на него внимания, – подпишите меня ещё на один канал... а?

Ответ последовал не сразу. Спокойно дожёвывая свой завтрак, мундиморийцы равнодушно переглянулись.

– А не жирно будет? – проговорил, наконец, тот, который был чуть постарше. – Мы в прошлом месяце ещё два комплекта тебе докупали, с бонусами.

– Ну, мужики... ещё один... последний...

– А что за он? – спросил второй мундимориец. Ему принадлежала квартира.

Дюндель замялся, ощущая что-то наподобие ревности. Рассказывать о Гвендельфине этим скотам было каким-то кощунством. Он будто делился с незнакомцами самым сокровенным.

– Тёлка понравилась, – коротко произнёс Дюндель, краснея.

Мундиморийцы насмешливо переглянулись.

– А ну покажи! – скомандовал один из них.

Делать было нечего. Превозмогая отвращение, Дюндель пошёл в свою комнату, принёс транслятор и показал охранникам канал Гвендельфины.

– И что в ней особенного? – хмыкнул тот, что помоложе. – Таких шкур сейчас завались.

– А стоит эта шкура, как целый пакет каналов, – рачительно добавил его напарник и тут же принял решение: – Нет, парень, обойдётся. Мы из-за твоих мадмуазелей в бюджет не влезем.

Звучало обидно – учитывая то, что иногда мундиморийцы заказывали себе шлюх. Сидя у монитора, Антоха и Дюндель с завистью слушали, как феи проходят в комнаты охранников. Чаще бывало так, что елдыринцы к этому времени уже спали. Из гордости ребята не говорили ни слова. Они надеялись, что и им когда-нибудь достанется парочка шлюх. Этого, увы, не происходило, и беднягам оставалось утешать себя лишь скромными радостями мундиморийской порнографии. И вот теперь, когда Дюндель пропросил у них всего одну виртуальную куртизанку, ему снова было отказано – унижительно и бесповоротно.

Обескураженный, он вернулся в свою комнату. Есть больше не хотелось. Весь день елдыринец провёл, переходя с одного канала на другой, не в силах побороть странное чувство, для которого не было названия в его нехитром лексиконе. Так и сидел он, уставившись в монитор, пока, наконец, его

не зашёл проведать Антоха.

– Чё как? – поздоровался друган. – Посмотрим новые серии «Наркомана Бобика»?

Дюндель грустно кивнул. «Наркомана Бобика» они традиционно смотрели вместе. Заметив, что товарищ не в духе, Антоха напрягся.

– Ты чего такой кислый? – спросил он, пытаясь отыскать необходимый канал.

– Да так... – неохотно потянул Дюндель. – Обломали меня сегодня эти мордороты...

В ответ на вопрос «А чё такое?» Дюндель рассказал другу об утреннем инциденте.

– Подумаешь, – хмыкнул Антоха. – Баб, что ли, мало? Подрочишь на кого-нибудь другого – делов-то...

Дюндель задумчиво пялился в окно. Вера-Рубин медленно садилась в свинцовые облака, в то время как Сесилия-Пейн, укрытая парой туч, всё ещё висела над горизонтом. Дело было вовсе не в том, чтобы помастурбировать на чьи-то молочные железы. Речь шла о красоте, о вдохновении, о бесконечном желании тонко чувствовать прекрасное... И, как ни странно, о свободе. Дюндель ощущал это всем своим горемычным нутром, хоть и не мог толком сформулировать.

– Антоха, – негромко обратился он к другу, – а давай генерала попросим нас выпустить?

Антоха усмехнулся. Он больше не верил ни в какие рас-

сказы генерала об опасностях снаружи. Елдыринец смутно догадывался, что их заперли неспроста.

– Нельзя нас выпускать, – произнёс он. – Нас партизанские шпионы пристрелят.

– И что, если пристрелят? – не унимался рэпер. – Пацанская смерть.

– Смерть – в любом виде поганая сука, – произнёс Антоха, усаживаясь на пол возле кровати. – Дурак ты, Дюндель, и притом романтик... Что, в принципе, одно и то же.

Рольшторы были открыты полностью. Красноватые лучи Веры-Рубин, сливаясь с ярким светом Сесилии, делали комнату какой-то бархатистой. Мимо окна пронёсся дрон – скорее всего, почтовый или доставочный.

– Смотрел я недавно один канал, – продолжал Антоха, – что-то вроде новостей ихних... Знаешь, что там сказали?

– Что? – изумился Дюндель.

– А то, что нет на этой планете никаких партизан. Здесь у них вроде как ядро империи, а все партизаны по окраинам прячутся – сотни эризенгов отсюда, не меньше.

– Может, врут по твоим каналам, – рассудил Дюндель. – У нас на Криволице новости всегда врут.

– А может, это генерал врёт? – с вызовом спросил Антоха. – Мне давно всё это не нравится... Почему, ты думаешь, он не даёт нам пойти в консульство? Почему не позволяет получить хоть какие-то документы? Приставил двух мордovorотов – пусть защищают нас, рэмбо хреновы! А эти сво-

лочи не защищают, а только пасут. Прямо как мусора у нас на Кривоцице.

Дюндель молчал. Идентификационные карты ребят остались дома, а документы на гараж отобрали ещё при обыске на базе. Воспоминание о партизанах ранило Антоху, и от бессильной злобы он не знал, куда податься. Надежда вернуть корабль и дядьку таяла с каждым днём. Генерал мог в любой момент избавиться от них с Дюндедем.

– Короче, сами делов намутили – самим теперь вывести, – горько усмехнулся Антоха. – Ещё неизвестно, когда отсюда выберемся – и выберемся ли вообще...

Дюндель продолжал сидеть, угрюмо уставившись в окно.

– А прикинь, – произнёс он не к месту, – какие здесь крутые рэп-вечерины в клубе «Золотая клетка»... Бесплатный вход по промокоду от блоггера Шкурябы.

– Ага, – подтвердил Антоха, – я видел рекламу.

– Вот бы сходить, – мечтательно вздохнул рэпер. – Только нас, наверное, мордороты не выпустят...

– Да уж, не выпустят, – согласился Антоха. – Надоело, конечно, здесь сидеть.

Оба вновь замолчали. Транслятор погрузился в режим ожидания. Антоха чувствовал, как внутри него поднимается тупая, неотвязная досада – и с этим невозможно было ни бороться, ни жить.

– А вообще, прав ты, Дюндель, – заявил он с неожиданным напором. – Надо у этих гадов потребовать, чтобы хоть

на вечерину выпустили. Что мы им, пленники? Заперли нас, как каких-нибудь женщин... А если закозлятся – скажем генералу, что они шлюх постоянно снимают.

– А вдруг после этого мы будем стукачами? – испуганно спросил Дюндель.

– Да мы ж не по-настоящему скажем! – успокоил его Антоха. – Так, припугнём маленько... Я, если честно, давно хотел бы задать им пару вопросов.

Беседа с мундиморийцами пошла не по плану. На все пацанские «предъявы» охранники реагировали с насмешливым спокойствием, и в конце концов бравада Антохи, что называется, «сдулась». В итоге бунтарей разогнали по комнатам.

Во время очередного визита к генералу старший охранник рассказал о мятежном настрое подопечных.

– Много вопросов задавать стали, – доложил он. – В консульство просят. А ещё требуют шлюх и пьянки-гулянки.

– Совсем охренели, – усмехнулся Зугард. – Вот тебе, Готфрид, классический пример того, что сколько гуманоиду ни дай – всё мало.

Самому генералу, по правде говоря, тоже много чего хотелось от жизни: сверхмощный гравитатор, который мог бы сдвигать планеты с орбит, а также принцессу Визулинду и престол её бестолкового брата. Поиск технологии здорово затянулся, и это злило Зугарда больше всего. Тем временем Хельмимира залегла на дно, а партизаны притихли. Зугард

понимал: эти культурные экстремисты явно что-то задумали. Допросы не приносили результатов. Партизаны уничтожали свои корабли прежде, чем их удавалось захватить. Иногда в руки военных всё же попадали отдельные суда. Их топливные баки содержали только чистый энтузиазм. Однажды кто-то обратил внимание, что в баках попадаются инородные частицы. Экспертиза показала, что это всего лишь побочные продукты реакции в неисправном материализаторе. О технологии было известно только то, что сказали елдыринцы.

Зугард был уверен, что Хельмимира давно уже вытрясла из профессора все его секреты. Очевидно было и то, что так называемый «дядя Кеша» являлся помощником учёного, а не просто случайным пассажиром.

«Возможно, этот полоумный Антоха на самом деле знает больше, чем говорит? – рассуждал Зугард. – Возможно, его туповатый друг – на самом деле молодой гений, преемник профессора?»

Иногда генералу хотелось вызвать елдыринцев к себе и устроить им настоящий допрос. Однако, двигаясь вслепую, он всё же чувствовал, что игру в «добрых полицейских» прерывать не стоит. Банальные пытки могли оказаться неэффективными: убьёшь информатора по неопытности – и всё, плакала зацепка. Разговор о жрицах любви натолкнул военачальника на интересную мысль.

– Готфрид, – обратился он к подчинённому, – есть у тебя в штате сотрудников какие-нибудь «медовые ловушки»?

Нужно подсунуть их нашим пациентам.

В течение нескольких секунд Готфрид бессмысленно пялился на генерала, пока, наконец, не уловил его хитрый замысел.

– Есть парочка толковых, – ответил он.

– Свяжитесь с ними немедленно. Пускай вытянут из наших гостей всю информацию, какую только смогут.

Нужно было познакомить елдыринцев с девушками как-нибудь ненавязчиво, чтобы не вызвать у них подозрений. Сделать это решили в клубе на вечеринке. Узнав, что Зугард всё-таки позволил им с Антохой пойти в «холопское увеселительное место», Дюндель был счастлив, как ребёнок. Такая удача казалась немислимой. Лёжа в постели, он думал о том, что иногда всё же стоит просить милости у вселенной.

Глава 11: Клуб «Золотая клетка»

За неделю до похода на вечеринку произошло кое-что удивительное. Проснувшись одним хмурым утром, Дюндель нашёл на своём трансляторе странный файл. Первым делом он проверил его на вирусы. Убедившись в том, что всё чисто, елдыринец открыл непонятную находку... Её содержание было настолько необычно и ново, что сперва заставило ужаснуться. Изумление, неприятие, испуг – вот что испытал несчастный Дюндель, когда прочитал следующие строки:

Полыхает пространство и время,
Прогибаясь под массой планет...
Зарисовки моих измерений
Наконец-то увидели свет.

Мне плевать на моё нездоровье
И не жаль бесполезных трудов;
Каждый раз наполняются кровью
Капилляры моих городов.

Небывалое, дикое счастье
Ощущается чутким хребтом...
Наполняясь читательской страстью,
Оживает бесплотный фантом.

Несмотря на абсурдную косность
И обилие всяких клише,
Мой причудливый, пламенный космос
Отражается в чьей-то душе.

Это было непостижимо и странно. Это не было похоже ни на что, виденное ранее. Сидя на полу, Дюндель заворожённо перечитывал текст – и с каждым разом его необычные рифмы всё пронзительнее отдавались в глубине сознания молодого елдыринца.

«Ощущается чутким хребтом... Оживает бесплотный фантом...» – повторял ошеломлённый рэпер, пытаясь понять смысл загадочных строк. Такие слова были слишком мудрёными для простого пацана, и всё же Дюндель чувствовал за ними какое-то волнительное волшебство.

– Антоха, зацени, – произнёс он, показывая другу творение неизвестного поэта.

Окинув строки заинтересованным взглядом, Антоха усмехнулся и снисходительно проговорил:

– Мне в детстве такую штуковину дядька показывал... «Стихи» называется.

– Круто, да? – воскликнул рэпер.

– А вот и не круто, – вяло возразил Антоха. – Как по мне, то вся эта лажа только для ботанов и соплежувев. Не по-пацански оно как-то... Вот рэпчик – другое дело.

В клуб решили идти перед выходным днём – так, чтобы попасть на самую крутую вечеринку. Мордovorоты проявили небывалую щедрость и забронировали диван. Считая дни, Дюндель не находил себе места: скоро, скоро откроет перед ним свои двери загадочная, нарядная мундиморийская жизнь... От этой мысли захватывало дух и почему-то хотелось рифмовать. Однако следовало делать это развязно и по-пацански, чтобы нечаянно не стать «ботаном» или «соплежужем».

Наконец, долгожданный день настал. В последний момент елдыринцы спохватились о том, что у них нет нарядной одежды, и Готфрид нехотя заказал им пару вещей из круглосуточного магазина. Вещи были дешёвые, но всё равно выглядели лучше старых спортивных костюмов Антохи и Дюнделя. Преобразившись, ребята сияли. Дюндель открыто вертелся перед зеркалом; Антоха же делал это втихаря и с достоинством, боясь быть «похожим на гомика». Худшим кошмаром для молодого елдыринца было признать, что мать растила его одна. Во дворе ему внушили простую истину: тот, кто рос без отца, не может стать настоящим мужиком. И Антоха стремился доказать свою мужественность всеми доступными способами.

В клуб решили добираться на общественном транспорте. Сперва нужно было сесть в наземный аккубус и проехать несколько кварталов до небоскрёба, на крыше которого находилась остановка аэрокоптера. Тот, в свою очередь, мог

доставить любого желающего на верхний уровень гигантского торгового центра, откуда несложно было дойти до «Золотой клетки» пешком. Непростой путь, который показался бы нудным привычному джоселинцу, выглядел настоящим приключением в глазах неопытных провинциалов. Затаив дыхание, ребята упоённо погрузились в заманчивую ночную жизнь столицы.

Это было потрясающе – впервые за долгое время оказаться вне стен квартиры. Вдыхая прохладный вечерний воздух, елдыринцы пьянели. Покинув пределы жилого комплекса, они были оглушены невероятным шумом одного из мегаполисов Каролин-Порко – и в этом сумасшедшем ритме чувствовалось дыхание самой цивилизации. Дюндель смотрел на город и не верил своим глазам: огромное пространство, раскинувшееся вокруг, сияло разноцветными огнями, пестрело разнообразием элементов, поражало своей необычайной живостью... Куполообразное серое здание, которое он привык видеть из окна, вблизи выглядело совсем иначе. Мимо проезжали наземные аппараты невиданной остроконечной формы, а наверху – прямо над улицей – проходила аэротрасса. На подсвеченных витринах помещались товары настолько удивительные, что ребята не могли даже предположить, каково их назначение. Поразило их и то, сколько различных видов гуманоидных созданий можно встретить в этом городе. Причудливые наряды прохожих, удивительные запахи, вспышки проносящихся фар – всё это составляло по-

разительный, величественный, ревущий поток, и было что-то волнительно-прекрасное в том, чтобы ощущать себя его частью.

Когда же все четверо погрузились в общественный аэрокоптер, елдыринцы совсем потеряли рассудок. Пейзажи ночного города простирались где-то под ногами, словно огромное бриллиантовое украшение. Прижавшись к иллюминатору, Антоха и Дюндель взволнованно смотрели, как далеко внизу проносятся нарядные улицы богемных районов. Путешествие было захватывающим, но недолгим. Уже через четверть джоселинского часа аэрокоптер высадил всех желающих на крыше торгового центра и умчался дальше по маршруту. Покачиваясь, елдыринцы вошли в лифт за своими провожатыми. Спустившись, они оказались на праздничной улице, сплошь усыпанной ресторанами и кафе. «Ух ты, не фига ж себе! – восторженно воскликнул Дюндель. – Я так много кабаков за всю свою жизнь не видел!» Запутавшись в цветастой паутине блестящих террас, каждая из которых манила аппетитным запахом и весёлой песней, мундиморийцы потеряли дорогу. Зачарованные прелестью этого гедонистического рая, ребята долго ходили кругами. Наконец, они волшебным образом оказались перед вывеской «Золотая клетка»... Чудесный путь был окончен. Зазывая неведомыми удовольствиями, начиналась чудесная ночь.

Как подобает любому приличному клубу, «Золотая клетка» встречала гостей суровыми качкоидами на входе. Ока-

завшись внутри, посетители проходили тщательный досмотр – и тут же Антохе вспомнились база партизан, корабль и дядька... Отогнав от себя неуместно болезненное воспоминание, он огляделся, примечая местных тёлочек. Опытным взглядом Антоха видел: без денег к ним лучше не соваться.

Клуб состоял из нескольких уровней; посреди – примерно на высоте второго этажа – находилась единая сцена, стилизованная под клетку с позолоченными прутьями. В таких же клетках, развешенных по всему клубу, извививались полубогажённые танцовщицы. Над толпой, управляя специальными аппаратами, летали официанты. Диван, который предусмотрительно забронировал Готфрид, стоял далеко в углу, и к нему пришлось пробиваться сквозь плотные слои отдыхающих. В основном это были девушки; иногда они бросали жгучие взгляды на мундиморийцев и даже тёрлись о них филейными частями. Антоху и Дюнделя красотки не замечали.

Посетителей становилось всё больше. Сверкая в лучах прожекторов, атомная вечерина лихо набирала обороты. Вот изменился ритм – и девчонки завизжали от восторга: диджей поставил крутой современный трек известного исполнителя.

Эх, диспансер!

Знакомые кровати...

Я после каждой ляди

Хожу лечиться к дяде.

Я засовываю член

И высовываю член.

Детка, я твой супермен,

Ты люби меня совсем.

Детка, я тебя хочу,

А потом иди к врачу.

Детка, после таких, как я,

Ждёт тебя курс лечения.

Эх, диспансер!

Знакомые кровати.

Я после каждой ляди

Хожу лечиться к дяде.

У меня постоянно эрекция,

Я собрал все в округе инфекции,

Поцелуй меня в засос,

Покажи мне свой хламидиоз!

Предъяви мне свой бензобак,

Там, наверное, зоопарк.

Думал, я тебя натяну,

Оказалось, я здесь тону...

Эх, диспансер!

Знакомые кровати...

Я после каждой ляди

Хожу лечиться к дяде.

Заходясь от возбуждения, толпа самозабвенно двигалась под единственную ноту стильной композиции. Потом на сцене выступили ещё двое brutальных мачо с животиками; свои произведения они исполняли гнусаво и с достоинством, не меняя суровой интонации ни на секунду. Даже Антоха заметил, что вокальные данные у них отсутствовали напрочь. «Какие-то лор-инвалиды», – подумал елдыринец. Публика, тем не менее, принимала их творчество на ура.

Диван стоял на небольшом возвышении и был ограждён. Рядом находилось парковочное гнездо, в котором официант мог оставить свой скутер. Столик представлял из себя сенсорную панель меню. Устроившись, мундиморийцы заказали еду и напитки.

– Ну вот, успели к началу программы, – довольно заметил Готфрид.

Клубный ритм затих, и на сцене началось шоу. Выступали знаменитые лор-инвалиды с различными диагнозами. Их песни были известны даже в Елдыринской Губернии. Все они эффектно спускались на сцену в каких-то навороченных летательных аппаратах. Дюндель не мог поверить своему счастью: находиться в одном помещении с кумирами было упоительно, невероятно, потрясающе... «Эх, если б на-

ших пацанов сюда телепортировать! – мечтательно думал старокозлищенский рэпер. – Ничего, вот вернёмся – будем с Антохой самыми крутыми бандитами на районе!»

Сладостные фантазии наивного Дюнделя были прерваны чьи-то внезапным выкриком. «Смотрите! – послышалось откуда-то сверху. – Это же эм-си Бездарь!» Клуб, можно сказать, взорвало от оваций, а бедные старокозлищенцы вскочили со своих мест... На сцене появился лор-инвалид с самой тяжёлой патологией.

– Йоу, камон, – произнёс эм-си Бездарь под бурные аплодисменты преданной публики и, заслышав суровый бит, проговорил своим жёстким речитативом: – У меня метро-вый член, я пришёл к успеху совсем. Детка, скидывай трусы, не ломайся и не сы...

Публика заорала. Несколько барышень пришлось вывести.

– Да как же вы, гондоны, задолбали со своими историями успеха, – устало заметил Готфрид.

– Мужики, мы это... пойдём к сцене... – возбуждённо проговорил Дюндель, вот-вот собираясь покинуть вип-зону.

– А ну сидеть! – быстро скомандовал младший мундимо-риец, которого звали Фридрих.

От неожиданности елыринцы испуганно замерли. Беспричинно грубая фраза, сказанная одним из охранников, неприятно застыла в воздухе.

– Я говорю, – нашёлся Фридрих, видя осуждающий взгляд

своего напарника, – баб каких-нибудь привести надо... Без баб тухляк.

– Так вон их сколько, – произнёс Антоха, указывая на окрестных барышень. – Бери любых.

– Не, эти дорогие, – со знанием дела возразил Готфрид. – Стоят, как пятеро честных шлюх – а толку ноль. Пойдите вместе и приведите каких-нибудь... только чтоб не динамщицы были. А то есть такие, которые пожрать-выпить любят, а потом всё равно не дают.

Ни один генеральский космогутрик, по мнению Готфрида, нельзя было тратить впустую. Если угощать бабу – то только при условии последующего сексуального вознаграждения. За еду любая самка обязана была предоставить своему кавалеру весь спектр эротических услуг. Искусство, похоже, интересовало одного только Дюнделя.

Пробившись сквозь толпу, елдыринцы и Фридрих направились к сцене, где самозабвенно читал несравненный Бездарь. Это была композиция о том, как сложно простому гетеросексуальному пацану пробиться в шоу-бизнесе. «Прямо за душу, брат, – шептал Дюндель, зачарованно глядя на сцену. – Прямо до слёз...» Многие посетители снимали выступление на камеры.

Фридрих якобы вышел в туалет, а вернулся с двумя голоногими подругами. Антоха завистливо решил, что бабы предназначены мундиморийцам, а Дюндель на них даже не глянул. Довольно скоро одна из девушек начала оказывать

Антохе недвусмысленные знаки внимания. Старокозлиценский мачо сию же минуту взбодрился. «Ты прикинь, – сообщил он другу на ухо, – мне, может, перепадёт от этой кучерявой». Надеясь на свой грубоватый шарм, елдыринский казанова стал подбивать клинья к прекрасной незнакомке. В глубине души Антоха боялся, что мордовороты внезапно всё испортят. Курчавую звали Фрида. Она была профессиональным сотрудником и умела играючи доставать информацию.

Тем временем на сцене происходили странные изменения. Под бурные овации Бездарь скрылся, уступив место ведущему шоу. Дюндель хотел было вернуться на диван, однако внезапно его сердце замерло от волнения: звуча из всех динамиков одновременно, ведущий объявил рэп-турнир среди посетителей клуба «Золотая клетка»...

Дюндель почувствовал, как мышцы его напряглись. Не помня себя, он продолжал наблюдать за сценой, где вскоре появился первый участник. Это был устрашающего вида метис – полукачкоид-полуириасец. Его огромные мускулы, красное бульдожье лицо и множество татуировок говорили о том, что он реальный гангста. В груди старокозлиценского рэпера вдруг заняло от ощущения какой-то глухой безнадёги: несбыточный клуб, несбыточная сцена, несбыточная жизнь...

– Ну, – вопрошал ведущий, насмешливо обводя глазами притихшую толпу, – кто посмеет сразиться с непримиримым Джо Стальным Хреном?

На сцене показался ещё один участник – долговязый мундимориец в дорогом костюме. Он, похоже, был в стельку пьян. Дюндель смотрел на него с жалостью: едва ли замутнённый разум способен в полной мере отразить неповторимый экстаз единения артиста и публики. Натолкнувшись на некое подобие этой мысли, его нерешительность внезапно разошлась зыбкой рябью. Посреди абсолютной отчуждённости вдруг появился протест – против чего, непонятно.

– Итаааак, – весело потянул ведущий, – двое бойцов у нас уже есть! Где же третий участник? Неужели здесь так мало рэперов? Ну же, ребята, ведь требуется всего лишь голова, чтобы ею говорить!

Несмотря на то, что рэпером действительно являлся каждый второй, публика медлила. В этом молчании Дюндель ощущал какую-то странную необходимость безусловного усилия над собой. Закрыв глаза, он сделал шаг вперёд – и толпа расступилась, как море перед Моисеем...

– Куда пошёл? А ну стоять! – заорал ему вслед обалдевший Фридрих. Оттолкнув Антоху, он бросился догонять беглеца, однако не успел вовремя схватить его за капюшон. Толпа сомкнулась, и к сцене было уже не пробиться.

Через секунду Дюндель поднимался по крутой лестнице, а через полминуты его пухлая фигура виднелась на сцене рядом с нетрезвой тушей мундиморийца. Сотни пар заинтересованных глаз – карие, зелёные, жёлтые, голубые, фиолетовые – одновременно смотрели на участников. Опомившись

от какого-то мучительного марева, елдыринский рэпер стоял, оглядывая аудиторию... Впервые в жизни он видел перед собой такой огромный зал.

– А вот и третий конкурсант! – довольно воскликнул ведущий, приблизившись к Дюнделю на своём скутере и ободриительно похлопав его по плечу. – Как жизнь, толстяк? Есть у тебя крутое рэп-погоняло?

Кто-то из зрителей засмеялся. Сам ведущий был довольно тучным представителем гуманоидной расы, называемой «ниби». Его презрительное «толстяк», адресованное Дюнделю, звучало не столько унизительно, сколько самоиронично. Ещё немного – и ему запретили бы полёты на скутере.

– Моё рэп-погоняло – эм-си Суровая Мошонка, – запросто представился елдыринец, понемногу осваиваясь на сцене. – А вообще, меня Дюндедем звать.

Из-за столиков на втором уровне снова послышались развесёлые смешки. Тощий мундимориец, которого на сцену вытолкнули друзья, представился невнятной фразой «Всё нормально, пацаны». Казалось, он едва понимал, что происходит. Главный противник Дюнделя – Джо Стальной Хрен – был местной знаменитостью и постоянно побеждал в рэп-турнирах «Золотой клетки». Глядя на своих незадачливых соперников, он и сейчас рассчитывал на выигрыш в виде большой канистры дорогого пива.

Сперва Дюндель подумал, что состязание будет представлять из себя рэп-баттл, где малознакомые люди обычно по-

ливают друг друга грязью. Тем не менее, поскольку участники являлись никем, поливать их грязью было неинтересно, и турнир проводился иначе. Конкурсанты по очереди читали свой рэп, а победителем становился тот, кому громче всех апплодировала публика. Специальные шумомеры были размещены по всему залу. Шум измерялся в мановарах.

Итак, состязание началось. Первым выпало читать мундиморийцу. Вместо того, чтобы исполнить рэп-композицию, он принялся неумело петь какой-то шансончик. Несколько секунд публика удивлённо молчала. Когда же, наконец, нелепая абсурдность ситуации стала совсем уж очевидной, аудитория зашлась хохотом. Отовсюду послышался громкий свист. Прервав своё выступление, мундимориец обвёл толпу недоумевающим взглядом. Не спеша останавливать спонтанную клоунаду, ведущий тихо посмеивался. Видя, однако, что шутка затянулась, он всё же спустился и припарковал свой аппарат рядом с горе-исполнителем.

– Ну всё, друг, – снисходительно произнёс тучный ниби, – пора тебе немного отдохнуть... Ребята, выведите его со сцены! Человеку явно нужен глоток свежего кислорода...

– Хреновое у вас тут караоке, – вяло отозвался мундимориец и, не дожидаясь посторонней помощи, поплёлся за свой столик на втором уровне, где его уже ждали шутники-товарищи. Публика едва не надорвалась от смеха.

Настало время настоящей брутальности и крутизны: микрофон оказался в руках у Джо Стального Хрена. «Мне ко-

нец», – пронеслось в голове у Дюнделя, и это было похоже на правду. Чёткие рифмы Джо звучали сурово и хлётко – так, как и должен звучать рэп настоящего хастлы. Джо читал о том, что является самым крутым бандитом на районе, а его братки порвут задницу любому. О том, как он садится за руль пьяным, а служители правопорядка не могут ничего с этим поделать. О том, как он натирает свой огромный фаллос дорогим алкоголем... Всё это, безусловно, звучало хорошо, но была одна проблема: Джо выступал в «Золотой клетке» почти каждые выходные, и его потрясающие тексты почти ничем не отличались друг от друга. «Сколько можно? – угадывалось во взгляде некоторых посетителей. – Что нового или, не дай бог, умного ты ещё можешь сказать?» Однако, несмотря на избитость репертуара, Джо неизменно побеждал в рэп-турнире... Потому, наверное, что публика голосовала совсем не мозгами.

Воспевая свой фаллос, Джо действовал по проверенной схеме. «Вот уроды, – плевался Готфрид. – Лучше уж «Юпитерский централ», чем это позорище». Тяжело вздохнув, он взял приборы и принялся равнодушно поглощать свою трапезу. Фридрих, в отличие от него, был сильно встревожен. Осознав, что Дюнделя не вернуть, он кинулся к столу.

– Придурок на сцену полез, – взволнованно сказал он товарищу. – Что делать будем?

– А что тут сделаешь? – невозмутимо ответил Готфрид. – Подрыгается и обратно придёт. Ты, главное, стань у выхода

и не упускай его из виду.

Выступление Джо Стального Хрена повергло публику в состояние умеренного одобрения, а Дюнделя – в настоящий ужас. Одолеть такого соперника было почти невозможно. Слушая суровые рифмы полукачкоида, он совсем забыл подготовить композицию и теперь судорожно пытался вспомнить что-нибудь из своего репертуара... Внезапно Дюндель заметил симпатичную брюнетку с большими карими глазами. Девушка была похожа на Гвендельфину Куколку – и тут же в памяти елдыринского рэпера ожил текст, написанный им в минуту особого лирического наваждения...

– Итак, остался последний участник, – произнёс ведущий, задорно подмигивая кому-то в зале. – Давайте-ка посмотрим, чего стоит этот парень... Держи микрофон, бро!

С этими словами он кинул Дюнделю микрофон – так, что тот едва успел его поймать. Настал момент истины: свет прожекторов, притихшая публика и упоительный шанс явить своё творчество на её строгий суд... Что ж, время начинать. И пусть Джо Стальной Хрен окажется круче – зато он, Дюндель, отдаст своё сердце этой огромной аудитории, выступая здесь, возможно, в первый и последний раз.

– Этот рэп, – медленно проговорил молодой елдыринец, чувствуя на себе пристальные взгляды множества гуманоидных созданий, – я хотел бы посвятить всем девчонкам, которые сейчас находятся в этом зале...

«Вот же хитрюга! – подумал Готфрид, энергично дожёвы-

вая остатки своего ужина. – Знает, пройдоха, что тёлочка здесь большинство... Сейчас точно пиво выиграет!»

Многие дамы вежливо поапплодировали. Внезапно Дюндель заметил в толпе Антоху: стоя в обнимку с темноволосой подругой, он ободряюще кивнул. Публика застыла в ожидании. Взяв микрофон обеими руками, Дюндель начал читать – и грубый материальный мир как-то сам собою растворился в бесподобном упоении творческого экстаза...

Я бунтарь,
В жопу мне фонарь!
Но встретил тебя – и нет пацана...
Ты такая стерва, но я тебя люблю,
А если изменишь мне, шлюха, я тебя убью,
Шкура, сучка, но за тебя умру,
У меня стальные яйца –
Тебя защитю,
Найду работу, соска,
Всё тебе куплю,
Трать мои деньги – ничего не жалко пацану!
Я любую тачку тебе подарю,
Набью морду бывшему твоему...

Монолог Дюнделя представлял собой типичное обращение любого елдыринского эм-си к своей «сучке». Именно этим словом рэперы называли женщин, с которыми спали.

Однако зрители, казалось, уловили что-то неподдельно-душевное в искреннем, убогом творении наивного елдыринца.

«Ишь, как наябивает, – изумлённо думал Готфрид, наблюдая за выступлением елдыринца. – Прав был генерал на счёт этого парня: он, кажись, не дурак... Умеет же прикинуться, гадёныш!»

Когда Дюндель закончил, публика разразилась благодарными аплодисментами. Джо Стальной Хрен, оставаясь невозмутимым, пренебрежительно хмыкнул. «Это мой братишка!» – с гордостью произнёс Антоха, обращаясь к Фриде. Та, улыбаясь, лишь кокетливо тряхнула волосами. Её подруга, стоявшая рядом, продолжала пристально смотреть на Дюнделя, изредка оборачиваясь туда, где находился Фридрих. Его было почти не видно за множеством отдыхающих.

– Воу-воу, – весело воскликнул ведущий, подлетая к середине сцены на своём скутере. – Похоже, становится действительно жарко...

Пытаясь отдышаться, Дюндель смотрел по сторонам. В какой-то момент елдыринский рэпер уловил в ухмылке тучного ниби едва различимую хитринку.

– Итак друзья, – продолжал толстяк, – давайте же оценим нашего первого участника!

Из зала послышалось разрозненное хлопанье: какие-то весельчаки, по всей вероятности, решили в шутку поддержать нетрезвого мундиморийца. Сам герой давно спал за своим столиком. Результат голосования, впрочем, особого успеха

не сулил. Бедняге удалось набрать всего лишь две десятых мановара.

– Друзья, почему так скромно? – измывался ведущий. – Здесь что, совсем нет любителей шансона?

Дюндель напрягся в мучительном ожидании: он знал, что вот-вот настанет очередь голосовать за Джо. Приготовившись к урагану, елдыринец втянул свою неприкайнную голову в плечи и немного прищурился... Ураган ожидаемо грянул. Открыв глаза, Дюндель недоуменно смотрел по сторонам... Сила стихии оказалась не такой разрушительной, как он предполагал.

– Полтора мановара, – насмешливо констатировал ведущий. – Меньше, чем всегда, но тоже неплохо... Что ж, давайте-ка оценим нашего третьего конкурсанта!

Дюнделю показалось, что ниби злорадствует. Кровь пульсировала в голове молодого елдыринца, в ушах шумело. Вероятно, именно поэтому он даже не понял, что звук оваций в его честь намного превзошёл все ожидания. Не веря своим глазам, он смотрел на шумомеры: они показывали два и одну десятую мановара.

– Потрясающе! – воскликнул тучный ниби, хватая руку Дюнделя и небрежно поднимая её вверх. – Эм-си Суровая Мошонка – победитель нашего сегодняшнего турнира!

Захлёбываясь от счастья, Дюндель едва соображал. Он видел перед собой толпу разнообразных гуманоидов – и все они аплодировали. Внезапно реальность поплыла перед

глазами; волна невероятного ликования пробила грудь ре-
вущим потоком – и вот уже звуки доносились как будто из-
далека... Радостный Антоха крепко поцеловал изумлённую
Фриду. Закрыв глаза, Дюндель представил, что прямо сейчас
на него смотрят родители, Гвендельфина и друзья-старокоз-
лищенцы. Некоторое время после того, как ведущий отпу-
стил руку елдыринца, тот всё ещё держал её высоко над го-
ловой – так, будто не мог опомниться от своего триумфа.

– Тебя ждёт приз, – сказал тучный ниби уже без микро-
фона, – девочки проводят.

Обернувшись, Дюндель увидел двух полуобнажённых
красавиц – почти таких же совершенных, как Гвендельфина.
Улыбаясь, они взяли победителя под руки и повели к боль-
шому скутеру, что стоял в углу сцены. Смушаясь, Дюндель
покорно взошёл на борт летательного аппарата. Одна из де-
виц встала за штурвалом и, когда дверь захлопнулась, все
трое начали подниматься вверх, к третьему уровню клуба.
Не понимая, куда его везут, Дюндель успел помахать ожив-
лённой публике... Некоторые женщины махали в ответ.

Тем временем, скутер поднимался всё выше – и вот уже
совсем рядом показались диваны и столики третьего уров-
ня. Наконец, аппарат был припаркован в специальное гнез-
до. Красотки вывели ошеломлённого елдыринца наружу и
повели по круговому коридору. Кое-где, перекинувшись че-
рез перила, стояли хорошо одетые гуманоиды. Дюндель за-
метил, что зоны отдыха здесь располагаются намного менее

кучно, нежели внизу, и охраняются множеством качкоидов.

Наконец, ведущая девушка свернула вправо. Последовав за ней, Дюндель оказался у входа в чилаут.

– О нас доложили, – сказала охраннику полуобнажённая нимфа и, приоткрыв занавеску, исчезла внутри. Покосившись на Дюнделя, охранник остался неподвижен. Увлечённый неведомой авантюрой, Дюндель ступил за тканевый покров – и тут же оказался в роскошном помещении, которое выглядело даже лучше генеральского кабинета: красноватые стены, изящные витражи и много позолоченных украшений.

Сказать по правде, он мечтал увидеть там Гвендельфину Куколку. Однако, увы, вместо неё на кожаном диване восседал невысокий полноватый мундимориец с тёмными усиками и маленькими хищными глазами. Он, как водится, был окружён гаремом прекрасных женщин. Внимание Дюнделя привлёк фонтан прямо перед незнакомцем: судя по запаху, из него било игристое вино. «Точно хозяин клуба, – пронеслось в голове у рэпера. – Вот бы получить от него карту вип-гостя!»

– Приветствую юное дарование, – произнёс мундимориец, едва заметно усмехнувшись. – Вижу, тебе удалось выиграть у самого Джо Стального Хрена.

Не зная, что сказать в ответ, Дюндель несуразно стоял посреди комнаты, глаза на странного господина и его свиту.

– Я, по большому счёту, рад за тебя, – продолжал мундимориец. – Публика давно устала от таких парней, как Джо.

Вся эта бандитская романтика становится невыносимо скучной.

Мундимориец рассуждал тоном уставшего от жизни философа. Во всём его облике, несмотря на элегантность, проскальзывало что-то совсем уж нефталиновое. Так выглядели актёры в фильмах докосмической эпохи на Кривоцице. Это было несколько не круто и совсем не по-пацански. «Мужик, походу, перебрал шампуня, – подумал Дюндель. – Может, и для Антохи карту попросить?»

– Нам нужен продукт посвежее, – констатировал незнакомец. – Со временем публика умнеет, и постоянно приходится придумывать что-то новое, доступное... Ты, вижу, неплохой вариант. Можно попробовать.

Изумлённый Дюндель не понимал ни слова из того, что говорил этот зрелый, влиятельный господин. От него исходил пряный запах какого-то нереального парфюма. Елдыринский рэпер заметил странную стеклянность во взглядах девушек. Их глаза, лишённые жизни, напоминали глаза кукол. Позже, набравшись опыта, он поймёт, что среди них не было ни одной живой женщины – одни биодроиды.

– Что ж, – заключил хозяин чилаута, – думаю, это не последняя наша встреча... Вот, возьми.

С этими словами он полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда пластиковую карту с жемчужным напылением. «Карта vip-гостя!» – радостно подумал Дюндель, хватая подарок, однако не тут-то было: на светлом фоне чёрным

цветом было выведено единственное слово: «Харальдюф».

– Через два месяца у нас прослушивание, – сказал мундимориец, как бы не замечая поражённого взгляда, которым смотрел гость. – Приходи в офис на улице Хеди-Ламарр, здание триста пятьдесят два. Это здесь, недалеко, в секторе Ада-Лавлейс... Приложишь мою визитную карту к монитору входного дроида. Если повезёт, попадёшь в проект.

Едва понимая, что происходит, Дюндель оголтело пялился на заветный кусок полимера. Закончив свою речь, Харальдюф попрощался. Одна из девушек проводила гостя до выхода на лестницу и рассказала о том, где можно забрать канистру пива. Только оставшись наедине с собой, Дюндель понемногу осознал случившееся.

«Выходит, хозяин клуба – какой-то видный продюссер, – думал он, медленно спускаясь по ступенькам. – То-то я и смотрю, что одеколон у него слишком смахивает на женский...» Не в силах до конца поверить своему счастью, он понимал: его сегодняшняя встреча с продюссером и есть тот самый Большой Шанс, что выпадает один раз на миллион... Вот она, удача! Боясь спугнуть невероятное везение, Дюндель едва дышал – так, словно фортуна была какой-то фантастической птицей, присевшей ему на плечо. Канистра с пивом интересовала его в последнюю очередь.

Замечтавшись, елдыринец остановился отдохнуть у входа на первый этаж. Всё ещё находясь во власти своих иллюзий, он не сразу услышал голоса, доносившиеся откуда-то

сверху. Внезапно молодого человека будто током ударило: в какой-то момент он понял, что голоса принадлежали его верным охранникам. Сорвавшись места, бедняга прижался к двери.

– Может, с бабой какой ушёл? – нервно вопрошал, по всей вероятности, Фридрих. – Забрали его к себе за стол какие-нибудь марамойки...

– Смотрел я за столами, – угрюмо отвечал Готфрид. – Не было его нигде. На третьем этаже искать надо.

– Если он сбежит, мы попали...

– Пойдём, хватит болтать.

Дюндель слышал, как оба охранника стали поспешно подниматься. Когда их шаги затихли, он, стараясь не шуметь, открыл дверь и опрометью кинулся в самую середину танцпола. Слившись с толпой, рэпер немного успокоился. Заветная карта лежала глубоко во внутреннем кармане. Повинуясь древнему инстинкту, он решил не рассказывать о случившемся никому, кроме Антохи.

Последний, к слову, ждал его за столиком в обнимку с красоткой Фридой. Не было похоже, чтобы он сильно беспокоился о пропаже товарища. Вторая девушка с безразличным видом сидела напротив. Мундиморийцы явились минут через десять после Дюнделя. Выглядели они, мягко говоря, неважно, однако для отвода глаз тащили за собой каких-то совершенно случайных спутниц.

– А ты отлично выступил... там, на сцене, – вдруг сказала

свободная девушка, обращаясь к Дюнделю. – Меня, кстати, зовут Марго.

Елдыринец вежливо и отстранённо представился. У девушки были каштановые волосы, и она ничем не напоминала Гвендельфину. К тому же, в голове у рэпера теснились абсолютно другие мысли. Фридрих настороженно пялился на него исподлобья; Готфрид невозмутимопил, время от времени ругая модных исполнителей. Из всех гуманоидных созданий, находившихся за столом, веселились только двое: легкомысленный Антоха и его милая подруга Фрида.

Видя, что разговор не клеится, Марго откинулась на спинку дивана. Зная, что алкоголь рано или поздно «согреет» её унылого собеседника, она решила немного подождать. Внезапно Фридрих начал рассказывать увлекательные истории о том, как они с мужиками охотились на свинобобра. Тут произошёл курьёз: одна из девушек оказалась яркой защитницей животных.

– Я больше не намерена слушать того, кто хвастается жестоким убийством ради забавы! – возмущённо заявила она, вставая с места. – Офелия, мы уходим!

Собрав платье, барышня гневно покинула столик. Подруга неохотно последовала за ней. Готфрид проводил обеих девушек равнодушным взглядом. После этого он сказал напарнику «привести ещё каких-нибудь лядей».

– На восемнадцать космотугриков наели – одна и вторая, – заметил экономный мундимориец, когда Фридрих скрыл-

ся. – А толку, что называется, ноль.

Дюндель так и сидел, погружённый в свои мысли. Радость победы быстро улетучилась. Елдыринский рэпер знал, что мордовороты ни за что не пустят его на прослушивание. Иногда в нём всё же теплилась наивная надежда поговорить с ними по душам, но его сдерживал какой-то смутный страх. Впервые в жизни бедняге повезло по-крупному, однако и эта баснословная удача была отравлена. Проклиная злую иронию судьбы, Дюндель продолжал опрокидывать рюмки неизвестного алкоголя, пока, наконец, не захмелел. Тогда-то и накрыло его ноющее, тягостное чувство невообразимого одиночества.

Повернувшись, Дюндель снова заметил Марго и внезапно устыдился своей чёрствости: девушка явно хотела познакомиться, а он повёл себя по-дурачки. К тому же она была довольно красивой: не Гвендельфина, конечно, зато большие серые глаза и натуральная пышная грудь. Желая подступиться к незнакомке, Дюндель продолжал её разглядывать. Заметив нерешимость клиента, Марго посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

– Странные они... да? – оробело произнёс Дюндель. – Ну, в смысле, девки эти, которые убежали...

– Почему странные? – всё так же улыбаясь, ответила собеседница. – Они могут позволить себе роскошь иметь чёткие принципы и нравственные ценности.

Не ожидав подобного ответа, Дюндель смутился ещё боль-

ше. Возникла неудобная пауза. В это же время вернулся Фридрих: на этот раз он привёл с собой двух симпатичных зумбулянок. Всем, кто был за столиком, снова пришлось немного потесниться.

– А ты, – неожиданно для себя спросил Дюндель, – можешь позволить себе чёткие принципы?

– Разумеется, нет, – уверенно заявила Марго. – Любое утверждение можно оспорить и оценить с противоположной точки зрения.

– А что насчёт нравственных ценностей?

Маргарита посмотрела Дюнделю в глаза и саркастически усмехнулась.

– Ты разве не знаешь, – произнесла она с оттенком самоиронии, – что женщинам не полагается никаких других ценностей, кроме замужества и ярких блёсточек?

Дюндель продолжал удивлённо таращиться на девушку, не понимая, говорит ли она серьёзно. «Занятная, – пронеслось в голове у елдыринского рэпера. – И сиськи что надо».

– Теперь твоя очередь, – сказала Марго. – Какие принципы есть у тебя?

Дюндель задумался. Действительно, какие у него принципы? И есть ли они у него вообще?

– Ну, – неуверенно произнёс елдыринец после небольшой паузы, – наверное, такие принципы, что «брат за брата – за основу взято» и «пацан сказал – пацан сделал»...

– Круто, – похвалила Марго. – А ценности?

– Ну... – здесь елдыринец снова задумался. На какую-то долю секунды ему показалось, что в металлических глазах прекрасной собеседницы горит насмешливый огонёк.

– Я думаю, – снова начал Дюндель, пытаясь правильно построить фразу, – что главная ценность в жизни – это чтобы всё было по-пацански.

Марго смотрела на него внимательно и с интересом. Первое время она думала, что парень просто шутит, и хотела даже подыграть. Дальнейшая беседа показала, что относительно пацанских принципов Дюндель серьёзен, как перед прокурором. «Он, похоже, клинически тупой», – скажет она впоследствии своему нанимателю. Тот, не поверив, заставит её копать глубже.

Весь остаток вечера Фридрих молчал, боясь испугать очередных «лядей». Когда же настало время ехать домой, то выяснилось, что зумбулянки совсем не настроены продолжать общение. Стереотип о том, что любая девушка в клубе готова отдаться первому встречному, был нещадно разрушен.

– Вот зараза, – плевался Готфрид, ругая Фридриха. – Ты что, не мог нормальных подобрать?

– А я-то откуда знаю? – оправдывался тот. – Они тут все как шлюхи выглядят... Попробуй их разбери!

Подразнив Антоху своей суровостью, мундиморийцы всё же позволили ему взять Фриду с собой. Чувствуя вопросительный взгляд Марго, Дюндель колебался. Разумеется, у него давно не было женщины, однако он не ощущал необхо-

димого воодушевления. Обычно всё происходило иначе; теперь же перед ним сидела ухоженная и искушённая дама – такая, какие обычно с ним не спят. От неё веяло чем-то зрелым и недоступным.

– Эй, вы там идёте? – крикнул Антоха, видя, что ребята медлят. – Давайте быстрее, а то такси разберут!

Времени на раздумья не оставалось. Дюндель знал, что настоящий мужик не имеет права отказываться от случайного секса. Он будет лохом, если прямо сейчас не пригласит эту чужую, едва ли желанную женщину к себе домой. Мало ли, когда ещё будет возможность с кем-нибудь перепихнуться? Лучше сделать это «про запас».

– Может, это... – смущённо произнёс Дюндель, переминаясь с ноги на ногу, – поедем ко мне? Посмотрим какой-нибудь фильм...

Глаза Маргариты смеялись: впервые в жизни ей повезло работать с таким трогательным пациентом.

Глава 12: Ложь, предательство и поэты серебряного века

– А у тебя мило.

Дежурная фраза прозвучала уютно и искренне. Марго решила сменить тактику и больше не пугать пациента своим сарказмом. Уже на подлёте к дому Дюндель вспомнил, что у него не убрано, и как-то по-детски устыдился этого беспорядка. Сейчас, оказавшись наедине со своей гостьей, он бегал по комнате и распахивал вещи куда попало. Глядя на него, Маргарита умилялась.

– Это ведь не моя квартира, – попутно объяснял Дюндель. – Я просто у друга живу... А сам из Старокозищенска...

– Угостишь кофечаем?

Дюндель задумался: где-то в недрах кухни-студии должен был находиться перколятор, которым обычно пользовались мундиморийцы. Дюндель практически не умел в нём заваривать: жители планеты Кривоцыца готовили напитки совсем по-другому. А ещё ему не хотелось будить охранников – и вовсе не потому, что они будут в ярости. Говоря начистоту, Дюндель боялся выглядеть перед мужиками полным неудачником. Все знают, что девку после клуба надо «жарить», а не распивать с ней безалкогольные напитки.

– Пойдём, помогу, – предложила Маргарита, видя его замешательство.

На кухне было тихо и тепло. Внезапно Дюнделю припомнились похожие посиделки у родителей: темень за окном, а в доме – вкусный ужин и неторопливая беседа. От воспоминаний защемило сердце. Множество тысяч эризенов, разделявшие Кривоцицу и Джоселин, показались таким чудовищным расстоянием, что елдыринец невольно содрогнулся от ужаса. «И всё-таки странно, – задумчиво рассуждал он, – что жители разных планет одинаково любят заваривать растения».

– Где стоят сиропы? – спросила Марго. – Хочу добавить в кофечай что-нибудь вкусное.

Дюндель тут же спрыгнул со стула и принялся наугад открывать кухонные ящики. В одном из них он обнаружил коробку со всевозможными добавками и протянул её гостье.

– Мммм, стесняшки, – довольно сказала Маргарита, увидев какой-то пакет среди бутылок. – Обожаю стесняшки!

«Стесняшками» назывались кусочки местного зефира. Эти сладости были предназначены для того, чтобы добавлять их в горячий напиток. Там они медленно таяли, превращаясь в густую сладкую пену. «Вот умора! – мысленно удивлялся Дюндель. – И как только они попали на кухню к мундиморийцам? Наверное, их прислали в подарок за крупную покупку». Внутренне смеясь, Дюндель осмотрел кухню-студию в поисках других необычных предметов. Наглазевшись, он повернулся обратно к Марго – и тут же увидел нечто ужас-

ное: за то время, пока он таращился по сторонам, она успела добавить в его кофечай целую кучу стесняшек...

– Что ты делаешь?! – воскликнул Дюндель, вскакивая со своего места. – Я не буду это пить!

Маргарита невольно опешила: смиренный пациент внезапно сделался буйным.

– Ты что, аллергик? – спросила гостья.

– Причём здесь мой характер? – возмутился Дюндель. – Неважно, аллергик я или холерик. Просто все эти симпатичные зефирки – только для баб и гомиков, а я нормальный пацан!

Марго едва не рассмеялась: пищевой кодекс «нормального пацана» выглядел несуразно и даже мило. Тем временем принципиальный Дюндель равнодушно косился на пахучие сладости. Маргарита понимала: он совсем не прочь полакомиться запретным угощением, однако ему мешают пацанские принципы. Наблюдая за своим подопечным, она решила немного позабавиться с его моралью.

– Послушай, – сказала Марго, – мы ведь можем и не говорить никому, что ты пробовал стесняшки...

Смущённый, Дюндель оробело глянул на свой кофечай. За то время, пока он спорил с Марго, часть конфет уже успела растаять, и над поверхностью напитка возвышалась манящая пена.

– Я не могу... – лепетал очарованный Дюндель. – Это ведь не по-пацански...

– Давай, попробуй пару ложек, – уговаривала хищная Марго, – оно и впрямь нереально вкусно...

– А что я Антохе скажу?!

– Антоха не узнает. Никто не узнает, кроме меня.

– А если от этого зефира я больше не буду реальным бандитом? Если вообще перестану быть мужиком?

– Не волнуйся: я запросто докажу тебе обратное...

Стесняшки пахли потрясающе: это был аромат лучшей маминой выпечки, смешанный с какими-то цветами, фруктами и ещё неизвестно чем – туда, наверное, добавили само обожание. В какую-то секунду Дюндель подумал, что именно так должна пахнуть Гвендельфина Куколка. Сглотив слюну, он снова забрался на стул и принялся неотрывно смотреть на чашку, переполненную воздушной массой. «А вдруг после этого я сразу стану геем?» – пронеслось у в голове у бедняги. Однако было поздно: рука сама потянулась к ложке, и вот уже на языке почувствовался божественный вкус...

– Ну как? – с улыбкой спросила Маргарита.

От восторга Дюндель едва не лишился дара речи. Не говоря ни слова, он довольно кивнул. Наслаждение боролось с пацанскими понятиями... На этот раз пацанским понятиям «не фартануло».

Съев ещё пару ложек, Дюндель снова посмотрел на Маргариту. «А вдруг я уже гей?» – с ужасом подумал он. Внимательно оглядев стройную фигуру молодой женщины, елды-

ринец понял, что по-прежнему находит её привлекательной. Тогда он немного успокоился.

– Расскажешь мне о своей планете? – попросила Марго.

Обитатели квартиры давно спали. В предрассветной тишине доносилось лишь негромкое похрапывание из комнаты мундиморийцев. После нескольких глотков душистого напитка Дюндель почувствовал приятное тепло во всём теле и окончательно расслабился. Желая развлечь гостью, он приправлял свои истории красочным вымыслом.

– А как вы попали на Джоселин-Белл-Бернелл? – спросила молодая женщина.

На секунду Дюндель умолк. Ему хотелось сказать Маргарите правду, однако он знал, что должен держаться легенды о холостяцком общежитии. «Если проболтаюсь – точно буду не мужик», – решил для себя елдыринец. К тому же, далеко не каждая девушка поверит в безумную историю об экскрементах космических лосей.

– Ну... – медленно потянул Дюндель, соображая, как бы выкрутиться, – меня, в общем-то, пригласили на прослушивание в один продюссерский центр... Если повезёт – стану звездой.

Маргарита усмехнулась. Она понимала, что пациент нагло и неумело врёт.

– И когда же у тебя прослушивание? – спросила она, хитро прищурившись.

– Через два месяца, – не моргнув глазом, ответил Дюн-

дель.

– Ты, наверное, готовишься?

– В общем-то, не особо...

За окном пробивались первые лучи Веры-Рубин. Обоих – Дюнделя и Маргариту – начинало понемногу клонить в сон. Внезапно Дюндель посмотрел на гостью каким-то странным взглядом и тихо спросил:

– Хочешь, покажу тебе кое-что интересное?

Он поднялся из-за стола и жестом позвал Марго за собой. Та, разумеется, восприняла это как приглашение к соитию. «Ещё один гуру пик-апа, – шутливо подумала Марго. – Обожаю наблюдать за всеми этими девственниками». Когда же оба оказались в спальне, Маргариту ждал необычный поворот: вместо того, чтобы начать её домогаться, Дюндель взял свой транслятор и принялся что-то выискивать... «Наверное, ищет порно, – догадалась Марго. – Сейчас начнёт показывать мне свои сопливые фантазии».

«Сопливой фантазией» оказался текстовый файл. Пробежав по нему глазами, Марго поняла, что это стихотворение. Окончательно сбитая с толку, она прочла его несколько раз.

– Ну как? – спросил Дюндель.

– Это ведь... твоё? – наугад предположила Марго.

– Нет, не моё, – ответил елдыринец. – Просто пришло на мой транслятор. Мне оно очень нравится.

Внезапно Марго обнаружила почву для полезного разговора.

– Я, кажется, знаю, кто мог это прислать, – проговорила она. – Космические партизаны и подпольщики обычно рассылают своё творчество на трансляторы мирных жителей. Они делают это абсолютно бесплатно... Неужели ты совсем о них не слышал?

Дюндель глупо таращился, хлопая глазами. Только сейчас он заметил, что Маргарита, должно быть, намного старше его.

– А разве на этой планете есть космические партизаны? – удивлённо спросил рэпер.

– Здесь нет штаба, зато есть последователи. Иногда они подлетают к орбите Джоселин и взламывают спутники связи. Власти борются с этим, но не всегда успешно.

– А зачем они присылают людям все эти файлы? – допытывался Дюндель.

– Они протестуют против идейного курса империи, – объяснила Марго. – Требуют свернуть культурную программу, которую проводит маэстро Харальдюф...

– Кто-кто?!

От неожиданности глаза Дюнделя округлились. Марго невольно отпрянула.

– Маэстро Харальдюф, – поспешно повторила она. – Главный советник императора по вопросам культуры...

Потрясённый, Дюндель не мог вымолвить ни слова. То, что сказала Марго, было известно всем. Однако для елдыринца её слова явились откровением. «Ну и ну! – ошарашен-

но думал рэпер. – Так он, оказывается, ещё и большой чиновник!» Радуюсь удаче, Дюндель неожиданно для себя нащупал сказочные перспективы... Возможно, этот могущественный министр обеспечит им с Антохой лучшую защиту, нежели генерал Зугард.

– А почему его называют «маэстро»? – спросил Дюндель.

– У него, кажется, первое образование музыкальное... Тебе зачем?

Поддавшись эйфории, Дюндель вновь захотел рассказать правду – и вновь остановил себя усилием воли. «Если скажу, как есть, разрушу свою же легенду», – сообразил он в последний момент. Марго смотрела на него пристальным взглядом. Подсознательно чувствуя нить разговора, она всё не могла ухватиться за неё своими холёными руками. Впрочем, ничего удивительного: первый вечер, новый клиент и уйма времени впереди. Торопиться явно не стоит.

– Послушай, – произнёс Дюндель после небольшой паузы, – я вот что хотел у тебя спросить...

Марго напряглась: она была вся внимание.

– Ты случайно не знаешь, – тихо и как-то стеснительно продолжал молодой человек, – где можно достать ещё таких стихов, как те, что я показывал?

Марго усмехнулась.

– А ты, я вижу, любитель запрещённого искусства, – проговорила она, прищурившись. – Вот возьму и донесу... Тебя тогда арестуют и обработают отупляющим лазером.

– Зачем?! – испуганно спросил Дюндель.

– Как это «зачем»? Чтобы ты с удовольствием смотрел комедии господина Какашкинда.

– Я и так смотрю их с удовольствием. Такие смешные, что угореть можно. Больше всех мне нравится та, где мужик в бабку переодевается... Мужик – в бабку! Вот умора!

Видя, что пациент непробиваем, Марго даже восхитилась. «Ну что ты с ним поделаешь, – рассуждала она, глядя в наивные глаза своего подопечного. – Придётся дать ему то, что он просит».

– Ладно, так и быть, – сказала Марго. – На самом деле у меня есть похожие стихи...

– Правда? – воскликнул Дюндель, не веря своему счастью.

– Ага. Я снимаю апартаменты в старом доме, ближе к Бетрис-Тинслей. Там есть библиотека... Знаешь, такие стихи нельзя распространять. Но у себя хранить можно – если осторожно. И будь уверен: то, что я принесу, ты больше нигде не найдёшь. Это действительно вне закона, первоклассная дурь... Этим балуются император и придворные.

Дюндель с благодарностью посмотрел в глаза своей гостье.

– Как же мне повезло тебя встретить! – радовался он. – Большое тебе спасибо!

– Пока не за что, – отозвалась Маргарита. – Я ещё ничего для тебя не сделала.

– Всё равно спасибо, – убеждённо проговорил Дюндель. – Приятно, что ты не назвала меня соплежум из-за этих сти-

хов... И ботаником, вроде, не считаешь.

– Поцелуй меня, дурачок.

В эту ночь елдыринский рэпер убедился в том, что стесняшки никак не влияют на гетеросексуальность и потенцию. «Хорошо, что я не его типаж, – думала Маргарита, наблюдая за спящим подопечным. – Надеюсь, буду мамочкой для этого несчастного». В глубине своей холодной, прагматичной души она ощущала смутную, предательскую жалость.

Утро после пирушки было на удивление радостным: с похмелья не болел никто. Проснувшись, ребята завтракали и смотрели комедийный сериал. Мундиморийцы довольно долго не выходили из своих комнат. В общем, события складывались удачно.

Ближе к обеду елдыринцы проводили подруг на площадку для аэротранспорта. Наблюдая за тем, как женщины садятся в такси, Антоха с сожалением вздохнул.

– Хорошего понемногу, – печально усмехнулся он, когда аппарат поднялся в небо. – Закончилась наша с тобой, Дюндель, крутая тусовка.

Дюндель обескураженно молчал. Ему хотелось наконец-то поведать другу о своём счастье, но он не знал, как подступиться к важному разговору.

– Пойдём, что ли, пива выпьем, – предложил рэпер.

Ребята притащили в комнату Дюнделя канистру и два стакана. То, что мундиморийцы называли «пивом», по вкусу напоминало бурбон. Антоха присел на корточки, Дюндель –

на кровать. Было слышно, как в кухне-студии начал возиться кто-то из охранников. Притаившись, ребята ждали. Когда вновь наступила тишина, Дюндель достал из внутреннего кармана заветную визитку и молча протянул её товарищу.

– Это ещё что такое? – спросил Антоха, разглядывая непонятный предмет.

Дюндель шёпотом рассказал ему всё, что произошло в клубе. Выслушав, Антоха крепко задумался.

– А твой продюссер случайно не из этих...? – спросил он, двусмысленно кивая куда-то в сторону. – Знаешь, добрые дяденьки всегда рады нормального пацана продырявить ...

– Ты чё, совсем?! – испуганно воскликнул Дюндель. – Я видел, там у него одни девки сидели. Вот был бы я какой-нибудь женщиной – тогда, конечно, пришлось бы отдаваться в три дырки...

– А по-моему, в этом их шоу-бизнесе всех без разбору трахают, – заметил Антоха. – Женщин, конечно, активнее, но и пацанам достаётся. Что заднице-то зря пропадать?

Задыхаясь от негодования, Дюндель не мог произнести ни слова. Антоха был прагматик и рассуждал с точки зрения бытовой философии. Все, кто повзрослел, знают: ничего в жизни не даётся просто так. Могущественный продюссер не обязан помогать бесплатно. Однако, несмотря на очевидные доводы рассудка, Дюндель всё же не мог поверить в окончательную циничность вселенной.

– А как же эм-си Бездарь? – произнёс он со странным

упорством. – Он что, тоже из этих?

Антоха задумался: эм-си Бездарь и вправду был слишком брутален.

– Ну, – неуверенно потянул Антоха, – он, может, и не из них...

– И что, – продолжал Дюндель, – я не могу точно так же к успеху прийти?

Не зная, что сказать, Антоха смотрел на него с удивлением. Впервые в жизни покладистый Дюндель дал ему настоящий отпор. Ребята были знакомы с детства, но никогда прежде Антоха не видел в Дюндеде такой решимости. Теперь Антоха понимал, насколько сильно меняются люди, когда речь идёт о борьбе за мечту.

Вечером следующего дня Готфрид увиделся со своими сотрудницами в небольшой закусочной.

– Ну, бабоньки, – деловито произнёс он, – за сколько времени вы этих пациентов отработаете?

– А они точно важные информаторы? – с сомнением спросила Марго.

– Точнее некуда, – заявил мундимориец. – Так что насчёт сроков?

Женщины молчали. Готфрид ждал ответа, время от времени переводя взгляд с одной из них на другую.

– Три-четыре месяца, – проговорила, наконец, Марго. – Довольно сенситивный тип, ничего сложного.

– А что так долго? – возмутился мундимориец. – Если ни-

чего сложного – то можно и быстрее.

– Не нравятся сроки – ищите других специалистов.

Готфрид недовольно прищёлкнул языком и постучал по столу своими длинными пальцами. Терять Маргариту он не хотел. Иногда на её пышной груди клиенты со слезами рассказывали свои детские травмы и секретные коды.

– А что у тебя? – спросил мундимориец, обращаясь к Фриде.

Фрида бросила на него мимолётный, неуверенный взгляд и тут же опустила глаза.

– Полгода минимум, – тихо произнесла она после паузы. – Там основная акцентуация личности – эпилептоид... Короче, тяжело придётся.

Транслятор Дюнделя не мог принимать звонки. Люди генерала устроили так, чтобы подписка была оплачена лишь на те каналы, где не было обратной связи. Несмотря на это, Дюндель умудрился создать себе аккаунт на форуме автолюбителей. Прощаясь, Маргарита запомнила адрес его страницы. В один прекрасный день елдыринец нашёл там сообщение:

«Привет. Помнишь меня? (ночь после клуба и стесняшки). У меня есть то, что ты просил. Увидимся?»

Дюндель знал, что Маргарита достала для него стихи. «Мне позарез нужно с ней встретиться!» – сказал он Антохе. Тот, задумавшись, спросил про Фриду. Вот уже много дней он украдкой вспоминал её с упоительной дрожью. Бу-

дучи прагматиком, Антоха понимал, что они с Фридой никогда больше не увидятся. Теперь, когда встреча стала возможной, он воспрял духом. В конце концов Антоха и Дюндель «наехали» на мундиморийцев. Ребята угрожали пойти к генералу и в консульство. Мундиморийцы якобы сдались под напором.

Девушек пригласили приехать через пару дней. Изнывая от предвкушения, Антоха готовился уволочь Фриду в спальню сразу же, как только она переступит порог квартиры. Однако не тут-то было: Марго явилась одна. Её подруга якобы сильно простудилась и передавала всем большой привет. Несолоно хлебавши Антоха скрылся у себя в комнате, громко хлопнув дверью. «У него, наверное, что-то болит?» – невинно спросила Марго.

На этот раз в жилище Дюнделя царил идеальный порядок. Заметив это, гостья одобрительно усмехнулась. На секунду замявшись, елдыринец жестом пригласил её присесть на ковровое покрытие, где он художественно разложил подушки. В комнате не было другой мебели, кроме кровати и гардеробной.

– Ну что, – интригуяще сказала Маргарита, – готов увидеть сокровища древних гуманоидов?

Дюндель нетерпеливо кивнул. Тогда Марго полезла в сумочку и достала оттуда три небольших предмета продолговатой формы. Каждый из них был похож на сливу, продольно разрезанную вместе в косточкой.

– Это ещё что такое? – изумлённо спросил молодой человек.

Марго показала ему, как пользоваться голограммами. Необычная технология привела елдыринца в восторг. Смущаясь, он впервые попробовал «полистать» удивительные книги... Одна из них называлась «Есенин», вторая – «Блок», а третья – «Пастернак».

– Прикольные названия, – заметил Дюндель. – Интересно, что они обозначают?

– У меня для тебя есть ещё одно неприличное удовольствие, – произнесла Маргарита и медленно достала из сумки небольшой пакет стесняшек... Это была их с Дюндедем постыдная тайна.

– Ух ты, разноцветные! – воскликнул Дюндель.

– Заваривай перколятор, – сказала Марго. – Я покажу тебе, какие из стихов нравятся лично мне.

Весь вечер они читали и обсуждали поэзию. Рольшторы были опущены: мало ли, какой беспилотник застанет парочку за непристойным занятием? Содрогаясь от неведомого чувства, Дюндель заворожённо улавливал изящные рифмы: бледный отсвет неведомой эпохи, упоительный экстаз творчества, далёкое сияние истинного таланта... Это были всего лишь переводы на общегуманоидный язык, но даже они потрясли елдыринца до глубины души.

Сумерки сменила плотная, тягучая темнота. Всё пространство комнаты было освещено лишь голограммой.

Утомлённые чтением, ребята в задумчивости сидели, допивая уже которую чашку сладкого кофе. Гостя не спешила уходить; видя это, Дюндель смутился. Его душа находилась в тонком, трепетном состоянии, и ему совсем не хотелось близости. Однако он знал: синица в руках – это то, от чего никогда не откажется нормальный мужик. Он, в конце концов, не какой-нибудь импотент, чтобы не домогаться женщину, которая оказалась в его комнате. Из чувства долга, из какой-то благодарности он опустил свою руку Маргарите на плечо... Та мгновенно придвинулась ближе.

– Малыш, – сказал Дюндель, – посмотрим вместе какой-нибудь сериальчик?

Сериальчик попался на редкость плохонький – и впервые в жизни Дюндель почувствовал его ужасающую фальшь. То, с чем он столкнулся, так сильно контрастировало с убогой действительностью массовой культуры, что ему сделалось не по себе. Желая поскорее закончить вечер, он полез целоваться к Марго. Она, конечно, была не против.

Елдыринцы говорили подругам, что недавно прибыли в Мундимору и ещё не успели обзавестись средствами связи. Общались они на форуме, куда впервые написала Марго. Когда речь шла о запрещённой литературе, приходилось выражаться кодовыми фразами. Это было даже весело: Дюндель чувствовал себя героем шпионского фильма. Однажды Марго вздумалось выгулять подопечных. «Я знаю, что делаю!» – заявила она Готфриду, и уже на следующий день елдыринцев

отпустили подышать свежим воздухом. На этот раз Фрида всё-таки явилась, но в конце концов уехала домой. «Таких жеребцов нужно сначала немного помучить, – говорила она, имея в виду Антоху. – Иначе они попросту тебя не оценят».

Марго и Фрида всё чаще приходили к елдыринцам. У каждой из них была своя легенда. Фрида якобы жила с родителями и работала маникюрщицей. Маргарита якобы делила аренду с несколькими подругами. Дюндель никогда не задумывался о том, сколько стоит снять старинный особняк неподалёку от императорской зоны. Следуя своей насмешливой фантазии, Марго представилась «почасовой няней-сидекой». Её давние научные работы были посвящены олигофрении у детей.

Вместе ребята гуляли и смотрели сериалы. Мундиморийцы как будто успокоились и не обращали на всё это безобразие никакого внимания. Просить у них деньги было унижительно, однако время от времени ребята водили девушек в недорогие заведения. Часто подруги платили сами за себя. Тогда Антоха думал, что феминизм, возможно, не так уж и страшен для нормальных пацанов.

Дюндель начинал всё больше волноваться о предстоящем прослушивании. Ему очень хотелось поделиться мыслями с Маргаритой, но это вскрыло бы всю его ложь. Он скорее стеснялся, нежели боялся предательства. Будучи в смятении, он не знал, что делать. Несмотря на безнадёгу, Дюндель понимал, что за последнее время его душа обогатилась частич-

кой чего-то важного.

– Знаешь, – признавался он Антохе, – иногда мне кажется, что Марго... как бы это объяснить получше... Она как будто тоже мне друг, понимаешь?

Антоха смотрел на него с удивлением и насмешкой.

– Ну ты чудо-юдо, – говорил Антоха. – Какой, спрашивается, из бабы друг? Они ведь только для того и существуют, чтоб мы их трахали.

От таких разговоров Дюндель замыкался в себе: ему вообще не хотелось, чтобы его считали импотентом или гомиком. Иногда он недоумевал, почему такие красивые женщины проводят время с ними, когда вокруг столько успешных пацанов на крутых летательных аппаратах. Когда он задал этот вопрос Антохе, тот лишь многозначительно ухмыльнулся: «Бабы обожают мой член».

Однажды Марго принесла с собой бутылку крепкой настойки, и они с друзьями распили её на четверых... Наутро елдыринцы ничего не помнили. Стараясь не думать о плохом, ребята окольными путями пытались выведать, не сорвалось ли у них с языка что-нибудь лишнее. Увы, их глуповатые вопросы не дали результатов. Марго и Фрида вели себя, как обычно. Вскоре елдыринцы забыли об инциденте, и все их разговоры снова вращались вокруг прослушивания. Антоха даже хотел использовать подруг как «алиби» для того, чтобы Дюндель мог вовремя явиться в студию на улице Хеди-Ламарр, здание триста пятьдесят два. Дюнделю эта

идея не нравилась: он не хотел втягивать Маргариту в опасное предприятие. Антоха только смеялся над его благородством: «Ты точно хочешь стать звездой?»

Впрочем, оба елдыринца сходились на том, что мундиморийцы прибьют их за малейший шаг без ведома генерала. Так бы, наверное, и мучились они в нерешительности. Однако в один прекрасный день случилось то, что подтолкнуло друзей к важному шагу.

Был вечер. Елдыринцы с подругами пошли гулять и зашли в недорогую закусочную. До этого времени Антоха и Дюндель уже успели выпить пива. Ребята беседовали и смеялись под резвые аккорды какой-то старомодной песенки. Марго предложила заказать чего-нибудь покрепче. Елдыринцы знали: с этими девчонками можно не опасаться неприятностей. Если что-то пойдёт не по плану, подруги запросто разделят с ними счёт. Молодые люди были уже и без того навеселе; когда принесли заказ, их вовсе разморило от еды, тепла и алкоголя. В конце концов Антоха решил сходить по малой надобности. Голова кружилась; только теперь ему стало ясно, что он перебрал. «Чёртовы местные настойки, – ругался Антоха. – Вроде, немного выпил, а как будто всю ночь квасили».

Кабинка туалета была всего одна. Подойдя ближе, Антоха обнаружил возле неё двух барышень. Проклиная хозяев закусочной, он стал думать, где бы отлить. Каким-то образом елдыринец оказался у запасного выхода. Там, к сча-

стью, было открыто. Выглянув наружу, Антоха упёрся прямо в глухую стену. Слева был виден кусок улицы. Справа находились мусорные баки, возле которых Антоха различил какое-то движение. Сначала он даже испугался, но потом понял, что это всего лишь дроид-сортировщик мусора. Тот, впрочем, не обращал на гуманоида никакого внимания. Осмелев, Антоха прошёл чуть поодаль, за ящики: там стояло какое-то здание без окон – возможно, склад. Вокруг было пусто. Радуюсь удаче, Антоха направился в подворотню и сделал своё дело. Вполне довольный собой, он хотел уже вернуться за столик, однако внезапно увидел Марго и Фриду. Они вышли покурить.

«А что, – подумал Антоха, – если подкрасться из-за угла и хорошенько их напугать?» От этой мысли он даже захихикал: идея показалась ему невероятно смешной. Прижавшись к стене, елдыринец медленно двинулся туда, где стояли подруги. Услышав посторонний звук со стороны мусорных баков, они насторожились, однако, увидев дроида, перестали реагировать. Оказавшись прямо за углом, Антоха застыл в ожидании: ещё минута – и он выпрыгнет оттуда с каким-нибудь нелепым криком... Вот смеху будет!

– ...нажрался, как скотина, – донеслось до Антохи. – Из него в таком виде любовник ещё хуже, чем обычно.

Сердце Антохи оскорблённо сжалось: говорила Фрида. Желание пошутить мгновенно исчезло – как и пьяная весёлость. Замерев, елдыринец мучительно слушал.

– Сама выбирала, – насмешливо заметила Марго.

– Выбор был невелик.

– Это твой шанс. В таком состоянии его гораздо легче расколоть. Он ведь уже проболтался, что был на партизанском корабле.

– А что сказал тебе толстяк?

– Нёс какой-то бред про фекалии космических лосей...

– Про что?!

Услышав забавную чепуху, Фрида рассмеялась. Покровы были сброшены, и отвратительная правда вылупилась наружу, словно мерзкая личинка из яйца насекомого. Готовый взреветь от стыда и злобы, Антоха не хотел верить собственным ушам.

– Ну и ну, – проговорила Фрида, немного успокоившись. – В такую ерунду не поверил бы даже тупица Фридрих!

– Ага, – подтвердила Марго, – я такого бреда не слышала со времён магистратуры в психлечебнице.

Вдоволь насмеявшись, подруги выбросили окурки от сигарет в мусорницу и скрылись в дверях. Антоха продолжал неподвижно стоять за углом, содрогаясь от ужаса. Паззлы сложились в его голове, и наступило страшное прозрение. Он вспомнил, как Фридрих впервые привёл женщин в компанию... Уже тогда следовало догадаться, что здесь нечисто.

Пытаясь выплеснуть из себя невероятную злость, он повернулся и несколько раз ударил кирпичную стену. Боль его отрезвила. Хотелось немедленно прибить лживую суку Фри-

ду, но он боялся мундиморийцев. Болезненно соображая, Антоха понимал одно: если он выдаст себя, то «раскалывать» его будут уже другим способом. После того, как генерал узнает секрет лосиных фекалий, они с Дюнделем ему больше не понадобятся.

Подавляя звериный гнев, Антоха вернулся за столик. «Почему так долго, малыш?» – спросила Фрида. Антоха молчал, скверно ухмыляясь. За весь остаток вечера он не выпил больше ни грамма алкоголя, однако и без этого чувствовал, как пространство содрогается в его голове. Домой добирались пешком. На этот раз Антоха не звал Фриду с собой, но она по-хозяйски проследовала с ним до квартиры. Понимая, что должен молчать, елдыринец угрюмо следил за тем, как Дюндель и Маргарита смеялись и обсуждали какую-то чепуху. Наконец, оба исчезли за дверью дюндлевой комнаты и, похоже, немедленно завалились «на боковую».

Мундиморийцы, скорее всего, давно спали. Желая последовать их примеру, Фрида буднично стелила постель. Остановившись напротив, Антоха внимательно следил за её движениями. Почувствовав это, она обернулась.

– Всё в порядке? – с улыбкой спросила Фрида.

Антоха неотрывно смотрел – и во всём его облике сквозила неуловимая ярость. Не получив ответа на вопрос, Фрида продолжила своё занятие. «Вот, значит, как, – ожесточённо думал Антоха. – Ты, значит, слишком хороша для меня...» Её красота, её самообладание и превосходство возбужда-

ли в нём свирепую, неистовую горечь. Не в силах перебороть себя, он принялся медленно подходить ближе. Ощувив неладное, Фрида остановилась и вновь посмотрела на Антоху непонимающим взглядом. Приблизившись вплотную, он резко схватил её за подбородок и сжал его так сильно, что едва не поставил синяк.

– Ты что творишь?! – заорала Фрида, пытаясь освободить голову. – Чёртов псих!

Дав ей пощёчину, он бросил её на кровать. Прежде чем он упал сверху, она успела перевернуться и, закрываясь руками, оказалась на полу. Матерясь, Антоха схватил её за локти и с силой поднял вверх... Внезапно девушка ударила его ногой в пах. Пользуясь тем, что он скорчился, она выбежала из комнаты. Под громкие крики о помощи елдыринец бросился следом – и в конце концов просто сполз вдоль стены в прихожей... Спустя полминуты Фрида уже колотила двери в комнаты мундиморийцев, истошно вопя и осыпая Антоху ругательствами.

Наконец, из-за дверей появились охранники. Антоха слышал, как Фрида взволнованно рассказывала им произошедшее. Звуки доносились до елдыринца так, будто он лежал на дне глубокого колодца. Невозможно было различить ни слова из того, что говорила Фрида, но это не был общегуманоидный язык. Время от времени Готфрид вставлял какие-то фразы: он, по всей вероятности, пытался успокоить женщину. Потом все трое направились в сторону елдыринских ком-

нат.

– Вы что, дебилы, охренели посреди ночи балаган устраивать? – сурово проговорил Готфрид, подходя к полулежащему Антохе.

Глядя на его рослую фигуру, елдыринец понимал, что не имеет ни сил, ни желания вставать. Из-за дюнделевой двери появилась испуганная Марго. Оглядев мизансцену, она мгновенно всё поняла.

– Мне нужен мой клатч, я уйду! – гневно воскликнула Фрида.

Перешагнув через Антоху, Готфрид вошёл в его комнату и уже через несколько минут вернулся с дамской сумочкой. Схватив её, Фрида начала поспешно обуваться. Всё это время Фридрих стоял за её спиной и смотрел на Антоху с безразличным презрением. Маргарита исчезла в комнате Дюнделя и вернулась оттуда с вещами. Надев свои манто, женщины торопливо покинули квартиру.

– Ну уж нет, – услышал Антоха из-за закрытой двери, – я на такое дерьмо не подписывалась!

Окинув елдыринца раздражённым взглядом, Готфрид повернулся и зашагал в свою комнату. По дороге он бросил Фридриху какую-то фразу на мундиморийском. Тот, кивнув, постоял в прихожей ещё немного, после чего также ушёл к себе. Антоха очнулся спустя несколько часов; голова гудела. Опираясь о стену, он смог добраться до кровати. Всё это время Дюндель мирно спал. Он, разумеется, слышал какой-то

шум, но не придал этому значения.

Утро обрушилось на Антоху ужасающим похмельем. Он, как ни странно, помнил все события предыдущей ночи до мельчайших подробностей. «Чёртова кукла!» – думал елдыринец, проклиная Фриду и всё, что случилось. Её обидные слова до сих пор стояли у него в ушах. Не в силах смириться с тем, как подло его обманули, Антоха чувствовал бессильную ярость. А страшнее всего было то, что они с Дюнделем выболтали секрет лосиных фекалий двум никчемным потаскухам.

В какой-то момент Антоха понял, что ему срочно нужно опохмелиться. Однако идти на кухню желания не было: он слышал оттуда голоса охранников. Внезапно к нему в комнату постучали.

– Друган, ты там живой? – послышался из-за двери голос Дюнделя.

Спустя секунду дверь приоткрылась – и Антоха тут же поблагодарил всех богов елдыринской мифологии. В руках у Дюнделя была канистра с остатками пива.

– Твою ж мать, как ты вовремя! – с облегчением воскликнул Антоха и, взяв канистру, принялся пить прямо из горла.

Дюндель наблюдал это зрелище в недоумении. Наконец, Антоха поставил тару на пол, закрутил её крышкой и, с размаху усевшись, безумно посмотрел на друга.

– Бабы куда-то делись, – произнёс Дюндель, хлопая глазами. – Просыпаюсь – а Марго почему-то нет... Она мне утром

вот что прислала.

С этими словами он вытащил транслятор из кармана и передал Антохе. Ухмыльнувшись, елдыринец прочитал следующий текст:

«Ночью твой друг напал на Фриду. Она была вынуждена просить помощи у ваших соседей. Ребята хотели вызвать дежурного комиссара, но Фрида не стала поднимать шум. Я боялась отпустить её одну, и мы уехали вместе. Ты так крепко спал... Очень хочу увидеться, но мне страшно. Объясни, что происходит».

– Вот же твари, – проговорил Антоха.

– Ты что несёшь?! – испуганно воскликнул Дюндель.

– А то и несу, – горько усмехнулся елдыринец. – Поимели нас бабы.

Убедившись в том, что мундиморийцы достаточно далеко от двери, Антоха отвёл друга в дальний угол и рассказал ему всё, что слышал на заднем дворе закусочной. Далее он со стыдом и горечью описал происшествие, которое повлекло за собой отъезд Фриды. Дюндель слушал его, изумлённо вытаращив глаза и обхватив голову обеими руками. «Этого не может быть, – повторял он, содрогаясь от ужаса. – Марго никогда бы так не поступила...»

Антоха только смеялся над его наивностью. Сердце Дюнделя было разбито. Бедняга пока ещё не думал о том, что люди генерала находятся в двух шагах от тайны, и могут избавиться от свидетелей. Все его мысли занимало гнусное пре-

дательство Маргариты... Вернее, можно ли назвать предательством изначальный обман?

– Развели нас, как недоумков, – грустно заключил Антоха.

Весь последующий день друзья угнетённо смотрели мундорийские каналы. Боясь показаться охранникам на глаза, Антоха не выходил из комнаты. Дюндель носил для него еду и пиво. Благо, один из санузлов был расположен поблизости. Под вечер елдыринцы вконец ослабли от безделья и безнадёги.

– Антоха, – проговорил Дюндель, – я вот что думаю... Если бабы существуют только для того, чтоб мы их трахали, то почему нам обоим так паршиво?

Ещё несколько дней прошло в раздумьях. Марго ждала ответа. Прослушивание приближалось. Понемногу Дюндель понимал, что не может упустить свой Большой Шанс. Как-то разом ребята решили: надо валить.

Елдыринцы знали, что сделать это будет непросто. Они рассматривали даже варианты наподобие «залезть в доставочного дроида». К счастью, у ребят хватило ума отказаться от этой затеи. Вместо неё они разработали сомнительный, но всё же практичный план побега: симулировать раскаяние.

«Почему ты молчишь? – писала Маргарита в новом сообщении. – Мы могли бы вместе почитать Баратынского. Но, если не хочешь, я не настаиваю. И всё же объясни мне, почему твой друг напал на Фриду и что означает твоё молчание».

Дюндель едва не плакал. Где, спрашивается, ещё он доста-

нет Баратынского? Однако следовало мужаться. Болезненное разочарование сделало душу елдыринца грубее. Теперь ни одна коварная сирена не соблазнит его древней поэзией!

«Моему другу очень стыдно, – отвечал хитрый Дюндель. – Просто у него на генетическом уровне есть потребность напиваться и бить свою самку. Так поступают многие мужики у нас на Кривощице. Это просто такая традиция, духовные скрепы. Бить бабу – значит учить её уму-разуму. Антоха не хотел ничего плохого. Он извиняется и больше не будет».

Вскоре Маргарита прислала ещё одно письмо:

«Мы многого не знаем о традициях вашей планеты. Однако поверь: иногда их лучше там и оставить. А то понаедут со своими традициями – и потом не знаешь, как жить в этом долбаном зоопарке... Это шутка, не обижайтесь. Так когда мы увидимся?»

Антоха и Дюндель переглянулись. Последнее сообщение Маргариты содержало какой-то издевательский – а может, и вовсе политический – подтекст. Однако вникать в эти тонкости у ребят не было ни желания, ни времени.

– Напиши ей типа «давайте увидимся в кафешке», – сказал Антоха.

Склонившись над транслятором, Дюндель принялся старательно печатать, едва попадая пухлыми пальцами по мелким буквам. Марго понравилась идея встретиться вне стен квартиры. Дело оставалось за малым: выждать, когда подружки свяжутся с мундиморийцами. Клянчить космоутгрики ел-

дыринцам не хотелось, но их успокаивали три волшебных слова: это последний раз.

Сперва – для приличия – Готфрид грубо отмахнулся от просьб Антохи.

– Совсем охренели! – воскликнул мундимориец. – Ну уж нет, хватит мне твоих пьяных разборок с мадмуазелями. Не умеешь баб водить – не берись. И вообще, скоро генерал найдёт ваших друзей, а пока сидите тихо.

– Да ладно, – как бы невзначай заметил Фридрих, – секса-то хочется. Разреши ты ему шлюху, а то совсем одичает.

Антоха торжественно поклялся больше не устраивать ночных погромов. После этого елдыринцы назначили дату и время встречи. Друзья волновались: вдруг что-нибудь пойдёт не так? А ведь «не так» могло пойти что угодно. План побега не отличался гениальностью. Но другого у ребят не было.

Дюндель попросил Марго подождать их с Антохой в мини-баре на первом этаже своего дома. Окна бара выходили на аллею между высотками. Выйдя из подъезда, можно было обойти соседний дом так, чтобы не попасться подругам на глаза. Далее путь к остановке лежал через дворы. На остановке находился сенсорный таблоид: чтобы получить схему маршрута, достаточно было вбить туда необходимый адрес.

– Главное, – рассуждал Антоха, – это поскорее забраться в скотовозку...

– В аккубус, что ли? – переспросил Дюндель.

– Ага, он самый. Если нас не поймают до этого времени – считай, повезло. А уж если в аэрокоптер влезть удастся – тогда вообще праздник.

Денег елдыринцам выделили ровно на четыре чашки кофечаю и один десерт. Антоха волновался, как перед выпускными экзаменами в школе. Если бы он не сдал их хотя бы на тройки, мать бы его прибила... Теперешний экзамен, конечно, был не так серьёзен. Очень хотелось на свободу. Однако Антоха всё же чувствовал лёгкую дрожь от мысли, что им с Дюнделем придётся выйти из комфортного заключения в незнакомый, враждебный мир.

В назначенное время елдыринцы спустились на лифте вниз, вышли из подъезда и повернули направо – так, чтобы обойти соседний дом и остаться незамеченными. Сердце Дюнделя бешено колотилось; в руке он сжимал книги, принесённые Марго. Ребята молчали, стараясь не оборачиваться. Остановки в Мундиморе были крытые, и туда необходим был билет. На входе стояла очередь, которая длилась бесконечно долго – так, что елдыринцы взволнованно посматривали на дорогу. Оказавшись внутри остановки, они бросились к сенсорному инфотаблоиду.

– Быстрее, быстрее! – повторял Антоха, когда Дюндель вбивал туда необходимые координаты: зона Каролин-Порко, сектор Ада-Лавлейс, улица Хеди-Ламарр, здание триста пятьдесят два.

Через несколько секунд на мониторе появился маршрут, и

ребята невольно вспомнили свой путь до «Золотой клетки». Чтобы добраться в сектор Ада-Лавлейс, нужно было сесть на тот же аэрокоптер, выйти на крыше того же небоскрёба, спуститься и пересесть в подземную электричку. Когда подошёл необходимый аккубус – электроприводная дура с шарнирным соединением вагонов – Антоха бросился туда, как оголтелый. Дюндель радостно прыгнул следом. Проехав несколько остановок, друзья всё ещё не могли осознать, что им удалось вырваться из заточения. Тревожно озираясь по сторонам, они боялись увидеть зловещие фигуры преследователей. Хотелось поскорее добраться под защиту Харальдюфа. Только оказавшись на борту аэрокоптера, елдыринцы почувствовали себя по-настоящему свободно.

Готфрид и его подчинённые обнаружили пропажу лишь тогда, когда ребята уже находились в вагоне аккубуса.

– Это вы их упустили! – гневно произнёс Фридрих, врываясь в кафе, где сидели подруги.

– Ах, вот оно что! – воскликнула Маргарита. – Да ты хоть знаешь, сколько времени занимает отработать пациента?!

– Копаться в голове у придурков не моя работа, а ваша!

– Тогда сиди и молчи со своим базовым образованием училища ефрейторов.

– Хватит! – раздражённо крикнул Готфрид. – Заткнитесь оба! Я здесь вообще-то думать пытаюсь...

Наблюдая за ними, Фрида молчала. Она была рада тому, что всё закончилось. Мундиморийцы поспешно бросились

в погоню, однако потеряли след. Волей-неволей пришлось предстать перед генералом.

– И что нам теперь делать? – спросил Готфрид.

– «Что делать-что делать», – усмехнулся Зугард. – Ждать их у здания елдыринского консульства.

Глава 13: Бродячая жизнь

К счастью для ребят, им хватило денег добраться до сектора Ада-Лайлейс. Оказавшись на месте, друзья ахнули: здание триста пятьдесят два по улице Хеди-Ламарр было небо-скрёбом. Его окружала высокая кованая изгородь. На входе стояла гуманоидная фигура в экзоскелете. Смутившись, елдыринцы даже поздоровались, однако это оказался всего лишь декоративный муляж. Дюндель вытащил из кармана заветную визитку; дрожащими руками он приложил её к сканирующему устройству на голове манекена. Послышался негромкий щелчок – и механические ворота, украшенные какими-то гербами, стали медленно разъезжаться в стороны.

Сердце Дюнделя зашло от радости: оказавшись во дворе, он ощутил себя частью того мира, о котором знал только понаслышке. У входа бил фонтан. По обе стороны от него располагались густые стриженные газоны. Тропинка, ведущая к зданию, была выложена из какой-то горной породы. Приблизившись, ребята увидели вращающуюся дверь. Они попытались войти, однако механизм «вертушки» не двигался.

– Что ещё за подстава? – воскликнул Антоха.

Дюндель осмотрелся и заметил сбоку от двери сенсорный таблоид. На мониторе яркими буквами светилось меню: «Студия звукозаписи», «Концертный зал», «Кинозал»...

Пунктов было много, и среди них елдыринец увидел надпись «Регистрация на прослушивание». Он тронул её рукой, и указатель мгновенно изменился на «Приложите входную карту». Не мешкая ни минуты, Дюндель снова полез в карман, достал оттуда визитку и сделал то, что требовал дroid. Послышался щелчок – и механические двери слегка двинулись по кругу. На экране возникло приветливое «Добро пожаловать!», которое тут же уточнилось более подробным «Холл на первом этаже».

В холле сидела красивая зумбулянка с большими чёрными глазами и голубоватой кожей.

– На прослушивание? – спросила она, оглядев гостей.

Дюндель кивнул. Стены огромного помещения были выложены солидным белым камнем, и от этого оно казалось ещё больше. Потолок уходил невероятно высоко; по ходу он дополнялся балконами, образуя что-то наподобие амфитеатра. Было почти безлюдно; двое качкоидов беседовали где-то поодаль, а из лифтовых кабин время от времени выходили незаметные господа, которые тут же исчезали за дверью.

– Скажите мне ваши имена, фамилии и название коллектива, – буднично проговорила зумбулянка.

Сперва ребята даже не поняли, о каком коллективе идёт речь. Антоха насупленно молчал: он всегда терялся, когда попадал в торжественную обстановку. Дюндель сообразил, что девушка приняла их за небольшую группу. Боясь, что

Антоху выгонят, он поспешно произнёс:

– Наш коллектив называется «Суровая Мошонка».

Зумбулянка внесла их данные в голографический бланк. Дюнделю показалось, что он уже видел её ранее. Возможно, она была одной из тех, за кем пытался ухаживать неумелый Фридрих – как раз тогда, когда они вчетвером ходили в «Золотую клетку».

– Давайте сюда ваши радужки.

С этими словами зумбулянка встала и взяла со стола иридосканер – продолговатый предмет на толстой рукоятке. Каждый из ребят по очереди подставил ей оба глаза.

– Теперь верните мне визитку маэстро Харальдюфа, – сказала она после всех необходимых процедур.

– А как же мы попадём на прослушивание? – испуганно спросил Дюндель.

– Не волнуйтесь, вас пустят по данным сканирования, – улыбнулась зумбулянка. – Прослушивание состоится четвёртого шопенгауэра в пятнадцать часов шестьдесят пять минут.

– Это же через целых три дня! – возмутился елдыринец. – А раньше нельзя прослушаться?

Зумбулянка снова улыбнулась: до чего же забавный парень.

– Ну и календарь у этих мундиморийцев, – мрачно заметил Антоха, когда они с Дюнделем вышли из здания. – Шопенгауэра какого-то придумали – еле выговоришь. То ли де-

ло у нас на Кривощце: теплыбрь, дождибрь, депрессябрь, морозябрь...

– Ага, – согласился Дюндель. – В дождибрь хорошо грибы собирать ...

Сердце Антохи сжалось от невольного воспоминания. в дождибрь его мать всегда закатывала разносолы. А ещё приходил дядя Кеша: в доме у Гоблиновича было нетоплено, и иногда он ночевал у сестры. Тогда Антоха украдкой носил в гараж солёные вешенки, и они с друзьями закусывали ими «Саню Бумера». Играла душевная музыка – шансон или рэпчик; на улице было слякотно и мерзко, а у ребят – сухо и тепло. Домой возвращались через пустырь, поэтому в гараже всегда стояла лишняя пара резиновых сапог. Она, наверное, до сих пор там стоит – в гараже...

Пытаясь побороть невыносимую горечь, Антоха зашагал быстрее. Дюндель невольно засеменил следом. Трое суток им предстояло бродяжничать, скитаясь по чужому городу. Сектор Ада-Лавлейс выглядел ещё наряднее того места, где жил Фридрих. Где-то высоко – между небоскрёбами – проходила аэротрасса; повсюду были офисные здания, кафе, рестораны, дорогие бутики. Местные новости вещали с огромных мониторов; иногда они прерывались на социальную рекламу. «Муж-добытчик, жена-домработница – идеальная семья!» – провозглашали электронные плакаты. Многие дома были украшены лепниной и одновременно имели аэропарковки. Их то и дело сменяли зеркальные строения в стиле

позднего постмодернизма, и на каждом этаже красовались цветущие террасы.

– Да уж, – усмехнулся Антоха, – в таком райончике бомжам не рады...

Ребята шли по дороге и тарасились на всё подряд. Мимо проносились остроносые автомобили, громоздкие аккубусы и ещё какие-то продолговатые фургоны. Глядя на них, друзья рассуждали, как работают эти штуки.

– Народ здесь пафосный, – заметил Дюндель. – Сразу видно, зарплаты хорошие.

– А по-моему, все они на гомиков похожи, – брезгливо отозвался Антоха.

Прохожие пестрели разнообразием нарядов: мундиморийцы в строгих костюмах, зумбуляне в ярких кедах, ириасцы в шароварах с громоздкими цепями... Особый интерес ребят вызывали, конечно, девушки. Это было настоящее пиршество для глаз – почти как в «Золотой клетке»: изящные платья, открытые ноги, витые локоны, богатые кружева, мудрёные ботинки... Иногда попадались такие же красивые и элегантные женщины, как Марго и Фрида. На них друзья не смотрели: слишком живо было воспоминание о недавнем фиаско.

Весь день прошёл в праздном шатании. Оба елдыринца устали и проголодались. Денег было в обрез; ребята сэкономили их на тот случай, если прослушивание пройдёт неудачно. Тогда они планировали ехать в консульство. Чтобы до-

быть себе ужин, друзья решились выступить возле остановки: Дюндель читал рэп, а Антоха собирал деньги в полимерный стаканчик. Это было довольно унижительно. «Ничего, зато мать не узнает», – успокаивал себя елдыринец. Оказалось, что в Каролин-Порко живут высокомерные снобы, среди которых нет-нет да и попадётся добрая душа. Собрав немного денег, ребята зашли в лавку и купили себе поесть.

Темнело, и улицы города становились ещё красивее. Насытившись, елдыринцы бродили в поисках ночлега.

– Слышь, Дюндель, я вот что думаю, – говорил Антоха. – Вот станем звёздами – а вдруг нас генерал тогда выследит?

– Мы Харальдюфа попросим помочь, – отвечал Дюндель. – Харальдюф – большая шишка и наверняка может всё что угодно.

Воздух уже не пьянил, а потрясения сгладились. Привыкая к шумной жизни оживлённого мегаполиса, ребята замечали то, чего не видели раньше. К примеру, внимание Дюнделя привлёк автомат с напитками.

– Посмотрим, что за ерундовина? – предложил он другу.

Ребята много раз видели подобные автоматы на улице, но никогда ими не пользовались. Штука выглядела крайне любопытно. Подойдя ближе, друзья принялись рассматривать красочную жестянку со множеством ярких символов. Меню, впрочем, было довольно стандартное: стесняшки, горячий кофечай и сладкая вода.

– Ух ты не фига ж себе! – возмутился Антоха, увидев це-

ну. – «Всё по двадцать пять космотугриков» – они что, суду-
рели?

– Смотри, здесь ещё сказано «Товар можно приобрести за
один карло-саган чистого энтузиазма»...

Переглянувшись, друзья продолжали пялиться на яркие
буквы. О чистом энтузиазме они уже слышали на борту ко-
рабля Хельмимиры, однако это воспоминание было напрочь
забито последующими невзгодами. Ни в одном из фильмов
или сериалов елдыринцам не попадалось ничего подобного.
Помимо платёжного сканера и терминала для наличных, на
панели машины была ещё одна ячейка с указателем «Вставь-
те палец руки»... Недолго думая, Дюндель подошёл и засу-
нул туда мизинец: его, если что, было не жаль.

Раздался негромкий звук, и на экране автомата появилась
надпись «Выберите товар». От неожиданности ребята слег-
ка вздрогнули, однако Антоха не растерялся и выбрал слад-
кую воду. Внезапно что-то схватило Дюнделя за мизинец, и
он как будто оказался в каучуковых тисках... Несчастный
громко вскрикнул и попытался освободиться, однако авто-
мат зажал его ещё сильнее.

– Отпусти меня, сволочь! – испуганно вопил Дюндель,
бессмысленно дёргая пойманную руку.

Пытаясь помочь, Антоха несколько раз ударил прокля-
тую машину. Внезапно Дюндель почувствовал, как у него
потемнело в глазах... В одно мгновение хватка ослабла. Ав-
томат буднично загудел, а внутри него послышалось негром-

кое журчание сладкой воды.

– Что это, мать его, было?! – воскликнул Дюндель, рассматривая покрасневший палец.

Антоха таращился на него ошарашенным взглядом. Заметив, что внутри автомата появился какой-то предмет, он аккуратно отодвинул заслонку...

– Не лезь туда, идиот! – закричал Дюндель. – Оно сожрать меня пыталось!

В камере автомата стоял обычный стакан со сладкой водой. Мучаясь от любопытства, Антоха быстро схватил его – так, чтобы чёртова машина не успела оттяпать ему руку. Заслонка, впрочем, не думала падать. Поднеся лимонад к носу, елдыринец задумчиво принялся... Лимонад как лимонад – ничего особенного.

– Брось его! – посоветовал Дюндель.

Несмотря на предостережение, Антоха всё же попробовал воду губами, а затем и сделал глоток. Дюндель напряжённо стоял, ожидая вердикта. В глазах его застыло негодование.

– Слышь, – обратился к нему Антоха, – они нам, походу, лимонад нахаляву дали.

Мизинец Дюнделя перестал болеть почти сразу. Весь остаток вечера елдыринцы обсуждали странный случай, дивясь необыкновенной щедрости имперских властей. «Вот бы и у нас так было!» – мечтали друзья. Они решили хорошенько выспаться в сквере, а утром исследовать окрестности. Тогда, возможно, повезёт найти другие автоматы, в которых бу-

дет продаваться что-нибудь посытнее.

Ночная прохлада окутала город своим приятным дыханием. В сквере было тихо – несмотря на то, что совсем недалеко проходила дорога. Высокомерная Ада-Лавлейс в конечном итоге оказалась гостеприимной хозяйкой: она дала измождённым путникам и еду, и ночлег. Отыскав подходящую лавочку, друзья решили спать по очереди, чтобы не попасться патрульным. Сперва прилёг Антоха. Его товарищ расстелил толстовку прямо на земле и, опершись о ножку скамьи, погрузился в свои мысли. Иногда мимо него проходили запоздавшие конторщики и влюблённые пары. Дюндель почему-то стеснялся их взглядов и не мог спокойно спать, зная, что кто-то бродит поблизости. К тому же, он всегда считал, что под утро спится лучше.

«Интересно, – рассуждал елдыринец, – а что такое «чистый энтузиазм» и почему он измеряется в карло-саганах? Если за него мне дали целый стакан лимонада, то он у меня точно есть... Что же у меня есть такое, о чём я не знаю? Может, в каком-нибудь кафе или ресторане нас опять покормят за чистый энтузиазм?»

Понемногу на Дюнделя начала накатывать усталость. Глаза слипались, а мысли становились всё более спутанными. Ему до смерти хотелось перечитать стихи, однако он знал, что на этой планете поэзия запрещена. «А ведь было бы так хорошо, – мечтательно усмехнулся Дюндель. – Тёплая ночь, тихий парк, душевные стихи... А рядом – Гвендельфина Ку-

колка».

Прохожих становилось всё меньше. Как-то незаметно для себя Дюндель уснул. Проваливаясь в пустоту, он пробовал зацепиться за край реальности – и потерпел неудачу. Сон был тяжёлый и тёмный, как пасмурное утро: вокруг стоял холодный старокозлищенский депрессябрь, листья давно осыпались с деревьев, а стёкла домов то и дело дрожали от ветра. Дюндель сидел на лавочке возле своего дома и вдруг увидел, как из соседнего подъезда вышел Готфрид. «Странно, – подумал Дюндель, – ведь уже давно не сезон собирать грибы... Может, остались ещё какие-нибудь поздние депрессята?» Внезапно мундимориец повернул голову и направился в сторону Дюнделя. Готфрид двигался коряво – как в замедленной съёмке – но эта нелепость придавала его походке нечто ужасающее. Задыхаясь от страха, Дюндель бросился бежать, а Готфрид смеялся и что-то кричал ему вдогонку... «Ощущается чутким хребтом! Оживает бесплотный фантом!» – доносилось до сознания Дюнделя, но это, наверное, был просто шум оживлённой улицы...

– Вставай, скотина! – услышал Дюндель откуда-то издалека. – Просыпайся, кому говорят!

Сильный удар заставил его очнуться. Открыв глаза, елдыринец увидел вокруг скамейки пятерых гуманоидов. Двое из них стащили Антоху на землю. Матерясь, он попытался встать, но его снова сбили. Не понимая, что происходит, Дюндель поднял голову – и тут же сполз ещё ниже... Перед

ним стоял никто иной, как Джо Стальной Хрен.

– Вот так встреча, – нехорошо улыбнулся метис. – Попались, голубки!

От испуга Дюндель безотчётно затрепыхался, но его тут же вернули на место ударом в грудь. На самом деле – то есть по документам – Джо Стального Хрена звали Агафен Портянкин. В будние дни он работал на добыче ценного камня. Это была довольно прибыльная и абсолютно не романтическая профессия. Зато выходные были для Джо настоящей отдушиной. Представляя себя крутым, опасным бандитом, он пропивал все деньги, которые оставались у него после выплаты алиментов. Однако, соблазняясь криминальной романтикой, он время от времени позволял себе мелкое хулиганство. Полгода назад его даже посадили на несколько суток, и теперь он хвастался этим при каждом удобном случае.

Сегодня Джо со своими «хоммиз» выпили по большому стакану пива и отправились на поиски приключений. Проходя через парк, они обнаружили там два тела. Оказавшись рядом с ними, Джо не поверил своему счастью: на земле спал тот самый умник, что выиграл у него в «Золотой клетке»! Он был абсолютно беззащитен, и это позволяло отыгаться.

– Я думал, жмурики, – намешливо сказал Джо, оглядывая Дюнделя сверху. – Ну, и что нам теперь с вами делать?

– Мужики... – робко попросил Дюндель. – Отпустите, а? Будьте людьми...

Гуманоиды рассмеялись. Антоха посмотрел на друга со

злостью. Банда состояла из двух метисов, двух ириасцев и одного качкоида. Последний даже не догадывался о том, что Стальной Хрен втайне считает его своим телохранителем.

– Отпустить, говоришь? – издевательски скалился Джо. – Почему это я должен тебя отпустить?

Дюндель молчал, пытаясь выдумать причину. В это время Джо размышлял о том, каким же способом лучше унижить выскочек. Ему хотелось бы сделать это жёстко – и в то же время совсем не хотелось угодить за решётку. То есть, это конечно круто – быть реальным бандитом... но только так, чтобы оставаться при этом на свободе и в безопасности. Понимая, что должен вести себя, как в бандитских фильмах, Джо пафосно произнёс:

– Ты кем, сука, себя возомнил? Ты, падла, и впрямь считаешь, что твой рэп круче моего?!

Дюндель смотрел, недоуменно хлопая глазами.

– Наверное, нет, – ответил елдыринец. – Ты ведь не хуже меня тогда выступил... Я даже был уверен, что ты выиграешь.

От такого нехитрого ответа Джо Стальной Хрен смутился.

– А ты, вижу, сволочь языкастая, – произнёс он, решив, что Дюндель попросту издевается. – Зубы острить не мешают?

– Вроде, не мешают, – отозвался Дюндель, пожав плечами. «Бандиты» опять рассмеялись.

– Это ж просто дурак малохольный, – сказал один из них,

обращаясь к Джо. – Оставь ты его в покое.

– Этот дурак мне канистру пива должен, – сердито ответил Стальной Хрен, не отрывая взгляда от елдыринцев. – А ну гони сюда мою канистру!

– Нет её... – вздохнул Дюндель. – Выпили...

Приятели Джо в очередной раз покатались от хохота. Никто, кроме самого Стального Хрена, не воспринимал ситуацию всерьёз. Антоха умудрился подняться и теперь сидел прямо на земле перед скамейкой. Всё это время он с отвращением следил за разговором Дюнделя и Джо, ожидая расправы. Однако с расправой «бандиты» не торопились; вместо неё было одно только гадкое издевательство. В этот момент Антоха стыдился своего друга: безобидные реплики только усугубляли его злобу. Сжав челюсти, он терпел – терпел, ненавидя своё тошное бессилие.

– Коммуникатор есть? – спросил Джо.

– Нету, – ответил Дюндель.

– А если найду?

Дюнделю вспомнилось, как перед самым отлётом с Кривоцыцы они точно так же отобрали коммуникатор у одного «лоха» – тощего студента-первокурсника. Это был первый раз, когда елдыринский рэпер участвовал в ограблении. Говорил в основном Антоха; Дюндель же выполнял роль молчаливого подельника. Невезучий паренёк – видно, из какой-то деревни – безропотно отдал свой новенький гаджет. Вспоминая об этом, Дюндель чувствовал смутный стыд. Уже

тогда ему было немного не по себе, но приходилось подавлять смущение: он, как-никак, «реальный бандит». Теперь же, когда он стоял перед пятью накаченными гуманоидами, от крутизны не осталось и следа.

– А ну выворачивайте карманы! – скомандовал Джо.

Не говоря ни слова, Дюндель запустил руки в толстовку и вытащил оттуда всё, что было там ценного... На ладони лежали книги – стихи древних поэтов.

– Это что ещё такое? – спросил Джо, хватая добычу.

Он активировал одну из голограмм и пролистал её до середины.

– Это, по-моему, запрещёнка, – заметил второй метис.

– А ты откуда знаешь? – резко спросил Джо, оборачиваясь.

– Знаю потому что знаю, – сказал собеседник. – А ещё знаю, где эту хрень можно загнать.

Оглядев обоих елдыринцев, Джо ехидно ухмыльнулся.

– Что, правда? – с издёвкой произнёс он. – Может, лучше проводим наших друзей в комиссариат?

Антоха похолодел от ужаса: угодить за решётку в чужой стране ему не хотелось. Был, разумеется, крохотный шанс, что их с Дюндедем депортируют. Воспоминание о гараже и дядьке больно резануло память: если он отправится домой, то всё будет кончено.

– Ну, голубки, – измывался Джо, – хотите в исправительное учреждение?

– Ты б ещё в Тайный Комитет с ними сволочился, – неожиданно произнёс качкоид, который стоял немного поодаль. – Серьёзно, парни, мне охота поскорее нажраться, а не торчать здесь с двумя имбецилами.

Его поддержал ириасец. Чувствуя бунт на корабле, Джо стал продумывать суровый и пафосный способ оставить несчастных в покое.

– Повезло вам, голуби, что у меня нет времени на мелкую шпану вроде вас, – произнёс он крутым и brutальным тоном. – Катитесь отсюда и больше не попадайтесь мне на глаза, а иначе...

Понимая, что от него отстанут, Антоха вздохнул с облегчением. Дюндель слушал, хлопая ресницами. Он всё ещё не мог принять утрату стихов – так, будто они были его ключом к спасению. Если бы он мог, то отдал бы Джо Стальному Хрену любой коммуникатор – только бы получить книги обратно. Однако, увы, коммуникатора у елдыринцев не было.

– ... переломаю вам все кости, понятно? – говорил Стальной Хрен, увлечённый собственной крутостью. – Пожалеете, обсоски, что вообще родились...

– А что это там, вдалеке? – неожиданно спросил Дюндель.

Обернувшись, Джо и его друзья увидели вертикальный луч света. Начинаясь он где-то над кронами деревьев, а заканчивался в густой листве. Медленно двигаясь, он становился всё ближе.

– Вашу ж мать! – выругался тот самый ириасец, который

хотел поскорее убраться из сквера. – Только патрульного дрона здесь не хватало!

– И что? – бесстрашно заявил Джо Стальной Хрен. – Мы ничего не нарушаем!

– По-моему, ребята, надо валить, – констатировал метис – тот самый, что разбирался в запрещённой литературе.

Несколько гуманоидов молча повернулись и, как ни в чём не бывало, пошли по аллее самым беззаботным, прогулочным шагом. Делать было нечего; сердито посмотрев на Дюнделя в последний раз, Джо поплёлся за ними. «Не фартануло, – грустно подумал елдыринец. – С другой стороны, хорошо, что со мной не было визитки Харальдюфа».

Тем временем, луч приближался. Сначала ребята не знали, что делать, но потом поняли: генерал может искать их различными способами. «Если попадёмся на камеру этой дурь – всё, пиши пропало: придут за нами наши мордовороты», – сказал Антоха. Ребята свернули на газон и быстро зашагали прочь.

Прятаться было негде: повсюду стояли карликовые деревья, за которыми виднелась полоса дороги. Через некоторое время Антоха обернулся и заметил, что беспилотник значительно ускорил движение. Аппарат, похоже, видел их спины.

– Вот дерьмо! – в сердцах выругался Антоха. – Сработали какие-то датчики!

– Зря мы с тобой на газон полезли, – с досадой отозвался Дюндель.

Инстинкт подсказывал ребятам уносить ноги от «мусоров». Не оглядываясь, друзья побежали. По счастью, забора не было; когда закончился сквер, елдыринцы оказались у дороги.

– Быстрее, в переход! – крикнул Антоха, заметив значок подземки.

Дюндель обернулся.

– Смотри, – неожиданно произнёс он, остановившись. – Дура, похоже, отстала...

Приблизившись к окраине сквера, беспилоник повернул на девяносто градусов, после чего принялся «ощупывать» следующий квадрат своей территории. Он, похоже, не был запрограммирован её покидать. Подобные дроны выпускались не для того, чтобы ловить настоящих преступников, а скорее для распугивания мелкого хулиганья. Данные камер поступали к дежурному; иногда по ним определяли тех, кто неправильно припарковался. Если удавалось засечь что-то подозрительное в каком-либо участке, туда немедленно отправляли патруль.

Оказавшись на противоположной стороне дороги, елдыринцы всё ещё старались идти быстрым шагом. Иногда они смотрели назад, боясь увидеть там очередной дрон. Лишь спустя несколько кварталов им удалось немного успокоиться. Друзья не заметили, как снова оказались в центре ночной жизни: повсюду были открыты нарядные террасы местных заведений. Сонливости как не бывало; елдыринцы шли по

городу и вспоминали «Золотую клетку»... Теперь, однако, это воспоминание было омрачено горьким осадком недавнего позора.

Они долго бродили по городу, не зная, где провести остаток ночи. «Богемный» район сменился спальным. Антоха предложил заглянуть в какой-нибудь двор, но жилые комплексы были ограждены и хорошо охранялись. Ночевать на остановке было также нельзя: туда пускали только по билету. «Понастроили, – сетовал Антоха. – Нормальным пацанам и приткнуться негде».

В конце концов друзья вышли на набережную. По дороге им повезло встретить автомат и взять там по стакану горячего кофечая. Спустившись к воде, они уселись на корточки – прямо под каменным парашетом. Озеро Ада-Лавлейс, закопанное в глыбы цивилизации, было неподвижно-гладким. На противоположной стороне подсвечивалось огромное здание шикарной гостиницы.

– Слышь, Антоха... – негромко произнёс Дюндель.

– Чё? – равнодушно отозвался Антоха, уставившись в пустоту.

– Мы, получается, лохи теперь, да? Нас вроде как поимели...

Антоха горько усмехнулся.

– Ты, главное, никому об этом не рассказывай, – посоветовал он. – Скажи спасибо, что бабки при нас и морды целы.

– Это точно... – согласился Дюндель, вспомнив, что по-

слезавтра ему придётся торговать лицом на прослушивании у известного продюсера. Преребирая тексты своих песен, Дюндель устыдился. Теперь, наконец было ясно, что вся его бравада на самом деле не стоит абсолютно ничего.

– Антоха... – снова позвал Дюндель, кидая мелкий камешек в пустой стакан.

– Чё? – всё так же безразлично отозвался Антоха.

– А как думаешь, наши мордовороты поимели бы Джо, например, или того ириасца?

– Ясное дело, поимели бы, – с уверенностью произнёс Антоха. – Они ж военные. Их, видать, в специальных лагерях обучают.

– А есть во вселенной тот, кто поимел бы мордоворотов? – не унимался Дюндель.

– Понятно, что есть. Когда мы с тобой сбежали, генерал их точно поимел как надо.

– Ну, а самого генерала кто имеет? Император?

– Скорее всего, он. Больше никому.

– А императора тогда кто?

Антоха задумался.

– Ну, императора, выходит, никто, – произнёс он после паузы. – Разве что сама жизнь... Она всех имеет, без разбору...

– Да нет же! Я говорю, если б император оказался у нас на районе, и никто бы не знал, что он император...

– А, – понимающе потянул Антоха. – Тогда и мы с паца-

нами его поймали бы. Долго, что ль?

Круг замкнулся. Над ним, как водится, стояла сама Жизнь.

– Антоха, я вот что думаю, – тихо произнёс Дюндель. – Вот скажи мне: чего стоит крутизна, если обязательно найдётся тот, кто тебя поймает?

– Ну ты дурень! – рассмеялся Антоха. – Смысл не в том, кто тебя поймает. Смысл в том, чтоб сам ты мог поймать хоть кого-нибудь.

– Хорошо, допустим... Но мы ведь поймали того лоха в Старокозлиценске. И разве нам от этого легче, когда поймали нас самих?

Стояла глубокая ночь. На озеро опустилась лёгкая дымка. Под парашютом было довольно прохладно, и всё же это место вполне годилось для ночлега. Не опасаясь простудиться, ребята легли на песок – туда, куда не добрался камень. Подложив под голову свою толстовку, Дюндель думал о том, чего же на самом деле стоит пацанская крутизна. Если она так сильно зависит от обстоятельств, то, может, вообще не следует возводить её в культ? И, если всё так относительно – тогда зачем делать её смыслом жизни и творчества?

Утро согрело набережную – а с нею и несчастных елдыринцев. Открыв глаза, Дюндель услышал шаги первых пешеходов и звуки транспорта. Боясь, как бы их не обнаружили, он разбудил Антоху. Друзья решили позавтракать – благо, счастливый автомат был совсем рядом. Сидя на лавочке, ре-

бьята пили кофечай, ели конфеты и смотрели на прохожих. При свете дня, в центре оживлённой улицы ночное происшествие казалось Дюнделю дурным сном, который следует забыть поскорее. О нём напоминала разве что печальная пустота в карманах. Благо, некоторые стихи он знал наизусть – и это, пожалуй, было настоящим сокровищем.

Довольно скоро елдыринцы опять проголодались. Антоха предложил пойти и поискать ещё автоматы: возможно, среди них найдутся те, что продают несладкие закуски к пиву. Внезапно Дюндель вспомнил вчерашние размышления в парке.

– А что, – предложил он другу, – если нас с тобой за этот чистый энтузиазм в какой-нибудь харчевне покормят? Хрен его знает, что это такое, но, может, попробуем?

Антоха задумался.

– Ну ты, конечно, голова, – произнёс он, помолчав. – Давай, попробуем.

Сказать по правде, ребята давно мечтали попасть в харчевню: яркие вывески и ароматные запахи манили своей недоступной прелестью, а денег было в обрез. Открытие волшебного автомата перевернуло уличную жизнь Антохи и Дюнделя. Мечтая о вкусной снеди, елдыринцы отправились на поиски приличного заведения. Многие кафе были всё ещё закрыты, однако некоторые уже распахнули свои двери для посетителей. Антоха и Дюндель очень трепетно подошли к выбору харчевни. Туда, где было слишком пафосно, они заходить боялись; в иные же места заходить было попросту

неприятно. В конце концов друзья остановили свой выбор на маленьком ресторане, который назывался «Жемчужина Грушевки».

Оказавшись на входе, ребята немного оробели. «Стремновато», – усмехнулся Дюндель, кивая на тяжёлую старомодную дверь. Осмелев, Антоха взялся за ручку и потянул её на себя. Та, поддавшись, неохотно закрипела, и оба елдыринца оказались в тёмном полуподвальном помещении, обитом деревянными досками. Навстречу вышел молодой парень – официант или администратор.

– Добро пожаловать в «Жемчужину Грушевки», – проговорил он дежурным тоном. – Вы заказывали?

Не зная, что сказать, елдыринцы стушевались. Было прохладно, и отдавало сыростью – несмотря на чистые полы и сухие, белоснежные салфетки из грубой ткани. Почти такими же Дюндель представлял себе портовые кабаки из детских книжек о приключениях.

– Мы эта... – произнёс, наконец, Антоха, – поесть у вас хотим...

– Выбирайте столик, – лаконично отозвался администратор. – Вам всё меню или только первый завтрак?

Елдыринцы присели у окна. Меню им подали с претензией на «солидное заведение» – в виде голограмм. «Странные они, – заметил Дюндель. – Тут у них и «первый завтрак», и «второй обед», и «ночная трапеза»... Нет, чтобы просто пожрать». Названия блюд были приведены на общегуманоид-

ном, однако иногда среди них попадались такие символы, которых не было в Единой Системе Письменности. Благо, картинки говорили красноречивее слов, и от этого слюна текла по подбородку. Еда выглядела потрясающе, а с кухни доносились не менее потрясающие запахи. Спустя некоторое время оттуда снова вышел тот парень, что встретил друзей на входе.

– Уже выбрали? – спросил он, приблизившись к столику.

– Ну, в общем-то, да... – неуверенно произнёс Антоха и, смущаясь, добавил: – Скажите, а здесь у вас только деньгами рассчитываются?

Официант посмотрел на него с удивлением – так, будто елдыринец предложил ему что-то неприличное.

– Мы принимаем имперские космотугрики, – сказал он, помолчав.

– Ясно... – проговорил Антоха. – А за чистый энтузиазм у вас не обслуживают?

На мгновение глаза молодого человека округлились: фраза, очевидно, его ошарашила.

– Не знаю, что сказать, ребята, – произнёс он с какой-то настороженной жалостью. – Вообще, у нас немного не то заведение... Вам, скорее всего, в столовую для нищих.

«Столовыми для нищих» назывались пункты, где кормили за чистый энтузиазм. В каждой зоне Мундиморы, кроме Беатрис-Тинслей, существовало два или три подобных заведения. Обычно туда приходили те, кто страдал наркозависимостью.

мостью, или просто опустившиеся гуманоиды. Елдыринцы, конечно, не догадывались о том, что такие места существуют, и даже приняли фразу официанта за оскорбление.

– Каких ещё нищих?! – воскликнул Антоха. – Ты что, пацан, совсем охренел?

Официант смотрел на него с насмешкой. От обоих ребят воняло.

– А где находится эта столовая? – внезапно спросил Дюндель. – Сами мы не из ваших краёв, и денег у нас действительно немного.

Антоха кинул на Дюнделя взгляд, полный стыда и негодования. Официант, который только что готов был позвать охрану, внезапно смягчился.

– Ладно, ребята, – произнёс он снисходительно. – Подождите, я поговорю с хозяйкой.

Через пару минут из кухни вышла крупная женщина – представительница расы качкоидов. Она, очевидно, успела снять поварской колпак, но не успела снять фартук. Вытирая руки полотенцем, дама неторопливо подошла к столику и, оглядев гостей, властно спросила:

– Чего хотели?

Присмирив, елдыринцы озвучили ей просьбу покормить их за чистый энтузиазм.

– Двадцать пять карло-саганов, с каждого, – нахально заявила она в ответ. – Или выметайтесь отсюда.

Елдыринцы переглянулись: они совсем не понимали,

сколько это – двадцать пять карло-саганов – однако фраза звучала жёстко и угрожающе. Тем не менее, обратной дороги не было, и друзья согласились.

– Пойдём со мной, – сказала им хозяйка и тут же добавила, обращаясь к официанту: – А ты позови Кронхарда, пусть с нами идёт.

Вчетвером они спустились в подвал – женщина, елдыринцы и огромный ниби, тоже в поварском костюме. Его, вероятно, взяли с собой ради безопасности. Пройдя по коридору, хозяйка остановилась около дальней двери и приложила свою радужку к системе иридосканирования. Щёлкнул засов, и дверь открылась. Пропустив остальных вперёд себя, женщина заперлась изнутри.

Это было небольшое складское помещение, посреди которого находился продолговатый ящик с системой проводов и большим сосудом сбоку. У стены стояли какие-то канистры. «Интересно, а что это такое?» – подумал Дюндель. Тем временем хозяйка открыла щиток и включила питание. Внутри ящика мгновенно загорелись светодиоды – так, что от неожиданности елдыринцы отпрянули.

– Кто первый? – спросила женщина.

Антоха браво выступил вперёд.

– Раздевайся, – безразлично сказала дама, после чего направилась к ящику и принялась распутывать какие-то провода.

От такого поворота событий Антоха смутился. Всё это

время ниби стоял у двери. Оглянувшись на него, елдыринец принялся нехотя снимать с себя одежду.

– Поживей, – сказала хозяйка. – Тебе жрать охота или как?

Антоха ускорился. Оставшись в одних трусах, он вопросительно посмотрел на суровую даму.

– Ну, чего стоишь, как вкопанный? – усмехнулась та. – Материализатор готов, подходи. Первый раз, что ли, замужем?

«Замужем» Антоха действительно был впервые. Приблизившись к ящику, елдыринец интуитивно понял, что нужно лечь внутрь. Оказавшись на спине, он взволнованно следил за тем, как хозяйка закрепляет на его теле какие-то провода: два располагались на висках, два – на груди, столько же – в районе живота и на конечностях. Это было похоже на то, как когда-то в городской поликлинике Старокозлиценска ему «снимали» кардиограмму.

– Должно хватить, – сказала женщина, после чего захлопнула крышку. Впрочем, ящик не был герметичным, и под крышкой была широкая щель.

То, что случилось после этого, Антоха предпочёл бы забыть навсегда. Внезапно ящик загудел, и пространство озарилось каким-то необычным светом, источник которого находился как бы везде и одновременно нигде. Присоски мучительно впились в тело елдыринца – и тут же в глазах у него помутнело. Боль, которую он испытал, была нечеловеческой. Хотелось плакать, кричать, биться в крышку материализа-

тора – так, будто на Антоху обрушились все страдания все-ленной. Он пробовал двинуться – и не мог даже пошевелить мизинцем. «Я больше не выдержу», – пронеслось у него в голове. Содрогаясь, он видел, как темнеет пространство над ним – и, внезапно утратив осязание, растворился в каком-то тёмном беспмятстве...

– Он что, вырубился? – донеслось откуда-то издалека.

– Проклятье, – слышался голос хозяйки. – Быстро дай мне аптечку!

Резкий запах аммиака привёл Антоху обратно в чувства. Открыв глаза, он увидел над собой женщину-качкоида.

– Вот дерьмо, – ругалась она, измеряя пульс на его шее. – Понарожают хлюпиков...

– А ты что хотела? – отозвался ниби, который стоял позади. – Они ж истинно люди, из них больше двадцати карло-саганов не достанешь.

– Первый и последний раз я на такое соглашаюсь... Жив, герой?

Антоха смотрел на хозяйку, не чувствуя абсолютно ничего – так, будто его душу высосало с помощью какого-то невероятного насоса. Кое-как ему удалось подняться. Шатаясь, он направился к тому месту, где лежала одежда – и чуть было не упал от бессилия.

– А ты что? – спросила хозяйка, обращаясь к Дюнделю. – Тоже будешь мне в обмороки падать? Предупреждать надо, что такие нежные... Ладно, иди сюда. Достану хоть сколь-

ко-нибудь.

К этому времени Дюндель уже добросовестно снял с себя одежду и теперь стоял в одних трусах, ожидая своей очереди. Беззаботно приблизившись, он лёг в материализатор. Хозяйка проделала с ним то же, что и с Антохой. Когда крышка захлопнулась, он, разумеется, почувствовал боль и страдание – но длилось это сравнительно недолго. Выйдя наружу, Дюндель был напуган, потрясён и обессилен – однако держался неплохо.

– Видишь, – сказала женщина, показывая цифру на панели аппарата, – я добыла из твоего организма всего лишь десять карло-саганов... Так уж и быть, что с тебя возьмёшь? И вообще, скажите мне спасибо, ребятки: в столовой для нищих вас накормили бы хрючевом. А у меня стряпают хорошо и вкусно – не хуже, чем у вашей мамочки.

Воспоминание о матери больно резануло Антоху. Да, она была строга с ним в детстве – и сейчас он попросту боится услышать от неё очередной упрёк... «Заткнись, злобная стерва», – отчаянно думал елдыринец, пытаясь попасть ногой в штанину. Голова трещала, а в глазах двоилось.

– Чистейший, – одобрительно сказала хозяйка, разглядывая ёмкость с энтузиазмом. – Как самогон моего дедушки.

Елдыринцы почти не помнили, как снова оказались за столиком. Женщина велела им заказывать всё, что они пожелают. Ребята смотрели в меню безразлично и тупо: есть им больше не хотелось... Не хотелось вообще ничего.

Столик наполнялся яствами. Помимо того, что выбрали сами гости, хозяйка приготовила для них пару закусок «от шефа». Женщина не обманула: еда в её ресторане и вправду была хороша. Однако елдыринцы не чувствовали вкуса – так, будто их нервные окончания перестали работать. «Какая разница, хручево оно или нет, если всё равно ни черта не понятно?» – думал Дюндель, пережёвывая безвкусную массу.

То, что не доели гости, им аккуратно упаковали с собой. Выйдя из ресторана, Антоха чуть было не выбросил упаковку. «Всё дерьмо», – произнёс елдыринец, горько усмехнувшись. Дюндель вовремя взял у него контейнеры, перевязанные специальным шнуром. Этой снеди могло хватить по крайней мере на день. Ребята пошли по улице Хеди-Ламарр – молча, без всякой цели. Глядя вокруг себя, Дюндель не мог понять, что же с ним не так. Наконец, елдыринец осознал простую и страшную истину: он больше не чувствовал прекрасное.

Несколько часов друзья скитались по городу. Великолепные красоты Каролин-Порко теперь не вызывали у них ни малейшего восхищения, а на девушек ребята и вовсе не смотрели. В какой-то момент Антоха почувствовал себя особенно паршиво, и елдыринцы отправились в парк. Там, несмотря на множество гуляющих, было спокойнее, чем возле дороги. Отыскав подходящую скамейку, ребята опустились туда в изнеможении – так, будто до этого они тяжело работали весь день.

– Эй, – робко произнёс Дюндель, обращаясь к другу, – ты, вообще, как?

Антоха не ответил. Запрокинув голову, он смотрел на небо. Им владели одновременно тоска, равнодушие и чувство безнадеги – причём последнее было таким невыносимым, что хотелось умереть. Антоха пробовал взять себя в руки, однако ничего не выходило. То, что он испытывал, невозможно было контролировать никаким усилием воли. Наконец, ему удалось провалиться в тяжёлый сон – и время от времени он вздрагивал, мучаясь безобразными кошмарами.

Дюндель чувствовал себя получше, но тоже был подавлен. «А нам после сбора энтузиазма даже выходной не дают», – пожаловался официант, когда елдыринцы выходили из ресторана. Не обращая внимания на разговоры прохожих и детские визги, Дюндель пытался собраться с мыслями. По-немногу к нему приходило осознание того, что же такое этот чистый энтузиазм. «Выходит, – рассуждал елдыринец, – работники харчевни тоже иногда отдают свой чистый энтузиазм той поварихе...»

Так прошёл остаток дня. Проснувшись, Антоха чувствовал невыносимую головную боль, и часть космотугриков пришлось потратить на лекарство. Ночевали елдыринцы на заднем дворе какого-то бара, где хозяйничали дроиды-мусорщики. До прослушивания оставалось немного. Хуже всего было то, что, готовясь к выступлению, Дюндель не мог срифмовать ни строчки. Теперь он понимал: намного лучше

выступать на улице, собирая деньги у прохожих, чем отдавать свой чистый энтузиазм за еду.

Глава 14: «Стойло замечательных талантов» и Внутренняя Вагина

Весь последующий день елдыринцы восстанавливали силы. К вечеру Дюндель почувствовал себя намного лучше. В какой-то момент он понял, что к нему возвращается способность создавать. Антоха всё ещё болел. Ребята больше не злоупотребляли «бесплатными» напитками и обходили стороной автоматы. Доедали в основном вчерашнюю еду из харчевни. Когда Дюндель пошёл на поправку, еда начала пропадать гораздо быстрее. Именно тогда он оценил кулинарные способности суровой хозяйки.

Ночь перед прослушиванием была беспокойной. Антоха пытался уснуть на лавочке, в то время как Дюндель перебирал своё творчество в поисках достойной композиции. За последнее время он здорово пересмотрел свои взгляды на искусство. Многие из того, что он создал ранее, больше не казалось ему чем-то стоящим. «Вот я бестолочь!» – ругал себя елдыринец, понимая, сколько времени он потратил впустую. Вместо того, чтобы гулять и развлекаться, Дюндель мог запросто написать текст для прослушивания. С другой стороны, он понимал: всё, что произошло за последние месяцы, явилось источником драгоценного опыта.

Поспать удалось немного. Проснувшись, Дюндель вдруг

вспомнил о том, что выглядит неряшливо и, наверное, воняет.

– Ничего, – усмехнулся Антоха, которому заметно полегчало. – Для мужика это даже сексуально – быть грязным и потным. А вообще, все пацаны от природы красавчики.

Немного успокоившись по поводу своей внешности, Дюндель устроил небольшую репетицию прямо на набережной. Он даже умудрился собрать немного денег, но внезапно пришёл комиссар и спугнул незадачливого артиста. Впрочем, до прослушивания оставалось ещё много времени. Пятнадцать часов было zenитом рабочего дня.

– Тогда-то и встают все эти шишки, – заметил Антоха.

– Чего?! – испуганно воскликнул Дюндель.

– Я говорю, – пояснил Антоха, – что все эти большие продюсеры только в такое время и просыпаются.

По дороге в студию ребята обсуждали своё выступление. Дюндель должен был читать рэп, а Антоха – попросту мычать на заднем фоне. «Тогда все подумают, что ты тоже рэпер», – объяснял Дюндель. Он чудовищно волновался и время от времени умолкал, чтобы додумать новые детали.

Когда вдалеке показался небоскрёб, елдыринцы испуганно притихли. Неумолимой громадой надвигалась их судьба. «Я должен, должен попасть на проект!» – убеждал себя Дюндель, собирая волю в кулак. Антоха был язвителен и безразличен. Приблизившись, ребята увидели длинную очередь: у ворот стояла девушка, которая сверяла данные иридооска-

нирования, а качкоиды обыскивали тех, кто прошёл проверку, и пускали их внутрь. Елдыринцы подошли и встали позади. Когда девушка подозвала их к себе, они заметили на её лице неприязненную гримасу. «Ну и вонища, – произнёс один из охранников. – Угораздило же прийти в таком виде». Женщины-качкоиды обыскивали юных красавиц, жаждущих славы. «Ничего, скоро вас опять облапают», – усмехнулась какая-то дама.

Оказавшись в холле, ребята увидели дроида, который помогал участникам не потеряться. «Помещение концертного зала, второй этаж», – повторял он так, будто его заклинило. Точно такой же робот находился у лифта и указывал путь с помощью несложной карты. Двери концертного зала были распахнуты настежь. Участники могли занимать любые места. Следуя какой-то хулиганской привычке, елдыринцы уселись на последний ряд.

Народ собрался разношёрстный: от ириасцев до зумбулян. Одни вели себя с большим гонором, другие смущались. Все девушки имели внушительный размер груди – иных не регистрировали.

– Хорошо, что пацанам не нужно иметь модельные параметры, – заметил Дюндель. – А то у меня, наверное, не было бы шансов.

Ещё один джоселинский час прошёл в ожидании. В какой-то момент позади ребят послышались громкие шаги. Повернув голову, елдыринский рэпер содрогнулся: по кори-

дору шагал маэстро Харальдюф в окружении свиты. Заметив его, участники мгновенно затихли. Не здороваясь, важные господа прошли в свою ложу. Сердце Дюнделя затрепетало: вот-вот начнётся судьбоносное испытание!

Первыми отбирали девушек. Это было даже не прослушивание, а, скорее, осмотр. Все красавицы раздевались до трусов и подходили к членам жюри. Те, в свою очередь, добросовестно ощупывали их потенциал. Иногда женщин лапали даже охранники.

«Как это, наверное, унижительно, – неожиданно для себя подумал Антоха, – раздеваться у всех на глазах и терпеть чьи-то потные лапы... А вообще, так им и надо, шлюхам. Если хотят прославиться – пускай раздвигают ноги». Мысль о том, почему крутой парень Дюндель не обязан платить бесчестьем за успех, даже не приходила в его белобрысую голову.

Отобрав необходимых участниц, господа продюсеры сообщили им о втором туре состязания. Все девушки обязаны были явиться к гостиничному комплексу «Потаскуево», чтобы члены жюри как следует оценили всю глубину их вокальных данных. «Слава яйцам, что я не баба», – с облегчением подумал Дюндель.

В отличие от прекрасных дам, конкурсанты мужского пола вовсе не должны были раздеваться. Их, похоже, действительно пригласили на прослушивание в прямом смысле этого слова. Оценивая соперников, Дюндель отметил для себя

несколько приличных композиций. Волнуясь, ребята насто-
роженно ждали. Каждый выход мог оказаться их собствен-
ным шансом попасть на сцену.

В какой-то момент ведущий шоу назвал фамилии ребят.
Как бы не готовились елдыринцы, а всё же оба вздрогнули
от неожиданности. Стоя перед жюри, Дюндель смотрел на
Харальдюфа. Он знал, что маэстро не любит бандитскую ро-
мантику, и подготовил для него нечто неординарное – по-
ппури из всех бунтарских композиций, которые он когда-ли-
бо писал.

– Ну, ребята, – произнёс мундимориец, – покажите, на что
способны.

Дюндель поднялся к пульту звукорежиссёра и выбрал себе
нужный бит. «Удобная штука – рэпчик, – подумал он мимо-
ходом. – Всегда можно подстроиться». Вернувшись на сце-
ну, он сделал знак Антохе: пришло время показывать класс.

Два, два, восемь... погнали!

Я всего сам добился,
Я к успеху пришёл!
Мои яйца из стали,
Мои яйца йоу-йоу!

Меня выгнали из школы за то, что я был в подпитии –
Да, да, я такой – я реально дерзкий!

И упомянули отставание в развитии...

Я не знаю, что это, но мой рэпчик зверский!

Мне насрать на общество –
могу насрать в подъезде!

Все вокруг лживые суки –
только мы с пацанами в тренде!

Я бунтарь,
В жопу мне фонарь,
Опасный ублюдок –
Трамвай мне в желудок...

Дюндель замечал, что Харальдюф и другие продюсеры одобрительно кивали в такт его речитативу – и это придавало уверенности. Когда выступление было окончено, к елдыринцам подошёл ассистент маэстро и пригласил их в ложу. «Вы произвели настоящий фурор, – заметил он, таинственно улыбаясь. – Такого отупляющего рэпа здесь давно не слышали».

Ребят повели туда, где находились места для членов жюри. Оказавшись напротив, Дюндель рассматривал их обрюзгшие лица и презрительные глаза. Те, в свою очередь, пялились на него, как на занятную зверушку.

– Весьма недурственно, – произнёс Харальдюф. – Тебя, насколько я помню, нашли в «Золотой клетке»?

Дюндель поспешно подтвердил, что именно там его и «нашли». Это была довольно странная формулировка, но стоило ли обращать внимание на такие мелочи?

– Ты, по-моему, был тогда один... – продолжал маэстро, поглядывая на второго елдыринца. – Что это за парень вместе с тобой?

– Это кореш мой, Антоха, – объяснил Дюндель. – Нам обоим просто жить негде – вот я и взял его бэк-вокалистом. Думал, может у вас на проекте общагу дают.

– Если я вам не нравлюсь, то могу и уйти, – добавил Антоха.

Члены жюри переглянулись. «Нечасто попадаются такие экспонаты», – пробормотал какой-то господин в жилете с высоким воротником. Ребята, похоже, и вправду были натуры творческие.

Значение слова «общага» дошло до Харальдюфа не сразу. Отпустив ребят, он продолжал прослушивание. Когда объявили результаты, имена елдыринцев оказались в списках победителей. «Мы сделали это, сделали!» – радостно прошептал Дюндель, сжимая кулаки. «Сделали-то сделали, – скептически отозвался Антоха. – А жить нам теперь где?»

Ребятам не оставалось ничего, кроме как снова идти к Харальдюфу. На входе в ложу их грубо оттолкнул охранник. «Чувак, пойми, нам реально надо!» – убеждал его Антоха, но качкоид был непреклонен. К счастью для елдыринцев, их заметил помощник маэстро.

– Чего хотели? – спросил он.

– Мы это... – объяснил Антоха. – Нам жить негде. Может, работа есть?

Смущаясь, ребята вкратце рассказали о том, что приехали в Мундимору искать лучшей жизни и потеряли документы. Подкатив глаза, помощник нехотя подошёл к Харальдюфу и повторил их жалкую просьбу. Выслушав его, маэстро улыбнулся: он просто обожал бесправных гуманоидов.

До начала проекта друзей поселили в самом дешёвом номере гостиницы «Потаскуево». За день им приходилось писать около сотни рэп-текстов соответствующего качества. Кормили ребят неплохо – остатками шведского стола. «Ну, хоть энтузиазм сдавать не приходится», – радовались елдыринцы. Однажды им даже пообещали сделать документы. Как только появилась возможность связаться с родными, Антоха и Дюндель отправили им несколько писем.

Проект носил неординарное название «Стойло замечательных талантов». Участников якобы собрали в специальном «общезитии», где они должны были заниматься творчеством. Попутно их заставляли ссориться между собой – так, чтобы шоу напоминало мыльную оперу. Продюсеры знали: аудитория любит дешёвые скандалы и грязное бельё. Раз в неделю организаторы устраивали концерт, на котором участники показывали свои так называемые успехи. После этого один из них обязательно выбывал. Зрительское голосование, разумеется, было полностью поддельным. Проект шёл на ка-

нале Харальдюфа. Он приносил ему немалые деньги и помогал «раскрутить» подопечных. В основном это были дети важных чиновников и элитные эскортницы. Простых парней и девчонок брали туда «на мясо» – так, чтобы было кого выкидывать вначале. Если кто-то хотел задержаться, ему приходилось ездить «на субботники» к Харальдюфу и его друзьям. Подписывая контракт, участники обязывались отработать все деньги, которые вложил в них маэстро.

Антоха выполнял на проекте роль сельского жеребца. По сценарию, он вечно лез в драку, а если противник оказывался сильнее – то неизменно отступал под каким-нибудь тщеславно-трусливым предложением. Зумбулянин по прозвищу «Моня» был постоянной жертвой его травли. Зачастую Антоха запирался в шкафу вместе с какой-нибудь самкой – и эту тему ещё много дней обсасывали скучающие фанаты. Вокальные данные елдыринца были неимоверно плохи. В конце концов его с треском выгнали из «Стойла». Его напарница была следующей. Некоторое время после «Стойла» Антоху таскали по различным шоу. Он ненавидел всю эту мерзость, но участвовать соглашался: нужны были деньги. Харальдюф использовал его и выбросил, как ненужную вещь – и всё-таки не обманул насчёт документов: сразу после отбора Антохе дали вид на жительство. Выйдя из-под опеки маэстро, елдыринец тут же вспомнил про генерала.

– Валить отсюда нужно, – сказал он Дюнделю, прощаясь. – Хорошо ещё, что документы на другое имя. Соберу денег –

домой поеду.

– Подожди, может, вместе свалим, – убеждал его Дюндель. – Мне здесь тоже недолго осталось.

На самом деле он кривил душой: все знали, что после проекта Харальдюф будет его «раскручивать». В конечном итоге так и вышло. Подписывая контракт со студией, наивный Дюндель даже не обратил внимания на формулировку «обязан отработать в течение восьми лет».

«Вот она, удача!» – думал Дюндель, представляя себя звездой межгалактического масштаба. Его жизнь и вправду сильно изменилась: теперь она состояла из долгих, изматывающих репетиций, концертов и вечеринок. Это было время, когда Дюндель чувствовал себя по-настоящему счастливым: он творил, ни в чём не нуждаясь. И не беда, что на жизнь ему давали копейки: нужно ведь с чего-то начинать. В награду за пережитые невзгоды он получил, наконец, то, о чём всегда мечтал: свободу творчества и благодарных фанатов.

Как и Антоха, Дюндель опасался мести генерала. Живя на проекте, он был защищён от внешнего мира толстыми стенами и надёжной охраной. Оказавшись на свободе, елдыринец боялся встречи со старыми знакомыми. Однако вскоре страх улетучился: являясь протеже Харальдюфа, рэпер надеялся на его покровительство. Спустя несколько месяцев Дюндель стал чувствовать себя в городе как дома.

Народная известность пришла довольно скоро. Денег было по-прежнему немного – зато теперь для простого елды-

ринского парня открылись двери в богемную тусовку. Бармены угощали его почти в каждом заведении; богатые гуманитарии звали к себе за стол, а тринадцатилетние девочки писали страстные фанфики. Иногда из рабочей зоны к нему приезжал Антоха, и вместе они шли развлекаться. Ни с кем из популярных исполнителей подружиться не удалось, зато всегда находились подружки.

Однажды во время весёлого рейда по ночным заведениям произошла неожиданная встреча. Как-то случайно Антоха и Дюндель снова оказались в «Золотой клетке». Оба к этому времени были уже пьяны, и страх перед генералом заметно притупился. Пробившись сквозь толпу гостей, они сели за барную стойку. Дюндель рассматривал знакомые интерьеры, чувствуя светлую грусть: отовсюду веяло теплом воспоминаний о первом успехе. «Золотая клетка» принадлежала одному из друзей Харальдюфа, и бармен тотчас же узнал елдыринцев. Рекой потекли напитки и разговоры; две девушки попросили автограф. Забывшись, Дюндель стал рассказывать им какие-то забавные истории. Внезапно кто-то положил руку ему на плечо. Смеясь, елдыринский рэпер повернул голову – и тут же умолк, замерев от ужаса: позади стоял Джо Стальной Хрен.

Заметив его, Антоха вскочил с места. Ошарашенный и смятённый, Дюндель продолжал пялиться; за спиной метиса возвышались его «хоммиз» – те самые, что были тогда в парке.

– Т..тебе чего? – испуганно спросил Дюндель.

– Слышь, бро, – проговорил Стальной Хрен, обдавая собеседника мощным перегаром, – ты это... не злишь на меня, лады?

Едва удерживаясь на ногах, Джо тупо смотрел на Дюнделя стеклянными глазами. Он был мертвецки пьян, как и его собратья. Презрительно хмыкнув, Антоха вернулся на место и как ни в чём не бывало продолжал пить.

– Лады, брат, – произнёс Дюндель, пытаюсь избавиться от неприятного соседства. – Проехали, забыли.

– Точно, брат? – осторожно спросил Джо.

– Точнее некуда, брат, – отозвался Дюндель.

– Дай угощу тебя, брат! – воскликнул Стальной Хрен. – Ты реально талантище, брат!

– Не надо, брат...

– Ты что, не уважаешь меня, брат?

Комедия могла бы продолжаться вечно, однако в какой-то момент Дюндель посмотрел набок – и тотчас же сердце его воспламенилось; вселенная, ослепительно вспыхнув, остро сузилась на единственном создании... Там, у противоположного конца барной стойки, сидела Гвендельфина Куколка.

Это определённо была она; Дюндель узнал её по ярким, словно огромные тёмные вишни, глазам и мягкой, неповторимой линии профиля. Возможно, он почувствовал её каким-то нутром: его мечта, его женщина. Облокотившись, она держала в руках высокий бокал и мечтательно смотрела

на сцену. Девушка была абсолютно одна; в смазанном пространстве около неё Дюндель различал женские силуэты – бледные тени её красоты...

– Нормально, брат, всё в порядке, брат, – пробормотал елдыринец, отстраняя от себя Джо. – Я пойду, брат...

Не отрывая взгляда от Гвендельфины, он медленно встал со стула и, словно под гипнозом, направился к ней.

– Ты куда, брат?! – орал Стальной Хрен.

Дюндель его не слышал – как не услышал изумлённый вопрос Антохи. Гвендельфина сияла где-то впереди, словно самое желанное сокровище. Приближаясь, елдыринец чувствовал неумолимую дрожь во всём теле – так, будто девушка могла лишить его жизни одним своим отказом. Ноги подкашивались, в глазах темнело – и вот, дрожащий и смущённый, Дюндель оказался прямо перед лицом прекрасной незнакомки.

– Привет, – произнёс елдыринец. – Ты очень красивая. Можно тебя угостить?

Гвендельфина окинула его насмешливым, оценивающим взглядом.

– А деньги у тебя есть, малыш? – спросила она приземлённо.

Дюндель поспешно закивал и тотчас же полез в карман, чтобы предъявить ей свои космотугрики.

– Ладно, – снисходительно сказала Гвендельфина. – Купи мне какой-нибудь коктейль и конфеты «Симона де Бовуар».

Конфеты были дорогие, но Дюндель расщедрился на всю коробку. Оценив этот широкий жест, Гвендельфина сделалась приветливей. Желая произвести впечатление, Дюндель рассказал ей о том, что он известный рэпер. Девушка явно заинтересовалась: она писала книги о соблазнении миллионеров, хотя сама их в жизни не видела. «Наконец-то повезло! – думала Гвендельфина, с аппетитом поглощая конфеты. – Не князь, так хоть звезда эстрады».

Из разговора Дюндель понял, что его избранница – духовно богатая дева, которая любит фитнес, шоппинг и увлекается эзотерикой.

– В глубине каждой женщины живёт Внутренняя Вагина, – рассказывала Гвендельфина, в то время как Дюндель таранился на её декольте. – Иногда она играет под дождём. Иногда, закутавшись в тёплый клетчатый плед...

«Она такая умная... – восторженно думал елдыринец. – Я вообще не понимаю, что она говорит».

Антоха, которому пришлось выслушивать пьяные откровения Джо Стального Хрена, завистливо посматривал на сладкую парочку. Дюндель, казалось, напрочь забыл о его существовании.

– ...сейчас многие женщины не знают о своей Внутренней Вагине, – продолжала Гвендельфина. – Они занимаются бизнесом, наукой, работают в сфере высоких технологий – и всё это ведёт к тому, что из их вагины уходит женская энергия. Внутренняя Вагина увядает. Для того, чтобы этого

не происходило, мужчина должен постоянно давать женщине деньги...

– Как интересно! – воскликнул Дюндель. – Ты такая начитанная!

– Я не только начитанная, – похвасталась Гвендельфина, – но и сама пишу книги.

– Вот это да! Я, например, вообще не понимаю, как это возможно – написать целую книгу...

– Это легко. Нужно просто соединять знакомые слова в предложения.

Клуб начинал понемногу пустеть. Стального Хрена давно увели друзья; Антоха нашёл себе симпатичную подружку. Она долго не хотела верить, что он и вправду приятель Суровой Мошонки. Подведя её за руку, Антоха предьявил ей Дюнделя во всей красе.

– Э, чел, – проговорил Антоха, потрясывая друга за локоть. – Домой поедем?

В это время Дюндель, развесив свои доверчивые уши, внимал рассказам о прелестях Внутренней Вагины. Опомнившись, он обернулся. Облик подвыпившего друга вернул его в действительность.

– Домой, говорю, поедем? – не унимался Антоха. – Бери свою тёлку и погнали на хату.

Смутившись, Дюндель обратил свой пылающий взгляд на прекрасное лицо Гвендельфины.

– Малыш... – произнёс он, содрогаясь от волнения. – По-

ехали ко мне?

Отпрянув, Гвендельфина помрачнела.

– Я думала, ты понимаешь, – с обидой проговорила она. – Я порядочная девушка и не буду спать с тобой после клуба!

– Но... я думал... духовная близость... – растерянно бормотал Дюндель, боясь упустить своё счастье.

– Ты можешь пригласить меня на свидание и что-нибудь подарить, – заявила Гвендельфина.

– Хорошо! – обрадовался Дюндель. – Проводить тебя до дома?

В ту ночь он отдал Антохе ключи от своей квартиры и, проводив Гвендельфину, бродил по городу, пытаясь прийти в себя. Неистовое счастье захлестнуло его с головой. Он улыбался прохожим. Когда хмель полностью выветрился из его головы, он всё ещё чувствовал себя опьянённым.

Не проспав и часа, елдыринец отправился на репетицию – и поразил коллег необычными рифмами. Вечером ему нужно было отработать концерт, а после этого он надеялся увидеть Гвендельфину. День прошёл в радостном ожидании. Дюндель был на таком подъёме, что ему удалось привести публику в настоящий восторг, и его не хотели отпускать со сцены. Несколько малолетних фанаток привязались к нему у гримёрной. «А ведь Гвендельфина не младше Марго», – думал смущённый рэпер, убегая от них по коридору.

Перед свиданием он успел заскочить домой.

– Слышь, – пожаловался Антоха, – девки вообще борзые

пошли... Моя подарок требовала. Я ей так и сказал, что бабла у меня нет. А она почему-то свалила...

– Ты не понимаешь, – приводя себя в порядок, отозвался Дюндель. – У ней просто Внутренняя Вагина не расцвела.

Антоха посмотрел на него, как на чокнутого, и отправился восвояси последней электричкой. Вечером Дюндель заехал за Гвендельфиной на аэротакси. Ребята планировали поужинать в кафе и погулять по ночному торговому центру.

– Не думай, что я какая-то меркантильная, – говорила Гвендельфина, примеряя дорогую бижутерию. – Просто когда мужчина дарит женщине подарок, у них синхронизируется энергия. Открываются специальные чакры, и увеличивается связь с Внутренней Вагиной. Чем дороже подарок – тем крепче связь.

«Тогда понятно, почему бабы подарки требуют! – подумал Дюндель. – Это их духовная природа...» В тот вечер он купил Гвендельфине платиновую цепочку и набор жемчужных украшений. Это был его гонорар за несколько шоу. «Женщина, трать свои деньги только на шмотки!» – призывала социальная реклама.

– Моя Внутренняя Вагина рассматривает тебя с явным интересом, – сказала Гвендельфина, счастливо улыбаясь.

Остатки денег ушли на ужин в дорогом ресторане. Сладкую парочку даже фотографировали: творческий тандем пошёл на пользу карьере обоих. Дюндель и Гвендельфина развлекались без памяти. Оба выпили совсем немного – и при этом

чувствовали себя, как на самой безумной вечеринке. Когда под утро модные кафе и магазины стали закрываться на короткий перерыв, девушка поняла, что смертельно устала.

– Отвезти тебя домой? – спросил Дюндель.

Ожидая аэрокоптер, влюблённые стояли на крыше торгового центра. Опьянённый счастьем, Дюндель едва дышал: рядом находилась красивейшая женщина в мире. Её потрясающую близость невозможно было выразить словами; её аромат сводил с ума. Укутавшись в мантию, она с нетерпением посматривала на небо и хмурилась, когда очередное такси подлетало к другой стоянке. Дюндель был вне себя; он всё ещё не верил, что может к ней притронуться.

– Почему ты так сморишь? – спросила девушка, заметив его безумный взгляд. – На мне косметика размазалась?

Внезапно Дюндель взял Гвендельфину за руки и притянул к себе. Содрогаясь от волнения, он рассказал ей о том, как впервые увидел её канал среди множества других; о том, как вдохновился ею во время своего первого выступления; о том, как мечтал о ней в парке под звёздами... Он признался даже в том, что представлял её во время мастурбации.

– Малыш, как романтично... – шептала Гвендельфина, полузакрыв глаза.

Он едва не задохнулся от счастья, когда в такси она позволила ему гладить своё округлое колено. Девушка жила на окраине Каролин-Порко со стороны агрокомплекса. Квартира была маленькая, дряхлая и располагалась в одном из тех

домов, которые часто называют «ульями»: крошечный санузел, тонкие стены и постоянный плач соседского ребёнка.

– Я здесь только временно снимаю, – врала Гвендельфина, пытаясь оправдаться. – В моём пентхаусе ремонт.

Мебель была старая. Все деньги, которые зарабатывала Гвендельфина, уходили на брендовые вещи, дорогие салоны и развлечения «для богатых». Если бы ей не хватало на эти скромные потребности, она взяла бы государственный займ. Несмотря на ветхость и беззвуксицу, обстановка показалась Дюнделю уютно-милой. «Прямо как у нас в Старокозлиценске», – подумал он, разглядывая старомодные вышивки на спинках кресел.

– Хочешь кофечаю, малыш? – гостеприимно спросила Гвендельфина.

Дюндель смущённо согласился. Жилых комнат было всего две: в одной хранился гардероб хозяйки, другая служила одновременно гостиной, спальней и студией для работы. Елдыринец взволнованно опустился на диван, чувствуя при этом что-то наподобие священного трепета: именно здесь Гвендельфина сняла то видео, которое перевернуло его жизнь. «Забавно, – усмехнулся Дюндель, вспоминая дурацкий блог своей возлюбленной. – Неужели она считает меня парнем, с которым не стыдно переспать на первом свидании?»

Гвендельфина вернулась в комнату с подносом, и Дюндель заметил в ней какую-то неуловимую перемену. Она

предстала перед ним босая и немного растрёпанная. Лишившись показного глянца, она была ещё красивее; из-под дешёвого кокетства проступила первобытная, мудрая женственность. Невольно ощутив её нутром, Дюндель почувствовал восторг и вожделение.

– Я сделала без добавок, – сказала Гвендельфина. – Если хочешь – положу пряности.

Волнуясь, Дюндель едва не пролил на себя горячий напиток. Он захотел было спросить про стесняшки, но побоялся испортить впечатление крутого парня: мужик обязан быть каменной стеной, а не соплежум, который добавляет в кофечай пушистые зефирки. «Когда-нибудь я расскажу ей правду», – решил для себя Дюндель. Он так желал её, что готов был казаться кем угодно.

Всё, что выглядело бы заурядным соитием в глазах какого-нибудь изошрённого пошляка, явилось для обезумевшего елдыринца пламенной бездной. Ощущая Гвендельфину каждым своим чувствительным нервом, он подсознательно разгадал её природную искренность и беззаветность – сокровища, спрятанные в тупиках повреждённого разума несчастной. Когда же таинство было окончено, в который раз произошла невольная подмена – и Дюндель, опоённый жарким настоем прелести, не заметил её посреди сияющих граней своего блаженства.

«Моя Внутренняя Вагина танцует краковяк на барной стойке любви», – пробормотала Гвендельфина, провалива-

ясь в глубокий утренний сон. Обезумев, Дюндель рассматривал каждую пору на её смуглом лице – и благодарил судьбу за все невзгоды. В конце концов, оно того стоило.

С утра он снова отправился на репетицию. Чтобы не нарушать драгоценный сон возлюбленной, Дюндель оставил для неё голосовое сообщение через микрофон холодильника. Вечером они пошли в бар, который принадлежал Харальдюфу. Их угощали за счёт заведения. После вечеринки Гвендельфина пожелала осмотреть жилище Дюнделя – и осталась вполне довольна. Квартира, которую он снимал, была похожа на те апартаменты, что Зугард выбил для Фридриха. Желая произвести впечатление, Дюндель соврал о том, что вот-вот собирается выкупить жильё у хозяев. При этом он чувствовал неприятный холодок, но жребий был брошен: Гвендельфина любила успешных, состоятельных мужчин, а не бездомных эмигрантов.

С тех пор влюблённые стали видеться почти каждый день. Это было упоительное время. Иногда, правда, Дюнделю приходилось одалживать деньги или отрабатывать по несколько программ кряду. Зато потом Гвендельфина получала в подарок новую камеру или абонемент в дорогой салон красоты. Антоха, который навещал своего друга всё реже, молча крутил пальцем у виска.

Дюндель понимал, что любит Гвендельфину безумно и безнадёжно – и ничего не мог поделать со своей страстью. Он обожал её в мелочах – когда, бывало, она говорила с ним,

едва проснувшись. Вместе они смотрели комедии господина Какашкинда и весело смеялись над персонажем, который переодевался в пожилую женщину. Если ироничная Марго заставляла Дюнделя чувствовать себя глупо, то Гвендельфина, казалось, нарочно давала ему ощущение превосходства. Крутой рэпер, настоящий бандит, блистательный мачо... И плевать на то, что Дюндель скрывал перед ней свою истинную натуру, боясь показаться слабым.

Однажды он всё-таки решился поделиться с любимой кое-чем сокровенным. Стихи, которые отобрал Джо, до сих пор не давали Дюнделю покоя. «Я должен, должен отыскать их!» – решил для себя Дюндель. Ему невероятно хотелось почитать Гвендельфине Блока, Пастернака и Гумилёва.

Вечером накануне выходного дня елдыринец отправился в «Золотую клетку». Стальной Хрен, как всегда, участвовал в рэп-состязании, и Дюндель даже отдал ему свой голос. «Это мой друган! – вопил Джо, указывая на Дюнделя. – Выпьем, брат?»

Пришлось уступить и пройти с ним за столик. Там сидели всё те же «хоммиз» – угрюмые герои ночного парка. Понимая, что всё панибратство Стального Хрена имеет целью простой выпендрёж, Дюндель выпил с ним пару бокалов трофейного пива.

– Как я выступил, брат? Тебе понравилось, брат? – не унимался, Джо, пьянея. – Может, замолвишь за меня словечко перед продюссером?

Дюндель кивнул. Ему было смешно и вместе с тем противно.

– Послушай, брат, – проговорил Дюндель, когда восторги за столом поутихли. – Я вот что хотел спросить...

Стараясь не вдаваться в детали, елдыринец напомнил собеседнику про книги, которые тот отобрал у него далёкой шопенгауэрской ночью прошлого года. «Мне нужна запрещёнка, брат», – подытожил он со всей откровенностью. Стальной Хрен внимательно выслушал. Некоторое время он молчал, обдумывая, стоит ли давать наводку. «Брат, реально надо», – по-человечески попросил Дюндель.

Джо подозвал второго метиса, которого звали Фернандо, и молча уступил ему своё место рядом с елдыринцем. Дюндель повторил для Фернандо свою просьбу. Усмехнувшись, Фернандо задумался: он явно не доверял малознакомому парню, которого когда-то ограбил. Видя это, Дюндель пообещал Фернандо несколько своих гонораров. Размышляя о том, как бы обставить дело наиболее безопасным образом, метис колебался. Тогда Дюнделю пришлось накинуть ещё пару сотен космотугриков. Добыча выглядела очень жирной – и сердце упрямого Фернандо, наконец, растаяло.

– Так и быть, – произнёс он неохотно. – Постараюсь достать для тебя какую-нибудь запрещёнку. Те самые стихи не обещаю, но что-то похожее точно найду.

Место встречи несколько раз менялось: продавец опасался банальной «подставы». Хотя Фернандо торговал за-

прещёнными книгами отнюдь не впервой. Сделка произошла посредством удалённой ячейки. Дюндель и сам немного струсил, забирая оттуда «товар» – голографическую лайку. Сердце его заходило от счастья: вот-вот он познакомит Гвендельфину с волшебством поэзии!

Достать удалось только Ахматову. Прежде чем показывать стихи девушке, нужно было прочитать их самому. Ёрзя в такси, елдыринец думал только о том, как бы поскорее добраться до дома. Оказавшись, наконец, в квартире, он плотно занавесил шторы и дрожащими руками активировал книгу... Тотчас же его охватило изящное очарование рифмы; забывшись, он растворялся в причудливых оборотах слова и мысли. Это было потрясающе – снова, как в первый раз, встретиться с литературой древних гуманоидов.

«Удивительная точность, – думал Дюндель, – рифма и ритм будто математически выверены». В каждой строфе заключалась гармония и красота. Неспособный добиться её в своих текстах, Дюндель ощущал тупую, бессильную зависть к тем далёким поэтам, что умерли давным-давно. А самым страшным было то, что его чувство к Гвендельфине невозможно было описать стандартным набором «пацанских» фраз. «Как же все эти люди слушают меня и мне подобных, когда существует... *это?*» – думал Дюндель, познав какое-то неведомое откровение. – Возможно, им просто нравится крутой, современный бит»...

Волнуясь, елдыринец ждал возлюбленную. Больше всего

на свете несчастный Дюндель боялся того, что Гвендельфина сочтёт его ботаном и соплежует – и всё же не мог не показать ей стихи. Наконец, она явилась – томная, благоухающая, в стильном бирюзовом платье с пайетками... Он любовался, пока она снимала туфли в прихожей. «Из-за смога перекрыли аэротрассу... Я чуть не умерла, пока ехала наземным транспортом!»

– Малыш, – обратился к ней Дюндель, набравшись смелости, – я хотел бы подарить тебе кое-что необычное.

Улыбаясь, Гвендельфина вошла в комнату – и тут же увидела перед собой активную голограмму, раскрытую над столом.

– Что это? – спросила она.

– Это стихи, – объяснил елдыринец. – Я очень люблю стихи... И вот решил поделиться ими с тобой.

Усевшись на мягкий пуф, Гвендельфина принялась водить глазами от строчки к строчке. Выражение её лица менялось по мере того, как она перелистывала страницы: удивление постепенно оборачивалось тревогой.

– Тебе что, не нравится? – спросил Дюндель, почувствовав неладное.

Гвендельфина не отвечала, продолжая пялиться в текст – и губы её неразборчиво повторяли ахматовские четверостишия. Внезапно она посмотрела на Дюнделя каким-то странным, не в меру осознанным взглядом и тихо произнесла:

– Я помню эти стихи наизусть.

Елдыринец стоял, ошарашенно хлопая глазами. Он знал, что его избранница – высокоинтеллектуальная дива, и всё-таки не ожидал ничего подобного. Реакция Гведельфины здорово смутила беднягу.

– Ну, – проговорил Дюндель, – в следующий раз достану для тебя что-то более оригинальное...

– Нет-нет, мне очень нравится! – успокоила его Гвендельфина. Это было приятно: впервые в жизни она не восприняла подарок как должное.

– Ну, тогда я рад, – сияя, произнёс елдыринец. – А где ты выучила эти стихи?

Гвендельфина нахмурила брови и попыталась собраться с мыслями.

– Я... не помню, – призналась она после короткого молчания. Мысль, которая напряжённо формировалась в её голове, снова расклеилась на мелкие кусочки.

Это был необыкновенно странный вечер. Вместо того, чтобы смотреть очередную комедию господина Какашкинда, влюблённые сидели в тишине и обсуждали творчество Ахматовой. Никогда ещё речь Гвендельфины Куколки не звучала так осмысленно. «Повреждённые связи между клетками головного мозга способны ненадолго восстанавливаться», – скажет по этому поводу принцесса Визулинда.

– Я откуда-то помню, что её мужа и сына арестовало правительство, – грустно сказала девушка.

– За что? – испуганно спросил Дюндель.

– Они были космическими партизанами, – ответила Гвендельфина, усмехнувшись горькой шутке.

– Ну, это вряд ли, – возразил Дюндель. – Космических партизан тогда ещё не изобрели. И вообще, древние гуманоиды могли путешествовать только на соседнюю планету... Какой, спрашивается, из Николая Гумилёва космический партизан? Ерунда получается...

Гвендельфина посмотрела на него каким-то скорбным, сумрачным взглядом и тихо произнесла:

– Разговоры о Внутренней Вагине – вот что действительно ерунда.

Стояла поздняя ночь. Не поднимая штор на окнах, елдыринец включил массивные светильники. Он был здорово озадачен – и одновременно ощущал небывалое упоение: рядом с ним, поджав ноги, сидела улучшенная версия его возлюбленной. Каким-то удивительным образом Гвендельфина открылась в новом свете – и вот, помимо плотского влечения, Дюндель чувствовал близость её души. То, что ранее он воспринимал лишь тонким естеством, теперь, наконец, утвердилось и стало ясно, как день.

Вернувшись за стол, девушка перелистывала книгу. Глядя на неё, Дюндель понимал, что не напрасно затеял покупку запрещённых стихов. «Нужно снова связаться с дилером, – невольно пронеслось у него в голове. – И, в конце концов, для чего мне такой дорогой монитор?»

– Посмотри, – внезапно проговорила Гвендельфина, – вот

это четверостишие... Как ты его понимаешь?

Подойдя ближе, елдыринец наклонился над её плечом. Гвендельфина показывала ему отрывок из известного стихотворения «Мужество».

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

– Ну... даже не знаю, – проговорил Дюндель, почесав затылок. – Здесь явно про какую-то войну...

– Мне кажется, – задумчиво сказала Гвендельфина, – Ахматова пыталась сохранить свою культуру перед лицом чего-то действительно ужасного.

Поздним утром, когда влюблённые проснулись в огромной кровати, от ночного разговора не осталось и следа. Волшебство растаяло. Гвендельфина вела себя, как обычно: разговоры о шмотках, Внутренней Вагине, модных кафе... Увы, даже лучшие образцы поэзии неспособны справиться с тяжёлой степенью лазерной идиотии. Однако, несмотря на чудовищные поражения головного мозга, Гвендельфина понимала: теперь ей будет не так легко говорить на камеру свой псевдоэзотерический вздор.

Глава 15: Тачка, жрачка, колбаса и моральные страдания

За последнее время Дюндель изрядно потратился и был почти на мели. Ему приходилось даже придумывать мифические предлоги для того, чтобы не видеться с Гвендельфиной. Разлука была невыносима, однако Дюндель знал: настоящий мужик не имеет права говорить фразу «у меня нет денег». «Пусть лучше думает, что я по бабам хожу», – решил для себя елдыринец. Сама же гордая Гвендельфина никогда не надоедала избраннику звонками. От этого его бедное сердце рвалось на части: он боялся, что красотка найдёт себе кого-нибудь другого.

Дюндель знал, что концерты приносят хорошую прибыль организаторам. Он получал только малую долю того, что удавалось заработать. В какой-то момент ему это осточертело. «В конце концов, кто здесь рэп-звезда? – возмущался елдыринец, глядя на афиши. – Пойду и потребую у Харальдюфа больше денег!»

Как и все важные чиновники, маэстро жил в Беатрис-Тинслей и появлялся в Каролин-Порко лишь иногда.

– Хочу просить прибавки, – сказал Дюндель своему менеджеру.

– Ишь, какой борзый! – усмехнулся тот. – Ничего ты не

получишь.

Прорваться к Харальдюфу оказалось нелегко. Наконец, Дюнделю это всё же удалось. Оглядывая мраморную роскошь кабинета, бедняга немного оробел.

– Ну, чего ты хочешь? – нетерпеливо спросил Харальдюф, поспешно листая какие-то голограммы. – У меня мало времени.

– Я... это... – произнёс Дюндель, собираясь с мыслями. – Короче, денег не хватает.

Свернув документы, маэстро тотчас же окинул его хлёстким, выразительным взглядом.

– Денег? – проговорил он с притворным удивлением. – Каких ещё денег?

Над кабинетом нависла неловкая тишина. Дюндель смотрел, почти не моргая. Неужели не ясно, каких? Обычных денег – таких, за которые можно купить элегантное манто или сборник стихов Баратынского.

– Хотел бы изменить условия контракта, – пробубнил Дюндель, опустив глаза. – Увеличьте мне процент.

В течение нескольких секунд Харальдюф смотрел на него едким, презрительным взглядом.

– Ах ты ж наглая морда, – произнёс, наконец, маэстро. – Как ты смеешь являться ко мне в кабинет и чего-то требовать?!

Елдыринец сидел, потупившись в узорчатый край стола. Харальдюф заставил его почувствовать себя ничтожеством.

Первой мыслью было уйти, однако что-то удерживало на месте.

– Вспомни, тля, где я тебя нашёл, – произнёс маэстро, желая приструнить музыкантишку. – И ты, гнида, ещё требуешь прибавки? Подумай-ка своим микроскопическим мозгом, сколько времени тебе придётся её отрабатывать!

– В контракте сказано о восьми годах, – упрямо проговорил Дюндель. – Если вы увеличите процент, я могу работать на вас дольше этого срока.

Харальдюф рассмеялся – надменно и уничижительно.

– Я вижу, ты и вправду тупой, – сказал он, понемногу успокаиваясь. – Какие восемь лет? Пройдёт ещё немного – и публика здорово устанет от твоих «пацанских» откровений. Будешь тогда за три копейки на корпоративах выступать... И скажи спасибо, если найдутся олухи, готовые отдавать свои деньги убогому бездарю.

Сердце Дюнделя сжалось от обиды и возмущения. Он вспоминал слова генерала о своём творчестве. Внутри у елдыринца что-то переломилось. Ужас и отчаяние превратились в безрассудную, бессильную, опрометчивую ярость.

– Вы заработали на моих концертах ни один миллион космотугриков, – неожиданно для себя сказал Дюндель. – Так что могли бы и повежливее с «убогим бездарем».

Харальдюф едва не потерял дар речи: презренный червяк посмел дать отпор его хамству. Мелкие глазки маэстро увеличились вдвое; пыхтя, он в бешенстве смотрел на Дюнделя.

– Ах ты жалкое чмо, – проговорил Харальдюф. – Ты, может, ещё и гением себя возомнил? Так вот запомни, шваль: если тебя жрёт тупое быдло – это ещё не значит, что ты талантлив!

Дюндель горько усмехнулся: терять было нечего.

– А вы, как я посмотрю, уважаете публику, – произнёс елдыринец.

– Ты идиот, – сказал маэстро, нажимая на кнопку вызова охраны. – Публика, которая готова потреблять что угодно, не заслуживает никакого уважения.

Крепкие ребята вышвырнули Дюнделя вниз по лестнице. Пока летел, он многое понял. Настал момент, которого Дюндель так сильно боялся: пора было признать, что все эти «яйца йоу-йоу» – всего лишь однодневная жвачка для широких масс. Без Харальдюфа он никто, а завтра о нём даже не вспомнят.

Хромая, Дюндель забрался на крышу и вызвал аэротакси. Он, похоже, сильно ушиб поясницу: опыт – штука болезненная. Пролетая над городом, он перебирал тексты собственных песен – и не находил в них ничего, за что могли бы увековечить его потомки. «То ли дело древние поэты, – думал Дюндель. – Они наверняка заслужили бессмертие». Внезапно вспомнились произведения Ахматовой – и тут елдыринец наткнулся на страшную мысль: «Она действительно пыталась защитить свою культуру... от таких, как я».

И вновь помчались безумные дни: концерты, гастроли,

репетиции. Раньше Дюнделю приходилась по вкусу такая жизнь. Даже тогда, когда известность стала рутинной, он по-прежнему чувствовал удовольствие, находясь на сцене. Теперь же всё было иначе; вместо упоительного творческого экстаза бедняга ощущал внутреннюю пустоту. Размышляя над стихами древних поэтов, он стал ненавидеть себя за то, что не может создать ничего достойного. «Много думать вредно, – говорил ему Антоха. – У меня от этого дядька спился». Вместе они вспоминали былые времена и потерянных друзей.

Тем временем продюсеры требовали от рэпера всё больше новых текстов. Однажды на вечеринке для знаменитостей Дюндель встретил эм-си Бездаря. «Я, пока сидел в туалете, сочинил такой удачный альбом!» – похвастался тот. Он, похоже, был под веществами.

За то время, что Дюндель вращался в кругах богемной тусовки, ему пришлось повидать многое. Почти все его знакомые употребляли карфаген и другие наркотики. Для одних это был мощный стимулятор, для других – способ уйти от реальности. Случалось так, что Дюнделю предлагали попробовать, но он отказывался. Влюблённость – ни с чем не сравнимый наркотик. Помимо этого, елдыринец знал: карфаген – удовольствие не из дешёвых... А Гвэндельфине всегда нужны были подарки и развлечения.

Так или иначе, тема стимуляторов ещё никогда не касалась Дюнделя напрямую. Ни с кем из знаменитостей он не

дружил, на вечеринках бывал нечасто. Поэтому, наверное, те продавцы, которые обслуживали звёзд, не имели доступа к доверчивым ушам рэпера. Всё поменялось, когда в один прекрасный день его менеджер Феликс – тощая помесь мунди-морийки и зумбулянина – предложил ему «чудесную» таблетку.

– Я вижу, ты стал занудой, – сказал он как бы в шутку. – Знаешь, у любого творческого человека в какой-то момент наступает кризис. И тогда он не может обходиться без... своего рода стимуляции. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю, – покладисто ответил Дюндель.

– Так вот, – продолжал Феликс, протягивая елдыринцу небольшой пакет, – это от Харальдюфа. Ему жаль, что всё так вышло у него в кабинете.

Дюндель недоуменно уставился на странный подарок.

– Но у меня нет денег... – растерянно произнёс он.

– Денег не нужно. Просто положи это под язык и напиши ещё парочку хитовых композиций.

В пакете, очевидно, был карфаген. Дюндель давно слышал о его необыкновенных свойствах: якобы все великие произведения создавались «под таблеткой». А ещё он помнил, что когда-то на Кривоцице в доме его родителей жила чета наркоманов: страшная, как сметный грех, бабища и её опустившийся хахаль. Бабища зарабатывала проституцией, а безработный хахаль избивал её каждые выходные. Потом кабальеро скончался от гепатита зю, а подругу забрали в дис-

пансер. Эта история заставила Дюнделя усомниться в том, что наркотики делают людей гениальными.

И всё же подарок пришлось принять. Дюнделя терзали смутные сомнения: он знал о том, до чего доводит наркомания, и пробовать ему не хотелось... Но одна только возможность создать что-то потрясающее заслоняла собой любые угрозы. Однажды, когда все попытки написать приличную песню оказались особенно бесплодны, Дюндель, в конце концов, решился на опасный эксперимент. «Во имя искусства – это не наркомания!» – утешал себя елдыринец, глотая таблетку.

Совсем скоро его настроение переменилось. Не в силах сдерживать свой душевный подъём, Дюндель ходил по квартире и говорил сам с собою. Из этого получился неплохой рэп – и счастливый елдыринец тут же бросился его записывать. «Я величайший рэпер во вселенной! – думал бедняга, задыхаясь от какого-то невероятного ликования. – Тачка, жрачка, колбаса – мы танцуем три часа... Это, мать его, гениально!»

Так было написано ещё несколько куплетов. «Какую же ноту выбрать для своей композиции? – мучительно думал Дюндель. – До, ре, ми... или, может, ля?» Никогда ещё Дюндель не был настолько окрылён творчеством. Рифмы так и ложились в единый, потрясающий текст: «Я сегодня очень крут – мне ботинки вообще не жмут... Грязные танцы на подоконнике – мы как будто в зелёном слонике...» Закон-

чив свой шедевр, Дюндель решил немедленно отправить его Феликсу: «Лови крутой новый трек, братюня... Это просто улёт!»

Его трясло ещё несколько часов. Под утро он стал немного приходить в себя: по крайней мере, перестали колотиться руки. «Как бы не спалиться, что я упорот?» – думал Дюндель, направляясь на репетицию. Ему хотелось, чтобы все считали его невероятно талантливым. Когда беднягу, наконец, «отпустило», мучительная правда жизни опять явилась ему во всей печальной ясности... То, что он написал «под кайфом», никуда не годилось.

К этому времени Дюндель заметно устал и едва держался на ногах. Содрогаясь от невыносимого стыда за свою ночную выходку, он решил объясниться с менеджером. «Как бы к нему подойти? Я, походу, кусок дебилоида».

Феликс встретил его на удивление дружелюбно.

– Слышь, бро... – несмело начал Дюндель. – Я это... короче, фигню тебе случайно прислал...

– Какую? – спросил Феликс.

– Ну... я просто вчера был немного обдолбан...

– Бывает. И что?

– Я написал полную ересь. Тот странный файл, который я отправил тебе вчера ночью... удали его, пожалуйста.

Феликс удивлённо посмотрел на Дюнделя и сказал:

– Брат, я уверен, что не получал от тебя никаких странных файлов.

– Что, правда? – обрадовался Дюндель.

– Правда! Мне что, историю сообщений тебе показать?

С души несчастного Дюнделя словно сбросили тяжёлый камень. «Слава искривлению пространства времени! – облегчённо подумал елдыринец. – На этот раз пронесло!»

– Кстати, – проговорил Феликс, – новый трек – просто бомба! Надо попробовать его в студии, с нормальной аранжировкой. Вот увидишь, скоро твоя «Тачка, жрачка, колбаса» взорвёт танцполы!

В одно мгновение Дюндель побледнел от ужаса. «Неужели мне действительно придётся исполнять *это* перед зрителями?» – пронеслось у него в голове. Если бы кто-то из нормальных поэтов написал такую дичь, он бы повесился.

– Я мог бы ещё немного подработать трек, – с надеждой произнёс Дюндель. – Слегка подправить неровности...

– Зачем, бро? – усмехнулся Феликс. – Больше альбомов – больше денег. Так что иди и пиши новые тексты.

Премьера композиции состоялась в «Золотой клетке». В тот вечер цена за вход увеличилась: ещё бы, ведь выступал эм-си Суровая Мошонка! Спускаясь на сцену в специальном аппарате, Дюндель испуганно смотрел на публику: «Неужели, неужели она всё проглотит?» Увы, елдыринец оказался прав: уже к середине припева он видел, что посетители в восторге... Внезапно Дюндель почувствовал: он больше не объединяется с аудиторией. Он просто считает её тупым быдлом. «Ахматова действительно пыталась спасти от меня

свою культуру, – с грустью думал рэпер. – И она проиграла».

Спустя какое-то время «Тачка, жрачка, колбаса» заняла первые строчки всех чартов на Джоселин-Белл-Бернелл. «Это претендует на звание лучшего трека тысячелетия», – с восторгом говорили модные ди-джеи. «От этого, похоже, умирают клетки головного мозга», – с ужасом говорила Хельмимира. Мучаясь от содеянного, Дюндель твёрдо решил больше никогда не употреблять вещества.

Однако, видя успех «Тачки, жрачки», Феликс вновь стал предлагать елдыринцу карфаген – и довольно настойчиво. Понимая, что Харальдюф от него не отстанет, Дюндель брал таблетки – и сбывал их Фернандо. Так у Гвендельфины появился частный летательный аппарат – телекоптер. Она быстро овладела навыками пилота и получила лицензию. Это было совсем не женственно, и Гвендельфина всерьёз испугалась за свою Внутреннюю Вагину.

– Что, если от управления сложной техникой я вдруг превращусь в мужика? – говорила Гвендельфина Дюнделю. – Нужно посвящать больше времени влагалищной медитации. Иногда, когда ты читаешь мне стихи, я почему-то вижу перед собой штурвал. Не знаю, как это объяснить, но я точно помню, что уже летала раньше...

– Как бы там ни было, теперь всё в порядке, милая, – успокаивал её Дюндель. – Твой аппарат розового цвета – а значит, женская энергия в безопасности.

– Постараюсь быть плохим пилотом. Если делать вид, что

ничего не понимаешь, то можно сохранить природную женственность.

– Ты такая мудрая! С тобой я чувствую себя настоящим альфа-самцом...

– Пойду и расскажу об этом в своём блоге!

Несмотря на личное счастье, Дюндель ощущал неудовлетворённость жизнью. Разочарованный в своём творчестве, он жаждал создать что-то действительно стоящее – и не мог найти в себе ту самую искру. Повседневные хлопоты, которые когда-то казались ему такими весёлыми, перестали приносить радость. «Я всего лишь звезда-однодневка, – думал елдыринец. – Исчезну – они и не заметят». Продюсеры требовали новый альбом каждый месяц. Понимая, что народу плевать на художественную ценность, Дюндель писал отборную дичь уже без всяких наркотиков. Сначала он жутко стыдился, а потом привык.

Оглядываясь назад, елдыринец скучал по тем временам, когда всё было легко и просто: он любил выступать, а зрители любили его творчество. Антоха был прав: много думать вредно. Гораздо легче жить по шаблону и мыслить стереотипами. «Хорошо, что я не такой грамотный, как дядя Кеша, – рассуждал Дюндель. – А то давно бы запил».

Стихотворение, с которого начался интерес Дюнделя к поэзии, осталось у Фридриха, однако рэпер помнил его наизусть. Купив себе лайку, он записал туда знакомые строки в виде текстового файла. Со временем Дюндель почтил забыл

о его существовании, однако в один прекрасный день случайно наткнулся на знакомый ярлык. Елдыринец перечитал стихотворение несколько раз – и тут же почувствовал пронзительное укол восторга. Весь последующий день Дюндель был сам не свой. Где-то в глубине его нехитрого естества бродило и зрело то свежее, что он, бывало, испытывал давным-давно – тогда, когда сочинил свой первый рэп и исполнил его друзьям.

В тот вечер Дюндель провёл концерт на удивление душевно. «Откуда же всё-таки берётся вдохновение?» – думал елдыринец по дороге домой. Несмотря на усталость, он был на подъёме. Там, где он выступал, уже стояла глубокая ночь, а в Каролин-Порко всё ещё догорал закат. Отблески небоскрёбов ослепляли его мгновенными вспышками, а розовые облака на красноватом небе миловидно топорщились, укладываясь во взъерошенные миражи. Безумно хотелось увидаться с Гвендельфиной – и плевать на то, что деньги ему обещали только послезавтра... Увы, Гвендельфина была занята на презентации своей новой книги.

Дюндель долго не мог уснуть: непонятно откуда накатывали необыкновенные, отчаянные идеи и рифмы. Наконец, Дюндель он, что не в силах побороть лихорадку своего разума. Какой, к чёрту, сон, когда его распирает от желания написать что-то неслыханное? Эта одержимость – похлеще любого карфагена!

Встав с постели, дюндель направился туда, где обычно

творил: в его квартире была специальная комната, оборудованная под студию. Впервые за долгое время елдыринец чувствовал удовольствие от работы. Строки ложились сами собой; в них было всё, что довелось пережить за последнее время – боль, ярость, разочарование, надежда... В конце концов Дюндель уже не мог контролировать своё исступление, которое кровью сердца лилось из его открытой души...

Внутри клокочет... Выход за грань?

Это не то, чего хочет публика -

Заработаешь, парень, дырку от бублика...

Лучше пиши популярную дрянь.

Кассовый – значит массовый.

Штампуй рифмы, как автомат.

Угождай, ублажай, обсасывай –

Ради того, чтоб вписаться в формат.

Публика – быдло, мозги проштампованы.

Выйти за рамки? Слишком рискованно.

Дели их на группы: это – дядино, это – тётينو,

Каждому – свой кусок стандартной блевотины...

Закончив с текстом, Дюндель положил его на музыку довольно легко. Продукт был неидеален – однако он всё-таки вписывался в теперешние дюндеlevы понятия о качестве. Елдыринец сожалел об упущенном времени; он чудовищно стыдился того, что на полном серьёзе писал в прошлые го-

ды... Сейчас, наконец, ему было не стыдно. Это было для него наградой за стойкость: вместо того, чтобы подсесть на наркотики, он выбрал любовь и поэзию.

Дюндель назвал новую композицию «Прозрение», отослал её Феликсу и отправился в постель. Теперь всё будет иначе. Что бы ни говорили продюсеры – больше никакой халтуры!

Новый день начался особенно радостно. Проснувшись, Дюндель позанимался на тренажёрах, что случалось с ним крайне редко. Собираясь на репетицию, он предвкушал восторги по поводу нового трека. «Это вам не какая-нибудь тачка-жрачка, – смеялся про себя довольный рэпер. – Хотел бы я увидеть лицо Харальдюфа, когда он услышит мой настоящий хит!»

На репетиции Дюндель импровизировал, пытаясь улучшить свои старые тексты. Наконец, настало время триумфа: Дюндель спросил у Феликса, можно ли исполнить «Прозрение» прямо сейчас.

– Пожалуй, не стоит этого делать, – сухо отозвался тот. – Зайди ко мне, когда освободишься.

Обескураженный, Дюндель продолжил репетицию. Он думал только о том, как бы поскорее закончить. Его смутила фраза, которую сказал Феликс. Елдыринец так разволновался, что даже перепутал слова в одном из своих треков – и этого, конечно, никто не заметил. «Возможно, композиция немного сыровата, – рассуждал Дюндель, – и следует подра-

ботать некоторые детали».

Услышав, наконец, долгожданное «все свободны», Дюндель с нетерпением направился к Феликсу.

– Ну что? – спросил он без всяких предисловий. – Понравился новый трек?

Феликс смотрел на него без особого восторга – и елдыринец тут же почувствовал неладное.

– Знаешь, – медленно проговорил менеджер, – боюсь, нам не стоит включать его в программу...

Сердце Дюнделя замерло.

– Почему? – спросил он, побледнев.

– Боюсь, публика не оценит... Ты ведь понимаешь, о чём я.

Дюндель понимал – вернее, смутно чувствовал. Гуманности не любили критику.

– Видишь ли, – продолжал Феликс, – популярность – довольно капризная штука... Публика не терпит, когда кто-то начинает ругать её вкусы. Чтобы удержать аудиторию, нужно делать то, что ей нравится. А твои откровения только отпугнут фанатов. Не обижайся, бро, но трек – неформат. Хочешь заработать? Пиши по-старому.

Дюндель вышел от Феликса потрясённый. Единственное произведение, за которое он мог бы себя уважать, было отвергнуто. «Прав был Антоха, – думал елдыринец, – запрещённые стихи принесли мне одни беды... Но как мне теперь писать по-старому?» Дюндель чувствовал себя так, будто его

карьера окончена. От «пацанских откровений» было тошно. А тем временем трек «Тачка, жрачка и колбаса» признали лучшей песней года.

Тогда-то Дюндель понял, почему в Мундиморе запрещают многие произведения. «Они пытаются создать особую культурную среду, – догадался Дюндель. – Без качественных, талантливых образцов гораздо легче навязать своё – незатейливое и бездарное».

С тех пор бедняге приходилось жить в отвратительной двойственности. Он по-прежнему исполнял свои старые хиты и машинально писал новые: «тачка», «сучка», «бухло», «бабло»... Однако, приходя домой, он украдкой садился за клавиатуру и пытался поймать ноту более тонкого вдохновения. Оно приходило далеко не всегда – зато, приходя, вознаграждало сторицей. Контракт с Харальдюфом запрещал Дюнделю распоряжаться своим творчеством. Стихи и треки елдыринец писал «в стол». Единственными критиками были Антоха и Гвендельфина. Иногда Дюндель размышлял о словах Феликса. «Неужели он действительно прав?» – думал елдыринец. Однако Дюндель чувствовал: среди слушателей найдётся немало тех, кто полюбит его «неформатные» произведения.

Несмотря на то, что Дюндель потерял контакт со своей аудиторией, в его жизни всё ещё оставались две главных ценности: любовь и поэзия. Гвендельфина была его вдохновением. Ему не хватало с ней дружеского плеча, как с Мар-

гаритой, но этот недостаток восполняла страсть. Гвендельфина сводила елдыринца с ума. Лишь иногда, во время чтения стихов, Дюндель мог услышать от неё разумное слово – и тогда между ними случались интересные беседы. Гвендельфина менялась на глазах: её взгляд становился ясным, а речь – осознанной. Эта метаморфоза была недолгой: через несколько часов Гвендельфина вновь превращалась в модную блоггершу. И всё же бедняга Дюндель прощал ей глупость: она ведь женщина, что с неё взять? Ради коротких моментов счастья елдыринец готов был терпеть многое.

В один роковой вечер Дюндель попробовал связаться с возлюбленной – и не получил ответа. Накануне молодые люди договорились встретиться. Волнуясь, Дюндель написал сообщение и принялся ждать – мало ли, вдруг любимая занята? Так прошло много времени. Стояла уже глубокая ночь, когда елдыринец позвонил Гвендельфине снова – и снова никто не взял коммуникатор. Такое случилось впервые. О том, чтобы поспать, не могло быть и речи. В сознании Дюнделя возникали красочные сцены измен со знаменитыми миллионерами. Пытаясь унять тревогу, елдыринец выпил несколько стаканов крепкого алкоголя. Но беспокойство достигло высшей точки, и медлить было нельзя... Одевшись, Дюндель вызвал аэротакси и помчался домой к возлюбленной. Не беда, если соперником окажется известный боксёр... Намного лучше быть избитым, чем терпеть неизвестность.

Дома никого не оказалось – по крайней мере, никто не

открыл. Дюндель позвонил снова – и внезапно услышал за стеной знакомый сигнал коммуникатора Гвендельфины... Впрочем, елдыринец не мог бы поручиться наверняка. Первой мыслью было оставаться тут же – под дверью. Когда Гвендельфина вернётся домой – или выйдет из дому – сердитый Дюндель задаст ей немало вопросов.

Елдыринец провёл у двери Гвендельфины несколько часов. Всё это время он чувствовал себя полным идиотом и лишь мучительно ждал, когда же она отзовется... Он звонил на коммуникатор; он звонил на видеофон и барабанил в дверь... Под утро алкоголь окончательно выветрился из головы бедняги. Измождённый, он покинул свой пост.

После короткого сна Дюндель пошёл на репетицию. Он вновь пытался связаться с Гвендельфиной – и всё безрезультатно. Елдыринец был так мрачен, что коллеги с недоумением переглядывались. «Неужели она меня бросила? – спрашивал себя Дюндель. – Нам было так хорошо вместе!» И вправду, ничто не предвещало разлуки. «А вдруг что-то случилось?» – внезапно испугался Дюндель. – Авария, ограбление, инцидент у врача...» В какую-то минуту Дюндель подумал про генерала и его людей – и содрогнулся от ужаса. «Если она у них, то со мной свяжутся», – догадался он.

Стараясь не думать о плохом, Дюндель попытался найти друзей и знакомых Гвендельфины. Странное дело: только теперь он понимал, что ничего не знает ни о её семье, ни о её прошлом. Когда-то Гвендельфина говорила ему, что роди-

лась на Эстер-Ледерберг. Там остались её мать и отец. Она также упоминала брата, но вскользь: «Мы не общаемся с тех пор, как жили в том роскошном доме на Нэтти-Стивенс. Там была ещё дама-патронесса и симпатичный зумбулянин. Потом, кажется, было какое-то восстание. Мне приходилось носить некрасивую форму».

Дюндель не обращал внимания на весёлую болтовню избранницы: мало ли, что там эти кокетки щебечут? Гвендельфина была прекрасна – остальное не имело значения. Стоило ли елдыринцу думать о том, что подруга в полтора раза старше него? Женщины Мундиморы долго оставались молодыми. Возраста не чувствовалось: от Гвендельфины совсем не веяло тем зрелым, чем веяло от Марго. Внешне её нельзя было отличить от девчонки; с Дюндедем они смотрелись гармоничной парой.

Только теперь, после исчезновения возлюбленной, Дюндель понимал: за её плечами находился некий кусок жизни, о котором она не говорила. Он знал, что Гвендельфина работала в Каролин-Порко около полугода. «Интересно, а где она была до этого?» – невольно думал Дюндель. Его коробило то, что всё это время он жил с человеком, о котором не знал почти ничего. Он поражался тому, насколько мало разумные гуманоиды интересуются друг другом, даже если влюблены.

А тем временем Гвендельфины не было уже много дней. Дюнделю удалось найти только одну её знакомую. В последний раз она видела Гвендельфину около месяца назад, и

больше они не общались. Содрогаясь, Дюндель понимал, что был едва ли не единственным близким человеком для своей возлюбленной... Или был кто-то, кроме него?

Сервер, откуда отправлялись её видеоролики, принадлежал огромной студии, на которую работали сотни таких же блогеров. Связавшись с оператором, Дюндель выяснил, что Гвендельфина Куколка просрочила выпуск. Сотрудники компании тоже не могли с ней связаться. После этого стало ясно: Гвендельфина пропала без вести.

Дюндель был в отчаянии. Антоха, который приехал его поддержать, не мог долго находиться рядом. Каждую минуту елдыринцы ждали звонка от подручных генерала. Словно в каком-то бандитском фильме, герой должен был спасти возлюбленную из грязных лап злодея... Но у него не было ни оружия, ни блестящего прошлого в спецназе, а вместо команды крепких друзей был только Антоха. Окончательно сломленный, Дюндель пошёл к Харальдюфу. Забыв о гордости, он едва ли не на коленях умолял его помочь. «Слушай, – сказал ему маэстро, – я, правда, понятия не имею, где может быть твоя пассия... И вообще, зачем так убиваться из-за какой-то женщины, когда их вон сколько? Обратись, если хочешь, в Комиссию Уголовных Расследований. Я тебе не патрульщик, чтобы всяких мадмуазелей искать».

Дюндель слушал его равнодушную речь, словно в бреду. Остыв от безысходности, елдыринец пошёл в отделение. «Вряд ли они помогут, – сказал Антоха без обиняков. – У

нас на Кривошице менты обычно дурью маются».

Время шло, а поиски не приносили результата. Сначала Дюндель держался: ходил на репетиции и кое-как выступал перед публикой. С каждым днём становилось всё труднее. Находиться дома было невыносимо: каждый угол напоминал о потерянной возлюбленной. По вечерам Дюндель топил своё горе в крепких напитках, а потом валялся в пьяном забытии до следующего обеда... Это напоминало ежедневное самоубийство и унылое воскрешение. Несколько раз елдыринец снова пробовал карфаген и потом не спал несколько суток. «Нужно что-то потяжелее», – думал Дюндель. Однако у него не было сил искать новое лекарство.

Первое время среди заголовков светской прессы то и дело появлялась новость об исчезновении Гвендельфины Куколки. Со временем шумиха улеглась. Однажды, когда елдыринский рэпер снова пошёл в отделение комиссии, его вдруг повели в комнату для допросов...

– Парень, – сказал ему хамоватый следователь, – ты, конечно, звезда и всё такое... Но, может, это ты и грохнул свою подружку?

По спине Дюнделя прошёл озноб; в горле пересохло. Захотелось наброситься на ублюдка и набить его наглую морду. Однако вместо этого Дюндель молчал, не в силах произнести ни слова... В горле стоял какой-то невообразимый ком, и было тошно.

В конце концов, Дюнделя отпустили под подписку о невы-

езде. Он добрался до своей квартиры в безразличном отношении – но, оказавшись наедине с собой, вдруг затрясся от неумолимой злобы. «Хватит, хватит, – повторял Дюндель, сжимая кулаки до боли в пальцах, – пора уже сделать хоть что-нибудь!» В голове его давно бродила призрачная мысль... Она звала, терзала, не давала покоя. По мере того, как бедняга постепенно терял рассудок, мысль эта всё более уплотнялась и набирала вес. То, что произошло в участке, стало последней каплей. «Завтра же я снова пойду к Харальдюфу, – решил для себя елдыринец. – Плевать на Антоху, плевать на всех!» Потеряв надежду, несчастный Дюндель намеревался выдать секрет лосиных фекалий за помощь в поисках любимой. «Если не получится – поеду обратно в квартиру Фридриха», – заключил он с холодной готовностью.

Приняв решение, Дюндель повеселел. План пахивал сумасшествием, однако он выглядел как единственный якорь спасения. Рэпер даже не подумал о том, что рассказ об экскрементах космических лосей может показаться маэстро полным бредом. Не подумал Дюндель и о возможном обыске. Кому какое дело, что в его квартире хранится запрещённая литература? «Скажу, что в курсе был я один, – говорил себе елдыринец, думая про Антоху. – Скажу, что друг не при делах...» Минуты бесконечной, душной ночи потекли быстрее.

Увлечшись рассуждениями, он опрокидывал стакан за стаканом. Мало-помалу его мир помутнел и сделался совсем

дружелюбным. Это были остатки дорогого алкоголя: Дюндель допивал свои сбережения. В последнее время он не мог выступать. Как-то раз крепкие ребята маэстро даже поколотили его, но что толку? Елдыринец не просыхал – и продюсеры поставили крест на его карьере. Авторские права на все композиции теперь принадлежали Харальдюфу.

Всё это было уже не важно. «Завтра опять начнётся моя новая жизнь!» – весело подумал Дюндель, засыпая. Ему снились удивительные сны: Гоблинович на сцене «Золотой клетки», читающий стихи Мандельштама; бородатый бог верхом на чёрной собаке; космический лось с головой Бабельянца... «Ощущается чутким хребтом! Оживает бесплотный фантом!» – кричал космический лось, улетая в жерло пространства-времени. А синие карлики танцевали вокруг тучела Харальдюфа, восхваляя Внутреннюю Вагину.

...Дюндель проснулся от того, что вся комната озарилась ярким светом. Прищурившись, он хотел было перевернуться на бок и дальше смотреть свой дивный сон. Однако что-то внутри болезненно ёкнуло – и тут же елдыринец мгновенно очнулся... За окном перед посадочной площадной, повиснув в воздухе, находился аппарат Гвендельфины.

Словно в бреду, Дюндель поднялся с дивана и направился на площадку. Всё ещё плохо соображая, он повернул тумблер – и вот защитные ворота автоматически разъехались в разные стороны. Телекоптер опустился на стоянку; дверь аппарата стала медленно открываться. Дюндель смотрел, не

моргая. То, что он увидел в кабине, едва не лишило его остатков разума... За штурвалом сидела Гвендельфина.

– Залезай! – сказала она, не заглушая двигатель.

Не помня себя, Дюндель шагнул внутрь телекоптера – полусонный, полупьяный, в одних только майке и спортивных штанах. «Всё это просто моё воображение», – подумал он мимоходом. Тем временем дверь закрылась, и аппарат начал подниматься в воздух. Гвендельфина похитила Дюнделя, как Европу похитил волшебный бык.

Глава 16: Легионеры, Солнцепоподобный и новая Гвендельфина

– Гвендельфина! – радостно закричал Дюндель, и тут же обмер от удивления: на местах для пассажиров сидели Антоха, Гоблинович и Бабельянц. Последний был одет в длинную шубу и тёмные очки. Рядом с собой он держал целый ящик дорогого коньяка.

Не веря своим глазам, Дюндель плюхнулся прямо на пол и, поджав под себя скрещенные ноги, уставился перед собой.

– Ну здравствуй, – улыбнулся Гоблинович. – Давно не виделись.

Он был гладко выбрит и выглядел подтянутым – так, будто не пил уже очень давно. Дюндель смотрел – и всё не мог сообразить, сон это или нет.

– Хе-хе, – крякнул Бабельянц, пытаясь открыть бутылку, – что уставился, как на покойников? Или шуба моя понравилась?

Дюндель бросил на Антоху вопросительный взгляд. Тот, пожав плечами, встал со своего места и принялся буднично герметизировать вход. Только теперь Дюндель понял, что кабина заметно уменьшилась. На потолке была установлена система генерации кислорода.

– Держитесь, ребята, – сказала Гвендельфина. – У нас тут лёгкий перевес, но, думаю, прорвёмся.

Внезапно скорость увеличилась, и друзей прижало к спинкам сидений, а Дюндель и вовсе покатился по полу. Аппарат стремительно набирал высоту. Спустя какое-то время Дюндель посмотрел на мониторы и понял, что аппарат он находится в наружных слоях атмосферы.

– Что ты делаешь?! – вскричал Дюндель, обращаясь к Гвендельфине. – Этот аппарат не предназначен для выхода в космос!

– Теперь предназначен, – сказала Гвендельфина. – И вместо грузового отсека ещё один двигатель.

– Угадай, на каком топливе мы сейчас летим, – улыбнулся Антоха.

Дюндель ущипнул себя за ногу – и ничего не изменилось. Впрочем, с каждой минутой он всё отчётливее понимал: то, что с ним происходит – никакой не сон. В это время аппарат отдалялся от Джоселин-Белл-Бернелл на огромной скорости. Это был уже не телекоптер, а капсула для космических путешествий на малые расстояния.

Изумление сменилось эйфорией. Внезапно Дюндель осознал, что любимая цела и невредима, друзья живы, а он вырвался, наконец, из кабалы маэстро Харальдюфа и летит в какую-то весёлую неизвестность.

– Как же я рад вас видеть! – признался Дюндель, оглядываясь. – Но, объясните, что здесь происходит? Где вы были

всё это время?

В кабине возникла неудобная тишина.

– Ну, в общем, это долгая история... – нерешительно произнёс Иннокентий, почесав затылок, и тут же обратился к Антохе и Бабельянцу: – Расскажем ему сейчас или на корабле?

Старик, пожав плечами, глотнул коньяка прямо из бутылки. Антоха отстранённо улыбнулся.

– На каком ещё корабле? – удивлённо спросил Дюндель. – Гвендельфина, скажи хоть ты!

Гвендельфина молчала, уставившись в панель управления. Дюндель почувствовал неладное – и бессознательно замер в ожидании удара.

– Нет больше, парень, твоей Гвендельфины, – произнесла молодая женщина. – Ты уж прости...

Внутри у елдыринца будто что-то оборвалось. Не помня себя, Дюндель вскочил со своего места и бросился к креслу пилота.

– Что ты такое?! – воскликнул он, хватая незнакомку за предплечье. – Что ты сделала с Гвендельфиной?

– Отпусти мою руку! – закричала незнакомка.

Аппарат накренился. Это заставило Дюнделя отпрянуть. Обезумев, он стоял у кресла и продолжал ошалело пялиться на двойника своей потерянной пассии.

– Если бы я знала, что ты такой псих, то не стала бы с тобой связываться, – сказала псевдо-Гвендельфина, выровни-

вая ход аппарата, и, смягчившись добавила: – Хотя физически это всё ещё я... Если, конечно, это тебя успокоит.

Окончательно сбитый с толку, Дюндель снова опустился на пол. Гоблинович смотрел на него с жалостью. Антоха, казалось, тоже ничего не понимал.

– А я, как видите, шубу прикупил по случаю, – похвастался Бабельянц. – Выглядит не хуже, чем у дона Косячелло! Когда за вами, придурками, лететь собрались – тогда я и придумал, что в столице-то можно и отовариться... Серьёзному бизнесмену без шубы в наше время нельзя: несолидно.

– Старый жлоб, – усмехнулся Антоха.

– Молчать, пёс! – воскликнул пожилой модник. – По документам вы все – моя свита!

Между ним и Антохой завязалась перепалка. Дюндель сидел почти неподвижно. Хмель и сонливость всё ещё сковывали его тело, голова кружилась. Тем не менее, он пытался прийти в себя. Потрясение, которое он испытал после слов Гвендельфины, заставило его забыть про Бабельянца и Гоблиновича. Устыдившись за свою выходку, Дюндель чувствовал, что вопросов задавать не стоит. Потрясённый, он мучительно ждал стыковки.

Тем временем аппарат стал приближаться к большому астероиду. Пролетая над его поверхностью, Гвендельфина замедлила ход. Внезапно в одном из кратеров показался корабль.

– Шурик, я Ида Ноддак, – проговорила Гвендельфина,

пытаясь установить радиосвязь с кабиной космического судна. – Я вам денежки принёс. За квартиру, за январь.

– Ида Ноддак, я Шурик, – донёсся из динамика молодой мужской голос. – Вот, спасибо, хорошо. Положите на комод.

Дюндель занервничал. «Кто такой этот, мать его, Шурик?» – пронеслось в голове у бедняги.

– Открывайте конюшни! – кричал подвыпивший Бабельянц. – Барин приехал!

Гвендельфина уже выключила микрофон. В итоге стыковка прошла успешно. Оказавшись в отсеке для космических кораблей, аппарат плавно опустился в специальное гнездо.

Прибывших никто не встретил. Впрочем, Гвендельфина и Гоблинович чувствовали себя как дома, не говоря уже о Бабельянце. Старик постоянно хлебал из горла и называл друзей «челядью». В конце концов, это порядком надоело Иннокентию, который за ним присматривал.

– Давай дружище, – примирительно сказал Гоблинович, забирая у друга полупустую тару, – с тебя на сегодня хватит.

– Сатрапы! Свободу прогрессивной буржуазии! – вскричал Бабельянц, но вскоре затих.

Корабль был небольшой; в кабине оказались довольно быстро. Ожидая, пока откроются механические двери, Дюндель украдкой посматривал на возлюбленную. Она, кажется, немного похудела; теперь её волосы были заплетены в тугой высокий хвост, а талия затянута широким кожаным поясом. Помимо этого, произошла ещё одна разительная пере-

мена. Дюндель заметил её не сразу, однако, заметив, сильно удивился: её губы имели совершенно обычный размер. Без косметики Гвендельфина выглядела менее ярко; появилась некая строгость черт. В какой-то момент елдыринец даже подумал о том, что теперь его любимая не такая красotka.

Наконец, все пятеро вошли в кабину. Из-за панели управления вышел молодой человек с карими глазами. «Я, кажется, видел его раньше», – внезапно подумал Дюндель.

– Знакомьтесь, это мой брат Гардиальд, – сказала Гвендельфина-Стефания, обращаясь к ребятам. – Вы уже встречались... Но теперь, конечно, не вспомните.

Она была права: елдыринцы хоть убей не припоминали никакого Гардиальда.

– Учитывая то, что с ними сделали, это ожидаемо, – произнёс Гардиальд, оглядев гостей.

– А что с нами сделали? – ошарашенно спросил Дюндель. – И кто такой Шурик?

Возникла пауза. Брат и сестра переглянулись. Гоблинович стоял поодаль, держа открытую тару с бутылками за специальную рукоять. В нём ощущалась необычная закалка.

Внезапно Бабельянц выразительно зевнул.

– Что-то, холопы, мне бы прилечь не мешало... – сказал он, потягиваясь.

Гоблинович сдержанно усмехнулся и поставил ящик на пол.

– Ну, надо так надо, – произнёс он со вздохом. – Давай,

старый, помогу тебе добраться до каюты.

Поддерживая Бабельянца, Иннокентий аккуратно повёл его к выходу. Антоха таращился им вслед. С момента «воссо-единения семьи» у них с Гоблиновичем состоялся лишь один короткий разговор в кабине телекоптера. Проводив обоих елдыринцев глазами, Гардиальд обернулся к панели управления, чтобы проконтролировать параметры полёта.

Когда Бабельянц и Гоблинович скрылись, Дюндель сосредото-ченно посмотрел на любимую в надежде на откровен-ный разговор. Чувствуя немой вопрос во взгляде елдыринца, Гвендельфина попыталась собраться с мыслями.

– Может, объяснишь мне, что происходит? – спросил Дюндель.

– Да, разумеется, – проговорила Гвендельфина. – Во-пер-вых, мне жаль, что всё так вышло...

– Тебе жаль? Я чуть с ума не сошёл!

– Прости. Но я действительно не могла с тобой связаться. Теперь, наконец, мы сумели вас забрать.

– Куда мы летим?

– Туда, где вам помогут.

Елдыринцы не понимали, о какой помощи идёт речь.

– Лично я здесь только ради дядьки и гаража, – внезапно произнёс Антоха. – Вы мне что, ещё и материально помочь хотите?

Гвендельфина тяжело вздохнула.

– Ты понятия не имеешь, о чём говоришь, – сказала она

Антохе. – Вас обоих, скорее всего, облучили отупляющим лазером. Теперь понятно?

Ребята молчали, ошарашенно хлопая глазами.

– Но как это возможно? – спросил Дюндель. – Я, например, не помню ничего подобного...

– Разумеется, ты не помнишь! – воскликнула Гвендельфина. – У тебя ведь стёрта память! Отупляющий лазер действует так, что старые связи между клетками мозга разрушаются, а новые создаются с трудом. Человек теряет способность мыслить логически и трезво оценивать ситуацию. Чаще всего он остаётся имбецилом. Личность меняется, превращаясь жалкое подобие разумного гуманоида... Вспомни, какой я была, и ты всё поймёшь.

– А что с тобой было не так?

– Вот видишь! Об этом я и говорю: ты тоже не в порядке!

– Но как ты узнала?

На секунду Гвендельфина задумалась.

– Никогда нельзя знать наверняка, – произнесла она со вздохом. – Жертвы отупляющего лазера имеют практически те же социальные навыки, что и нормальные люди. Однако при этом они не могут эффективно заниматься умственным трудом. Иногда у них бывают извращённые идеи наподобие Внутренней Вагины...

– Так Внутренней Вагины на самом деле не существует? – удивился Дюндель.

– Нет. Я поняла это, когда прошла курс антилазерной те-

рапии. А потом я вспомнила тексты песен, которые ты писал... К тому же, тебе ведь нравились фильмы господина Какашкинда? Это трудно признать, но ты, скорее всего, болен.

То, что сказала Гвендельфина, повергло елдыринцев в шок. Им нужно было время, чтобы хоть как-то осмыслить её слова.

– У меня в голове не укладывается... – тихо произнёс Дюндель после небольшого молчания. – И когда же нас могли отупить?

– Вы были в плену, – ответила Гвендельфина. – Это могло случиться когда угодно.

– Всё равно не пойму, – вмешался Антоха. – Вы что, по одним только фильмам о людях судите? Ну, нравятся ему комедии про бабку лёгкого поведения... Чего сразу debil-то?

– Есть специальный тест, который позволяет определить степень идиотии, – сказала Гвендельфина. – Его результаты не всегда точны, но это пока единственный способ выявить пострадавших.

– А что за он?

– Вы пройдёте его, когда мы прибудем на место. Я помню только пару вопросов оттуда... К примеру, такой: возьмёте ли вы кредит на свадьбу, когда ваша невеста беременна, а сами вы живёте в общежитии?

Гвендельфина устремила на Антоху испытующий взгляд. Елдыринец задумался.

– Не, ну а чё... – произнёс он, соображая. – Лимузин там,

все дела... А большой кредит?

– Поздравляю, – скептически усмехнулась Гвендельфина-Стефания. – Правильный ответ «Ни за что!»

Елдыринец почесал затылок и задумался ещё крепче. Дюндель восторженно смотрел на любимую: это была та самая девушка, с которой он обсуждал стихи Анны Ахматовой.

– Ну, допустим, нас реально отупили этим вашим лазером, – произнёс Антоха, немного помолчав. – Так что мы теперь, сдохнем?

– Пожалуй, нет. Ваша форма идиотии совместима с жизнью.

– А нахрена тогда лечиться?

Гвендельфина-Стефания изменилась в лице. Простой вопрос Антохи поразил её так сильно, будто елдыринец не знал, откуда берутся дети или как нужно правильно дышать.

– Что значит «нахрена лечиться»? – проговорила она, изумлённо уставившись на Антоху. – Если ты пройдёшь курс, то снова научишься думать как разумный человек. Это означает радость осмысленного существования. Радость постижения, творчества, исследования мира...

– А зачем оно мне надо?

Стефания смутилась ещё больше. Гардиальд молча следил за разговором, поставив на автопилот.

– Как это «зачем»? – с недоумением воскликнула девушка, упрямо пытаясь объяснить элементарное. – Если ты

не вылечишься, то так и будешь тупым приматом, который только ест, ходит в туалет и неразборчиво потребляет продукты массовой культуры!

– И что? – возразил Антоха. – Мне нормально. И денег я с такими мозгами заработаю.

Не веря своим ушам, Стефания растерянно смотрела на обоих елдыринцев по очереди. Наблюдая за ней, Дюндель узнавал возлюбленную в мелочах. Под слоем дешёвого грима скрывалась истинная красота – и теперь покровы были сняты. Всё наносное, фальшивое, случайное рассеялось, обнажив под собой цветущий сад. Не существовало больше разговоров о Внутренней Вагине – зато существовала та, кто говорил о спасении культуры поэзией. И тут же, посреди радостного прозрения, елдыринец почувствовал болезненный укол тревоги: «А вдруг я больше не достоин этой новой Гвендельфины? Она что, и вправду считает меня тупицей?»

Внезапно в кабину вошёл Гоблинович.

– Ну вот, – довольно произнёс он, потирая руки, – уложил деда спать.

– Уже и спать-то и некогда, – возразил Гардиальд, вставая со своего места. – Лететь осталось полтора часа.

– Ничего, деду хватит...

Гардиальд приблизился и стал напротив Иннокентия. Только сейчас елдыринцы заметили, что он одет в камуфляж. «Где-то я уже видел этого молодчика», – думал Дюндель, нервически вспоминая. Внезапно события на борту

«Фёдор Михалыча» всплыли у него в голове с необыкновенной ясностью: жерло пространства-времени, Эрих-Мария, качкоиды, кабинет Хельмимиры...

– А чего это старик такой борзый? – внезапно спросил Антоха. – Таскается в этой шубе, как клоун...

– Он у нас теперь хозяин жизни, – усмехнулся Гоблинович.

– Не понял... – растерянно произнёс Антоха. – Это как?

– Да есть у нас один заводик, – всё также посмеиваясь, ответил Гоблинович. – Корпорация «Копрорация».

Гоблинович рассказал о том, что в распоряжении Хельмимиры оказался завод по производству удобрений и искусственного грунта. Бабельянца сделали подставным директором. По факту, всем занимались Гардиальд и Гоблинович, а прибыль уходила на борьбу против имперского искусства. Слово «удобрения» старик произносил как «удобрении» – и это было забавно.

– Вы нашли нас через Гвендельфину? – спросил Дюндель.

– Намного раньше, – ответил Гоблинович. – Однажды нам попало одно отупляющее шоу... Я глазам своим не поверил: смотрю, а мой Антоха с какой-то бабой в шкафу запирается!...

Всякое воспоминание о проекте отзывалось в душе Антохи мучительным уколом. Елдыринец и сам не понимал, отчего ему было так противно. Его, вроде бы, показали «нормальным пацаном», который ведёт себя «по понятиям»... Тогда

в чём же дело? Неужели в том, что за ним наблюдали другие разумные гуманоиды? Но, если он вёл себя «как надо», то откуда беспокойство? С другой стороны, если он беспокоится, то откуда знает, что выглядел «не так»?

– Не дрейфь, матери не скажем, – добродушно усмехнулся Гоблинович. – Я, ей-богу, чуть было слезу тогда не пустил: живы мои пацаны, слава фундаментальным взаимодействиям...

– Почему ты не забрал меня сразу? – спросил Антоха. Гоблинович замялся.

– Хельмимира опасалась того, что вы перевербованы, – ответил за него Гардиальд. – Мы присматривали за вами через нужных людей. Потом удалось излечить сестру. Она, можно сказать, взяла вас на поруки...

– Как это – взяла на поруки? – изумился Дюндель.

– Хельмимира не хотела забирать вас до окончания операции, – объяснила Стефания. – Я убедила её в том, что вы никак не связаны с имперцами... Кстати, вы помните, как выбрались из лагеря для военнопленных?

Дюндель ошарашанно смотрел на любимую: о чём вообще она говорит? Антоха так же недоуменно пялился на девушку. В какой-то момент елдыринцы встретились глазами – и оба содрогнулись от какой-то ужасающей тревоги.

– Вы ведь были в лагере для военнопленных? – уточнила Стефания, оглядывая ребят с испуганной надеждой. – По данным нашей разведки, вас держали в районе Эллен-Свол-

лоу-Ричардс...

– Мы... не помним... – внезапно проговорил Антоха, пытаясь скрыть панику. Дюндель смотрел на него, как на предателя – и в тоже время не мог произнести ни слова.

– Вот видишь! – воскликнула Стефания, обращаясь к брату. – Я говорила, их точно отупили лазером!

– Или этот подонок Зугард снова «скормил» нам ложную информацию, – скептически отозвался Гардиальд.

– Надеюсь, – произнёс Гоблинович, – вы никому не успели проболтаться о лосиных фекалиях...

Елдыринцы разом побледнели.

– Если бы ребята проболтались, – убеждённо сказала Стефания, – то фекалии лосей давно уже были бы в руках имперцев. А мы ведь знаем, что это не так.

– Вовремя мы вас вытащили, – усмехнулся Иннокентий.

Осторожный Гардиальд постоянно проверял, нет ли за ними «хвоста». Наконец, корабль оказался в системе газового гиганта Генриетты-Ливитт. Приблизившись к одному из спутников огромной планеты, пассажиры космического судна запросили разрешения на посадку.

Это была небольшая каменистая луна, лишённая атмосферы. Вращаясь вокруг Генриетты, она всё время была повернута к ней лишь одной стороной. Снижаясь, ребята заметили на её поверхности огромный грузовой корабль. «Здесь, наверное, и спрятана база партизан!» – подумал Дюндель.

Вскоре аппарат оказался в большом ангаре.

– Узнаёте? – весело спросил Иннокентий. – Это ж «Фёдор Михалыч»!

– Ну и ну, – усмехнулся Антоха. – Не думал, что окажусь тут снова.

Их, как и в прошлый раз, встретили вооружённые качкоиды. Проходя мимо них, елдыринцы чувствовали себя не в своей тарелке – так, будто снова были пленниками. Только Бабельянец кричал что-то наподобие «Легионеры! Узрите Солнцеподобного!». Впрочем, «легионеры» не обращали на «Солнцеподобного» никакого внимания.

Прибывших обыскали. После этого каждому из них отсканировали радужную оболочку глаза. Всем, кроме Антохи и Дюнделя, задали персональный кодовый вопрос. Это была мера безопасности, которая позволяла обнаруживать двоидов-двойников.

– Мы пойдём и отчитаемся Хельмимире, – сказал Гардиальд, когда вся компания оказалась у выхода из ангара. – А вы идите в пищеблок и ждите нас. Возможно, понадобится чистый энтузиазм.

Брат и сестра взошли на подъёмник. Несчастный елдыринец успел окинуть любимую быстрым взглядом – и вот она исчезла за перекрытием верхнего отсека.

– Эй, парень, ботинки возьми, – сказал какой-то качкоид, протягивая Дюнделю новые берцы. Бедняга совсем забыл, что прилетел босой.

Гоблиновичу выдали рацию, после чего он повёл друзей

по длинным коридорам гигантского судна. Оглядываясь по сторонам, Дюндель невольно думал о пережитых злоключениях. У него была неплохая зрительная память, и некоторые фрагменты «Фёдор Михалыча» казались ему знакомыми. Вот коридор, по которому они огибали центральную кабину, вот небольшой подъёмник, вот лестница...

– Дядя Кеша, – внезапно сказал Дюндель, – а тут, помнится, было такое большое пространство из нескольких отсеков... Его что, застроили?

Гоблинович усмехнулся.

– Ещё как застроили, – произнёс он, помолчав.

– Здесь теперь секретная лаборатория! – похвастался Бабельянц.

Иннокентий укоризненно покосился на друга. Спустя некоторое время все четверо оказались в пищеблоке – крупном помещении, которое состояло из множества небольших секций. В каждой из них стояли стол и несколько стульев. Между секциями находилась транспортная лента; теперь она была неподвижна. Где-то вдалеке виднелась пустая раздаточная. Похоже, елдыринцы были одни на весь пищеблок.

– Ну вот, пришли, – сказал Иннокентий, усаживаясь неподалёку от выхода.

Спутники последовали его примеру. Любознательный Дюндель проверил, насколько плотно прикручена мебель.

– А ты, я вижу, снюхался с партизанами, – проговорил Антоха, оглядывая дядьку. Вместо никчемного алкаша пе-

ред ним сидел новый человек.

– Да уж... – усмехнулся Гоблинович. – Я и сам никогда бы не подумал, что окажусь в отряде.

Вспомнив давнюю ссору, Антоха устыдился.

– Ты прям боец, – шутливо произнёс он, пытаясь скрыть смущение.

– Какой там боец? – скромно возразил Иннокентий. – Так, снаряды подношу...

Он рассказал племяннику о том, что после космического сражения их с Бабельянцем увезли на какую-то далёкую базу. Елдыринцы сообщили партизанам всё, что знали об экскрементах космических лосей. Пленников больше не считали имперскими шпионами, однако вовсе не спешили отпускать. Через несколько дней Гоблинович попросил «сто грамм». Качкоид, который дежурил у каюты елдыринцев, послал гостя по известному адресу. Несколько дней подряд Иннокентия лихорадило; во рту было сухо и невероятно хотелось пить. Сердце учащённо билось – так, что невозможно было оставаться на месте – и тогда бедняга ходил по камере, как пойманный зверь. Не зная, как прекратить страдания, он пытался отвлечь себя книгой. Иногда ему даже удавалось погрузиться в сюжет настолько, чтобы не чувствовать болезненного озноба. Потом он всё же приходил в себя, и попытка усиливалась.

В конце концов, Гоблинович снова потребовал выпить. Охранник едва ли отреагировал на просьбу.

– Сжался, человече! – умолял елдыринец. – Надо мне, понимаешь?

С каждым днём ему становилось только хуже. Зверая, он проклинал всех: племянника, партизан, Бабельянца... А больше всего Иннокентий злился на себя. Опасаясь расправы, старик попросился в другую каюту. Оставшись в одиночестве, Гоблинович страдал от ощущения безысходности. Его мучили кошмары, и он почти не спал. В конце концов, отчаяние достигло высшей точки – и тогда он стал биться в стены своего изолятора, крича и требуя поговорить с Хельмимирой...

В какой-то момент дверь каюты неожиданно открылась. На пороге стоял Исаак.

– Ты, дружище, присел бы, – тихо сказал качкоид, заходя внутрь.

От неожиданности Гоблинович бессильно съехал вдоль стены. Устроившись на табурете, Исаак спокойно и доходчиво объяснил елдыринцу, что он болен и ему нужна помощь.

– А если не захочешь лечиться, – дружелюбно добавил качкоид, – я тебя головой о стол приложу...

Вскоре Гоблиновича доставили в медицинский отсек. Некоторое время он находился там под присмотром. Когда, наконец, Иннокентий снова оказался в каюте, он чувствовал себя намного лучше. Терапия продолжалась, но уже «на дому». Единственным развлечением для Иннокентия были тексты. Партизаны охотно давали своим пленникам читать

запрещённую литературу.

Однажды к нему вновь зашёл Исаак. Он принёс новости об Антохе и Дюнделе: якобы тех держали в лагере для военнопленных и инакомыслящих. Гоблинович обрадовался: ребята были живы. Впрочем, Исаак отметил, что информация неточная, а проверить её почти невозможно. Слово за слово – и суровый качкоид разговорился с пленником. Сначала обсуждали древних авторов, потом – современную жизнь. Уходя, Исаак обещал похлопотать о том, чтобы елдыринцев поскорее выпустили.

Когда Иннокентий как следует восстановился, к нему вернули Бабельянца. Оказалось, что всё это время партизаны допрашивали старика о Кривоцице и Пищимухе. За вкусный паёк, мирный сон и лекарства Бабельянц охотно сотрудничал с людьми Хельмимиры.

– Я думаю, они за какахами поедут, – рассудил дед. – Плакали, Иннокентий, наши денежки...

Вскоре пленникам позволили передвигаться по блоку без охраны. Тогда же они впервые узнали, что означает фраза «добывать чистый энтузиазм». «Этот материализатор – просто казнь египетская!» – сетовал Бабельянц. Однако, несмотря на возраст, из него всегда получали на удивление много жизненной энергии.

Когда Исаак пришёл снова, они с Иннокентием долго беседовали, и между ними возникло подобие дружбы – так, по крайней мере, хотелось бы думать пленному елдыринцу. Од-

нажды Гоблинович рассказал качкоиду историю своего падения. До этого он ни разу не задумывался о том, как дока- тился до жизни горького алкоголика. Теперь, наконец, ему становилось ясно, что причина не только в отсутствии воли и перспектив... Сама жизнь в Старокозлиценске словно бы толкала людей за черту. Как можно верить в светлое буду- щее, когда вокруг только грязь, хамство, безграмотность?

– Иногда мне кажется, что у нас тоже действовала ка- кая-то Программа Всеобщей Дебилизации, – признался Ин- нокентий.

Слушая их разговор, Бабельянец тоже похвастался тем, что распространял запрещённые книги. В порыве откровенности Исаак признался, что из первого запоя его вытащила Хель- мимира... И из второго тоже.

– Я-то сразу смекнул, что они трахаются! – довольно за- метил хитрый дед, обращаясь к Антохе и Дюнделю.

Спустя некоторое время Гоблинович вызвался помогать партизанам. Сначала ему доверяли только самые несложные занятия. Попутно он читал и даже начал писать своё произ- ведение – небольшую пьесу под названием «Шла бы она ле- сом, эта Депрессия». Главная героиня – девушка по имени Депрессия – действительно шла по лесу и, словно Колобок, попадала в различные нелепые ситуации. Многие из парти- зан не понимали, что означает слово «лес», и приходилось объяснять на пальцах.

Потом Гоблиновичу доверили более высококвалифици-

рованную работу – собирать чистый энтузиазм. Он так расположил к себе космических партизан, что ему позволили учиться пилотировать. Однажды он даже помогал технику боевого корабля во время битвы.

– Так-то, ребятки, – заключил Иннокентий. – Теперь у меня новая жизнь...

Антоха и Дюндель изумлённо слушали его историю. Оба парня были под впечатлением – и одновременно думали о том, следует ли рассказывать правду о «лагере для военнопленных и инакомыслящих». Партизаны вряд ли простили бы им генеральское гостеприимство... А самым страшным было то, что спяну ребята выдали секрет космических фекалий Марго и Фриде. «Хоть бы пронесло!» – с надеждой думал Антоха.

Внезапно среди тишины раздался резкий, высокий сигнал коммуникатора. Звонила Стефания.

– Дядя Кеша, вы в пищеблоке? Я иду к вам!

Сердце Дюнделя забилось чаще. Спустя некоторое время Стефания показалась в дверях столовой, и Гоблинович помахал ей рукой. Заметив его и остальных елдыринцев, она двинулась по направлению к ним – уверенная и бойкая. Дюндель смотрел и не мог насмотреться: это была всё ещё она, его Гвендельфина, и он любил её даже больше, чем красоту-блогершу.

– Как идут дела? – спросил Иннокентий.

– Всё хорошо, – ответила Стефания. – Но во втором сте-

рильном блоке вышел из строя сепаратор вещества. Нужен чистый энтузиазм...

– Не надо! – заорал Бабельянц. – Только не меня!

Елдыринцы притихли. Содрогнувшись, Антоха вспомнил тот день, когда они решили поехать «нахаляву».

– Сколько карло-саганов не хватает? – буднично спросил Гоблинович.

– Двенадцать.

– Хочешь, я помогу? – внезапно предложил Дюндель.

Антоха поражённо уставился на друга. Бабельянц высунул голову из воротника своей шубы. В какой-то момент на лице девушки отразилось удивление – и тут же глаза её радостно засияли.

– Да, спасибо! – произнесла она. – Нам, правда, очень нужна энергия.

Вдвоём они спустились туда, где стоял материализатор. Дюндель буднично разделся и лёг – так, будто каждый день из него добывали жизненные силы.

– Сколько энтузиазма я могу взять? – спросила Стефания.

– Бери, сколько надо, – отважно ответил елдыринец.

Стефания смутилась.

– Двенадцать карло-саганов – это немало, – предупредила она. – Я, к примеру, отдала только десять – и уже чувствую себя разбитой.

– Я сказал, бери всё, – упрямо произнёс Дюндель.

– Хорошо, как скажешь.

Стефания подсоединила клеммы, закрыла аппарат и нажала на рычаг. В глаза елдыринцу ударил яркий свет – и тот невольно зажмурился. Внезапно его сознание помутнилось; Дюндель едва соображал, где находится, а любая попытка прийти в себя оборачивалась невыносимой головной болью. Однако, даже расслабляясь и отдавая себя на милость неведомой стихии, он не испытывал облегчения. Душу несчастного разрывала невыносимая, горестная безысходность, от которой хотелось умереть. Чувство было то же, что и тогда, когда исчезла его Гвендельфина – только теперь оно многократно усилилось. Успокоиться было невозможно: спасительные мысли разрушались, не успев как следует сформироваться. Всё, что оставалось Дюнделю – это страдать.

Когда, наконец, всё закончилось, Дюндель пришёл в себя на удивление быстро.

– Ты как? – спросила Стефания. – Не вставай сразу. Сейчас принесу воды.

Голова кружилась. Сквозь пелену перед глазами елдыринец видел любимую: её точёные руки, женственные бёдра под грубой тканью комбинезона и ярко начищенные ботинки. На каких-то полминуты она исчезла в глубине помещения – и тут же вернулась со стаканом в руке. Отпив немного, Дюндель поставил его рядом и попытался обнять Гвендельфину... Смущаясь, она поддалась.

– Я хотел бы спросить тебя кое о чём, – тихо произнёс Дюндель. – Ты уверена, что меня отупили?

Стефания посмотрела ему в глаза с глубоким сожалением.

– Да, увы, – печально проговорила она.

– А если бы, – продолжал Дюндель, – ты вдруг узнала, что всё это неправда? Выходит, нынешняя версия Гвендельфины Куколки слишком хороша для такого идиота?

Стефания смутилась.

– Всё не совсем так, как ты говоришь, – произнесла она уклончиво. – Есть прямые факты, которые указывают...

– Я понимаю, не продолжай. Скажи мне только одно: ты действительно считаешь, что все мои тексты плохи?

Стефания задумалась.

– Пожалуй, не все, – сказала она, помолчав. – Последние намного лучше ранних.

Дюндель вздохнул с облегчением: это было как раз то, что он хотел услышать. Стефания всё так же стояла перед ним – и бедняга едва не обнял её от радости.

– Понимаешь, – проговорил елдыринец, – в какой-то момент я и сам осознал, что мои тексты плохи – и тогда мне захотелось расти и учиться. Я будто застрял в песочнице из дешёвого пафоса – но сейчас-то понимаю, что нужно двигаться дальше... Это и есть развитие. Неужели тот, кого отупили, способен развиваться?

Стефания улыбнулась.

– Так происходит потому, что ты читал хорошие стихи, – сказала она. – Ещё во время восстания генерала Кермунда Хельмимира выдвинула теорию о том, что нужно читать кни-

ги и думать над их содержанием. Тогда последствия отупляющего лазера сходят на нет, и появляется устойчивость связей между клетками головного мозга. Мы, партизаны, за то и боремся, чтобы вернуть качество литературы...

– Тогда я мог бы излечиться самостоятельно! – не унимался Дюндель.

Стефания вновь посмотрела на него с грустной нежностью и сказала:

– Вполне возможно, что прямо сейчас ты находишься на пути к излечению, но идти по нему в одиночку – задача не из лёгких. Я, кстати, сначала тоже не верила, что меня отупили...

– А как тебя заставили пройти курс? – изумлённо спросил елдыринец.

Стефания вздохнула и аккуратно освободилась от объятий.

– В тот самый вечер, когда мы с тобой договорились посмотреть «Ёлки-87654572», – проговорила она, усаживаясь напротив материализатора, – мне внезапно позвонил брат. Он сказал, что находится на Джоселин-Белл-Бернелл. Я так обрадовалась: мы не видели друг друга целую вечность...

Далее Стефания рассказала о том, что Гардиальд попросил забрать его из промзоны на границе с Беатрис-Тинслей. «Моя подруга открыла здесь новый салон красоты, – упомянул он как бы мимоходом. – Если хочешь, могу попросить для тебя бесплатную процедуру». Собираясь на встре-

чу, Гвендельфина Куколка забыла дома свой коммуникатор...

Гардиальд встретил её на крыше какого-то здания и проводил вниз.

– Этот салон красоты напоминает школьный кабинет химии! – с улыбкой говорила Гвендельфина, заходя в лабораторию принцессы Визулинды. – А где стойка администратора?

«Администратором» оказалась сама принцесса. Вместе с ней в лаборатории были ещё какие-то люди. «Знакомые лица, – думала Гвендельфина. – Откуда я могу их знать?»

– Сейчас вам сделают инъекцию красоты, – спокойно сказала Визулинда. – Положите-ка сюда свою руку...

– А почему в вену? – удивилась Гвендельфина Куколка.

– Для того, чтобы вены тоже были красивыми.

Ассистент ввела иглу – и вскоре сознание Гвендельфины помутнилось. Препарат для лечения лазерной идиотии, который изобрела принцесса, был разведён в снотворном.

– Вот и всё, – сказала Стефания, подводя итог своего рассказа. – Мою бездыханную тушку погрузили в капсулу, потом – на корабль. Очнулась я уже на базе, где прошла весь курс.

Дюндель слушал, не перебивая. К концу истории он был бледен и всё также молча смотрел на любимую.

– Ты расстроен, что всё так вышло? – спросила Стефания.

– Не то, чтоб сильно расстроен, – отозвался елдыринец, –

а скорее в ярости... Набить бы морду твоему братцу.

– Не говори так! – воскликнула Стефания. – Неужели ты не понимаешь, что он хотел спасти близкого человека – точно также, как я сейчас пытаюсь спасти тебя?

– Зачем? – горько усмехнулся Дюндель.

– Потому, что ты искренне относился ко мне – пусть даже в ипостаси Гвендельфины Куколки...

– То есть ты допускаешь, что какая-то часть Гвендельфины Куколки всё же была тобой?

Стефания бессильно вздохнула.

– Это не имеет никакого значения, – терпеливо сказала она. – Важно то, что сейчас я могу помочь хорошему человеку.

Елдырнец почувствовал в груди неприятный холодок. Чем-то равнодушным повеяло от этого «хорошего человека».

– Выходит, – мрачно проговорил Дюндель, – ты больше не любишь меня?

Стефания подняла на него печальные глаза и неожиданно спросила:

– А ты? Ты любишь новую Гвендельфину?

– Да, разумеется, – убеждённо заявил Дюндель.

Стефания смутилась ещё больше.

– Послушай, – проговорила она, – тебе, возможно, кажется что ты меня любишь – просто потому, что тебя сбивает с толку моя внешность. Но поверь: то гуманоидное существо,

с которым ты имел дело на Джоселин, не имело со мной ничего общего.

– Тогда как ты можешь судить о том, хороший ли я человек? Вполне возможно, что из-за лазера я тоже изменился, а после курса снова стану сволочью.

– От лазера страдают интеллект и волевые качества. Склонность к эмпатии, как правило, остаётся прежней.

– Выходит, какую-то часть тебя я всё-таки знаю.

– Да, но для любви этого недостаточно. Визулинда говорит, мой случай довольно тяжёлый. Когда-то я училась на разработчика игр виртуальной реальности. Теперь я ничего не помню. Болезнь изменила мою личность особенно сильно.

– Выходит, личность – это только интеллект и волевые качества?

– По большей части, да.

– Но я ведь полюбил тебя совсем не из-за них...

– Разумеется, нет. Ты полюбил некую совокупность признаков. Но кто знает, понравится ли тебе новый набор, в котором осталась только часть исходного.

Елдыринец смотрел на любимую. Теперь их разделяла чудовищная пропасть.

– Одевайся, – сказала Стефания. – Нас люди ждут.

Опомнившись, Дюндель принялся поспешно натягивать на себя одежду. В это время Стефания отсоединила от материализатора ёмкость с чистым энтузиазмом.

– Я, кстати, Стеша, – внезапно произнесла Стефания.

– А я, кстати, Витя, – отозвался елдыринец.

– А как же «Дюндель»?!

– А «Дюндель» – это так, дворовое прозвище...

Открутив крышку, Стефания принялась переливаливать энтузиазм из ёмкости в канистру. «Возможно, она права, – рассуждал Дюндель, – и меня на самом деле отупил кто-то из мордovorотов...» Теперь он стыдился своего простодушия. А ещё он понял одно: любить женщину только за красоту – глупость. На такое способен лишь тот, кто пострадал от отупляющего лазера. «С другой стороны, – думал елдыринец, – каналы, которые я смотрел в плену у генерала, и были чем-то вроде отупляющего оружия».

Взяв канистру, Стефания направилась к выходу.

– Я хотел сказать тебе ещё кое-что, – внезапно произнёс Дюндель.

Стефания обернулась.

– Мы с Антохой не были ни в каком лагере для военнопленных, – признался елдыринец.

– То есть... как?! – воскликнула Стефания, едва не выронив канистру.

– Вот так. Всё это время мы жили у генерала под присмотром.

Несколько секунд Стефания безумно пялилась на Дюнделя, не желая верить его словам.

– Так вы... завербованы? – в ужасе спросила она.

– Нет. Мы сбежали.

– Они знают про ускоритель?

Упуская подробности, елдыринец рассказал ей всё, что произошло после захвата «Карло Гольдони» войсками Зугарда. Стефания внимательно слушала и время от времени задавала вопросы. Не желая говорить про «Золотую клетку» и отношения с Марго, Дюндель сочинил историю о том, что якобы отправил свой трек на канал маэстро Харальдюфа...

– Ты говорил Харальдюфу о фекалиях лосей?

– Нет. Но ещё немного – и сказал бы... Я должен был найти тебя.

– Вы идиоты! Нужно было признаться во всём до того, как мы стыковались! Ты понимаешь, что за нами могла быть слежка?

Дюндель стоял, растерянно любуясь раздражённой Гвендельфиной. Он чувствовал себя неимоверно глупо – и всё же теперь ему было намного легче. Стефания злилась; она досадовала на елдыринцев за то, что они едва не поставили под угрозу всю операцию. Себя, впрочем, она обвиняла ещё больше: чего, в конце концов, она ожидала от тех, кого отупил гнусный Зугард?

– А что за операция? – спросил Дюндель. – И что это за секретная лаборатория за перегородкой?

– Мини-завод по производству препарата для лечения лазерной идиотии, – ответила девушка. – Мы заболтались, нам нужно спешить...

Внезапно раздался резкий сигнал тревоги. Сначала Дюндель даже не понял, откуда исходит звук; потом, осмотревшись, он заметил на потолке оповещатель. Он мигал красным.

– Ну всё, попали! – сердито произнесла Стефания. – Нас явно заметил патруль!

– Ты расскажешь о нас Хельмимире? – спросил Дюндель, понимая, что беды не миновать.

– Если расскажу – она пристрелит вас обоих. Так что помалкивайте.

Глава 17: «Ох уж этот Зубарев!» и фанатичные интеллигенты

– Нужно предупредить твоего друга, а то разболтает, – сказала Стефания по дороге в стерильный блок. – И согласуйте легенду: вас будут допрашивать по отдельности.

Во рту у Дюнделя пересохло. Теперь, когда он вновь обрёл друзей и любимую, судьба-злодейка приготовила ему очередное испытание. Внезапно сработал коммуникатор Стефании: Хельмимира вызывала их с Дюндедем в командный пункт «Фёдор Михалыча». «Вполне возможно, что скоро меня пристрелят», – пронеслось в голове у елдыринца.

Волнуясь, влюблённые поспешили в кабину.

– Я клянусь, что не выпускал их из виду! – твердил Гоблинович, стоя возле Антохи. Того, поставив на колени, держали два качкоида.

– Хельмимира, это всего лишь партуль, и он пока ещё нас не заметил, – говорил хладнокровный Гардиальд. – Если он приблизится, наши корабли одолеют его в два счёта. Когда подойдёт подкрепление, мы будем уже далеко.

Хельмимира стояла спиной к выходу и молча смотрела на данные радаров. Затем она резко обернулась к Стефании.

– Что это, мать твою, значит? – грубо спросила мундиморийка.

– Хельмимира, за ними следили больше полугода! – воскликнула Стефания. – Они не могут быть связаны ни с кем из генералов!

– Их выпустили из лагеря как приманку... А я, старая дура, повелась.

– Хельмимира, не руби с плеча, – сказал Гардиальд. – Я точно знаю, что хвоста за нами не было. Мало ли, какой патруль здесь бродит?

Имперские корабли подходили всё ближе. Когда они оказались там, откуда могли заметить базу, Хельмимира приказала атаковать. Несколько партизанских аппаратов, которые всё это время дежурили на разных спутниках Генриетты-Ливитт, немедленно ринулись в бой. Тем временем, Хельмимира связалась с лабораторией.

– Как скоро будет готова текущая партия? – спросила она, обращаясь к кому-то по рации.

Ей ответили, что необходимо ещё около получаса.

– Хорошо, заканчивайте, – сказала мундиморийка. – Новую не начинать.

Идея со «спасением» елдыринцев была спорной. Никто не мог сказать, насколько сильно их отупили. Ребятам было известно о свойствах фекалий, и в любом случае не мешало бы закрыть им рот. Гоблинович, который возвысился в отряде благодаря дружбе с Исааком, слёзно умолял вернуть Антоху домой. Стефания просила за Дюнделя. Исходя из этого, Хельмимира была совсем не против похитить информаторов

и отправить их подальше. Возможно, их даже следовало ещё немного отупить, чтоб не болтали. «Никто даже разницы не заметит», – втайне рассуждала Хельмимира.

С другой стороны, Хельмимира знала, что Дюндель – протеже Харальдюфа. Какое-то время она даже была уверена, что елдыринский рэпер давно завербован. То, как им с Антохой удалось выбраться из лагеря, до сих пор оставалось тайной. Однако, если бы Харальдюф знал о технологии, то армия давно использовала бы все силы для зачистки партизан. Это была бы настоящая охота. Несколькими операциями со стороны Зугарда явно бы не обошлось.

За елдыринцами установили слежку. Ничего особенного не замечали. Спустя некоторое время Дюндель подружился с Фернандо Карендо – информатором подпольной ячейки – и стал покупать у него запрещённую литературу. Несколько раз подряд у него была возможность «сдать» своего дилера – однако, несмотря на это, Фернандо оставался на свободе. К тому же, оба елдыринца вели довольно скромную жизнь и вовсе не купались в щедротах маэстро.

Генриетта-Ливитт находилась «на отшибе» ядра империи – в системе, где не было обитаемых планет, но всё ещё близко к Джоселин. Принцесса могла свободно возить туда фарм-субстанции для производства. Узнав о том, что систему спутников Генриетты выбрали в качестве базы, Стефания выпросила у Хельмимиры разрешение забрать елдыринцев. В день операции Гоблинович поехал вместе с ней: вдруг Антоха не

поверит молодой женщине? Старика взяли за компанию: он давно хотел приодеться в каком-нибудь дорогом столичном магазине.

Всё шло по плану. Елдыринцы оказались на борту «Фёдор Михалыча», а завод принцессы Визулинды вот-вот должен был закончить производство препарата против лазерной идиотии. Однако, увидев патруль, Хельмимира заволновалась. Прошло ещё несколько минут изнурительного ожидания. Мундиморийка уже собралась отправить ещё несколько кораблей на подмогу партизанам – но тут пришло сообщение о том, что враг уничтожен.

– Что я говорил? – усмехнулся Гардиальд. – Окончим партию и свалим. Берегите нервы, госпожа редактор.

Хельмимира приказала качкоидам отпустить елдыринцев и идти готовить корабль к старту.

– Куда пошёл? – прикрикнула она на Антоху. – Ты и твой друг оставайтесь в кабине.

Внезапно, словно гром среди ясного неба, раздался сигнал радиосвязи. От неожиданности Хельмимира резко обернулась к панели управления.

– «Фёдор-Михалыч», я «Сомерсет-Моэм», – послышалось из динамика. – Код – «Головлёвы»...

Услышав сообщение, Хельмимира мгновенно изменилась в лице. «Это, мать его, не патруль!» – пробормотала она, бросаясь к микрофону.

– «Сомерсет-Моэм», я «Фёдор-Михалыч»! – быстро про-

говорила Хельмимира. – Код – «Раскольников»!

Беседа Хельмимиры и начальника боевой группы означала следующее: к базе приближались имперские корабли, и мундиморийка отдала приказ немедленно мобилизовать против них все силы.

– Нагревайте чистый энтузиазм! – проговорила Хельмимира, обращаясь к подручным. – Уходим отсюда как можно скорее!

Гардиальд и Стефания мгновенно уселись за командную панель, подготавливая системы к старту.

– Мы все умрём? – испуганно пробормотал Бабельянц, стоя в углу кабины.

– Чего ты ждёшь? – резко спросила Хельмимира, посмотрев на Иннокентия. – Свяжись с Визулиндой. Пускай сворачиваются.

Гоблинович поспешно взял коммуникатор. Тем временем, Хельмимира следила за данными радаров и обзорных камер. Ситуация была неутешительной: партизанские корабли терпели поражение от многочисленного имперского войска. Счёт шёл на минуты: вот-вот «Фёдор-Михалыч» должен был подняться в воздух, чтобы спасти изобретение принцессы... Внезапно пришёл сигнал о том, что неподалёку приземлился вражеский корабль. Хельмимира отправила туда несколько бомбардировочных дронов, однако все они были сбиты.

И вот, когда «Фёдор-Михалыч» уже чуть было не сорвал-

ся с места, произошло непредвиденное. Данные обзорных камер изменились: чёрное небо вдруг затянула прозрачная пелена желтоватого цвета.

– Проклятье! – воскликнула Хельмимира. – Это, мать её, белиберда!

Было очевидно: один из имперских кораблей имел на себе генератор поля белиберды и сумел-таки охватить им всю планету. Белиберда не пропускала вещество, но пропускала излучение. Послышался сигнал радиосвязи: с партизанами пытался связаться неприятель.

– Эй вы, фанатичные интеллигенты, – проговорил чей-то грубый голос. – Ваши силы уничтожены. Немедленно сложите оружие и пустите наших людей на базу!

Хельмимира усмехнулась: она знала, что белиберда – слишком дорогая субстанция, и надолго её не хватит.

– Будьте готовы к старту, – проговорила она, отключив микрофон.

Обратившись к подчинённым по рации, Хельмимира приказала защищать «Фёдор-Михалыча» до последнего. Тем временем, вражеские капсулы и беспилотники окружили базу.

– Немедленно сложите оружие! – повторил командир имперского отряда. – Ваш кислород закончится раньше, чем у нас закончится белиберда. Откройте шлюзы – и вам будет сохранена жизнь!

Хельмимира обвела взглядом всех, кто находился в каби-

не.

– Впустим их и перебьём, – хладнокровно произнесла она. – Одного возьмём в плен и заставим сказать, что база под контролем. Они уберут свою белиберду – а мы уберёмся отсюда.

– Боюсь, их слишком много, – мрачно проговорил Гардиальд.

– Кислорода хватит ещё на сутки, – сказала Стефания. – Что, если их белиберда всё-таки закончится раньше? Можем обороняться и ждать.

– Если у них будет заканчиваться белиберда, они уничтожат нас из космоса, – проговорил Гардиальд.

– Тогда задействуем план «Муций Сцевола», – решительно сказала Хельмимира.

В кабине воцарилось молчание. План «Муций Сцевола» был разработан для самых безнадежных ситуаций и предполагал уничтожение корабля вместе с заводом. А поскольку «Фёдор Михалыч» являлся всё же грузовым судном и не имел передовой системы самоликвидации, партизаны создали её древним кустарным способом. В потайном отсеке прямо под командным пунктом была заложена взрывчатка. Туда шёл провод. Отсек был полностью изолирован от внешней среды. Кнопка взрывателя находилась в кабине.

– Что за «Муций Сцевола»? – дрожащим голосом спросил Бабельянц. Его, конечно, никто не слышал.

Внезапно в дверях показалась молодая мундиморийка.

«Это ещё кто?» – подумал Антоха, оглядывая её светло-русые волосы и большие синие глаза. Женщина молча подошла к панели управления и остановилась, глядя на мониторы.

– Мы окружены, Ваше Высочество, – печально произнесла Хельмимира.

– Чьи это корабли? – взволнованно спросила принцесса. – Кто из генералов ими командует?

– Не знаю, они не представлялись. Образцы в порядке?

– Их упаковывают мои люди.

– Какова их масса вместе с ящиком?

– Два с половиной кошкоградуса.

– Отлично.

Хельмимира вновь обернулась ко всем, кто находился в кабине – и Дюндель различил на её лице выражение какой-то стоической иронии.

– Что ж, господа, – произнесла она, – вот, пожалуй, и всё... Впрочем, у нас мало времени. Итак, в ангаре нижнего отсека стоит мой аппарат «Мэри Шелли». Предельная взлётная масса в наших условиях позволит взять на борт семерых пассажиров. Ценный груз в приоритете. Ваше Высочество, заберите образцы из лаборатории. У вас будет возможность провести «Мэри Шелли» через подземный туннель и спрятаться на дне ближайшего кратера. Когда поле белиберды будет снято – немедленно улетайте. Топлива и зарядов должно хватить надолго. Вам помогут Гардиальд и Стефания.

– Мои помощницы должны ехать со мной, – твёрдо про-

говорила принцесса.

– Хорошо. Итак, это ещё два места...

Дюндель плохо понимал, о чём говорила Хельмимира. Однако, видя встревоженные лица партизан, он смутно чувствовал, как надвигается нечто неотвратно-ужасное.

– Что ж, – сказала Хельмимира, посмотрев на Гоблиновича, – можно взять ещё двоих...

Иннокентий нервно сглотнул. Ему вспомнилось, как во время последней поездки за пищимуминским топливом он тайно встретился с сестрой – и его сердце горестно заняло от невыносимого сожаления.

– Хельмимира, – произнёс Гоблинович, приложив руку к груди, – я готов остаться здесь и умереть за дело космических партизан... Но, прошу, выгони отсюда моих пацанов. Я их матерям обещал...

Растерянный и жалкий, застыл он перед Хельмимирой в нелепой позе просителя. Его глаза выражали такое отчаяние, что Антоха невольно содрогнулся. Он стал понимать, что происходит – и тут же в груди у него похолодело.

– Хельмимира, я тоже хотела бы остаться, – внезапно произнесла Стефания.

Дюндель испуганно посмотрел на любимую.

– Что ты несёшь?! – воскликнул Гардиальд. – Ты не в себе!

– Я говорю это не потому, что из меня выкачали много чистого энтузиазма, – всё так же спокойно проговорила Стефания, не глядя на брата. – Мне хотелось бы искупить всё

зло, которое натворила Гвендельфина Куколка. Я мечтаю об этом с тех пор, как излечилась.

– Что происходит?! – спросил Дюндель.

Стефания обернулась и посмотрела на него в упор.

– Извини, парень, – вздохнула она. – Я привела тебя сюда, но скоро всё исправлю.

– О чём ты? – не унимался елдыринец.

– Этот корабль нужно уничтожить. Спасай свою шкуру, пока его не разнесло к чертям собачьим.

– А как же я? – в испуге мямлил Бабельянц, едва не плача. – Я жить хочу!

– Заткнись, – коротко сказала Хельмимира.

– Стефания, прекрати! – закричал Гардиальд, срываясь с места.

– Не смей мне указывать! – воскликнула Стефания. – Я жила как ничтожество – но умру как достойный человек. Сколько девушек отупело из-за моего блага?

Поражённый, Гардиальд молчал – и только смотрел на сестру, пытаясь подавить невыносимую горечь. Он знал Стефанию с детства и понимал, что не остановит её от безумного шага. Это была её личная борьба – борьба, в которой она могла победить лишь посмертно.

Хельмимира подошла и взяла Стефанию за запястья.

– Ты молода, – сказала мундиморейка, – а я давно живу на свете совсем не ради удовольствия... Ты действительно хочешь остаться?

– Да, хочу, – не задумываясь, ответила Стефания.

Несколько секунд Хельмимира внимательно смотрела на неё.

– Будь по-твоему, – проговорила, наконец, Хельмимира. – И знай, что умираешь не напрасно. Тебя будут чтить как героя.

Дюндель едва мог поверить тому, что видел и слышал; его вселенная рушилась прямо на глазах. Его счастье не ускользало из-под пальцев – оно спокойно уходило, не считаясь с его мнением. Что сделал бы «настоящий мужик» на месте бедняги? Конечно, взял бы девушку на руки и выволок бы её из горящего корабля против воли... Красивая, романтическая сцена! Однако – посреди абсолютной безысходности – елдыринец внезапно осознал: поступив таким образом, он вытер бы ноги о мнение любимой женщины.

Прощаясь, Гардиальд обнял сестру. Потом подошла Визулинда.

– Будь уверен, – сказала Хельмимира, пожимая руку Иннокентия, – что мальчики будут в порядке. Я лично прослежу за тем, чтобы их доставили домой.

Антоха смотрел, ошарашенно хлопая глазами. Он смутно понимал, что будет помнить эту минуту до конца своих дней – и, возможно, никогда не простит себе того, что случилось.

– Ну, – спокойно сказал Гоблинович, кивая в сторону племянника, – маме привет...

В груди Антохи мучительно заныло – так, что он был не в

силах говорить и двигаться. Отдав последние распоряжения, Хельмимира повернулась и зашагала к выходу: она ненавидела прощаться...

– А как же я? Возьмите меня! – тихо скулил Бабельянц, которого никто не слушал.

– Да ладно тебе, дед, – успокаивал его Иннокентий, – мы с тобой уже порядком пожили – дай теперь другим...

– Гвендельфина, я не уйду, – внезапно проговорил Дюндель.

Хельмимира резко остановилась. Взгляды всех, кто был в кабине, устремились на Дюнделя. Стефания тоже смотрела – и в глазах её была ярость.

– Убирайся отсюда, мать твою! – воскликнула девушка, бросаясь на Дюнделя едва ли не с кулаками. – Ты что, ради симпатичной куклы сдохнуть готов?

Дюндель стоял перед ней, словно голый – и сердце его наполнялось болью и нежностью. Ему было почти плевать на то, что она говорила. Он и сам знал, что ведёт себя, как дурак... знал, но не мог иначе.

– Всё это так гадко и сложно, – произнёс елдыринец. – Я просто хочу остаться с тобой.

В кабине воцарилась тишина. Даже перепуганный Бабельянц невольно умолк.

– Ну, вот мы всё и решили, – сказала, наконец, Хельмимира. – Иннокентий, ты с нами.

Хельмимира вновь направилась к выходу. Антоха застыл,

поражённо уставившись на Дюнделя. Тот, опустив руки в карманы, смотрел на него с невозмутимым спокойствием. Визулинда и Гардиальд поспешили вслед за Хельмимирой: времени оставалось немного.

– Эй вы, поехавшие гуманитарии, – донеслось из динамика, – вы там что, ритуальный суицид затеяли? Если сейчас же не ответите – мы откроем огонь по вашей базе!

Внезапно Гоблинович подошёл к Дюнделю – и врезал ему прямо в лоб. Дюндель пошатнулся, теряя сознание. Его успел подхватить Антоха.

– Спасибо, дядя Кеша! – воскликнула Стефания и, включив микрофон, сказала: – Вниманию имперских войск! Мы, «Фёдор Михалыч», сдаёмся...

Теперь счёт пошёл на минуты. Хельмимира и её подручные поспешили в стерильный блок; Антоха тащил полуобморочного Дюнделя. Их ждали две ассистентки; ценный груз был готов к перевозке.

Прямо из лаборатории они направились в тайный ангар. Препарат поместили в грузовой отсек; действовать приходилось аккуратно, но быстро. К тому времени, когда имперцы вошли на борт, Хельмимира уже вела свой небольшой корабль по туннелю. Остановившись на дне кратера, она принялась наблюдать за небом: вот-вот должны были снять белиберду... Внезапно, словно из ледяного сосуда, Хельмимиру окатило страшным прозрением...

– Проклятье! – сказала она, поражённая запоздалой мыс-

люю. – Нужно было пристрелить старика!

Когда «Мэри Шелли» покинула ангар, Стефания нажала на кнопку взрывателя. Таймер был установлен на двадцать джоселинских минут.

– Не грустите, дядя Кеша, – с улыбкой произнесла Стефания. – Мы умираем за великое дело космических партизан.

Гоблинович видел, как приближаются имперские корабли; видел, как они заходят в открытые шлюзы. Красивое лицо Стефании озарилось неестественной, спокойной радостью: она ликовала – и от этого Иннокентию было не по себе. Внезапно он понял, что его не так пугает близкая смерть, как это фанатическое торжество.

– О, а вот и мальчики, – беззаботно сказала Стефания, наблюдая за тем, как солдаты выходят из кораблей. – Ничего, мы и их с собой захватим. А если повезёт – захватим и главного... Хотя, наверное, нет. Осталось не так много времени.

Только теперь Иннокентий заметил, что Бабельянец куда-то исчез. Военные ворвались в кабину как раз тогда, когда «Фёдор Михалыч» должен был взлететь на воздух.... Однако этого не произошло. Громадный корабль оставался невредим и через двадцать, и через тридцать минут, и позже.

А спустя некоторое время в кабину вошёл молодой широкоплечий мундимориец в повседневном чёрном кителе с генеральскими нашивками.

– Не это ищите? – обратился он к Стефании и Гоблиновичу, показывая взрыватель.

Сердце Стефании упало. Взгляд её помутнился; будто в кошмарном сне, она увидела Бабельянца, который семенил рядом с командиром.

– Полюбуйтесь-ка, генерал Зубарев, на этих камикадзе! – говорил дед. – Не коллектив, а общество любителей пиротехники!

Имперские солдаты заняли командный пункт «Фёдор Михалыча». Пленников увели по каютам. Оставшись наедине с Гоблиновичем, Стефания глухо зарыдала.

– Ничего, – успокаивал её Иннокентий. – Главное, что мы с тобой живы. А там как-нибудь сложится.

Тем временем люди Зугарда осматривали завод. Сам генерал, заходясь от радости, мысленно потирал руки. «Здесь, наверное, производят какое-то сверхтопливо!» – думал Зугард. – Повезло так повезло!»

– Генерал, – внезапно доложили ему, – захвачен ещё один корабль. Группа партизан пыталась бежать. На борту неизвестный груз.

– Немедленно обыщите их и доставьте сюда! – приказал генерал.

Он едва ли мог дожидаться, когда приведут пленников. «Наверняка там кто-то из верхушки», – догадался Зугард и почему-то предположил, что это непременно Исаак Бергдис Варда. Когда-то качкоид был его охранником, а после этого подло дезертировал прямо в объятия ведьмы Хельмимиры. «Хорошо ему, небось: из простого солдата – в ключевые фи-

гуры влиятельной шайки...» Тем не менее, когда ввели партизан, среди них не было ни одного качкоида. Был какой-то поджарый малый – возможно, один из близких подручных Хельмимиры; за ним следовали две мундиморийки (где бы генерал мог их видеть?); а вот и те самые шуты, которые привели имперцев на базу... Впрочем, кому они сейчас интересны?

Внезапно Зугард почувствовал немыслимую, жгучую дрожь по ходу позвоночника... За спиной одного из елдыринских клоунов показалась принцесса – его обожаемая, порочная, строптивая Визулинда. «Вот так добыча! – ухмыльнулся генерал. – А тощая вобла, кстати, Хельмимира».

Стараясь выглядеть как можно более подтянутым и спокойным, Зугард не спеша направился к пленникам. Всё это время Визулинда следила за ним своими насмешливыми глазами. Она была иронически невозмутима.

– Вот мы и встретились, Ваше Высочество, – произнёс генерал, подойдя ближе. – Такого я, признаться, не ожидал... Можно узнать, что вы здесь делаете?

– Я делаю здесь историю фармакологии, – проговорила Визулинда. – А вы?

– А я – историю Мундиморы, – ответил Зугард. – Пообщаемся?

– Похоже, у меня нет выбора.

– Конечно, нет, – с издёвкой произнёс генерал. – И будьте уверены: уж вас-то я допрошу по полной программе! Воз-

можно, придётся даже применить нестандартные методы допроса.

– Так вот, как вы обращаетесь с пленными, негодяй, – усмехнулась Визулинда.

– Только с вами. Вы только и делаете, что нарываетесь на наказание.

Все, кто находился поблизости, изумлённо слушали разговор генерала и принцессы.

«По-моему, здесь происходит что-то неприличное», – подумала Хельмимира.

– Эти двое явно трахаются, – заметил Бабельянц, обращаясь к какому-то солдату. – Ох уж этот ваш Зубарев!

Глава 18: Колодец и маятник

Стефания давно успокоилась и теперь неподвижно сидела, опустив руки и уставившись в одну точку. Иннокентий листал книгу-лайку, которую нашёл в ящике жестяной тумбы. «Хорошо, что у партизан всегда есть что почитать», – радовался елдыринец. Нужно было хоть как-то скоротать невыносимое время до прихода палачей. Бедняга искал среди прочих рассказов «Колодец и маятник» Эдгара По.

Внезапно дверь каюты распахнулась. Стефания вздрогнула; Иннокентий резко поднял голову. Шагая один за другим, в проёме появились поочерёдно Антоха, Гардиальд и Дюндель. Не веря своим глазам, Иннокентий быстро свернул голограмму и вскочил с места. Стефания издала болезненный вздох и уронила голову. Всё было кончено. Не спаслись даже те, кому она пыталась помочь.

– Препарат у имперцев? – спросила Стефания.

Гардиальд ничего не ответил и мрачно опустился на противоположную койку.

– Проклятье, проклятье! – бормотала Стефания, содрогаясь от бессильной ярости.

– Как вышло так, что корабль не взорвался? – спросил Гардиальд. Его душу разъедала горечь – и одновременно он был счастлив видеть сестру живой.

– Старик, – ответила Стефания, и в голосе её слышались

лась неумолимая злоба. – Он предал нас всех!

– Он, может, нам жизни спас, – тихо сказал Гоблинович.

Стефания гневно сверкнула глазами. Гардиальд тоже поднял голову – однако в его облике Иннокентий усмотрел лишь отчаяние. Антоха и Дюндель так и продолжали глупо стоять у входа. На лбу у Дюнделя красовался свежий «фонарь».

– Садитесь, ребята, – сказал им Гоблинович. – В ногах правды нет.

Оба елдыринца опустились на койку рядом с Гардиальдом.

– Где Хельмимира? – спросил Иннокентий.

– Увели отдельно, – ответил Гардиальд.

– А принцесса?

– Осталась в цеху, и с тех пор я её не видел. Вначале нас держали вместе с лаборантками, а потом почему-то перевели сюда.

В каюте воцарилось молчание. Обсуждать было нечего. Оставалось лишь мучительно ждать. Иннокентий вернулся к своим голограммам. Брат и сестра сидели друг напротив друга – и на лицах обоих застыло одинаковое выражение безысходности. Поглядывая исподтишка, Дюндель сравнивал их похожие профили. Время от времени Стефания поднимала на него глаза – и тут же отводила их в сторону. Ей было невыносимо больно и стыдно. Так прошло около часа по джоселинскому счёту.

– Ребята, хотите книжки почитать? – предложил Инно-

кентий, показывая два лиловых полуэллипса.

Антоха изумлённо посмотрел на дядьку – и внезапно почувствовал приступ ярости.

– Ты что, совсем поехавший?! – воскликнул он. – Какие нахрен книжки?! Ты понимаешь, что мы все скоро сдохнем?!

– Может и сдохнем, – согласился Гоблинович, – зато хотя бы грамотными...

Антоха невольно осёкся.

– А стихи есть? – неожиданно спросил Дюндель.

– Стихов нет, – проговорил Иннокентий. – Зато есть «Ярмарка тщеславия», «Мартин Иден», «Пигмалион», «Превращение»...

– Что за «Пигмалион»? – спросил Дюндель.

Антоха посмотрел на него, как на ненормального.

– «Пигмалион», – объяснил Гоблинович, – это про то, как девка из грязи человеком становится...

– А «Превращение»? – снова спросил Дюндель.

– А «Превращение» – это, наоборот, из человека в насекомое...

На секунду в глазах Дюнделя загорелся любопытный огонёк – так, будто бы и не существовало вокруг него всей этой ужасающей безнадёги. Он посмотрел на Стефанию. Девушка улыбнулась ему печально и нежно – сквозь невыносимую горечь.

Внезапно щёлкнули засовы – и взгляды пленников устремились на дверь. Через секунду в каюте оказались несколько

солдат.

– На выход! – скомандовал тот, что был в звании ефрейтора. – По одному.

Пленники подходили один за другим. Военные сканировали их радужки надевали наручники на каждого. После этого конвой с арестантами двинулся по коридорам «Фёдор Михалыча». Иннокентий невольно вспомнил тот изначальный день, когда он впервые познакомился с космическими партизанами. «Отвык я ходить здесь пленником», – с грустью думал Иннокентий.

Дорога была ему знакома: кратчайший путь до ангара. Теперь там стояли боевые корабли имперцев. Гоблинович ожидал увидеть, как оборудование завода погружают на борт какого-нибудь тяжёлого крейсера. Однако вокруг было тихо. Наконец, пленников подвели к одному из кораблей. Шлюз был открыт – и Гоблинович заметил внутри аппарата корпус «Мэри Шелли». У входа на борт показалась фигура с автоматом. Опустился трап – и ефрейтор приказал арестантам подниматься. Идти пришлось недолго: камера, в которую их посадили, находилась неподалёку от входного отсека. «И что толку? – усмехнулся Иннокентий. – Куда мы денемся с космического корабля?» Дверь закрылась – и вот пятеро несчастных гуманоидов оказались в перевозке для военнопленных. Она была ещё меньше, чем каюта на «Фёдор Михалыче». У стены находилась единственная узкая скамейка.

– Плавали, знаем, – горько заметил Антоха, оглядевшись.

Им с Дюндедем было не впервой.

Пленники расположились на скамейке. Руки приходилось держать за спиной, и они страшно затекали. Дюндедю хотелось в туалет, а проситься было неловко. Ещё некоторое время корабль оставался в ангаре «Фёдор Михалыча». Наконец, пленники ощутили, как тронулись в путь. «Скорее всего, на Джоселин», – сказал Гардиальд.

Первое время в пути прошло также, как и последний час на борту захваченного судна. Сжав зубы, Антоха угрюмо пялился перед собой. Гардиальд был равнодушно подавлен. Его сестра теперь казалась поникшей. Дюндедель сидел рядом и сожалел, что не может взять её руку. Всё, что произошло во время этого безумного путешествия, выглядело абсолютным бредом. Дюндедель то оказывался на вершине счастья, то падал в бездну мучений. Кулак Иннокентия опустился на него как один из ударов судьбы. Дюндедель очнулся уже на борту аппарата Хельмимиры, который тут же снова захватили – и бедняга понял, что ничего не окончено. Стефания была жива – но в руках негодяев. «Возможно, это всё ещё дурацкий сон», – с надеждой думал Дюндедель, ожидая увидеть танцующих карликов. Однако вселенная вокруг него была слишком осязаемой.

Внезапно откуда-то сверху послышался грохот. Пленники испуганно переглянулись. Свет в каюте погас.

– Что за... – проговорил Антоха и, не успев окончить фразу, резко обернулся по направлению к двери. Её пытались

открыть.

Стефания вскочила с места. Гардиальд настороженно вытянул голову. Входная створка отодвинулась, и в темноте пленники различили высокий силуэт гуманоида. В руках он держал фонарик.

– Повернитесь, – произнёс незнакомец, – я сниму наручники.

Ошарашенные, пленники медлили.

– Быстрее, – сказал гуманоид. – Пока не сработали резервные генераторы.

– Ты кто? – спросил Гардиальд.

– У нас мало времени, – отозвался незнакомец.

В коридоре было темно. Никто из пленников не решался двинуться.

– Снимайте наручники! – произнесла, наконец, Стефания и повернулась.

Незнакомец приблизился к ней – и через секунду её руки были свободны. Остальные пленники последовали её примеру. Сняв наручники со всех, незнакомец выключил фонарь.

– Двигайтесь как можно тише, вдоль стены, – сказал он. – Я выведу вас к ангару.

Пленники выбрались из камеры ощупью. Осторожно, на полусогнутых, они двинулись за своим провожатым. Вначале шла Стефания, за ней – Дюндель, Антоха и Гардиальд. Иннокентий был замыкающим. По дороге елдыринец пытался представить себе схему коридоров корабля. За то время,

которое Гоблинович провёл в отряде, он успел изучить многие модели мундиморийских аппаратов. Все они имели шаровидную (реже – эллипсоидную) форму и были поделены на сегменты. В разных кораблях могло быть неравное количество отсеков и уровней, однако принцип строения был один и тот же: кабина управления, реактор и энергостанция – по середине, ангары – по краям, каюты – между кабиной и ангарами. «Скоро должен быть поворот к тому отсеку, где я видел «Мэри Шелли», – рассуждал Гоблинович. – Если только вход на этом уровне».

И вправду, вскоре Иннокентий нащупал угол и повернул за него. Впереди выругался Антоха. «Чего это он?» – пронеслось в голове у Иннокентия, однако он не успел додумать и едва не споткнулся о что-то мягкое. По ощущениям оно было похоже на человеческое тело. «Не наступи», – запоздало шепнул ему Гардиальд. «Вот так молодчик! – подумал Иннокентий, имея в виду провожатого. – Неужели это он в одиночку всю охрану уложил?»

Внезапно Гоблинович наткнулся на Гардиальда. Процессия остановилась. Некоторое время никто никуда не двигался. Недоумевая, Дюндель успел даже тронуть Стефанию и спросить, в чём дело. Стефания ограничилась коротким «Тсс». Внезапно появился свет. «Ёперный театр!» – воскликнул Антоха, увидев на полу нескольких солдат. Тем временем, провожатый принялся переговариваться с кем-то по рации. Теперь пленники видели, что он тоже был одет в во-

енную форму. Послышался щелчок – и дверь в ангар стремительно двинулась вверх.

– Быстрее, ищите тот аппарат, на котором вы пытались бежать с грузового судна, – сказал незнакомец, обернувшись к пленникам. – Мои ребята заняли командный центр. Они откроют шлюзы.

– Спасибо! – сказала Стефания и бросилась в ангар. Пленники поспешили за ней. Гоблинович успел рассмотреть нечаянного спасителя: мундимориец, карие глаза и рыжие волосы.

Стараясь не отставать друг от друга, пленники бежали по ангару. Партизаны пытались высмотреть очертания знакомого аппарата. Гардиальд и Стефания знали код, по которому можно было попасть в кабину. Наконец, у самого шлюза они увидели «Мэри Шелли». Ребята устремились к ней – однако тут же изумлённо замедлили шаг: дверь корабля приоткрылась. На борту явно кто-то был.

– Это ловушка! – воскликнул Гардиальд.

Ребята замерли, не решаясь двинуться дальше. Внезапно из кабины выглянула Хельмимира.

– Живо на борт, идиоты! – закричала она сердитым голосом.

– Не слушайте её! – настаивал Гардиальд. – Это копия!

Тогда мундиморийка высунулась из аппарата всем телом и покрыла беднягу отборными, изошрёнными ругательствами. После этого сомнений не оставалось: перед пленника-

ми действительно была Хельмимира. Стефания радостно вскрикнула и бросилась в кабину «Мэри Шелли». Гардиальд смущённо потрусил следом. Когда все пленники оказались на борту, Хельмимира заблокировала выход. Спустя некоторое время открылся спасительный шлюз – и «Мэри» устремилась навстречу свободе. Оказавшись между первыми и вторыми воротами, беглецы боялись, что там застрянут. Однако всё обошлось – и аппарат на полном ходу покинул вражеское судно.

Оторвавшись от имперского корабля на много эризенов, Хельмимира взяла курс на ближайшую партизанскую базу. В кабине царило молчание: беглецы всё ещё не верили, что их беды окончены. Антоха и Дюндель изумлённо переглядывались, как бы спрашивая друг друга, не мерещится ли им чудесный подарок судьбы. Гоблинович смотрел по сторонам и улыбался, как дурак. Стефания, смягчившись, подарила Дюнделю короткое, счастливое объятие.

– Ты уверена, что за нами не следят? – спросил Гардиальд, обращаясь к Хельмимире.

– Уверена, – спокойно отозвалась та.

– Может, объяснишь, что всё это значит? – продолжал допытываться Гардиальд. – Что за союзники в рядах имперцев?

– Подпольная организация военных, – невозмутимо ответила Хельмимира, продолжая смотреть на данные обзорных камер.

– Почему мы раньше о ней не знали?

– Наверное, потому, – усмехнулась Хельмимира, – что военные подпольщики не обязаны рассказывать о себе каждому встречному.

Гардиальд умолк. Остальные путники тоже притихли, слушая разговор.

– Хорошо, допустим, – вновь произнёс Гардиальд. – Скажи: как ты оказалась на борту?

– За мной пришли в каюту и куда-то повели, – объяснила Хельмимира. – Попутно мне сказали, что саботируют поломку энергостанции. Я попала в ангар до того, как это случилось, и там нашла «Мэри Шелли». Потом появились вы – а дальше ты знаешь.

– Но как они сумели провести тебя по кораблю незаметно для командиров? – не унимался Гардиальд. – Там повсюду камеры!

– Я знаю только то, что наши союзники захватили заложников. Возможно, кто-то из командования тоже на нашей стороне.

Гардиальд снова замолчал, обдумывая слова Хельмимиры.

– Да успокойся ты уже, – сказал ему Гоблинович. – Не можешь просто порадоваться?

– Да уж, порадоваться! – воскликнул Гардиальд. – База уничтожена, препарат у имперцев, наши товарищи в плену или погибли, а мы, возможно, на крючке у генерала!

Смуглое лицо Стефании вновь стало бледным. Дюндель

знал: она обвиняет себя во всём, что случилось. Кроме того, он мучился осознанием и своей вины. Они с Антохой за- просто могли привести генерала на базу. «Хоть бы это было не так! – с надеждой думал Дюндель. – Возможно, имперцы разнюхали про препарат каким-нибудь другим способом?» Однако правду не мог сказать никто – и они со Стефанией теперь делили мрачную тайну.

База, куда взяла курс Хельмимира, находилась в жерле потухшего вулкана каменистой планеты. Не разобравшись, кто есть кто, партизаны сначала попытались обстрелять своих же. Однако всё закончилось благополучно, и путникам позволили стыковаться с одним из кораблей. Хельмимира приказала проверить «Мэри Шелли».

– Я сам это сделаю, – заявил Гардиальд.

К счастью, на базе нашлось несколько свободных коек. Антоху, Гоблиновича и Дюнделя разместили втроём, Гардиальда «подселили» к одному из партизан, а Стефании выделили одиночную каюту. Хельмимира сказала, что отдыхать не будет.

– Что теперь? – спросил Антоха, когда елдыринцы остались одни.

Гоблинович усмехнулся.

– Теперь домой поедете, – благодушно произнёс он, откидываясь на койку. – Матери привет от меня передашь. Только скажи, что пить бросил... Она, может, порадуется.

Антоха смотрел на морщинистое лицо дядьки, вспоми-

ная, как тот едва не умер, пытаясь спасти их с Дюндедем. Антоха чувствовал восторг и благодарность. А ещё ему было невыносимо стыдно – за то, что накричал на Иннокентия в тяжёлые часы их плена... Да и за всё остальное тоже.

– А гараж, – решил спросить Антоха, – он всё ещё у партизан?

– Конечно! – весело проговорил Гоблинович. – Его, правда, разобрали. Но ты не бойсь: починят и вернут в лучшем виде.

Сердце Антохи сжалось. Он вспомнил, как в детстве Гоблинович водил его в парк, и вместе они мастерили кормушки для птиц... А ещё дядька научил Антоху читать намного раньше, чем тот пошёл в школу. Наверное, хотел его нормальным человеком вырастить.

Иннокентий рассказал ребятам, что дома на них даже успели написать заявление – не из-за коммуникатора, а из-за той «ласточки», которая находилась в гараже. Впрочем, это было совсем не важно для убитой горем матери. Позже явился Гоблинович и принёс новости про Антоху. На радостях женщина дала денег хозяину машины – и тот забрал заявление обратно.

– Так что порядок, можно смело возвращаться, – довольно заключил Иннокентий.

– А я даже документы не взял, когда на базу летели, – вздохнул Дюндель.

– Ничего, повезём тебя в скрытом отсеке, когда снова за

какахами полетим, – успокоил его Гоблинович.

Дюндель странно смутился и опустил взгляд.

– Спасибо за синяк, – тихо сказал он.

– А это ты меня научил, – отозвался Гоблинович.

Дюндель оторопел. Лицо Иннокентия озарилось усмешкой – хитроватой и снисходительной.

– О чём вы говорите? – удивлённо спросил рэпер.

– А помнишь, когда лось чуть было гараж не протаранил? – весело произнёс Гоблинович. – Ведь это ты повернул рычаг... Тогда-то я и понял, что нужно не только думать, но и действовать. Нас, интеллигентов, часто упрекают в слабости. Потому что мы слишком много думаем и сомневаемся. А те, кто понаглее, идут напролом. Партизаны в этом плане молодцы: не только рассуждают, но и борются.

Ребята слушали дядьку – и внезапно Антоха понял, почему «пацанское» сознание так сильно презирает образованных людей.

– Помните, ребята, я рассказывал вам о Программе Всеобщей Дебилизации? – спросил Гоблинович.

Елдыринцы знали о программе давно – ещё с тех пор, как жили у Фридриха.

– Так вот, – продолжал Иннокентий, – теперь мне кажется, что и у нас в Елдыринской Губернии существовало – или существует – что-то подобное. Судите сами: народ совсем перестал читать – а если и читает, то только псевдонаучную псевдофантастику или вовсе бульварщину. Люди тупеют и

опускаются. Зачем развиваться, если это не принесёт тебе денег? Врачу, преподавателю или учёному много не заплатят. Единственный способ заработать – это покупать за два и продавать за пять. К чему тут образование? Но и у тех, кто купил за два и продал за пять, рано или поздно отберёт государство... Так и живём без перспективы – среди хамства, невежества, безразличия...

Иннокентий печально вздохнул. Его простая речь звучала как откровение. Внезапно Дюндель осознал, почему Иннокентий стал партизаном.

– Ладно, ребята, – сказал Гоблинович, вставая с койки. – Пойду спрошу, не нужна ли нигде моя помощь. Вы тут пока отдыхайте... Думаю, скоро должны покормить.

Он вышел. Ещё некоторое время друзья сидели молча.

– Слышь, – произнёс Дюндель, – я вот что думаю... Это, наверное, мы генерала на базу привели...

– Не факт, – возразил Антоха. – Мало ли, какие у них там разборки... Может мы, а может и нет.

Некоторое время Дюндель молчал, а потом произнёс:

– Знаешь, иногда я боюсь, что нас тоже отупили.

Антоха громко хмыкнул.

– Не было такого, – заявил он уверенно.

– Я не говорю про лазер. Но сам подумай: те шоу, которые мы смотрели... Разве от них не тупеешь?

Антоха задумался. Ещё пару лет назад он даже не понял бы, о чём речь. Теперь же он ощущал в словах Дюнделя несо-

мненную правоту.

– Ну, в общем-то, да... – неохотно согласился Антоха. – Есть такое дело насчёт всех этих шоу... Но знаешь, они ведь для того, чтобы прийти с работы и просто повтыкать – а не для того, чтобы думать.

– А можно ведь одновременно отдыхать и думать...

Антоха изумлённо посмотрел на Дюнделя.

– Дома у нас тоже культура не ахти, – продолжал Дюндель. – В школе толком не учимся, книжек дома нет... Возможно, от всего этого мы и вправду тупеем? Ты никогда не думал, что нужно заставлять себя читать и смотреть то, что поначалу кажется тебе неинтересным – просто чтобы не деградировать? Знаешь, невкусные продукты часто полезны. Мне стало казаться, что многие неинтересные вещи тоже полезны – в плане развития.

– А если я не хочу этого твоего развития? – усмехнулся Антоха.

Дюндель посмотрел на друга с недоверчивым укором – и оба понимали, что Антоха упрямится только по привычке. Развитие было неизбежно.

За всеми этими разговорами Дюндель совсем забыл о главном. Необходимо было согласовать с Антохой легенду на случай допроса. Внезапно он испугался: что, если вот-вот их вызовут в кабинет Хельмимиры – а история ещё не готова?

– Короче, – снова обратился он к другу, – я рассказал Стефании про наш с тобой «лагерь военнопленных» ...

Антоха тут же вскочил. Голова бедняги едва не задела верхнюю койку.

– Какой ещё Стефании?! – испуганно переспросил елдыринец. – Ты что, совсем debil?

– Стефания – это Гвендельфина, – объяснил рэпер.

Антоха продолжал ошарашенно пялиться.

– Нахрена ты это сделал? – воскликнул он с негодованием. – Нас, мать твою, расстреляют!

– Никто нас не расстреляет. Нам просто нужно придумать легенду. Давай договоримся, когда и как мы попали в лагерь, и почему нам удалось бежать...

Ребята худо-бедно придумали историю. Оба надеялись, что их никто не слышит. Оставалось только рассказать легенду Стефании, чтобы она подправила недочёты.

Спустя некоторое время партизаны объявили трапезу. Антоха и Дюндель тоже отправились в пищеблок. Он выглядел точь-в-точь, как на «Фёдор Михалыче»: множество секций и транспортная лента между столами. Антоха набросился на еду, а Дюндель смотрел на неё без аппетита. «Они нас угощают, а мы их едва не погубили», – думал Дюндель, имея в виду партизан. Ему вновь сделалось гадко. Бедняга даже отказался от порции и взял только напиток. На протяжении всего ужина он смотрел по сторонам. Наконец, он заметил Стефанию: она сидела за одним столом с Гардиальдом, Хельмирой и ещё каким-то мундиморийцем – возможно, командиром базы.

– Ну и когда нас начнут допрашивать? – тихо спросил Антоха.

– Не знаю, – отозвался Дюндель. – Хотел бы я, чтобы про нас забыли...

После трапезы кто-то из партизан отправился готовиться к отбою, а кто-то сменил товарищей на боевых постах. Снова заработали раздаточные – и вот уставшие защитники базы пришли в столовую поесть и отдохнуть. Выйдя из пищеблока, Дюндель отправился в каюту Стефании.

– Не спишь? – спросил Дюндель, заглядывая.

– Заходи, – сказала Стефания.

Когда елдыринец оказался внутри, она вновь заблокировала дверь. Дюндель уселся рядом с любимой. После ужина она успела сходить в душ и переодеться: волосы были ещё влажные, а потёртый комбинезон сменился бесформенным – явно не по размеру – спортивным костюмом. Она сидела на койке лицом к Дюнделю – скрестив ноги и немного поджав их под себя.

– Странно всё получилось, да? – спросил Дюндель.

Стефания усмехнулась – и эта усмешка была хуже любых рыданий.

– Катастрофа – вот что получилось, – сказала она после паузы. – И я виновата в ней больше остальных.

– Послушай, – обратился к ней Дюндель, – хватит уже винить себя...

– Ты тоже хорош! Нельзя было сразу во всём признаться?

– Нас точно никто не слышит?

– Нет.

– Ты уверена, что именно мы привели генерала на базу?
Несколько секунд Стефания молчала.

– Я не знаю, – вздохнула она. – Хотя, если честно, всё это именно так и выглядит.

Дюндель рассказал ей легенду, которую придумали они с Антохой. Девушка выслушала и подправила несколько важных деталей. Елдыринец постарался запомнить названия зон и объектов. Влюблённые шептались, словно заговорщики. Грустная тайна сблизила их ещё больше.

– Знаешь, я очень благодарна тебе за то, что ты здесь, – призналась девушка. – Мне даже легче. Когда я остаюсь одна, то мучаюсь воспоминаниями.

– О чём? – решил спросить елдыринец.

– О том, что творила Гвендельфина Куколка. Я ненавижу её всем сердцем.

Дюндель почувствовал невольную обиду. Они ведь были так счастливы вместе!

– Неужели ты не помнишь ничего хорошего из нашей прошлой жизни? – тихо спросил елдыринец. – Я был крутым гангстером, ты была моей девочкой. А мир вокруг нас напоминал сериальчик на канале Харальдюфа, где полным-полно красивых шмоток и нет ни боли, ни смерти...

– Ни смысла, – добавила Стефания. – Смысла там тоже нет.

Дюндель умолк, мысленно соглашаясь.

– Знаешь, – продолжала Стефания, – меня тошнит от таких сериальчиков. В реальной жизни красивая девочка может иметь сильную волю и хороший мозг. В реальной жизни крутые парни иногда болеют, нищают и проигрывают. Неуязвимых нет. Мы все иногда бываем унижены и неправы. А люди всё продолжают гоняться за романтикой, которая, по сути, нежизнеспособна. Они пытаются строить свою судьбу по фальшивым схемам – а потом удивляются, почему вселенная к ним жестока... И вот их – эти кривые, фальшивые схемы, эту ложную романтику – Гвендельфина Куколка транслировала молодым женщинам. Теперь ты понимаешь, почему она должна была сдохнуть?

Дюндель смотрел на любимую. В её глазах застыло бесильное страдание.

– Прости её, – внезапно произнёс елдыринец.

Стефания замерла, уставившись на него. Безднадёжная тоска сменилась удивлением.

– Знаешь, я тоже совершил много плохого, – продолжал Дюндель. – Помнишь мои старые композиции? Это же ужас! Удивляюсь, как вы меня ещё не расстреляли ...

Стефания слабо улыбнулась.

– Я и сам сожалею о многом, – признался рэпер. – Но разве можно казнить себя за то, что не родился идеальным? Я был глуп, а с тобой случилось несчастье. Теперь нужно просто двигаться дальше, чтобы исправить свои ошибки. Кста-

ти, как раз об этом я и хотел с тобой поговорить...

Стефания слушала, не перебивая. Дюндель заметил, что лицо её немного просветлело.

– Так вот, – произнёс елдыринец, собравшись с мыслями. – Я много думал и решил стать космическим партизаном.

Глаза Стефании, которые и без того напоминала огромные тёмные вишни, расширились ещё больше.

– Ты это серьёзно? – переспросила она. – Это... из-за меня?

– Я люблю тебя, – ответил рэпер, – но совсем не поэтому хотел бы пойти в отряд. Мне не нравится то, что происходит – и здесь, и у меня на родине. Я скучаю по старой жизни, по дворовым пацанам – но понимаю, что больше не разделяю их ценности. Мне нечего делать в родном городе. А если бы я мог вернуться на Джоселин и дальше работать на Харальдюфа, то стал бы ещё несчастнее... Единственное, чего я по-настоящему хочу – это начать новую жизнь. Я готов бороться. Вы примете меня?

Несколько секунд Стефания молча смотрела на Дюнделя. Теперь её лицо выражало нечаянную, неуверенную радость – и одновременно было что-то тревожное в её облике.

– Послушай, – произнесла она, подвигаясь ближе к Дюнделю и беря его руку, – всё может быть не так просто...

– В чём дело? – изумился Дюндель.

– Хельмимира думает, что тебя и твоего друга отупили в

лагере. Только поэтому она позволила мне привезти вас на базу.

– А мы скажем, что я не сильно отупел...

– Не выйдет. Она слышала твою «Тачку, жрачку, колбасу».

Дюндель выругался так цензурно, как только мог.

– Что же делать? – произнёс он в отчаянии.

– Мы могли бы сказать, что тебе помогла запрещённая литература, которую ты покупал у Фернандо Карендо, – предложила Стефания. – Не факт, что это сработает. Но попробовать стоит.

Вместе они отправились в командный центр базы, который находился на том же корабле. Как и всегда, Хельмимира заняла помещение недалеко от кабины, однако теперь это была намного более светлая и просторная каюта. Рабочий стол располагался в самом центре; в углу стояла койка. На потолке, ничем не прикрытые, виднелись элементы системы воздухоотвода. Чуть ниже, на стене, был расположен клапан для кислорода с фильтром. Влюблённые застали Хельмимиру за изучением космических карт.

– Ты что-то хотела? – спросила мундиморийка, увидев Стефанию.

Оробев, Дюндель остановился у входа.

– Хельмимира, – произнесла Стефания, – нам нужно поговорить...

Хельмимира оторвалась от голограмм и окинула её вопро-

сительным взглядом.

– Это Витя, – продолжала Стефания, указывая на елдыринца. – И он хотел бы стать одним из нас.

Наступила пауза. Хельмимира, которая до этого разговаривала исключительно со Стефанией, посмотрела на Дюнделя с надменным любопытством.

– Ты ведь знаешь, что идиот хуже предателя? – спросила Хельмимира. – Зачем нам в отряде тупой?

– Затем, что я хотела бы помочь ему, – ответила Стефания.

– Как можно помочь ему без препарата?

– С помощью литературы. Ему намного лучше после того, что он покупал у Фернандо – и я намерена продолжать.

– Подарим ему лайку, пусть лечится дома.

– Ему близки наши идеи. Он может быть полезен, когда выздоровеет.

– С чего ты вообще взяла, что он выздоровеет?

– Когда-нибудь мы снова наладим производство препарата.

– Вряд ли это произойдёт в ближайшее время. Визулинда, скорее всего, арестована. И её люди тоже.

Стефания обескураженно умолкла. Хельмимира смотрела на неё, прищурившись и слегка наклонив голову.

– Виктор – мой близкий человек, – сказала девушка после паузы.

– Разумеется, близкий, – произнесла мундиморийка. – Но

есть вещи поважнее, чем твои романтические отношения.

Лицо Стефании исказила гримаса обиды. Её губы болезненно сжались.

– Я доказала тебе свою преданность! – запальчиво проговорила она. – Я доказала, что готова умереть за идеалы партизанского движения!

– И теперь будешь этим спекулировать? – невозмутимо отозвалась Хельмимира.

– Не был я ни в каком лагере, – внезапно произнёс Дюндель.

Обе женщины устремили взгляды в его сторону. Стефания едва не издала испуганный возглас, а Хельмимира лишь усмехнулась – так, будто фраза елдыринца вовсе не была для неё новостью.

– Я расскажу вам правду, – продолжал рэпер. – Никто не отуплял меня. Я соврал про лагерь, потому что хотел попасть в отряд.

Не упуская подробностей, Дюндель признался Хельмимире в том, что они с Антохой просили помощи у имперцев. Он описал беседу в кабинете генерала, жизнь в Каролин-Порко и побег к Харальдюфу. Хельмимира слушала с большим вниманием; Дюнделю казалось, что каждую секунду она пытается подловить его на какой-нибудь незначительной лжи. Елдыринец старался быть как можно более честным – и всё же не хотел подставлять друзей. Пришлось, например сказать, что Антоху отупили, когда тот поссорился с «вертухаями».

– А как насчёт Стефании? – спросила Хельмимира. – С каких пор вы в сговоре?

– Ни с каких, – упрямо произнёс Дюндель, потупившись. – Она ничего не знала до этого момента.

Хельмимира уничижительно рассмеялась, и Дюндель почувствовал себя идиотом.

– Вы что, и вправду подумали, что можете обвести меня вокруг пальца? – проговорила Хельмимира, и в голосе её слышалась странная весёлость.

Стефания стояла, опустив глаза. Сердце Дюнделя сжалось от невыносимого ощущения обиды и несправедливости: как смеет эта мундиморййка осуждать его возлюбленную?! Внезапно Дюндель понял, что больше не боится ни Хельмимиру, ни её телохранителей.

– Мадам! – заявил он, глядя в глаза Хельмимиры. – Я рассказал вам правду, и я ни в чём перед вами не виновен. Возможно, я навредил вам, спасаю свою шкуру – а возможно и нет. Но я действительно не знаю, кто привёл на вашу базу войска генерала Зугарда. Однако вы можете расстрелять меня – если вам угодно расстреливать людей за то, что они не идеальны.

Хельмимира смотрела на елдыринца надменно и насмешливо – однако он видел, что его смелость произвела на неё впечатление.

– Пошли вон с глаз моих, оба, – беззлобно приказала Хельмимира.

Влюблённые отправились в каюту Стефании. А через пару часов Хельмимира вновь вызвала их к себе и объявила, что принимает Дюнделя в отряд.

Глава 19: Антоха в стране чудес

Гараж находился на одной из партизанских баз далеко за пределами «ядра» империи. Сначала его пытались разобрать в поисках таинственной технологии. Потом елдыринцы рассказали Хельмимире секрет лосиных фекалий, и она потеряла к гаражу всякий интерес. Детали полуразобранного аппарата погрузили в специальный контейнер. Долгое время он стоял в ангаре «Фёдор-Михалыча». Когда же «Фёдор Михалыча» стали готовить к операции на спутнике Генриетты-Ливитт, контейнер переместили на борт другого грузового корабля – «Александра Островского».

В то время, когда елдыринцы вновь оказались на базе, «Островский» находился в составе литературной пивной «Градус неадекват». Хельмимира собиралась лететь туда, чтобы встретиться с Исааком.

– Я возьму твоего племянника с собой, – сказала она Иннокентию. – Его корабль соберут в ремонтном ангаре. Потом твой племянник отправится домой вместе с экспедицией на Пищимуму.

Узнав, что Дюндель остаётся в отряде, Антоха даже не удивился. Прощаясь, рэпер попросил товарища передать письмо своим родителям и вручил ему голографическую лайку. Гоблинович обнял племянника и пожелал ему хорошей дороги. Было больно покидать близких, но мысль о га-

раже делала Антоху счастливым.

Сидя на борту «Мэри Шелли» между двумя качкоидами, Антоха думал о своём невероятном приключении. За штурвалом была Хельмимира. «Никогда ещё не видел таких баб, – рассуждал Антоха. – Ну, разве что маман и директрису школы... И пловчиху Катьку по прозвищу «амазонка»...» Антоха всё ещё чувствовал раздражение по поводу того, как это мужики позволяют женщине быть командиром. Однако он видел Хельмимиру в действии – и у него не оставалось сомнений в том, что она умеет руководить. Зато теперь его удивляло другое: как ясноглазая принцесса умудрилась создать новый препарат?

Ещё одним удивительным событием стал для Антохи поступок Гвендельфины-Стефании. Антоха всегда считал, что бабы трусливы и мелочны, и у них не может быть иных принципов, кроме сомнительной «девичьей чести». То, что произошло в кабине «Фёдор-Михалыча», потрясло Антоху до глубины души. Это касалось не только отношения к женщинам. Рушились схемы, по которым он жил. Всё началось с одного памятного разговора возле озера Ада-Лавлейс. И теперь елдыринец сомневался во многом, чему его учили «пацаны с района».

База, куда везли Антоху, находилась на астероиде. Узнав, как она называется, елдыринец едва не рассмеялся. Наконец, «Мэри Шелли» вошла в шлюз «Островского». Вместе с другими охранниками её встречал Исаак. Те, кто прибыл на ба-

зу, стали спускаться по трапу – и Антоха заметил, как изменилось выражение лица Исаака. Он едва сдерживал счастливую улыбку. Не погибшая, не плененная, Хельмимира шла ему навстречу.

Мундиморийка приказала отвести Антоху в ремонтный ангар. Это было огромное помещение, которое занимало почти половину верхнего уровня. Следуя за своим провожатым, елдыринец глазел по сторонам. Вдоль стены стояли контейнеры, а с другой стороны в специальных гнёздах находились полуразобранные корабли. Возле каждого из них были дроиды: огромные многорукие чудовища. Они состояли из «коробки» для процессора и «конечностей», которыми орудовали, когда получали приказ. Отсек напоминал густую чащу леса: там не было прямой дороги, и приходилось идти зигзагами. Посредине было огромное пустое пространство. Перед ним находился пульт управления, а позади него – ещё один огромный металлический ящик.

– Настасья! – позвал провожатый.

«Ну и погоняло у чувака», – подумал Антоха. Внезапно он вспомнил, что у одного парня из соседнего дома была кличка «Маня». Откуда-то из недр отсека вышла женщина-качкоид – большегрудая, большеглазая, с приятными чертами лица.

– Чего хотели? – спросила она, поставив руки на пояс.

Провожатый объяснил, что необходимо собрать тот корабль, который привезли с «Фёдор Михалыча». На секунду Настасья задумалась.

– Раритет, что ли? – уточнила она.

– Ага, – ответил партизан.

– Ну так не вопрос, – весело сказала женщина. – Сделаем.

Антоха долго не мог понять, что происходит. Елдыринец всё ждал, когда же появится механик. Внезапно его окатило страшным прозрением. «Механик – баба?!» – с ужасом думал Антоха, надеясь, что ошибся. Его охватило отчаяние: как может баба собрать гараж? Вдруг она что-нибудь перепутает? «Дайте мне механика нормального пола!» – хотел прокричать Антоха, покрываясь холодной испариной. Однако его проводник уже скрылся за кораблями, оставив беднягу... с ней.

– Подходи сюда, парень, – дружелюбно сказала Настасья, усаживаясь за пульт.

Женщина установила связь одним из роботов и принялась работать какими-то манипуляторами. Внезапно один из дроидов «ожил». Передвигаясь на четырёх конечностях, он двинулся к контейнерам и взял один из них. После этого робот повернулся и зашагал обратно. Оказавшись в центре пустого пространства перед пультом, он аккуратно опустил контейнер на пол и замер на месте.

– Вот так, – сказала Настасья и пересела за другой манипулятор.

Она снова установила связь – только уже с другим роботом. Это был маленький летательный аппарат с отвёрткой. Летая в воздухе, как диковинная муха, он открутил крепежи,

которые держали крышку контейнера. Потом Настасья вернулась на прежнее место и снова принялась действовать роботом-тяжеловесом. Он снял крышку контейнера и принялся доставать детали гаража. Антоха наблюдал это зрелище с замиранием сердца: вот появилась часть приборной панели, вот монитор, вот внешняя камера... «Только бы не уронила!» – волновался елдыринец. Однако Настасья цепко брала детали. Стол, диван и всё, что относилось к «СТО гараж автозапчасти», пришлось отсортировать и уложить отдельно. Внезапно какой-то ящик за спиной Антохи подсветился изнутри.

– Что это? – спросил Антоха.

– Сканер, – ответила Настасья. – У меня в базе нет голограммы деталей. Такие аппараты, как твой, у нас не встретишь.

Робот начал носить и помещать внутрь сканера по одной детали. «Слава яйцам, гараж разобран только наполовину», – думал Антоха. Информация передавалась в виде файлов на главный компьютер – и вскоре перед Настасьей появились голографические копии составных частей гаража. Женщина принялась крутить их перед собой, разглядывая со всех сторон.

– Ну, здесь всё легко, – рассуждала она. – Топливные баки, двигатели... У тебя аппаратный отсек сбоку располагался? В отдельной камере?

Антоха подтвердил, что так оно и было. Он внимательно-

но смотрел, как Настасья «примеряла» детали друг к другу. Иногда она увеличивала изображение и соединял детали между собой, не упуская ни одной мелочи. Антоха боялся, что баба вдруг начнёт творить ерунду. В любой момент он готовился спасти гараж. Внезапно елдыринец понял, что и сам не знает, как сделать лучше неё.

– Парень, – сказала Настасья, нахмурившись. – У тебя дичевтиратель сломан.

Антоха, конечно, знал об этом давно.

– И что делать? – спросил он.

– Поищу, чем заменить.

Настасья открыла другой файл и стала листать модели дичевтирателей. Во всей базе данных не было ни единой подходящей.

– Да ладно, – безразлично произнёс Антоха. – Дома поставлю.

– погоди! – воскликнула Настасья. – Давай-ка посмотрим...

Она приблизила изображение елдыринского дичевтирателя и снова покрутила его перед собой. Потом открыла одну модель из базы.

– Попробую напечатать переходник, – сказала Настасья.

Она присоединила дичевтиратель из базы на место неисправного и стала смотреть, как бы лучше включить его в систему. Потом активировала графический модуль и создала деталь, которая подходила и к новой модели, и к гаражу.

– Ну вот, – произнесла Настасья, сохраняя своё изобретение на лайку.

Они с Антохой отправились в помещение, где располагался объёмный принтер. Спустя некоторое время переходник был готов. Антоха держал его в руках, не веря своим глазам. Он состоял из устойчивого полимера.

– Его ещё нужно отсканировать, – улыбнулась Настасья.

Работа продолжалась. Антоха заметно расслабился. Теперь он не следил за женщиной испуганным взглядом, каждую минуту ища подвох. Елдыринцу даже стало как-то скучно – и он ненадолго вышел в тамбур между отсеками. Вернувшись, Антоха увидел, что перед Настасьей красуется голографический макет гаража – и сердце его растаяло от нежности.

– Готово, – сказала Настасья. – Теперь сохраним и отправим на дроидов.

Она снова установила связь с несколькими роботами. Они получили подробную схему для сборки и могли действовать сами, без манипуляторов. Антоха смотрел на то, как дроиды собирают гараж, и едва не задыхался от счастья. Вот платформа, вот система шлюзов к топливным бакам, вот сами баки, вот двигатели... «Давай, давай!» – волновался Антоха. Настасья, в отличие от него, наблюдала сборку со спокойным удовлетворением.

Наконец, гараж был собран – и, забыв про стыд, Антоха бросился к нему, как оголтелый... Сердце Антохи едва

не выпрыгивало из груди, когда он ощупывал каждую клавишу приборной панели, каждую деталь в аппаратном отсеке... Антоха проверил работу камер, связался с командным центром по радиосвязи. Внешне всё выглядело прекрасно. Однако елдыринец ждал подвоха. «Что, если не полетит?» – думал он с трепетом. Настасья была хороша в своём деле, но всё же баба – поэтому ей нельзя было доверять. Наконец, Антоха решился: «Опробую в космосе! Если что не так – меня партизаны спасут». Елдыринец помчался аппаратный отсек «Островского» за перзюзием и оксикуркулем. К счастью, у партизан были разные виды топлива.

– Думала, уже тебя не дождусь, – сказала Настасья, когда Антоха вернулся в ангар.

– Можно вывести его на орбиту? – спросил Антоха.

– Можно, – разрешила Настасья. – Но используй только те двигатели, которые на перзюзии, чтобы аккуратно выйти из шлюза. Иначе пробьёшь нам корабль. И да, нужно предупредить командование.

Вскоре всё было готово к старту. Настасья открыла первые ворота. От волнения Антоха задрожал. Наконец, открылся сам шлюз, и елдыринец вывел свой аппарат в космическое пространство. «Невероятно!» – с восторгом думал Антоха. Гараж ещё никогда не был таким послушным. Ближайшая звезда тускло мерцала на расстоянии десяти миллиардов эклов. Не веря, что снова оказался посреди Вечной Пустоты, Антоха ощутил странную свободу. Все системы работали от-

лично: в гараже была комфортная температура, кислорода хватало. Елдыринец решился обогнуть астероид. Он проделал это несколько раз – и внезапно с ним связались по радиосвязи.

– Немедленно возвращайтесь на базу! – сердито произнёс незнакомый голос. – Не привлекайте к себя внимание!

Вновь оказавшись в ангаре, Антоха плавно посадил гараж туда, где он стоял ранее. Настасья предусмотрительно убрала всех дроидов и теперь ждала Антоху у приборной панели. Антоха разгерметизировал выход, открыл двери и направился к ней. Его охватил такой приступ радости, что он готов был расцеловать Настасью, забыв о недоверии.

– Спасибо тебе! – воскликнул елдыринец, приблизившись.

– Рада помочь, – ответила Настасья. – Мне тут сказали, вы скоро на Пищимуху летите ...

– Точно, – подтвердил Антоха. – А я дальше, на Кривоцыцу, домой к себе полечу.

Настасья смотрела на него добродушным, чуть хитроватым взглядом.

– Приглянулся ты мне, парень, – с улыбкой произнесла она. – Приходи перед отбоем в мою каптёрку... Я тебя кофечаем с баранками угощу.

Настасья была уже не молода, но всё же сохранила гладкость кожи, свежесть щёк и блеск в глазах. Несмотря на это, Антоха обомлел от предложения попить с ней кофечаю. Вро-

де, видная баба – но чтоб так сразу... К таким поворотам жизнь его не готовила.

– Эта... – смущённо проговорил Антоха, почёсывая затылок.

– Ты не бойся, я женщина опытная, – успокоила его Настасья. – А, вообще, как знаешь...

– Короче, приду, – пообещал елдыринец. Была ни была! «Каптёркой» называлось помещение, которое прилегало к ремонтному ангару. Там жила Настасья – а ещё хранились некоторые детали. Сразу после трапезы Антохе дали таймер.

– В ангар нужно явиться через восемь джоселинских часов, – объяснил ему командир экспедиции на Пищимуху.

Не теряя времени, елдыринец отправился на верхний уровень. Настасья объяснила, как быстрее попасть в каптёрку. Пройдя мимо контейнеров, Антоха повернул в небольшой коридорчик и очутился у двери в каюту. «Вроде, здесь», – подумал он, стучась. Внезапно Антоха заметил, что дверь не заблокирована, и заглянул внутрь. Настасья ждала его с горячим перколятором и целой тарелкой баранок.

– Проходи, – улыбнулась она. – Не стесняйся.

Антоха смущённо опустился на койку рядом с ней. На столе была скатерть в цветочек. «Ну и ну!» – усмехнулся елдыринец. Настасья поставила перед ним биополимерный стакан с кофечаем. Сперва беседа не клеилась, но потом, когда начали обсуждать недавнюю сборку, Антоха оживился. Слово за слово – и вот уже они общались, как старые знакомые.

– А как ты оказалась в отряде? – спросил Антоха.

Настасья рассказала ему свою историю. Сама она была родом с планеты Лиза-Мейтнер. Её муж держал мастерскую по ремонту небольших аппаратов – капсул и телекоптеров. Увы, он погиб, оставив ей маленького сына. Сначала Настасья думала продать мастерскую, а потом решила: что, если попробовать изучить профессию мужа? В мастерской остался работать его напарник. Настасья пошла учиться на курсы механиков, где была единственной женщиной. Над ней часто подшучивали. Тем временем, напарник мужа попытался отобрать мастерскую. Настасья бросилась судиться с ним и выиграла.

– Ну, и что ты надеешься заработать? – сказал он ей на прощание. – Ты баба и всё равно не сможешь заниматься этим сама. У тебя мозги неподходящие. А твои работники будут обворовывать тебя на каждом шагу.

Сначала дела шли из рук вон плохо. Увидев, что мастер – женщина, многие клиенты разворачивались и уходили. Настасья наняла себе в помощь молодого парня. Тяжёлым трудом она зарабатывала себе хорошую репутацию.

– Я всегда рада помочь, – говорила она девушкам, которые доверяли ей свои телекоптеры. – Но и ты учись хоть немного понимать, как работают эти штуки.

– Я не смогу, – отвечала какая-нибудь трусиха. – Говорят, у девочек мозги неподходящие...

– Ещё как подходящие! Ты просто не ленись.

К тому времени, когда началось восстание Кермунда, сын Настасьи уже учился на инженера. Планета оказалась в руках повстанцев, и он проникся идеями просвещения. Молодой качкоид стал добровольцем и помогал издавать книги. Так продолжалось до тех пор, пока Лизу-Мейтнер вновь не захватили имперцы. Войска мятежников теперь отступали обратно к Ву-Цзяньсюн. Однажды вечером домой к Настасье пришли с обыском – и, разумеется, нашли запрещённую литературу. Не раздумывая, Настасья взяла всю вину на себя. За день до этого она узнала о том, что её будущая невестка беременна.

Несколько суток Настасья провела в следственном изоляторе. Потом была комиссия, которая назначила ей пребывание в лагере для инакомыслящих. Бараки на Лизе-Мейтнер были забиты до отказа, и новую партию заключённых решили везти на Виви-Уоррен, в соседнюю звёздную систему. По дороге на конвой напали партизаны и отбили пленников.

– Такие дела, – заключила Настасья. – С тех пор, вот, чиню корабли на «Островском». А что тут такого? Я сначала тоже думала: баба, не пойму ничего. А потом пробовала. Оказалось, моё. Ты пей, пей, не стесняйся...

Она расспрашивала Антоху о его семье. Тот рассказывал неохотно. Да и что было рассказывать? Вырос без отца, мать вкалывала день и ночь, дядька иногда помогал ей...

– А почему ты с этим кораблём так носишься? – внезапно спросила Настасья.

– В смысле? – удивился Антоха.

– Ну, как с писаной торбой. Думаешь, не видно?

Антоха ощутил приступ болезненного стыда.

– Я его мамане вернуть должен, – признался елдыринец. –

А то она билась-билась, а я нормальным человеком так и не стал...

В порыве откровенности он рассказал ей про отжатый коммуникатор. Настасья слушала с недоумением.

– И зачем тебе это было надо? – произнесла она, наконец. – Жрать, что ли, не на что?

Антоха задумался. Ему всегда было на что жрать, покупать себе вещи и развлекаться. И вовсе не нужда толкнула его на преступление. Они с Дюндедем отжали коммуникатор лишь потому, что крутые парни обязаны доминировать. Сильный подавляет слабого. А если ты никого не подавляешь, то слабый – это ты сам...

– Мне сейчас как-то гадко от всего этого, – неожиданно для себя сказал Антоха.

В каюте было довольно тепло, даже жарко. Антохе казалось, что и от Настасьи веяло чем-то жгучим. К тому же, елдыринца разморил горячий напиток. Близость случилась сама собой. У Настасьи были мягкие губы и такая шикарная грудь, что Антоха едва не отказался лететь с экспедицией. «Вот так баба! – восхищался елдыринец. – И приласкает, и корабль починит, и на районе с ней не страшно...».

За час до отлёта Настасья вернула Антохе всё его СТО и

«ласточку». Прощаясь, она дала ему пакет с баранками.

Гараж вышел из ремонтного ангара, чтобы стыковаться с кораблём экспедиции. На борту находились те партизаны, что были не в розыске. Им удалось достать карты пребывания Елдыринской Губернии. По легенде, они везли гараж на выставку раритетных аппаратов. Антоху посадили в скрытую каюту, куда выходила одна из ветвей системы подачи кислорода. Вытяжка была хитро припрятана между трубами сверху от входа, который тут же запаяли. Было немного страшно оказаться замурованным в одиночестве, и Антоха даже ощутил что-то наподобие приступа клаустрофобии. Время от времени ему приходилось включать вытяжной вентилятор.

Оставшись наедине с собой, елдыринец ещё долго обмусоливал воспоминания о Настасье. Он больше ни разу не усомнился в том, что гараж будет ходить, как новенький. На душе у елдыринца было невероятно светло – так, что он и сам дивился этому чувству. «Наверное, из-за секса», – думал Антоха, развалившись на койке. Он мог лишь подсознательно догадываться о том, что примирился с той частью энергии Вселенной, которую до этого отрицал. Внезапно ему стало понятно многое. Мать растила его одна – и, тем не менее, в их доме всегда были вкусная еда и удобная мебель. Всё это время он злился на мать – за то, что выгнала отца и никогда не просила у него помощи. Антоха знал, что сыновья без отцов вырастают соплежухами. Чтобы этого не произошло,

он старался вести себя, «как мужик». Свои представления о мужественности он черпал из дворовых понятий. Что может быть более «пацанского», чем избить очкарика из параллельного класса? За это мать ругала его, и в семье случались скандалы. Антоха всегда оказывался подавлен железной волей маман – и злился ещё больше. Потом он выходил во двор и строил из себя альфа-мачо со стальными яйцами... А мачо, как известно, презирают баб.

Осознавая всё, как есть, Антоха чувствовал болезненные уколы совести. Теперь он думал про дядьку. Гоблинович никогда не был для него авторитетом. Какой, спрашивается, авторитет из интеллигента-неудачника? Именно поэтому Антоха отбрасывал всё, что предлагал ему Иннокентий. Какой смысл в книгах, которые учат человечности? На районе за человечность и побить могут. Антоха даже не был особенно благодарен дядьке за то, что тот его вырастил. Оно ведь само собой разумеется – к чему лишние сопли? И ни разу, ни разу в жизни Антоха не попытался вытащить Иннокентия из пьянства – так, будто его алкоголизм был чем-то естественным.

Осознавая свои ошибки, Антоха чувствовал глубокое сожаление. «Каким же я был идиотом!» – сокрушался елдыринец. Ноги сами собой поднесли его к единственной тумбочке, которая была в каюте. Он открыл ящик – и увидел несколько лаек. За то время, пока они с Дюндем жили в Мундиморе, Антоха научился читать голограммы. Он усел-

ся за стол в углу и активировал носитель. Там, разумеется, были книги партизан. Антоха принялся листать страницы. Ему даже сделалось немного стыдно: читает книжку, как какой-то ботаник... Видели бы его сейчас пацаны с района!

И всё-таки он продолжал перелистывать голограмму, будто какая-то неведомая сила приковывала его взгляд. Ему попадались различные названия; некоторые из них были непонятны. Что означает, к примеру, слово «мизантроп»? Антоху привлекли рассказы одного автора по фамилии Горький. «Ну и дела! – усмехнулся елдыринец. – Если есть Горький – то должен быть и Сладкий... Фу, гадость какая!»

Он и сам не заметил, как провёл за чтением уйму времени. Одни истории были интересные, а другие – не очень. Антоха не пожалел, что взял книгу в руки. «Занятная штука, – рассуждал он. – Это как кино, только здесь всё самому представлять надо». И всё-таки за множеством символов скрывалась неведомая магия. Героям книг Антоха сопереживал гораздо больше, чем персонажам фильмов. А в тех геройских боевиках, которые они с пацанами смотрели у Дюнделя дома, вообще было некому сопереживать.

Антоха съел свой паёк, провёл некоторое время в санитарной комнате и лёг поспать. «Интересно, – думал он, – где мы сейчас находимся? Уже добрались до Свободных Художников?» Елдыринец закрыл глаза – и вновь увидел голограммы. Он знал: если долго заниматься чем-то однообразным, оно потом видится. Однако заснуть удалось довольно легко.

Во сне Антоха вновь пытался убежать из какой-то тюрьмы – и непременно попадал обратно в лапы имперцев. «Плебеи, – говорил Зугард. – Вы что, сбежать нормально не можете?» И внезапно генерала съедал огромный космический лось...

Антоха проснулся от того, что прямо возле его каюты слышались чьи-то голоса.

– Не может это быть частью вентиляции! – сердито говорил какой-то гуманоид.

– Ну, по документам-то оно так, – невозмутимо отвечал командир отряда. – За что купил – за то продаю.

– Оставь их в покое, – сказал кто-то третий. – Здесь всё чисто.

Осознав, что происходит, Антоха замер. «Патрульные!» – пронеслось у него в голове. Елдыринец слышал, как один из них стучал по корпусу его каюты. Едва дыша, Антоха вжался в койку. Попутно он понял, что звук идёт из вытяжного отверстия.

– Почему тут запаяно? – снова спросил патрульный.

– А я откуда знаю? – отозвался партизан. – У бывшего хозяина надо спрашивать.

– Пойдём, ничего у них нет, – раздался голос «доброго полицейского».

– Пускай предъявят мне акт о покупке.

– Предъявим, не вопрос!

– Тебе что, заняться нечем?

– И да, забыл посмотреть документы на аппарат в анга-

ре...

Наступила пауза. Антоха чувствовал, как потеет.

– Аппарат в ангаре – модель для выставки, – нагло вато заявил командир отряда. – И не предназначен для полётов. Мы, если хотите знать, его сами сделали, из старых деталей.

– Ишь, реконструкторы! А если проверю, как ходит?

– Да пойдём уже отсюда...

– Не трогайте наш экспонат! – подала голос какая-то партизанка. – Мы вашему начальству пожалуемся!

Её слова, кажется, достигли нужного эффекта. Вскоре Антоха услышал удаляющиеся шаги. «Неужели пронесло?» – с надеждой подумал он. Некоторое время елдыринец продолжал прислушиваться: вдруг патрульные снова придут его «распаковывать»? Однако всё было тихо. Судя по времени, патруль остановил их уже на окраине Мундиморы, и теперь корабль должен был оказаться в космическом пространстве Свободных Художников. Ещё немного – и они достигнут Мурластой Галактики, в которой располагается и Елдыринская Губерния. Там, на окраине Свободных Художников, есть жерло пространства-времени, через которое они попадут в окрестности Кривоцицы.

В конце концов, Антоха совсем успокоился и снова решил почитать. Среди имён писателей он находил названия партизанских кораблей и тихо посмеивался. Ему, наконец, стало понятно, кто такие Эрих Мария и Фёдор Михалыч. Иногда Антоха уставал читать и ходил взад-вперёд по каюте. Вне-

запно корабль содрогнулся – и тогда елдыринец понял, что они вошли в жерло. «Скоро Кривоцыца!» – обрадовался он. На выходе из жерла корабль снова досматривали – теперь уже елдыринские пограничники. С ними всё прошло гладко.

Спустя ещё несколько часов Антохе показалось, что корабль снизил скорость. Впрочем, елдыринец не мог судить об этом наверняка. Читать надоело, и теперь Антоха чувствовал воодушевление: вот-вот он увидит родную планету! В какой-то момент снаружи стали раздаваться голоса и шаги партизан. «Что-то оживились, – подумал Антоха. – Значит, скоро и меня выпустят».

– Двоих затащим туда, где сейчас елдыринец, – услышал он голос командира.

– Двое не поместятся, – возразил ему другой партизан. – Они ж здоровые!

Наконец, Антоха услышал, как партизаны разрезают стену его камеры специальным аппаратом. «Свобода!» – пронеслось у Антохи в голове. Когда «дверь» была готова, её аккуратно извлекли. Антоха заметил, что в этот раз партизаны сделали намного более широкое отверстие, чем то, что было до этого.

– На выход, – сказал начальник экспедиции, заглядывая в каюту.

Антоха готов был бежать в ангар, даже не зная пути. К счастью, он и его спутники явились туда довольно скоро. Оказалось, что корабль давно уже стоял на Пищимухе. Внезап-

но открылся шлюз – и оттуда вошли несколько партизан в костюмах химзащиты. С ними был дроид – такой же, какого Антоха видел в ангаре у Настасьи. Один из гуманоидов держал в руках пульт управления, а робот тащил что-то наподобие носилок. Антоха пригляделся – и увидел, что на носилках лежал космический лось. Его, похоже, усыпили.

– Чего уставился? – одёрнул Антоху командир экспедиции. – Забирай свой корабль и можешь быть свободен.

Гараж стоял недалеко от шлюза. Увидев его, Антоха обомлел. Он почувствовал себя так, будто окончились все его беды. Не веря своему счастью, Антоха вновь посмотрел на командира. Тот молча кивнул. Не теряя времени, Антоха устремился к гаражу и, оказавшись внутри, активировал все системы. Дожидаясь, пока разогреются двигатели, он принялся задраивать вход. Партизаны связались с ним по радиосвязи.

«Внимание, открываем шлюз», – сообщил женский голос, и уже через несколько минут гараж победоносно взмыл над Пищимумой. Антоха радостно закричал «Поехали!». Впереди, чуть прикрытый полутенью, виднелся голубоватый абрис Кривоцицы.

Всю дорогу сердце Антохи едва не выпрыгивало из груди. Он ввёл координаты того места, где раньше стоял гараж, и внезапно испугался: что, если там уже появилась другая постройка? «Переведу на ручное управление», – решил Антоха, подлетая к поверхности планеты.

Сквозь рассветную дымку внизу показался Старокозлиценск: ветви дорог, а между ними – крошечные домики... Вот появился родной пустырь. «Не занято!» – обрадовался Антоха, увидев место, на котором когда-то располагалось «СТО Гараж Автозапчасти». Он легко посадил корабль. Грунт был мягкий, и нижний отсек снова оказался на уровне подвального помещения.

Антоха наспех разгерметизировал выход, распахнул дверь – и тут же повеяло ему в лицо пряными травами. Стояло раннее утро. «Теплыбрь», – догадался Антоха. Он запер гараж и, пошатываясь, направился в свой район. Только теперь его начинало потрясывать от волнения – так, будто он возвращался с гулянки, а дома сердитая маман готовилась задать ему взбучку. Проходя мимо кооперативных строений, он утопал в мелком щебне. Оказавшись на противоположной стороне от шоссе, он чуть было кубарем не свалился в овраг... Захлёбываясь от восторга, Антоха просто шёл домой – готовый броситься в объятия своей кровной, неприветливой глубинке.

Он поднялся по лестнице и позвонил в квартиру. Открыла заспанная мать. Сначала её лицо выразило лишь недоумение – так, будто бы она не поверила, что видит сына. В течение нескольких секунд они молча смотрели друг на друга. Внезапно женщина закрыла рот рукой – и её черты исказились в гримасе рыдания.

– Мама, я вернулся, – произнёс Антоха.

Мать со слезами бросилась обнимать его. Она, кажется, что-то говорила, но из-за всхлипов было не разобрать.

– Я вернул гараж, – твердил Антоха, – я ничего не просрал... Я вырос нормальным человеком...

А мать всё рыдала. Внезапно дверь соседней квартиры потихоньку открылась, и оттуда осторожно выглянула соседка тётя Клава.

– Ну и ну, – произнесла она, увидев Антоху, – где ж ты пропал, болезный?

Был выходной. Мать и сын беседовали почти до самого вечера, а потом Антоха долго спал. Проснувшись, он поел и отправился к родителям Дюнделя. К этому времени все знакомые уже знали, что Антоха вернулся домой. «Может, отсидел, – говорили некоторые соседи. – Интересно, а дружок его куда подевался?»

Мама Дюнделя тоже расплакалась, увидев Антоху. Мигом подбежал отец. Вдвоём они повели гостя в комнату и, волнуясь, принялись расспрашивать о сыне... Антоха рассказал всё, как было.

– Вы не грустите, – успокаивал он родителей друга. – Витёк это сам выбрал. В конце концов, что ему здесь делать? Он у вас талантище! Вот, письмо вам просил передать...

Антоха отдал им лайку и показал, как активировать голограмму. Родители Дюнделя бросились читать. Чтобы не мешать им, Антоха удалился.

Вечером он зашёл к Корявому. «Может, сказать им, что я

и вправду сидел?» – подумал Антоха, прежде чем встретиться с друзьями. Увидев его, пацаны громко заорали и кинулись брататься. Антоха пригласил их в гараж. Ребята взяли ящик «Сани Бумера» и несколько банок консервов. О своих приключениях Антоха рассказывал неохотно и часто врал. Пришлось, например, сказать, что они с Дюндедем попали в передрагу из-за дядьки, который связался с бандитами. Каждый раз при слове «бандиты» лицо Корявого превращалось в серьёзную, почтительную мину. Видя это, Антоха лишь улыбался. Он понимал, что больше не хочет быть гопником. Разговоры о тачках, сучках и отжатых коммуникаторах навевали на него тоску. Он вовсе не чувствовал себя умнее или лучше своих друзей – однако между ним и пацанами теперь лежала огромная пропасть.

На следующее утро Антоха спросил у матери, где находятся ключи от дядькиного дома.

– Тебе зачем? – удивилась та. Не так давно она ходила туда прибираться.

– Да так... – уклончиво ответил Антоха. – Возьму там кое-что.

По дороге в дом Гоблиновича он снова вспоминал о том, что случилось в системе Генриетты-Ливитт. «Неужели девка готова была умереть... ни за что?» – спрашивал себя Антоха. Позавчера, находясь на борту партизанского корабля, он хотел незаметно взять оттуда книги – и почему-то не посмел этого сделать. Возможно, Антоха просто испугался, что его

обыщут на выходе... «Кстати, не мешало бы», – усмехнулся елдыринец.

За то время, пока он был в Мундиморе, знакомые районы ничуть не изменились. Лифт с выжженными кнопками всё также не работал; овраг был загажен, а стены домов – расписаны ругательствами. Теперь Антоха смотрел на всё это другими глазами. Даже та рабочая зона, куда он переехал из Ады-Лавлейс, казалась ему фешенебельным кварталом по сравнению с родными улицами. «Интересно, – думал он, – а будет у нас хоть когда-нибудь также? И почему одно государство живёт в шоколаде, а другое – в дерьме?»

Махнушка осталась позади, и Антоха оказался в частном секторе. Он увидел дом Иннокентия издалека и почему-то вспомнил, как однажды в детстве сбежал туда от матери – после того, как она дала ему ремня за какую-то пакость. Гоблинович пообещал, что ничего ей не расскажет, и племянник жил у него дней десять. Потом Антоха нечаянно подслушал, как дядька и мать говорили по коммуникатору.

Антоха поднялся на крыльцо, вынул ключ из кармана, открыл дверь – и тут же почувствовал затхлый запах нежилого дома. «Интересно, сколько уже я здесь не был? – промелькнуло в голове у елдыринца. – Кажется, ничего не изменилось». В прихожей стоял комод, который Антоха помнил ещё с детства, а в гостиной лежал знакомый ковёр.

Антоха прошёл дальше, в маленькую комнату, которая располагалась между гостиной и санузелом. Она служила Ин-

нокентию чем-то вроде кладовки. Антоха включил свет и осмотрелся. В углу стояло большое кресло, на котором покоилась гора коробок. «Наверное, мать положила», – подумал елдыринец. Вдоль стены стоял сервант. Антоха открыл его – и оттуда выпали книги, которые были в беспорядке навалены за стеклом. Елдыринец убрал всё лишнее с кресла, придвинул его к серванту и стал разбирать книжные завалы. Фамилии многих авторов были диковинные, и среди них внезапно обнаружился Шопенгауэр... «Ну и ну! – рассмеялся Антоха. – Совсем как месяц на Джоселин». Елдыринец находил у Гоблиновича произведения с партизанской лайки. Это было неудивительно: у всех гуманоидных рас был единый предок – а значит, одна и та же древняя культура. Вместе с книгами лежали журналы, где были опубликованы рассказы Гоблиновича... Только теперь Антоха осознал, что никогда не читал их. «Захвачу несколько журналов с собой», – решил елдыринец. Он хотел спрятать их под куртку – на случай, если встретит знакомых – и внезапно разозлился на себя за малодушие. «Ну уж нет! – подумал Антоха. – Пусть только попробуют обозвать меня ботаником... Я им Шопенгауэра в задницу засуну!» Он выбрал повесть Олега Донцова «Никто не хочет обижать кота» и читал до самого вечера.

Антоха вернулся домой поздно.

– Ты где это был? – спросила мать.

– Вот, – сказал Антоха, вываливая на стол журналы, – у дядьки нашёл... Знала ты, что он рассказы пишет?

Испуганная женщина удивлённо смотрела на сына.

– Я, мать, – объяснил Антоха, – напарника себе возьму вместо Дюнделя... Хочу на университет заработать.

На следующий же день Антоха отправился искать новое место для гаража – побойчее. «Аренда будет стоить дороже, зато и прибыль увеличится», – решил елдыринец. Немного погодя к нему присоединился второй механик. Перед тем, как сменить адрес, пришлось ещё немного поработать на пустыре. Старые друзья постоянно пытались напроситься в гости. Антоха был не прочь с ними отдохнуть, но делал это теперь гораздо реже. Он чувствовал, как неизбежно отдаляется от тех, кого когда-то называл «своими пацанами». Антоха взял за правило не пить в рабочие часы, а напарник и вовсе попался непьющий. Спустя некоторое время честный заработок начал приносить им доход.

Зная тайну космических лосей, Антоха не мог ею не воспользоваться. Время от времени он летал на Пищимуху, чтобы пополнить запасы топлива. Это позволяло здорово экономить. На мегарынке в соседней звёздной системе, где Антоха покупал детали, они стоили в два раза дешевле, чем на Кривоцице. Благодаря лосиным фекалиям Антоха так разжился, что решил открыть ещё один автосервис.

– Знаешь какого-нибудь спеца толкового? – спросил он у напарника. – Я вторую точку открывать собираюсь.

– Так возьми Оксану, – посоветовал тот.

– Какую ещё Оксану? – удивился Антоха.

– Сестру мою, – объяснил напарник. – Она родила и с ребёнком сидела. А теперь племяннице четыре года – так Оксанка опять работу ищет.

Ошарашенный, Антоха не мог произнести ни слова. Его напарник говорил о бабе-механике с таким обыденным спокойствием, будто это было в порядке вещей – и внезапно Антоха сам себе показался каким-то нелепым и старомодным.

– А умеет она что-нибудь, сестра твоя? – недоверчиво спросил Антоха.

– Ещё как умеет! – воскликнул напарник. – Она получше любого мужика в машинах разбирается! «Ласточку» свою всегда сама ремонтирует. Раньше запчасти продавала, а потом ещё у Михалыча в СТО подрабатывала...

На несколько секунд Антоха задумался. Внезапно он понял, насколько глубоко отложились в его сознании те вековые предрассудки, которые с детства диктовало ему общество.

– Зови её сюда! – произнёс Антоха назло себе, назло своему недоверию, назло всему, от чего он отказался ради новой жизни.

Прошло ещё немного времени, и Антоха получил посылку от Дюнделя. Вместо рассказа о партизанском отряде там был его новый альбом. Рэпер записал его без всякого сопровождения – возможно, прямо в каюте какого-нибудь космического судна. Альбом назывался «Прозрение» – также, как и первая композиция. Антоха перевёл его в нужный формат

и всегда слушал в дороге – особенно когда летал на Пищиму-ху. «Жаль, не вышел из меня попаданец-нагибатор», – смеялся Антоха, вспоминая свои приключения. Он благодарил судьбу за за всё, что ему довелось пережить.

Однажды вечером Антоха вернулся домой с работы – и внезапно услышал, как в новостях рассказывали про Мундимору. Он сделал громче – и тут же обмер от удивления: в империи был совершён государственный переворот.

Глава 20: История Зугарда. Часть 1

Зугард Вильгельм Ахриман родился в богатой и знатной семье. Такое происхождение давало ему право стать офицером высшего командного состава мундиморийской армии. После учёбы в кадетском корпусе он поступил в Императорскую Военную Академию, окончил её с отличием и вышел оттуда в звании «капитан-риттер».

Вскоре ему доверили одно из подразделений авиационно-космических войск. Он быстро научился отдавать простые приказы, строя при этом сложные планы; выполнять часть грязной работы сам, убедившись, что его солдаты непременно об этом узнают; подавлять бравых самовольщиков, подрывая их авторитет перед товарищами... Иногда он заступался за подчинённых – но только в том случае, когда его отношения с начальством не могли пострадать. Среди его солдат царила безупречная дисциплина. Начальство ставило его в пример сослуживцам. Одним словом, Зугард отлично чувствовал себя в армии. И только одна тайная страсть не давала ему покоя. Время от времени, запершись у себя в кабинете, он предавался гнусному графоманству – и ничего не мог с собой поделать.

К тому времени, когда случилось восстание Кермунда, Зугард был уже в звании майора. Перед этим он даже успел поучаствовать в небольшой военной кампании. Имперские

власти вели её на территории Свободных Художников. Объединённые войска обоих государств воевали против банды «Творческий кризис». В этой борьбе многие офицеры получили боевой опыт.

О том, что началось восстание, Зугард узнал только на обратном пути из Свободных Художников. Он решил не оставаться в стороне от перспективной заварушки. «Я им что, какой-нибудь благоразумный идиот?» – думал Зугард, заходясь от нетерпения.

Войска Кермунда двигались со стороны Ву-Цзяньсюн, а Свободные Художники находились на противоположном конце галактики. Зугарду удалось без помех вернуться на Джоселин. Едва сойдя с корабля, он тут же направился к другу своего отца – генералу Альдагору – главнокомандующему войсками императора.

Альдагор встретил Зугарда крайне радушно. Силы, которые вернулись из Свободных Художников, теперь можно было бросить подавлять восстание.

– Только в такие времена и видно, кто настоящий офицер, а кто отребье в погонах, – говорил пожилой главнокомандующий. – Эниброн, Ротигерн и остальные предатели перешли на сторону Кермунда.

Зугард уверил Альдагора в своей абсолютной верности императорской семье. На следующий же день Альдагор дал Зугарду сразу несколько гаргрифов. Зугард немедленно отправился на фронт: ему совсем не нужна была репутация

штабной крысы. «Если здесь у нас театр военных действий, – рассуждал он по дороге, – значит, должен быть и режиссёр».

Первые две операции оказались провальными. Войска империи не сумели захватить планету Нэтти-Стивенс, которая находилась в руках повстанцев. Наступление армии Кермунда было неизбежным – и Зугард пытался отсрочить его любыми способами. Ожидая подкрепления, он надеялся выиграть время. Чтобы заставить противника рассеять свои силы, приходилось хитрить. «Что может быть лучше старого доброго подделывания радиопереговоров?» – думал Зугард. Он называл это «радиоспектаклями» и сам писал сценарии. А однажды он распространил среди пленных информацию о том, что готовится атаковать Лизу-Мейтнер в обход Нэтти-Стивенс. Потом, как бы невзначай, пленникам позволили бежать... Вскоре из Свободных Художников на подмогу Зугарду прибыли ещё два гаргрифа. Повстанцы отвели часть своих кораблей к Лизе-Мейтнер. Зугард напал на оставшиеся их силы и одержал победу.

Постепенно ход войны переломился в пользу имперцев. Теперь они гнали войско Кермунда обратно к Ву-Цзяньсюн, отвоевывая планету за планетой. Наконец, под их контролем оказалась Макнамара. К этому времени силы мятежников распались на отдельные отряды, которые следовало просто добить. Многие командиры бежали на планеты Забархан-Шахада.

Тогда-то и произошла с Зугардом одна удивительная ис-

тория. Находясь в недрах Ву-Цзяньсюн, он заметил, что у одной из необитаемых планет есть спутник, не обозначенный на карте. Мучаясь от любопытства, Зугард отправил туда разведывательные дроны. Их данные были интригующими: на спутнике обнаружили какие-то постройки. Зугард попробовал связаться хоть с кем-нибудь, кто мог находиться внутри, однако ответа не последовало. Наконец, он решился штурмовать объект – и был вознаграждён: здания оказались заброшенным военным заводом.

Впрочем, «таинственное» появление спутника у планеты не было чудом. На самом деле это был астероид, орбита которого проходила поблизости. Он обращался вокруг звезды Ву-Цзяньсюн за шесть джоселинских лет. За это время он заходил в Забархан-Шахад и там становился спутником уже другой планеты. Завод, вероятно, начали строить именно тогда, когда астероид находился достаточно далеко, и имперские власти им не заинтересовались. «Ах вы коварные негодяи!» – восхищённо думал Зугард, имея в виду ву-цзяньсюнских князей. Они явно выкупили у лидеров Забархан-Шахада разрешение водить туда свои корабли. А ко времени восстания астероид как раз «подъехал» ближе.

Озадаченный, Зугард не знал, что делать с заводом. Со всем скоро астероид должен был оказаться в самом центре системы Ву-Цзяньсюн, и его запросто могли заметить. Оставлять там гарнизон было дорого – разве что снабжать его с тех планет, мимо которых он проходил. Завод был раз-

граблен, не хватало оборудования. В конце концов, Зугард оставил его в покое. Впереди было ещё много сражений с мятежниками.

После победы Зугарда вызвали в столицу. Альдагор при-
своил ему звание полковника и сделал его одним из подруч-
ных. «В военное время полковником становится любой щенок», – говорили завистники. «Не щенок, а вундеркинд», –
отвечал Зугард. На банкете во дворце его представили импера-
тору. Теперь Зугард не просто был вхож в высшее обще-
ство Мундиморы – он стал одним из придворных.

Спустя некоторое время в столицу прибыл принц Брандо-
монд – наследник мундиморийского престола. Из-за мятежа
он скрывался на одной из дальних планет. Когда же импер-
цы одержали окончательную победу, Брандомонд вернулся
на Джоселин. В честь этого он устроил роскошный приём.

Тогда-то Зугард и повстречал свою Визулинду. Всё про-
изошло в помпезном холле, перед показом какого-то рари-
тетного фильма. «Вот это пиршество для глаз!» – думал
Зугард, оглядываясь по сторонам. Всюду были мозаики из
редких минералов, диковинные инсталляции и фонтаны с
дорогими винами, а закуски гостям предлагали биороботы
– копии знаменитостей. Но главным украшением праздника
были молодые дамы – так, по крайней мере, казалось восхи-
щённому Зугарду.

Полковник не забывал и о главной своей цели – завести
побольше выгодных знакомств. Ожидая начала сеанса, он

беседовал с адъютантом одного из генералов – пижоном по имени Хэцу. Тот, сияя от гордости, хвастался своей «тусовочной» жизнью. «Этот попугай мне пригодится, – думал Зугард. – Сплетники бывают крайне полезны».

– Смотри-ка, – неожиданно произнёс Хэцу, кивая куда-то в сторону, – явилась дочь императора. Эту книжную моль нечасто здесь встретишь.

Зугард обернулся – и внезапно увидел то, о чём так долго мечтал... Молодая женщина стояла вполоборота и беседовала с какой-то почтенной дамой. «Вот тебе и книжная моль», – подумал Зугард, оглядывая стройную фигуру принцессы и аккуратные черты её лица.

Принцесса, вероятно, почувствовала на себе его взгляд и подняла глаза. Всё произошло в течение нескольких секунд. Заметив, как пристально смотрит на неё Зугард, она тут же повернулась обратно к собеседнице и принялась неестественно живо ей что-то рассказывать. Зугард стоял как вкопанный – пока, наконец, не осознал, что бесстыдно пялится на императорскую дочь. К счастью, болтливый Хэцу в это время был слишком занят своим монологом.

На протяжении всего вечера Зугард искал возможности втайне полюбоваться принцессой. Он ещё не осознавал масштабов катастрофы – однако точно знал, что всю ближайшую бессонницу будет мечтать о Визулинде. Для отвода глаз пришлось завести разговор с какими-то дамами. Зугард почти не понимал, что ему говорят, почти не видел лица своей

собеседницы – и только следил за принцессой чутким нутром. Она всё также стояла вполоборота; её руки были сцеплены впереди, и время от времени она поправляла сбившийся локон... Объявили начало сеанса, и гости направились по местам. Ложа принцессы была недосягаема для взора бедняги Зугарда.

Даму, с которой беседовала Её Высочество, звали Нотибрена. Она была женой генерала Тэву, которого недолюбливал Альдагор. Используя того же болтливого Хэцу, Зугард узнал, что в доме Тэву собираются придворные либерального толка. Иногда там бывает и Визулинда. «Плохо дело, – думал Зугард, – такими темпами нас никогда не представят друг другу». К тому же, все считали Зугарда консервативным монархистом, и он вряд ли понравился бы девушке с либеральными взглядами. Ему захотелось стать военным диктатором и сделать принцессу своей наложницей.

Однако в тот же вечер Зугард понял, что отчаиваться не стоит. Хэцу намекнул ему, что Визулинда – вовсе не драгоценное дитя, а опальная и нелюбимая дочка. Это придало Зугарду решимости. Во время сеанса он обдумывал всевозможные манёвры, которые позволили бы ему пообщаться с принцессой поближе. Узурпировать власть в империи казалось неплохим вариантом. Ещё можно было подойти к Визулинде на выставке или конференции. «В конце концов, есть много способов познакомиться с женщиной, – успокаивал себя Зугард. – Иногда для этого даже не нужна военная тех-

ника».

Фильм подходил к концу. Это была какая-то муть для утончённых эстетов, и Зугард ничего не понял. «С другой стороны, как можно обойтись без военной техники? – рассуждал он, выходя из зала. – На чём тогда подъехать к принцессе?» Стараясь не привлекать к себе внимания, он ждал, что она снова окажется в холле. Увы, этого не произошло: Визулинда, судя по всему, поднялась на верхний уровень и улетела со стоянки на крыше.

Оказавшись дома, Зугард упал на первую попавшуюся мебель и уставился в потолок. Он валялся так до тех пор, пока не пришло время идти на службу. Следующий день прошёл в томительном ощущении полуреальности. Зугард надеялся, что его отпустит – но действие принцессы на организм продолжалось. Ещё вчера он присматривал себе в подруги какую-нибудь выгодную девицу из старинного рода – а теперь понимал, что не согласен на компромиссы. Визулинду ему хотелось больше всех.

По различным каналам Зугард пытался побольше узнать о принцессе, о её прошлом и прошлом её семьи. (Спустя некоторое время Визулинда сама рассказала ему подробности; однако до этого бедняга довольствовался лишь сторонними сплетнями). То, что он слышал, смутило бы любого порядочного мужчину. Говорили, что у принцессы ужасный характер и неправильные взгляды на жизнь. Она считала, что семья не единственное предназначение женщины. Она сочувствова-

ла ву-цзяньсюнцам и осуждала Программу Культурной Доступности. Сплетники называли её синим чулком – и одновременно развратницей... От этого Зугард распалялся так, что совсем не мог спать. Он понимал: для того, чтобы подъехать к Визулинде, нужна как минимум боевая орбитальная станция.

Отец Визулинды, император Сигрис Гордетольф, был женат пять раз. Его первая супруга не могла иметь детей. Спустя пару лет он снова женился. Вскоре молодая императрица родила девочку. Второй её ребёнок тоже был женского пола. «Роди мне, наконец, нормального наследника!» – возмущался Сигрис Гордетольф. Не дождавшись сына, он бросил жену. «Может, повезёт с третьей», – успокаивали его друзья.

Третья супруга, как назло, снова родила девочку.

– Проклятье над нашим родом! – сокрушался император.

– Можно запрограммировать пол ребёнка с помощью технологий, – говорили придворные.

– Я что, сам не могу сына сделать?!

Наконец, императору повезло: на свет появился долгожданный сын. Это событие праздновали на всех планетах Мундиморы. Увы, наследник прожил недолго: он погиб в подростковом возрасте, управляя собственным шаттлом.

Император долго не мог оправиться от горя. Он искал утешения в объятиях любовниц. Обычно он выбирал себе помоложе, но в один прекрасный день соблазнился красивой вдовой, которая к тому же имела учёную степень. Лабора-

тория, которую она основала, занималась исследованиями в области генной инженерии. «Женщина-учёный – это ересь, – говорил генерал Альдагор. – Что может изобрести твоя Френегунда?»»

История любви Сигриса и Френегунды была короткой и бурной. Громкие ссоры чередовались со страстными утехами. В один прекрасный день Френегунда сказала императору, что беременна девочкой. Взбешённый, император потребовал избавиться от ненужного чада. Френегунда отказалась повиноваться. Более того, она спокойно выходила в свет и говорила правду об отце ребёнка. Последний скандал между любовниками произошёл через пару месяцев после рождения Визулинды. Поговаривали, будто Сигрис Гордетольф задушил Френегунду в порыве гнева. Так или иначе, люди императора постарались замять эту историю. Ребёнка поспешно отправили к родственникам на Нэтти-Стивенс.

Император женился на очередной юной княжне. Спустя некоторое время его мечта сбылась: родился принц Брандомонд. Теперь Визулинда интересовала его ещё меньше. Несколько лет девочка провела в горном поместье прабабки – пожилой герцогини. После её кончины юная принцесса вновь стала никому не нужна. Пытаясь пристроить неудобное чадо, император предложил Визулинду замужней и бездетной тётке. Та, однако, не спешила брать ребёнка себе.

– Проклятая пустышка! – возмущался император. – Ладно бы супруг, но она... Как смеет женщина не хотеть нян-

читься с детьми? Как смеет она уклоняться от своего предназначения?!

– Прикажите ей, Ваше Величество, – советовал Альдагор. – Прикажите под страхом смерти!

Однако император всё же взял девочку на Джоселин-Белл-Бернелл. О том, чтобы Визулинда жила во дворце, не могло быть и речи, и её поселили в доме покойной Фре-негунды.

– Я буду хорошим родителем для этого несчастного дитяти, – объявил император на одном из светских раутов. – Я дам ей правильное воспитание – чтобы она не стала такой же блудницей, какой была её мать.

– Вы – само благочестие! – восхищались придворные куртизанки.

«Правильное воспитание» поручили госпоже Алопении – гувернантке, которая вырастила уже несколько благородных девиц. Это была высокая, сухая мундиморийка с вытянутым лицом, которая всегда одевалась в строгие платья. «Хороший родитель» навещал своё чадо раз в год. Всё остальное время Визулинда и Алопения были предоставлены друг другу. Суровая мадам пыталась вылепить из неуклюжего ребёнка настоящую женщину. Любопытная принцесса задавала неудобные вопросы.

– Хочу сходить на выставку роботов завтра вечером, – однажды попросила Визулинда.

– Боюсь, это невозможно, – заявила Алопения. – Завтра

вечером у вас занятия по придворному этикету. К тому же, девочкам не пристало интересоваться наукой.

Визулинда была обескуражена. Последняя фраза почему-то возмутила её до глубины души. Хотя, казалось бы, Алопекция говорила известные вещи, и обижаться было не на что.

– А почему девочкам нельзя интересоваться наукой? – спросила принцесса.

– Потому, что их мозг вовсе не предназначен для этого, – объяснила гувернантка. – У них другое предназначение.

– А как же те, чьими именами названы светила? – не унималась Визулинда. – Как же Сесилия Пейн и Вера Рубин?

– Наивное дитя! – засмеялась Алопекция. – Это всего лишь архаические богини звёзд, и их никогда не существовало.

– А Джоселин Белл Бернелл? Моя учительница по астрофизике говорит, что Джоселин Белл Бернелл открыла пульсары.

– Это древняя легенда.

– Но ведь бывают женщины-учёные!

– Бывают, но это скорее исключение.

– А что в них исключительного?

– У них мужской ум. Они, в отличие от большинства женщин, способны создавать и изобретать.

– А как узнать, мужской у тебя ум или женский?

– У вас, Ваше Высочество, явно женский. Уж слишком вы миленькая.

– А как я это пойму, если даже не попробую что-нибудь создать или изобрести?

– Вашему Высочеству пора спать.

Стыдясь внебрачного ребёнка, Сигрис Гордетольф организовал для дочери домашние уроки. Однако время шло, и сплетни о мёртвой любовнице императора понемногу утихали. К тому же, император дряхлел. Наступала новая эпоха.

Будучи подростком, Визулинда стала посещать гимназию в Беатрис-Тинслей. Многие предметы пришлось нагонять; это было даже весело. К тому времени госпожа Нотибрена добилась того, чтобы мальчики и девочки учились вместе, по единой программе. Сначала девочек не хотели принимать в научные кружки; потом туда стали брать только тех девочек, кто добился блестящих результатов. Одной из них стала Визулинда. На одном из заседаний биологического кружка её торжественно посвятили в юные учёные.

– Вы добились больших успехов, – сказал принцессе преподаватель. – Вы доказали, что достойны стать одной из нас.

– Благодарю, это честь для меня, – ответила Визулинда. – И всё же странно: любого мальчика вы принимаете сюда просто так, а девочка непременно должна вам что-то доказать.

В тот день Визулинде снова пришлось выслушать лекцию про «мужской и женский ум», про «исключения» и про «предназначение женщины». «Только не это, снова!» – в сердцах думала Визулинда. Подобные разговоры она слышала отовсюду – и они возбуждали в ней бессильную злость и

отчаяние. Оставалось только доказывать свои способности хорошей учёбой – но даже это не спасало Визулинду от мучительного осознания несправедливости. «Неужели я одна это вижу?!» – думала принцесса, запираясь в своей комнате от гувернантки. К счастью, Визулинде повезло: в один прекрасный день она поняла, что не одинока.

Однажды госпожа Нотибрена прислала Визулинде приглашение посетить её книжный клуб. «Нет ничего плохого в том, что дамы обсуждают книги», – сказала Визулинда госпоже Алопеции. Несмотря на запрет гувернантки, принцесса отправилась в особняк семьи Тэву – и с тех пор стала самым преданным членом клуба.

Это был небольшой женский кружок. Дамы высказывали то, о чём сама Визулинда нередко задумывалась. К примеру, если бы Соня Мармеладова могла получить работу, как любой парень её возраста, она не стала бы проституткой. Если бы Лариса Огудалова могла служить в конторе, как это делал Карандышев, ей не пришлось бы унижаться перед купцами.

– Говорят, что твоя жена пудрит мозги молодым девушкам, – упрекали генерала.

– Ерунда, – отмахивался Тэву. – Они просто обсуждают любовные романы.

Увлечённый воспитанием сына, Сигрис Гордетольф уделял дочери мало внимания. Заметив, однако, что Визулинда растёт красавицей, он решил выдать её замуж. Таким способом император надеялся укрепить связи с Ву-Цзяньсюн. Од-

нажды он вызвал дочь к себе и объявил ей, что вскоре она станет женой князя с планеты Макнамара.

– Главное для женщины – это семья, – говорил император. – Поэтому я подобрал для тебя достойного супруга. Ты родишь потомство и послужишь нашему роду. Возможно, твои дети будут править на Макнамаре. Тогда нам полностью удастся подчинить себе Ву-Цзяньсюн.

Визулинда слушала, покорно опустив глаза.

– Можно вопрос, папенька? – сказала она, когда император закончил речь.

– Задавай, дитя.

– Я бы очень хотела послужить своему роду, но не хотела бы использовать при этом свои гениталии... Для женщины это возможно?

Не ожидав ничего подобного, император побагровел.

– Мерзкая девчонка! – воскликнул он. – Тебе, небось, промыла мозги эта ведьма Нотибрена? Уже завтра придут ву-цзяньсюнцы – и я приказываю тебе подготовиться к этому!

– Конечно, Ваше Величество, – сказала Визулинда. – Только знаете, что? Установите почасовую плату за наше первое свидание.

– Что ты несёшь?! – воскликнул император.

– Так вы получите хоть какую-то выгоду от всей этой затеи со сватовством, – объяснила Визулинда. – Уж вы мне поверьте: князь откажется иметь со мной дело.

Горько улыбаясь, она с издёвкой смотрела на императора – так, что от злости ему сделалось дурно.

– Ты такая же, как и твоя проклятая мать! – вскричал император.

– Моя проклятая задушенная мать, у которой вы отобрали лабораторию? – невинно уточнила Визулинда. – Моя проклятая задушенная мать, чьи исследования прикарманил посторонний человек?

– Немедленно замолчи! – взревел император.

Содрогаясь от омерзения, Визулинда вновь опустила глаза. К счастью для неё, смотрины отменили.

– Дьявольское отродье, – говорил император в беседе с Альдагором. – Пускай сдохнет старой девой.

Между тем здоровье императора ухудшалось. На старших курсах гимназии юная принцесса стала выходить в свет. Нотибрена посоветовала Визулинде претендовать на имущество матери. Среди всего прочего была её лаборатория, которую император отдал придворному профессору Хильдегасту. Принцесса подала на отца в Высший суд Мундиморы. Император позвал Визулинду к себе: он хотел замазать позорный скандал как можно скорее.

– Что тебе нужно?! – спросил он.

– Мне нужно имущество моей матери. В том числе и лаборатория.

– Зачем? Ты ведь даже не понимаешь, для чего она нужна!

– Я разберусь в этом, Ваше Величество.

– Как?! Ты ведь женщина!

– А вот так: возьму и разберусь.

Чтобы прекратить шумиху вокруг имени покойной Френегунды, император предложил дочери сделку. «Я помогу тебе открыть новую лабораторию, а ты откажешься от иска», – сказал он. Визулинда согласилась.

Всё вышло как нельзя лучше, и состояние Френегунды перешло в руки молодой наследницы. Сперва Визулинда хотела посвятить себя генной инженерии. Однако потом она передумала и поступила на фармакологический факультет Университета Биотехнологии. «Пока будешь учиться, твои гениталии завянут», – сказал ей отец.

На последнем курсе гимназии у Визулинды произошла первая история любви – глупая и трогательная, как и все подростковые увлечения.

Ещё находясь под опекой гувернантки, принцесса посещала светские рауты и показы фильмов. Однажды после киносеанса Визулинда и другие благородные девицы общались в холле.

– Смотрите, это же тот самый писатель! – сказала одна из подруг, поглядывая на красивого зумбулянина. – Его книгу мы обсуждали позавчера!

Зумбулянин невозмутимо стоял у входа, держа в руках полупустой бокал.

– А он хорош собой, – заметила другая подруга. – Вот бы познакомиться!

– Его, кажется, нашёл маэстро, – сказала какая-то сплетница.

– Смотрите, что я сделаю! – неожиданно произнесла Визулинда и, резко обернувшись, направилась прямо к писателю. Фыркнув, Алопеция поспешила следом.

Сцена между Флисиором и Визулиндой была одновременно нелепой и трогательной. Визулинда поздоровалась. Зная о том, что она дочь императора, зумбулянин почтительно склонился. Визулинда призналась, что обожает его произведения, и пригласила его на встречу с читателями.

– Если у госпожи Нотибрены вдруг не получится нас принять, мы можем собраться в гостиной моего дома, – сказала принцесса.

– Для меня большая честь пообщаться с вами, Ваше Высочество, – ответил Флисиор.

Узнав, что модный писатель придёт на заседание клуба, девчонки едва не визжали от радости. Визулинда по праву гордилась собой.

– Ваша выходка омерзительна! – воскликнула Алопеция, как только они с принцессой оказались наедине.

– Жду не дождусь, когда вы уже исчезнете из моей жизни, – усмехнулась Визулинда.

В глубине души ей всё-таки было немного стыдно. «Воображаю, что обо мне подумали!» – досадовала принцесса. Однако заседание клуба получилось живым и интересным. А под конец Флисиор признался, что вот-вот допишет новый

роман.

С тех пор писатель и принцесса стали хорошими друзьями. Однако понемногу такое «покровительство» стало тяготить Флисиора. Он понимал, что нравится принцессе – и это служило поводом для пересудов. Она же, не думая ни о чём, просто наслаждалась молодостью, влюблённостью и свободой.

В один прекрасный день Визулинда узнала, что Флисиор уехал из Беатрис-Тинслей. «Он ведь даже не попрощался!» – думала принцесса, заливаясь слезами. Её сердце было разбито. «Ну и пусть! – решила она. – Знать его больше не желаю!» Через несколько дней она улетела учиться на Эстер-Ледерберг.

Визулинду быстро увлекли новые впечатления. Теперь у неё была совсем другая, интересная жизнь. Каждый день приносил радость: Визулинда постигала тайны вселенной. Оказалось, что среди простых гуманоидов уже не так сильны вековые стереотипы о мужчинах и женщинах. Поначалу Визулинда скрывала своё происхождение, но вскоре все узнали о том, кто она такая. Учёба стоила огромных денег, и позволить её себе могли только очень богатые студенты. Однако между принцессой и однокурсниками существовала дистанция.

Время от времени Визулинда летала на Джоселин, чтобы следить за строительством лаборатории. Она часто советовалась с преподавателями. Навещая госпожу Нотиброну, Ви-

зулинда узнавала столичные новости. А ещё принцесса обожала читать «Свободу слова».

Визулинде хотелось общения. Не найдя друзей среди тех, с кем училась, она стала ходить на вечеринки в Университет Изящных и Современных Искусств. Её тянуло к писателям и режиссёрам. Спустя некоторое время Визулинда познакомилась с парнем, которого звали Гардиальд. Он привёл её в свою компанию. Это были образованные ребята и девушки. «Наконец-то у меня есть друзья-студенты!» – радовалась принцесса.

Ребята собирались на чердаке дома, который принадлежал семье Гардиальда. Некоторые из них уже водили аппараты и парковались на крыше. Чтобы не пугать друзей своим дорогим телекоптером, принцесса добиралась на такси. А однажды она даже проехала в общественном транспорте. Это было забавно. Принцессе не понравилась только социальная реклама на улицах: «Муж-добытчик, жена-домработница – идеал семьи!»

Говоря о себе, Визулинда никогда не врала. Однако всей правды о ней не знал никто из ребят. Друзья обсуждали кино, музыку и «запрещённую» литературу. Вращаясь в высшем обществе, Визулинда слышала о Программе Культурной Доступности – и не решалась рассказывать о ней друзьям. «Неужели эти люди не заслуживают нормальное искусство?» – думала принцесса. Иногда она дарила им книги из собственной библиотеки. Ребята догадывались, что отец Ви-

зулинды – большая шишка на Джоселин-Белл-Бернелл.

Всё было хорошо, пока Визулинда не узнала о том, что нравится Гардиальду. Эта новость её расстроила: он был влюблён, а ей просто нравилось общаться.

– Знаешь, – сказала Визулинде Стефания, – не морочь голову моему брату. Если не хочешь быть его девушкой – просто уйди.

– Да, это справедливо, – сказала принцесса.

Лишившись друзей, Визулинда ещё больше погрузилась в учёбу. Иногда её охватывала тоска по Флисиору. Однажды во время своего визита на Джоселин Визулинда решилась поговорить с госпожой Нотибреной о его судьбе – и узнала правду.

– Почему вы все малодушно молчите?! – возмутилась Визулинда.

– Мы делаем только то, что можем, – сказала Нотибрена. – К тому же, мой супруг давно в отставке.

– Вы можете поднять этот вопрос в Исполнительной Палате! – воскликнула принцесса. – Программа Культурной Доступности – геноцид нашего народа!

Нотибрена посмотрела на неё исподлобья и странно усмехнулась.

– Великие дела не делаются сразу, – тихо проговорила она.

Пройдёт ещё немного времени – и Визулинда поймёт, что речь шла о подготовке к восстанию Кермунда. Однако в тот момент принцесса была охвачена гневом. Ей хотелось найти

Флисиора и помочь ему.

Визулинда выяснила, что Флисиор не улетал из столицы. Она восстановила его путь от космодрома – и в конце концов нашла книжную лавку, где он работал. Надеясь, что зумбулянин всё ещё там, Визулинда прибыла в зону Джудит-Лав-Коэн. С трепетом она ступила на порог магазина – и тут же разочарованно нахмурилась: книги продавал совсем другой человек. Он, похоже, был занят с покупателем. «Подожду, пока освободится, – решила Визулинда, – и спрошу о Флисиоре».

Покупатель попался требовательный.

– Я, – важно говорил он, – читаю только писателей мужского пола. Вы точно уверены, что эту книгу написал мужчина?

– Точнее не бывает! – уверял его продавец. – Перед тем, как заключить договор с издательством, все писатели проходят медицинский осмотр. На первой странице каждой книги вы найдёте справку от уролога или гинеколога.

– Но этого недостаточно! – не унимался покупатель. – Справку можно подделать! Где цифровая копия гениталий автора? Вы что, хотите подсунуть мне бабскую писанину?

Внезапно Визулинда обратила внимание на лицевую голограмму одной из книг. «Это ведь тот самый сборник статей по физиологии, который я искала!» – подумала принцесса. Она подошла ближе и принялась листать страницы редкого издания. Визулинда была так увлечена, что не сразу услыша-

ла голос продавца у себя за спиной.

– Прошу прощения, юная леди, – проговорил продавец, – но здесь мужская секция. Позвольте проводить вас в отдел для женщин.

Обернувшись, Визулинда посмотрела на него с удивлением. Он, вероятно, сумел-таки продать назойливому покупателю книгу непонятного пола.

– Пойдёмте со мной, – говорил продавец. – У нас новое поступление. Есть книги о попаданках в царство фаллосов, есть про школу секса – из серии «Книги для девочек». А есть и женская фантастика – о соитии с неуглеродными формами жизни...

– А что, если я хочу остаться здесь? – спросила Визулинда.

– Тогда вы рискуете ничего не понять. Или умрёте от скуки. А впрочем, я ошибся... Это остатки научной секции – последние экземпляры. Вы что-то желаете?

– Да, пожалуй, – проговорила принцесса. – И мне нужна ваша помощь. Я хотела бы почитать о множественности комбинаций генов цитокинов и матриксных ферментов. Есть у вас что-то подобное? Гениталии автора могут быть любые.

Продавец смотрел на неё так, будто видел перед собой монстра с шестью головами.

– У нас такого нет, – ответил он нелюбезно.

– Так вот же эта книга, – сказала Визулинда, указывая на сборник статей и, усмехнувшись, добавила: – Я вижу, вы от-

лично знаете свой ассортимент...

Лицо продавца исказила злобная гримасса. Он хотел было высказать Визулинде что-то грубое, однако она его опередила.

– Впрочем, да, – сказала Визулинда, – вам нужно закрыть научную секцию. Иначе вы рискуете ничего не понять и умереть от скуки.

С этими словами принцесса направилась к выходу. Позрелев, она устыдилась того, как вела себя с продавцом. Конечно, глупо было кичиться своим образованием, чтобы поставить на место какого-то беднягу... Но Визулинда была молода и вспыльчива. А мысль о том, что литература окончательно разделилась на «мужскую» и «женскую», вызывала в ней ядовитую горечь.

Поиски не принесли результата. Принцесса вернулась на Эстер-Ледерберг. Она уже училась в магистратуре, когда знакомые генерала Тэву помогли ей отыскать Флисиора. «И где бы вы думали он сейчас работает? – с улыбкой спросила госпожа Нотибрена. – В редакции «Свободы слова!»

Чтобы хоть как-то пробудить воспоминания Флисиора, Визулинда прислала ему коробку сладостей из Беатрис-Тинслей. Принцесса положила туда книгу, которую Флисиор написал для Брандомонда и придворных. «Вы меня напугали, Ваше Высочество, – признался зумбулянин, когда их встреча всё-таки состоялась. – Я ожидал намного менее прекрасного преследователя».

Она явилась к нему в апартаменты на окраине Джудит-Лав-Коэн. Он рассказал ей всё, что вспомнил.

– А ещё я проболтался Хельмимире о Программе Культурной Доступности, – добавил Флисиор с горькой усмешкой. – И теперь всё жду, что за мной придут.

– Но как вам удалось преодолеть последствия лазера? – спросила Визулинда.

– Я и сам не знаю...

Флисиор поведал принцессе о том, как сложно далось ему прозрение. Та внимательно слушала – и в глазах её всё больше разгорался интерес.

– Выходит, ваше исцеление как-то связано с чтением? – спросила Визулинда.

– Возможно, – пожал плечами Флисиор. – Немногие из отупевших читают книги и пытаются думать.

Принцесса поднялась со стула и, скрестив руки на груди, прошла по комнате.

– Я как раз пишу работу, – сказала она. – «Взаимодействие лекарственных препаратов и методов транскраниальной стимуляции для лечения старческого слабоумия»...

– Желаете помочь генералу Альдагору?

– Желая помочь всем, кому возможно... А вы знаете, что лазерная идиотия по своей патофизиологии напоминает старческое слабоумие?

– Я совсем не разбираюсь в этом, Ваше Высочество.

– Так вот, отупление лазером – это тоже своего рода тран-

скраниальная стимуляция, только с обратным эффектом. Я же, напротив, хочу найти способ стимулировать активность головного мозга. Вы подали мне идею: а что, если попробовать стимулировать те участки мозга, которые ответственны за чтение?

Друзья проговорили всю ночь напролёт. Принцесса рассказала Флисиору о том, что вот-вот закончит учёбу и вернётся на Джоселин.

– Кстати, – вспомнила она, – вы не пишете ничего нового? Я ужасно соскучилась по вашим книгам!

Флисиор поднял на неё печальные глаза и усмехнулся.

– Увы, нет, – сказал он. – Как-то не пишется мне, Ваше Высочество... Сейчас я занимаюсь только текстами для газеты.

– Но почему? – не унималась Визулинда. – У вас не хватает времени?

– Возможно, я просто не оправился до конца ... Думаю взять отпуск и слетать на Эстер, к родителям. Знаете, мы не очень хорошо расстались...

– На Эстер-Ледерберг? – переспросила Визулинда. – Я возвращаюсь туда завтра. Если хотите, можем увидеться.

– Сочту за честь, – ответил Флисиор. – Ваше общество даёт мне дивное вдохновение.

Визулинда вышла от него окрылённая. Тонкие комплименты, которыми по привычке сыпал Флисиор, взволновали её неопытное сердце. Он позвонил ей, как только прибыл на

Эстер – и вместе они провели несколько прекрасных недель.

Счастье омрачили плохие новости. Гардиальду и Стефании грозил тюремный срок. Визулинда приняла это болезненно.

– Я видела их фильм, – сказала она Флисиору, когда одним холодным утром они завтракали в постели. – Ребята почти докопались до правды о Программе Культурной Доступности.

– Не завидую, – усмехнулся Флисиор.

– Я почти уверена, что всё это моя вина...

– Почему?

– Там, на чердаке, мы много говорили. Теперь я понимаю, что сказала им достаточно.... Какие же мы с вами болтливые! А я всего-то и хотела, что дружить с ребятами...

При обыске в доме родителей Гардиальда нашли те самые книги, которые когда-то дарила Визулинда. Поздним вечером того же дня она явилась к ним и предложила свою помощь. Через пару часов принцесса отбыла на Джоселин, чтобы встретиться с Нотибреной.

– Я намерена помочь друзьям! – сказала Визулинда едва ли не с порога.

Нотибрена оглядела её и горько усмехнулась.

– Надеюсь, вы понимаете, чем это чревато? – спросила она.

– Ещё как понимаю! – воскликнула принцесса. – Однако я не собираюсь стоять и смотреть, как думающих людей са-

жают в тюрьмы!

– Тогда, может, попробуете изменить мир за один день?

Нотибрена смотрела спокойно, и в голосе её звучала ирония.

– Вы, либеральная интеллигенция, только и делаете, что жалуетесь на жизнь и разводите руками, – сказала Визулинда. – И при этом ни один из вас не сделал ничего, чтобы отстоять своих же!

– Какое-то однобокое у вас чувство справедливости, – заметила Нотибрена. – Сколько думающих людей сидит – а вы только сейчас опомнились.

Тем не менее, уже через сутки Визулинда осматривала новый корабль на частном космодроме одного чиновника.

– За сколько времени можно освоить эту махину? – спросила принцесса.

– Я получил свою лицензию за три джоселинских месяца, – ответил хозяин аппарата.

– У нас две недели. Думаете, успеем?

Космический корабль – совсем не капсула для близких перелётов. Студенты, которых выпустили под залог, штудировали руководство много дней подряд. В итоге Гардиальд и Стефания научились худо-бедно обращаться с аппаратом. Во время побега с ними был пилот, которого наняла принцесса.

Незадолго до того, как ребята бежали на Нэтти-Стивенс, Визулинда решилась откровенно поговорить с Флисиором.

Она прекрасно понимала, что её подростковая влюблённость обречена, а случайное счастье не может длиться вечно. О том, чтобы спокойно жить на Джоселин-Белл-Бернелл, не могло быть и речи. Боясь, что ему не простят исцеления, Флисиор мучился кошмарами и ждал расправы. Постоянные поборы чистого энтузиазма истощали его талант.

– Я не идиотка, – сказала Визулинда, – и вижу, что вы несчастливы.

Флисиор лишь горько усмехнулся: спорить было бы глупо и подло. Он и так достаточно времени морочил ей голову.

– Всё это для меня очень болезненно, – продолжала Визулинда. – Заканчивается ваш отпуск... что вы намерены делать?

– Не знаю. Но я не хочу возвращаться на Джоселин.

– Если не боитесь, то можете лететь в моё имение вместе со студентами. Там никто не помешает вам заниматься творчеством. В Свободных Художниках есть много издательств, которые примут вашу книгу.

Флисиор смотрел на принцессу с грустной нежностью.

– Спасибо, Ваше Высочество, – ответил он, помолчав. – Но я был бы негодяем, если бы воспользовался вашей добротой.

– Прошу, не отказывайтесь, – настаивала Визулинда. – Если вам действительно не жаль работы у Хельмимиры – тогда бросайте всё и занимайтесь тем, чего действительно хотите. Харальдюф уничтожает гуманоидную культуру. Помочь вам

– то немного, что я могу сделать в противовес ему. Знаю: вам, конечно, мешают патриархальные предрассудки... Разве может мужчина принять помощь от девушки? Но подумайте о своём таланте. Неужели ради устаревших идей вы готовы закопать его в землю?

Была ночь; Флисиор и Визулинда сидели в гостиной. За окном дул промозглый ветер. На Эстер всегда было намного холоднее, чем на Джоселин.

– Дело не в патриархальных предрассудках, – признался Флисиор. – Я чувствую к вам огромную благодарность – но это совсем не то, чего вы заслуживаете. Я старался делать всё для вашего удовольствия – но понимаю, что обманул вас. Я не хочу быть лжецом и дармоедом. Мне хотелось бы отдать вам долг, но я понимаю, что это невозможно... Я желаю вам найти того, кто полюбит вас по-настоящему.

Визулинда заплакала. Флисиор хотел её успокоить – но понимал, что выйдет фальшиво.

– Не обращайтесь внимания на мою истерику, – сказала, наконец, Визулинда. – Мне достаточно того, что я от вас получила. Глупые эмоции уйдут. Я говорю не только о своих слезах, но и о вашей гордости. Не позволяйте ей отобрать у вас шанс на свободу.

В конце концов Флисиор всё-таки принял предложение Визулинды. Принцесса общалась с подопечными посредством почты: она маскировала это под переписку с управляющим имения. Особенно важные письма она помечала

фразой «для дядюшки Ифанда». Так продолжалось некоторое время, пока однажды Нотибрена не сказала Визулинде, что главного редактора «Свободы слова» собираются арестовать.

– Я знаю, что сделаю, – сказала принцесса.

– Решили превратить своё имение в приют для диссидентов? – усмехнулась Нотибрена.

– А чем Хельмимира хуже моих друзей? – ответила Визулинда. – Сами ведь говорили, что слишком много думающих людей сидит. Надо бы поубавить.

Несмотря на скепсис, Нотибрена вновь помогла принцессе. «Только бы Хельмимира поверила в то, что ей хотят помочь! – взволнованно думала Визулинда. – Она ведь совсем меня не знает!»

– Наивно писать предупреждение на обёртке конфеты, – говорила Нотибрена, обсуждая операцию.

– А что такого? – удивилась принцесса. – Мне нравится посылать людям сладости. К тому же, сотрудники Тайного Комитета никогда не догадаются читать надписи на обёртках.

И всё же Визулинду вычислили довольно скоро. Нотибрена едва успела отправить письмо, чтобы предупредить подопечных о возможной облаве.

– Как ты посмела?! – кричал император, когда провинившуюся дочку втащили в его кабинет.

Принцесса молчала – и только смотрела на отца с презре-

нием и насмешкой. Не выдержав этого взгляда, император подошёл и вlepил ей пощёчину.

– Давно пора, – усмехнулся Альдагор, который находился там же. – А за то, что она больше не девица, её вообще прибить мало.

– Что же вы не стояли надо мной, не охраняли мою девственность?! – огрызнулась Визулинда и вновь получила удар от отца.

Визулинду упекли под арест. Как раз тогда, когда император хотел официально отобрать у неё лабораторию, началось восстание Кермунда.

Наступили тяжёлые времена для столицы. Солдат набирали из гражданских и поспешно отправляли на фронт. Многие заводы оказались в руках мятежников. Имперские власти увеличили производство оружия и медикаментов. Женщины работали наравне с мужчинами. «Вот закончится восстание – и нам опять расскажут, какие мы бесполезные», – шутили рабочие бабы.

– Верите вы или нет, но я тоже могу помочь, – сказала Визулинда, связавшись с отцом. – У меня, представьте себе, образование фармаколога.

Сначала принцессу не хотели выпускать из тюрьмы. Однако спустя некоторое время император решил проучить непокорную дочку. Желая доказать, что работа на производстве – не женское дело, он отправил её на завод фармацевтических субстанций. Визулинда трудилась простым технологом. Это

было не то, к чему готовилась принцесса – зато она получила первый практический опыт. Не теряя времени даром, она изучала производство. Вскоре Визулинда уже умела организовывать рабочий процесс.

Время шло, и постепенно имперские войска отвоёвывали планеты у мятежников. Ситуация в столице заметно улучшилась. Теперь император часто был в хорошем настроении. Однажды после встречи с учёными в одном из залов дворца он попросил Визулинду задержаться.

– Ну что, – сказал он дочери, – поняла какво это – работать? Хлебнула независимости? Небось, уже замуж хочется?

– С чего вы так решили, папенька? – спросила Визулинда. – Хотите отобрать у меня лабораторию?

– Никогда не понимал, зачем всё это женщине, – вставил свои пять копеек генерал Альдагор, который стоял рядом.

– Затем же, зачем и мужчине, – ответила принцесса.

Император смотрел на неё с презрением.

– И как только ты, наглая девка, смеешь требовать у меня лабораторию после своей гнусной выходки? – проговорил он, подавляя злобу.

– А мои трудовые подвиги не в счёт? – спросила Визулинда.

– Страшно подумать, что лаборатория окажется в руках женщины, – заметил Альдагор.

– Тогда извольте её разрушить, – сказала принцесса. – Прикажите обстрелять её с воздуха.

В конце концов император всё-таки отдал дочери то, что она просила. Он втайне надеялся, что Визулинда не справится.

– Забирай и подавись, – сказал он, подписывая нужные документы у себя в кабинете. – Надеюсь, от всей этой химии ты никогда не родишь здоровое потомство. Твоя мать просидела в лаборатории сутками – вот и результат.

– Результат ваших измен супруге? – спросила принцесса. – Не нужно было заводить любовниц, Ваше Величество! Тогда меня бы не существовало...

Она вновь схлопотала пощёчину – но это было уже не важно. Для принцессы начались радостные будни – жизнь, о которой она всегда мечтала. Каждый день она узнавала что-то новое. После магистратуры у неё был патент на препарат для лечения старческого слабоумия. Вскоре Визулинда начала строить завод для производства фармсубстанций. Одновременно с этим она занялась разработкой новых формул. Принцесса не боялась брать женщин на ответственные должности. Она платила им не меньше, чем работникам мужского пола. Иногда сотрудницы уходили в декрет. Это огорчало Визулинду как работодателя, однако она не сдавалась. Те, кому помогали с детьми, возвращались к работе довольно скоро. Тайный Комитет никак не контролировал принцессу. «В конце концов, что могут изобрести какие-то бабы? – говорили в Комитете. – Наверное, они там попросту сидят и обсуждают свои месячные...» Так, в один прекрасный день

Визулинда начнёт помогать партизанам прямо перед носом у внутренней разведки – и ни один комитетчик не поймает её за руку.

После того, как строительство завода было окончено, принцесса наладила выпуск фармсубстанций и начала предлагать их фармацевтическим предприятиям.

– Конечно, я бы хотела найти себе мужчину, – признавалась Визулинда госпоже Нотибрене. – Но, знаете, не так, чтобы ради семьи жертвовать всем остальным.

Глава 21: История Зугарда. Часть 2

Придворная жизнь шла своим чередом: показы раритетных фильмов, светские рауты и выставки изящных искусств. Содрогаясь от ужаса, Зугард понимал: его увлечение Визулиндой перерастает во что-то нездоровое. «И принцесса, и синий чулок, и развратница в строгом платье... Ах вы мой монархический фетиш!» Бедняга даже пробовал завести роман с кем-нибудь ещё. Попытка провалилась. Иногда он встречал Визулинду на каком-нибудь мероприятии. Вскоре она и сама стала замечать его взгляды. Но как бы ни старался Зугард, никому не приходило в голову познакомить его с принцессой.

Он знал, что вызовет гнев Альдагора, если обнаружит своё увлечение Визулиндой. Он также знал, что может лишиться милости императора. Всё это сводило его с ума: блестящая карьера против безумной страсти... «Вот был бы я военным диктатором – не имел бы таких проблем, – думал Зугард. – Стариков отправил бы на пенсию. А принцессу сделал бы своей наложницей... Ух, я б её укротил!»

Однажды Зугард узнал о выставке патологоанатомических срезов. Он тут же понял, что Визулинда придёт на открытие. «Хотя, конечно, не факт, – думал он по дороге в галерею. – На выставке бифидогрибов я три часа проторчал – а принцесса так и не явилась...»

В этот раз всё вышло иначе. К тому времени, когда полковник прибыл на открытие, официальная часть уже закончилась. Подавляя волнение, Зугард направился в главный зал – и тут же увидел принцессу. Она как раз наклонилась над одним из микроскопов, которые были расставлены по периметру огромного помещения. Зугард не поверил своему счастью: принцесса была абсолютно одна.

«Прикинуть, будто меня интересуют экспонаты», – решил Зугард. Он подошёл к ближайшему от выхода микроскопу. «Сиреневое забвение», – гласила вывеска. А ниже, мелким шрифтом, пояснялось: «Синовиальная саркома». Фокус был в том, что из клеток новообразований с помощью микроскальпеля создавались картины. Такой вид искусства был популярен.

Насмотревшись на синовиальную саркому, Зугард перешёл ко второму экспонату. Он назывался «Загадочная незнакомка» и состоял из клеток лимфомы. Тем временем полковник заметил, что принцесса тоже проследовала по ходу экспозиции. «Как бы не ушла», – испугался Зугард.

Ему помог случай. Как раз в тот момент, когда он рассматривал прелести «Незнакомки», объявили благотворительную лотерею. По залу пустили ездить специального дроида; двигаясь от посетителя к посетителю, он предлагал всем желающим положить в него как минимум сто космотугриков. Чтобы не казаться жлобом, Зугард положил двести. Собрав дань со всех, кто был в зале, робот удалился. Спустя

пару минут полковник уже забыл о нём, продолжая думать, как бы подойти к принцессе... И вдруг оказалось, что он выиграл голографический атлас по гистологии.

Тот же робот, неспешно двигаясь по гладкому полу, снова подъехал к удивлённому Зугарду. На этот раз к нему была приделана панель, на которой лежала лайка. Смущаясь, Зугард взял её в руки – и дроид тут же укатил восвояси. Те, кому не повезло выиграть атлас, поаплодировали победителю. Зугард поднял глаза и обмер: Визулинда смотрела на него, улыбаясь.

Сердце Зугарда забилось чаще. Быстрым шагом он направился прямо к принцессе... Визулинда стояла неподвижно – так, будто ждала его со спокойным интересом.

– Разрешите преподнести вам этот атлас, – проговорил Зугард, слегка поклонившись.

– Спасибо, – ответила Визулинда, принимая подарок, и тут же испуганно спросила: – А вам правда не надо? Это хороший атлас...

– Да зачем он мне? Я в этом всё равно ни черта не разбираюсь...

От удивления принцесса захлопала глазами. Осознав, что сморозил «цитату великого полководца», Зугард умолк. Над собеседниками нависла неловкая пауза. Казалось, на них все смотрят.

– Что ж... – смущённо сказала принцесса, пытаясь сгладить замешательство, – ещё раз спасибо за атлас...

– Моё почтение, – проговорил Зугард. Он снова поклонился и направился к выходу. В этот момент он проклинал себя и всё на свете. А Визулинда так и осталась стоять посреди зала, окончательно сбитая с толку.

Следующая их встреча произошла на похоронах Сигриса Гордетольфа. Одетая во всё чёрное, Визулинда совсем не выглядела скорбящей. Зугард украдкой следил за ней – и одновременно думал о том, что начинается новая эпоха. В такие моменты главное не упустить своего.

Прах покойного уложили в драгоценную урну. Похоронная процессия поднялась на корабль, чтобы отправить останки монарха к далёким звёздам, в туманность Лотурры. Там, по преданию, обитали души правителей.

«Занятная вещь, – думал Зугард, стоя позади свиты генерала Альдагора. – Макиавелли писал, что государь сам должен возглавлять своё войско. Сунь-цзы, напротив, разделял гражданскую власть и военное руководство... Прав, наверное, был всё-таки Макиавелли. Иначе любой Кермунд – или даже Зугард – в один прекрасный день объявит себя военным диктатором. Хотя, с другой стороны, когда у власти молодая прекрасная императрица, а её муж – главнокомандующий войсками... Впрочем, откуда эти влажные фантазии на похоронах?»

Чтобы избежать смуты, военные тут же короновали Брандомонда. Боясь очередного восстания в Ву-Цзяньсюн, Альдагор решил укрепить там гарнизоны. Ву-цзяньсюнцы ещё

не оправились от поражения, но власти опасались от них подвоха. Кроме того, в регионе орудовали банды «недобитых» повстанцев. Самой крупной их них руководила некая Хельмимира. Говорили, что её группировка – на самом деле фанатичная секта, которая распространяет запрещённое искусство. С тех пор, как войска императора подавили восстание, у них случилось уже несколько крупных стычек с космическими партизанами. Уничтожить опасную шайку было главной задачей империи.

Наводить порядок отправили Зугарда. Полковник «зачистил» одну из планет, где партизаны засели в подземных туннелях. Случилось это на окраине Мундиморы. Зугард помнил о странном астероиде, который он случайно обнаружил в том районе несколько лет назад. Эта история не давала ему покоя. Вычислив координаты объекта, он отправился посмотреть, что же теперь там происходит. Когда корабли полковника приблизились к астероиду, на них напал неизвестный флот. Тем не менее, имперцы отбились и одержали победу. Завод оказался в руках Зугарда. Рабочих допросили. Выяснилось, что всем заправляет один богатый ву-цзяньсюньский князь.

Зугард вместе со своими людьми явился прямо к нему домой. Князёк ползал на коленях и клялся, что боевые корабли нужны ему всего лишь на продажу. Это могло быть правдой: лидеры Забархан-Шахада любили воевать между собой и покупали оружие у ву-цзяньсюньцев. Князь обещал Зугар-

ду баснословную взятку. «Так вот, как соблазнили Кермунда!» – усмехнулся полковник. Деньги интересовали его в последнюю очередь.

– Не делайте из меня идиота, – сказал Зугард, расхаживая по княжеской гостиной. – Очевидно, что вы снабжаете партизан.

Князь побледнел. Видя его реакцию, Зугард ощутил удовлетворение.

– Назовите мне места, где расположены их базы, – продолжал полковник. – Я хочу знать, кто ещё помогает Хельмимире.

Всей информации князь не знал – но мог её заполучить. Благодаря его помощи Зугард одержал несколько блестящих побед. Хельмимира залегла на дно, а полковник возвысился в генеральном штабе. Военные держали в тайне операции против космических партизан. Жители столичных зон, включая Беатрис-Тинслей, не знали о том, что происходило за пределами ядра империи.

Зугард вернулся в столицу – и тут же с ним случилось нечто нереальное. Одним прекрасным утром он сидел за столом у себя в кабинете и читал рапорт какого-то капитана. Внезапно ему пришло сообщение. «Это ещё что такое?» – недовольно подумал Зугард. Полковник украдкой глянул на монитор транслятора. Письмо было от незнакомого пользователя системы «Конституция».

Зугард решился открыть файл. «Здравствуйте, полков-

ник, – говорилось в сообщении. – Если не боитесь поссориться с начальством – приходите сегодня вечером ко мне в ложу главного кинотеатра. Говорят, будут показывать какой-то винтажный артхаус. Визулинда».

Едва не свихнувшись от счастья, полковник перечитал письмо несколько раз. Казалось, мраморный пол кабинета готов был уйти у него из-под ног. Он заподозрил чью-то глупую шутку – и тут же вспомнил, что «Конституция» – одна из самых надёжных почтовых систем. «Вот тебе и принцесса! – думал Зугард, пытаясь прийти в себя. – Сама написала мужчине! Таких развратниц я ещё не видел... Повезло так повезло!»

В холле кинотеатра было много народу. Сначала Зугард хотел остаться незамеченным – и тут же устыдился этой мысли. «Будь что будет!» – решил он и смело зашагал в ложу принцессы. К счастью, генерал Альдагор и другие пожилые вояки никогда не смотрели модных фильмов.

Когда Зугард вошёл, Визулинда уже сидела на мягком диване и пила шампанское. На ней были яркие серьги – длинные рубиновые треугольники. Увидев гостя, она неторопливо встала и протянула ему руку.

– Приветствую вас, полковник, – поздоровалась принцесса. – Располагайтесь. Говорят, фильм – отборная дичь... Будет интересно.

– Благодарю, – проговорил Зугард, опускаясь на сидение. Его сердце трепетало от нежности; глаза принцессы блесте-

ли, и вся она была как налитый солнцем фрукт.

– Угощайтесь, – произнесла Визулинда, указывая на несколько бокалов шампанского.

– Спасибо, – ответил полковник. – Ваше здоровье.

Зугард сделал глоток и поставил бокал перед собой. Визулинда смотрела на него с насмешливой полуулыбкой.

– Вы, наверное, удивлены моим приглашением, – сказала принцесса.

– Удивлён, – признался Зугард.

– Знаете, вы обычно так далеко сидите... Что, если вы однажды вывихнете шею, пытаясь меня разглядеть? Я подумала, вам будет лучше пялиться на меня вблизи. Нужно беречь боевых командиров.

Сердце Зугарда болезненно сжалось: Визулинда явно подшучивала над его нелепым обожанием. Выходило очень обидно: принцесса должна была достаться Зугарду как сладостный трофей, а в итоге попросту глумится. «Демоническое создание! – подумал полковник. – Погодите, я вас прочую!»

– Спасибо за заботу, Ваше Высочество, – поговорил он. – Но, раз уж вы проявили доброту, могу я гладить ваши прелестные пальчики во время сеанса?

От такой наглости Визулинда едва не упала с дивана.

– Ну вы и нахальный тип, – сказала она. – Вам палец дай – вы руку оттяпаете.

– Я постараюсь быть нежен... Хотя ничего не обещаю.

– Может, вы и ногу погладить хотите?

– Можно и ногу. Попробую наощупь ваше округлое колено.

– Выпили глоток – и уже почти животное.

– А к чему ходить вокруг да около? Дали надежду – так будьте последовательны!

– Как дала – так и обратно заберу, если вы мне не понравитесь.

– Конечно, понравлюсь. Я то, что вам нужно.

Визулинда смотрела на полковника с интересом – и внешне, откинувшись на спинку дивана, весело рассмеялась.

– Вы, самоуверенный тип, – сказала она. – Если я дам вам своё колено, то потеряю вас как собеседника. А мне ещё фильм надо с кем-то обсудить.

В течение всего фильма Зугард отчаянно страдал. В то же время он чувствовал, что произвёл впечатление на принцессу. Отступать было нельзя: цель ослепляла и лишала рассудка. Его бокал так и оставался нетронутым: полковник демонстративно не пил. Когда, наконец, пошли титры, Визулинда бросила на гостя вопросительный взгляд. Она была смущена.

– Не такая уж и дичь, – произнесла Визулинда, кивая на монитор. – Я ожидала большего.

– Лично я, как всегда, ничего не понял, – признался Зугард. – Батальные сцены сняты неправдоподобно... Почему генерал Новосельцев не убил тёмного лорда Самохвалова?

– Спросите лучше, почему императрица Калугина не убила генерала Новосельцева, – усмехнулась Визулинда. – Весь фильм он только оскорблял её – а потом вдруг замуж позвал... Надо же, как романтично!

– Возможно, Калугина не совсем здорова, – сказал Зугард, поглядывая на принцессу с загадочной ухмылкой. – Возможно, строгая дама втайне мечтает о том, чтобы её подчинили...

Визулинда снова рассмеялась. Зугард почувствовал себя идиотом.

– Знаете, – сказала Визулинда, – эротические фантазии не имеют ничего общего с реальной жизнью.

– Как скучно вы живёте, – заметил полковник.

– Я скептик, и привыкла видеть вещи как они есть. Несмотря на ваши горячие домыслы, всё намного проще. Этот фильм – очередная история о том, что женщины становятся успешными только от личной неустроенности. Надоело смотреть подобные «шедевры».

– А зачем карьера счастливой женщине?

– По тем же причинам, что и счастливому мужчине... Вы говорите точь-в-точь как Альдагор. Тоже будете спорить со мной о гендерных стереотипах?

– Пожалуй, нет. Но, согласитесь, общество принуждает мужчин добиваться успеха – в то время как у женщин есть выбор.

– Всё это иллюзия. На самом деле общество душит любые

женские амбиции – такими вот фильмами, например. Хочешь быть успешной? Сдохнешь одинокой мымрой... Прекрасный посыл!

– Посыл в том, чтобы женщины не слишком увлекались карьерой и не забывали о личной жизни.

– Не слишком увлекались карьерой – это как? Успешная – но не особо? Образованная – но в пределах допустимого? Умная – но только так, чтобы рядом с ней вы всё равно казались умнее?

Видя, как принцесса выходит из себя, Зугард понимал: разговор явно зашёл куда-то не туда.

– Послушайте, – сказал он, – никто не отрицает ваши возможности. Но неужели вы не хотите, чтобы любимый мужчина складывал трофеи к вашим ногам?

Визулинда печально усмехнулась.

– Правда в том, – ответила она, – что он при этом надеется и меня сделать своим трофеем... Тогда я попросту окажусь в куче завоёванного барахла.

Кинотеатр опустел – только в партере монотонно двигались уборочные дроиды.

– Что ж, – произнесла принцесса, понимая, что уже поздно, – благодарю за компанию.

– Могу сопроводить вас до вашего аппарата?

– Удивительно, как это вы не предлагаете сопроводить меня прямо в койку... Вас напугали мои рассуждения?

– Я не из пугливых. И мне жаль, если я нарушил грани-

цы...

Визулинда улыбнулась – и взгляд её смягчился.

– А мне жаль, если я задела вас неудачной шуткой, – сказала она. – У меня странное чувство юмора.

– Оно того же сорта, что и моё. Надеюсь, у нас обоих иммунитет.

Визулинда позвонила, чтобы убрали ложу. Полковник вышел вместе с ней, желая проводить до стоянки. В холле оказалось ещё несколько человек – похоже, из свиты маэстро. Зугарду было плевать; охваченный древним восторгом, он готов был явиться рука об руку с принцессой хоть в генеральный штаб.

– Хотите увидеть роботов-монстров? – неожиданно спросила Визулинда.

– Горю желанием, – ответил полковник. Он едва ли понимал, о чём речь.

– Тогда, – продолжала Визулинда, – приходите завтра ко мне в лабораторию на обеденный перерыв.

– А когда у вас обеденный перерыв?

– А когда придёте. Можем попить кофечаю.

Он явился под вечер – так, чтобы утащить Визулинду с работы. Её кабинет находился в административном здании завода – вместе с бухгалтерией и другими вспомогательными отделами.

– Принцесса у себя? – осведомился Зугард у секретарши.

Визулинда оказалась в лаборатории, в соседнем корпусе.

Полковник ждал её около получаса. Наконец, она предстала перед ним во всём очаровании безумного учёного – румяная, со сбитой причёской и в нарукавниках.

– Пожалуйста, извините, – обратилась она к Зугарду, поспешно заводя его в кабинет. – Сегодня мы должны были синтезировать экспериментальное вещество. Один из трубопроводов для растворителя оказался неисправен – и получилась не та концентрация... Мы заметили это только тогда, когда во втором реакторе не изменилась двойная молекулярная связь....

Визулинда распорядилась, чтобы им принесли кофечай – и тут же заметила, что не сняла нарукавники. Смутившись, она принялась торопливо их стягивать. Всё это время Зугард стоял и смотрел на неё как вкопанный.

– Присаживайтесь, – сказала принцесса. – Мне нужно отойти.

Тем временем секретарша вкатила в комнату столик с трапезой. Только тогда Зугард понял, что она всего лишь дроид. Когда Визулинда вновь показалась на пороге, её причёска была аккуратно уложена. Заметив это, полковник довольно улыбнулся.

– Ну и денёк! – воскликнула принцесса, усаживаясь напротив него. – Спасибо, что подождали меня.

– Я посмотрел видеоролик о вашей компании. Впечатляет.

Между тем Визулинда принялась переставлять приборы

на стол.

– Нам принесли только десерты, – сказала она с улыбкой. – Надеюсь, они вам понравятся. Многие мужчины неравнодушны к сладкому – хоть и говорят, что это не так.

– Я обожаю сладкое, – признался Зугард, любуясь медовым локоном на плече своей избранницы.

Визулинда наполнила чашку напитком и протянула гостю. Он видел, как всколыхнулась её грудь под лёгкой тканью – и едва сумел подавить волнение.

– Вы очень женственны, Ваше Высочество, – произнёс он неожиданно для себя.

Принцесса посмотрела на него с удивлением – и взгляд её похолодел.

– Не знаю, к чему вдруг эта реплика, – сказала она, – но под «женственностью» у нас принято понимать глупость, беспомощность и малодушие.

Зугард опешил: у него и в мыслях не было ничего подобного.

– Я вовсе не хотел вас обидеть, – произнёс полковник, – но вы неправы. На самом деле под «женственностью» понимается совсем другое.

– И что же?

– Ну, к примеру, красота... И всякие там чары...

– Вспомните вчерашний фильм – тот момент, когда Калугина преображается в «настоящую женщину». Стоило ей только переодеться – как у неё пропадает всякое желание

работать. Она лишь кокетничает, капризничает и говорит ерунду – это, по мнению создателей фильма, и есть «женское поведение». Или фраза в начале: «Она уходит домой поздно, потому что она не замужем...» Настоящий плевок в лицо! То есть мужчина задерживается на работе потому, что увлечён своим делом. А женщина... она ведь не может быть увлечена своим делом! Уходит поздно – потому что идти не к кому...

«Ну вот опять! – раздражённо подумал Зугард. – Прочитать бы вас, Ваше Высочество!»

– Послушайте, – произнёс полковник, желая дать строптивой принцессе бой, – различия между мужчинами и женщинами давно доказаны...

– Вы думаете, это аргумент в пользу патриархата? – спросила Визулинда.

– И по своей физиологии, – продолжал Зугард, не обратив внимания на её реплику, – женщины больше подходят на роль нянек для потомства, нежели мужчины. Природа создала их неагрессивными, эмоциональными и склонными к состраданию...

– Мужчины, по-вашему, не могут заботиться о потомстве?

– Могут. Но гораздо больше пользы мужчина принесёт в качестве военного или инженера.

Глаза принцессы загорелись гневом. Полковник только этого и ждал: настало время показать ей, кто здесь главный.

– Простите, а в каких единицах вы измеряете пользу? –

спросила Визулинда. – В зугардах?

– Бросьте. Вы прекрасно понимаете, о чём я.

– Ещё как понимаю! Работа няньки – занятие, которое не требует специальных навыков. И дело вовсе не в том, что мужчины не справятся. Просто они не хотят – поэтому строят из себя «бытовых инвалидов», чтобы о них заботились... Женщины работают не хуже, чем мужчины. Почему они должны уступать?

– Потому, что многие профессии даются им тяжелее.

– Например?

– Например, военное дело.

– С чего вы взяли?

– С того, что в бою нужно быстро принимать решения – а женщины этого не умеют. Они пугливы и нерасторопны. У них низкая скорость реакции. Они не любят рисковать. Они всегда пытаются сохранить себя в безопасности. К тому же, на войне приходится жертвовать людьми без всяких эмоций – а женщины склонны сожалеть и сострадать... Вы хоть знаете, сколько весит бронескафандр?

– Там есть двигатели.

– Вы думаете, человек не ощущает массы?

– А сами вы часто надеваете бронескафандр?

– Его надевают пехотинцы и десантники.

– А военную историю вы учили?

– Разумеется!

– Тогда неужели вы не помните, что во все времена жен-

щины хорошо показывали себя как пилоты? Хотите, приведу примеры подразделений, в которых служили женщины?

– Их было немного.

– Конечно, немного. Их призывали только тогда, когда другого выхода не было. Снайперы, операторы боевых машин, диспетчеры беспилотников...

– Хватит приводить в пример исключения!

– Хорошо. Но раз уж вы упомянули физиологию, у меня тоже есть несколько фактов. Научно доказано, что навыки общения у женщин развиты лучше, чем у мужчин. Девочка считывает эмоции матери – тогда как мальчик смотрит в сторону. Это делает из женщин хороших дипломатов, политиков, переговорщиков. И если вы так ратуете за «природное предназначение», то давайте отзовём всех послов мужского пола, а на их место поставим женщин... Или вот ещё пример. Известно, что женщины думают обоими полушариями одновременно. Это позволяет эффективно решать сразу несколько задач. Согласитесь, прекрасное качество для управленца...

– Я знаю многих мужчин – прекрасных дипломатов и руководителей.

– А я знаю многих женщин – прекрасных учёных и программистов... Будете дальше напирать на «природу»? Или всё-таки начнёте судить о людях объективно?

Зугард был обескуражен: принцесса оказалась той ещё спорщицей. Желая показать ей свой пыл, он только раз-

задорил женское самолюбие. Вообще, гендерные проблемы не слишком интересовали полковника. Однако отступить Зугард не любил.

– Остался один вопрос, – проговорил он, меняя тактику. – Детей куда? Кто будет ими заниматься?

– Оба супруга, – заявила Визулинда.

– Вы и рожать обоим супругам прикажете?

Принцесса тяжело вздохнула.

– Знаете, беременность не длится вечно, – произнесла она после паузы. – В декрете многие мамы читают книги по профессии. То, что женщины рожают, не причина отодвигать их от всего остального.

– Никто их не отодвигает. Чаще всего они сами хотят заниматься домом и детьми.

– И что же заставляет их делать этот выбор?

– Желание быть счастливой и иметь хорошую семью.

– Вы полагаете, им не нужно ничего другого?

Зугард усмехнулся: наступило время нанести решающий удар.

– Ваша борьба очаровательна, – произнёс он. – Но зачем всё усложнять? Допустим, вы доказали, что женщина – идеальная боевая машина. Допустим, я поверил – и что с того? Согласитесь, намного лучше жить в довольстве и безопасности, чем рисковать собой или разрываться между семьёй и карьерой. Вы говорите, что женщины способны содержать и защищать себя сами... А мужчины им тогда зачем?

Визулинда смотрела на полковника с недоумением.

– То есть люди нужны друг другу, только чтобы пользоваться? – спросила она.

– Нет, не только, – возразил Зугард. – Но в нас, мужчинах, живёт инстинкт защищать и заботиться. Нам необходимо чувствовать себя значимыми для вас. А если мы увидим, что вы сами всё можете – тогда на кой чёрт мы вам сдались?

Принцесса молчала. Её взгляд выражал испуг и отвращение. Полковник напрягся: он ожидал от неё совсем другой реакции. «Почему она не бросается ко мне на шею?» – думал незадачливый укротитель.

– То есть выходит, – медленно проговорила Визулинда, – что мужчины подавляют женщин из мелочного страха остаться не у дел?

Полковнику захотелось выругаться.

– Да нет же! – воскликнул он. – Послушайте, неужели вы не можете просто расслабиться и наслаждаться?!

– Не можем, – ответила принцесса.

– Почему?!

– Во-первых, потому что любовь проходит. Во-вторых, потому что мужчины умирают. В-третьих, потому что мир – интересная штука, и она не вращается вокруг мужа и детей. А в-четвёртых, потому, что ощущать себя значимыми – не только мужская потребность. У нас тоже есть честолюбие.

Туман стелился над полем боя. Зугард понимал, что проиграл принцессе, но его это не смущало. Он всегда наглел,

когда видел, что нравится женщине.

– Знаете, – продолжала принцесса, – нам слишком долго рассказывали, что нельзя быть одновременно счастливой и сильной... И нам это надоело.

– Вот так и вымирают целые расы... – заметил полковник.

– Расы вымирают не из-за этого. Планеты империи перенаселены – а вы всё плачете о вымирании.

– Подумайте, что случится в будущем, если каждая женщина будет рожать только по одному ребёнку. Откуда тогда брать чистый энтузиазм?

– Некоторые вообще не хотят рожать.

– Ещё лучше!

– Технологии – вот решение многих проблем.

– А как же риск техногенной катастрофы?

Визулинда пристально посмотрела Зугарду в глаза и усмехнулась.

– Техногенные катастрофы случаются там, где царит невежество, грязь, перенаселение, – сказала она. – Они бывают, когда обезьяна оказывается за пультом энергоблока. Высокоразвитые цивилизации не допускают техногенных катастроф... Увы, это не наша ситуация. Совсем скоро Программа Культурной Доступности сделает из граждан империи полуграмотное стадо.

– Тогда ими будет легче управлять.

– А вы тот ещё циник!

– Не циник, а патриот.

– Что же в этом патриотичного?

– Я за порядок вместо хаоса. И, поверьте, я желаю процветания империи не меньше, чем вы или госпожа Нотибрена.

– Поэтому вы помогаете властям душить свободу мысли?

– Свобода мысли – опасная вещь. До неё нужно долго расти – а плебейм этого не дано. Свобода в руках плебеев – то же, что реактор в руках шимпанзе.

– То есть, по-вашему, граждане империи не способны поддерживать порядок?

– Разумеется, нет. Вам, наверное, кажется, что их отупляют насильно? Однако правда в том, что они и сами рады тупеть. Думать головой – тяжёлая работа. Большинство людей согласны переложить её на кого-нибудь другого. Они пассивны и нелюбознательны. Их интересы ограничиваются тем, как бы набить своё брюхо и поржать над очередной комедией господина Какашкинда. Любителей твёрдой фантастики намного меньше, чем любителей бронелифчиков...

Принцесса слушала полковника – и понимала, что он отчасти прав. Ей припомнился давний случай в книжном магазине. Многие люди живут по инерции – так, чтобы тратить как можно меньше сил. Многие женщины поддерживают патриархат лишь потому, что им так удобнее. Это дорого обходится – однако не все усваивают урок. Многие народы бездумно верят религиозным лидерам. Верить намного проще, чем думать своей головой.

– Но как же интеллигенция? – спросила, наконец, Визу-

линда. – В студенчестве я дружила с умными, образованными ребятами – и все они были простолюдины. Я общалась с ними, как и с вами, легко, и не чувствовала никакой культурной разницы. Неужели они не достойны права выбора?

– Беда интеллигенции в том, что она неспособна действовать. Пока интеллигенты обсуждают и сомневаются, нахальные люди творят историю.

Было уже поздно, и все сотрудники лаборатории давно разошлись по домам.

– Кстати! – воскликнула принцесса, как бы опомнившись. – Я ведь обещала вам роботов-монстров!

– Обещали, – подтвердил полковник.

– Так пойдёмте смотреть! Если, конечно, я не утомила вас беседой...

– Нисколько не утомили, Ваше Высочество.

Принцесса повела своего гостя в блок для испытания препаратов. Она остановилась у входа в одну из комнат и поднесла радужку к иридосканеру. Послышался щелчок – и дверь была открыта.

Визулинда и полковник вошли внутрь. «Что за скромное маленькое помещение?» – подумал Зугард. Комната была заставлена каким-то оборудованием. Однако внезапно Её Высочество нажала на рычаг – и одна из стен медленно поехала вверх, обнаруживая под собой прозрачную витрину.

– Это одно из величайших достижений современной науки, – объяснила Визулинда. – Технология, которая позволя-

ет не использовать лабораторных животных – и даже не проводить испытания на людях.

За витриной было большое помещение – и Зугард невольно отпрянул от неожиданности: там находились пульсирующие скопления биомассы.

– Это искусственные ткани, которые полностью идентичны тканям гуманоидов, – сказала Её Высочество. – Компрессор нагнетает питательную жидкость – и создаётся подобие кровотока. Мы вводим туда препарат и наблюдаем эффекты. Сначала у меня были только ткани мозга. Потом появились и ткани других органов. Я соединила их вместе – и получилась примитивная модель организма. Я называю их роботы-монстры... уморительно, да?

Полковник был немного разочарован. Словосочетание «роботы-монстры» звучало круто, и он представил себе боевые машины. «Обманула меня принцесса, – досадовал Зугард. – Заманила в какой-то кабинет биологии – а потрогать себя не даёт».

– А откуда вы берёте ткани? – спросил он.

– Есть несколько предприятий, которые их производят, – ответила Визулинда. – Все разработки ведёт профессор Хильдегаст. Когда-то моя мать тоже этим занималась... Только представьте себе: даже у самых современных биоидов в голове микросхемы. А здесь – почти живой мозг!

Принцесса рассуждала о том, что когда-нибудь люди изобретут 3D-биопечать, и можно будет складывать клетки

в полноценные органы. Это помогло бы многим больным. Внезапно Зугард наткнулся на интересную мысль – и решил поразвлечься.

– Всё это прекрасно, Ваше Высочество, – произнёс он. – Но позвольте задать вам один вопрос... Как это выглядит со стороны этики?

Визулинда уставилась на него с удивлением.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Ну, вы говорите, что искусственные ткани идентичны тканям живого гуманоида. Вы соединяете их в примитивный организм... и что же получается? Вы создаёте живое существо, на котором сами же проводите опыты?

Визулинда смотрела на полковника, недоуменно хлопая глазами.

– Видите ли, – произнесла она после паузы, – всё немного не так, как вы говорите... Дело в том, что робот-монстр не обладает сознанием...

– Но ведь у него есть мозг – и связи внутри него.

– Всё равно он себя не осознаёт.

– Откуда вы знаете?

– У него нет зрения, обоняния, слуха. Связи между клетками создаются и разрушаются искусственно.

– А рецепторы боли у него есть?

– Есть.

– Получается, он способен страдать?

Принцесса была озадачена. Зугард украдкой ухмыльнул-

ся.

– Послушайте, – произнесла, наконец, Визулинда, – и как это вы, весь такой brutальный, поднимаете вопрос о страданиях каких-то искусственных существ?

– А как это вы, вся такая моральная, не задумывались о них раньше?

Разумеется, она задумывалась. И Зугард указал ей на то, о чём вовсе не хотелось рассуждать. Стояла уже почти ночь. Споры с принцессой были увлекательны; полковник чувствовал, что «зацепил» её своим обаянием. Однако хорошего понемножку: оба понимали, что свидание нужно закончить на «правильной» ноте.

– Вы очень интересный собеседник, – сказала Визулинда, провожая гостя.

– Вы тоже, Ваше Высочество, – ответил тот. – И вы действительно увлечены своей работой.

– Что правда то правда, – улыбнулась принцесса. – Знаете, вы открыли мне глаза на многие вещи. Например, я всегда считала, что консервативные мужчины – абсолютное зло... А теперь понимаю, что они попросту боятся.

– Лично я абсолютное зло, не сомневайтесь!

– Ну, вы-то понятно.

– А пойдёмте завтра ночью во Светящийся парк?

Несколько секунд Визулинда внимательно смотрела Зугарду в глаза, как бы раздумывая.

– А пойдёмте, – ответила она.

– Вас не напугали мои консервативные суждения?

– Они меня смутили. Но вы не конченный шовинист. Вы не безнадежны.

Зугард почти не спал; сердце его ликовало. После разговора с принцессой он влюбился ещё крепче. Когда полковник прибыл на службу, он внезапно узнал о том, что Альдагор собрался в отставку. Это было хорошо и плохо одновременно. С одной стороны, Зугард мог попасть в немилость к новому главнокомандующему, но с другой... С другой стороны, между ним и Визулиндой оставалось ещё меньше препятствий.

Вышло так, что Зугард поехал обедать вместе с Альдагором и его свитой. Обсуждали нового императора. Кто-то из старших офицеров оговорился, будто Его Величество уделяет государственным делам слишком мало времени.

– Думаю, это проныра Харальдюф так плохо влияет на Брандомонда, – сказал Альдагор. – Все эти изящные искусства – сплошная содомия. Разве может настоящий мужчина всерьёз увлекаться подобным?

Зугард улыбнулся. Ему было интересно, что бы сказал Альдагор, если бы узнал про его тайную страсть к литературе.

– Говорят, Его Величество играет на электроидре и даже выступает на всех этих закрытых сборищах, – сказал какой-то сплетник.

– Неслыханно! – возмутились офицеры.

– Я знаю историю про одного императора, который тоже играл на музыкальных инструментах, – сказал Альдагор. – И однажды, представьте себе, он поджёг столицу...

Немного погодя за столом остались только Альдагор, Зугард и два адъютанта. Альдагор принялся рассуждать о том, что Его Величеству нужен товарищ, который наставил бы его на путь истинный.

– Мне всегда хотелось, – говорил он Зугарду, – чтобы вы с Брандомондом стали такими же добрыми друзьями, какими были мы с его отцом.

Зугарда так и подмывало сказать, что он уже подружился с одним монаршим чадом. Зашёл разговор о женитьбе.

– Женись, мой мальчик, – поучал Альдагор. – Начальство любит женатых: они обычно более ответственные. Пусть это будет девушка из хорошей семьи, можно некрасивая. Главное качество невесты – её девственность. Хорошо, если она получит традиционное женское образование – но не более того. Зачем ей излишняя учёность, когда нужно заниматься детьми? Читать умеет – и ладно. Конечно, тебе захочется и налево сходить – а как же без этого? Ты ведь мужчина. Однако помни: семья – это святое! Развлечься можно и с придворными куртизанками, и с дешёвыми потаскухами – но после всякой оргии ты должен вернуться к законной супруге. Так, в благочестии и чистоте, доживёте вы до глубоких седин...

Алдагор ещё долго рассуждал о семейных ценностях. Обычно Зугард воспринимал подобные беседы с юмором.

Однако теперь ему сделалось мерзко. «Хватит приставать ко мне со своей прогнившей моралью!» – думал Зугард. К счастью, в какой-то момент Альдагор всё же умолк.

– Благодарю за советы, – сказал Зугард. – Вы для меня идеал семьянина и образец благочестия.

Оказавшись наедине с собой, Зугард рассуждал о том, какая же он всё-таки лицемерная сволочь. Праведный Альдагор и демоническая Визулинда боролись за его бессмертную душу.

Глава 22: История Зугарда. Часть 3

Светящийся парк был излюбленным местом прогулок для жителей Беатрис-Тинслей. Посетители приходили туда в ночное время. Растения и животные в этом парке содержали флюоресцентные белки и поэтому светились в темноте.

Готовясь к свиданию, Зугард предложил забрать Визулинду с работы. Она согласилась: это было намного лучше для экологии, чем если бы они летели на двух разных аппаратах. Полковник знал, что обязательно встретит кого-то из товарищей; знал, что Альдагору непременно донесут... И всё-таки Зугард был полон решимости, как опьянённый гормонами космический лось.

Гуляющих оказалось немного. Парк был огромный, и полковник ощущал себя почти наедине с принцессой. Интимность нарушали разве что зелёные свиньи, которые бегали то тут, то там. Одна свинка даже приблизилась и обнюхала парочку. Зугард и принцесса рассказывали друг другу смешные случаи. Полковник поведал избраннице об императоре, который играл на музыкальных инструментах и поджёг столицу. Визулинда рассказала о том, как на переговорах с фармацевтическими компаниями её всегда принимали за помощницу и просили распорядиться насчёт напитков. Однажды принцесса наняла бездомного, передела его в дорогой костюм и поставила рядом с собой. Когда вошли парт-

нёры, они тут же поздоровались с ним и заговорили о делах, а девушку попросили поправить влажность в помещении. Отыгрывая свою роль, бездомный нёс псевдонаучную ахинею. Партнёры почтительно слушали этот бред.

– Вот смеху было, когда всё раскрылось! – говорила принцесса. – Никому ведь и в голову не пришло, что из нас двоих я главная.

«А Высочество-то с огоньком! – восхищённо думал Зугард. – Надеюсь, она не только на работе затейница...»

Как-то незаметно речь зашла о кино.

– Кстати, завтра очередная премьера, – сказал Зугард. – Желаете сходить?

– Пожалуй, нет... Знаете, всё это раритетное кино – одна сплошная энциклопедия мерзких стереотиов.

– С чего вы взяли?

– Помните фильм, который мы смотрели в прошлый раз?

– Есть и другие.

– Другие не лучше.

– Например?

– Например, «Любовь и голуби»... Что, если бы изменила Надежда? Её б никто не простил.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, потому что их мораль схожа с нашей. Муж изменил – ничего страшного. Жена изменила – убить, закидать камнями...

– Разве можно воспринимать старинный артхаус рацио-

нально? Вы слишком много думаете там, где можно просто наслаждаться.

– Как же не думать, когда смотришь?

– Для вас, наверное, никак... Поэтому вам нужно завидовать отупевшим людям, а не жалеть их.

– А что насчёт вас? Вы любите подобные фильмы?

– Я нахожу в них странное удовольствие, которое не могу объяснить.

Визулинда задумалась. Как раз в это время они проходили под раскидистым клёном, на котором росли цветы магнолии. Зугард сорвал один из них и предложил принцессе.

– Пожалуй, вы правы, – сказала она, принимая подарок, – все эти фильмы очень хорошо сделаны... Вот вам пример того, как прогнившая идея может иметь качественное исполнение.

Они всё-таки сходили на премьеру и с тех пор виделись каждый день. Он присылал ей фрукты, скрещенные с морскими ежами, и книги по военной истории. Она звала его поиграть в нуклеотидные последовательности, когда её коллеги собирались в нерабочее время.

– Это уморительно! – говорила Визулинда.

С помощью молекул ДНК кодировали мундиморийский алфавит. Потом шифровали два текста и создавали искусственные молекулы ДНК в специальном репликаторе. Их внедряли бактериям. Потом смешивали бактерий. Пока бактерии скрещивались в инкубаторе, учёные пили кофечай.

Потом из бактерий выделяли ДНК и дешифровали. Получалась забавная чушь, которая состояла из кусков двух текстов. Дамы смеялись и хлопали в ладоши от восторга, а Зугад чувствовал себя идиотом.

Однажды после вечеринки Зугард и Визулинда остались вдвоём на террасе у принцессы дома.

– Знаете, – сказала принцесса, – а ведь вы были правы насчёт женщин на войне. Если бы армия состояла из одних только женщин, они бы не стали драться, а просто договорились бы. Все конфликты, о которых я читала в последнее время, можно было решить мирным путём.

– Увы, это не всегда возможно, – ответил Зугард. – Мир жесток, и в нём полно подонков.

– Подонки – это те, кто думает не так, как вы или генерал Альдагор?

– Вы что, никогда подонков не видели?

– Я? Ещё как видела!

– Тогда вы должны знать, как они себя ведут.

– Дайте угадаю: выступают против Программы Культурной Доступности и распространяют запрещённое искусство?

– Искать инакомыслящих – дело Тайного Комитета. Однако, если хотите, открою вам секрет... Мне и самому не нравится Программа.

Визулинда уставилась на него с удивлением.

– Вот так полковник! – воскликнула она. – Не думала, что когда-нибудь услышу от вас такие неосторожные слова... Вы

что, враг империи?

– Конечно же нет!

– А вдруг в Комитете узнают, что вы инакомыслящий?

– Не узнают.

– И чем же вас не устраивает Программа?

– Своей топорностью. Поймите, в информационном обществе бесполезно запрещать Булгакова. Иначе выходит какая-то клоунада. Вы отнимаете у них то, что они любят, а взамен даёте им откровенно слабую идеологию – или не даёте ничего. Тогда любая Хельмимира может завладеть их мозгами. Кроме того, население и вправду тупеет. Через пару поколений действительно некому будет развивать и изобретать – и мы получим стадо обезьян с реактором...

Визулинда слушала, не перебивая, и в глазах её горел огонёк любопытства.

– Их можно сколько угодно подавлять грубой силой, – продолжал полковник. – Этого хватит на одного правителя или на двух... Но в конце концов найдутся те, кто захочет использовать массовое недовольство. Можно, конечно, оставаться у власти различными способами. После нас хоть потоп, верно? Однако это скучно и грубо с точки зрения искусства управлять. Тому, кто желает хорошо повеселиться, нужно придумывать более тонкие манипуляции. И здесь перед нами открывается простор для творчества – вплоть до того, чтобы разработать собственную доктрину...

Всё это время принцесса смотрела на Зугарда с восхищён-

ным удивлением. Довольный собой, он продолжал её очаровывать – как вдруг она оживилась, и взгляд её засиял от какой-то радостной находки.

– Зугард, – внезапно сказала принцесса, – да вы пишете! Полковник смутился.

– Как вы узнали? – проговорил он и тут же поправил себя: – Точнее... с чего вы взяли?

– Дайте почитать! – взмолилась принцесса.

– Ну, если вы настаиваете...

На следующий же день он принёс ей лайку со своим творчеством. Визулинда читала его несколько вечеров подряд и иногда присылала небольшие комментарии.

«Мне нравится ваш ироничный стиль, – писала Визулинда, – но куда пропадает чувство юмора, когда дело доходит до крутизны главного героя?»

Или:

«Вам следовало поступать в инженерные войска. Ваша способность строить сложные конструкции впечатляет».

«Синтаксические войска? – отвечал Зугард. – Вы предлагаете атаковать врага извилистыми фразами?»

«Как метод психической атаки – если враг совсем тупой. Вот вам новый сюжет для очередной героической саги... Злободневно?»

«А вы бы о чём писали?»

«Не знаю, но никто бы не ушёл необиженным».

«И отовсюду торчали бы ваши феминистические уши?»

Принцесса насмеялась; полковник прощал.

– Знаете, я всё же полюбила ваше творчество, – призналась Визулинда, когда через пару дней они с Зугардом снова увиделись. – Вы хотя бы не воспринимаете всю эту патриархальную романтику всерьёз.

– Где вы усмотрели патриархальную романтику в моих произведениях?

– Ну как же? Ни одного нормального женского персонажа. Героиня – либо прекрасный трофей, либо несчастная жертва.

– Я что, обязан создавать сильных женских персонажей?

– Разумеется, нет. Оно и труднее. С сильными женскими персонажами всегда что-нибудь не так: то характер слишком волевой, то интеллект слишком высокий, то успех слишком впечатляет... Всё это выглядит неправдоподобно. Женщина должна быть недалёкая, безвольная, вечно беременная и на кухне. Только тогда персонаж получится реалистичным.

Визулинда внимательно посмотрела полковнику в глаза – а потом рассмеялась собственному сарказму.

– В детстве вам явно промыли мозги, – усмехнулся Зугард. – И вас до сих пор «плющит».

– Ещё как промыли! – подтвердила принцесса. – Госпожа Алопекция, папаша, а ещё генерал Альдагор и всё наше общество... Однажды, когда мне исполнилось десять, я не выдержала и сожгла свой набор «Служанка-содержанка». Представляете, как мне потом влетело?

Набор «Служанка-содержанка» дарили всем девочкам на День женского предназначения. Этот праздник должен был подготовить их к будущей социальной роли. Для мальчиков существовал другой праздник – День суровой мужланственности. Им дарили наборы «Добытчик-молодец», «Великий учёный» и «Акула бизнеса».

– А у вас в детстве был какой-нибудь набор? – спросила Визулинда.

– Конечно, был. Всем кадетам дарили набор «Защитник Отечества».

– Он вам нравился?

– Я был счастлив. Мы с друзьями играли в военного диктатора. Военным диктатором обычно оказывался я... В конце концов меня убивали мои же соратники.

– То есть ваши склонности отвечали ожиданиям общества? Знаете, не всем так везёт...

Зугард почувствовал горечь в словах принцессы – и внезапно осознал, насколько несправедливо с ней обошлись.

– Послушайте, – сказал он, – хватит злиться на няньку, отца и ещё кого бы то ни было... Вы доказали, что можете быть хорошим учёным и руководителем. Нужно двигаться дальше.

Визулинда подняла на него глаза – и посреди их морозной синевы появилось благодарное тепло.

– Спасибо, – сказала принцесса, – я постараюсь.

Тогда-то Зугард впервые понял, что любить женщину –

значит поддерживать её. И речь шла не о материальной поддержке. Однако между ним и Визулиндой всё ещё существовала дистанция. Как-то раз, когда они вместе стояли на балконе, Зугард почувствовал, что может безнаказанно поцеловать Визулинду... Всё испортил Тёмный Лорд – бытовой дроид Её Высочества, который пришёл убирать посуду. Зугард немного ревновал к нему: огромная фигура в чёрном плаще не внушала доверия. Визулинда, напротив, считала работа уморительным. Бытовые дроиды в Мундиморе были роскошью, а такие, как Тёмный Лорд – и давно. Простые люди пользовались уборочными машинами разной цены и комплектации.

Вышло так, что за короткое время полковник и принцесса сделались довольно близки. Всё происходило само собой – и оба понимали, к чему это приведёт. Не желая показаться грязным животным, Зугард подбирался к своей цели осторожно. Однако он знал, что путь свободен. Визулинда брала его за предплечье, когда они гуляли, и горячо пожимала его кисть, когда они прощались. Это рукопожатие было намного более крепким, чем позволял этикет. «Ишь, как схватила!» – с упоением думал Зугард. В конце концов, он решил: хватит с него прелюдий. Настало время брать быка за рога, а Визулинду – за самые упругие части тела.

Однажды вечером он явился в её кабинет без предупреждения.

– Оставьте работу, – сказал Зугард, – я вас похищаю.

Визулинда ошарашенно смотрела на него, пытаясь понять, говорит ли он серьёзно. На столе была открыта голограмма какой-то молекулы.

– Поедьте со мной, – продолжал Зугард. – Сегодня я намерен утащить вас в своё логово. Отказ не принимается.

С этими словами он двинулся к избраннице. Он хотел поймать её и унести на руках. Полковник придумал этот хитрый план уже давно. Страсть и решимость влюблённого война должны были привести женщину в полный восторг. «Сегодня она отбросит свой феминизм и доверится первобытным инстинктам!» – думал Зугард, предвкушая дивную ночь.

– Что вы делаете?! – воскликнула Визулинда, вскакивая с места.

– Забираю вас, – ответил Зугард. – Устроим свидание в стиле древних викингов?

– Каких ещё викингов?! – возмутилась принцесса, видя, что он приближается к ней вплотную.

– Таких, которые похищали красавиц и увозили их верхом на мамонтах!

Визулинда стояла, зажата между столом, стеной и креслом – и Зугарду ничего не стоило подойти и схватить её.

– Отпустите! – раздражённо сказала Визулинда, пытаясь вырваться.

Полковник продолжал стоять, прижимая её к себе, однако всё же ослабил хватку. В голосе принцессы прозвучали

совсем не те интонации, которые он ожидал услышать. Визулинда освободилась из его объятий и отошла подальше.

– Какая муха вас укусила?! – воскликнула она. – Что за балаган вы здесь устроили?

– Вы не хотите близости со мной? – спросил Зугард, побледнев.

– Если бы я не хотела близости с вами, то вы получили бы по морде.

– Тогда что не так?!

Визулинда перевела дыхание и поправила платье.

– Я здесь, по-вашему, ерундой занимаюсь? – спросила она, кивая на стол. – Этакая старая дева: убивает время за наукой, потому что никто на свидание не зовёт... Вы так это себе представляете?

– Можно отложить работу до завтра.

– Нельзя: сроки. Фармкомпания ждёт от меня результатов клинических испытаний. А тут врывается вы и начинаете говорить про каких-то динозавров...

Зугард молча смотрел на принцессу неотрывным, пылающим взглядом. Заметив это, Визулинда смутилась.

– Послушайте, – проговорила она как можно более мягко, – вы бы хоть предупредили меня, что собираетесь прийти...

– Какой тогда смысл в похищении?!

– Ну, послушайте... можем бы сыграть в похищение, когда я заключу договор... Спишемся заранее? Я скажу вам,

когда лучше всего подъехать на мамонте...

Он знал, что оставил её с учащённым пульсом. Сам же Зугард отправился в увеселительное место, где обычно развлекались его знакомые. Он злился на принцессу – и страсть его подогревалась яростью. Визулинда была умна и прекрасна; она отрицала патриархальные ценности и сама выбирала себе мужчин... Её надо было просто придушить.

А ночью полковнику пришло сообщение.

«Мне жаль, что всё так вышло, – писала принцесса. – Я понимаю, что вы хотели совершить романтический поступок. Вам долго внушали, что мужчина обязан похищать и принуждать. Однако подобная романтика – ложь. Она не имеет ничего общего с реальной жизнью – если только мы не говорим об уголовщине. Надеюсь, я вас не обидела».

«Хватит извиняться, – ответил Зугард. – Я необидчив».

Спустя несколько дней военные праздновали профессиональный праздник. Визулинда знала, какой модели был домашний робот Зугарда, и прислала для него набор дополнительных программ. Программы находились на специальной лайке, и их можно было загрузить прямо в дроида. Визулинда упаковала носитель вместе со сладостями. На коробке были изображены девушки, переодетые в форму различных родов войск, а сверху выглядывали сушёные плоды мандарцисса.

«Отсюда торчат мои феминистические уши», – написала Визулинда вручную.

Зугард находился у себя в кабинете, когда ему доставили пакет. Широко улыбаясь, он открыл его – и тут же наткнулся на запись о феминистических ушах... Не глядя на содержимое коробки, он тут же схватил транслятор и отправил сообщение принцессе.

«Спасибо за подарок, – написал Зугард. – Однако хотелось бы попробовать на вкус лично ваше феминистическое ушко».

Визулинда ответила спустя некоторое время:

«Только не макайте его в пряности, как сушёный плод. Жду вас вечером. Освобожу стоянку для вашего мамонта».

«Вот вы и попались, мой распутный кусочек нереального блаженства».

«Почему распутный?»

«Вожденный – значит распутный».

«Мужская логика?»

Зугард улыбнулся. Он готов был мчаться к принцессе тотчас же. Однако нужно было праздновать День военнослужащего вместе с другими офицерами. Полковник только и ждал, когда всё закончится: сначала была официальная часть, а позже – застолье. Генералы обсуждали «Потрошитель галактик».

«Пальнуть бы по всей этой либеральной сволочи!» – мечтательно рассуждал Альдагор.

Зугард боялся, что сейчас начнутся разговоры о некрасивых девственницах, и старался не привлекать к себе внима-

ния. Однако обошлось: какой-то шутник начал рассказывать анекдоты про Хельмимиру.

– Подумать только, – говорил он, – эта ведьма почти в открытую спит со своим охранником! А ещё я слышал, что в партизанских отрядах женщины служат наравне с мужчинами... Представляю, какой разврат у них там творится!

При слове «разврат» несчастный Зугард вздохнул и посмотрел на часы. «Какое счастье, что принцесса работает допоздна! – радовался он. – И всё же: как бы сбежать отсюда поскорее?»

– Господа, – предложил кто-то из офицеров, – а полетели на орбиту Бернарда-Шоу стрелять по спутникам?

– И вправду, почему б не слетать? – поддержал его товарищ. – А потом скажем, что проводили учения...

Офицеры принялись шумно обсуждать идею. Те, кто выпил больше всех, рвались пострелять; остальным же хотелось пить дальше. Кто-то собрался ехать домой. «Это мой шанс!» – решил Зугард.

– Что ж, господа, позвольте откланяться, – произнёс он среди суматохи.

– Куда пошёл?! – заорал на него Альдагор. – А ну стоять!

– Да он, скорее всего, по шлюхам собирается, – оскаблился кто-то из его товарищей.

Зугард скромно улыбнулся.

– Господа, а поехали по шлюхам? – предложил какой-то семьянин.

Многие поддержали инициативу. Офицеры начали спорить: одни хотели к жрицам любви, а другие – в систему Бернарда-Шоу.

– А вы возьмите шлюх и отправляйтесь стрелять по спутникам, – посоветовал Зугард. – Главное, смотрите, чтобы в это время Брандомонд не поджёт столицу.

Кое-как удалось вырваться. Содрогаясь от предвкушения, Зугард мчал свой телекоптер прямо на крышу лаборатории. Ещё немного – и тёплая, податливая, бархатистая Визулинда окажется в его объятиях... Стояла уже почти ночь, и посадочная площадка для аппаратов была закрыта специальным куполом. Зугард связался с диспетчером по радиосвязи. Сработала переадресация сигнала – и вскоре купол податливо отъехал в сторону. Зугард посадил свой аппарат и вышел. Двери были разблокированы. Он шёл по пустому коридору – и его бедное сердце едва не захлёбывалось от нетерпения.

В приёмной Зугард нашёл секретаршу: она была выключена. «Жалкая дура», – пронеслось в голове у полковника при виде дурацкого выражения её нечеловеческих глаз. Оставалось только протянуть руку к волшебной кнопке сенсорного звонка – и вот откроется перед ним темница, в которой заточена его возлюбленная...

Она сидела за столом и что-то печатала. Он вошёл и молча улыбнулся; она подняла глаза – и их взгляды встретились. Не говоря ни слова, они смотрели друг на друга несколько секунд подряд. Наконец, Визулинда встала из-за стола. Ски-

нув оцепенение, Зугард направился к ней. Ещё секунда – и принцесса оказалась в его руках.

– Вы моё строптивное, миллион раз желанное существо, – сказал Зугард. – Я буду обладать вами с ненасытной жадностью...

Он хищно приложился к её губам – поднимая юбку, поглаживая лакомый участок бедра над чулком. Голова принцессы была запрокинута – так, чтобы дать ему возможность целовать её с высоты своего роста – и внезапно полковник осознал, что принцесса подставляет ему свою шелковистую шею. «Всё, теперь точно прощай рассудок», – подумал Зугард.

– Нам ещё домой лететь, – сказала Визулинда с тихим смешком. – Кто поведёт?

– Мне нужно покатаать вас на своём мамонте, – отозвался Зугард, неохотно отрываясь от её груди.

– Покатаете, когда будем дома...

Принцесса была права: в тот момент из них двоих она соображала гораздо лучше. К тому же, Зугард был опьянён не только страстью: хмель ещё не совсем выветрился из его головы. По дороге он целовал ушко принцессы.

– Как на вкус? – посмеивалась она.

– Сожрал бы вас без остатка, – отвечал Зугард, водя рукой по внутренней поверхности её бедра.

Во время жадных ласк в спальне принцессы полковник заметил на столике тот самый атлас, который подарил ей в

выставочном холле. Внезапно вспомнилось всё: содрогание первого восторга, жгучее вожделение и разнузданные фантазии о дочери императора... Воспитанный в благоговении перед монархией, он словно бы свергал божество. Если и суждено было кому-то сжечь столицу этой ночью, то явно не Брандомонду.

– Поверить не могу, что вы теперь моя, – шептал Зугард, вдоволь насладившись принцессой. – Поверить не могу, что заслужил это блаженство...

Визулинда смотрела на него счастливыми, чуть одурманенными глазами – и внезапно к ней вернулась обычная насмешливость.

– А вы думали, что мои гениталии достанутся вам за особые заслуги перед Отечеством? – спросила она, улыбаясь.

Охваченный приступом нежности, Зугард не мог налюбоваться принцессой. Неромантичная зазноба! Она, считай, высмеяла все его произведения разом.

– Из вас получится прекрасная жена военного, – сказал он, желая отыграться. – Будете ездить со мной по гарнизонам и делить все тяготы армейского быта.

Визулинда рассмеялась.

– А вы сами не хотели бы остаться на Джоселин и помогать мне в работе? – предложила она. – Мне сейчас позарез нужен лаборант.

– Вы непорядочная женщина. Переспали со мной – а замуж идти не хотите.

– Почему же не хочу? Просто предлагаю альтернативный вариант семьи.

– Меня это не устраивает.

– А меня не устраивает то, что предлагаете вы.

– И что же нам делать?

– По-вашему, один из нас обязательно должен чем-то пожертвовать?

– А вы представьте, что завтра меня отправят служить в далёкую звёздную систему. Полетели бы со мной?

Визулинда больше не улыбалась. Приподнявшись на постели, она смотрела на Зугарда с опаской и недоумением.

– Вас что, и впрямь куда-то посылают? – испуганно спросила она.

– Допустим, – усмехнулся Зугард.

– Да или нет? – настойчиво повторила принцесса.

– Представим, что да.

– И далеко вы собрались?

– Очень далеко, в Ву-Цзяньсюн.

– Вы ведь шутите?

Глухой стук нарушил тишину душной ночи. Он доносился откуда-то с нижнего этажа: сначала один, потом несколько раз подряд. Зугард настороженно прислушался.

– Всё в порядке, – сказала Визулинда. – Это призрак моей задушенной маменьки.

От неожиданности Зугард изменился в лице – и принцесса рассмеялась.

– Охлаждается система увлажнения воздуха, – объяснила она.

– Она у вас какая-то слишком громкая, – заметил Зугард. – У меня намного тише.

– Дом старый, надо бы поменять. А впрочем, здесь я только сплю... И, знаете, иногда мне довольно одиноко. Я очень рада, что сегодня вы со мной.

Проснувшись, влюблённые вновь предались соитию, которое потом ещё долго отдавалось в крови Зугарда сладостным эхом. Он плохо соображал, когда утром пошёл на службу. Где-то в середине дня его вызвал Альдагор. Оказалось, что во время вчерашнего стрельбища офицеры повредили аппарат для наблюдения за внешним пространством. Нужно было срочно лететь в систему Бернарда-Шоу, чтобы его починить.

– Назначаю тебя руководителем этой операции, – сказал Альдагор. – Я мог бы поставить кого-нибудь другого, но всем как-то нездоровится после вчерашнего...

Когда Зугард уже собирался покинуть генеральский кабинет, Альдагор неожиданно обратился к нему вновь – на этот раз глуховатым, суровым тоном.

– Тебя видели в кино с Визулиндой, – проговорил он, нахмурившись. – Это правда?

– Так точно.

– Ходят слухи, что она уже не девица...

– Конечно, она не девица. Сегодня мы несколько раз со-

вокупились, и это не ваше стариковское дело, – хотел бы ответить Зугард, но почему-то промолчал.

– Будь осторожен, мой мальчик.

Зугард чувствовал раздражение, которое медленно превращалось в глухую злобу. «Старые козлы, – думал он. – Подстрелили аппарат, а теперь ещё и жизни учат... Вот был бы я военным диктатором!»

Вскоре ситуация в генштабе изменилась: Альдагор ушёл в отставку. На его место претендовал генерал Трисберт – герой восстания Кермунда. Самоуверенный и грубоватый, он был популярен у солдат. Однако Брандомонд не спешил доверять ему должность главнокомандующего. Харальдюф и Альдагор советовали императору опасаться Трисберта. В конце концов, Брандомонд передал командование генералу Эрмеону – бывалому вояке со спокойным нравом и монархическими взглядами.

Тем временем общество Мундиморы менялось. В Исполнительной Палате появились либеральные настроения. Она больше не была тем местом, где радостно приветствовали всякое решение императора и советников. Народные партии требовали устранить сословное неравенство. Императору пришлось пойти у них на поводу. Консервативная аристократия во главе с Трисбертом обвинила его в слабости. Трисберт собрал вокруг себя единомышленников. Либералы окрестили это сообщество «ультраправая шайка». Члены «шайки» считали Программу Культурной Доступности

слишком неэффективной. «Нужно было сразу установить жёсткий контроль над империей», – говорил Трисберт.

После отставки Альдагора его «свита» разбрелась кто куда. Зугард старался держаться особняком. Он вовсе не спешил вступать ни в какие союзы. Его отношения с Эрмеоном были ровными; он не имел конфликтов ни с кем из его приближённых. Полковник дружил с одним из генералов – Бронмаром – которого, кстати, слегка тянуло в либеральную сторону.

Помимо этого, Зугард поддерживал связь с бывшими сослуживцами. Подразделение, которым он командовал во время восстания Кермунда, перевели на Джоселин. Иногда он приезжал в гарнизон с проверками от генерального штаба, а иногда – просто так. Общаюсь с подчинёнными, он узнавал новости и настроения. Многим своим соратникам Зугард помогал получить элитное жильё в рамках программы для ветеранов. Одним из них был Готфрид фон Тома – командир разведывательных подразделений в составе гаррифов Зугарда.

Готфрид происходил из местечковой аристократии Нэтти-Стивенс. К тому времени, когда началось восстание, он уже имел приличную выслугу в военной разведке. В отличие от Зугарда, Готфрид окончил всего лишь военное училище и не мог занимать высокие должности. Он был старше Зугарда, но, несмотря на разницу в возрасте и сословное неравенство, офицеры быстро нашли общий язык. «Мне нужны та-

кие рассудочные люди, как ты, – говорил Зугард своему подручному. – Сам я слишком безумен».

После того, как силы империи разгромили повстанческую армию, Готфрида перевели в столицу. Он работал также и на внутреннюю разведку. Однажды во время командировки на родную планету он узнал, что вдова его друга – Маргарита Арендт – попала в беду. Марго работала психотерапевтом в клинике для военнослужащих запаса. После того, как её муж погиб, она стала пить. В конце концов её уволили, и вскоре она попала в имперскую базу по «людям, склонным к психической нестабильности». Карьера Маргариты в медицине была окончена, и она совсем опустилась.

Готфрид добился того, чтобы её взяли на лечение за счёт государства – как вдову героя. Маргарита сумела выкарабкаться. «Давай, мать, поработай на благо Родины», – сказал ей Готфрид, когда она была уже в порядке.

Фриду он нашёл уже на Джоселин-Белл-Бернелл. Ей грозил тюремный срок за выписку «особых» препаратов не по назначению. «Люди в штатском» помогли Фриде решить её проблемы, однако попросили поработать на них.

– Ты должна проследить за промышленником Козобрюховым, – сказал ей Готфрид. – Возможно, он связан с космическими партизанами.

«Медовые ловушки» редко встречались в разведке Мундиморы. Биодроиды справлялись плохо. Марго сумела «взять в оборот» главу службы безопасности Козобрюхова,

а Фрида – его «правую руку». Женщины отлично работали – и вскоре промышленник оказался в руках властей.

Иногда Готфрид выполнял для Зугарда мелкие поручения. Именно его и верных ему солдат он брал с собой на допрос ву-цзяньсюнского князя – того самого, что поставлял оружие космическим партизанам. В последнее время Готфрид преподавал в училище при гарнизоне и задумывался об отставке.

После того, как Альдагор ушёл на пенсию, положение Зугарда в генштабе ничуть не ухудшилось. Напротив, только теперь Зугард почувствовал себя свободно. Репутация «протеже» давно тяготила полковника. Он был всё ещё молод – по меркам своей расы – но уже давно перестал называться «мальчиком», «парнем» или «юношей». Освобождённый от постоянного надзора, не стеснённый никакими преградами, Зугард жаждал новых свершений. В мечтах он видел себя военным диктатором, однако прятал эти фантазии подальше. Реальной целью Зугарда было звание генерала. Вышло так, что оно досталось ему довольно быстро.

В один прекрасный день командование узнало о том, что в Ву-Цзяньсюн вспыхнуло новое восстание. Часть макнамарского гарнизона была уничтожена, а часть присоединилась к мятежникам. Орбиту планеты заняли партизанские корабли. «Силы империи, которые подошли с соседних регионов, не могут с ними справиться. – доложили Эрмеону в секретном донесении. – Хельмимира призывает ву-цзяньсюнцев к

борьбе, а местное население вооружается за счёт князей».

Через час после того, как стало известно о восстании, Эрмеон вызвал Зугарда к себе. Не зная о том, что случилось, Зугард поспешно поднялся в его кабинет – и внезапно, ещё не войдя, услышал из-за двери голос Трисберта.

– ... ситуация серьёзная, – говорил Трисберт, – и нужно опытное руководство. Разрешите мне возглавить операцию.

– Нет, – ответил Эрмеон. – Подавлять мятеж отправится Зугард.

Наступила пауза. Зугард смущённо остановился у двери, не зная, войти или ждать.

– Вы хоть понимаете, что на кону целостность империи? – продолжал Трисберт. – Понимаете, чем обернётся неудача?

– Не вижу причины не верить в успех, – заявил Эрмеон. – К тому же, это воля императора.

– Вы можете заставить императора поменять решение.

– В этом нет необходимости.

Трисберт снова умолк. Зугарду представилось, как от злости сжались его зубы.

– Грустно, когда из-за мелких разногласий со мной император доверяет серьёзные операции кому попало, – сказал Трисберт после короткого молчания. – Блатных щенков можно продвигать и при штабе.

Не дожидаясь, пока Трисберт выйдет из кабинета, Зугард быстрым шагом направился прочь. Двое охранных дроидов невозмутимо смотрели ему вслед. «Вот же гнида», – думал

Зугард. Его злила не столько подлость конкурента, сколько его невероятная глупость.

Он спустился этажом ниже и остановился в коридоре. Из всех офицеров высшего командного состава Зугард и Трисберт отлично подходили для того, чтобы подавить восстание на Макнамаре. Большинство генералов были в почтенном возрасте. Бронмар находился на Розалинд-Франклин, а Эрмеон не мог оставить столицу. Ни один из полковников генштаба не имел такого высокого статуса, как Зугард. Оба – он и Трисберт – получили опыт войны в Ву-Цзяньсюн. У Трисберта было больше заслуг – но и больше амбиций. Император явно опасался его популярности. Поэтому он и выбрал Зугарда – скромного монархиста с хорошим послужным списком. Его репутацию могла испортить разве что интрижка с Визулиндой – но кого это волновало?

Немного погодя Зугард снова направился в кабинет Эрмеона. В дверях он встретил Трисберта, чьё смуглое лицо сделалось ещё темнее от досады. Зугард почтительно поклонился ему – так, будто не слышал разговора. Трисберт пронёсся мимо. Зугард украдкой посмотрел ему вслед. «Ничего, – подумал он со странным наслаждением, – когда-нибудь я тебя уничтожу».

Разговор с Эрмеоном получился кратким и содержательным. Задача была ясна. «Мне нужен «Потрошитель галактик», – сказал Зугард, осмелев. Прямо перед отлётом он отправил короткое сообщение Визулинде. «Я вынужден от-

быть из столицы по срочному делу, – написал он. – Свяжусь с вами, как только вернусь».

Глава 23: История Зугарда. Часть 4

По дороге полковник изучал документы. С ним было два гаргрифа, которые состояли из авиационно-космических, разведывательных, десантных, пехотных батальонов и бригад техников. Позже, на планете Виви-Уоррен, он взял с собой ещё четыре гаргрифа. Судя по данным разведки, этих сил должно было хватить для того, чтобы подавить восстание.

Орбиту Макнамары занимали корабли партизан. Зугарду стоило огромных усилий взять её под контроль. Далее нужно было десантироваться на планету. Зугард понимал, что эта задача не из лёгких. Вся поверхность Макнамары была покрыта единым городом. «Тот ещё котёл, – досадовал Зугард. – В каждом окне по снайперу».

Вскоре пришли данные разведки. На Макнамаре находилось ещё столько же кораблей противника, сколько удалось уничтожить в битве за её орбиту. Зугард отправил туда бомбардировочные дроны. Многие из них были уничтожены. В итоге тяжёлая авиация не выполнила свою задачу. Спустя какое-то время полковника ждал ещё один сюрприз. Ему доложили о том, что со стороны Забархан-Шахада к Макнамаре движется флот наёмников.

Полковник едва не выругался вслух. «Если покинем орбиту, её снова захватят партизаны», – сказал он своему по-

мошнику. – А если останемся здесь, они атакуют нас отовсюду одновременно».

Можно было вызвать подкрепление с ближайшей планеты – Иды-Ноддак. Однако там тоже назревало восстание. Зугард понимал: если взять оттуда часть войска, то партизаны могут напасть на оставшийся гарнизон. А подкрепление с дальних планет едва успело бы явиться вовремя. Кто-то из офицеров советовал Зугарду оставить часть кораблей на орбите Макнамары и двигаться навстречу наёмникам. Но дробить свой флот полковник не хотел. В его распоряжении было девять генераторов белиберды. Этого бы хватило, чтобы держать Макнамару закрытой в течение получаса. Зугард не был уверен, что успеет одолеть наёмников за это время.

Судьба предлагала Зугарду ещё один неаппетитный выбор – и каждый раз полковник пытался отместить его подальше. По мере того, как схемы рушились, этот выбор всё более настойчиво лез в голову. Зугард понимал, что должен победить любой ценой. Теперь он видел, что гнусная возможность «Потрошителя» – кратчайший путь к победе. «А планто хорош, – думал Зугард. – Если вычесть из него моральную составляющую...» Вместо того, чтобы стрелять по мирным жителям, он хотел бы пальнуть по вражескому флоту – но, увы, плазма на поверхности кораблей не пропускала отупляющее излучение.

В тот момент, когда наёмники были уже на подходе, Зугард приказал использовать отупляющий лазер против

Макнамары. «Вот и всё», – сказал себе полковник, – теперь я официально сволочь».

Чтобы охватить всю территорию планеты, пришлось облучать её с нескольких сторон. После этого Зугард приказал немедленно десантироваться. Имперцы захватили все важные объекты на Макнамаре и вражеские корабли. Повстанцы встречали их фразами наподобие «Волк не волк, если друзья не в падики, брат». Они были настолько бесполезны, что их даже не пришлось брать в плен.

Импеские войска уничтожили флот наёмников. Когда Макнамара оказалась под контролем, Зугард отправил на Джоселин сообщение о победе. Необходимо было дождаться ответа и навести порядок на захваченной территории.

Зугард распорядился готовить свой командный шаттл, чтобы спуститься. Теперь, когда бой был окончен, его охватила смутная тревога. Беспокойство нарастало с каждой минутой. Зугарду совсем не хотелось оказаться среди жертв отупляющего лазера. «Ну уж нет! – думал он, издеваясь над самим собой. – Пора увидеть последствия своих решений!»

Пролетая над городом, он смотрел на острые шпили и причудливые купола макнамарских дворцов. Огромный мегаполис казался буднично-спокойным. Это немного подбодрило Зугарда. «Что такое, в сущности, интеллект? – рассуждал он, пока его шаттл садился на крышу Правления Макнамары. – Всего лишь то, что заставляет нас излишне мучиться смыслами...»

Полковник занял кабинет губернатора, а остальной имперский штаб расположился в других комнатах. Высших чиновников планеты, которые были организаторами восстания, повели на допрос. Зугард видел, как солдаты выгоняли отупевших гуманоидов из здания администрации. «Волк волку брат, а брат брату не волк, – твердил какой-то парень в деловом костюме. – Мужики, а что здесь за маски-шоу?»

Кабинет губернатора обыскали – и нашли много интересной информации. Зугард сел за стол и принялся изучать документы. Иногда за окном возникали короткие вспышки: отупевшие гуманоиды не могли управляться со сложной техникой. Солдаты, которые охраняли штаб, даже подстрелили несколько таких камикадзе. Вскоре полковнику доложили о том, что уровень интеллекта некоторых гражданских несовместим с жизнью.

– Они настолько отупели, что уничтожают себя, – говорил Зугарду его адъютант. – Лезут металлической арматурой к оголённым проводам, снимают видео за рулём, высовывают свои задницы из вертолётов...

– Проклятье, – выругался полковник.

– Среди пленных повстанцев тоже есть случаи крайней идиотии, – продолжал адъютант. – Один из них, к примеру, пытался выбраться из тюрьмы по кабелю...

Не зная, как справиться со стадом, Зугард был в замешательстве. «Может, ввести комендантский час? – думал он. – Сказать им, что любой гражданский телекоптер будет сбит,

а наземный транспорт – расстрелян?» Внезапно в его мозгу возникла необычная идея: а что, если придумать для отупевших гуманоидов понятную доктрину?

– Сделайте вот что, – сказал Зугард, – возьмите «Потрошителя» и облетите на нём всю Макнамару – так, чтобы его увидели как можно больше гражданских. Потом пройдитесь по больницам и найдите там людей, которых недавно вытащили с того света – человек восемь-десять, не больше. Это будут наши «пророки», их необходимо завербовать. Одновременно с этим объявите во всех СМИ, что враги империи из тайного измерения богатых и красивых облучили технику, из-за чего она стала одержима...

Адъютант смотрел на командира ошарашенными глазами: он, вероятно, решил, что полковник свихнулся.

– Я понятно объясняю? – уточнил Зугард.

Адъютант кивнул.

– Так вот, – продолжал Зугард, – народу нужно донести следующее: во-первых, садиться за руль или штурвал – большой грех. Мужчины от этого станут импотентами, а женщины потеряют свою... ну, как бы это сказать? Внутреннюю энергию?

– Внутреннюю Вагину, – подсказал адъютант.

– Точно! – воскликнул Зугард. – Внутреннюю Вагину! Во-вторых, нужно составить список остальных грехов: например, не лезть металлической арматурой к оголённым проводам, не бросать электроприборы в работающее джакузи и так

далее. Души грешников будет забирать к себе Ужасная Вундервафля, которая летает в космическом пространстве над планетой, а праведники попадут в измерение богатых и красивых...

– Тогда зачем богатые и красивые облучили нашу технику? – робко спросил адъютант.

– Как это зачем? Чтобы не было перенаселения! Меньше народу – больше кислороду. А измерение богатых и красивых не резиновое.

Адъютант ушёл исполнять приказ, а Зугард решил немного поспать прямо в кабинете. Он был доволен тем, как ловко придумал «выгодную» теорию.

Откинувшись в кресле, Зугард приготовился отдохнуть, но внезапно раздался сигнал коммуникатора. Звонил его второй помощник, майор Цейт.

– Что у вас? – раздражённо спросил Зугард.

– Возникла проблема, – ответил майор. – Нам до сих пор не удаётся получить никаких данных от лидеров мятежа.

– Что значит «не удаётся»?! Вас что, учить надо?

– Вы не понимаете... Это нужно видеть.

Пленников допрашивали на территории гарнизона. Зугард примчался туда так скоро, как только смог. По прибытии его встретили старшие офицеры.

– Что здесь происходит? – нетерпеливо спросил Зугард.

– Командир, ситуация критическая, – произнёс майор Цейт, собравшись с духом. – Мои лучшие дознаватели рабо-

тают уже много часов без перерыва. За это время им не удалось добиться ни одного разумного слова от лидеров мятежа.

– Вы применяли нестандартные методы дознания?

– Боюсь, это не поможет. Мы имеем дело с чем-то воистину ужасным. Один из моих людей не выдержал... Сейчас он в медпункте.

Зугард ошарашенно умолк. Невозможно было представить кошмар, способный поломать психику опытного разведчика.

– Я должен это видеть, – произнёс он, побледнев.

Его повели на гауптвахту – в тот сектор, где находились камеры для допроса.

– В каждой из них идёт видеонаблюдение, – пояснил Цейт. – Мы можем остаться в комнате охраны и наблюдать.

– Допрос ещё продолжается?

– Я сказал ребятам сделать перерыв.

– Мне нужно посмотреть видео с начала. Все по порядку. Начнём с губернатора.

– Как скажете, командир.

Дежурный выбрал нужный файл и включил запись. Всё начиналось, как обычно: губернатор – плотный загорелый ву-цзяньсюнец – сидел в наручниках; дознаватель находился напротив.

– Силы повстанцев уничтожены, – говорил дознаватель, – так что советую сотрудничать. Назовите имена тех, кто готовит восстания на других планетах.

Губернатор смотрел на него тупым, непонимающим взглядом.

– Не надо играть в молчанку, – продолжал дознаватель. – Иначе мы вытащим из вас информацию совсем другими способами... Лучше скажите всё, что знаете.

Ву-цзяньсюнец усмехнулся и посмотрел на него с какой-то шальной хитринкой.

– Иногда тот, кто молчит, знает больше, чем тот, кто говорит, – сказал он, наконец.

Дознаватель смутился.

– Не стройте из себя идиота, – произнёс он. – Вы ведь были в бункере, когда всё произошло... Учтите, ваша семья тоже арестована.

– Семья для пацана – это его братва, – ответил губернатор. – Братва – это те, кто рядом, когда ты с голым задом.

– Что он несёт? – спросил Зугард, не веря своим ушам.

– Отлично, – усмехнулся дознаватель. – Приведите сюда его жену и сына.

Спустя некоторое время в камеру вошли женщина и молодой парень. «Папа, расскажи им всё, прошу, расскажи им!» – плакал мальчишка. Его мать, наоборот, оставалась спокойной. Выражение бесконечной тупости в её глазах напоминало взгляд супруга.

– Лучше сын-гей, чем дочь-шалава, – философски заметил губернатор.

– Папа, что ты такое говоришь?! – кричал юноша. – Что

они с тобой сделали?!

– Парнишка устойчив к действию лазера, – отметил Цейт.

– Хотите увидеть их живыми и здоровыми? – спросил дознаватель. – Тогда вы расскажете нам, зачем летали на Ви-ви-Уоррен перед началом восстания. Учтите: мы знаем, с кем вы общались...

– Общаюсь со многими, сплю с одной, – произнёс губернатор.

– Да что это, мать твою, значит?! – не выдержал дознаватель.

– За мать – порву, за отца – пристрелю, – продолжал губернатор своим жвачным тоном. – За тётку – придушу, за её собаку – убью...

– А за сына? – с надеждой спросил дознаватель. – За сына расскажешь, о чём вы говорили с промышленником Козобрюховым?

– С теми, кто вырос на районе, всегда есть о чём поговорить. У нас нет образования – но улица учила нас жить...

– А конкретнее?! Кому он поставляет оружие? Колись, негодяй!

– Оружие пацана – это сила духа, брат...

– Не могу понять: откуда лезет это плебейство? – спросил Зугард. – Вы читали его досье?

– Читал, – отозвался Цейт. – Он из благородной семьи.

– Тогда откуда все эти неандертальские ценности?

– Я говорил об этом с военными медиками. В его подкор-

ке сохранились рефлексy, которые достались гуманоидам от примитивного предка. Они активны, когда серое вещество погибает.

Зугард старался сохранять самообладание. Каждая фраза губернатора убивала и его нервные клетки. «Это всего лишь одна из форм идиотии, – успокаивал себя Зугард. – Не все гуманоиды переносят облучение так болезненно».

– Здесь можно промотать, – подсказал Цейт. – Никакой полезной информации.

Под конец записи дознаватель стал проявлять симптомы нервного срыва.

– Что ты несёшь, мать твою?! – кричал он, уже не сдерживаясь в ответ на очередную гениальную цитату. – Что это вообще может значить?!

– Братва – это не те, с кем ты бухаешь и трахаешься, – говорил губернатор. – Братва – это те, кто ради тебя готов на бутылку сесть...

– Замокни! Замокни, тварь!

– Любить своих пацанов – это характер, брат...

– Какой, мать его, характер?! Любить пацанов – это ориентация!

– Меня сложно найти, легко потерять и невозможно забыть...

Внезапно дознаватель бросился на губернатора с кулаками, и коллеги силой вывели его из камеры. На этом видео заканчивалось.

– Похоже, он не прикидывается, – сказал Зугард. – Невозможно прикинуться таким тупым.

– Боюсь, мы вряд ли что-либо узнаем от него.

– А что насчёт остальных?

– Они пострадали так же сильно.

– Насколько пострадали их дознаватели?

– У одного случился приступ эпилепсии...

Дознаватель, с которым случился приступ эпилепсии, допрашивал женщину. Она занималась делами крупного завода, где тайно производили детали боевых дронов. «Приготовься увидеть изошрённое безумие», – сказал себе полковник. Совсем скоро он понял, что не ошибся.

– Я предлагаю вам сделку, – говорил дознаватель. – Вы называете мне имена тех, кто поддерживает восстание на Виви-Уоррен, а я обеспечиваю вашу безопасность среди других пленников.

– Сделку? – усмехнулась женщина. – Как это грубо! Настоящий мужчина не требует ничего взамен своей помощи.

– Мы не на свидании, мадам.

– На свидания хожу только с достойными!

– Очень хорошо. А теперь представьте, что сделают с вами в камере... Всё ещё не хотите вспомнить имена?

Женщина смотрела на него стеклянными глазами – и в какую-то минуту полковнику показалось, что она просто биодроид.

– Чего не помню – то не прощаю, – заявила она.

Дознаватель на минуту умолк: он явно был озадачен. Мадам сидела, закатив глаза и вытянув нижнюю губу.

– Ваша статья – измена Родине, – объяснил дознаватель. – Ваше имущество конфисковано, и всё, что вас ждёт – это смертная казнь. Однако вы можете это исправить.

– Измену исправить нельзя, – сказала дама. – Волк не изменит своей волчице. А если изменил – то это уже не волк.

– Но вы сами изменили!

– Подумай, прежде чем упрекнуть женщину в измене. Возможно, она просто пыталась заставить тебя ревновать.

– Какой, мать его, бред! Вы что, вообще не понимаете, что происходит?

– Мужчины и женщины слишком разные, и мне не обязательно ничего понимать... Главное – это чувствовать, что ты рядом.

– Как же это тупо, – тихо проговорил Зугард, содрогаясь от ужаса перед Великим Непостижимым.

– Распад нейронных связей, – констатировал Цейт. – Абсолютная тупость.

– Есть в эти несколько часов что-нибудь интересное?

– Нет.

– Тогда давайте пропустим.

Запись промотали вперёд.

– Понимаешь, я женщина, – говорила мадам, в то время как дознаватель нервно ходил из угла в угол. – И меня не нужно ни о чём спрашивать. Я просто хочу, чтобы ты взял

меня и сказал, что теперь ты больше никогда меня не отпустишь...

– Говори, где базы, тупая сука! – заорал дознаватель. – Говори, мать твою, кто поставляет вам оружие!

– Главное оружие женщины – это её слабость, – сказала мадам, покручивая локон на пальце. Из рта у неё стекала тоненькая струйка слюны.

– Ты что, доконать меня решила?!

– Решает всегда мужчина. А если мужчина не решает – это не твой мужчина.

Внезапно шея дознавателя болезненно изогнулась; конвульсивно дрожа, он упал прямо на пол. Коллеги мгновенно бросились к нему на помощь.

– Не твоя – вот и бесишься, – равнодушно сказала мадам.

Зугард нажал на паузу: у него не было сил больше смотреть на это жалкое зрелище.

– Он жив? – спросил Зугард.

– Да, оправляется в медпункте. Желаете посмотреть другие записи?

– Нет. Но придётся.

Полковник решил посмотреть все видео сразу, хоть и опасался за своё психическое здоровье. Однако в глубине души он понимал, что заслужил эту пытку. «Любишь на «Потрошителе» кататься – люби и последствия вывозить», – сказал себе Зугард.

Когда просмотр был окончен, Зугард приказал отправить

видео в архив и присвоить ему статус «Совершенно секретно».

– Эти записи уже сами по себе оружие, – сказал он Цейту.

На этом проблемы не закончились. Полковнику докладывали о ситуации в городе. Солдаты, которые имели контакт с отупевшими, испытывали сильный шок. Зугард побывал в нескольких госпиталях. Особенно запомнился ему один молодой боец, который охранял камеру с повстанцами и водил их на допросы. «Парню досталось, – говорил о нём врач. – Можете себе представить, чего он от них наслушался!» Солдат был бледен, его руки дрожали. Когда Зугард и остальные офицеры вошли в палату, он даже не обратил на них внимания.

– Мы не знаем, что это такое, – твердил боец, раскачиваясь и глядя в одну точку. – Если бы мы знали, что это такое! Но мы не знаем, что это такое...

– Лучше б мы просто воевали, чем видеть всё это, – сказал его сосед, обращаясь к полковнику. В голосе солдата слышался упрёк. И Зугард понимал, что создал весь этот кошмар своими руками.

Ко всему прочему добавились и другие несчастья. К вечеру следующего дня Зугард узнал, что последователи его доктрины разделились на три враждующих лагеря. Они спорили, чья вера в Ужасную Вундервафлю более правильная. К тому времени, когда на Макнамару прибыли чиновники с Джоселин, экономика почти погибла. Люди не могли и не

хотели работать.

«Мы созданы для любви и красоты, а мужчина должен обеспечивать!» – говорили женщины.

«Для того, чтобы жить хорошо, нужно не работать, а зарабатывать!» – говорили мужчины.

«Организовать бы кормушки для этих леммингов, а то с голодухи перемрут», – говорил Зугард.

Когда продовольствие на Макнамаре закончилось, пайки подвозили с соседних планет. Но что бы ни делал Зугард, всё было бесполезно. Ничто не могло исправить того разрушения, которое он причинил.

Понимая свою вину, Зугард пытался оправдать себя. Он знал, что люди отупеют от лазера – но не представлял, насколько сильно. В отчётах, которые Зугард отправлял начальству, он заметно преуменьшал масштабы идиотии. Однако он знал, что когда-нибудь правда всплывёт наружу. В погоне за тем, чтобы получить звание генерала и утереть нос Трисберту, он едва ли не добился обратного эффекта. «Не знаю, будет ли император терпеть у себя на службе военного преступника, – думал он с горечью. – Это название я заслужил».

Тем не менее, на Джоселин-Белл-Бернелл были в восторге от его доблести. За успешную операцию Зугарда повысили. Либеральная пресса ругала его последними словами – зато консерваторы называли его «спасителем Отечества». А ещё он знал, что Визулинда будет в ярости от его поступка.

Как бы сильно ни хотелось увидеть принцессу, Зугард решил сначала дать ей успокоиться. Поэтому он явился к ней не сразу, а только спустя пару дней после того, как прилетел с Макнамары. «Главное, чтобы она не начала кидать в меня канцелярские принадлежности», – рассуждал Зугард.

Служба безопасности принцессы не хотела пропускать Зугарда в здание лаборатории. В конце концов, охранник всё же позволил Зугарду приземлиться на стоянку. На входе его спросили о том, куда он направляется, и даже попытались обыскать. «Тёплый приём, однако, – усмехнулся Зугард. – Наверное, Визулинда ждёт меня в эротическом белье и с бутылкой шампанского».

Увы, надежды не оправдались. Вместо того, чтобы броситься Зугарду на шею, Визулинда смотрела на него со злостью и презрением.

– И у вас ещё хватило наглости явиться сюда? – спросила она без всяких церемоний. – Убирайтесь. Видеть вас не могу.

Зугард молча двинулся вперёд, желая подойти ближе.

– Не подходите ко мне, отморозок! – воскликнула Визулинда, вставая с места.

– Успокойтесь и сядьте, – строго сказал Зугард. – Вы должны меня выслушать.

Желая отрезвить принцессу, он позволил себе командные интонации. Однако принцесса разозлилась ещё больше.

– Приказывать вы будете у себя на работе! – воскликнула она. – А меня больше не трогайте, понятно? Ваш поступок

омерзителен, и я больше не хочу иметь с вами ничего общего!

– Вы не понимаете, что несёте, – хладнокровно проговорил Зугард. – Когда вы успокоитесь, то пожалеете о своих словах.

– Очаровательная самонадеянность! – воскликнула принцесса. – Ну уж нет, полковник, я жалею только о том, что с вами связалась!

– Не полковник, а генерал. Поздравить не хотите?

– Идите вон со своими грязными званиями!

– А я думал, вы теперь меня ещё больше полюбите... Генералы на дороге не валяются.

– И как только я умудрилась с вами связаться? Военный, консерватор, монархист, помощник Альдагора... Что хорошего я могла ждать? Чем я думала? Хотя понятно, чем...

– Видели глазки, что брали. Теперь не нойте.

– А знаете, я ведь усмотрела в вас – как бы это сказать получше? Интеллектуальный тип. Но нет, вы все одинаковые. Что папаша, что Альдагор, что вы... На протяжении всей истории вы только убивали, грабили, насиловали и издевались. Ненавижу вас. Убирайтесь вон из моей жизни.

Это уже не лезло ни в какие ворота. Зугард понимал, что теряет самообладание.

– То есть вы обвиняете меня в том, что творили мужчины до того, как я родился? – спросил он.

– Ещё неизвестно, что творили ваши солдаты на Макна-

маре! Вы показали своё истинное лицо. И это только вопрос времени, когда вы проявите агрессию ко мне или к моему потомству. А чтобы мне потом не слышать «сама виновата», «не того выбрала» – просто уходите и не звоните мне больше.

Содрогаясь от обиды, Зугард молчал. Он вот-вот готов был рассердиться – но внезапно гнев переплавился в горечь.

– Можете припомнить, когда я обидел вас хоть словом? – спросил Зугард.

Ничего подобного Визулинда припомнить не могла.

– Убирайтесь, – коротко сказала она, и губы её задрожали.

Зугарду хотелось подойти и обнять её под видом ложного утешения. «Жалкая, жалкая надежда!» – подумал он, прези-
рая себя самого.

– Прощайте, Ваше Высочество, – произнёс генерал и вышел из кабинета.

Двое суток после этого прошли как в бреду. «Она одумается, одумается», – твердил себе Зугард. С каждым часом его хладнокровие таяло. Наконец, ужасная истина опустилась на него, словно огромный металлический купол: принцессу было не вернуть.

Так потянулись мрачные, злобно-тоскливые дни. Просыпаться каждый раз было уже своего рода пыткой. Проклиная реальность, в которой нельзя было вернуть себе Визулинду, Зугард летел в генеральный штаб – и там срывался на подчинённых. Он не мог быть один – и в то же время не терпел ничьей компании. Иногда, отдыхая в каком-нибудь мю-

зик-холле, или модном салоне, или гостиной, где собирались аристократы, Зугард примечал хорошенькую женщину – и тут же понимал, насколько занято его сердце. Возвращаясь к себе в апартаменты, он ходил из угла в угол. Однажды, будучи нетрезвым, он опрокинул массивный стол в одной из комнат.

Когда отчаяние доходило до высшей точки, его разум помутнялся. Тогда ему хотелось насильно умыкнуть Визулинду и вновь добиться её любви. «Ничего, принцесса, вы ещё узнаете, на что я способен! – думал Зугард. – Что вы скажете, когда я стану главнокомандующим? Я ведь далеко не Эрмеон – и уж тем более не Альдагор... Что вы скажете, когда я начну диктовать свою волю императору? Вы, древнее зло в хрупком теле, будете сами виноваты во всём, что случится!»

Зугард понимал, что сходит с ума – и не мог ничего поделать. То, что случилось на Макнамаре, могло пошатнуть любую психику. «Впрочем, я всегда был немного ненормальный. Я что, дурак – быть нормальным?» Совсем скоро он и сам стал давать волю своему упоительному безумию. Например, ему нравилось мучить себя фантазиями о сопернике. «Должно быть, она уже нашла мне замену. Меня позвала – и другого позовёт». Зугард представлял, как убивает соперника и овладевает принцессой прямо в кабинете. Однажды ему это приснилось. Только вместо того, чтобы отдаться победителю, Визулинда сказала: «Чего от вас ещё ждать? Убейтесь вон из моей жизни!» И Зугард не посмел двинуться,

не посмел заговорить с ней – пока не проснулся.

Обладая безумной, алчной душой, Зугард всё же умел вести себя на людях. Ни коллеги, ни придворные не замечали того, что с ним творилось. Однажды он решился на поступок, о котором будет вспоминать со стыдом. Генерал заказал биодроида, точь-в-точь похожего на Визулинду. Черты лица искусственной принцессы напоминали черты настоящей. Только глаза выглядели ненатурально. Тело робота покрывала синтетическая кожа, которая была идентична коже гуманоида. Остальные части тела состояли из микросхем и полимеров.

Зугард был рад покупке – в основном тогда, когда отпустил свой рассудок подальше. Но совсем скоро, когда страсти улеглись, перед ним предстала абсолютная фальшивка.

– Где же ваши насмешки, принцесса? – говорил Зугард, печально улыбаясь. – Где ясный взгляд, в котором отражается моя погибель?

– Я всего лишь женщина, и не знаю таких умных слов, – отвечала кукла, вытянув губы. – Давай лучше займёмся сексом.

То, что имитировало Визулинду, не было ею даже отчасти. Искусственная принцесса не так двигалась, не так говорила. Она не прижималась к Зугарду всем телом, когда была особенно счастлива; она не критиковала его произведений. Она не спорила о том, что многие великие писатели были неправы. Она не вздыхала, когда Зугард ласкал её, не пода-

вала ему чашку так, будто это был запретный плод... Она не говорила о науке, не вдохновляла создавать миры.

– Скажите мне, Ваше Псевдовысочество, – говорил Зугард, – мечтаете ли вы, дроиды, об электроовцах?

Лжепринцесса молчала, погружаясь.

– Ты супермачо, – сказала она, наконец. – Я хочу немедленно заняться с тобой сексом.

– Спасибо, я знаю. И всё же, снятся вам, биодроидам, такие маленькие барашки?

Кукла вновь молчала. Это был слишком сложный вопрос для неё. Секс-роботам не полагается интеллект – пусть даже искусственный. Вскоре Зугард выключил свою подружку и впредь пользовался ею только по назначению. Каждый раз после этого ему становилось гадко.

Когда он снова полетел в командировку, то даже не взял биодроида с собой. Необходимо было зачистить одну далёкую систему от космических партизан. Генерал и его люди долго готовили эту операцию. На базе, которую собирались атаковать военные, могла находиться сама Хельмимира.

Однако, увы, операция провалилась. Флот противника понёс потери, но Хельмимира скрылась. На обратном пути Зугард попытался вычислить, с какой скоростью двигался её корабль. Результат не поддавался логике: выходило так, что скорость была аномальной.

«Наверное, я просто устал, – подумал Зугард. – Пересчитаю позже». До прибытия на Джоселин оставалось ещё много

времени, и он решил отдохнуть у себя в кабинете. Однако не ту-то было. Стоило только расслабиться – как пришёл адъютант и доложил о каких-то информаторах: молодые мужчины, истинно люди, документов при себе не имеют...

– Ладно, веди их сюда, – приказал Зугард.

«Информаторами» оказались двое придурковатых елдыринцев. Один из них – долговязый, неотёсанный молодчик – нёс полную ахинею про какого-то деда с технологией. Однако многое из того, что он сказал, совпало с данными расчётов. «Буду идиот, если поверю, – думал Зугард. – Или останусь в дураках, если упущу такую возможность...»

В конце концов, генерал решился рискнуть. «Ну что, в сущности, будет стоить прокормить двух елдыринцев? – рассудил он. – Зато, если эти клоуны не врут, я смогу переманить учёного на свою сторону. Тогда посмотрим, кто станет главнокомандующим! Или – чем чёрт не шутит? – военным диктатором...»

Профессора необходимо было найти как можно скорее. Чтобы придурки не сбежали, Зугард посадил их под замок. Для этого он обратился к Готфриду. Пришлось оформить ему и Фридриху документы о командировке. Люди Зугарда распространили слух о том, что елдыринцы попали в лагерь для военнопленных. Сначала всё шло хорошо. Генерал энергично занялся поимкой старика или хоть кого-нибудь из партизанской верхушки. Увы, поиски не приносили успеха. На захваченных кораблях не находили ничего особенного, а

допросы были бесполезны. Тогда Зугард начал подозревать, что елдыринцы не так уж просты.

«Возможно, этот полоумный Антоха знает больше, чем говорит? – рассуждал Зугард. – Возможно, его туповатый друг Дюндель – на самом деле молодой гений, преемник профессора?»

Чтобы выяснить правду, Готфрид задействовал Марго и Фриду. Увы, им тоже не удалось выяснить ничего важного. Зугард был разочарован: он чувствовал себя полным идиотом. «Обманули меня клоуны, – сокрушался генерал. – Прибить бы их, гадов!»

А потом он узнал, что клоуны сбежали. «Этого ещё не хватало!» – ругался Зугард. Была надежда поймать придурков у входа в консульство, но люди генерала их так и не встретили. Зугард пытался найти беглецов теми способами, которые он мог себе позволить. Однако мирная Джоселин-Белл-Бернелл не была его территорией. Поиски пришлось прекратить. «Ну и хрен с ними», – решил генерал. Ни денег, ни связей, ни выхода на важных людей у придурков не было. Скорее всего, они просто отправились домой нелегальным путём и попали в переделку.

Несчастья здорово измотали беднягу Зугарда. Пламенное страдание, в котором он жил, сменилось апатией. Оправдывая себя, признавая вину лишь частично, он вяло тащил своё мрачное генеральство.

Однажды случилось невозможное: Зугард получил по-

сылку от принцессы. Охваченный немислимым жаром, он бросился читать сообщение – однако вместо слов любви обнаружил следующее:

«Не думайте, генерал, что я пишу Вам в надежде возобновить нашу связь. Однако хотелось бы предложить Вам книгу, которую Вы найдёте в коробке. Её написала одна дама с Макнамары – после того, что Вы сотворили с этой бедной планетой и её жителями. Надеюсь, Вы поймёте, насколько чудовищно Ваше преступление. Визулинда».

Зугард перечитал письмо – и в душе его снова затеплилась нежность. Наивная принцесса! В письме сквозило небезразличие. Усмехнувшись, генерал вытащил лайку из коробки. После того, что он услышал на гауптвахте, его сложно было чем-то напугать. Книга называлась «Бабское порево без художественной ценности». «Интригующе, – подумал Зугард. – Интересно, это самоирония?»

« – Я предлагаю тебе руку, сердце и всё моё состояние», – говорил принц-вампи́р-миллиардер ничем не примечательной главной героине. – Но за это тебе придётся каждый день заниматься со мной сексом на глазах у суслика с расчёской в заднице.

– Я согласна, – отвечала главная героиня. – За твоё состояние можно и расчёску в заднице потерпеть.

– Но ведь ты даже не знаешь, в чьей именно заднице будет располагаться расчёска! – воскликнул принц-вампи́р-миллиардер...»

Зугард прочитал всего несколько глав – и ему уже стало не по-себе. Книга была чудовищно плоха: кривые диалоги, картонные персонажи и тупые сцены, которые дублировали друг друга страницу за страницей. «Где сюжет?» – мучительно думал Зугард. Он был воспитан среди высшей знати и никогда не читал ничего подобного. Бедняга чувствовал, как умирают клетки его мозга.

« – Трахни меня туфлями, – прошептала главная героиня, ложась на бильярдный стол и расставляя ноги. Сначала вошёл нос, потом – платформа...»

– Каблук не влезает, – сказал принц-вампи́р-миллиардер, – ты действительно этого хочешь?

– Да! – ответила главная героиня, закусив губу.

– Подожди... Мы ведь забыли достать оттуда суслика и расчёску...»

«Больные убудки, – думал Зугард. – Вы бы ещё бомбардировщик туда затолкали!» Главный герой был жёсткий доминатор, но при этом очень благородный и романтичный. Главная героиня была неопытной, неуклюжей и непонятливой. При этом она хотела получить от героя как можно больше любви и подарков – но так, чтобы не терпеть расчёску у себя в заднице. Это было основным конфликтом произведения.

« – Зачем ты мне нужна, если я не могу засунуть в тебя расчёску?»

– Но я люблю тебя!

– Ты не можешь любить меня! Я засовываю в людей расчёски!

– Откройся мне: дай засунуть расчёску в тебя...»

Не в силах больше выносить размах мысли, генерал отбросил книгу и налил себе выпить. Читать дальше совсем не хотелось, но Зугард был не из тех, кто бросает начатое. «Осталось всего несколько глав!» – уговаривал себя генерал.

« – Мой внутренний суслик хорошо причёсан, и на нём туфли, – говорила главная героиня. – Хорошо, когда можно выдавать шизофрению за богатый внутренний мир!

– Тогда я хочу засунуть в тебя две расчёски!

– Так вот, что тебе от меня нужно...

– Да я с самого начала тебе это говорил!

Наступила драматичная пауза.

– Неужели ты не можешь просто исполнять мои прихоти? – со слезами произнесла главная героиня. – Пойми: я всего лишь хочу иметь шикарного мужика, но при этом не терпеть в заднице расчёску...»

Книга заканчивалась ничем. «Сдохните, тупые картонные твари! – воскликнул Зугард. – Мерзкая, мерзкая бесполезная книжонка...»

Он был внутренне опустошён. Там, на гауптвахте, он видел лишь верхушку айсберга. Теперь перед ним предстало ещё более чудовищное и уродливое зло – зло, которому он сам помог появиться на свет. Пытаясь прийти в себя, Зугард пробовал читать Сунь-цзы. «Возможно, я смогу восстано-

вить хоть какие-то связи между клетками мозга», – надеялся он.

Мучительно хотелось поехать к Визулинде – и теперь не только из-за острой тоски. Просто генералу не с кем было обсудить то ужасное, с чем он столкнулся. «Она, может быть, уже спит, – думал Зугард, поднимаясь в ангар. – И, может быть, спит она вовсе не одна...» Содрогаясь от мысли, что встретит соперника, он поднялся в телекоптер, включил питание и задал координаты дома принцессы. «Или я убью его, или меня отпустит».

Дом принцессы казался спящим. Ворота над посадочной площадкой были закрыты полем белиберды. Зугард связался с Визулиндой по радиосвязи. «Чего вы хотите?» – спросила она. «Выключите генератор белиберды, – ответил Зугард. – Нам нужно поговорить».

Догадываясь, что он прочитал «Бабское порево», она всё же его впустила. Тёмный Лорд проводил генерала в холл на первом этаже; принцесса ждала, укутавшись в огромную шерстяную шаль. «А под шалью, наверное, только сорочка», – вздохнул Зугард.

– Я прилетел вернуть вам книгу, – произнёс он деловито. – Вы правы, она омерзительна.

– Можно было попросту её уничтожить, – отозвалась принцесса.

– Зачем вы прислали мне эту гадость?

– Вам следует понять, какое зло вы совершили.

– По-вашему, я не понимаю этого сам?

Визулинда молчала.

– Признайте, принцесса, что вы просто беситесь, – продолжал Зугард. – Вы ведь любите меня... Только вас раздражает, что я веду себя не так, как вам бы хотелось.

– Это мои проблемы. И я решу их без вашей помощи.

– Поэтому вы присылаете мне возбуждённые сообщения?

Смутившись, Визулинда тяжело вздохнула.

– Послушайте, – сказала она, – оставьте книгу и убирайтесь. Я обещаю больше никогда вас не трогать, раз вы такой чувствительный.

Зугард ощутил тупую боль глубоко в груди.

– Вы сами позвали меня в свою ложу и к себе на ложе, – проговорил он почти озлобленно.

– Я вам что-то за это должна? – уточнила принцесса.

– Теперь, не разобравшись, вы разрушаете всё, – продолжал Зугард, не обратив внимания на её реплику. – Не зная причин, не пытаясь их выяснить, вы просто называете меня отморозком. Вам когда-нибудь приходилось штурмовать эйкуменополисы?

– Эйкумено что?

– Эйкуменополис – так в военной науке называется планета, сплошь покрытая городом. Конечно, вы понятия не имеете, что это такое – десантироваться в подобном месте. Откуда вам знать? Так вот, принцесса, штурмовать эйкуменополис – значит устроить мясорубку. А я избежал этого бла-

годаря отупляющему лазеру. Да, многие отупели, у многих посттравматический шок... Но все они живы. Я говорю не только о своих солдатах: они ведь вооружённые мужчины, зачем вам их жалеть? Я говорю о мирном населении. Подумайте, Ваше Высочество, что бы вы сделали на моём месте.

Визулинда слушала с большим вниманием. Генералу даже показалось, что взгляд её смягчился.

– Спасибо за то, что так подробно объяснили, – проговорила она. – Хотя вы и не обязаны отчитываться передо мной о вашей работе. Но знаете, я тоже хотела бы рассказать вам кое-что... Недавно я посмотрела одно видео. На нём была моя знакомая – девушка, которую я знала в университете. Когда вы применили лазер против Макнамары, она как раз находилась там. И знаете, что? Теперь она ведёт свой блог. Недавно она объявила конкурс. Нужно прислать фото члена своего любовника на фоне его летательного аппарата.

Зугард не мог произнести ни слова: это было чудовищно тупо.

– Так вот, – продолжала Визулинда, – я подумала: может, и мне поучаствовать? Если я пришлю фото вашего члена на фоне «Потрошителя галактик», то наверняка выиграю.

Жестокая, жестокая принцесса! Зугард понимал её горькую иронию. Бесплезно было что-то говорить. Он принёс слишком много горя, и Визулинда вряд ли простит его.

– Спокойной ночи, – сказал Зугард и направился к выходу. Тёмный Лорд шёл следом, как конвоир. Уже будучи за

дверью, Зугард услышал тихие всхлипы.

Утром его ждал очередной сюрприз. Верные люди доложили, что одного из елдыринцев – пухлого и низкого – видели в шоу маэстро Харальдюфа. Узнав об этом, Зугард похолодел. «Мне конец, – пронеслось у него в голове. – Клоуны разболтали всё императору и советникам!» Нужно было похитить елдыринца и выбить из него, что именно он успел рассказать Харальдюфу. Но елдыринец, скорее всего, был под присмотром. Любая ошибка выдала бы Зугарда с потрохами. К тому же, прошло много дней с момента побега. «Они уже, небось, всё разболтали», – думал Зугард, не зная, что предпринять.

Теперь он спал особенно плохо. Ему постоянно казалось, что вот-вот к нему придут люди императора. Каждый раз, когда его вызывали в кабинет Эрмеона, он покрывался холодным потом. Он мучительно искал намёки словах сослуживцев. Однако всё было тихо. Генеральный штаб и императорский двор жили своей обычной жизнью.

Судя по ситуации в генштабе, Зугард понимал, что елдыринцы всё же молчали. Одного было не видать, второй участвовал в идиотском проекте. Осмелев, Зугард установил за ним слежку.

Сначала его подручные не замечали ничего особенного. Потом, наконец, появились интересные наблюдения. Например, то, что Дюндель оказался связан с Фернандо Карендо – информатором подпольной ячейки на Джоселин.

– Прикажете арестовать его? – спросил Готфрид, явившись к Зугарду в кабинет.

– Зачем? – усмехнулся Зугард. – Арестовывать инакомыслящих – задача Тайного Комитета. А у нас с тобой задача совсем другая...

На самом деле Зугард был в восторге. «Я так и знал! – радовался он втайне. – Возможно, мы скоро выйдем на профессора!» Елдыринец покупал у Фернандо запрещённую литературу и сбывал наркотики.

Однако вскоре снова начался период затишья. Зугард немного оклемался после разрыва с Визулиндой и развлекал себя придворными интригами. «Я очень уважаю генерала Трисберта», – говорил он Хэцу. – Но, знаешь, отбирать имущество у магнатов в пользу государства – это немного радикально». Хэцу немедленно бежал в гостиную, где собирались богатые промышленники, и повторял суть разговора с Зугардом. Многие из магнатов всерьёз ополчились против Трисберта. Зугард удовлетворённо улыбался каждый раз, когда узнавал об этом.

Принцесса Визулинда совсем перестала выходить в свет. Говорили, что она улетела в своё имение на Розалинд-Франклин – туда, где погибла её тётка. Иногда, отвлекаясь от чтения, Зугард откидывался в кресле и позволял себе мечтать о возлюбленной. Его снова пьянили возможности и не покидала надежда вернуть принцессу. Вспоминая пляжи прекрасной Розалинд, генерал думал о том, какой изящный

след оставит на горячем песке босая ножка принцессы. Возможно, сейчас в её имении полдень. Возможно, именно в этот момент принцесса полулежит на тенистой веранде с каким-нибудь «Атласом естественной истории». Тёплая и расслабленная, она защищает свою соблазнительную бело-розовость от палящего зноя. На ней тончайшее платье, которое едва бы существовало под его пальцами...

А может быть, Её Высочество изучает морских гадов, опускаясь под воду в специальном аппарате. Или, подобно выброшенному на берег сокровищу, возлежит на линии прибоя... Из одежды на ней только плавки, а из персонала на вилле – только пожилая помощница и дроиды. Генерал отлично помнил, какой бесстыдной могла быть принцесса в минуты их особой близости... «Знаете, Зугард, я, как и всякий учёный, обожаю эксперименты».

От таких мыслей Зугарду хотелось тотчас же лететь на Розалинд-Франклин (если понадобится – взять её штурмом). Положив принцессу к себе на плечо, он утащил бы её в известном направлении. «Вы сами виноваты, Ваше Высочество!» Нелепые, досужие мечты...

В один из таких вечеров генералу сообщили, что Дюнделя похитил неизвестный аппарат. «Продолжайте следить!» – приказал генерал. Выйдя из раздумий, он мгновенно оделся. Пришлось мобилизовать «подшефное» подразделение. «Ничего, потом придумаю, как отчитаться перед Эрмеоном!» – думал генерал, бросаясь вслед за разведывательными дрона-

ми на специальном шаттле.

Действовать следовало аккуратно. Между орбитами Эстер-Ледерберг и Бернарда-Шоу аппарат стыковался с более крупным кораблём. Разведывательные дроны были новейшей модели: умели «гасить» сигнал и маскироваться под космический мусор. За ними двигался шаттл Зугарда, а позади – военные крейсера. Позже Зугард стыковался с одним из них. Лететь пришлось немало. Когда корабль покинул ядро империи, генералу показалось, что беспилотники его упустили... Однако пару минут спустя пришёл сигнал: корабль направлялся в систему газового гиганта Генриетты-Ливитт.

Зугард приказал кораблям замедлиться. Дроны вычислили, что корабль приземлился на одной из лун Генриетты. «Там наверняка база!» – догадался генерал. Взволнованно расхаживая по кабине, он принялся думать. Зугард понимал: у партизан есть технология, которая позволяет им перемещаться с аномальной скоростью. Если они заметят имперские корабли, верхушка немедленно сбежит... Зато обычного патруля партизаны не испугаются.

– Сколько белиберды у нас есть? – спросил Зугард у своего адъютанта.

– Пятьсот кошкоградусов, – ответил тот.

«Мало, – подумал Зугард. – А ждать нет времени...» Наконец, у него созрел план. Сначала генерал решил отправить к партизанам боевые беспилотники. Решив, что это патрульные, партизаны быстро их уничтожат. Часть партизанских

кораблей будет ещё на обратном пути, когда имперцы нападут основными силами. «Нужно разделить флот неприятеля хотя бы надвое, – рассуждал Зугард. – Тогда мне будет легче пробиться к базе». Партизанская верхушка попытается уйти. Её можно будет поймать в то самое время, пока разогреваются двигатели кораблей. Генерал решился идти ва-банк. «Скажу им, что у белиберды у меня много».

План сработал; партизаны проглотили наживку. «Попались!» – торжествующе воскликнул Зугард, когда генератор белиберды охватил планету единым полем.

– Эй вы, фанатичные интеллигенты, – обратился к партизанам его помощник. – Ваши силы уничтожены. Немедленно сложите оружие и пустите наших людей на базу!

Ответа не последовало. Зугард занервничал. «Держите их в поле до последнего кошкоградуса! – приказал он подчинённым и тут же обратился к помощнику: – Пригрози им!»

– Немедленно сложите оружие! – проговорил адъютант. – Ваш кислород закончится раньше, чем у нас закончится белиберда. Откройте шлюзы – и вам будет сохранена жизнь!

Партизаны опять молчали. «Проклятье, – думал генерал. – Если так пойдёт, мы их упустим...» Внезапно его отвлек второй помощник. «На поверхности спутника обнаружен подземный туннель, – доложил он командиру. – Мы отправили туда дрон. Есть данные о том, что туннель ведёт прямо на базу». Взволнованный, Зугард решил ознакомиться с данными. «А что, это тоже возможность, – рассудил он. –

Если не откроют сами – будем пробовать другие способы».

– Скажи этим поехавшим гуманитариям, что мы сейчас начнём стрелять, – приказал он адъютанту. – Они там что, ритуальный суицид затеяли?

– Эй вы, поехавшие гуманитарии, – повторил адъютант, – вы там что, ритуальный суицид затеяли? Если сейчас же не ответите – мы откроем огонь по вашей базе!

Угроза подействовала.

– Вниманию имперских войск! – произнёс приятный женский голос. – Мы, «Фёдор Михалыч», сдаёмся...

– Вы – кто?! – переспросил Зугард.

Впрочем, это было неважно. Партизаны открыли шлюзы, и корабли генерала проникли внутрь. Вскоре солдатам удалось взять базу под контроль. Операция прошла блестяще. Случилась, правда, небольшая заминка: корабль чуть было не взорвали какие-то камикадзе. Благо, нашёлся дед, который предупредил военных об опасности. Взрывное устройство быстро обезвредили. Генерал вошёл на захваченный корабль победителем.

– Полюбуйтесь-ка, генерал Зубарев, на этих камикадзе! – говорил дед-предатель. – Не коллектив, а общество любителей пиротехники!

– На сколько хватит кислорода? – спросил Зугард у подчинённого.

Ему ответили, что кислорода хватит ещё на одни джоселинские сутки. «Отлично! – подумал Зугард. – Мы как раз

успеем всех допросить!» Когда ему доложили о заводе, он тут же кинулся в цех. «Здесь, наверное, производят какое-то сверхтопливо!» – взволнованно думал Зугард, видя незнакомую аппаратуру. – Вот так повезло!» Он совсем не разобрался в заводах и не мог отличить, где производят топливо, а где – фармсубстанции.

– Генерал, – внезапно доложили Зугарду, – захвачен ещё один корабль. Группа партизан пыталась бежать. На борту неизвестный груз.

– Немедленно обыщите их и доставьте сюда! – приказал Зугард.

Предвкушая невероятный выигрыш, он едва ли мог предположить, что сорвал джекпот. «Хельмимира – это, пожалуй, слишком жирно, – рассуждал Зугард. – А вот Исаак Бергдис Варда запросто мог бы оказаться на борту... Что ж, нам было бы о чём потолковать». Но когда ввели партизан, среди них не было ни одного качкоида. Был какой-то поджарый малый – возможно, один из близких подручных Хельмимиры; за ним следовали две мундиморийки (где бы генерал мог их видеть?); а вот и те елдыринские шуты – Антоха и Дюндель – которые привели имперцев на базу...

Генерал невольно чувствовал, как нетерпеливо бьётся его сердце – и внезапно, резко остановившись, оно пропустило удар... «Ну всё, пиши пропало, – подумал Зугард, увидев позади пленного елдыринца свою Визулинду. – Я, кажется, свихнулся».

Визулинда смотрела на него своими насмешливыми глазами. «Интересно, – рассуждал Зугард, – она проекция, галлюцинация или другая женщина, которую мой мозг принимает за принцессу?» Тошная вобла позади пленных была явно Хельмимира, но какое это имело значение? Понимая, что находится в реальности какого-то причудливого сна, Зугард направился к любимой. «Только бы не ляпнуть ничего лишнего... А то вдруг это всё взаправду?»

– Вот мы и встретились, Ваше Высочество, – произнёс генерал, подойдя ближе. – Такого я, признаться, не ожидал... Можно узнать, что вы здесь делаете?

– Я делаю здесь историю фармакологии, – проговорила Визулинда. – А вы?

– А я – историю Мундиморы, – запросто ответил Зугард. – Пообщаемся?

– Похоже, у меня нет выбора...

– Конечно, нет. И будьте уверены: уж вас-то я допрошу по полной программе! Возможно, придётся даже применить нестандартные методы допроса.

– Так вот, как вы обращаетесь с пленными, негодяй.

– Только с вами. Вы только и делаете, что нарываетесь на наказание...

Хельмимиру посадили в отдельную каюту и приставили конвой. «Всех этих духовных лидеров хлебом не корми – дай уничтожить себя перед допросом», – говорил Зугард своему адъютанту. Остальных пленников, которые пытались бежать,

отвели к «камикадзе». Старик находился здесь же, но Зугард напрочь забыл о нём. Генерал даже не подумал, что это мог быть «профессор». Понемногу цех опустел, и подчинённые генерала принялись заниматься своими делами.

– Ну что, доигрались, Ваше Высочество? – усмехнулся Зугард, глядя на принцессу. – Вы, наверное, думали, что вам всегда будет сходить с рук любая выходка? Извольте пройти со мной в каюту.

Глава 24: Допрос с пристрастием и театр абсурда

– Присаживайтесь, Ваше Высочество.

Визулинда опустилась на табурет в углу каюты. В ней не было ни тени страха – лишь омерзение, которое, как показалось генералу, она относила и к себе самой. Руки принцессы лежали на коленях, грудь вздымалась под тугой застёжкой закрытой блузы. Её незащищённость отдавалась в крови генерала нестерпимым вожделением. «Теперь не убежите!» – думал Зугард, блокируя дверь. Щёлкнули засовы – и обратного пути уже не было.

– Итак, – начал Зугард, расхаживая взад-вперёд, чтобы скрыть волнение, – рассказывайте, что здесь происходит.

Визулинда молчала.

– Рассказывайте, – настойчиво повторил генерал. – Что за вещество вы пытались отсюда увезти?

– Лекарство от лазерной идиотии, – сказала, наконец, принцесса.

Зугард посмотрел на неё с удивлением. Считалось, что лазерную идиотию лечить невозможно. Зугард понял, что его возлюбленная изобрела новый препарат. Внезапно Зугард почувствовал, что гордится ею – и в то же время его охватил приступ болезненной нежности.

– Ну вот что вы за женщина! – укоризненно произнёс генерал. – Могли бы сказать, что это просто дурь, под которой партизаны пишут свои произведения... Зачем же вы мне, отморозку, во всём признаётесь?

– А мне похвастаться охота, – усмехнулась принцесса.

Разглядывая её в полусвете единственной лампы, Зугард понимал: он вовсе не свихнулся, и перед ним действительно сидит его строптивая Визулинда. «Ну и что мне с ней делать?» – спрашивал себя генерал. Визулинда была из плоти и крови – никакой не прекрасный демон, никое не зло в хрупком теле, никакой не сосуд грехов, а всего лишь обычная женщина – уставшая и бесконечно любимая. А ещё Зугард понимал, что если он причинит ей хоть какой-нибудь вред, то немедленно застрелится.

– Скажите мне, Ваше Высочество, – проговорил Зугард. – А эта ваша дурь... она хорошего качества?

– Первоклассная дурь! – заверила его принцесса.

– Тогда, возможно, мы с вами могли бы употребить её и хорошо провести время...

Визулинда подняла на него глаза, и взгляды их встретились.

– Тогда я приготовлю что-нибудь позабористее, – сказала она. – Если уж вы хотите разврата под веществами.

– А вы не обманете? Вас хлебом не корми – дай взорвать корабль.

– Тут как повезёт. Ничего не обещаю.

Это был разговор двух истинных аристократов: соитие под веществами, экстремизм и незаконное изготовление психотропных веществ. Влюблённым было неловко – и они пытались скрыть это под маской развязности. Однако в каюте сделалось теплее. Напряжение между влюблёнными спало – и оба начинали исподтишка радоваться друг другу. Их чувство юмора было одного и того же сорта.

– Кофечая бы, – произнёс генерал. – Вы не знаете, здесь есть кофечай?

– Не знаю, но в кабине остался ящик коньяка, – подсказала принцесса.

– Может, расскажете, кто эти люди? – спросил Зугард. Вселенная обрела привычную логику, и можно было двигаться дальше.

– Я наняла их, – ответила Визулинда.

– Лжёте. Это явно партизаны. Тощая вобла, как я понимаю, Хельмимира?

Принцесса молчала. Зугард усмехнулся. «Одна восьмая бравады, семь восьмых альтруизма», – вычислил он.

– Ладно, не буду вас мучить, – сжалился генерал. – Мы оба знаем правду. Расскажите лучше: что вы собираетесь делать с препаратом?

– Лечить людей, – сказала принцесса.

– У вас есть разрешение на его производство?

– Вы шутите? Конечно, нет.

– Почему вы не делали его на своём заводе?

– Я произвела первый образец у себя в лаборатории. Но нельзя было наладить массовое производство на Джоселин.

– Почему?

– Среди сотрудников могли быть люди из Тайного Комитета.

– Препарат прошёл хоть какие-нибудь клинические испытания?

– Разумеется.

– На той самой штуке, которую вы мне показывали?

– Да, и не только.

– Были случаи побочных эффектов?

– Побочные эффекты есть у всякого препарата.

– Что за устройства мы нашли вместе с ампулами?

– Внутримозговые имплантаты.

– Для чего они?

– Это дополнительное средство стимулировать мозговую активность. Для особо тяжёлых пациентов.

– Как они работают?

– Я и мои коллеги вживляли их в височную долю коры мозга пациентов. Имплантаты создают магнитное поле. Оно индуцирует электрический ток в соседних клетках.

Зугард восхищённо смотрел на принцессу. «Ну и женщина мне попалась! – думал он. – Не зазноба, а какой-то безумный профессор».

– А почему именно в височную долю? – уточнил генерал, опомнившись. – Почему не в лобную?

– В височной доле находится центр, ответственный за чтение.

– И как это связано с лазерной идиотией?

– Когда-то давно я встретила человека, который сумел излечиться от последствий лазера. Он связывал это с тем, что постоянно читал. Потом я услышала похожую теорию от Хельмимиры. Она в своё время бывала в госпиталях и видела много примеров, когда люди излечивались благодаря хорошей литературе. Партизаны и подпольщики до сих пор обязаны много читать. Когда их находят и облучают, у них сохраняется здравый ум. Многие люди на Макнамаре не отупели только поэтому.

– А сколько операций вы провели?

– Тридцать шесть.

– И все они были успешны?

Визулинда помрачнела.

– Послушайте, – сказала она, боясь посмотреть генералу в глаза, – я ведь могла бы вам соврать...

Зугард молчал. Визулинда была неумелой лгуньей и обманывала крайне редко. Слушая принцессу, он понимал, что её слова – абсолютная правда. Или, по крайней мере, то, в чём она уверена. Дознаватель мог праздновать победу; влюблённый до сих пор томился в сомнениях. Зугард понимал, какую тропинку указывает ему ход разговора. «Жестоко, но действительно», – говорил он в таких случаях.

– Я припоминаю, – обратился он к Визулинде, – что по-

добные эксперименты запрещены Межгалактическим Правом...

– Запрещены, – горько усмехнулась принцесса. – И что с того?

– Вас не смущает уголовная ответственность?

– А вы как думаете?

– Мне сложно понять абсолютное безумие.

– Не прибедняйтесь. Вы сами тот ещё псих.

– Я скорее негодяй. Это совсем другой тип злодея.

– Тогда скажите, разрешено ли женщине убить мужчину, который пытается её изнасиловать? Оправдают ли её законы? Разумеется, нет. И всё же справедливость на её стороне.

– Самозащита и незаконные эксперименты – не одно и то же.

– Вы полагаете, лекарство против лазерной идиотии могут узаконить? Даже если так, то это займёт годы, а помощь нужна прямо сейчас...

Зугард был счастлив. Как же он соскучился по спорам с принцессой! «Глоток свежего воздуха, – думал генерал. – И всё же надо бы скорее укротить нарушительницу». Благо, всё для этого было готово.

– Скажите мне вот что, – начал Зугард, – пациенты принимали препарат добровольно?

Визулинда подняла голову и посмотрела на собеседника со странной дерзостью.

– Нет, – заявила она.

В каюте повисла пауза. «Вот тебе и медовая душенька! – подумал Зугард. – Вот тебе и бисквитная принцесса...» Он чувствовал странное возбуждение – так, будто порочность придавала его возлюбленной особую прелесть.

– То есть выходит, – медленно проговорил генерал, – что вы насильно брали больных людей и сверлили им черепа?

Визулинда молчала, возмущённо поджав губы. Технически Зугард был прав. Однако он выражался так грубо, что это звучало как обвинение.

– Вы хорошо придумали, – сказала, наконец, принцесса. – Осмотр гинеколога превращается у вас в «изнасилование», а хирургическая операция – в «нанесение тяжких телесных повреждений». Так любого медика можно обвинить в чём угодно.

– Бедняги не давали согласия на вмешательство, – возразил Зугард.

– А их родные умоляли меня и моих коллег о помощи.

– Это оправдывает неудачные операции?

– Не бывает так, чтобы все операции были удачны.

– То есть вы признаёте, что от ваших действий кто-то пострадал?

Принцесса медленно набрала воздух в лёгкие – и так же медленно выдохнула, прикрыв глаза.

– Признаю, – сказала она неохотно.

Зугард смотрел на неё торжествующим взглядом.

– И всё же объясните, – сказал он, помолчав, – почему

незаконные эксперименты над живыми гуманоидами совершаете вы, а негодяй у вас только я? В какой извращённой системе ценностей вы живёте?

– Не нужно выставлять меня чудовищем! – воскликнула принцесса. – Я провожу эти эксперименты ради науки, ради блага всей гуманоидной расы. Я помогла уже многим людям. Польза от того, что я делаю, во много раз превышает издержки.

– Мы оба сделали что-то такое, из-за чего пострадали одни и были спасены другие. Но после этого я отморозок, а вы праведница. Как так получилось?

Обескураженная, Визулинда вновь молчала. Генерал смутно догадывался о том, что в этот момент происходило в её душе. Разумеется, нельзя было сравнивать медицину и военное дело. Наверняка Визулинда по-прежнему считала его более виновным. Однако Зугард видел, что оборона вот-вот падёт. «Она ведь любит меня», – с надеждой думал Зугард.

– Что скажете, Ваше Высочество? – спросил он. – Будете и дальше отпираться? Или признаете уже, что все мы не без греха?

– Возможно, дело в том, – тихо сказала Визулинда, – что я и вправду пытаюсь помочь... А вы ведь просто хотели повышения по службе, верно?

– Ну уж нет! – рассмеялся Зугард. – Я мог бы с тем же успехом обвинить вас в тщеславии! Вам льстит уважение, с которым смотрят на вас партизаны. Вы упиваетесь осозна-

нием своей гениальности. Могу поспорить, что втайне вы мечтаете бросить своё открытие в лицо бывшей гувернантке, или отцу, или Альдагору...

– О моих заслугах, скорее всего, никто не узнает.

– Почему? Это можно организовать.

– Вы издеваетесь.

Зугард был крайне доволен. Он искушал принцессу – и она вот-вот готова была перейти на сторону своей тёмной страсти.

– Итак, мы с вами одного поля ягоды, – произнёс генерал. – Теперь вопрос только в том, что мы будем с этим делать...

Визулинда смотрела на него с явным интересом.

– Зачем вам моё мнение? – спросила она. – Вы всё равно поступите так, как захотите сами.

– Ваше мнение важно, от него кое-что зависит. Вы ведь понимаете, что партизанскому движению приходит конец. В империи почти не осталось неизвестных жерл пространства-времени. Армия уничтожает базы партизан, борьба становится бессмысленной. Рано или поздно Хельмимира погибнет. Её последователи разбегутся. Возможно, вас арестуют, а ваши разработки присвоит какой-нибудь Хильдегаст. И если бы на моём месте оказался другой генерал, с вами бы никто не церемонился...

– Так что вы предлагаете?

– Взять историю в свои руки.

– Вы имеете в виду что-то неприличное?

Зугард рассмеялся. «Ах вы моя игривая зазноба!»

– Ну вот вы и попались! – воскликнул генерал. – Я не позволил себе ни одного непристойного слова – а вы бредите какой-то пошлятиной, как только я оказываюсь рядом.

– И что с того? – смущённо улыбнулась принцесса. – Какое отношение это имеет к судьбам миллиардов живых созданий?

– Такое, что мы могли бы всё изменить.

– Каким образом?

– Возвести вас на престол, Ваше Высочество.

Улыбка мгновенно исчезла с лица принцессы. Ошарашенная, она пялилась на генерала, как на ненормального.

– Вы спятили, – проговорила, наконец, Визулинда. – Я не могу на это пойти.

– Почему же?

– Потому, что мне противен кровавый путь насилия.

– А мы провернём всё каким-нибудь бескровным способом. В конце концов, ваш брат не так уж и держится за власть. Он бы и рад передать её кому-нибудь – чтобы государственные дела не мешали ему развлекаться... Поверьте, желающих стать правителем найдётся немало. Взять хотя бы Трисберга и его шайку ультраправых. Думаете, они не помышляют о захвате дворца? Если завтра они установят диктатуру, то обязательно вернут «старые добрые обычаи». Тогда ваша лаборатория достанется родственнику мужского

пола, а вас отправят заботиться о чужих детях... Вы всё ещё не хотите править? Подумайте. Завтра может быть поздно.

– По-вашему, я достаточно смазлива для того, чтобы передать мне власть? – спросила принцесса. – Выкрасить бы корону в розовый цвет – чтобы все видели, каким образом она мне досталась!

– Предыдущих императоров тоже короновали военные.

– С чего вы вообще решили, что у меня получится быть правителем?

Зугард усмехнулся.

– Эх вы, феминистка, – произнёс он с укором. – Теперь я вижу, что Алопеция и вправду вбила вам в голову всё, что хотела...

– Что вы несёте?! – возмутилась Визулинда.

– А то и несу, что вас вырастили закомплексованной и удобной для всякого, кто захочет этим воспользоваться. Вы не цените свои способности и боитесь претендовать на большее.

– Как вы смеете?! Я совершила научный прорыв!

– Совершили – но только благодаря вашему таланту. В остальном же вы ведёте себя так, как понравилось бы Алопеции. Я грязно вас домогался – а вы потом ещё и извинялись. Подруга выгнала вас из молодёжной компании – только за то, что вы отказались спать с её братом – а вы признали, что это справедливо. Теперь я предлагаю вам занять престол, а вы пытаетесь убедить меня в том, что не достойны и не спо-

собны...

– И это говорите мне вы – протеже Альдагора?!

– Представьте себе, да. Потому что мне хватило духу переосмыслить всё, что с детства вбивали мне в голову. А вы застряли и не хотите двигаться.

Визулинда собиралась было что-то сказать, но осеклась на полуслове.

– Нет, Ваше Высочество, не мужчины мешают женщинам добиваться успеха, – грустно усмехнулся Зугард. – Вы сами себе мешаете... своей неуверенностью.

Визулинда вздохнула и опустила голову.

– Вы переступили через один или два детских комплекса – но не более того, – продолжал Зугард. – Почему вы сомневаетесь в своих способностях? Заводом управлять умеете – и государством сможете. В вашей лаборатории всегда порядок, работники хорошо мотивированы. Вы добры, и в то же время способны принимать тяжёлые решения. Вы трудолюбивы и рассудительны. У вас гибкий ум. Вы не боитесь признавать ошибки. По-моему, вы прекрасно подходите на роль императрицы.

На лице Визулинды появилось выражение какой-то сияющей смущённости. Зугард не льстил – хоть и знал, как действует на принцессу доброе слово.

– Ну, – растерянно произнесла Визулинда, – а вам это зачем? Хотите стать военным диктатором – но так, чтобы сохранить лицо в глазах монархистов?

– Хотел бы я стать диктатором, – вздохнул генерал, – да только вижу, что вам оно всё-таки нужнее... А если серьёзно: вы никогда не думали, что меня тоже кое-что не устраивает?

Принцесса умолкла. Зугарду не хотелось рассказывать о том, что он видел и слышал на Макнамаре. Визулинда больше ни о чём не спрашивала. Влюблённые отметили своё примирение жадными ласками. Генералу даже пришлось подождать, пока пройдут их последствия.

Хельмимиру держали в отдельной каюте на противоположной стороне уровня. Генерал приказал помощнику допросить её, пока сам он допрашивал принцессу. Влюблённые направились к Хельмимире, чтобы предложить ей сотрудничать. Зугард и Визулинда шли по коридорам «Фёдор Михалыча» одни, без всякой охраны. В проёмах генерал пропускал возлюбленную перед собой. На протяжении всего пути встречные солдаты исподтишка пялились на парочку.

Войдя в каюту Хельмимиры, влюблённые увидели следующую картину: Хельмимира стояла посредине и произносила какую-то пламенную речь, а адъютант, развесив уши, сидел в углу. Зугарду показалось, что он вот-вот готов был присоединиться к партизанскому движению. Увидев Зугарда и принцессу, Хельмимира резко умолкла и уставилась на них во все глаза. Адъютант, опомнившись, также посмотрел в их сторону.

«Как кролик перед удавом, – подумал генерал про него и Хельмимиру. – Нужно скорей отправить этого болвана по-

дальше».

Когда адъютант вышел, Хельмимира продолжала ошарашенно пялиться на влюблённых.

– Всё в порядке, – произнесла, наконец, Визулинда. – Мы пришли поговорить...

Зугард видел, как от этого странного «мы» Хельмимира едва не упала.

– Это совсем не то, что вы подумали, – торопливо сказала Визулинда. – Пожалуйста, давайте присядем и обсудим важный вопрос.

Озадаченная, Хельмимира прошла в угол комнаты и заняла место, на котором недавно сидел адъютант. Визулинда села напротив, а Зугард опустился на край койки. Они с принцессой переглянулись, и Визулинда кивнула.

– Итак, тётя, – деловито начал генерал, – сегодня вам повезло. Вы, можно сказать, вытянули счастливый билет – короче, джекпот сорвали... Не благодарите.

– Что он несёт? – быстро спросила Хельмимира, глядя на Визулинду. Та не успела ответить.

– И вместо того, – продолжал Зугард, – чтобы отправить вас куда следует, а потом судить как полагается, я дам вам шанс искупить ваши многочисленные преступления...

Хельмимира презрительно усмехнулась: уж кто бы говорил.

– Генерал предлагает нам сотрудничать, – пояснила принцесса. – Вместе мы могли бы изменить многое.

Генерал и Визулинда посвятили её в свой план. Зугард коротко обрисовал ситуацию в генштабе и набросал варианты переворота.

– Звучит не так уж безумно, – сказала Хельмимира, выслушав Зугарда. – Чтобы захватить престол, не нужны все силы империи... Важны только те гаргрифы, которые окажутся в нужное время в нужном месте.

– Хорошо бы связаться с начальством лагеря на Джоселин, – добавила принцесса. – Мы могли бы вылечить многих пленных партизан, а потом дать им в руки оружие.

Наблюдая за тем, как принцесса входит во вкус, Зугард ощущал умиление. «Вот вы и на тёмной стороне, Ваше Высочество», – радовался он. С каждой минутой заговорщики беседовали всё более оживлённо. Как-то сам собой разговор зашёл в нужное русло – и вот генерал, содрогаясь от какого-то священного трепета, оказался перед разгадкой тайны, за которой охотился так долго.

– Я знаю, – обратился он к Хельмимире, – что у вас есть технология, которая позволяет перемещаться с аномальной скоростью и проникать в жерла пространства-времени. Расскажите мне о ней.

Хельмимира подняла на него удивлённые глаза.

– У вас в руках оказалось много моих кораблей, – произнесла она, помолчав. – Я была уверена, что информация давно выползла наружу.

– Увы, нет, – признался генерал.

Хельмимира вновь задумалась. Юлить было бесполезно.

– Что ж, – произнесла она, – не существует, по сути, никакой технологии... То, что вы ищите, всего лишь ископаемое, которое можно использовать как топливо или добавлять к чистому энтузиазму.

Зугард был ошарашен. Он не знал ни одного ископаемого с такими свойствами.

– Что это и откуда оно? – спросил генерал.

– Это вещество добывают на спутнике планеты Кривоцыца в Елдыринской Губернии, – ответила Хельмимира и, усмехнувшись, добавила: – Там живут космические лоси... И это их помёт.

Уставившись на Хельмимиру, влюблённые молчали. Так прошло несколько секунд. От удивления Зугард не мог произнести ни слова; ему казалось, Хельмимира попросту глумится.

Первой опомнилась Визулинда.

– Извините, но это глупость! – заявила принцесса. – То, что вы говорите, противоречит всем законам природы! Фекалии живых созданий – это смесь типичноорганических веществ. Какой удельный импульс вы хотите получить, сжигая типичноорганику? Это просто смешно! Я даже не говорю об искривлении пространства-времени...

– Я, правда, не знаю, как это работает, – вздохнула Хельмимира. – Но можете проверить «Мэри Шэлли»... Там в двигателе только помёт лосей и окислитель.

– Проверить кого?! – удивился Зугард.

– «Мэри Шэлли», мой летательный аппарат, – пояснила Хельмимира. – Тот самый, что задержали ваши солдаты...

Генерал снова молча посмотрел на неё – а потом вдруг не выдержал.

– Сами вы Мэри Шэлли, – произнёс он, расплываясь в широкой улыбке. – Судя по тому, на каких франкенштейнах летают члены вашей секты!

Союзники договорились обставить всё так, будто бы военные уничтожили очередную партизанскую базу. После этого люди генерала погрузили пленных на свои корабли и заняли трофейные суда. Когда на борту «Фёдор Михалыча» не осталось никого живого, имперцы обстреляли его из всех орудий. Наблюдая за этим из кабины своего флагмана, Зугард обдумывал, чего бы такого написать в рапорте. «Остатки завода представим как лабораторию, где изготавливали карфаген», – решил генерал.

Имперский флот вышел из системы Генриетты-Ливитт и направился обратно на Джоселин. Хельмимира и Визулинда ждали генерала в одной из кают командного отсека. Женщины сидели в креслах и обсуждали всё, что произошло.

– Нет больше «Фёдор Михалыча», – констатировал Зугард, оказавшись в каюте.

Хельмимира грустно усмехнулась.

– И всё же, как вы нашли нашу базу? – спросила она, помолчав.

Зугард рассказал ей правду.

– Проклятье! – выругалась Хельмимира. – Вокруг предатели!

– Не предатели, а идиоты, – поправил её генерал. – Хотя результат и вправду один и тот же...

– Выдайте мне старика!

– Выдам, не сомневайтесь. А впрочем, вы правы: вашим соратникам лучше бы знать поменьше...

Далее, усевшись напротив дам, Зугард предложил Хельмимире идею: что, если организовать её побег с корабля как саботаж?

– Расскажите им хорошую историю, тётя, – говорил Зугард. – Расскажите о том, что среди военных существует подпольное движение – движение бесстрашных, благородных офицеров, которые ценой опасности готовы помочь партизанам...

– А вы уверены, что нам необходим настолько художественный вымысел? – спросила принцесса.

– Я режиссёр, я так вижу, – ответил Зугард. – А вообще, Ваше Высочество, здесь у нас сплошной театр абсурда. И ко всему надо подходить творчески.

Роль спасителя партизан решили доверить адъютанту Зугарда. Генерал позвал его и ввёл в курс дела.

– Твой персонаж – крутой боец, способный уложить десять охранников в одиночку, – рассказывал ему Зугард. – Однако у него внутренняя драма. Его сестра отупела, а мать

покончила с собой – поэтому он и вступил в ряды подпольной организации военных...

– Я пришёл, чтобы чтобы спасти вас, – бормотал адъютант, пытаясь выучить реплики. – Я спасу вас...

– А вы уверены, что нам нужна настолько детальная проработка персонажей? – спросила Визулинда, когда бедняга ушёл готовиться к спектаклю.

– Принцесса, ну вот что вы за скучная женщина! – воскликнул Зугард.

– Вы ненормальный, – вздохнула принцесса. – Хотя, наверное, спектакль интересный получится...

Для членов экипажа флагмана исчезновение пленников действительно выглядело как побег. Правду знали только приближённые Зугарда. Генерал предусмотрительно разместил их на всех стратегически важных локациях: в энергоблоке, в кабине корабля и в отсеке с партизанами. «Тела поверженных охранников» легли на пол у ангара прямо перед началом спектакля. Хельмимиру отвели к её аппарату и оставили ждать.

Когда спектакль начался, один из подчинённых Зугарда остановил энергостанцию. Адъютант генерала пошёл спасать партизан и привёл их к ангару. Потом заработали резервные генераторы – и путь пленников к свободе был открыт. Визулинда, генерал и их доверенные люди наблюдали за побегом партизан через видеокамеры.

– Не верю! – воскликнул Зугард, указывая на «трупы»

у ворот ангара. – Вон тот, справа – почему так ненатурально лежит?

– По-моему, вполне натурально, – сказала принцесса.

– Я что, по-вашему, трупы никогда не видел? Нужно больше, больше Шекспиру! А исполнитель главной роли – почему такое бревно?! У него тут сложный внутренний конфликт – а он ведёт себя, как какой-то Миша Бальзаминов!

– Генерал, они улетели...

Так началась подготовка к перевороту.

Глава 25: Генеральское творчество и метафизика лосей

С тех пор, как Зугард и Визулинда вернулись из системы Генриетты-Ливитт, прошло уже несколько месяцев. За это время генерал успел заручиться поддержкой всех командиров своего «подшефного» подразделения. «Однако этого недостаточно, – рассуждал Зугард. – Нужны союзники и в других частях».

Люди генерала вербовали всех, кого только можно было завербовать безопасно. К каждому претенденту находили особый подход: кому-то осточертела Программа Культурной Доступности, кто-то был недоволен произволом советников, у кого-то отупили близкого человека... Попадались и авантюристы.

Возвращаясь домой со службы, Зугард просматривал списки офицеров. Среди них он выискивал тех, кто не продвинулся по службе за последние годы. Из этой выборки он собирал досье на каждого, стараясь исключить ленивых, трусливых и тупых. Оставались только те военные, которых обошли в званиях из-за личной неприязни или по политическим причинам. «Тебя-то мне и надо!» – радовался Зугард, когда удавалось переманить на свою сторону какого-нибудь толкового и недовольного жизнью капитана.

Однажды, сидя у себя в кабинете, Зугард просматривал очередной список выпускников военной академии. Он заметил одного подходящего претендента и уже собрался было проверить его через базу данных, как внезапно послышался сигнал радиосвязи.

«Это ещё кто? – удивлённо подумал Зугард. – Возможно, Визулинда?»

Вопреки догадкам генерала, поздним гостем оказался Готфрид. Зугард нажал кнопку, чтобы открыть для него ворота посадочной площадки, а сам поспешно вышел из кабинета и поднялся в холл, откуда выходила дверь наружу. К этому времени Готфрида уже досматривал охранный дроид – огромная машина на металлическом каркасе, вооружённая автоматом и двухствольной лазерной пушкой.

– Обнаружен пистолет модели «грэйс-хоппер», – заявил дроид. – Сдайте оружие.

– Отставить обыск, – приказал Зугард.

Дроид застыл на месте. Генерал подошёл к панели у входа и закрыл ворота стоянки.

– Пойдём, – сказал Зугард, обращаясь к Готфриду.

Оба мундиморийца направились в кабинет. Оказавшись внутри, генерал заблокировал дверь и опустил защитки на окнах. Были поздние сумерки, и освещение в комнате почти не поменялось: две настенных лампы обдавали ярким светом массивный стол, за которым до этого работал Зугард.

– Что у тебя? – спросил генерал, остановившись у стола.

– Ультраправые тоже готовят переворот, – выдал Готфрид без всяких предисловий.

Несколько секунд Зугард обескураженно молчал.

– Вот сволочи! – выругался он, наконец. – А впрочем, этого и следовало ожидать...

Генерал положил руки в карманы форменных брюк и прошёлся по комнате.

– Как вы узнали? – спросил Зугард.

– Бергман из двести тридцать седьмой части, которого мы завербовали в прошлом месяце... Ультраправые тоже пытались его вербовать.

– Что он им сказал?

– Он парень смышлёный: взял да и согласился... А потом пошёл и рассказал всё мне.

Восхищённый смелостью Бергмана из двести тридцать седьмой части, Зугард слегка усмехнулся: таких авантюристов он любил. «Нужно взять его на заметку», – подумал генерал.

– Похоже, Трисберт использует тот же алгоритм, что и мы, – произнёс он, помолчав. – Это плохо. Завтра придём к какому-нибудь толковому и недовольному – а его уже ультраправые обработали...

– Сдадим их Эрмеону, – предложил Готфрид.

Зугард продолжал прохаживаться по комнате. Дойдя до шкафа у стены, он бессознательно захлопнул едва приоткрывшуюся дверцу. Чучело большого белого попугая, кото-

рое стояло на шкафу, слегка качнулось.

– Сдать их Эрмеону – это хорошо, – произнёс, наконец, генерал. – Только вот потом закрутят гайки: начнутся допросы, аресты... Где гарантия, что и наша затея не пострадает?

Готфрид нахмурился; его суровое выражение лица выдавало работу мысли.

– Опять же, они и меры безопасности усилят, – продолжал Зугард. – Тогда будет намного сложнее провернуть то, что мы задумали.

– Бергман слышал, что ультраправые завербовали начальника военной базы в Эллен-Своллоу-Ричардс, – доложил Готфрид.

– Ещё бы не завербовали! С его-то взглядами... Что ещё знает твой Бергман?

– Больше ничего. Он в звании капитана, зачем ему что-то рассказывать? В нужное время он просто поведёт людей, куда скажут.

– А вербовал кто?

– Ильмимор и двое командиров из его части.

– Где именно они говорили?

– На «Злачной террасе».

– Они что, ничего получше не придумали? Такие беседы только в кабаках и вести!

– Там большая открытая территория и изолированные беседки. Бергман говорит, они это место облюбовали.

– Вот же идиоты!

– Возможно, у них свои люди среди персонала.

Зугард снова погрузился в раздумья.

– Нужно действовать, – сказал Готфрид. – Ударим завтра, послезавтра – так скоро, как сможем. Нельзя, чтобы они нас опередили.

Зугард печально усмехнулся: «Легко сказать!» К этому времени Визулинда вылечила только человек пятьдесят – не больше. А ещё партизаны собрали не так много лосиных экс-крементов, как планировали. Чтобы им не приходилось каждый раз летать на Пищимуху, Зугард предложил Хельмими-ре разводить лосей прямо в его имении на Розалинд-Франклин. Для этого он даже снёс фамильный особняк. Партизаны только-только построили загон и привезли туда всего троих особей.

– А знаешь, Готфрид, что мне сейчас в голову пришло? – произнёс генерал, отходя в другой конец комнаты – Это ведь настоящая удача – параллельный заговор...

Готфрид, который до этого стоял, нахмурившись, поднял на генерала удивлённые глаза.

– Ты только представь, – продолжал Зугард, – какой это ценный ресурс при правильном подходе! Можно, к примеру, доставать информацию...

– Вряд ли. Этого не могут даже Тайный Комитет и внутренняя разведка.

– А мы подсунем Трисберту «медовых ловушек».

– Долго ждать результата.

– А что, если в момент восстания прикинуться ультраправыми и обмануть начальника военной базы?

– А как мы узнаем, когда наступит «момент восстания»?

Зугард умолк, задумавшись. Однако его фантазия получила нужный импульс – и её было уже не остановить. Сюжеты роились в голове генерала, и необходимо было лишь зацепиться за край идеи – так, чтобы поймать её на лету и сделать осязаемой.

– А что, если захватить Трисберта и командовать вместо него? – рассуждал Зугард. – Или явиться к Брандомонду на час раньше, чем это сделают ультраправые...

– Очень хорошо, – произнёс Готфрид. – Но я вам ещё раз говорю: для этого нужно знать точное время начала переворота. А как мы его узнаем?

– Ты прав, – сказал Зугард, опомнившись. – Исхожу из невысказанных условий...

Генерал тяжело вздохнул и продолжал ходить по кабинету, напряжённо думая. Все его планы были связаны с тем, какой бы сюрприз устроить ультраправым – но в порыве вдохновения он абсолютно не учитывал, что не владеет информацией. В какой-то момент он невольно посмотрел вверх и увидел чучело попугая, которое стояло на шкафу... Внезапно в голове у Зугарда будто что-то вспыхнуло – и тут же он наткнулся на занятный сюжетец.

– Готфрид, – произнёс генерал, – а что, если поставить небольшой спектакль с реквизитом?

Всю ночь Зугард не спал, обдумывая детали своего дерзкого плана. Как только наступило утро, он позвонил в ту самую контору, где заказывал свою «псевдопринцессу».

– Вы делаете модели птиц? – спросил генерал у директора. – Мой любимый попугай скончался...

Для того, чтобы установить камеру внутрь дроида, пригласили самого толкового связиста, какой только нашёлся среди заговорщиков. После этого оставалось только ждать удобного случая. К счастью для Зугарда, ему повезло: удобный случай представился довольно скоро.

Через месяц после того, как Зугард узнал о плане Трисберта захватить власть, капитан Бергман из двести тридцать седьмой части вновь явился к Готфриду с новостями. Оказалось, что ультраправые собрались вербовать его знакомого офицера – за дружеской беседой на той же «Злачной террасе».

– Ваш выход, ребята, – сказал генерал, связавшись с подручными.

Операция, которую запланировал Зугард, прошла успешно. Уже на следующий день он отправил Трисберту сообщение, в котором пригласил его пострелять по отдалённым мишеням на открытой поляне. «Место, где нас точно не подслушают», – решил Зугард.

Трисберт явился на полчаса раньше. Было заметно, что он нервничал. Генералы получили винтовки у прапорщика, который заведовал складом. Они отпустили адъютантов и от-

правились на стрельбище. По дороге оба молчали. Вскоре они оказались у метки отсчёта. Позади было здание склада, вокруг – поле. Впереди на расстоянии пятидесяти миллиэклов летали дроны-мишени.

Зугард надел защиту для ушей, зафиксировал приклад к плечу, прицелился и нажал на спусковой крючок. Трисберт последовал его примеру. Так они сделали по несколько выстрелов. После этого Трисберт снял наушники и повернулся лицом к Зугарду. Заметив это, Зугард прекратил стрелять и тоже снял защиту для ушей.

– Зачем вы меня позвали? – спросил Трисберт.

– Полагаю, вы догадываетесь, – ответил Зугард. – Впрочем, не буду тянуть. Итак, мне известно о том, что вы готовите переворот.

Выражение лица Трисберта ничуть не изменилось – только в глазах промелькнула свирепая досада.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – сказал он.

– Всё вы понимаете. К чему отпираться?

Отпираться было действительно глупо. На секунду Трисберт умолк.

– Что вам нужно? – спросил он, наконец.

Зугард усмехнулся.

– Мне известно многое – и всё же я здесь, а не в кабинете Эрмеона...

– Как вы узнали?

Начиналась самая интересная часть спектакля – та, к ко-

торой готовились особенно усердно.

– Я узнал обо всём случайно. И лучше бы это был только я.

– О чём вы говорите?

Вместо ответа Зугард натянул защиту для ушей и жестом показал собеседнику сделать то же самое. Слегка развернувшись, он зафиксировал приклад и выстрелил. Трисберт повторил за ним: нельзя было выдавать себя странной тишиной. Когда очередная серия была окончена, собеседники могли продолжать разговор.

– Итак, я расскажу вам вкратце, – начал Зугард. – Не далее, как вчера, мой помощник принёс мне видеозапись. Она досталась ему на «Злачной террасе», когда они с другом выпивали. Друг хватил лишнего и устроил дебош. Мой помощник пытался его успокоить, но всё напрасно: малый разошёлся так, что стал стрелять в воздух. Он, кажется, подстрелил какую-то птицу. Охрана повязала его. Мой помощник хотел было пойти за ним в отделение, но вдруг увидел под ногами труп этой самой птички... Так вот, генерал, это была вовсе не птичка, а биодроид, который следил за посетителями «Злачной террасы» ...

Трисберт побледнел.

– Устройство записи осталось целым, – продолжал Зугард. – Что мог сделать мой помощник? Разумеется, он мог оставить всё как есть – но тогда записью могли воспользоваться враги империи... Как честный малый, он решился забрать устройство – и отдал его мне.

– Он что, не смотрел его?

– Не могу за это ручаться – хоть и знаю, что он человек слова. Зато я посмотрел видео от начала до конца... Сперва мне показалось, что я не увижу ничего интересного. Кое-что приходилось проматывать. Внезапно я услышал разговор двоих ваших подчинённых... И здесь, думаю, комментарии излишни. Вы ведь и сами знаете, о чём они говорили с тем капитаном из триста сорок пятой части...

Зугард играл роль с большим старанием. «Похоже, этот негодяй купился!» – взволнованно думал он, глядя в испуганные глаза своего спутника.

– Устройство передавало информацию на расстоянии? – спросил Трисберт.

– Да нет же! – успокоил его Зугард. – Эти модели только пишут. Не думаю, что вы на крючке. Просто одна из «птичек» не прилетела, куда следует. И из-за этого рядовой сотрудник Тайного Комитета лишился части ежедневной работы.

– Где запись?

Зугард повесил винтовку на плечо, запустил руку в карман кителя, вытащил оттуда устройство и протянул его Трисберту. Тот взял его и немедленно спрятал.

Оба генерала провели на стрельбище ещё некоторое время – так, чтобы их тренировка выглядела правдоподобной. Было совсем не сложно проверить, не врал ли Зугард. Роль дебошира исполнил Фридрих. Адьютант Зугарда – тот са-

мый «честный малый» – еле успел схватить подстреленного дроида, на которого уже было позарился какой-то официант.

«Трисберт интересуется этой историей, – доложил своему генералу Готфрид. – Его люди опрашивают работников «злачной террасы».

В конце концов, Зугард стал участником параллельного заговора. «Вот вы и попались, мерзавцы!» – думал он каждый раз, когда ему приходилось бывать в обществе ультраправых. Там он держался скромно и время от времени изображал интерес к их идеям – правда, без особого рвения, чтобы его не заподозрили в амбициях.

Зугарду не терпелось похвастаться успехами перед Визулиндой. Влюблённые отыгрывали «тайную порочную связь» и совсем не боялись, что их раскроют. Генерал отлично знал нравы в среде силовиков.

«Они решат, что мы с принцессой просто трахаемся, – рассуждал он. – Они ведь не понимают, что с красивой женщиной можно не только трахаться! А втайне трахаемся – это потому что я репутацию берегу. Мало ли, захочу жениться на дочке Эрмеона? Офицерам позволено ходить к придворным шлюхам, однако лучше держаться подальше от феминисток-учёных».

Генерал и принцесса редко встречались и почти не говорили о делах. Если нужно было сказать что-то важное, они шептались друг другу на ухо прямо в постели.

«Влюблённые – лучшие заговорщики», – тихо посмеивал-

ся Зугард, лаская любимую, и в эти короткие моменты счастья опасность казалась ему совсем уж игрушечной.

Однажды генерал и принцесса договорились лететь на Розалинд-Франклин – узнать, как идут дела у подопечных. За лосями ухаживали деваха-камиказе, идиот-елдыринец и качкаиды: Олаф, Катерина, Йозеф и Людмила. Иногда в имение наведывался девахин брат Гардиальд. Зугард немного ревновал к нему из-за давней истории, которую когда-то рассказывала принцесса. В этот раз она отправилась на Розалинд раньше генерала: Эрмеон подписал его увольнительную только через дней шесть. С другой стороны, так было даже лучше: влюблённые вроде бы и не вместе улетели в путешествие.

Личный корабль Зугарда стоял на космодроме в Беатрис-Тинслей. Мундимориец сперва нанял сторонних пилотов, а потом отказался от их услуг и полетел вместе с проверенными людьми. Устроившись на диване в пассажирской каюте, он воображал, как сильно удивится принцесса, когда узнает о союзе с ультраправыми.

«Хорошо бы и с Хельмимирой лично встретиться», – думал Зугард. За последнее время он обнаружил, что партизанское движение совсем не отмирало. Наоборот, из военной секты оно превращалось в мощную подпольную организацию. Партизанам принадлежали заводы, которыми Хельмимира управляла через третьих лиц. Среди подпольщиков были крупные чиновники. Даже в Исполнительной Палате

уже намечались их лобби.

Дорога заняла более двадцати часов по джоселинскому счёту. Зугард намеренно не использовал фекалии лосей: нельзя было выдавать секреты даже подручным. К тому же, основная часть фекалий находилась у подпольщиков. Их доставляли на планету Лиза-Мейтнер, а потом везли на Джоселин под видом продуктов корпорации «Копрорация».

Незадолго до приземления Зугард успел поесть и поспать. Его разбудил сигнал из кабины: первый пилот доложил, что корабль входит в атмосферу Розалинд-Франклин. Зугард включил экран, который был связан с одной из внешних камер – и тут же генерала ослепил яркий свет. В той части Розалинд-Франклин, где находились редкие участки суши, всегда стояла тёплая погода. Сперва не было видно ничего, кроме облаков; по мере того, как корабль снижался, Зугард всё яснее различал внизу огромный океан, которым была покрыта планета. Наконец, аппарат спустился настолько, что стало возможно рассмотреть крошечные родинки-острова. Из кабины вновь слышались переговоры: пилоты просили разрешения сесть на местном космодроме.

«Прибыли!» – довольно подумал Зугард, вновь откидываясь на диван.

Когда корабль приземлился, мундимориец пошёл в ангар, где его ждал сотрудник космодрома. Зугард предъявил ему все необходимые документы. Бюрократические процедуры удалось закончить довольно быстро; генерал попрощался с

чиновником и сел в телекоптер. Это даже не был его аппарат; Зугард взял его напрокат перед поездкой – через третьих лиц. Открылись ворота – и мундимориец поспешил направить аппарат в туннель, который выходил за пределы космодрома. Оказавшись над морем, Зугард перевёл навигатор с джоселинской системы координат на местную. Путь к Визулинде был свободен.

Сердце генерала забилося быстрее, как только он оказался над островом, где жила принцесса. Стоянка на крыше её дома была открыта. Снижаясь, генерал заметил аппарат Визулинды. Там же стояли двое охранных дроидов – немного попроще, чем у самого генерала, с одноствольными лазерными пушками. Зугард сказал им кодовую фразу – и один из них разблокировал вход в мансарду, откуда генерал спустился в жилище возлюбленной. «Ну где же вы, Ваше Высочество?» – думал мундимориец, плотоядно рыская по комнатам. На столе в кабинете лежала записка: «Посмотрите в окно». Зугард спешно последовал совету – и увидел ослепительное небо, белый песок и бетонный пирс... «Яхты нет, – пронеслось в голове у генерала. – Значит, Визулинда в моём имении!»

Только теперь мундимориец заметил, что вспотел: на нём были брюки из тонкой шерсти и плотный свитер. В гардеробной находились вещи, которые Зугард оставил здесь во время прошлого визита; генерал переоделся, вернулся к своему телекоптеру и отправился на соседний остров.

Лететь пришлось совсем недолго: несколько минут – и внизу показался золотистый участок суши с редкими зелёными пятнышками. Когда-то здесь стоял фамильный особняк семьи Зугарда; теперь же от него осталось немного: сторожка, генераторная, склады и посадочная площадка. Здания казались крошечными на фоне огромного купола белиберды, который возвышался над лосиным загоном: нельзя было просто взять и привязать лосей верёвками, чтобы они не улетели. Купол создавали два генератора, которые стояли друг напротив друга. Зугард и Визулинда потратили на эту затею целое состояние. Знакомым генерал рассказывал, будто ему привезли редких животных для охоты. Подлетая, он заметил в море лодку партизан: похоже, они рыбачили. Яхта Визулинды стояла у причала.

Посадочная площадка представляла собой широкую плиту, которая лежала прямо на земле. Зугард аккуратно посадил свой аппарат на свободное место; другие же места занимали капсулы партизан. Одного из них – это был, скорее всего, Олаф – Зугард увидел сразу же, как только вышел из аппарата. Партизан чинил капсулу; вокруг его головы была повязана тряпочка. Рядом находился дроид-погрузчик.

– Здравсте! – поздоровался качкоид, завидев генерала.

– Здравсте, – усмехнулся Зугард, подойдя ближе. – Как у вас дела?

– Да как есть, – произнёс Олаф, и Зугарду показалось, что он помрачнел.

– В смысле? Принцесса здесь?

– Здесь, лосей пасёт. Сама вызвалась.

Олаф обернулся в сторону дома и звучным голосом прокричал:

– Степанида! Барин явился!

Партизаны в шутку называли Зугарда «барин», «сиятельство» и «превосходительство». Иногда они даже подшучивали над генералом прямо в лицо.

Вскоре из дома – это была сторожка, два этажа и семь жилых комнат – вышла та самая деваха-камикадзе, которая едва не взорвала «Фёдор-Михалыча». Благодаря Олафу Зугард вспомнил её имя – Стефания. На ней были майка и камуфляжные штаны, подогнутые до колена.

– Приветствую, – холодно произнесла Стефания.

– Как идут дела с лосями? – спросил генерал. – Привезли ещё особей?

– Привезли, на прошлой неделе, – ответила партизанка. – Но проблема в том, что их помёт никуда не годится.

Генерала будто водой окатило. «Что она несёт?! – пронеслось у него в голове. – Быть такого не может!»

– Что значит «не годится»? – возмутился Зугард. – С чего вы взяли?

Стефания рассказала, что на прошлой неделе они с ребятами собрались лететь на орбиту – стыковаться с кораблём, чтобы забрать оттуда пресную воду, сырьё и медикаменты. Впервые за всё время партизаны заправили свои капсулы по-

мётом, который собрали в имении.

– Включила двигатели – а они не нагреваются, – говорила партизанка. – Хотя все системы исправны. С другими кораблями то же самое. Пришлось на чистом энтузиазме лететь.

Лицо молодой женщины было спокойно – однако в глазах её мундимориец внезапно усмотрел скрытую злость. Визулинда рассказывала ему про эту деваху: это она протрадала на Макнамаре.

– Нужно проверить ещё раз, – произнёс генерал, помолчав. – Спустите топливо из моего аппарата и загрузите туда фекалии.

Стефания грустно усмехнулась.

– Проверить-то можно, – сказала она, – только даже с аппаратом Визулинды ничего не вышло.

– Делайте, что говорю! – воскликнул Зугард.

– Олаф, – проговорила Стефания, обращаясь к партизану, – Его Сиятельство желает проверить, не совсем ли мы идиоты... Спусти топливо, а я принесу фекалии.

С этими словами она отправилась на склад. Олаф, который уже успел вернуться к работе, вновь посмотрел на Зугарда.

– Кстати, Ваше Сиятельство, – внезапно произнёс качкоид, – а вы нам случайно водички пресной не привезли?

Зугард был вне себя: мало того, что с фекалиями проблема, так ещё и челядь издевается! Не в силах произнести ни слова, он сунул пульт от своего аппарата Олафу в

руки, а сам ушёл искать принцессу. «Что, мать его, происходит?!» – недоумевал мундимориец. Тысячи космоугриков, месяцы подготовки – и вот партизаны говорят, что затея провалилась... От таких мыслей волосы вставали у Зугарда на голове, и хотелось кого-нибудь пристрелить. «Наглые плебеи, – думал он о партизанах. – Живут на моей территории – да ещё и смеют надо мной подшучивать... Никакой субординации!»

В поисках прекрасной пастушки пришлось обойти вокруг загона. Её Высочество сидела прямо на траве; генерал издалека заметил её тканевую шляпу и белое платье в цветочек. Принцесса делала какие-то пометки стилусом на мониторе транслятора. Время от времени она отрывалась и смотрела в сторону загона – туда, где под желтоватой пелной белиберды паслись космические лоси.

Увидев Зугарда, Визулинда отложила транслятор и немедленно встала, выдавая свою радость порывистым движением. Генерал подошёл к ней и обнял; влюблённые стояли так некоторое время. Наконец, Визулинда отстранилась – и во взгляде её Зугард ощутил тревогу.

– Что здесь происходит? – спросил он. – Что с лосями?

– Не знаю, – отозвалась Визулинда. – Партизаны внезапно выяснили, что те экскременты, которые они собрали здесь, никуда не годятся... Когда я приехала, мы пробовали заправить мой аппарат – и всё без толку.

– Хельмимира знает?

– Думаю, да. Те, кто привозил нам воду и медикаменты, должны были ей рассказать.

Зугард освободил принцессу от объятий и устался на загон. Мундимориец видел, как некоторые лоси бились о белиберду.

– Проклятье, – проговорил он тихо. – Что с ними не так?!

– Я наблюдаю за ними уже несколько дней, – сказала Визулинда. – Те, кого привезли недавно, буйные, а те, кто живёт здесь с самого начала, ведут себя апатично. Я постоянно замеряю температуру внутри загона. Думаю, это имеет значение: ведь на Пицимухе температура ниже, чем здесь...

– Нужно выяснить, почему помёт потерял полезные свойства. Времени у нас меньше, чем мы думали.

– Я как раз прорабатываю одну идею. Вчера мы возили лосей на спутник – и вот теперь ждём результат.

– А на спутник их зачем было везти?

– Чтобы создать условия, максимально приближенные к условиям космического пространства. На спутнике нет атмосферы и есть интенсивное излучение. Возможно, белиберда влияет на свойства света.

– Надо же! И как партизаны умудрились их туда затащить?

– По одному в каждую капсулу и в несколько заходов. Благо, у нас есть дроиды-погрузчики!

Задумавшись, генерал продолжал наблюдать за загонем. Внезапно произошло нечто странное: кислородные пузыри

на шеях лосей стали увеличиваться в размерах, пока не закрыли собой лосиные ноздри.

– Что это? – спросил Зугард.

– Они инкапсулируют морды! – воскликнула принцесса. – Нужно дать кислород!

Зугарду ничего не оставалось, кроме как последовать за любимой. Принцесса поспешила к генератору кислорода. Оказавшись возле него, Визулинда нажала на рычаг – и тут же послышалось негромкое гудение. Генератор стоял у входа в подземный туннель, куда спускался клапан, который выходил прямо в центре загона.

– Зачем кислород? – удивился Зугард. – Лоси ведь сами фотосинтезируют!

– Всё равно иногда нужно добавлять им немного кислорода, – отозвалась принцесса. – Я пытаюсь создать условия, максимально похожие на атмосферу Пищимухи.

– Так вот, что означает «пасти лосей»! – догадался Зугард.

– Ага, то и означает, – улыбнулась принцесса. – А ещё я вижу, что пора собирать помёт. Давайте дождёмся окончания цикла генерации, а потом вернёмся к дому.

По дороге к дому генерал держал любимую за руку – правда, как только показали постройки, руку принцессы пришлось отпустить. У посадочной площадки влюблённых ждала ироничная, торжествующая Стефания.

– Поздравляю, Ваше Сиятельство, – сказала она, как только Зугард приблизился. – Ваш аппарат не взлетел.

«Вот так стерва!» – подумал генерал. Краем глаза он заметил, как по двору прошёлся погрузочный дроид с двумя вёдрами воды. Следом, держа пульт управления обеими руками, ступала босая баба. К удивлению Зугарда, она была брюхата.

– Людк, а Людк? – окликнул её Олаф, который всё ещё возился с капсулой. – Давай чем подсоблю!

– Ой, да сама справлюсь, – отозвалась баба и направила дроида в дом.

«Ещё и плодятся на моей территории! – мысленно возмутился Зугард. – Совсем охренели!»

– Нужно и лосям в поилку воды добавить, – проговорила принцесса. – И, думаю, пора собирать экскременты. Есть ещё надежда получить хорошее топливо.

– Скоро пойдём в загон, – ответила Стефания. – Только ребята с рыбалки вернутся.

Вскоре вернулись рыбаки, таща с собой полный контейнер улова. Зугард вновь увидел Дюнделя, который привёл его на партизанскую базу. «Вот ведь судьба у парня! – усмехнулся генерал. – И вечно у меня в гостях обретается...»

Ребята приготовили уху из моллюсков. Зугард не ел, погружённый в свои невесёлые мысли. Наконец, трапеза была окончена; партизаны собрались идти в загон, а беременная Людмила осталась чистить рыбу, чтобы пожарить её к ужину.

– Давай, останусь подсоблю тебе, – снова предложил ей Олаф.

– Да справлюсь я, – отозвалась Людмила. – Идите вы лучше говно собирайте!

В загон отправилась целая процессия: генерал, принцесса, пятеро партизан и трое погрузочных дроидов, которые тащили воду для лосей. Как только все оказались на месте, Стефания добавила в сырьё для кислорода слабый седативный препарат и включила генератор. Спустя некоторое время лоси уснули: некоторые из них застыли, прикрыв глаза, а некоторые даже опустили на землю. Убедившись, что все животные спят, партизаны сняли поле белиберды. На сбор фекалий у ребят было всего полчаса по местному счёту; после этого лоси могли проснуться.

– Нужно усыплять их очень осторожно, – говорила Визулинда. – Препараты могут нанести им вред.

Тем временем партизаны, надев перчатки, принялись собирать помёт и складывать его в большие пакеты. Фекалии были плотные, почти твёрдые; сборщики утрамбовывали их так, чтобы в пакет поместилось побольше. Ребята работали слаженно: каждый «прочёсывал» свой кусок территории. Правда, фекалии располагались неравномерно: почему-то именно в одном из участков загона их было больше всего. Партизаны шутили, что именно там у лосей находилась уборная. Визулинда управляла погрузочными дронидами: каждый из них по очереди лил воду в поилку.

Наблюдая за всем этим, генерал понемногу воспрял духом: теперь ему казалось, что план Визулинды сработает.

– Живее, живее! – говорил он, расхаживая по периметру загона. – Нужно собрать всё без остатка!

– А вы, Ваше Сиятельство, взяли бы да и помогли, – сказала рыбачка Катерина.

Йозеф, который оказался рядом с ней, громко заржал.

– Дура, – проговорил он, не прекращая собирать какахи, – что ж ты генералу ручки марать предлагаешь? Он сроду говна не нюхал!

Катерина рассмеялась.

– Эй вы, – крикнула Стефания, обращаясь к соратникам, – не мешайте генералу командовать сбором фекалий... Он у нас сегодня говнокомандующий!

Партизаны зашлись неистовым хохотом; шутку услышали даже Олаф и Дюндель, которые работали поодаль. Зугард посмотрел на Визулинду – и с ужасом увидел, что и принцесса прикрыла губы рукой, едва сдерживая улыбку.

– Сволочи! – крикнул мундимориец, содрогаясь от ярости. – Да вы хоть представляете, что я с вами сделаю за ваши шуточки?!

Хохот немедленно стих. Партизаны – все пятеро – остановили работу и уставились на Зугарда.

– В смысле, что сделаете? – спросила Стефания. – Снова пальнёте лазером по мирным гуманоидам?

Зугард почувствовал, как лицо его покрылось краской стыда и злобы, а в груди что-то болезненно защемило.

– Нет, мать твою, – произнёс он, – буду ждать, пока эти

«мирные гуманоиды» не уничтожат мой флот!

– Давайте, продолжайте оправдывать свои зверства, – презрительно усмехнулась Стефания. – Про вас, наверное, и в учебниках напишут, какой вы замечательный...

– Довольно! – внезапно воскликнула Визулинда.

Партизаны мгновенно устремили взгляды на неё; Зугард, не веря своим ушам, изумлённо уставился на любимую.

– Довольно! – повторила принцесса. – Хватит упрекать того, кто и так сожалеет!

– Ребята, простите, что встречаю, – послышался смущённый голос Дюнделя, – но у нас как бы шесть минут осталось...

Партизаны бросились собирать фекалии. Бледнея, Зугард смотрел на Визулинду; та, не отрывая взгляда, смотрела в ответ.

– Она его выгораживает, потому что с ним трахается, – тихо проговорил Йозеф, уверенный в том, что его услышала лишь Катерина.

– Потому и я тебя, придурка, вечно выгораживаю, – отозвалась Катерина.

Йозеф на минуту умолк, явно смутившись.

– Нет, ну а что? – произнёс он, наконец. – Генералы с принцессами трахаются – а нам, что ли, нельзя?

– Партизаны, к генераторам! – скомандовала Стефания.

Каждый из партизан знал свою позицию. Стефания, Дюндель и Олаф побежали к одному генератору, а Йозеф и Ка-

терина – к другому. Тем временем, лоси начинали просыпаться: одни шевелили ушами, другие трясли головой. В тот самый момент, когда какой-то резвый лось попытался взлететь в воздух, партизаны нажали рычаги на генераторах – и над загоном вновь появился прозрачный желтоватый купол. Очередная миссия по сбору фекалий была окончена.

К дому возвращались молча. Зугард и Визулинда шли впереди, за ними – на некотором расстоянии – погрузочные дроиды, потом – партизаны с пакетами. Среди них были все, кроме Катерины: она осталась пасти лосей. Зугард понятия не имел, кто из партизан держал пульт управления дроидами: генералу не хотелось оборачиваться.

Наконец, собиратели помёта вновь оказались у посадочной площадки.

– Пора проверить, что получилось! – воскликнула принцесса.

– Чего тянуть? Попробуем! – усмехнулся Олаф.

Партизаны стали загружать свежий помёт в двигатель одной из капсул – уродливого розового телекоптера, который был переделан для полётов в космосе. Когда аппарат заправили, Стефания зашла в кабину и закрыла за собой выход.

– Давай же! – нетерпеливо воскликнула принцесса.

Зугард волновался. «Если всё получится – конец тревогам!» – думал генерал, наблюдая за капсулой. Казалось: вот-вот она взмлет в небо! Партизаны, обступив посадочную площадку, коротко переговаривались.

– Ну что же она? – повторяла Визулинда. – Почему она не летит?

Наконец, двери аппарата открылись – и оттуда, поджав губы, вышла Стефания.

– Ничего не вышло, – резко проговорила она.

Послышались разочарованные вздохи партизан; Йозеф махнул рукой и направился к дому.

– Я не верю! – воскликнула Визулинда. – Дай мне попробовать!

– Пробуй, – безразлично произнесла Стефания и, проходя мимо, отдала ей пульт.

Принцесса бросилась в кабину аппарата. Закрылись двери, и все, кто собрался на стоянке, вновь принялись ждать... Сердце генерало забилось ещё чаще; партизаны встревоженно переговаривались. Прошло ещё немного времени – и вот Визулинда вышла из кабины с поникшей головой. Всё было бесполезно.

Жара начинала спадать; обжигающее солнце Розалинд-Франклин готовилось опуститься в океан. Партизаны развели костёр на заднем дворе сторожки; Людмила начистила рыбы, и партизаны жарили её над огнём, нанизывая на специальные шпаги. Этой ночью лосей должен был пасти Дюндель; елдыринец поужинал и отправился отдохнуть в одну из спален.

– Нужно добраться домой до того, как стемнеет, – сказала принцесса Зугарду.

– Полетим на моём аппарате, – предложил генерал.

– Нет, я хотела бы вернуть яхту.

Влюблённые договорились встретиться у причала в имении Визулинды. Двигаясь по воздуху, Зугард прибыл туда раньше. Он спустился в комнаты, взял из гардеробной покрывало, включил на веранде свет и отправился на берег. Было всё ещё светло, но краски уже потеряли свою резкость; небо на горизонте порозовело, а море стало фиолетовым.

«Скорее бы явилась Её Высочество!» – волновался Зугард. Ему не нравилось, когда принцесса оставалась в море после захода солнца. Однажды Визулинда рассказала генералу историю своей тётки: та погибла, когда её яхта перевернулась в шторм... «Женщинам нельзя доверять корабли!» – сказал Сигрис Гордетольф, будучи на её похоронах. Вскоре после этого Визулинда купила яхту, наняла инструктора и научилась сама ходить в море.

Генерала до сих пор трясло из-за стычки с партизанами. Он чувствовал себя униженным – и одновременно понимал, что его изобличали жертвы его же военного преступления. К тому же, Зугард был в растерянности из-за поведения Визулинды. Он радовался тому, что любимая поняла его и простила – но, с другой стороны, это было как-то неправильно: красавица спасла рыцаря...

Наконец, на горизонте показалась тёмная точка. Понемногу она приблизилась – и мундимориец различил яхту принцессы. Визулинда помахала ему издалека, но тут же от-

влеклась на управление: нужно было пришвартоваться. Яхта сбавила скорость и развернулась кормой вперёд. На корпусе красовалась надпись: «Неравенство Ладыженской». Зугард припомнил, как обсуждал это название с принцессой: «неравенство Ладыженской» – математическая формула, и «неравенство Ладыженской» – положение математика Ольги Ладыженской относительно коллег-мужчин... Визулинда любила такие каламбуры.

Тем временем яхта на медленном ходу приблизилась к пирсу. Опомившись, генерал быстрым шагом направился встречать возлюбленную. Визулинда подвела яхту к причальной стенке; затем принцесса встала, взяла оба швартовых троса в руки, грациозно спрыгнула на пирс и поочерёдно привязала тросы к специальным кольцам. Зугард хотел было обнять любимую, но она воскликнула: «Подождите, ещё не всё!», после чего закинула свободные концы тросов обратно на борт и вернулась туда сама.

– Нужно завести за утку и привязать получше, – сказала Визулинда, закрепляя тросы на фиксаторах.

Генералу хотелось ей помочь – и внезапно он понял, что совсем не разбирается в яхтинге. Когда-то у его отца тоже была яхта, но ею занимались нанятые люди. Будучи ребёнком, Зугард путешествовал по морю с родителями и прислугой; теперь же ему оставалось только стоять и смотреть, как любимая, надев перчатки, подвязывает муринг.

Визулинда проверила натяжение, выключила двигатели и

выровняла штурвал. Зугард подал ей руку; Визулинда скинула перчатки и приняла помощь.

– Только теперь вспомнила, что забыла у вас в имении свой транслятор, – сказала принцесса, когда они с генералом шли к берегу.

– Хотите, слетаю? – спросил Зугард.

– Не надо, завтра заберём.

Горизонт окрасился коралловым; небо потемнело. Влюблённые сошли на песок; через несколько шагов принцесса сняла сандалии.

– И вы, Ваше Высочество, не гнушаетесь разуваться вне дома! – в шутку упрекнул возлюбленную Зугард. – Разве вы не знаете, что босиком ходят лишь простолюдинки?

– Да вы сноб, генерал, – усмехнулась принцесса. – Поэтому над вами и смеются партизаны.

Воспоминание о недавнем бесчестье отозвалось в груди Зугарда болезненным уколом.

– А впрочем, не сердитесь на них, – поспешно произнесла Визулинда. – Они народ вольный: даже над Хельмимирой подшучивают...

– Мне плевать на то, что говорят плебеи.

– Об этом я и говорю! Они прекрасно видят, как сильно вы заноситесь над ними и каким быдлом вы их считаете... Как тут не пошутить?

Зугард удивлённо посмотрел на Визулинду: она улыбалась.

– Полагаю, у меня есть право вести себя соответственно моему положению, – отчеканил мундимориец.

– Тогда ловите насмешки, дорогой, – спокойно сказала принцесса.

– Я думал, вы на моей стороне! – воскликнул Зугард.

– Я на вашей стороне, и поэтому говорю вам правду. Но мы не обязаны потакать друг другу только потому, что «трахаемся», как сказал Йозеф.

– Вы даже по именам их знаете!

– И вы знаете. Разве нет?

– Я путаю Катерину и Людмилу, а Степаниду и вовсе за-
памятовал...

– Вот видите: вы не безнадёжны.

Зугард заметил подходящее место, остановился и расстелил покрывало. Визулинда уселась, подогнув колени; сам же генерал устроился полужёжа.

– У нас есть проблемы поважнее, чем хамоватая челядь, – проговорил он, помолчав. – Снова придётся возить фекалии с Пищимухи – если, конечно, и там они не испортились...

– Там они точно не испортились, – уверенно произнесла Визулинда.

– Почему вы так думаете?

– Наверное, потому, что на Пищимухе лосей не держат в неволе...

Генерал снова уставился на принцессу с удивлением.

– Знаете, я искала рациональное объяснение тому, почему

наши лоси нас подводят, – продолжала Визулинда, печально глядя перед собой. – А теперь думаю, что, возможно, и нет никаких особых показателей давления и температуры, при которых созревает качественное топливо...

– Тогда в чём дело? – спросил Зугард.

Визулинда усмехнулась и посмотрела ему в глаза.

– А дело, наверное, в том, – сказала она, – что любому живому существу – будь то космический лось, космический партизан или мы с вами – нужны свобода и уважение... Плохо без них живым существам, понимаете?

– Ну и ну! – воскликнул Зугард. – И как это вы, учёный-материалист, подались в метафизику?

– А почему бы и нет? Ведь что такое, по-вашему, чистый энтузиазм? Это жизненная энергия – свобода творить, любить, изучать... Когда человек попадает в неволю, энтузиазма в нём становится намного меньше. Поэтому в лагерях и оступляют всех узников – чтобы те не понимали своей несвободы... Это мне даже начальник лагеря сказал.

– И всё же чистый энтузиазм вырабатывают только разумные существа.

– Кто знает, возможно, лоси не так уж неразумны...

Стемнело, и влюблённых окутала благодатная прохлада. Ночь становилась такой густой, что Зугард и Визулинда едва бы могли разглядеть друг друга – если бы не свет на веранде особняка. Некоторое время сидели молча; Зугард был озадачен словами принцессы. Ещё недавно ему не терпелось

рассказать Визулинде о том, какие выгоды сулит им союз с ультраправыми. Теперь же подходящий момент настал, но позади был такой безумный день, что Зугард совсем не ощущал удовольствия от сюрприза. Однако нужно было начинать разговор.

– Я должен вам кое в чём признаться, – произнёс, наконец, генерал.

Визулинда повернулась и посмотрела на него вопросительно. Зугард описал ей всё, что произошло за последнее время на Джоселин: визит Готфрида, вербовку офицеров, спектакль с попугаем, разговор с Трисбертом... Выражение лица принцессы менялось по ходу рассказа: Визулинда смотрела то удивлённо, то испуганно. Иногда в её глазах горел живой интерес. Когда генерал закончил, Визулинда ещё некоторое время находилась в раздумьях.

– И всё же я опасюсь вашего союза с ультраправыми, – сказала она, приподнявшись.

– Вы, женщины, всегда всего опасаетесь, – отозвался Зугард. – Нужно уметь рисковать.

– Вы уверены, что он ничего не подозревает?

– Абсолютно уверен. К тому же, ультраправые весьма полезны. Их руками можно решить проблему гарнизона с Эстер-Ледерберг.

Из всех планет «ядра» только эстер-ледербергский гарнизон мог влиять на ход событий переворота. Военные с остальных планет не успели бы добраться до столицы быст-

ро.

– И как же они собираются решать эту проблему? – спросила Визулинда.

– Трисберт подготовил ряд диверсий на спутниках Эстер и в её окрестностях. Это отвлечёт на себя какую-то часть имперских сил.

– Нужно и нам устроить какую-нибудь диверсию. Это облегчит Хельмимире доступ к орбите Джоселин.

– Или можно сделать так, чтобы её флот приняли за подкрепление с Эстер...

– Есть ещё гарнизон на Нэтти-Стивенс. Оттуда семь часов пути.

– Прибавляйте к этому время, за которое туда доберётся шаттл с просьбой о помощи. Это четыре часа с переходом сквозь жерло пространства-времени.

– Итого одиннадцать часов. Не знаю, управимся ли мы...

– Придётся управиться. Чем быстрее – тем лучше. В этом и есть вся соль переворота.

Визулинда вновь умолкла и уставилась в темноту.

– Этот переворот – какое-то интегральное уравнение, – озабоченно сказала она. – Столько переменных! Подкрутишь что-то одно – меняется вся система...

Зугард улыбнулся.

– Не интегральное уравнение, – поправил он любимую, – а феерическое шоу.

Глава 26: Интегральное уравнение и феерическое шоу

Точное время начала операции стало известно Зугарду за час. Он тут же связался с Визулиндой; та уже знала, что делать. На корабле, заправленном фекалиями лосей, принцесса отправилась в систему Бернарда-Шоу. Там, спрятанный на многочисленных спутниках, базировался флот космических партизан, ожидая сигнала с Джоселин-Белл-Бернелл.

Тем временем Зугард сел в свой телекоптер и направил его на военную базу, с которой должны были выступить его силы. Был месяц хайнлайн; в дворцовой зоне Беатрис-Тинслей и её окрестностях стояло ясное холодное утро. Тогда, на борту «Фёдор-Михалыча», Зугарду казалось, что всё решено; теперь же он понимал, как сильно ошибался. «То были ещё цветочки, – думал Зугард, невесело усмехаясь. – А вот сейчас обратного пути и вправду нет!» В какой-то момент мундимориец испытал сильный страх – так, словно бы протрезвел от пьянящего наваждения. До него вдруг отчётливо дошло, что всё это никакая не игра, и этот день может оказаться последним для него или принцессы. В голове невольно промелькнула мысль о том, что он мог бы сойтись с Визулиндой и без всякого переворота; тогда он продолжал бы жить в безопасности, подхалимстве и лицемерии.

рии, а Визулинда лечила бы людей разве что втайне. И вместе они смотрели бы на то, как тупеет общество, как откатывается назад прогресс человеческой мысли, как торжествуют ультраправые с их устаревшими ценностями и харальдюфы с их жаждой наживы...

«Ну уж нет, сволочи! – подумал Зугард. – Ничего у вас не выйдет!»

Генерал прибавил скорости. Беатрис-Тинслей и Каролин-Порко остались позади; аппарат мчался вдоль аэротрассы между высотками. В зоне Эллен-Своллоу-Ричардс погода была чуть похуже: стоял небольшой туман; однако путь генералу освещали сигнальные огни. Приблизившись к базе, Зугард связался с диспетчером. Купол, который защищал посадочную площадку, отодвинулся и позволил аппарату приземлиться. Зугард вышел; его встретил начальник базы. Это был кряжистый, лысый мундимориец по фамилии Циммерман; он участвовал в перевороте на стороне Трисберта и был закоренелым консерватором. Зугард снова подумал, что союз с ультраправыми – это всё-таки удобно.

– Корабли готовы, – сказал Циммерман, и оба военнослужащих направились к ангару.

Зугарду было известно, что рано утром Циммерман пустил на корабли заговорщиков из ближайшего гарнизона. Там было много верных Зугарду людей. «Бедняга даже не понимает, что делает!» – весело подумал Зугард. По дороге к ангару генерал не к месту вспомнил одну сходку ультрапра-

вых, на которой Циммерман поносил Брандомонда за недостаточную решимость.

«Увы дружище, – думал Зугард, следуя за блестящей лысиной начальника базы. – Не Брандомонд виноват, что человечество развивается. Не Брандомонд виноват, что простолюдины стали жить лучше и требуют политических прав. И уж точно не он виноват в том, что женщины теперь могут не рожать каждый год, а поэтому хотят равноправия с мужчинами...»

Наконец, оба офицера оказались перед большим военным крейсером – тёмно-серой машиной шарообразной формы; трап был опущен. Циммерман отдал Зугарду честь; тот едва заметно кивнул и быстрым шагом направился к входному шлюзу, где его уже ждал адъютант. Вместе они прошли в кабину, где генерал занял командный пункт. Операция началась.

Для того, чтобы совершить переворот, необходимо было захватить дворец, императора и ключевые административные объекты. Каждый из мятежных командиров знал свою задачу. Зугарду досталась очень скромная цель: главный комиссариат. Мундимориец понимал, что Трисберт не доверит ему ничего серьёзного. Сам же лидер ультраправых собирался лично штурмовать дворцовую зону, чтобы арестовать императора; в это время его ближайший соратник Ильмимор должен был держать над дворцом поле белиберды. Трисберт приказал не снимать поле до тех пор, пока Брандомонд не

отречётся от престола. После этого ультраправые готовились праздновать победу. Однако у Зугарда были совсем другие планы.

Мундимориец знал: в то самое время, пока он готовился к наступлению, в воздух поднялись ещё два крейсера, которые находились на территории гарнизона. Ими управляли Готфрид и Фридрих. Они должны были захватить лагерь для военнопленных и инакомыслящих. Узников, с которыми работала Визулинда, необходимо было вооружить за счёт охраны и раздать им пайки.

Главный комиссариат находился на границе Беатрис-Тинслей и Каролин-Порко. По дороге с генералом пытались связаться те диспетчеры, что были не в курсе поворота. Зугард игнорировал их сигналы; корабль летел над жилыми районами, выше аэротрассы, и сбить его решился бы не каждый.

Здание комиссариата представляло собой многоэтажную постройку с острым шпилем и несколькими посадочными площадками. Генерал намеревался захватить противника врасплох, однако не тут-то было: все посадочные площадки были закрыты, защитки на окнах опущены.

– Немедленно откройте ворота! – приказал Зугард, связавшись с главным комиссаром по радиосвязи.

Ответа не последовало. «Возможно, они уже знают о штурме генштаба», – догадался Зугард.

– Генерал, сообщение для всех кораблей, – сказал генера-

ду его помощник. – Эрмеон арестован, люди Трисберта захватили генштаб.

– Что вы творите?! – донеслось, наконец, из осаждённого здания по радиосвязи. – Вы все пойдёте под трибунал!

– Приготовить беспилотники! – воскликнул Зугард, обращаясь к подчинённым. – Огонь по воротам посадочных площадок!

Спустя несколько секунд боевые дроны вышли из ангара крейсера, устремились к зданию и принялись обстреливать защитные ограждения. Открылись бронированные защитки на окнах комиссариата – и оттуда вылетели дроны противника. Зугард наблюдал воздушное побоище через мониторы внешних камер. Диспетчеры следили за радарными. Подбитые, дроны падали вниз, на территорию комиссариата и близлежащие улицы.

«Такими темпами мы тут всё разнесём, – с досадой подумал Зугард. – Какие недалёковидные, несговорчивые комиссары...»

– Прекратите стрельбу! – закричал генерал, вновь обращаясь в комиссариат по радиосвязи. – Соппротивление бесполезно!

– Трисберт объявил себя главнокомандующим, – доложил Зугарду подчинённый.

– К чёрту его, – пробормотал Зугард, которому в этот момент было вовсе не до Трисберта.

Вражеский дрон сумел подобраться ближе и выстрелил

прямо по кораблю. Корабль встряхнуло; Зугард пошатнулся и едва не упал.

– Генерал, произошла разгерметизация! – воскликнул один из пилотов.

– Включить генераторы кислорода! – приказал генерал. – Какие системы повреждены?

– Системы в норме, – отозвался подчинённый. – Включаю генераторы кислорода.

На место поломки отправился специальный дроид. «Уйдёт же, сволочь, наземным транспортом», – думал Зугард, имея в виду главного комиссара. Одно только радовало: вражеских беспилотников становилось всё меньше.

– Генерал, к зданию комиссариата движется наземное подкрепление, – доложил адъютант.

– Проклятье, – пробормотал Зугард и тут же обратился к одному из пилотов: – Свяжите меня с комиссарами.

Пилот немедленно установил связь.

– Вы окружены! – угрожающе заявил генерал. – Каждый, кто попытается бежать, будет застрелен! Сдавайтесь немедленно!

– Генерал, неприятельские дроны уничтожены, – сказал, наконец, один из пилотов.

– Отлично, – проговорил Зугард. – Верните дроны. Десантируемся на площадки.

Корабль немного снизился – и вот из ангара показалась специальная капсула, откуда один за другим на посадочные

площадки спускались десантники в бронескафандрах с двигателями. Им предстояло зачистить входы в комиссариат; среди них также были сапёры. Когда генералу доложили, что всё чисто, он приказал своим людям занимать здание.

Повстанцы спускались на площадки в шаттлах, а корабль продолжал висеть над комиссариатом. Каждую минуту Зугарду докладывали о том, что зачищен очередной этаж. Многие из чиновников скрылись наземным транспортом; тех, кто остался, повстанцы брали в заложники. Зугарду повезло: главный комиссар не успел бежать, и его доставили в каюту для военнопленных.

Там, внизу, комиссариат был окружён военной техникой. Зугард понимал: нужно готовиться к обороне. Ещё спустя некоторое время с генералом связался Готфрид.

– Задача выполнена, – сказал он. – Ждём указаний.

Зугард понял: его подручные захватили лагерь для военнопленных и инакомыслящих, раздали узникам оружие, пайки и посадили их на корабли.

– Флагман, двигайтесь в направлении сектора Конская Голова, – сказал Зугард. – Верный, двигайтесь на Млечный Путь.

Это означало следующее: Зугард приказал кораблю Готфрида двигаться к зданию комиссариата, а кораблю Фридриха – штурмовать космодром «Андреа-Гез».

Тем временем внизу было тихо: сторонники императора, которые должны были атаковать здание комиссариата, без-

действовали, смятённые сообщением Трисберта. «Хорошо, хорошо! – думал Зугард. – Мы выигрываем время!»

– Генерал, сообщение для всех кораблей, – вновь доложили Зугарду.

– Что ещё за сообщение?! – удивился тот.

– Внимание, патриоты! – донеслось из динамика. – Гнусная хунта генерала Трисберта захватила главнокомандующего и посягает на священную власть императора. Я, генерал Бронмар Хеннинг фон Герсдорф, беру на себя командование войсками Его Величества...

Бронмар был единственным из всех генералов империи, с которым Зугард водил хоть какое-то подобие дружбы. Время от времени оба генерала встречались, чтобы вместе пострелять по отдалённым мишеням и обсудить новости. Услышав речь Бронмара, Зугард усмехнулся: ему вдруг вспомнились их осторожные беседы, в которых Бронмар выдавал «брожение ума». Зугард понимал, что его приятелю не нравилась Программа Культурной Доступности – и всё же он не смел выступить против неё открыто. «Хорошо всё-таки, что я не позвал тебя в свой заговор, – подумал Зугард, мысленно обращаясь к Бронмару. – Слишком уж ты порядочный, нам таких не надо». Зугард понимал: Бронмар выступает на стороне императора не потому, что поддерживает его политику, а потому, что присягал ему на верность.

– Генерал, – сообщили Зугарду, – противник штурмует здание.

– Приготовить дроны! – приказал Зугард. – Огонь по технике противника!

Вновь из ангара вышли боевые беспилотники; Зугард наблюдал за тем, как они ринулись вниз. Там, куда полетели дроны, сверкнули вспышки выстрелов.

– Генерал, на подходе Флагман, – произнёс адъютант.

«Флагман» был позывной Готфрида.

– Готовьтесь к стыковке, – произнёс генерал. – Как дела с повреждением?

– Почти запаяли.

– Сколько времени ещё нужно?

– Пять минут.

– Хорошо.

Вскоре корабль, на котором двигался Готфрид, приблизился к зданию; Зугард подождал, пока дроид закончит починку, а потом приказал пилотам снова набрать высоту. Ещё немного – и Готфрид на небольшом шаттле вошёл в ангар корабля. Узнав об этом, Зугард поспешил к нему.

– Передаю тебе командование, – произнёс генерал, когда они пересеклись в ангаре. – Держите оборону. Бойцы готовы?

– Да. Я вооружил их за счёт охраны лагеря. Они ждут приказа.

Зугард пересел в тот же шаттл, на котором прибыл Готфрид, и направился на борт его корабля.

«Трисберт, наверное, уже штурмует дворцовую зону, –

думал Зугард, занимая командный пункт. – А Ильмимор, должно быть, уже покрыл её белибердой...»

Корабль, на котором теперь находился Зугард, всё ещё висел над комиссариатом вместе с кораблём Готфрида. Генерал отправил разведывательный дрон в Беатрис-Тинслей. Он также приказал связистам слушать все радиопереговоры, которые только они сумеют поймать. Связь то прерывалась, то возвращалась. Ни повстанцы, ни сторонники императора не могли контролировать все средства связи.

Наконец, пилоты поймали сообщение об измене: эстер-ледербергский гарнизон, который прибыл на подмогу императору, атаковал военную базу. «Хельмимира!» – пронеслось в голове у Зугарда.

– Генерал, прибыли данные разведывательного дрона, – доложил ему подчинённый. – Дворцовая зона окружена полем белиберды. Вокруг неё происходят стычки ультраправых и сторонников императора.

– Двигайтесь в направлении дворца! – приказал Зугард пилотам.

Небо было чистое; корабль генерала вновь двигался чуть выше аэротрассы; иногда Зугард замечал внизу военные крейсера и беспилотники. Это было довольно необычное зрелище: боевые корабли над апартаментами знати.

– ...на орбите неизвестный флот, нужно подкрепление... – звучали из динамиков чужие переговоры.

«Хорошо, хорошо!» – думал Зугард.

Генерал неотрывно смотрел на мониторы, куда поступала информация от внешних камер. Вдали на фоне ясного неба показался желтоватый купол белиберды. Вокруг него, словно огромные чёрные насекомые, летали дроны. Иногда генерал видел вспышки – и тогда какой-нибудь дрон падал вниз. Несколько раз на глаза генералу попались военные крейсера. Скорее всего, там находилось командование, лояльное к императору – возможно, даже Брономар.

– Снизить ход, – приказал Зугард. – Слушайте, о чём говорят Ильмимор и Трисберт.

– Генерал, радары засекли эскадрилью неизвестных аппаратов, – сообщил генералу его помощник. – Она приближается со стороны космодрома «Андреа-Гез».

«Это Хельмимира! – догадался Зугард. – Ну, или Брономар...»

Всё шло по плану. Силы Зугарда и Хельмимиры должны были объединиться над Беатрис-Тинслей и ждать, пока Брандомонд откажется от престола, а Ильмимор снимет белиберду. Тогда Зугард и Хельмимира напали бы на дворец и захватили бы его. После этого Визулинда, которая должна была находиться на корабле Хельмимиры, объявила бы себя императрицей.

– Генерал, эскадрилья на подходе.

– «Рядовой Пупкин», я «Баба-Яга», – донёсся из динамика чей-то бас.

Это был позывной Хельмимиры. «Она, должно быть, по-

просила кого-то из подчинённых сказать приветствие, – подумал Зугард. – Иначе её выдал бы прокуренный голос видавшей виды женщины».

– «Баба-Яга», я «Рядовой Пупкин», – произнёс генерал, приблизившись к микрофону. – Ждите инструкций.

Зугард приказал пилотам остановиться за несколько эклов от корабля Ильмимора; со стороны «Андреа-Гез» туда подтягивались партизаны. Мысленно смеясь, Зугард представлял, как же сильно удивится Ильмимор, когда увидит всё это сорище.

– Генерал, мы расшифровали сообщение из дворцовой зоны, – внезапно проговорил главный связист.

– Что там? – взволнованно спросил Зугард.

– «Совсем грустно, плевать на дичь».

Фраза была мудрёная, однако генерал догадался: при всём своём скудоумии ультраправые могли обозвать «дичью» только Брандомонда. «Они там что, прибили этого несчастного?!» – с ужасом подумал Зугард.

– Сообщение для всех кораблей, – сказал пилот.

– Внимание, воины! – раздался голос Трисберта. – Я, Трисберт Адольф Байерлейн, главнокомандующий армией Мундиморы, объявляю себя военным правителем. Отныне все, кто не подчинится моим приказам, считаются врагами империи и подлежат расстрелу. Тот, кто перейдёт на сторону правды, получит помилование...

«Где, мать его, Брандомонд?! – пронеслось у Зугарда в

голове. – Где, мать его, отречение от престола?»

– Ну уж нет! – внезапно донёлся в радиоэфире женский голос. – Генерал Трисберт никакой не правитель, а самозванец!

Зугарда будто током прошибло: это была Визулинда.

– Я, Визулинда Гепатия, урождённая Гордетольф, – продолжала принцесса, – объявляю себя наместницей моего брата, императора Брандомонда. Я призываю каждого солдата и офицера – всех, у кого ещё остались честь и совесть – защитить империю от посягательств гнусной хунты. Главкомандующим назначаю генерала Зугарда. Нам помогут наши союзники. В атаку, патриоты!

Зугард не мог поверить собственным ушам; сердце его зашлось от волнения.

– Зугард, – послышался голос Трисберта, – что мать, твою, происходит?

– Происходит то, что я теперь главкомандующий, – отозвался Зугард. – А вы сдавайтесь или будете уничтожены!

На несколько секунд в радиоэфире установилась изумлённая тишина. Зугард представил себе разъярённое лицо Трисберта – и тут же пожалел, что не может увидеть его воочию.

– Ты крыса! – завопил Трисберт.

Зугард усмехнулся: и как только его не называли! И «крысой», и «блатным щенком»...

– Вы окружены, – сказал Зугард и тут же добавил, обращаясь к Ильмимору: – Немедленно уберите белиберду – и

вас помилуют. Говорю это как главнокомандующий.

– Никакой ты не главнокомандующий! – снова заорал Трисберт.

– Ещё как главнокомандующий! – отозвался Зугард.

– Заткнитесь оба, я главнокомандующая! – внезапно послышался прокуренный женский голос.

В радиоэфире вновь возникла пауза.

– Что это за шлюха? – заорал Трисберт. – Уберите отсюда баб!

– Да пошёл ты на хрен, – ответила Хельмимира. – Здесь все подряд главнокомандующие – значит, и мне можно.

– Внимание, патриоты! – раздался в радиоэфире четвёртый голос, и Зугард узнал Брономара. – Я, Брономар Хеннинг фон Герсдорф, всё ещё ваш главнокомандующий!

– А вам не кажется, что у нас как-то много главнокомандующих на квадратный экл? – спросил Зугард. – Вы не слышали, что сказала императрица?

– Нет никакой императрицы! – воскликнул Брономар. – Его Величество жив, здоров и находится в безопасном месте. Так что немедленно прекратите эту игру в государственный переворот!

Зугард был обескуражен. Украдкой он даже пожалел, что ультраправые не успели прибить Брандомонда. План Визулинды переманить монархистов на свою сторону, что называется, «накрылся».

– Огонь по кораблю с белибердой! – приказала Хельми-

мира.

Несколько партизанских аппаратов приблизились к кораблю, на котором находился Ильмимор, и принялись палить по нему из всех орудий. Беспилотники тут же открыли ответный огонь. Внезапно Зугард увидел дроны, которые приближались откуда-то с поверхности. «Уничтожьте их!» – приказал генерал пилотам, и тут же его ослепила яркая вспышка.

Корабль встряхнуло. В эту же секунду мундимориец упал на пол и почувствовал резкую боль от удара головой; в глазах у него потемнело. Ему показалось, что на некоторое время он потерял сознание.

– Генерал, приближаются космические лоси! – сообщил пилот.

Зугард мгновенно открыл глаза и поднялся. Голова гудела, однако мундимориец старался не обращать на неё внимания. Взволнованный, он устремил свой взгляд на мониторы – и тут же увидел на фоне голубого неба стадо космических лосей. Животные двигались ровным косяком, размахивая в воздухе копытами. «Что за нахрен? – понеслось у Зугарда в голове. – Откуда здесь лоси?!»

– Немедленно свяжитесь с Хельмимирой! – приказал он, бросаясь к динамику.

– Связь установлена, – отозвался пилот.

– «Баба-Яга», я «Рядовой Пупкин!» – воскликнул генерал. – Что вы творите?! Зачем вы привезли сюда лосей?!

– «Рядовой Пупкин», я «Баба-Яга», – послышался из динамика голос Хельмимиры. – Необходимо призвать Ю-Ю.

– Долбаные сектанты! – вскричал мундимориец. – Вы всё испортили!

– Что происходит? – спрашивал изумлённый Брономар.

– Вы все крысы! – вопил Трисберт.

Тем временем лоси приблизились – и Зугард снова чуть было не свалился на пол: на спине одного из лосей действительно сидел Ю-Ю. Он выглядел точь-в-точь как на канонических изображениях: очки, борода и гитара.

– Я главнокомандующий! – восклицал Ю-Ю, гарцуя и красуясь на фоне белиберды. – Мама, это рок-н-ролл!

– Генерал, прикажете открыть огонь по Ю-Ю? – спросил Зугарда его адъютант.

– А, хрен с ним, – бессильно отозвался мундимориец. – Одним говнокомандующим больше, одним меньше – какая разница?

... Когда Зугард пришёл в себя, он находился там же, на полу в кабине. Над ним возился бортовой медик. Мигали аварийные лампочки; оглушительная сирена извещала экипаж о том, что повреждены ключевые системы корабля.

– У нас, мать его, две минуты! – кричал пилот, обращаясь к кому-то по радиосвязи. – Освобождайте посадочное гнездо!

Зугард хотел приподняться, но почувствовал невыносимую боль в голове и невольно выругался.

– Не двигайтесь и постарайтесь не говорить, – сказал медик. – Если мы сядем, то вам окажут помощь.

– Где лоси? – едва сумел произнести генерал. – Где Ю-Ю?

Медик промолчал. Зугард снова впал в полуобморок. Будто бы издалека, он видел и чувствовал, как садится аппарат, как открываются двери, как в кабину заходят какие-то люди и кладут его на носилки.

– Четверо контуженных, – сказал кому-то бортовой медик. – Генерал в тяжёлом состоянии, бредит какими-то лосьями...

– Нужно сообщить Хельмимире, – произнёс кто-то из партизан, и Зугарда унесли из кабины.

– Где мы? – тихо спросил мундимориец, обращаясь к одному из санитаров.

– На космодроме «Андреа Гез», – отозвался тот.

Зугард видел над собой поочерёдно то потолок корабля, то купол ангара, то ясное небо и, наконец, потолок зоны ожидания, где партизаны организовали полевой госпиталь. Время от времени мундимориец пробовал подняться, но не мог. «Проклятье, мне нужно вернуться в Беатрис-Тинслей!» – пульсировало у него в голове, и тут же он понимал, что ему больно даже думать.

Партизаны занесли Зугарда в отдельную комнату с мягкими сидениями, обитыми вельветом. Потолок там был с лепниной.

– Это вип-зона ожидания, – объяснил санитар, пока они

с напарником размещали носилки на полу. – Как раз для генералов.

Пол был мраморный и очень холодный. «Спасибо, вашу мать!» – подумал Зугард. В ушах гудело; к невыносимой головной боли прибавилась ещё и тошнота. Но всё это было неважно; генерал мучился не столько физически, сколько от осознания собственной беспомощности. «Неужели всё кончено? – спрашивал себя мундимориец. – Они ведь без меня проиграют!» Вскоре он услышал приближающиеся шаги; к нему подошли трое: зумбулянин, зумбулянка и качкоид, который нёс увесистый чемоданчик.

– Ну-с, Ваше Сиятельство, – бодро произнёс зумбулянин, – давайте-ка вас осмотрим.

С этими словами он принялся светить Зугарду в глаза небольшим фонариком; зумбулянка установила у генерала на запястье аппарат для измерения давления, а качкоид бесцеремонно стянул с правой ноги мундиморийца сапог и носок.

– Нистагма нет, – констатировал зумбулянин. – Как давление?

– Давление в норме, – ответила зумбулянка.

«Сволочи, сволочи, – неустанно крутилось у Зугарда в голове. – Отпустите меня обратно!» Внезапно он ощутил что-то наподобие щекотки: качкоид водил чем-то холодным по краю его стопы. «Что он творит?!» – возмущённо подумал Зугард. Большой палец его правой ноги сам собой оттопы-

рился.

– Рефлекс Бабинского положительный, – проговорил качкоид.

– Нет у него контузии, – уверенно сказала зумбулянка. – Обычное сотрясение.

– Может сотрясение, а может и нет, – ворчливо произнёс зумбулянин. – Его бы в нормальную больничку, на МРТ...

– Дадим ему кафки два куба, – рассудил качкоид. – Пускай отдыхает.

«Не надо, только не кафка!» – мысленно взмолился Зугард, однако было поздно: зумбулянка освободила его руку от кителя, качкоид развёл препарат и начал вводить его прямо в вену...

– Шприц побольше взял, генеральский, – довольно заметил качкоид.

Зумбулянка хихикнула; зумбулянин хмыкнул. Генералу хотелось встать и дать кому-нибудь по морде. Зугард уже сделал небольшое движение – но его вернули на пол чьи-то руки.

– Лежите смирно, – сказала зумбулянка.

Медики сделали свою работу, собрали инструменты в чемодан и ушли. Ещё некоторое время Зугард мучился от нечеловеческой боли. Потом, наконец, она стала понемногу стихать. «Вот вы и попались!» – торжествующе подумал мундимориец. Он приподнялся: партизан было не видно. «Глупцы! – обрадовался Зугард. – Разве вы не знали, что пациен-

тов нельзя оставлять одних?» Осторожно, чтобы не шуметь, Зугард прошёл ко входу и выглянул из-за колонны. Снаружи находился общий зал ожидания: на полу лежали раненные и контуженные, рядом с ними – на креслах – располагались те, кто мог сидеть. Между рядами кресел ходили медики. Все они были в масках и спецодежде. Двигаясь от пациента к пациенту, медики измеряли жизненные параметры и делали уколы.

«Где бы достать амуницию?» – думал Зугард.

Он вернулся и снова оглядел вип-зону. Его внимание привлекла одна деталь, которую он не заметил ранее: на противоположной стороне комнаты была небольшая дверь. То и дело оглядываясь, генерал быстрым шагом направился к ней. На счастье, она была открыта. Зугард нащупал и нажал кнопку выключателя; комната за дверью оказалась бытовкой, где хранились уборочные машины и ветошь.

Сперва генерал ощутил небольшое разочарование: ему хотелось, чтобы в кладовой находились медицинские маски и чепчики. Однако вскоре он обнаружил, что и из ветоши можно соорудить вполне себе пристойную амуницию. Генерал схватил большую тряпку и порвал её на две; из одной части он сделал себе маску, а из другой – врачебный колпак. На глаза генералу также попались резиновые перчатки; для пущего сходства он надел и их. После всех приготовлений мундимориец выключил свет, закрыл бытовку и направился к большому зеркалу, которое висело на стене вип-зала.

«Настоящий военный врач! – подумал мундимориец, оглядывая себя. – Генеральный медик!»

Довольный собой, Зугард направился в общий зал ожидания. Он изо всех сил старался придать своим движениям уверенности – так, чтобы медики и вправду приняли его за своего. Однако время от времени он всё же ловил на себе изумлённые взгляды; так, например, знакомая зумбулянка, увидев его, отвлеклась от пациента и даже привстала с колен.

– Два куба кафки для этого господина! – важно сказал Зугард, указывая на какого-то беднягу.

Надеясь, что произвёл нужное впечатление, мундимориец ускорил шаг. Впереди виднелся выход; приближаясь к нему, генерал уже было обрадовался, что вот-вот окажется на свободе – как вдруг услышал позади себя истошный вопль: «Хватайте генерала! Он сбежал!»

Не оборачиваясь, мундимориец устремился к выходу со всех ног. Он слышал, что за ним началась погоня. Распихивая всех, кто оказывался на его пути, Зугард бежал вперёд – и, наконец, оказался во дворе космопорта. Ангар находился в ста миллиэклах от него. Словно оголтелый, генерал бросился туда; партизаны не отставали. Когда Зугард очутился у ворот, его селезёнка уже болела.

– Я генерал Зугард! – вскричал мундимориец, обращаясь к вооружённым охранникам. – Впустите меня немедленно!

Оказавшись внутри, Зугард снова огляделся. Корабли стояли ровными рядами, каждый в своём гнезде. Некоторые

из них были полуразобраны, а рядом трудились огромные дроиды. В торце ангара находился диспетчерский пункт; за пультом управления сидела большеглазая баба-качкоид. Зугард немедленно бросился к ней.

– Мне нужен корабль с экипажем, – без всяких церемоний произнёс мундимориец, приблизившись.

Огромные глаза бабы сделались ещё больше. Наверное, не каждый день она видела генерала в уборочных перчатках и с тряпкой на голове.

– Стойте! – раздался крик откуда-то сзади. – Это неадекватный генерал! Он под кафкой!

Вне себя от ярости, Зугард обернулся: у входа в ангар стояли медики: зумбулянка, зумбулянин и качкоид.

– Отставить! – воскликнул Зугард, срывая маску со своего лица. – Я здесь генерал!

– Чтобы взять корабль, нужно разрешение начальника базы, – испуганно проговорила женщина-качкоид.

Зугард вспомнил, что теперь на космодроме заправляет его подчинённый Фридрих.

– Свяжитесь с ним, да побыстрее, – произнёс мундимориец. – Скажите, что это я приказываю дать мне корабль.

– Так вот же сам начальник, – ответила баба, кивая в сторону выхода.

Зугард снова обернулся: через весь ангар к нему шёл Фридрих. Позади следовали медики. «Слава фундаментальным взаимодействиям!» – пронеслось в голове у генерала.

– Выдай мне корабль, – сказал Зугард, как только Фридрих приблизился. – Мне нужно вернуться в Беатрис-Тинслей.

– Медики говорят, вам нельзя, – неуверенно проговорил Фридрих. – Вы как бы под кафкой...

– Делай, что говорю! – вскричал Зугард, хватая подчинённого за грудки. – Какая нахрен кафка?! Ты понимаешь, что на кону судьба империи?!

Фридрих продолжал изумлённо пялиться, хлопая глазами. Наконец, Зугард ослабил хватку. Фридрих освободился и с достоинством поправил свой китель.

– Какие из крейсеров готовы к бою? – спросил он, обращаясь к бабе-механику.

Смутившись, баба назвала несколько моделей и номеров.

– Выдайте генералу К-209 и откройте купол, – приказал Фридрих.

– Сорок пятое гнездо, – покладисто отозвалась баба и заблокировала посадочную ячейку.

Зугард бросился к кораблям и нашёл место номер сорок пять. Двери на борт были открыты, трап опущен. Зугард вбежал внутрь и через пару минут оказался в кабине. Он решил не дожидаться экипажа.

«Вспомню старые навыки!» – подумал генерал.

Он оказался у панели управления и нажал на кнопку герметизации; прошло всего несколько секунд – и на вспомогательном экране появилась надпись, что судно герметично

закрыто. Зугард включил двигатели и принялся ждать; в это время отъехал купол ангара. Наконец, всё было готово к полёту; генерал проверил системы жизнеобеспечения и взялся за штурвал...

«Поехали!» – произнёс он вслух.

Послушный генеральской воле, корабль аккуратно вышел из ангара и направился в дворцовую зону. Приближаясь, мундимориец ожидал увидеть купол белиберды и попутно слушал радиопереговоры. В эфире было подозрительно тихо. Наконец, генерал оказался ровно над дворцом и начал снижаться. Мундимориец изо всех сил всматривался в мониторы внешних камер, стараясь разглядеть дворцовые шпили.

«Почему такая плохая видимость? – недоумевал Зугард, глядя на густые облака внизу. – С утра ведь было ясно!»

Сердце генерала сжалось от мучительного предчувствия беды. Мундимориец ещё немного снизился, но шпили так и не увидел.

«Проклятье! – выругался Зугард. – Буду снижаться, пока они не появятся!»

Он решительно направил корабль вниз. Облака всё расступались; наконец, внизу появилась поверхность – и тут несчастный Зугард едва не поседел: вместо дворцовой зоны зияла воронка. Разрушения простирались на много эклов вокруг.

Впервые в жизни генерал почувствовал, как к горлу его подступили слёзы. «Только не это снова! – пронеслось у него

в голове. – Что же я опять натворил?!» Он тут же понял, что случилось: партизаны подстрелили корабль с белибердой, и он упал на дворец... Возможно, падали и другие корабли. Внезапно сердце Зугарда снова сжалось: что, если Визулинда мертва?

Генерала охватила паника; в одно мгновение он почувствовал, как лоб его покрылся испариной. «Где все? У кого узнать правду?» – мучительно думал Зугард. Он продолжал в отчаянии кружить над Беатрис-Тинслей. Внезапно раздался сигнал радиосвязи; содрогаясь от волнения, Зугард включил динамик и услышал голос Брономара.

– Внимание, патриоты! – говорил Брономар. – Отечество в опасности! Ведьма Хельмимира призвала в наш мир Ю-Ю; он объявил себя императором вселенной и провозгласил, что он есть рок! Кроме того, он похитил принцессу Визулинду. Тот, кто сразится с Ю-Ю и спасёт принцессу, станет величайшим героем всех времён и народов...

Сердце генерала замерло – и тут же забилось быстрее от нечаянной радости: Визулинда была жива!

«Я должен спасти её! – решил Зугард. – Но как мне её найти?»

Внезапно на радарх показался неизвестный аппарат.

– «Генерал Зубарев», я «Конёк-Горбунок», – донёсся из динамика хриловатый голос. – Прошу стыковки.

– «Конёк-Горбунок», я «Генерал Зубарев», – удивлённо повторил Зугард. – Кто вы такие и что вам нужно?

– За звонкую монету помогу тебе я, – произнёс тот же голос. – На борт пусти меня, добрый молодец.

Аппарат приблизился; это оказался военный шаттл. Зугард разрешил стыковку и принялся ждать. Вскоре в кабину вошёл старик в лохмотьях, под мышкой у него была картонная коробка.

«Знакомое лицо, – отметил Зугард. – Где бы я мог его видеть?»

– Чего тебе надобно, старче? – спросил генерал.

– Услужу тебе я верой и правдой, – проговорил гость. – Помогу одолеть Ю-Ю и спасти принцессу!

– Но как ты нашёл меня? – удивился Зугард. – Как узнал, что я ищущу Ю-Ю?

– Это не я нашёл тебя... Это он тебя выбрал!

Старик открыл коробку и вытащил оттуда меч – длинный, обоюдоострый, с золотой рукоятью. Навершие меча было украшено огромным рубином.

– Ты избранный! – воскликнул старец, с поклоном подавая меч генералу. – Иди же и верши судьбу империи!

Дрожащими руками Зугард взял свой меч; древнее оружие блестело в свете бортовых ламп.

– Не будем же терять ни минуты! – воскликнул генерал, поднимая меч над головой. – Сразимся поскорей с Ю-Ю!

– И да помогут нам богатые и красивые из измерения богатых и красивых! – с умилением отозвался старик.

Он занял место пилота; древние боги указывали ему путь.

Наконец, Зугард увидел вдалеке очертания городских шпилей и купола посадочных площадок – а над ними, огромный и заросший густой шерстью, возвышался Ю-Ю. Внезапно генерал заметил, что на одной из крыш мирно паслись космические лоси.

– Старик, давай туда! – воскликнул Зугард, указывая в сторону лосей.

Старик повиновался – и вскоре корабль завис прямо над крышей.

– Разблокируй выход, – приказал генерал.

– С ума ты сошёл, добрый молодец?! – ужаснулся дед.

– Делай, что говорю! – настаивал Зугард. – Волков бояться – в лес не ходить!

Вскоре выход был открыт; генерал двинулся к нему и застыл прямо над пастбищем. В одной руке у мундиморийца был меч; ветер всюду развивал волосы героя. Зугард примерился – и спрыгнул одному из лосей прямо на спину.

– Давай, дружок! – воскликнул Зугард. – Лети скорее к Ю-Ю!

Лось поднялся в воздух. Генерал вновь увидел под собой острые шпили небоскрёбов и покатые крыши дворцов. Тем временем Ю-Ю всё приближался: монстр бил себя кулаком в грудь и разносил город.

– Освободи принцессу, негодяй! – вскричал Зугард.

Ю-Ю заметил генерала и повернулся к нему всем своим огромным телом.

– Рок – это я! – заорал Ю-Ю.

Зугарда отбросило мощным порывом ветра, однако сдаваться он не собирался.

– В атаку! – закричал он, обращаясь к верному лосю, и ринулся обратно к Ю-Ю.

Монстр взмахнул рукой, чтобы поймать генерала; тот успел уклониться. Несколько взмахов мечом – и рука Ю-Ю полетела вниз. От боли и ярости монстр взревел, пытаясь схватить генерала второй рукой. Однако Зугард опять уклонился – и, приблизившись, рубанул по шее... Голова монстра, прокрутившись в воздухе несколько раз, упала – а вслед за ней рухнуло и туловище.

Лось радостно заржал. «Победа! – пронеслось у Зугарда в голове. – Теперь нужно найти принцессу!» Мундимориец снизился и стал летать над городом, заглядывая в окна верхних этажей. Чего там только не было! В одном, например, сидело жирное чудище, которое напоминало огромную гору мороженого.

– До пятидесяти тысяч космотугриков, – говорило чудище, – это мужчины, с которыми спать вообще нельзя...

«Бррр, ну и мерзость!» – поёжился Зугард и полетел дальше. Во втором окне Трисберт вёл занятие по аэробике, а в третьем Хельмимира, одетая в балахон с капюшоном, пыталась оживить Ю-Ю с помощью длинной мантры.

Наконец, Зугард подлетел к четвёртому окну – и сердце его ёкнуло: в небольшой комнате, освещённой красноватым

светом, он рассмотрел свою Визулинду... Обнажённая, в одних лишь короне и кружевных чулках, она стояла с поднятыми руками; грубая верёвка одним концом была обмотана вокруг её запястий, а другим привязана к большому крюку на потолке. Недолго думая, Зугард разбил окно и ворвался в комнату.

– Я спасу вас! – воскликнул он, подбегая к принцессе.

Одним движением генерал разрубил верёвку – и Визулинда была свободна.

– Идите же скорее сюда, нежнейшее создание императорской крови! – проговорил Зугард, готовый обнять возлюбленную.

Однако не тут-то было: возлюбленная вовсе не спешила благодарить своего спасителя.

– Вы идиот, – прозаически сказала Визулинда, разминая затекшие плечи. – Вы хоть представляете, сколько народу вы похоронили под трупом Ю-Ю? Нельзя было заманить его куда-нибудь в поле?

То был болезненный укор совести. Зугард остановился, не в силах больше двинуться.

– Да будет вам известно, – произнёс, он, наконец, – что Макнамара – эйкуменополис!

– Какая Макнамара?! Мы на Джоселин! – воскликнула принцесса.

Только теперь до генерала дошло, что на голове у него до сих пор половая ветошь, а на руках – резиновые перчатки...

– А, да ну вас, – произнесла Визулинда, после чего наклонилась и упёрлась ладонями в колени.

Сперва Зугард глазам своим не поверил: тело принцессы потемнело и начало покрываться твёрдыми пластинками; голова увеличилась и вытянулась; руки и ноги, напротив, стали тонкими и обросли мелким ворсом; на спине появились крылья...

«Визулинда – насекомое!» – ужаснулся Зугард – и внезапно понял, что он всё ещё под кафкой...

...Когда генерал очнулся, то обнаружил, что партизаны переложили его с пола на диван. Правда, диван был не очень длинный – короче генеральского роста – поэтому стопы Зугарда торчали из-за подлокотника. Зато генералу натянули его сапог обратно на ногу; это было приятно – несмотря даже на то, что носок надеть забыли.

Зугард всё ещё находился в вип-зале один. Он точно не знал, сколько времени пробыл без сознания. Голова болела намного меньше, но в ушах гудело. Мундимориец дотронулся до своего лба – и обнаружил мокрую, холодную тряпку. Вытянувшись, он обернулся и посмотрел на дальнюю стену – туда, где должна была располагаться дверь в бытовку... Никакой двери, разумеется, не было.

Зугард попытался встать; тряпка упала с его головы куда-то на пол. Первая попытка оказалась неудачной: как только генерал поднялся с дивана, в глазах его потемнело, и он вынужден был вернуться. Потом, ещё медленнее, он поднял-

ся снова. Держась за спинки кресел, он прошёл к выходу – но вдруг из-за двери послышались голоса и шаги. Смущённый, мундимориец застыл на месте. Дверь открылась – и Зугард увидел Визулинду... С ней были Фридрих, двое каких-то офицеров, партизаны-медики и Брономар.

– Вы очнулись! – воскликнула Визулинда, бросаясь к Зугарду.

В первую секунду генерал обомлел от волнения – и тут же осознал: бред продолжается.

– Как вы себя чувствуете? – озабоченно спросила Визулинда, хватая генерала за руки.

«Ну уж нет! – злорадно подумал мундимориец. – В третий раз я на это не куплюсь! Откуда здесь быть Брономару, если мы с ним воюем? Сейчас и Ю-Ю притащится!»

– Рад, что вы больше не насекомое, – сказал Зугард, обращаясь к любимой.

Визулинда резко отпустила его руки; в глазах её отразился ужас.

– Что с вами? – испуганно спросила она. – Что вы говорите?

– Что хочу, то и говорю, – усмехнулся Зугард, упиваясь осознанием свободы. – Надеюсь, в этой реальности мы не уничтожили Беатрис-Тинслей? А, впрочем, плевать! Давайте лучше угоним «Потрошителя галактик» и займёмся любовью на борту – раз уж вы больше не насекомое...

Визулинда закрыла рот ладонью и отпрянула; Фридрих

изменился в лице. Густые брови Брономара поползли вверх, а его небольшие тёмные глаза в одно мгновение расширились.

– Что происходит?! – вскричала Визулинда, оборачиваясь к медикам. – Вы говорили, у него обычное сотрясение!

Все трое медиков неподвижно пялились на генерала; зумбулянин и зумбулянка были белее снега, и даже красноватая кожа качкоида посветлела до бледно-розовой.

– Так, спокойно, – дрожащим голосом произнесла зумбулянка, после чего двинулась к Зугарду и настойчиво сказала: – Присядьте!

Она заставила генерала опуститься на ближайшее кресло; от неожиданности тот повиновался. Зумбулянка приложила руку к его лбу и на некоторое время застыла в таком положении.

– Ответьте на вопрос, – обратилась она к Зугарду, – будете ли вы брать кредит на свадьбу, если у вас не окажется денег?

От такого поворота Зугард ошалел.

– Зачем вообще брать кредит на свадьбу?! – возмущённо воскликнул мундимориец. – Это же идиотизм какой-то!

– Слава фундаментальным взаимодействиям! – облегчённо вздохнула зумбулянка и, обращаясь к Визулинде, произнесла: – Всё в порядке, тяжёлых нарушений мозга нет... Генерал оклемается.

Лицо принцессы всё ещё выражало испуг и недоверие. Зумбулянка вернулась на своё место рядом с коллегами.

«Какая унылая реальность», – подумал Зугард. Строгая причёска его возлюбленной и залысины Брономара выглядели привычно, однако следовало быть начеку.

– Не знаю, имеет ли смысл разговаривать с генералом сейчас, – произнёс Брономар, обратившись к Визулинде.

– Его нужно поскорее доставить в госпиталь, – отозвалась та и, вновь обернувшись к Зугарду, спросила: – Генерал, вы не хотели бы вы прогуляться со мной... ну, скажем, на борт какого-нибудь аппарата? Кто знает, возможно, он отвезёт нас в романтическое место...

– Вы что, совсем за идиота меня держите? – воскликнул Зугард, поднимаясь с места. – Я слышал, о чём вы говорили!

Визулинда смутилась. Понемногу до Зугарда начало доходить, что реальность, в которой он теперь находится, и есть самая настоящая... реальность.

– Что происходит? – проговорил Зугард, пытаясь подавить в себе стыд.

Визулинда и Брономар переглянулись.

– Мы с генералом объединили силы и вместе одолели ультраправых, – сказала Визулинда после паузы.

От удивления Зугард едва не упал в кресло снова. «Да что же это такое?! – возмутился он мысленно. – Одна реальность безумнее другой!»

– Ну и кто тогда император, если вы объединились?! – воскликнул Зугард.

– Я исполняю его обязанности, – ответила Визулинда.

– А сам он где? – не унимался Зугард, всё больше запутываясь.

– Этого никто не знает, – произнёс Брономар. – Его Величество не могут найти.

– Подождите, – проговорил Зугард, – вы ведь сами сказали, что Брандомонд у вас!

– Увы, – вздохнул Брономар. – То, что спасли мои люди, оказалось всего лишь биодридом... Мы поняли это только тогда, когда у него села батарея.

Несмотря на головную боль, Зугард едва не рассмеялся. Внезапно у него появилась забавная гипотеза: что, если Брандомонд и есть биодриод, и никакого сына у Сигриса Гордетольфа никогда не существовало?

– Кстати, сколько времени я был без сознания? – вновь спросил Зугард, опомнившись.

– Двенадцать часов, – ответила Визулинда.

– А где Эрмеон?

– Я отправила его в отставку – сразу после того, как мы спасли его и остальных генералов от ультраправых... Сейчас они все под стражей, как и главный комиссар.

Зугард посмотрел на любимую с нежностью и восхищением. Он понимал: Визулинда намеренно обезвреживает сторонников Брандомонда – на случай, если тот внезапно появится. Оставалось только выяснить, на чьей стороне Брономар. «Надеюсь, он не идиот и понимает, что власть мы уже не отдадим, – украдкой подумал Зугард. – Выходит, он объ-

единился с нами намеренно?»

– Полагаю, Трисберт и Ильмимор тоже арестованы, – проговорил Зугард, когда возникла пауза.

Визулинда и Брономар снова переглянулись.

– Они мертвы, – ответил Брономар.

Услышав эту новость, Зугард не испытал никаких эмоций, кроме разве что лёгкого изумления.

– Как это произошло? – спросил он, помолчав.

– Ильмимор застрелился, – сказала Визулинда. – Трисберта убили партизаны.

Она принялась описывать Зугарду, что случилось после того, как его корабль ушёл на аварийную посадку. Иногда Брономар вставлял пояснения. Понемногу Зугард сумел восстановить ход событий – вплоть до того момента, когда Визулинда и Брономар прибыли на космодром «Андреа-Гез».

Выяснилось, что корабль Зугарда подстрелили сторонники императора. После этого бой между тремя сторонами продолжался ещё около получаса. Каждому приходилось воевать на два фронта; солдаты не всегда были уверены, что знают, в кого целятся. Всё это время Визулинда находилась на борту корабля Хельмимиры. Когда с ней связался Брономар, партизаны не хотели верить в его благие намерения. Наконец, войска Хельмимиры всё же объединились с имперцами – и загнали ультраправых в глухую оборону.

Трисберт и его люди укрылись во дворце, превратив его и прилежащий космодром в свою крепость. Их союзники за-

няли военную базу в Эллен-Своллоу-Ричардс. Партизаны и те, кто воевал на стороне Зугарда, штурмовали оба объекта одновременно. Противостояние продолжалось несколько часов. Окружённые противником, ультраправые сдавали позиции. Те, кто поддерживал Зугарда и Визулинду, переходили на сторону нападавших. В какой-то момент стало окончательно ясно, что положение ультраправых уже ничем не спасти. Ильмимор пустил себе пулю в лоб ещё в бункере, где они с Трисбертом укрылись во время штурма. Трисберта взяли, когда он попытался бежать через подземный туннель.

Особенно впечатлил Зугарда рассказ о том, что случилось после взятия дворца.

– Мы приземлились, когда Трисберт уже был под стражей, – говорила Визулинда. – Я, Хельмимира, Исаак и Гардиальд спустились в подвал, где его держали. Когда я вошла, то увидела, что Трисберт и ещё несколько офицеров стояли на коленях – лицом к стене и со связанными руками... С ними были партизаны.

– Подождите, – прервал её Зугард, после чего обратился к Брономару: – А вы где в это время были?

– Командовал штурмом базы, – коротко отозвался тот.

– Генерал прибыл позже, когда всё закончилось, – подтвердила Визулинда. – Мне, знаете, немного не по-себе стало, когда я их там в таком положении увидела... «Давайте, – говорю, – отдадим их под трибунал». А Хельмимира смеётся: «Тогда нас всех судить надо, в том числе и Ваше Величе-

ство... Хотите сказать, что мы лучше них?» Я тогда растерялась: вот, думаю, незадача! Расстрелять на месте – зверство, а судить и потом всё равно расстрелять – лицемерие...

Она вновь сделала паузу. Её лицо не выдавало ни тени душевных терзаний – правда, в голосе чувствовалось насмешливое отвращение.

– Стою я, значит, смотрю на всех, – спокойно продолжала Визулинда. – Исаак говорит мне: «И как вы такая моральная империей править собрались? Вы эти сопли оставьте, иначе сожрут». Я ему объясняю, что никакие это не сопли – просто как потом отмыться? А сама понимаю, что слишком оно как-то глупо выходит: я вроде бы хорошая, а вроде бы и с врагом хочу расправиться... Хельмимира говорит: «Ладно, Ваше Величество, можете выйти, если смотреть боитесь. Если что – на меня всё валите, я стерва известная». А я взяла и осталась: поздно уже овечку из себя строить...

Закончив рассказ, Визулинда умолкла. «Вот тебе и Хельмимира! – подумал Зугард. – Какое-то оружие судного дня, а не женщина». В глубине души он чувствовал облегчение и радовался тому, что партизаны сделали за него всю грязную работу.

– Осталось только выяснить, где же Брандомонд, – проговорил Зугард после паузы.

– Сначала я решил, что его убили, – признался Бронмар. – А теперь думаю: возможно, он попросту скрылся, узнав об опасности.

– По-вашему, такое поведение достойно правителя? – спросил Зугард.

Смутившись, Брономар отвёл взгляд.

– Защищать правителя – обязанность армии, – произнёс он, наконец.

– Поэтому вы решили перейти на нашу сторону? – допытывался Зугард. Покровы были сняты.

– Из двух зол я выбрал меньшее, – проговорил Брономар. – Что ещё мне оставалось, когда Эрмеона арестовали, государь исчез, а Беатрис-Тинслей грозило страшное разрушение?

– Бросьте кокетничать! – рассмеялся Зугард. – Мы оба знаем, что вы давно не поддерживаете императора!

– Ещё один колеблющийся, – заметила Визулинда.

– Так или иначе, я намерен поступать по совести, – заявил Брономар.

– Тогда что вы будете делать, если Брандомонд появится? – напрямую спросила Визулинда. – Вы с нами или нет?

Брономар молчал, не решаясь сказать ни слова. Было очевидно, что в этот момент он стоял перед выбором.

– Видите ли, генерал, – усмехнулась Визулинда, – я кое-что вынесла из своего «подвального приключения»... Так вот, невозможно усидеть на двух стульях сразу. Когда мы только-только начинали планировать переворот, я питала надежду осуществить его красиво. А сейчас я понимаю: нельзя оставаться чистой, когда ввязываешься в грязную иг-

ру. Вам понадобились наши ресурсы и ресурсы партизан – для того, чтобы уничтожить Трисберта. Теперь же вы сомневаетесь, помогать нам или нет... Это не совсем честно.

– Если бы ультраправые не арестовали Эрмеона, у вас бы ничего не вышло, – произнёс Бронмар.

– Вы хотели сказать, «у нас бы ничего не вышло»? – уточнила Визулинда.

– Нет, Ваше Высочество, у «нас», возможно, и вышло бы. Тогда мы уничтожили бы и ваши силы, и силы Трисберта.

– Так почему не уничтожили?

– Вы хоть представляете, какие были бы потери?

– А вы хоть представляете, что Трисберт мог праздновать победу, если бы я не привела партизан?

Зугард только и успевал следить за тем, как спорили Бронмар и Визулинда. «Мне ли не знать, как ловко парирует моя зазноба!» – думал Зугард, незаметно улыбаясь. И всё же следовало вмешаться; для этого нужно было поймать удобный момент.

– Бросьте, генерал, – проговорил Зугард, когда спорщики умолкли, чтобы набрать воздуха. – Мы оба понимаем, что Программа Культурной Доступности – это путь в никуда. Так зачем же вы защищаете тех, кто её поддерживает? Потому что присягали? Вы не знаете, как поступить, чтобы оставаться честным офицером – но при этом выглядите просто глупо, не обижайтесь.

– Дожили! – печально усмехнулся Бронмар. – Честность

в наши времена смотрится глупо!

– Не честность смотрится глупо, а ваши колебания, – возразил Зугард. – Выберите, наконец, сторону.

Брономар снова погрузился в раздумья. Зугард видел, что Визулинда нервничала.

– Если император не появится в течение времени, установленного законом, – произнёс Брономар, помолчав, – то Её Высочество получит право претендовать на престол.

– А если появится? – спросил Зугард.

– А если появится, – сказал Брономар, – то мы передадим ей власть не менее легитимно.

Глава 27: Ночь во дворце

Прямо с космодрома Зугард отправился в военный госпиталь; Визулинда полетела с ним. Генерала поместили в специальный изолятор для высшего командного состава. Впрочем, никаких предметов роскоши в палате не было: только большая кровать, шкаф и тумбочка. Оставшись наедине, влюблённые бросились в объятия друг друга.

– Как же я волновалась! – приговаривала Визулинда, трогая то лицо генерала, то его плечи, то спину – так, будто пыталась убедиться, что он реален.

– Я в порядке, всё обошлось, – говорил Зугард, несмотря на боль в голове.

– В какой-то момент мне показалось, что не нужно никакого переворота – только бы с вами всё было хорошо...

Зугард обнял её ещё крепче.

– Так обидно, – произнёс он, – любимая занимается войной и политикой, а я в больнице лежу...

Визулинда мгновенно отстранилась.

– Вы полагаете, для «любимой» неестественно заниматься войной и политикой? – спросила она.

– Бросьте, я не то имел в виду.

– Нет, серьёзно, прозвучало как «инвалид сражается, пока воин заболел». Или того хуже: «младенец работает, пока взрослые на больничном».

– Вам лишь бы придраться! Хотя признаю: прозвучало действительно немного по-сексистски...

Визулинда вновь прильнула к груди Зугарда. Генерал улыбнулся над собой: хотел быть героем, а всё случилось без него... Впрочем, он и был героем: в своих патриархальных фантазиях под кафкой.

Врачи подтвердили сотрясение, хоть и никаких других проблем не нашли. Спустя сутки генерал оклемался: голова почти не болела и совсем перестало тошнить. Зугард хотел как можно скорее выписаться, однако не тут-то было: его продержали в госпитале ещё два дня. Чем лучше становилось генералу, тем больше он мучился от скуки: ему запретили читать, смотреть видео и слушать записи, а посещения сократили до пятнадцати минут.

Самым частым посетителем была Визулинда – несмотря даже на то, что сама она спала по три часа. Визулинда рассказывала Зугарду последние новости: о том, например, что Эрмеон и другие генералы до сих пор под стражей, партизаны хозяйничают на военных базах, а Брандомонд пока не объявился... Одарив генерала короткими ласками, правительница покидала его, чтобы вернуться к государственным делам. Сперва это было невыносимо – отпускать любимую, зная, какие опасности могут её ждать.

– Что, если сторонники Эрмеона готовят мятеж? – беспокоился Зугард. – Что, если на вас нападут, как хотели напасть на Брандомонда? Ну уж нет, пора мне отсюда выписываться!

– Знаете, генерал, – отвечала Визулинда, – вы уж определитесь, чего хотите: видеть меня правителем или опекать на каждом шагу? Либо вы не сомневаетесь в том, что я сама способна решать проблемы, либо всё это просто какая-то игрушечная эмансипация.

После таких речей Зугарду приходилось мириться со своим положением больного. Сжав зубы, он терпел постоянные исследования и осмотры, а по ночам не мог уснуть без снотворного. На счастье, кости генерала были целы, а сосуды в полном порядке. Однажды к нему заглянул Готфрид – и Зугард принялся умолять его позаботиться о Визулинде...

– Прошу прощения, генерал, – изумлённо ответил Готфрид, выслушав просьбу, – но у Её Величества прекрасная охрана. Наши люди перепрограммировали дроидов Брандомонда, и, к тому же, с нею постоянно кто-то из спецподразделений.

На четвёртый день пребывания в госпитале Зугарду всё же удалось оттуда вырваться. Доктор, который лечил генерала, умолял его соблюдать режим ещё хотя бы две недели: не читать, не напрягаться, побольше отдыхать... Зугард обещал выполнять все рекомендации – и в то же время понимал, что не сдержит слова.

Визулинда – со всеми своими телохранителями – встретила его из госпиталя. Со стоянки их забрал императорский шаттл; он поднялся в воздух и вскоре стыковался с кораблём, который сопровождали беспилотники. Зугард и Визулинда

прошли в каюту, а охрана осталась снаружи. Кто-то из телохранителей отправился в кабину пилотов.

Каюта на императорском корабле была похожа на все другие каюты, какие бывают на частных летательных аппаратах. По левую сторону от входа стоял диван, перед ним располагался столик с дистанционным управлением. К потолку на кронштейнах фиксировались три монитора, куда подавалось изображение от внешних камер.

Оказавшись наедине, влюблённые горячо обнялись.

– Наконец-то я на свободе, – проговорил Зугард, убирая со лба любимой непослушную прядь.

– Я беспокоюсь, не слишком ли рано вас выписали, – сказала Визулинда.

– Поверьте, я в полном порядке.

– И всё же это смешно: просить Готфрида присмотреть за мной...

Визулинда усмехнулась и, опускаясь на диван, увлекла Зугарда за собой.

– Негодяй, – в шутку произнёс генерал, садясь возле любимой. – Я так и знал, что он вам проболтается!

– Полковник фон Тома нужен в Эллен-Своллоу-Ричардс. Нельзя допустить новых волнений.

Слова Визулинды отрезвили генерала.

– О Брандомонде до сих ничего? – спросил он, помолчав.

– Его ищут, – отозвалась Визулинда. – Многие из тех, кто был во дворце во время штурма, бежали. Остальные же го-

ворят, что ничего не знают.

– Плохо, – задумчиво проговорил Зугард. – Как бы ваш братец не добрался до какого-нибудь гарнизона на Нэтти-Стивенс!

– Ходят слухи, что с ним расправились ультраправые... А кто-то говорит, что это сделала я.

Визулинда печально усмехнулась. Зугард посмотрел на неё с нежностью: ну как такая душенька может с кем-то расправиться?

– Знаете, – продолжала Визулинда, – вчера мне даже пришлось выйти к толпе разъярённых военных... Их было человек сто, и все они собрались на площадке перед дворцом. Кажется, ими командовал кто-то из людей Эрмеона.

Услышав это, Зугард изменился в лице.

– Вы с ума сошли! – воскликнул он, вскакивая с места. – Кто знает, что они могли с вами сделать!

Визулинда смерила его спокойным взглядом.

– Вы предлагаете зарабатывать уважение как-то иначе? – насмешливо спросила она. – Предлагаете пускать впереди себя надёжных мужчин – чтобы все убедились в моей трусости?

Зугард вздохнул и опустился на своё место: несмотря на то, как сильно он волновался за любимую, всё-таки она была права.

– Только бы продержаться этот месяц! – сказала Визулинда. – Мне ведь нельзя короноваться раньше...

– Дурацкий закон! Можно найти лазейку, – возразил Зугард.

– Этим занимаются мои люди. Да и сама я теперь читаю Свод Законов перед сном...

– Если что – опять применим силу.

– Нужно действовать аккуратно. Я и без того уже почти узурпатор: едва ли могу объяснить общественности, почему держу генералов под стражей.

– А СМИ уже в курсе?

– Разумеется! Я почти сразу связалась с редакторами ведущих изданий. Теперь все знают, что Трисберт хотел стать военным диктатором – но его остановили отважные офицеры, и власть осталась в руках правящей семьи.

– Оно ведь так и было! Ну, если только с небольшими огорками...

Влюблённые умолкли. В каюте воцарилась тишина.

– Я вот ещё чего опасаясь, – прервал молчание Зугард. – Сейчас может вылезти какой-нибудь ваш племянник – сын дочери Сигриса Гордетольфа.

– Я издала манифест, заверила его в Исполнительной Палате и разослала его по всей империи, – отозвалась Визулинда. – Теперь я официальная наместница Брандомонда, а все, кто посмеет противиться моей власти, предатели.

– Надеюсь, в Исполнительной Палате не слишком сопротивлялись? – усмехнулся генерал.

– Немного – до тех пор, пока я не пригрозила новыми вол-

нениями, – сказала Визулинда.

– Быстро же вы учитесь править! – воскликнул Зугард и, как бы опомнившись, спросил: – Кстати, куда мы летим? Неужели во дворец?

Визулинда кивнула. Зугард почувствовал странное волнение: лететь во дворец как к себе домой было для него в новинку.

– Приближаемся к дворцовой зоне, – сообщил пилот.

– Давайте включим камеры, – предложил Зугард.

– Зачем? – спросила Визулинда.

– Хочу посмотреть, насколько сильно там всё разрушено.

Он наклонился к столу, нашёл на панели управления нужный значок – и вот заработали мониторы. Взору влюблённых представился дворец; он состоял из центральной части и четырёх крыльев. Закатные лучи отражались в зеркальной поверхности его башен и куполов, которыми были прикрыты посадочные площадки. Острые шпили взмывали в небо – и казалось, что их вот-вот заденет один из патрульных дронов-охранников. Сторону, противоположную солнцу, было видно гораздо хуже; Зугард навёл камеру и сумел разглядеть крыло здания, которое прилегало к космодрому.

– Сильно повреждено, – заметил генерал.

– Да, сейчас его ремонтируют, – отозвалась Визулинда. – Раньше там был прямой ход из ангара в покои. А теперь придётся лететь...

Прибыв на космодром, влюблённые снова сели в шаттл и

через пару минут оказались над одной из посадочных площадок. Пилот связался с диспетчером, и вскоре площадка была открыта. У ворот сидели две золотые собаки. Визулинду встречали придворный камердинер, которого в условиях «военного времени» она назначила из верных офицеров, и двое охранных дроидов.

– Бергман, – сказала мундиморийка, обратившись к камердинеру. – Распорядитесь насчёт ужина. Пускай накроют в моём кабинете.

«А не тот ли это Бергман, который из двести тридцать седьмой части?» – пронеслось в голове у Зугарда.

Охранники отправились вперёд процессии. Зугард и Визулинда шли следом, а немного позади двигались дроиды. Путь лежал через длинные коридоры, которые вели прямо в центральную часть дворца – туда, где располагались тронный зал, императорские покои и комнаты для важных гостей. Оглядываясь по сторонам, Зугард мимоходом рассматривал сводчатые потолки и настенные барельефы, которые изображали сцены из жизни пророка Илона.

– Темновато здесь, – заметил Зугард.

– Это ведь коридор, – сказала Визулинда. – Не вижу смысла тратить на него много энергии. Свет зажигается только там, где кто-то есть.

– А кто здесь есть, кроме вас и охранников?

– Я оставила здесь служащих и работников кухни. Есть ещё те, кто следит за бытовыми дроидами.

«Вот так императрица! – усмехнулся Зугард. – Ни одного лишнего космотугрика не потратит!»

– А вообще, – продолжала Визулинда, – не понимаю, зачем современному правителю такое огромное жилище... Я вот заняла одни апартаменты для гостей – и мне хватает.

– Разве вы живёте не в императорских покоях?! – воскликнул Зугард.

– Нет, я живу в апартаментах «Развитие». Мне, если честно, название понравилось. А если решу переселиться в покои императора, то всё там переделаю.

Зугард ощутил разочарование: мысль овладеть любимой прямо на императорской кровати вызывала в нём невероятный трепет. «А если бы в этот момент на голове у Визулинды была корона, да в руках скипетр...» – укороткой мечтал мундимориец и тут же понимал, что всё его сладостное святотатство отменяется.

Наконец, процессия достигла апартаментов «Развитие». Охрана проверила комнаты и осталась у дверей, а влюблённые вошли внутрь и оказались в уютном кабинете. Его стены были без особой отделки, зато с множеством картин, изображавших диковинные растения; в углу находилась изящная софа, а симметрично ей – статуя Гуру Глебыча. Влюблённые уселись за стол, что стоял посредине комнаты.

– Вот здесь я работаю и отдыхаю, – сказала Визулинда. – А в соседней комнате есть коллекция музыкальных инструментов... Когда я сюда прибыла, в спальне были мужские

вещи. Возможно, эти комнаты занимал кто-то из друзей императора, с которыми он играет в группе.

Совсем скоро пришли роботы-официанты и подали ужин. К тому времени Зугард уже изрядно проголодался и хотел было начать трапезу – однако Визулинда остановила его быстрым движением. Изумлённый, генерал поднял на неё взгляд.

– Мы не будем это есть! – проговорила Визулинда, как только дроиды ушли.

Затем она достала коммуникатор и набрала какой-то номер. Спустя некоторое время дверь, которая вела во внутренние покои, открылась, и оттуда вышел... Тёмный Лорд. Он катил тележку с подносом.

– Ну и ну! – воскликнул Зугард и даже засмеялся от неожиданности. – Кого-кого, но тебя, дружище, я здесь увидеть не ожидал!

– Каждый раз, когда мне готовят, – объяснила Визулинда, – я делаю вид что ем, а сама прошу Тёмного Лорда принести что-то другое. К слову, в соседнем крыле тоже находится кухня, и сейчас она якобы закрыта.

– Зачем вам это надо? – спросил Зугард. – Бойтесь, что вас отравят?

– Да, такое вполне может быть.

– Но вас могут отравить и через ручку платяного шкафа!

– Возможно, это просто моя блажь... У нас, правителей, много страхов.

С этими словами Визулинда отрезала себе кусок варёного мяса, которое принёс Тёмный Лорд, и принялась за еду. Зугард пожал плечами и последовал её примеру. Оказалось на удивление вкусно.

– Подай вино из тайника, – приказала Визулинда, обратившись к дроиду.

Тёмный Лорд подошёл к статуе Гуру Глебыча и потянул её за нос. Постамент, на котором она находилась, мгновенно отъехал в сторону. Зугард увидел, что под полом была спрятана ещё одна комната. Тёмный Лорд спустился туда и вернулся уже с бутылкой, после чего закрыл тайник тем же способом – потянув Глебыча на нос.

– Потрясающе! – воскликнул Зугард. – А как вы узнали про этот тайник?

– Случайно, когда была ещё ребёнком, – ответила Визулинда. – Однажды меня привели к отцу, но он был занят. Мне стало скучно ждать его, и я убежала смотреть дворец... Как же тогда перепугалась Алопедия! Помню, меня искали, а я пряталась и не смела показаться – зная, что мне влетит...

– Ну вы и шалунья! – усмехнулся Зугард.

– Ага, – согласилась Визулинда. – Я бежала по коридору из центральной гостиной. Когда кто-то проходил мимо, я тут же бросалась в нишу и приседала.

– А как же камеры?

– По ним-то меня и нашли! Но сначала я попала в эту комнату. Забежала за софу и присела. Вдруг слышу: гудит

что-то... Я легла на пол и смотрю в щель под софой. Вижу – статуя отодвигается, а из-под пола мой отец выходит... Меня, ребёнка, это так впечатлило! А вчера я принялась исследовать тайник, и знаете, что? Я обнаружила там ход!

Визулинда умолкла, чтобы прожевать кусок ужина. Зугарда изрядно удивил её рассказ – хоть в доме его родителей тоже было много тайников.

– И куда же вёл этот ход? – спросил Зугард.

– Я так устала, что дошла только до библиотеки, – отозвалась Визулинда. – Можем с вами дальше исследовать.

– Вы думаете, этот ход единственный? Во дворце могут быть и другие.

– Я искала другие, но не нашла. Всё, что мне попало на глаза – это ещё несколько слепых тайников, которые никуда не ведут.

– А вы не боитесь, что кто-нибудь проберётся к вам по тайному ходу и вас похитит?

– Бросьте. О нём знают разве что очень приближённые к императору люди, а здесь таких больше нет.

Влюблённые съели почти весь ужин. Визулинда взяла еду, которую принесли дроиды, и переложила её на поднос Тёмного Лорда. Часть еды она расложила по тарелкам. После этого Тёмный Лорд удалился.

– Хотите ввести в заблуждение посудомоечные машины? – спросил Зугард.

– А что, если тарелка попадётся не машине, а человеку?

– Вы только четыре дня правите, а уже параноик!

Визулинда позвонила, чтобы убрали посуду. Бутылка вина и два бокала остались стоять на столе. Этот романтический натюрморт доставил генералу странное удовольствие. Несмотря на все злоключения, влюблённых ждала чудная ночь вместе.

– Пойдёмте, покажу вам внутренние покои, – предложила Визулинда.

Она встала и поманила Зугарда за собой. Тот с удовольствием повиновался. За кабинетом находилась небольшая комната, где каждая стена была увешана электроидрами – большими струнными инструментами, которые имели собственную акустическую систему. Зугард мало понимал в музыке, но знал, что играют на электроидрах сидя, как на виолончели.

– Возможно, когда-то это была кофечайная, – сказала Визулинда. – А в последние годы её переделали.

– Удивительно, что вы заняли мужские покои, – ответил Зуагрд.

– Говорю же: название понравилось.

Далее находился гардероб, где стояли огромные шкафы с системой специальных рельс, чтобы проще было искать одежду. Наконец, влюблённые оказались в спальне – маленькой комнате, основную площадь которой занимала кровать с невысоким деревянным изголовьем. Зугард присмотрелся и увидел, что на нём довольно искусно были вырезаны собаки

внутри странных ракет. «Мило, но не по-императорски», – пронеслось у генерала в голове.

– Что ж, – сказала Визулинда, растёгивая платье, – рас- полагайтесь.

Зугард подошёл к ней и обнял за талию. Визулинда улыб- нулась.

– Вы уверены, что восстановились после травмы? – уточ- нила она.

– Абсолютно уверен! – страстным шёпотом ответил гене- рал, приподнимая платье любимой.

Прикрыв глаза, она потянулась к нему. Влюблённые со- единились в поцелуе; в это время Зугард поглаживал упру- гое бедро Визулинды, заходя между ног. В какой-то момент Визулинда отстранилась и продолжила растёгивать пугови- цу за пуговицей...

– Подождите! – остановил её генерал.

Визулинда замерла, вопросительно глядя на любимого.

– Прошу, давайте пойдём в покои императора, – прогово- рил Зугард.

Глаза Визулинды, до этого полузакрытые, мгновенно округлились.

– Зачем? – удивлённо спросила она.

Зугард почувствовал возбуждение и стыд одновременно.

– Прошу, – повторил он, – сделайте это для меня...

– Но я не совсем понимаю, – мягко, но настойчиво допы- тывалась Визулинда, – чем вас эта спальня не устраивает?

– Она меня устраивает. Если хотите, придём сюда спать.

Визулинда молчала, продолжая ошарашенно пялиться на Зугарда. Тот почувствовал неловкую паузу – и ослабил хватку.

– Не знаю даже, как это объяснить... – проговорил он, отпуская любимую. – Я не могу избавиться от мучительной истомы – так, будто обладание вами как монархом принесёт мне наивысшее наслаждение, какое только можно представить...

Лицо Визулинды выразило испуг; прикрывшись краями расстёгнутого платья, она отпрянула.

– Зугард, – побледнев, произнесла Визулинда, – вы... извращенец? Вы монархофил?

На секунду Зугард остолбенел, не зная, что ответить.

– Да нет же! – воскликнул он, наконец. – То есть... да, технически это так – но это совсем не то, что вы подумали!

– А что тогда?! – вскричала Визулинда. – Я нужна вам только потому, что я монарх?! Вы только затем совершили переворот, чтобы сношать коронованную особу?!

– Это неправда! Я люблю вас и только вас, и другие монархи мне не нужны!

– Тогда какая разница, где заниматься любовью?

Зугард вздохнул и, смутившись, прошёлся по комнате.

– Разумеется, я люблю вас и только вас, – повторил он, собравшись с мыслями. – Вы моя величайшая страсть, и, не будь вы императорского рода, я чувствовал бы к вам то же

самое. Только, знаете, есть вещи, которые находятся как бы параллельно этому. Возможно, виной всему моё воспитание и окружение. Возможно, всё это обычная блажь или я просто свихнулся... Но когда я представляю вас в короне и со всеми регалиями, то будто бы теряю рассудок...

Визулинда стояла, поражённая.

– Конечно, мои слова могут напугать вас, – продолжал Зугард. – И если вы меня возненавидите, то всё, что мне останется – это застрелиться. Однако я должен быть с вами честен. Иногда я представляю, как в тронном зале вы ублажаете меня орально – а на голове у вас корона... Тогда я возбуждаюсь так сильно, что у меня темнеет в глазах. И я уверен: если нечто подобное всё-таки случится, то я испытаю такое наслаждение, какое доселе не испытывал ни один гуманоид...

Взволнованный, Зугард умолк. Визулинда всё так же стояла, опустив голову. Сердце генерала замерло в ожидании: вот-вот любимая должна была сказать своё слово. Минута растянулась на целую вечность.

– Хорошо, – произнесла наконец, Визулинда. – Я согласна попробовать монархофилию – если для вас это так важно... Просто знаете, я никогда раньше не занималась такими вещами...

– Разумеется, не занимались! – подхватил Зугард, вне себя от счастья. – Вы ведь никогда раньше не были императрицей!
– К тому же, я не уверена, что смогу удовлетворить ваши

потребности: меня ведь ещё не короновали...

– Ничего страшного! Поверьте: вы без пяти минут коронованы!

– Тогда и вправду настало время попробовать что-то необычное...

Зугард подошёл и обнял любимую. Та, прижавшись к нему всем телом, положила голову на его плечо.

– А вообще, вы правы, – уже увереннее произнесла Визулинда. – Мы взрослая, крепкая пара, зачем загонять себя в рамки? Монархофилия – это вполне естественно, когда монарх в отношениях. Нужно расширять границы, осваивать новые горизонты близости...

– Обещаю, вы будете в восторге! – горячо воскликнул генерал, хватая и целуя руку возлюбленной.

Зугард и Визулинда решили начать с малого: сперва заняться любовью в спальне императора, а уж потом идти в тронный зал. Зугард хотел взять из хранилища монархические регалии – корону, скипетр, державу и мантию – однако и с ними решили повременить. Чтобы пройти мимо охраны и камер, пришлось одеться заново. Зугард помогал Визулинде застёгивать её многочисленные пуговицы.

Влюблённые вместе вышли из покоев.

– Оставайтесь здесь! – сказала Визулинда охранникам.

К императорским апартаментам вёл тёмный коридор. Пройдя несколько миллиэклов, Визулинда приблизилась к одному барельефу и нажала на него обеими ладонями. Это

оказался люк; внутри были рубильники. Визулинда перевела их из нижнего положения в верхнее – и одна за другой в коридоре загорелись лампы. Теперь ничто не мешало влюблённым, и они устремились навстречу своему приключению.

По дороге Зугард и Визулинда молчали и лишь посматривали друг на друга: она – с интересом, он – с нетерпением. Наконец, влюблённые оказались у дверей в императорские покои.

– Здесь закрыто? – спросил Зугард.

– Закрыто, – отозвалась Визулинда. – Но все иридоस्कаны перепрограммированы под мою радужку.

Мундиморийка поднесла своё лицо к монитору сбоку от двери – и система безопасности легко узнала её. «Добро пожаловать, Ваше Величество!» – послышалось радушное приветствие. Войдя, Зугард и Визулинда оказались в просторной приёмной, потолка которой украшала позолоченная лепнина, а между пилястрами на стенах висели гобелены с собаками. Молча переглянувшись, влюблённые прошли дальше – в кабинет, где напротив входа стоял стол с мраморной столешницей. Рядом располагалась «молельня» – скульптурная композиция, изображавшая богов мудрости. На высоком пьедестале стояла Ада Лавлейс – богиня, даровавшая людям искусство программирования. У её ног сидели Билл Гейтс и Стив Джобс – в позе лотоса. Под ними стоял пророк Илон.

– Может, кого-нибудь из них за нос потянуть? – спросила

Визулинда, кивая в сторону изваяния. – Я ещё не пробовала...

– Давайте попробуем позже! – нетерпеливо воскликнул Зуагрд и увлёк её в кофечайную, а оттуда – через гардеробную – уже в спальню.

Императорская спальня была великолепна. Зугарда ослепило обилие позолоченных украшений: багеты, карнизы, пилястры, молдинги... Казалось, помещение занимало два этажа – настолько высоким был сводчатый потолок. В самом его центре находилась фреска, изображавшая сцены освоения мифической Красной Планеты. По преданию, люди колонизировали её первой. Над кроватью располагался балдахин, а её изголовье было настоящим произведением искусства: оно стремилось вверх причудливой лесенкой, и каждую её ступень венчала резная башня.

«Вот это я понимаю императорские покои!» – возбуждённо подумал Зугард и, не теряя времени, бросился к любимой.

– Вы мой сладостный монархический фетиш! – воскликнул генерал, хватая Визулинду на руки.

Та, издав короткий смешок, обняла его за шею. Зугард отнёс драгоценную добычу на кровать, уложил её и тут же стал снимать с себя одежду. В это время Визулинда вновь принялась расстёгиваться, однако генерал оказался быстрее: к тому времени, когда она дошла до четвёртой пуговицы, Зугард уже стоял перед ней голый. Возбуждённый, он хотел было запустить руки под подол визулиндиного платья – но внезап-

но она сказала:

– Вижу, генерал, вы в боевой готовности... Давайте я привяжу вас и доставлю вам оральное удовольствие!

От такого предложения Зугард оторопел: звучало заманчиво, однако быть привязанным никак не входило в генеральские планы.

– А привязывать меня зачем? – осторожно спросил мундимориец.

– Как это «зачем»? – возмутилась Визулинда. – Мы ведь решили разнообразить сексуальную жизнь! Я слыхала, есть такие практики, где вроде бы кого-то зачем-то привязывают...

Зугард смутился ещё больше, однако чего не сделаешь для любимой женщины? «Деваться некуда, – подумал генерал. – Сам ведь предложил ей всякие непотребства... Назвался груздем – полезай в кузов!»

– Что ж, привязывайте, – с готовностью проговорил Зугард. – Только я не понимаю, какое отношение это имеет к монархии...

– Не волнуйтесь, я вас потом обратно отвяжу, – пообещала Визулинда.

Приподнявшись, мундиморийка оглядела комнату. Зугард немедленно сообразил, что любимая ищет место, куда б его покрепче привязать.

– Придумала! – воскликнула Визулинда. – Становитесь на кровать: привяжем вас к верхней башенке на изголовье...

Кстати, где ваш ремень?

Ещё некоторое время влюблённые искали ремень Зугарда, который в итоге оказался на полу под брюками. После этого генерал забрался на кровать и смиренно стал к изголовью.

– Примерьте, – сказала Визулинда. – По росту подходит?

Зугард поднял руки и приложил их к верхней башенке.

– Пожалуй нет, – произнесла Визулинда, – подвиньтесь немного в сторону!

Зугард отступил на полшага влево и вновь поднял руки. Визулинда собрала подушки, сложила их горкой и, став на них, как на приступочку, начала привязывать любимого его же ремнём. Зугард невольно вспомнил свой сон под кафкой и усмехнулся горькой иронии: во сне Визулинда была в таком положении, а на яву – он... Одно только радовало: мундимориец понимал, что удовольствие, которое доставит ему нежный рот любимой, искупит все невзгоды.

Закончив работу, Визулинда отошла и осмотрела результат.

– Ну и что вы сделали? – спросил генерал. – Вы ведь совсем слабо привязали! Вот, видите, я могу освободиться!

Зугард принялся двигать руками влево-вправо – и вдруг почувствовал, что башенка прокрутилась... Кровать начала двигаться в сторону; Визулинда не удержала равновесие и упала.

– Что, мать его, происходит?! – вскричал генерал.

Визулинда вскочила и бросилась туда, откуда ехала кровать. Зугард видел, что позади изголовья показалась ниша в стене – однако он не мог рассмотреть то, что было внутри. Наконец, кровать остановилась. Уставившись в нишу, Визулинда издала негромкий крик и зажала рот ладонью.

– Да что там?! – вновь воскликнул Зугард.

Визулинда посмотрела на него, не сказав ни слова. Из недр ниши, бледный и растрёпанный, медленной походкой вышел император Брандомонд.

Не веря своим глазам, генерал потерял дар речь. Брандомонд повернулся и уставился на него во все глаза. Так продолжалось несколько минут: Зугард смотрел на императора, император – на Зугарда, а Визулинда, вытаращившись, смотрела на них обоих по очереди.

Генерал опомнился первым.

– Чего уставились? – проговорил он, обратившись к Брандомонду. – Извольте отвернуться!

Тот медленно повернулся к стене – так же молча и отрешённо.

– И не вздумайте бежать! – добавил Зугард, пытаясь освободить руки. – У нас повсюду охрана!

– Да знаю, – вяло отозвался Брандомонд.

Двигая руками влево-вправо, Зугард понял: он явно недооценил способность Визулинды привязывать голых мужчин. Ремень был затянут слабо, но освободиться генерал не мог. Визулинда заметила это и бросилась помогать любимому.

Пока она возилась с ремнём, Зугард следил за Брандомондом. Генерал оставил свой пистолет у Визулинды в покоях, а охрана была далеко. «Как бы государь чего не выкинул!» – волновался Зугард.

Наконец, генерал был свободен. Он быстро оделся, а Визулинда застегнула пуговицы. Всё это время император тактично ждал.

– Извольте повернуться! – скомандовал Зугард.

Брандомонд повиновался. Опять все трое молча смотрели друг на друга. Впервые Зугард видел императора так близко. У Брандомонда были мягкие черты лица и светлые волосы, которые теперь торчали как попало. Его Величество был одет в широкую белую рубашку и кожаные брюки.

– Что, убьёте меня? – спросил Брандомонд.

Влюблённые переглянулись.

– С чего вы взяли? – удивилась Визулинда.

Брандомонд смутился.

– Что ж, – произнёс он, – если вы меня не убьёте, это будет очень мило с вашей стороны.

– Что вы, это пустяки! – воскликнула Визулинда. – Вы ведь отречётесь от престола, зачем вас убивать?

– Ну, мало ли, – пожал плечами император. – Ультраправые, например, собирались – хоть я и не видел их ни голыми, ни привязанными... Да и Хельмимира, думаю, была бы не прочь со мной расправиться.

– Ох уж эта Хельмимира! – засмеялась Визулинда. – Её

хлебом не корми, дай кого-нибудь расстрелять!

– Да уж, я знаю, – согласился Брандомонд. – Я ведь, считай, был рядом, когда Трисберта расстреливали...

– Рядом? – удивилась Визулинда. – В подвале?

– Ага, – отозвался Брандомонд. – Хотел бежать на космодром – через туннель из покоев «Развитие». Иду по нему – а его, представьте себе, завалило...

– Бомбардировки – это дело такое, – вставил генерал. – Там всё крыло разнесли.

– Ну вот. Возвращаюсь – а там шаги, голоса... Я спрятался в тайник и слышу: вроде Трисберт и его молодцы. Сначала они тоже в сторону космодрома побежали, а потом вернулись, ругаются... Потом какой-то шум начался, выстрелы... «Ну всё, – думаю, – конец мне».

– Это, наверное, партизаны Трисберта взяли, – догадался Зугард.

– Я тогда и не понимал толком, партизаны это или кто... Сiju в тайнике, дышу еле-еле. Тут слышу, Трисберт к кому-то обращается. «Ты, – говорит, – сука, стреляй в меня, чего медлишь? Я бы и Брандомонда пристрелил, и Хельмимиру вашу...» А тот, видно, по морде ему прикладом стукнул...

Брандомод сделал паузу, чтобы перевести дыхание. Влюблённые переглянулись.

– К слову, сестрица, и вы там тоже были, – сказал император, помолчав.

– Я?! – воскликнула Визулинда. – Ах, да, точно...

– Вы ещё тогда ультраправых под трибунал хотели отдать.

– Ну, это я наивности.

– С вами там ещё Хельмимира была?

– Она самая, кто ж ещё!

– Я так и понял... Деловая такая: «Пойдёмте, – говорит, – наверх, объявим вас императрицей»... А партизаны потом ещё обсуждали, куда трупы девать...

– А почему вы из «Развития» бежали, а не из императорских покоев? – спросил Зугард.

– В императорских покоях находился мой двойник. Сам я жил в «Развитии».

– Так и я теперь живу в «Развитии»! – воскликнула Визулинда.

– Знаю я, знаю... Там ещё электроидры мои хранятся, видели?

– Ещё бы, конечно видела!

– Надеюсь, они в порядке? Я из-за вас теперь совсем не могу их проведать.

– Не волнуйтесь, они в порядке. Я совсем не захожу в ту комнату.

– Помню, мы с ребятами так душевно порепетировали накануне! Пришёл я утром к себе, отправил двойника в императорские покои и спать лёг. Проснулся, наверное, только тогда, когда ультраправые дворец захватили... Кто ж знал, что так получится?

– Ваш двойник – это что-то! – рассмеялся Зугард. – Его спасли, а у него батарея села!

Брандомонд сдержанно усмехнулся.

– Я теперь думаю, – произнёс он, – что следовало, наверное, сказать о нём хоть кому-то из приближённых... Тогда бы и меня спасли.

– Ну, уж получилось как получилось, – проговорила Визулинда. – Чего теперь жалеть?

– Оно-то да, – согласился Брандомонд. – И всё же можно было догадаться, что я отдельно от своих электроидр спать не буду. А так – увезли двойника и радовались, наверное...

– Не волнуйтесь, – сказала Визулинда, – мы вам все ваши электроидры вернём, когда вы отсюда съедете.

– Буду весьма признателен.

Все трое умолкли. На стене зиял открытый тайник; там были оборудованы освещение, вентиляция, и даже стоял небольшой диван. Однако, похоже, тайник не имел ходов.

– А не выпить ли нам кофечая? – спросил Зугард. – Заодно и потолкуем об отречении.

– О да! – подхватила Визулинда. – Мой бытовой дроид готовит восхитительный кофечай!

– Что ж, не откажусь, – согласился Брандомонд. – Если вы меня не отравите.

– Что вы! Как можно? – воскликнул Зугард. – Гораздо быстрее было бы вас пристрелить...

– Не обращайтесь внимания, – сказала Визулинда, – генерал

так шутит.

Зугард галантно пропустил монарших особ вперёд, и все трое направились в покои Визулинды.

– А вот отсюда я мог ходить по дворцу, – произнёс Брандомонд, оказавшись в кабинете. – Угадаете, как открыть тайник?

– Нужно потянуть Аду за нос! – воскликнула Визулинда.

– Не-а, – ответил Брандомонд.

– Нужно потянуть за нос Билла Гейтса или Стива Джобса? – поднял брови Зугард.

– Не-а, – усмехнулся монарх.

– Неужели Илона?! – произнесли влюблённые едва ли не хором.

– Да нет же! Гертруду!

Брандомонд подошёл к изваянию, и только тогда Зугард увидел, что у ног Илона сидела маленькая свинка. Император нажал на её пяточок – и постамент двинулся в сторону.

– Вот это да! – воскликнула Визулинда.

Зугард снова опасался, что Брандомонд попытается бежать. Однако император не проявлял даже намёка на подобные намерения: он вёл себя спокойно и с достоинством, как и подобает монарху. «Впрочем, куда ему бежать? – размышлял Зугард. – Он знает, что его всё равно схватят наши люди... А так ещё и лицо потеряет».

Визулинда Зугард и Брандомонд прошли по коридору и приблизились к покоям «Развитие». Увидев Брандомонда,

охранники изменились в лице, а роботы перешли в режим боевой готовности.

– Всё в порядке, – сказала Визулинда, открывая двери.

Снова оказавшись в её апартаментах, Зугард первым делом направился в спальню и достал из секретера свой пистолет. Визулинда позвонила Тёмному Лорду и попросила его принести в кабинет три чашки кофе.

– Не желаете поужинать? – спросила она у брата. – Мы-то с генералом уже откушали.

– Благодарю, – отозвался Его Величество. – Я и сам уже откушал. Ночью на кухне пусто.

– Ну, тогда я помогу вам составить отречение, – сказала Визулинда. – Чего зря время терять?

– Правильно, – поддержал её Зугард, протирая пистолет. – Раньше начнём – раньше закончим.

Покосившись на пистолет генерала, Его Величество скромно промолчал – хотя, возможно, у него было на этот счёт своё мнение. Визулинда взяла из тумбы клавиатуру и голографический носитель, соединила их, уселась за стол и принялась печатать. В комнате воцарилось молчание; тишину нарушал лишь стук клавиш. Зугард старался не смотреть Брандомонду в глаза наблюдал и за ним разве что украдкой. Желанная победа была уже почти в руках генерала – и в то же время он ощущал себя чудовищно неловко: Брандомонд видел его голым, привязанным, да ещё и с эрекцией.

«Наверняка он сейчас об этом думает! – сокрушался

Зугард. – Может, его и вправду пристрелить?»

– Готово! – сказала Визулинда. – Слушайте: «В дни величайших общественных изменений, когда старые порядки уступают место прогрессу мысли, я, Брандомонд Магнус Гордетольф, император Мундиморы, не смею больше препятствовать естественному ходу истории. Программа Культурной Доступности, которую я поддерживал, не принесла народу ничего, кроме массового отупления...»

Визулинда читала громко и выразительно. Когда она упомянула Программу Культурной Доступности, на лице Брандомонда появилась горькая усмешка.

– «... поэтому, исходя из всего вышеперечисленного, – продолжала Визулинда, – я, Брандомонд Магнус Гордетольф, император Мундиморы, признаю за благо отречься от престола в пользу сестры моей, Визулинды Гепатии. Наказываю ей, моей преемнице, вести государственные дела в нерушимом единении с представителями народа в Исполнительной Палате, а также согласно Своду Законов, дабы привести нашу Родину к процветанию»...

Закончив читать, Визулинда оглядела Зугарда и Брандомонда по очереди.

– Ну как? – спросила она. – Не слишком пафосно?

– По-моему, очень хорошо, – проговорил Зугард, продолжая крутить пистолет в руках.

– Ничего не хотели бы добавить? – обратилась Визулинда к императору.

– Что ж тут добавишь? – печально усмехнулся тот. – Если только что-нибудь наподобие «Не желая быть застреленным в подвале, убираюсь из дворца»...

– Нет, это как-то некрасиво, – возразила Визулинда. – Могу написать, что вы считаете своим призванием скорее музыку, чем государственные дела.

– Наверное, так и есть, – согласился император. – Хотя, конечно, меня иначе воспитывали.

– Ну, мало ли, как нас воспитывали! – воскликнула Визулинда. – Меня вообще воспитывали как придаток к мужу, и что с того? Видите, на трон претендую.

– Мне нужна неприкосновенность после отречения, – заявил Брандомонд. – Мне нужно имущество, чтобы жить в достатке. Пропишите в документе, что я получу в собственность материнское наследство, рудники ихния на Лизе-Мейтнер, резиденции на Розалинд-Франклин, Нэтти-Стивенс, Иде-Ноддак...

– А не многовато ли? – спросил Зуагрд.

Брандомонд смерил его царственным взглядом – несмотря на то, что в руках у генерала всё ещё был пистолет.

– Хорошо, – согласилась Визулинда. – Будь по-вашему. Какое сегодня число?

– Двадцать седьмое хайнлайна, – подсказал Зугард.

Визулинда подправила текст, присоединила транслятор к носителю и скопировала файл.

– Вот, подписывайте, – сказала она, подавая Брандомонду

транслятор и стилус.

Брандомонд перечитал документ и, взяв стилус, поставил подпись.

– Поздравляю! – воскликнул Зугард. – Теперь вы свободный состоятельный человек!

В кабинет вошёл Тёмный Лорд. Он катил тележку, на которой находились три чашки и заварник с кофечаем. Не теряя времени, Визулинда отослала файл в редакции ведущих изданий, на форум Исполнительной Палаты и каждому из советников лично. После этого она вызвала во дворец Хельмимиру, которая круглосуточно находилась на военной базе, а также Брономара и журналистов.

– Мы запишем видеоотречение, – сказала Визулинда, – если вы не против.

– Только дайте привести себя в порядок, – отозвался Брандомонд. – Не в таком же виде появляться перед камерами...

Для того, чтобы привести Брандомонда в порядок, пригласили парикмахера и стилиста. Видео записывали в тронном зале, который на время превратился в съёмочную площадку. То тут, то там работали операторы, звукорежиссёры и специалисты по свету – в основном из партизан. Всем управляла Хельмимира, а Зугард, Визулинда и Брономар стояли в стороне и наблюдали. Визулинда распорядилась достать императорские регалии из хранилища и художественно разложить их на троне. Глядя на них, Зугард украдкой улы-

бался и воображал себе всякие изящные наслаждения. Его даже не смущало то, что им с Визулиндой, возможно, придётся самим отстирывать мантию.

Брандомонд зачитал текст, который написала Визулинда – и на этом процедура отречения была завершена. Хельмимира вновь принялась командовать – теперь уже тем, как сложить аппаратуру обратно и вернуть регалии на место. Сняв с себя тяжёлое бремя государственной власти, Брандомонд устало подошёл к сестре.

– Полагаю, концерт окончен, – произнёс бывший монарх. – А теперь мне нужны приличные покои, бытовой дрийд и возможность нормально отдохнуть. Я покину дворец уже завтра.

– Не так быстро, любезный братец! – отозвалась Визулинда. – Не считите за неудобство, но вы пробудете здесь до коронации. Обещаю сделать всё как можно скорее.

Приятные черты Брандомонда исказила гримасса досады.

– Зря вы так переживаете, – успокоил его Зугард. – Отправим вас в апартаменты «Развитие», к вашим электроидрам. А мы с Её Величеством переедем в императорские покои...

«Уж мы-то знаем, чем там заняться», – хотел добавить Зугард, но промолчал.

– Кстати, – сказала Визулинда, – сразу после коронации состоится ещё одна скромная церемония: мы с генералом станем супругами. Почту за честь видеть вас среди гостей.

– Ну и ну! – воскликнул Брандомод. – Вы решились на

морганотический брак?

– Не вижу в этом ничего зазорного, – произнесла Визулинда.

– Конечно, дело ваше, если не боитесь общественного мнения...

– Мои дети будут императорского рода – от кого бы они ни были.

– Возможно, вы правы: надо бороться с пережитками. Я, когда в спальне вас увидел, сразу подумал: какие ребята креативные! Совет да любовь...

Зугард почувствовал, как покраснел. Визулинда отвела взгляд, а лицо Брономара вытянулось от удивления: он явно недоумевал и додумывал подробности.

– Что ж, – продолжал Брандомонд, ухмыляясь, – я, пожалуй, вас покину... Кстати, что вы там говорили про апартаменты «Развитие»?

– Вас туда проводят, любезный братец, – смиренно отозвалась Визулинда.

Она выделила Брандомонду охрану, и он удалился. Сразу после этого к Визулинде подошла Хельмимира.

– Мои люди закончили, – сказала она. – Запись появится на всех крупных каналах.

– Отлично! – воскликнула Визулинда.

– Хорошо бы слетать в главный комиссариат, навестить Эрмеона, – заметил Зугард. – Расскажем про отречение и узнаем, чего ждать от генералов.

Эрмеона и его подручных до сих пор держали под стражей в здании главного комиссариата. Визулинда приказала обеспечить для них как можно более комфортные условия, однако отпускать военных на свободу мундиморийка боялась.

– Думаю, нужно лететь сейчас же, – рассудил Брономар.

– Я полечу с вами, – сказала Визулинда.

Возникла пауза; генералы переглянулись.

– Что? – усмехнулась Визулинда. – Вас что-то смущает?

– Разумеется, нет, Ваше Величество, – ответил Зугард.

– Хорошо, – проговорила мундиморийка и, обратившись к Хельмимире, добавила: – А для вас у меня есть ещё одно задание.

– Какое? – спросила Хельмимира.

– Арестуйте Харальдюфа.

В одно мгновение Хельмимира изменилась в лице и ошарашенно уставилась на Визулинду.

– Позвольте, – сказала она, – как же теперь его арестовать, когда я эту сволочь уже давно расстреляла?

На этот раз изменилась в лице уже Визулинда.

– То есть, – произнесла она, содрогаясь от возмущения, – вы совершаете расправы без моего ведома?!

Хельмимира оглядела её с ног до головы и усмехнулась:

– Вы так говорите, как будто я делаю что-то плохое.

Глава 28: Чудесное свойство бульварной литературы

– Коломбина! – кричал Бабельянец. – Признавайся, наглая субретка, где ты прячешь своего дружка!

Коломбина – бытовой дроид стандартной модели, который достался Гоблиновичу вместе с квартирой в Каролин-Порко. Иннокентий переехал сюда после того, как Хельмимира стала главным советником Её Величества по вопросам культуры. Новая власть обнародовала программу Харальдюфа и заклеила её позором. Хельмимира пообещала дать людям качественное искусство.

– Дерзкая девчонка! – восклицал Бабельянец. – Отвечай, не то я лишу тебя жалования!

«Вот так дед, – усмехнулся Иннокентий. – Его отупили – а ему хоть бы хны... Несёт ту же дичь, что и раньше».

Коломбина прекратила уборку и молча уставилась на Бабельянца.

– Я выведу вас на чистую воду, не будь я дон Панталоне! – угрожал старик. – Отвечай: где ты спрятала Труффальдино?

– Повторите задачу, – невозмутимо произнесла девушка-дроид.

– Что? Не смей дерзить мне!

– Задача не определена. Вернуться к предыдущей задаче?

– Ах ты нахальная девица!

Коломбина спокойно повернулась к стене и продолжила чистить мелкие выемки в декоративных панелях.

– Бригелла! – обратился Бабельянц к Иннокентию. – Коломбина снова прячет у себя любовника!

Гоблинович отвлёкся от книги. Он едва сумел тогда убедить Хельмимиру не расстреливать старика. «Из него можно добыть ещё много чистого энтузиазма, – говорил Иннокентий. – К тому же, он подставной директор «Копрорации»... Что, если комиссары начнут копать?»

Каким-то чудом Хельмимира пощадила Бабельянца – и его попросту отупили. Первое время после этого он почти ничего не соображал. Гоблиновичу приходилось ухаживать за ним, как за ребёнком. После переезда в столицу Бабельянц оживился и стал считать себя доном Панталоне – потомственным дворянином королевских кровей. В его вселенной Гоблинович был слугой по имени Бригелла, а бытовой дроид представлялся ему горничной Коломбиной. Дюнделя, который как-то пришёл в гости к Иннокентию, Бабельянц называл «Труффальдино» и подозревал в любовной связи с роботом. Гоблинович не пытался вылечить старика: зачем, если ему так хорошо?

– Брось его, он больше не нужен, – говорила Иннокентию Хельмимира.

Однако Иннокентий не бросал старого друга – и вместе они жили в огромной квартире с двумя балконами и аэро-

стоянкой. Всем, кто воевал на стороне партизан, Хельмимира выделила жильё и раздала должности. Харальдюф был мёртв, однако борьба продолжалась. Новой власти предстояло справиться с привычкой народа к отупляющему искусству.

Как только Хельмимира стала главным советником императрицы по культурным вопросам, она сняла запрет на древних авторов. По всей империи теперь издавались Ремарк и Лем. Но вот незадача: их покупали довольно плохо. Читатель по-прежнему тяготел к «романам на один вечер». Хельмимира была обескуражена.

– Что не так?! – злилась она. – Я дала им достойные книги – так почему они продолжают читать ширпотреб?!

Наконец, Хельмимира решила: хватит церемониться с моралью.

– Я верну им художественный вкус! – в сердцах говорила она, стуча кулаком по столу. – Я заставлю их думать головой – чего бы мне это ни стоило!

Хельмимира составила новую программу, которую издательства тут же окрестили «диктат хорошего». Отныне все книги, фильмы и даже игры подвергались цензуре. Если продукт проходил проверку, он получал аттестат. У издателей, которые выпускали в свет неаттестованные произведения, отбирали лицензию. Книги издавались на обычных лайках – только сверху был выгравирован логотип издательства.

Для того, чтобы оценивать произведения, Хельмимира

привлекала на работу бывших партизан. Она даже организовала курсы для критиков. Раз в месяц Хельмимира и её ближайшие подручные выбирали случайное издательство и оценивали всё, что оно опубликовало за последнее время. «Провал» мог стоить цензору карьеры и деловой репутации.

Гоблинович попал в число тех, кому предложили пройти курсы «Литературная критика». Закончив их, он поступил на работу в крупное издательство. Днём Гоблинович оценивал романы, а по вечерам дорабатывал пьесу, которую начал писать ещё в отряде. Теперь он гораздо лучше разобрался в том, как работает сюжет и что такое раскрытие персонажа.

Иннокентий знал: те книги, которые он забракует, никогда не увидят свет для массового читателя, а многие авторы лишатся куска хлеба. Поэтому к делу нужно было подходить тщательно и объективно. Сперва Гоблинович давал шанс даже таким романам, как «Невеста-попаданка-девственница для босса-вампира-дракона». Со временем Иннокентий научился предсказывать качество романа по обложке и названию.

Сегодня Гоблиновичу прислали несколько новых произведений. Одно из них было частью серии «Брутальный Брутал». Иннокентий активировал лайку – и на первой же голографической странице увидел огромный фаллос, явно увеличенный в редакторе. «Странно, – подумал Гоблинович. – Зачем это здесь? Авторам давно разрешили не присылать в издательства копию своих гениталий». Аннотация книги

гласила:

«В этот раз Брутальный Брутал отправляется на брутальную планету, чтобы снова всех нагнуть. Сможет ли его брутальность противостоять другой, ещё более брутальной, брутальности? Сможет ли Брутал трахнуть всех самок на планете, если их вагины имеют мощные клыки? (Никаких соплей!)»

Иннокентий усмехнулся: по странному совпадению, автора книги тоже звали Брутальный Брутал. У него, по-видимому, была сильная аллергия на сопли: именно их Брутал боялся больше всего. «От такой концентрации тестостерона читатель, похоже, озверееет», – подумал Гоблинович. Он и раньше встречал книги из этой серии – и всё не мог понять, зачем их вообще пишут.

– Бригелла! – окликнул его Бабельянц.

Гоблинович мгновенно отвлекся от работы.

– Ты не сможешь мне выбрать пиджак? – продолжал светский лев дон Панталоне. – Сегодня я хочу пригласить на свидание донну Франческу. Поверь мне: скоро я женюсь на ней и прикарманю все её денежки!

«Донной Франческой» Бабельянц называл Хельмимиру, которую однажды увидел во время видеовстречи с Гоблиновичем.

– Ты и без пиджака красавец, – отозвался Иннокентий.

– Оно-то да, – согласился Бабельянц, – но ты же знаешь, вокруг Франчески вечно увивается этот мерзавец Теодоро...

Видать, тоже на денежки позарился!

Роль Теодоро во вселенной Бабельянца играл, конечно, Исаак. Однажды качкоид явился в гости к Иннокентию – и тут же был опознан. Бабальянец даже не видел их с Хельми-мирой вместе, но каким-то образом паззлы в его мозгу собрались в единую картину – и вот качкоид представился старику хитрым любовником богатой вдовы. Ситуация казалась особенно смехотворной потому, что к этому времени Исаак и Хельмимира были уже официально женаты.

– Ничего, Бригелла! – говорил Бабельянц. – Мы ещё одолеем этого Теодоро! Ух, корыстный негодяй!

Гардиальда старик считал сыном донны Франчески, а Стефанию – её служанкой. Бабельянц любил обсуждать их с Коломбиной, в то время как Гоблинович запирался в кабинете. От всех этих разговоров у Коломбины садился аккумулятор.

– Дед, – сказал Гоблинович, – ты что, одним только пиджаком даму впечатлять собрался? Иди вон в гостиной книга хорошая лежит... Называется «Казусы классической литературы». Выражений, что ли, умных там поищи...

– Бригелла, это же отличная мысль! – обрадовался Бабельянц и потрусил в гостиную.

Избавившись от старика, Гоблинович продолжил работу. С Бруталом и Невестой-девушкой было всё понятно, и теперь Иннокентию предстояло оценить последнее произведение. Называлось оно довольно странно: «Все идиоты, а я просто сволочь». Автора звали Семён Борисович Макиавел-

ли. «Ну и псевдоним!» – подумал Гоблинович и погрузился в текст.

С первых же строк Иннокентий понял, что роман – редкостная дичь. Он начинался с того, что генерал Мордотряс напутствовал своего лучшего война – Главного Героя – перед путешествием на Планету Идиотов. Герою предстояло спасти её от Отупляющего Монстра, чтобы всех идиотов сделать умными.

«Будь осторожен, мой мальчик, – говорил Мордотряс. – Тебя ждёт немало грозных противников: зомби, тёмные маги, некроманты, гомосексуалисты, либералы... Тебе придётся сразить Чёрного Вазелина. Однако помни: никогда не связывайся с Принцессой, которая живёт у тебя в голове».

Приземлившись на Планету, Главный Герой оставил свой корабль в пещере и отправился осматривать окрестности. На пути ему попала деревня Сочные Девки. Герой зашёл туда, чтобы отдохнуть и отведать экологически чистых продуктов, а заодно и расспросить местных жителей про Отупляющего Монстра.

Крестьяне встретили его истошными мольбами о помощи: каждую ночь кто-то воровал у них овцу или девку. «Неужели Отупляющий Монстр?» – с надеждой подумал Герой. Взволнованный, он решил устроить засаду, а приманкой выбрал самую сочную девку. Зверь, конечно, явился за добычей. Герою еле удалось его уложить. Увы, это оказался всего лишь озабоченный козлоногий божок. Однако девка всё равно от-

далась Герою из чувства благодарности.

Герой отправился дальше и прибыл в город Гнильбург. Там, в таверне, он познакомился с Сюжетным Информатором, который поведал ему о политической ситуации в королевстве. На престол должна была взойти Прекрасная Леди. Однако её дядя, Злобный Герцог, заточил её в темницу и заставляет выйти замуж за своего друга. «Я должен спасти её, чтобы оттрахать!» – решил Главный Герой. Он так возбудился, что едва не забыл про отупляющего Монстра.

В конце концов ему всё же удалось узнать, что в Заброшенном Замке живёт Колдун, который умеет вызывать Монстра своими заклинаниями. «Чтобы попасть в Заброшенный Замок, нужно пройти через лес», – сказал Сюжетный Информатор.

«Заодно одолжу у Колдуна меч-кладенец, чтобы уничтожить армию Злобного герцога», – подумал Главный Герой и снова отправился в путь.

Через лес пришлось идти ночью, поэтому на героя постоянно нападали зомби, некроманты, тёмные маги, гомосексуалисты и либералы. В конце концов он познакомился с дочерью лесного Царя и переспал с ней... Хотя нет, это был просто сон. Однако, проснувшись, Главный Герой обнаружил у себя на шее странный амулет. Наконец, герой оказался в Замке и сразился с Колдуном. Как ни странно, именно амулет помог ему победить.

Поверженный, Колдун признался, что потерял всю силу и

не может призвать Отупляющего Монстра.

«Где его найти?» – спросил Главный Герой.

Колдун ответил, что Монстр обитает в подземельях. Чтобы компенсировать Герою разочарование, он подарил ему меч-кладенец.

Герой вернулся в город, одолел Злобного Герцога и совокупился с Леди. Она умоляла его остаться и править вместе. «Не могу, – ответил Главный Герой. – Долг зовёт меня навстречу новым опасностям!» Тогда Леди призналась, что вход в подземелье находится прямо в замке. Герой спустился туда, чтобы сразиться с Чёрным Вазелином – главным стражем Отупляющего Монстра. Когда же, наконец, злодей был повержен, Герой оказался у самого сердца Планеты Идиотов... Всё это время оно и было Отупляющим Монстром. Герой поразил его одним ударом меча.

Выйдя на поверхность, Герой был обескуражен: ничего не изменилось. Борьба была напрасной. Идиоты так и остались идиотами.

Обессиленный, подавленный, Герой сел в свой корабль и направился домой. Всю дорогу ему мерещился голос Принцессы, который шептал, что теперь он не идиот, а сволочь. Оказавшись в родной системе, Герой внезапно увидел, что и его планета – Отупляющий Монстр... На этом книга заканчивалась.

Дочитав последнее предложение, Гоблинович ещё долго не мог прийти в себя. «Что это, мать его, было?!» – недо-

умевал бедняга. Сюжет попахивал дешёвкой, однако что-то мешало Иннокентию отправить в утиль этот откровенный неформат. Среди приключенческой мишуры попадались довольно странные фразы. К примеру, такая: «Средневековая природа этого места заботливо подготовила специальную пещеру для космического корабля».

«Автор сошёл с ума или попросту глумится?» – думал Гоблинович.

Он пытался объективно оценить роман с точки зрения литературоведения – и всякий раз терпел неудачу. Имена персонажей выдавали откровенную иронию над жанром, а последняя сцена и вовсе ошаршила несчастного цензора. Многие вещи можно было воспринимать двояко – и Иннокентий терялся между авторским смыслом и собственным пониманием. Текст был качественный, однако нелепости в нём сбивали с толку. Роман содержал в себе идеологически неправильные послы, но они были переданы как следует. «Ладно, – решил Гоблинович, – пересмотрю через пару дней». В издательство он отослал только рецензии на «Невест» и «Бруталов». Отказывая автору, цензор обязан был указать ему на ошибки.

Через несколько дней Иннокентий решил перечитать роман заново. В этот раз он нашёл там отсылку к Стругацким. «Похоже, автор начитан», – отметил Гоблинович. Значение последней сцены он и вовсе не понял. «Гениальное произведение или бред сумасшедшего? – мучительно думал

Иннокентий. – Или, возможно, посредственность под видом диковинки?» Он знал, что существует ещё один способ это выяснить. Речь шла об открытии, которое ему когда-то помог совершить Бабельянц. Это случилось больше года назад на планете Лиза-Мейтнер.

После того, как партизаны вылечили Иннокентия от алкоголизма, он решил остаться в отряде. Сначала ему доверяли только самую несложную работу. Спустя некоторое время он стал сборщиком чистого энтузиазма и даже научился пилотировать. Как-то раз Гоблинович помогал технику боевого корабля во время битвы. Однако на этом его ратные подвиги закончились. Хельмимире доложили, что планете Лиза-Мейтнер умерла женщина, которая долгое время была связным подпольной ячейки. У неё остался дом, куда много лет свозили медикаменты и сырьё для генерации кислорода, чтобы потом доставить их на ближайшие базы. Партизанам удалось выкупить его у наследников. На место связного решили поставить Гоблиновича.

«Один запой – и тебе конец», – предупредила Хельмимира. Старик должен был следить за тем, чтобы Иннокентий не притрагивался к бутылке.

Дом стоял на окраине посёлка. За ним был пустырь, а дальше начинался агропромышленный комплекс.

– В этой зоне особенно сухо, – объяснял елдыринцам партизан, который вёз их на новое место. – Сложно там что-то вырастить – разве что в искусственном грунте... Однажды

покойная Тамара – светлая ей память! – поспорила с одним знакомым, что сможет растения у дома посадить. Сама она была петрофизик, работала на добыче ихния... Уж не знаю, каких там она червей в песок добавляла, но вырос у неё всё-таки небольшой палисадник. С тех пор она цветоводством так увлеклась, что весь первый этаж под оранжерею выделила... Прилетим – посмотрите.

Оранжерея и вправду была роскошная. Помимо основных обязанностей, на Гоблиновича легли хлопоты по уходу за растениями. Их семена можно было продавать за неплохие деньги.

– Ну вот, – сокрушался Иннокентий, – думал, буду космическим бойцом, а стал цветоводом...

– По документам, Кеша, мы вообще прислуга, – отвечал Бабельянц. – Да и грех жаловаться. Живём здесь нахаляву – а представь, сколько в Старокозлищенске за это время пенсии набегит!

В дом регулярно приезжали подпольщики и привозили какой-то груз. Гоблинович опознавал их по кодовым фразам. Они оставляли груз в подземной кладовке. Потом наступала ночь – и прилетали партизаны. Они парковались в ангаре, перетаскивали груз на борт своего аппарата и улетали. Старик в это время спал, а Гоблинович никогда не задавал лишних вопросов. Иногда в доме ночевали незнакомцы. Их Гоблинович тоже ни о чём не спрашивал. Вообще, это была неплохая жизнь – если не учитывать то, что в любой момент

могли явиться комиссары или Тайный Комитет. Настоящий хозяин дома якобы работал на Эстер-Ледерберг. По легенде, Гоблинович был его прислугой, а Бабельянц – дальним родственником. Для самозащиты Гоблиновичу выдали винтовку. Хранить оружие запрещалось, поэтому он прятал её там же, где и покойная хозяйка дома – в тайнике под декоративным плинтусом.

Партизаны давали елдыринцам деньги, которых хватало на скромную жизнь. Иногда, правда, Бабельянц требовал купить ему дорогих сигар или коньяка. Иннокентий отказывался: коньяк и для него был искушением. Понемногу восторги Бабельянца по поводу «халявной жизни» утихли, и старик заскучал. В доме были монитор и транслятор. Гоблинович подписался на общепланетарный канал новостей, а на другие каналы денег не было. Иннокентий работал над пьесой, в то время как Бабельянц готов был выть от скуки.

Раз в несколько суток елдыринцы летали в торговый центр. Это было для них настоящим событием: по дороге в продуктовую секцию они глазели на витрины местных магазинов. Зона, в которой находился «перевалочный дом», считалась захолустьем – и всё же для елдыринцев это была экзотика. Иногда они останавливались, чтобы получше рассмотреть мундштук из панциря инопланетного чудовища – и Бабельянц вспоминал, что в каком-то далёком году ему контрабандой привезли точно такой же. Гоблинович удивлялся, как много на засушливой Лизе магазинов для любителей са-

доводства. Повсюду продавали грунтообразующих червей и бактерий.

Однажды елдыринцы набрали на книжную лавку – и Бабельянец очаровался рекламной голограммой одной из книг. Там изображалась гологрудая девица, а позади неё стоял перекаченный болван с огромной расчёской в руках. «Бабское порево без художественной ценности», – гласило название. Гоблинович уже успел немного пройти вперёд, когда заметил, что Бабельянец остановился возле витрины и пялится на неё во все глаза.

– Пойдём, извращенец, – одёрнул старика Иннокентий, – хватит голых девок рассматривать!

– А что сразу извращенец? – отозвался Бабельянец, поспевая за товарищем. – Может, у меня повышенная потребность в прекрасном!

– Где ты видел там прекрасное? Это ж бульварщина...

– Иннокентий, не будь таким снобом!

Через несколько дней, когда елдыринцы снова отправились в торговый центр, Бабельянец незаметно повёл Гоблиновича по тому пути, где находилась книжная лавка. Голограмма была на месте. Издали завидев её, старик ненавязчиво произнёс:

– Иннокентий, а не зайти ли нам в святилище литературы?

Гоблинович усмехнулся: он прекрасно понимал, какое божество заинтересовало Бабельянца в этом «святилище».

– Опять сиськи будешь рассматривать? – спросил Инно-

кентий.

– Ну вот опять ты выставляешь меня каким-то эротоманом! – возмутился Бабельянц. – Я, может, просто хотел бы почитать хорошую книгу...

– Ту, что ли, которая с голой бабой? – не унимался Гоблинович.

– А если и ту – что здесь такого? Не хочешь мне элитную куртизанку снять – дай хоть душевно насладиться!

Старик открыл все карты: теперь было ясно, что он хочет купить бульварный роман.

– Ты что, на этот ширпотреб деньги потратить хочешь? – спросил Иннокентий. – Извини, Матвеич, но бюджет не резиновый.

Старик обиженно умолк. За всю дорогу он больше не произнёс ни слова.

– Ты, Иннокентий, просто ханжа, – заявил Бабельянц, когда они с Гоблиновичем оказались дома. – Любишь порассуждать о многогранности искусства, и при этом так узколобо мыслишь!

– Дед, – устало вздохнул Гоблинович, – может хватит уже ныть? Подумай о том, что мы как раз-таки боремся против такого ширпотреба...

Последующие двое суток прошли в полемике о художественной ценности классических романов. Дед настаивал на том, что она весьма спорна, и даже отказался лезть в материалатор.

– Какой, например, основной конфликт в «Никто не хочет обижать кота»? – вопрошал старик. – В чём смысл «Алисы в стране чудес»?

– Давай уже, полезай, – уговаривал Гоблинович. – Иначе останемся без освещения...

– Никакое освещение не способно рассеять твоё невежество, Иннокентий!

Гоблинович находился на пределе душевных сил. Ночью подпольщики снова должны были привезти груз. «Если старик устроит им сцену, выйдет некрасивая ситуация», – рассуждал Иннокентий. Наконец, он решился: «Пропади оно всё пропадом! Куплю ему этот дрянной роман...»

– Слышь, дед, – обратился он к Бабельянцу, – а если куплю тебе книгу – дашь мне чистого энтузиазма?

По дороге в лавку Бабельянц едва не трясся от нетерпения. Как и всегда, Гоблинович оставил аппарат на крыше, и друзья отправились покупать книгу. Оказалось, что в магазине было две отдельных секции. Сначала елдыринцев по ошибке пригласили туда, где продавалась «мужская» литература. Услышав от Гоблиновича название книги, продавец презрительно усмехнулся: «Вам в бабий отдел». Пришлось возвращаться и заходить через другую дверь.

– Что вы, что вы, здесь только женская литература! – испуганно воскликнула девушка-продавец, увидев на пороге покупателей мужского пола.

– Вы не понимаете! – крикнул Бабельянц. – Мне для внуч-

ки подарок!

– Сюда что, нельзя заходить мужчинам? – испугался Иннокентий.

– Почему же? – смутилась продавщица. – Это женщинам нельзя в мужскую секцию... Что они там поймут? А сюда мужчины обычно заходить стесняются...

– Дайте мне «Бабское порево!» – потребовал Бабельянц. Продавщица смутилась ещё больше.

– Вам точно для внучки? – вежливо переспросила она. – Знаете, у нас есть серия «Книги для девочек»...

– А мне нужно «Бабское порево!» – настаивал старик.

Иннокентий огляделся. Женская секция выглядела очень мило: повсюду были горшки с цветами, изысканные светильники и картины в причудливых рамах. На полках красовались голограммы «невест». Все они были одеты в красивые платья – так, будто собрались на смотрины.

«Совсем не то, что в мужской секции», – подумал Гоблинович, вспоминая бутафорские кишки на ветках.

– С вас двести пятьдесят космотугриков, – сказала продавщица.

– Ну и ценник сейчас на книги! – усмехнулся Иннокентий, расплачиваясь. – Недешёвый подарок получается...

Продавщица упаковала лайку в красивую коробочку. Старик быстро схватил её и спрятал в карман. Друзья уже собирались уходить, как у двери Гоблинович внезапно обернулся.

– Скажите, – обратился он к продавщице, – вот у вас в

магазине есть женская и мужская литература... Верно я говорю?

– Совершенно верно, – кивнула девушка.

– А есть у вас такая литература, – продолжал Иннокентий, – чтобы её могли читать и мужчины, и женщины?

Продавщица изумлённо захлопала на него ресницами.

– Простите, что вы сказали? – переспросила она.

– Я спрашиваю, – повторил Гоблинович, – есть ли у вас книги с хорошим слогом и необычным сюжетом, которые были бы интересны людям обоего пола? Ну, знаете, такие книги, чтобы над ними подумать или насладиться какими-нибудь литературными находками в тексте... Есть у вас то, что можно читать независимо от гениталий?

Девушка продолжала стоять и пялиться.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – произнесла она. – Позвать вам главного администратора?

– Зовите! – ответил Гоблинович.

Спустя пару минут из боковой двери вышла статная ниби с высокой буклей на голове и сердитым взглядом.

– Что вам угодно? – спросила она.

Гоблинович повторил свою просьбу, отчего взгляд женщины сделался ещё более сердитым.

– Послушайте, – раздражённо проговорила ниби, – здесь у нас про любовь, а там у них про войну... Что вам не понятно?

– Мне непонятно, где всё остальное.

– А что вам ещё надо?!

Иннокентий грустно усмехнулся: внезапно ему стало всё понятно. Теперь он точно знал, что борется за правое дело.

– Возможно, – сказала девушка-продавец, – вы имеете в виду философский трактат Гвендельфины Куколки «Внутренняя Вагина»? Не советую вам его читать: у вас тогда вырастет внутренняя вагина...

Домой летели молча. Бабельянц погрузился в голограмму, а Гоблинович – в свои невесёлые мысли. Ему представился книжный магазин будущего, в котором победит Программа Всеобщей Дебилизации. «Здесь у нас литература для женщин», – скажет продавец. – Вот эти продолговатые штуки. Они бывают с пупырышками, а бывают и без них: всё зависит от жанра. А здесь у нас литература для настоящих мужчин: вот эти резиновые, упругие – буквально охватывают читателя! Бывают просто в виде трубки, а бывают с имитацией частей тела».

Оказавшись дома, Бабельянц заперся в своей комнате вместе с книгой. Гоблинович знал: теперь он долго оттуда не выйдет – и не только потому, что увлечён историей про элитную куртизанку. Старик явно не хотел платить по счетам. «Ну уж нет, – подумал Гоблинович, – уговор дороже денег!»

– Эй старый! – позвал Иннокентий, стучась в комнату Бабельянца. – За тобой должок!

Ответа не последовало.

– Ты там что, от восторга очурился? – спросил Гобли-

НОВИЧ.

Из комнаты послышался разочарованный стон.

– Пощади! – умолял старик.

Иннокентию понадобилось немало времени, чтобы выманить Бабельянца из комнаты. Старик вышел только тогда, когда Гоблинович пригрозил отобрать «Порево».

– Ничего, старый, – уговаривал Иннокентий, провожая друга в мансарду. – Десять карло-саганов – это не так уж много.

Бабельянц имел такой испуганный вид, что его было даже жаль. Оказавшись в помещении, где стоял материализатор, Иннокентий включил питание и принялся распутывать провода.

– Скидывай портки, – сказал он Бабельянцу.

Старик, ссутулившись, стоял у двери.

– Кеша, – неуверенно произнёс он, – я вот что подумал... А давай ты мне считаешь, пока я там мучаюсь? Мне, может, не так худо будет...

Иннокентий удивлённо уставился на Бабельянца. Он знал, что у пожилых людей энтузиазм выделяется медленнее, и старик должен будет провести в материализаторе около одного джоселинского часа.

– Так и быть, – неохотно согласился Гоблинович. – Показывай, на какой странице остановился.

Воодушевлённый, Бабельянц активировал лайку и нашёл то место, где закончил читать. После этого он разделся и лёг

в материализатор, а Гоблинович установил провода на его тело. Когда крышка материализатора была закрыта, между двумя створками осталась небольшая щель, через которую Бабельянц мог слушать.

– Ну, поехали! – проговорил Гоблинович и повернул рычаг.

Бабельянц застонал. Гоблинович принялся читать с нужного места, изредка поглядывая на табло материализатора. Необходимо было следить за тем, чтобы показатели жизненно важных функций оставались в норме. Так прошло около сорока джоселинских минут. Когда сигнал материализатора возвестил о том, что в ёмкости находятся необходимые десять карло-саганов, Иннокентий выключил питание и открыл крышку.

– Жив? – спросил он старика.

Кряхтя, Бабельянц подёргивался. Иннокентий положил его руку к себе на плечо и помог сесть.

– Ничего, – сказал он, – скоро оклемаешься.

Голограмма по-прежнему оставалась активной. Иннокентий буднично обошёл вокруг материализатора, чтобы открыть ёмкость и перелить энтузиазм в канистру. Каково же было его удивление, когда вместо чистого энтузиазма, светящегося в полутёмной комнате, он увидел в ёмкости буро-коричневую жижу.

– Что за... ? – ошарашенно воскликнул Иннокентий.

Старик не обратил на него никакого внимания. Гоблино-

вич принялся откручивать ёмкость – и тут же почувствовал омерзительный гнилостный запах.

– Вот дерьмо! – выругался Иннокентий, пытаясь поскорее перелить жижу в пустую канистру и плотно закрыть крышкой.

К тому времени, когда он закончил, старик уже немного пришёл в себя.

– Что там такое? – спросил он Гоблиновича.

– Не знаю, старый, – отозвался тот, выходя из-за материализатора с канистрой в руках. – Видишь, что получилось?

Иннокентий приподнял канистру и указал на буро-коричневую жижу внутри неё. Глаза старика расширились от удивления.

– Ну и ну! – вскрикнул он. – Это что, тоже энтузиазм?

– Вряд ли, – с сомнением ответил Гоблинович. – Слишком уж нечистый... да и воняет...

– Может, попробуем залить его в генератор? – предложил старик.

– Ну уж нет! – решительно заявил Иннокентий. – Я рисковать не собираюсь! Знаешь, что с нами партизаны сделают, если мы им генератор испортим? А как потом объяснить?

Партизан старик побаивался.

– Ладно, – решил Гоблинович, – вылью эту гадость на заднем дворе.

– И чего это оно так? – испуганно спросил Бабельянц.

– Чего-чего! – передразнил Иннокентий. – Видать, из-за

твоего читива!

Световой день на Лизе-Мейтнер длился намного дольше, чем на Кривощице. Стараясь не говорить про неприятный инцидент, елдыринцы пообедали и отправились по комнатам. Гоблинович знал, что старик будет мусолить свой бульварный роман до самого вечера. Сам же Иннокентий занавесил окно и лёг поспать.

Когда он проснулся, было всё ещё светло. Зная, что стемнеет нескоро, Иннокентий решил подготовиться к приёму гостей заранее. «Добуду из себя немного чистого энтузиазма, – подумал он. – Надо деда позвать». С этими мыслями Гоблинович открыл шторы – и тут же увидел странную картину: дед стоял, согнувшись, и рассматривал что-то на заднем дворе.

Заинтригованный, Гоблинович вышел из дома и направился туда, где только что видел Бабельянца.

– Эй, – крикнул он издали, – ты что там нашёл?

Услышав окрик, Бабельянец выпрямился и повернул голову.

– Иди скорей сюда! – ответил он.

Приблизившись, Иннокентий не поверил своим глазам: на сухой, потрескавшейся почве, где ещё вчера не могло ничего родиться, за несколько часов выросла трава. Она занимала лишь небольшой участок, как бы очерченный неправильной линией. Только теперь Гоблинович понял, что именно здесь он вылил буро-коричневую жижу из канистры.

– Ну и дела! – воскликнул Иннокентий и, подумав, добавил: – Знаешь, дед... Принеси-ка мне свою книжонку!

Бабельянец принёс «Порево», и вместе они отправились в мансарду. Теперь «испытуемым» был Гоблинович. Бабельянец присоединил к нему провода, закрыл крышку, включил питание и принялся читать. После того, как процедура была окончена, он побежал смотреть ёмкость – и нашёл там точно такую же буро-коричневую жижу, какую недавно получили из него.

– Давай удобрим русланник, – предложил Бабельянец. – А то что-то он загрустил...

– Давай лучше моногамию, – сказал Иннокентий, одеваюсь. – Говорят, она уже давно не цвела... Хотя, можем удобрить обоих.

Елдыринцы отправились в оранжерею и добавили в грунт, на котором росли русланник и моногамия, немного коричневой жижи. Гоблинович побоялся добавлять всю: что, если она погубит растения? После этого оба друга отправились по делам. Бабельянец пошёл дочитывать книгу, а Иннокентий – готовиться к приезду подпольщиков.

Последующая ночь прошла в хлопотах. Сначала приехали подпольщики. Гоблинович издали заметил их наземные аппараты, которые двигались со стороны агропромышленного комплекса. Подпольщики умудрились рассчитать время между патрулями, и действовать нужно было второпях. Наконец, в дверь постучали.

– Кто там? – спросил Гоблинович.

– Это я, почтальон Печкин, – ответил командир отряда. –

Принёс заметку про вашего мальчика.

Гоблинович открыл дверь – и несколько качкоидов молча внесли в дом контейнеры.

– Вниз, – быстро сказал Гоблинович.

В холле находилась лестница в подвал. Иннокентий заранее подготовил тайник – и качкоиды поставили туда груз.

– Есть ещё? – спросил Гоблинович, когда они закончили.

Командир отряда отрицательно покачал головой, и Иннокентий принялся задвигать систему створок в псевдошкафу. Подпольщики уехали. Вскоре после этого над домом пролетел патруль. «Только бы не нагрязнул обыск!» – молился Иннокентий. Полночи он мучительно ждал, пытаясь отвлечь себя кофечаем и новостями. За окнами простирался тёмный пустырь, и только где-то вдалеке виднелись редкие огни агропромышленного комплекса. С другой стороны от дома мирно спал посёлок.

Старик был в своей комнате. Возможно, он тоже спал, а возможно – продолжал читать. Иннокентий посмотрел на часы. «Пора идти на крышу, – подумал он. – Скоро могут явиться партизаны».

Гоблинович поднялся в диспетчерскую – небольшое помещение перед ангаром. Он провёл там несколько джоселинских часов, неустанно глядя в небо через специальные приборы. За это время над посёлком пролетело ещё два патруля.

«Только б не попались!» – волновался Гоблинович.

Наконец, он заметил приближающийся аппарат. Кто-то позвонил ему по радиосвязи. Гоблинович включил динамик – и услышал фрагмент популярной песни. Это и была кодовая фраза. Иннокентий повернул несколько рычагов – и открылись ворота ангара. Вскоре там оказался небольшой аппарат. Гоблинович открыл двери диспетчерской и пропустил партизан внутрь.

– Где груз? – спросил один из партизан. – У нас мало времени.

Гоблинович повёл их в подвал, открыл тайник и помог перенести контейнеры на борт аппарата. Только тогда, когда корабль скрылся в ночном небе, Иннокентий вздохнул спокойно. Очередное задание было выполнено. Партизаны оставили ему кодовую фразу для следующей встречи с подпольщиками. Заперев все двери, Гоблинович спустился в свою комнату и лёг спать.

Проснулся он от того, что в дверь отчаянно барабанили. Шторы были закрыты, однако Иннокентий догадался, что на дворе по-прежнему ночь.

– Кеша! – послышался из-за двери голос Бабельянца. – Кеша, открывай! Моногамия зацвела!

Гоблинович встал с постели, обулся и открыл дверь. Они с Бабельянцем спустились в оранжерею – и тут же замерли от восхищения: моногамия вся была покрыта ярко-алыми цветами.

– Вот это да! – воскликнул старик. – Ты помнишь, Кеша, вчера ведь были только зелёные бутоны?

– Да уж, диво дивное, – согласился Гоблинович.

– Кеша, – восхищённо продолжал Бабельянц, – на этом ведь можно заработать!

Иннокентий усмехнулся: дед, как всегда, бредил мифическими идеями заработка. А вот самого Гоблиновича беспокоил совсем другой вопрос: как дрянная книжонка могла превратиться в хорошее удобрение?

Когда наступил день, елдыринцы снова направились в книжную лавку и приобрели ещё два романа: «Брутальный Брутал» и «Киберфаллос».

– Посмотрим, что за книги в мужской секции! – сказал Гоблинович. – Подождём только, пока наши организмы восстановят чистый энтузиазм...

Через несколько дней по джоселинскому счёту елдыринцы вновь отправились в мансарду.

– Тебе откуда отрывок читать? – спросил Гоблинович.

– Из «Киберфаллоса»! – ответил Бабельянц, не задумываясь.

Иннокентий установил материализатор на четыре карло-сагана, включил питание и принялся читать книгу. Когда раздался сигнал о том, что работа окончена, Иннокентий пошёл проверять ёмкость – и обнаружил там отвратительную, вонючую жижу.

– Ну как? – взволнованно спросил Бабельянц.

– Сработало! – торжественно воскликнул Гоблинович.

Потом они проделали то же самое с романом «Брутальный Брутал». Теперь «пациентом» был Иннокентий. «Брутальная» жижа имела немного другой оттенок, чем у «Киберфаллоса», но воняла так же омерзительно. Елдыринцы снова отправились в оранжерею и удобрили ею растения. Результат не заставил себя ждать: совсем скоро какие-то из них зацвели, а остальные просто выглядели здоровыми.

– Иннокентий! Мы будем богаты! – кричал Бабельянц.

С тех пор друзья стали наведывать в книжную лавку так часто, как только позволяли им финансы. Спустя некоторое время они подписались на библиотечный канал, и им стало доступно ещё больше литературы. Елдыринцы экспериментировали с разными книгами. Далеко не из каждого романа можно было получить жижу.

– Зато если уж попадётся настоящий шедевр – то можно озолотиться! – говорил старик, целуя «Бабское порево».

Иннокентий понимал: они с Бабельянцем совершили важное открытие. «Так и всю планету озеленить можно», – размышлял он, когда оставался один в своей комнате. Однако партизаны вряд ли одобрили бы его увлечение «имперскими» книгами. По мнению Хельмимиры, литература деградировала, и только древние произведения можно было брать за образец. Покупать и использовать «ширпотреб», как называла она книги имперских писателей, означало предавать свои идеалы. Гоблинович думал рассказать всё Исааку, но и

качкоид не был бы в восторге от его открытия. «Ты брат, не балуй», – сказал бы он, нахмурившись. – Мы за чистоту бо-ремся. Забыл?»

Гардиальд, пожалуй, был единственным из всей партизанской верхушки, кто мог спокойно и непредвзято выслушать рассказ Гоблиновича о «Бабском пореве» и жиге. Иннокентий долго ждал того момента, когда Гардиальд прилетит на Лизу-Мейтнер.

– Послушай, – обратился к нему Гоблинович во время одной из операций, – сейчас, наверное, время неподходящее... Но я поговорить с тобой хотел.

– Нам нужно уходить, – сказал Гардиальд. – Что-то серьёзное?

– В общем, нет...

– Я, возможно, скоро прилечу сюда по делам.

«Скоро» порядком затянулось. За это время Бабельянц и Гоблинович накопили немало жиги. Однажды подпольщики известили их о том, что на планету прилетит кто-то из верхушки. В условленное время Гоблинович встретил капсулу, откуда вышел Гардиальд. Он отправился в одну из комнат и спал там несколько часов, а потом взял телекоптер, на котором летали елдыринцы, и умчался в сторону агропромышленного комплекса.

– Какое легкомыслие! – возмутился Бабельянц. – Здесь миллионы пропадают, а ему хоть бы хны!

Не дождавшись Гардиальда, старик ушёл спать. Гар-

диальд, угрюмый и раздражённый, вернулся лишь к концу лизамейтнерской ночи.

– Мне нужно убраться до рассвета, – сказал он Иннокентию во время короткой трапезы. – О чём ты хотел поговорить?

Гоблинович рассказал ему всё: о том, как дед выпросил у него бульварное чтиво; о материализаторе; о жиге и растениях. Гардиальд внимательно выслушал.

– Не знаю, что с этим делать, – заключил Иннокентий. – Оно, вроде бы, полезно... И всё же как-то идеологически неправильно...

– Хорошо, – сказал Гардиальд, вытирая рот салфеткой. – Я подумаю.

– Ты ведь не скажешь Хельмимире?

– Не скажу.

Он поднялся на крышу, сел в свой аппарат и был таков. Несколько дней после этого Гоблинович ожидал расправы. Когда, наконец, стало ясно, что никакой расправы не последует, Иннокентий успокоился, и жизнь потекла своим чередом.

Однажды Гардиальд явился снова. Елдыринцы думали, он прилетел по каким-нибудь таинственным делам, однако они ошиблись.

– Ну, – сказал он с ходу, – показывайте ваше открытие!

Друзья проводили его в мансарду.

– Давайте, буду испытуемым, – предложил Гардиальд.

Иннокентий зачитал ему отрывок из «Бабского порева». Получилась первоклассная жижа. Все трое вышли во двор, и Гоблинович демонстративно вылил её на сухую почву.

– Нужны примерно сутки по местному времени, – объяснил он.

Схема не подвела. Через сутки на том месте, куда вылили жижу, стали пробиваться робкие ростки.

– Впечатляет, – усмехнулся Гардиальд.

– Ага, – подтвердил Гоблинович. – Мы ещё в оранжерее пробовали...

– Давайте продавать жижу! – воскликнул Бабельянц. – Мы разбогатеем!

Ещё несколько месяцев прошли в мучительном ожидании. «Интересно, что они решат? – думал Гоблинович. – Неужели мне всё-таки влетит от Хельмимиры?» В следующий раз Гардиальд явился днём.

– Собирайтесь, – сказал он елдыринцам. – Полетим в администрацию зоны.

Дед принарядился. По дороге Гардиальд рассказал, что везёт Бабельянца и Гоблиновича подавать на документы. Старика можно выдать за богатого елдыринского эмигранта, который хочет открыть бизнес в Мундиморе.

– Когда получите вид на жительство, – говорил Гардиальд, – оформим контору. Можно будет арендовать у государства пустой цех в промзоне.... Посмотрим, что получится из этого вашего открытия.

– Наконец-то! – ликовал Бабельянц.

Аппарат припарковался на крыше администрации. Там их уже ждал какой-то мундимориец. Он повёл елдыринцев в здание и долго водил по кабинетам, где им раз за разом приходилось подписывать какие-то документы и проходить иридосканирование. Спустя несколько дней из администрации пришёл ответ. Вид на жительство им не дали, зато выдали миграционные карты длительного пребывания. Этого было достаточно для того, чтобы владеть недвижимостью и открывать производство на территории Мундиморы.

«Корпорация Копрорация» – это, пожалуй, было всего лишь громкое название. На самом деле вся «контора» представляла собой лишь станцию компостирования. Партизаны закупили четыре танкера для созревания компоста. С соседним агропромышленным комплексом заключили договор о поставке сырья. Всеми делами занимались Гардиальд и Гоблинович, а Бабельянца поставили «боссом» – для всяких там проверяющих инстанций.

Так была основана успешная компания, которая занималась производством удобрений. Разумеется, их секрет был в том, что Гардиальд и Гоблинович добавляли туда «жизу» из материализатора. Когда компост созревал, его продавали мелким оптовикам. Со временем у «Копрорации» появились свои фасовочные цеха, и партизаны стали продавать компост розничным покупателям напрямую.

Прибыль от продажи поступала на отдельный счёт, ко-

торым распоряжалась партизанская верхушка. «Эти деньги идут на борьбу с отупляющим искусством», – говорила Хельмимира. И всё же иногда Бабельянцу доставались дорогие сигареты, шубы и коньяки.

После участия в перевороте и переезда на Джоселин Гоблинович совсем перестал заниматься делами «Копрорации», однако Гардиальд продолжал периодически наведываться на Лизу-Мейтнер. Оба понимали: если Хельмимира узнает про жижу, то им придёт конец.

Глава 29: Дохлая крыса на стене

– Готов?

Гоблинович кивнул. Он знал: сейчас будет очень плохо. Ложась в материализатор, он чувствовал невольный страх, как перед любой болезненной процедурой. «Отвык я от этого», – подумал елдыринец. С тех пор, как он стал цензором, ему разрешили не сдавать чистый энтузиазм. Зато работать приходилось целыми днями – так, что не всегда хватало времени на пьесу.

Гардиальд опустил рычаг и принялся вслух читать произведение. Гоблинович испытал привычную боль в голове – до тех пор, пока совсем невозможно стало думать. Когда же всё закончилось, он ещё долго приходил в себя. Гардиальд в это время возился с ёмкостью.

– Ну что? – спросил Иннокентий, немного оклемавшись.

– Чистейший, – констатировал Гардиальд.

Гоблинович приподнялся и сел.

– Выходит, годное произведение? – спросил он.

– Возможно, годное, – сказал Гардиальд. – Или посредственность.

– Или посредственность, – повторил Гоблинович.

Иннокентий надел халат, и оба экспериментатора отправились в гостиную. Стоял поздний вечер. Старик, должно быть, давно спал. Гоблинович включил вытяжку, достал си-

гареты и пригласил Гардиальда присесть в огромное кресло, а сам занял софу напротив. Между ними находился небольшой стол, по-старомодному укрытый скатертью.

– Ну вот, – сказал Гоблинович, закуривая. – Только зря в материализатор лез... Теперь точно пару дней работать не смогу. Понятия не имею, что делать с этим романом!

Гардиальд задумчиво выпустил дым.

– Всё это как-то неправильно, – внезапно проговорил он.

– Что именно? – удивился Иннокентий.

– То, что мы делаем. Иногда мне кажется, что наша борьба с отупляющим искусством вырождается во что-то ещё более отупляющее.

Гоблинович уставился на него с испуганным недоумением – так, как верующие смотрят на богохульников.

– Знаешь, – продолжал Гардиальд, – когда я только-только начинал партизанить, то совсем не так представлял себе победу...

Гоблинович смотрел на него молча. В глубине души он чувствовал то же самое – и боялся признаться в этом даже себе. Исаак и Хельмимира спасли его от пьянства; потом он вступил в отряд – и его жалкая жизнь обрела, наконец, радость и смысл... Разумеется, Иннокентий был предан идеям партизан и даже хотел пожертвовать собой во имя благой цели. В последнее время он видел, что понимал эту цель не так, как Хельмимира. Но кто он был такой, чтобы осуждать её «диктат хорошего»? Лишь философское отношение к жизни

спасало его от лишних терзаний.

– Победа есть победа, – пространно сказал Гоблинович.

– Ну, если твоей целью было только одержать верх, – усмехнулся Гардиальд. – А я-то думал, мы боремся за что-то большее, чем просто заменить Харальдюфа...

– Ты недоволен, что он мёртв?

– Он мёртв, а методы его живы. Ты, например, зачем пошёл в отряд?

Застигнутый врасплох, Гоблинович медлил с ответом.

– Ну, – потянул он после паузы, – как это «зачем»? Хотел справедливости. Чтобы люди скотами не становились, как у нас в Старокозлиценске... Ты сам разве не за это боролся?

– Я много за что боролся... В том числе, за свободу мысли. За то, чтобы человеку не затыкали рот, когда он создал, к примеру, фильм, и пытается показать его миру... И что в итоге? Меня назначают главным киноцензором! А я при этом сижу и думаю: мы предатели или идиоты?

Иннокентий молчал.

– Мы свернули не туда, – уверенно продолжал Гардиальд. – Хельмимира помешалась на древних авторах. Цензуру проходят считанные произведения. Из-за этого на рынке дефицит, и публика восполняет его за счёт подпольного ширпотреба. У подпольщиков теперь покупают не Умберто Эко, а какую-нибудь «Невесту-девственницу»... Спрашивается: что изменилось? Ради чего погибали наши товарищи? Ты знал, например, что у Харальдюфа тоже были свои цен-

зоры?

– Э, нет, брат, не путай, – усмехнулся Гоблинович. – Харальдюф достойные произведения запрещал, а мы за качество боремся. Харальдюф на полуграмотном народе зарабатывать пытался, а мы этот народ, считай, бесплатно просвещаем...

– Просвещаем, – согласился Гардиальд. – Только вот какой ценой? Скажи мне: что свежее и самобытное может появиться там, где творца постоянно загоняют в рамки? Вот и получается, что «диктат хорошего» – это та же Программа Всеобщей Дебилизации, только с противоположным знаком.

Иннокентий был ошарашен. Гардиальд высказал, казалось бы, крамольную мысль – и одновременно елдыринец чувствовал, что внутренне с ней согласен. Какая-то часть его всё ещё пыталась оправдать Хельмимиру, однако Гоблинович понимал: где нет свободы слова – там нет прогресса мысли.

– И что же ты предлагаешь? – спросил он, помолчав.

– К чёрту цензуру, вот что, – категорично заявил Гардиальд.

– Как же без цензуры? – удивился Иннокентий. – Народ опять тупеть начнёт...

Гардиальд вздохнул, одновременно выпуская дым.

– Если честно, я пока ещё не понял, как это работает, – признался он с горькой усмешкой. – Нужно заставлять их думать, прививать им вкус – но делать это так, чтобы не ду-

шить в них творческую жилку... Хельмимира действует грубо. Она пытается создать стерильное пространство, где будут существовать только шедевры – а ведь это утопия. Сокровища растут из семян таланта на перегное посредственности.

– Это прямо как с «Копорацией»! – рассмеялся Гоблинович.

– Так и есть, – подтвердил Гардиальд. – Нужно было написать тысячи заурядных комедий, чтобы в конце концов Гольдони создал «Слугу двух господ».

– Кстати, а как дела на Лизе-Мейтнер? – спросил Иннокентий. – Ты давненько туда не летал.

– Заказчики жалуются, что качество товара ухудшилось... Ты ведь понимаешь: без нас с тобой там ничего работать не будет.

– Хельмимира точно не в курсе?

– Откуда? Если только ты сам не проболтался.

Гоблинович озабоченно прищёлкнул языком и стряхнул пепел.

– Хороший бизнес, конечно, – произнёс он с сожалением. – Но лучше бы нам прикрыть эту лавочку: от греха подальше...

Вытяжка работала на полную мощность. Время от времени края скатерти слегка вздымались, и Гоблиновичу мерещилась чья-то рука под столом.

– Что планируешь делать с романом? – спросил Гардиальд. – Пропустишь?

– Скорее всего, не пропущу, – отозвался Иннокентий.

– Почему?

– Неформат.

– Вот видишь, Кеша, – укоризненно произнёс Гардиальд, – именно об этом мы и говорили... Ты боишься пропустить книгу, которая не укладывается в общие схемы – просто потому, что тебе так безопаснее. В этом и есть фатальная ошибка «диктатуры хорошего». Рано или поздно она приведёт к застою и деградации. Всё новое – уродливое, прекрасное, заурядное, гениальное – выбраковывается, потому что непривычно...

– Этак любую диковинку за шедевр можно принять. Повесил на стене дохлую крысу – вот тебе и «перфоманс» ... Золотая жила для шарлатанов.

– Возможно, ты прав. Но я верю, что из миллиона «дохлых крыс» однажды выкристаллизуется настоящее новаторство. Ты подумай об этом.

Следуя совету друга, Иннокентий задумался – и внезапно край скатерти резким движением взлетел над столом... Гардиальд испуганно вскочил; Гоблинович невольно вздрогнул. Из-под стола показалась фигура Бабельянца: сперва лохматая макушка, потом – всё остальное. Старик прополз немного и, оказавшись на свободе, выпрямился.

– Добрый вечер, господа, – произнёс он с достоинством. – Я, как видите, решил отдохнуть в своём будуаре и совсем вас не заметил. Итак, что на ужин?

На следующий день Иннокентий получил корреспонденцию: целую кучу новых романов для оценки. Среди них содержалась ремарка главного редактора:

«Уважаемый господин цензор! Прошу ускорить рассмотрение романа С. Б. Макиавелли «Все идиоты, а я просто сволочь». Мы с ним и так затаяли. Удачного дня. Шкупердяев».

Иннокентий перечитал письмо. Пришло время принимать решение. Первой мыслью было отказать автору – и же тут елдыринец поймал себя на малодушии. «Всё-таки прав Гардиальд, – подумал он с горькой усмешкой. – Легче просто выбросить непонятную вещь, чем разобраться в ней как следует». Внезапно он осознал, что всё это время пропускал лишь те романы, которые шли по «проверенным схемам»: «правильная» идея, чёткая структура, классический стиль повествования... Так было проще и безопаснее.

«Э, нет, брат, в этот раз не выйдет, – сказал себе Гоблинович. – Не для того я цензор, чтобы бегать от сложностей».

Он собрался с мыслями и за короткое время написал как можно более честную рецензию на «Все идиоты, а я просто сволочь». Только теперь он мог признаться себе в том, что на самом деле ему понравилась книга. И пусть она не соответствовала всем критериям качества, которым его учили на курсах литературной критики, он чувствовал в ней тонкую иронию. Автор словно бы подмигивал читателям.

«Скопирую себе на память», – решил Иннокентий.

С лёгким сердцем он отправил рецензию в издательство. Несмотря на то, что вчера у него забрали около шести карло-саганов чистого энтузиазма, Гоблинович ощущал небывалый прилив сил. Он даже похвастался Гардиальду, что пропустил роман. Тот прислал ему в ответ голограмму большого пальца.

«Нет на свете счастливее человека, чем тот, кто сделал всё правильно», – подумал Иннокентий и даже решил сохранить эту фразу для своей пьесы.

Он принялся за работу над остальными романами и теперь был гораздо смелее в оценках – так, будто за спиной у него появились зачатки крыльев. Он ощущал себя космическим лосем, свободно парящим где-нибудь на орбите Пищимухи.

«А если посмотреть с другого ракурса? – рассуждал Гоблинович, оценивая очередной роман. – Возможно, я чего-то не вижу?»

Так прошло ещё несколько дней – и все они были наполнены радостным трудом. Нашлось даже время поработать над пьесой. Однажды после обеда Иннокентию позвонил Гардиальд.

– Бонмарито в психушку забрали, – сообщил он. – Паническая атака на фоне депрессии. С ним был Чепухеня, когда это случилось.

Бонмарито был их общим знакомым и боевым товарищем. В последнее время он, как и Гоблинович, занимал-

ся цензурой. Иннокентий помнил, как иногла на заседаниях цензоров Бонмарито защищал «спорные» произведения и настаивал на том, что нельзя загонять творчество в какие-либо рамки. «Опасная у меня работа, однако», – подумал Иннокентий, узнав неприятную новость. Однако даже она не могла омрачить его душевный подъём. Впервые за много лет он чувствовал себя по-настоящему свободным.

Прошло ещё несколько дней. В конце концов роман «Все идиоты, а я просто сволочь» совсем перестал занимать мысли Иннокентия. Одним прекрасным утром он сел за работу и внезапно обнаружил сообщение от Хельмимиры.

«Со мной связался господин Шкупердяев, – писала мундиморийка. – Есть вопросы по одному произведению, которое ты пропустил. Жду тебя сегодня в двадцать пять часов».

Комитет Цензуры находился по адресу: зона Каролин-Порко, сектор Ада-Лавлейс, улица Хеди-Ламарр, здание триста пятьдесят два. Гоблинович понимал, для чего Хельмимира пригласила его к себе, однако был странно спокоен. «Будь что будет, – рассуждал елдыринец, подлетая к стоянке. – По крайней мере, это отличная возможность поговорить начистоту». Он даже чувствовал что-то наподобие облегчения: больше никаких сделок с совестью.

Гоблинович припарковал свой телекоптер, вышел наружу, подошёл к входному дроиду и приложил удостоверение цензора. Открылась дверь на верхний уровень. Спускаясь в лифте, Иннокентий всё же начал немного нервничать. Бес-

покойство усилилось, когда он увидел первый кордон телохранителей Хельмимиры. Его дважды обыскали, прежде чем пропустить к ней в кабинет. Наконец, елдыринец оказался в просторном помещении, стены которого были обиты мрамором. Посредине стоял большой стол в «колониальном стиле»: массивные ножки и узорчатые края.

– Присаживайся, – сказала Хельмимира.

Она сидела в кресле, откинувшись. Гоблинович подошёл и сел напротив. «Хорошо выглядит», – подумал он, оглядывая помолодевшую мундиморийку. На ней был элегантный жакет, из-под которого виднелась кружевная ткань.

– Итак, – без всяких вступлений начала Хельмимира, – ты пропустил в печать абсолютно нелепое, абсолютно негодное произведение. Я разочарована.

Иннокентий молчал. Ему было ясно, о каком произведении идёт речь.

– По-хорошему, ты должен понести ответственность, – продолжала мундиморийка. – Но тебе, считай, повезло, что господин Шкупердяев – опытный, между прочим, редактор – вовремя опомнился и остановил тебя от опрометчивого шага... Итак, я слушаю, Иннокентий. Какая муха тебя укусила?

Гоблинович усмехнулся. Он всегда знал, что Шкупердяев – подхалим и «стукач».

– Полагаю, речь идёт о романе «Все идиоты, а я просто сволочь»? – спросил Иннокентий.

– Именно, – подтвердила Хельмимира.

– Я пропустил этот роман потому, – произнёс елдыринец, – что он показался мне новаторским, ироничным и не лишённым смысла.

– Что значит «не лишённым смысла»? – уточнила мундиморийка, прищурившись и наклонив голову. – То есть у него «вроде бы есть смысл»? Это как «немножко беременна»?

Иннокентий снова умолк. Идея романа касалась того, о чём говорил Гардиальд. Ещё пару часов назад елдыринец готов был высказать Хельмимире всё, что накопело у него за последнее время. Однако, оказавшись в кабинете, он снова оробел – и теперь судорожно подбирал слова, чтобы не разозлить мундиморийку.

– Что значит «показалась тебе новаторской и ироничной»? – продолжала допытываться Хельмимира. – Оценка должна быть объективной, без всяких «нравится» и «кажется».

– Прошу разъяснить мне мои ошибки, – произнёс Гоблинович с ложным смирением. – В чём я неправ?

– Хорошо, – сказала Хельмимира, вставая из-за стола. – Допустим: где ты видишь событийный ряд произведения?

Она прошлась по кабинету. Теперь Гоблинович мог рассмотреть её полностью: кружевное платье, лёгкий жакет и классические туфли-лодочки.

– Герой путешествует по миру и сражается с врагами, – ответил елдыринец.

– Нет, ты не понял, – возразила мундиморийка. – Я гово-

рю сейчас не про побегушки-поскакушки на потеху читателю. Я говорю про сюжет. Где меняются мотивации персонажа? Где происходит его рост?

– В конце, когда герой узнаёт, что сама планета – Оступляющий Монстр.

– А до этого что происходит? К чему все эти приключения?

– Автор описывает усилия персонажа и все тяготы, которые ему пришлось перенести ради достижения цели. Чем выше цена победы – тем сильнее разочарование в её бессмысленности.

– И что же ты называешь «усилиями»? Амулеты от непонятных девиц?

– Амулеты от девиц, схватки с рогатыми божками, сражения под стенами замка... Всё это ирония. Автор смеётся над жанром.

– И стоило описывать это на триста страниц? Для сатирического рассказа достаточно и десяти.

– Автор высмеивает каждое клише по отдельности.

– И при этом постельные сцены повторяются в каждой главе?

– Да, именно так. Это издёвка над теми авторами, которые злоупотребляют эротикой.

– Не издёвка, а желание угодить спермотоксикозным мальчикам.

– И что с того? Небольшой развлекательный элемент.

Хельмимира, которая прогуливалась по кабинету, внезапно обернулась и посмотрела на Гоблиновича.

– Ты пытаешься оправдать посредственную писанину – просто потому, что тебе она понравилась, – непреклонно заявила госпожа советник. – Ты притягиваешь за уши откровенно слабое произведение. Так можно идохлую крысу на стену повесить – а потом сказать, что это «перфоманс»... Нет, Иннокентий, нельзя считать своё восприятие непогрешимым. Нужно постоянно в нём сомневаться. Это и есть объективный взгляд на произведение.

Мундиморийка стояла, заложив руки в карманы жакета – надменная и абсолютно уверенная в своей правоте.

– А что насчёт тебя? – неожиданно спросил Гоблинович. – Ты тоже иногда сомневаешься в своих суждениях?

– Разумеется! – воскликнула Хельмимира.

– Выходит, что и ты бываешь неправа? – продолжал Иннокентий. – Выходит, что невозможно быть полностью объективным?

Хельмимира улыбнулась, и в глазах её загорелся злорадный огонёк.

– У тебя не получится заговорить мне зубы, – произнесла она с насмешкой. – Думаешь, я впервые слышу эти сопливые аргументы про «всё относительно» и «кому что по вкусу»? Литературоведение – это наука, у которой есть жёсткие критерии. И я обращаюсь к ним каждый раз, когда сомневаюсь в своей правоте. Ты профессиональный цензор и должен по-

нимать, о чём я говорю.

– О чём? – наивно спросил Гоблинович. – Поясни.

– Я не обязана пояснять такие простые вещи. Ты ведь давно работаешь цензором и даже пишешь свою пьесу... Неужели тебе не ясно, что в основе любого произведения должна лежать прежде всего идея? Сюжет и композиция работают на неё, а не просто существуют для того, «чтобы было интересно». Всё прочее – графоманство и ересь, которую нужно уничтожать. Даже если эта ересь красиво обёрнута.

Спорить с Хельмимирой было бесполезно. К тому же, Гоблинович не мог не согласиться с тем, что любое произведение нужно оценивать с точки зрения литературоведческой науки... И всё же Иннокентия мучила недосказанность.

– Знаешь, – проговорил он после паузы, – иногда мне кажется, что текст – это что-то живое, пластичное... Иногда я думаю о том, что он не создаётся только автором. Он создаётся каждый раз, когда его читают и переосмысливают.

– И что с того? – спросила Хельмимира. – Это повод создавать плохие тексты?

– Вовсе нет, – отозвался Гоблинович. – Просто каждый человек ищет в тексте что-то своё... В том числе, и идеи...

Внезапно лицо мундиморийки исказила гримаса гнева.

– Хватит пудрить мне мозги всякой чушью! – раздражённо воскликнула Хельмимира. – Всё это отговорки для бездарей. Ты пишешь бессмысленное чтиво и ждёшь, что читатель всё-таки найдёт в нём посыл? Поздравляю, ты – ничто-

жество от литературы. Добро пожаловать в кружок «Сопли графомана»!

В глазах мундиморийки читалось такое презрение, будто она видела перед собой ничтожнейшего врага. «Это ненависть к «плохой» литературе, – догадался елдыринец. – Это ненависть к «бездарям».

– Признай, Иннокентий, что ты провалился, – вновь заговорила Хельмимира, немного успокоившись. – Ты пропустил в печать абсолютную пустышку, в которой нет ни идеи, ни хотя бы эстетической ценности. Ты мог посоветоваться со мной или с кем-то ещё, кто разбирается в литературе. Но нет, ты предпочёл довериться эмоциям... Я знаю, что должна тебя наказать, потому что всякая ересь наказуема. Однако я помню, как ты повёл себя тогда, в системе Генриетты-Ливитт...

В сознании Гоблиновича промелькнуло воспоминание о том, как он едва не лишился жизни. Елдыринец невольно содрогнулся.

– Итак, я тебя прощаю, – продолжала Хельмимира. – Вернее, нет: читатель тебя прощает... Он прощает тебя, потому что однажды ты был готов пожертвовать собой за идеалы партизанского движения. Так вот, дорогой, не предавай эти идеалы.

Последние слова мундиморийки смутили Гоблиновича. «Что она несёт? – думал бедняга, изумлённо уставившись на Хельмимиру. – Она и впрямь отождествляет себя с неким

«собирательным читателем»? И что у ней за новая привычка везде вставлять слово «ересь»?»

Тем временем, Хельмимира вновь уселась за стол.

– Итак, – заговорила она спокойным, деловитым тоном, – ты перепишешь рецензию. И лучше покажи её мне, прежде чем отослать господину Шкупердяеву. Думаю, нам следует как можно скорее известить автора о том, что его роман не будет опубликован. Вопросы?

Гоблинович не верил своим глазам: вместо яростной фурии перед ним опять сидела практичная госпожа советник.

– Ты всё понял? – повторила Хельмимира. – Есть вопросы?

– Никаких вопросов, – ответил Гоблинович. – Но я хотел сказать, что идея в романе всё-таки есть...

– И какая? – ледяным тоном спросила Хельмимира.

– Идея в том, что мы с тобой неправы, и невозможно всех идиотов сделать умными. Народ всегда будет покупать развлекательные книжки «на вечер». Любовь к дешёвому чтиву нельзя уничтожить, а идеальная культурная среда – утопия.

Хельмимира подняла взгляд – и в глазах её снова вспыхнула ярость.

– И ты с этим согласен? – спросила она, бледнея.

– Не важно, согласен я или нет. Важно, что идея присутствует.

– По-твоему, любые идеи заслуживают того, чтобы транслировать их обществу? – произнесла мундиморийка, повы-

сив тон.

– Ты сама говорила, что идеи нельзя критиковать. С ними можно либо соглашаться, либо не соглашаться... Я просто пытаюсь быть объективным.

Хельмимира смотрела на Гоблиновича в упор.

– Скажи мне: ты хочешь уничтожить ширпотреб как явление? – резко спросила мундиморийка.

– Конечно, хочу, – ответил Гоблинович и тут же осёкся: что за категоричные формулировки?

– Тогда ты должен отказаться от своего сопливого релятивизма и перейти на сторону правды, – убеждённо заявила Хельмимира. – Пойми: третьего пути не дано. Если мы будем потакать бездарям, пытаясь найти смысл в их писанине, мы вернёмся туда, откуда пришли. Как ты собираешься бороться с ширпотребом, когда твой ум отравляет ересь? Ты пропустил роман, который отрицает идеалы партизанского движения... Выходит, ты и сам предал эти идеалы?

Гоблинович был ошарашен: Хельмимира загнала его в какой-то логический капкан. Теперь было ясно: нельзя критиковать никакие идеи – кроме тех, против которых выступает госпожа главный советник. Под жакетами-кружевами осталась прежняя сердцевина.

– Хельмимира, – тихо произнёс Гоблинович, – а ведь партизанского движения больше не существует...

Хельмимира резко вскочила из-за стола.

– Замолчи! – вскричала она. – Как ты смеешь?! Партизан-

ское движение будет существовать до тех пор, пока будут существовать невежество, ересь и ширпотреб! За что, по-твоему, погибали наши братья и сёстры?

– Они погибали за свободу, – произнёс Иннокентий.

– Не обещала я вам никакой свободы! – воскликнула Хельмимира. – Я обещала вам качественное искусство – и я своё слово сдержу!

В кабинете повисла тишина. Заложив руки за спину, Хельмимира снова прошла от стола к большому портрету Чехова, который висел на стене. Гоблиновичу вспомнились слова Гардиальда о том, что мундиморийка помешалась на древних авторах.

– Впрочем, – сказала Хельмимира уже намного мягче, – я всё понимаю... У тебя тяжёлая работа. Каждый день тебе приходится сталкиваться с десятками образцов отупляющего искусства. Не каждый разум выдержит.

Иннокентий, который до этого сидел, опустив голову, устремил на Хельмимиру изумлённый взгляд. Её лицо неожиданно приобрело спокойное выражение – и чем-то нехорошим веяло от этого спокойствия.

– Теперь я вижу, что сильно переоценила то, насколько устойчив твой разум, – продолжала мундиморийка. – Разумеется, тебе пришлось тяжело... Иди домой и отдохни хорошенько.

Она остановилась прямо напротив Гоблиновича. Тот, ничего не понимая, продолжал сидеть перед её столом.

– Иди домой и отдохни, – повторила Хельмимира.

– А что делать с рецензией? – спросил Гоблинович.

– Перепишешь завтра... или на днях.

Иннокентий вышел от Хельмимиры подавленный и абсолютно сбитый с толку. С одной стороны, мундиморийка была права: цензор обязан бороться за то, чтобы к читателю поступали только самые качественные произведения. Но, с другой стороны, елдыринец понимал: все эти разговоры об «идеалах партизанского движения» и «ереси в искусстве» пахнут одержимостью.

Как только Иннокентий переступил порог своей квартиры, его встретил взволнованный Бабельянц.

– Ну что? – спросил старик. – Как прошла встреча с донной Франческой? Она согласилась продать вишнёвый сад?

– Свихнулась твоя Франческа, – угрюмо отозвался Иннокентий, разуваясь.

– Так это же прекрасно! – обрадовался Бабельянц. – Теперь она точно отдаст мне все свои денежки!

Поздним вечером прилетел Гардиальд. Он привёз плохие новости: ещё один их общий знакомый – Карел Плешак – попал в больницу для душевнобольных.

– Состояние отмены алкоголя, – констатировал Гардиальд. – Говорят, в последнее время они обретались на даче у Хиляйло – после того, как Хельмимира уволила Плешака из Комитета.

Гоблинович рассказал другу о том, что случилось в каби-

нете мундиморийки.

– Плохо дело, – заключил елдыринец.

Друзья сидели в той же гостиной, на тех же местах. Иннокентий даже проверил, чтобы под столом не было деда.

– Послушай, – произнёс Гардиальд, – а ты не сохранил копию этого произведения?

– Сохранил, – ответил Гоблинович. – А тебе зачем?

– Да так, есть одна мыслишка... Что, если взять роман и разослать его на трансляторы пользователей, как в старые добрые времена?

Гоблинович изумлённо уставился на друга.

– Ну, – с сомнением потянул елдыриец, – это уже какое-то партизанское движение против Хельмимиры получается...

– Именно! – довольно воскликнул Гардиальд.

– А ты точно сможешь это сделать? Они теперь усилили защиту данных...

– Надо попробовать. В крайнем случае, у меня есть друзья, которые обслуживают спутники. Может, получится вытащить из них нужную информацию.

– По-моему, это как-то нехорошо... Мы, выходит, распорядимся романом без ведома автора.

– А раньше мы чем занимались? К тому же, произведение всё равно не пропустили. И если автор – настоящий писатель, а не какой-нибудь торгаш своими текстами, то будет не против поделиться с народом.

Ночью Иннокентий плохо спал. Ему снилось, как три героини романа «Все идиоты, а я просто сволочь» спорили, кто из них сюжетная женщина-трофей для Главного Героя. «Да какая к чёрту разница? – говорил им Главный Герой. – Лишь бы спермотоксикозные мальчишки были довольны». А потом их всех сожрала Хельмимира, которая превратилась в огромного хтонического монстра.

Утром Гоблинович не обнаружил среди своей корреспонденции ни одного романа на оценку. Сначала елдыринец хотел позвонить Шкупердяеву, однако вспомнил о вчерашнем разговоре с Хельмимирой – и ему стало неприятно даже думать о негодяе-редакторе. «Если я им нужен, пусть сами напишут, – рассуждал Иннокентий. – Не уволит же меня Хельмимира!» Он вспомнил о том, что надо писать рецензию – но тут же придумал, как бы отвертеться от неприятного занятия: госпожа советник разрешила ему сделать это на днях. Понемногу до Иннокентия дошло, что впереди у него целый свободный день. И он решил посвятить его своей пьесе.

Гоблинович задумывал пьесу как артхаус-фантазию без чёткого сюжета. Он даже сделал кое-какие наброски: девушка по имени Депрессия шла по лесу, а на пути ей встречались Разбитые Мечты, Запой, Разочарование и Тленность Бытия. Изучая литературу, Иннокентий стал понимать, что его задумка никуда не годится. Уже будучи связным на Лизе-Мейтнер, он ввёл в пьесу Город Творцов, куда шла главная героиня. В последнем акте Депрессия и Запой должны

были пожениться, но волшебница Психиатрия выгнала их из города.

Потом Гоблиновичу показалось, что и это недостаточно хорошо: получилось какое-то лубочное представление. Тогда елдыринец изменил концовку: Депрессия выходила замуж за Психиатра и таяла на глазах зрителей... «Снова не то! – сетовал Гоблинович. – Не авторская пьеса, а какой-то плагиат на «Снегурочку»!

После этого Иннокентий надолго забросил своё детище, помогая партизанам готовить переворот. Когда же всё свершилось, и елдыринец перебрался на Джоселин, ему вновь было не до творчества. Столичная жизнь, прекрасные апартаменты, курсы «Литературная критика» – всё это свалилось Иннокентию на голову неожиданным подарком судьбы.

Гоблинович вернулся к пьесе лишь тогда, когда немного «оправился» от новых впечатлений. Он пересмотрел свои тексты и счёл их наивными. Теперь они казались ему чем-то вроде дохлой крысы на стене: действие ради действия. Иннокентий переписал всё набело. Теперь он знал, что такое «эволюция идеи». Его главной героиней была уже не Депрессия, а Муза. Пьеса начиналась с того, что Муза и Творец познакомились и полюбили друг друга. Он создавал миры из камня, а она вдыхала в них жизнь. Внезапно Муза спросила возлюбленного о том, почему он не создаёт миры уже изначально живыми. «Потому, что у меня есть ты, дорогая!» – ответил Творец. Муза предложила ему создать хоть один живой мир

без её помощи. Творец не смог. Муза разочаровалась и ушла от любимого. Творец проклял её и бросил своё занятие.

Муза оказалась одна – во мраке и пустоте. Она долго бродила, сокрушаясь о том, что никого не может по-настоящему полюбить, нигде не может найти пристанища. Наконец, она вышла к роскошному дому и постучалась в двери. Ей открыл Делец. Он пригласил Музу к себе, щедро угостил и предложил поселиться у него. «А взамен я прошу тебя оживлять мои проекты», – сказал Делец. Сперва Музе пришлось по вкусу комфортная жизнь в богатом доме. Однако со временем она стала замечать, что творения Дельца бездушны – сколько бы она ни старалась вдохнуть в них жизнь. «Я хотела бы уйти, – сказала Муза. – Твои создания двигаются, но всё равно они ненастоящие. У тебя нет таланта творца – а без этого даже я бессильна». Делец разозлился, посадил Музу в подвал и заставил день и ночь оживлять его металлических чудовищ. Вскоре Муза вымоталась. «Ты больше ни на что не годишься!» – сказал Делец и выгнал её, измождённую, за дверь. Муза сделала несколько шагов и рухнула от усталости.

Спустя какое-то время Музу нашёл Мастер. Он привёл её к себе домой и вдохнул в неё силы. Муза была восхищена: до этого момента никто, кроме неё самой, не делал ничего подобного. «Неужели он – моя родственная душа? – обрадовалась Муза. – Я, кажется, люблю его...» Однако вскоре она поняла, что совсем не нужна Мастеру: все свои работы он оживлял сам. «Как ты обходишься без вдохновения?!» –

обиженно спросила Муза. «У меня есть мастерство», – пожал плечами Мастер. Муза решила покинуть его дом, но обещала время от времени навещать его в гости. Они с Мастером решили остаться друзьями.

Пьесу оставалось только доработать. Гоблинович планировал, что каменные изваяния из первого акта будут изображать люди. «Сначала пускай стоят неподвижно, – рассуждал елдыринец. – А когда к ним прикоснётся Муза, пускай танцуют... Нужно привлечь хореографа и композитора». А вот металлических монстров, по задумке Иннокентия, должны были играть машины, которые напоминали бы военную технику.

Иннокентий не мог дождаться того момента, когда он покажет своё детище коллегам. Елдыринец сам не заметил, как провёл над пьесой несколько дней. За это время ему всего два раза приходили романы из издательства. Елдыринец откладывал их в сторону и продолжал «шлифовать» реплики своих героев. Наконец, пьеса была готова. Содрогаясь от волнения, Гоблинович отослал её на оценку. Впервые в жизни он оказался в шкуре того, чью судьбу решает неведомый критик. Полдня он взволнованно бродил по квартире, не в силах собраться с мыслями. В это время Бабельянец носился за Коломбиной и зачитывал ей фрагменты из книги «История литературы».

- Ты только послушай, какой пассаж! – восклицал старик.
- Низкий уровень заряда аккумулятора, – отвечала Ко-

ломбина.

– Ах, необразованная девчонка, не будь такой толстокожей!

Наконец, Иннокентий сумел сесть и написать рецензию – ту самую, которую «задолжал» Хельмимире. Он аккуратно указал С.Б. Макиавелли на недостатки романа «Все идиоты, а я просто сволочь». Теперь инцидент был исчерпан, и Гоблинович попытался о нём забыть. «Надеюсь, у Гардиальда получится распространить произведение», – украдкой думал елдыринец.

И снова жизнь потекла своим чередом. Романов на оценку стало приходиться гораздо меньше. «Возможно, авторы относятся к творчеству серьёзнее, чем раньше, – думал Гоблинович. – Больше времени уходит на то, чтобы как следует продумать сюжет». Сам же Иннокентий только и делал, что проверял почту. Он едва мог дождаться ответа из отдела по драматическим произведениям.

В конце концов ответ пришёл. Прежде чем открыть письмо, Гоблинович даже выпил рюмку настойки, хотя давно не брал в рот алкоголя.

«Уведомляем, что Ваше произведение НЕ ОДОБРЕНО комиссией», – прочёл Иннокентий, и ниже было приведено заключение цензора. Елдыринец почувствовал, как заныло у него в груди.

Ему понадобилось опрокинуть ещё несколько рюмок, прежде чем он решился прочитать саму рецензию. Она не

была разгромной, однако от каждого комментария веяло холодом. Основную часть составляли цитаты из текста.

«Пьеса вторична и лишена чёткой структуры, – говорилось в заключении. – Идея размыта. У главной героини отсутствует мотивация и рост. Автору необходимо переработать смысловую составляющую произведения. В целом, пьеса не представляет художественной ценности, не несёт свежих идей и едва ли будет интересна современному зрителю».

Иннокентий перечитывал письмо, будто оглушённый. «Они ждут, что Вдохновение будет расти как персонаж? – в сердцах думал бедняга. – Да оно, мать его, Вдохновение! Какого роста они хотят?!» Невольно вспомнились персонажи, характеры которых так и остались неизменными: Простофиля Грибуль и Кларисса Старлинг. «И что?! – возмутился Гоблинович. – Клариссу Старлинг испортило отсутствие динамики?!»

Отчаявшись, Иннокентий закрыл письмо. Хотелось выть от обиды. Внезапно его взгляд упал на бутылку настойки, которая стояла здесь же. «Пропади оно пропадом!» – сказал себе елдыринец и напился – впервые за несколько лет.

Он провёл ночь в кабинете. Утро началось для него с похмелья. Оклемавшись, Гоблинович решил написать господину Шерези-Шико – главе отдела по драматическим произведениям.

«Прошу пересмотреть решение относительно моей пьесы», – начал Иннокентий своё ходатайство. В Комитете Цен-

зуры был особый порядок: для того, чтобы рассмотреть роман или повесть, обычно привлекали только одного цензора. А для того, чтобы оценить пьесу, необходима была целая комиссия. К театральному искусству подходили более тщательно. «Книгу можно просто прочесть, а пьесу нужно ещё и поставить», – говорила Хельмимира. Именно поэтому из множества пьес, которые приходили на оценку, лишь немногие попадали к режиссёрам. Иннокентий с горечью понимал: его детище не оказалось в числе лучших.

Несколько дней прошло в мучительном ожидании. Иннокентий старался не поддаваться панике. Теперь он снова держался подальше от алкоголя, и всё же иногда на него нападало отчаяние. В такие моменты елдыринец готов был позвонить Хельмимире, однако что-то его останавливало. Последняя их встреча прошла не очень гладко. К тому же, мундиморейка никому не помогала ради кумовства. Так, например, она забракела последний альбом Дюнделя.

– Я не обязана пропускать сырые тексты, даже если их написал твой муж, – сказала она Стефании. – Пускай садится и дорабатывает.

В один прекрасный день Иннокентию позвонил Чепухеня. «Ну и ну!» – удивился Иннокентий, увидев его номер на экране коммуникатора. Они не виделись с тех пор, как вместе закончили курсы литературной критики.

– Как жизнь? – бодро спросил Чепухеня. – Знаю про твою пьесу... Мне жаль, друг.

Чепухеня был приземистый, полноватый гуманоид елдыринского происхождения. Он относил себя к расе истинно людей, хоть в роду у него были и ниби. С ранней молодости Чепухеня страдал облысением и даже подсаживал себе волосяные луковицы. До того, как попасть в отряд, он работал редактором и пару раз публиковался, но потом его поймали на «запрещёнке». Партизаны отбили его от конвоя. Он присоединился к ним и стал оператором разведывательных дронов. После победы Чепухеню взяли на Джоселин – как человека, особо преданного идеалам космических партизан. Более того, он умудрился стать цензором драматических произведений.

– Я был в комиссии, – признался Чепухеня.

– А кто принимал окончательное решение? – спросил Гоблинович.

– Харданари. Его назначили главным.

– Я написал Шерези-Шико... Попросил пересмотреть заключение по пьесе.

– Вряд ли он согласится. Хотя... знаешь, многим ребятам понравилась пьеса. Тебе бы кое-что доработать. Они не всё указали в рецензии.

Сердце Гоблиновича учащённо забилося.

– Неужели есть надежда? – робко спросил елдыринец.

– Не знаю, но пьеса хорошая, и попробовать стоит, – ответил Чепухеня. – Если хочешь, сегодня встретимся.

– Где? – с нетерпением воскликнул Иннокентий.

– Неподалёку от меня есть ресторан «Потому что гладиолус». Хорошее место, я приглашаю.

Чепухеня жил в зоне Мария-Кюри. «Приличный район, хоть и недалеко от космодрома», – подумал Гоблинович, пролетая над сектором, который указал ему Чепухеня. Иннокентий едва сумел залететь на парковку огромного развлекательного центра. Он оставил телекоптер в ячейке и направился вниз: ресторан находился на первом уровне. Оказавшись внутри, елдыринец ахнул: это была оранжерея! Невольно вспомнился дом на Лизе-Мейтнер.

Чепухеня прибыл раньше и уже сидел за столиком.

– Я заказал нам две вытяжки из капуцина, – сказал он Иннокентию. – Надеюсь, ты не против?

– Это алкогольный напиток? – спросил Гоблинович.

– Да, а что?

– Ничего...

– Можешь выбирать любой цветок: его зажарят в кляре и подадут на закуску.

Только теперь Гоблинович заметил, что они сидели под огромным – размером с небольшое дерево – гладиолусом. «Вот так чудеса творит наука!» – подумал елдыринец. Вокруг бегали диковинные птицы.

– Я тебе сразу скажу: зацепила меня твоя пьеса, – признался Чепухеня.

– А что остальные? – спросил Гоблинович.

– Было много споров. Харданари, негодяй, упёрся... До-

шло даже до того, что обратились к шефу.

Гоблинович тяжело вздохнул: если пьесу не принял сам Шерези, то плохо дело. Вскоре официант принёс напитки. Елдыринец залпом опрокинул рюмку. Оба цензора сделали ещё заказ: жареный русланник и ассорти из копчёностей. Когда Чепухеня попросил бутылку облепиховой настойки, Иннокентий хотел было его остановить – а потом махнул рукой: была ни была!

Поговорили немного о работе. Несмотря на уныние, Гоблинович всё-таки был приятно удивлён. Они с Чепухеней близко не дружили – и вдруг он вызвался помочь... «Возможно, ему действительно понравилась моя пьеса! – с надеждой думал Иннокентий. – Впервые кто-то поддержал меня как автора».

Когда принесли заказ, Гоблинович и вовсе повеселел. Еда была вкусной, а от алкоголя по телу разливалось приятное тепло.

– Тебе нужно просто избавить свою пьесу от лишних деталей, – рассуждал Чепухеня. – Она у тебя слишком... как бы это сказать? «Хрестоматийная», что ли... Всё так выбелено, что и плюнуть некуда. Поэтому в диалогах не чувствуется жизни. Твои персонажи разговаривают, как в древних трагедиях: тяжелый слог. Тебе мешает излишнее знание теории литературы.

Несмотря на критику, Гоблинович впервые за несколько недель был по-настоящему счастлив. Алкоголь как следует

ударил ему в голову. Чепухеня говорил о том, что театр, по сути, первобытное искусство, и пора уже завязывать с тем, чтобы подвергать его такому строгому анализу... В какой-то момент Иннокентий потерял нить разговора. Ему стало так весело, что захотелось двигаться в такт музыке.

Он почти не помнил, как добрался домой. «Оставим твой телекоптер в ячейке, – говорил Чепухеня, усаживая елдыринца в аэротакси. – Я доплачу, чтобы его подержали до завтра». «А ты, оказывается, славный малый», – бормотал Иннокентий.

Утром, оклемавшись после вчерашнего, Иннокентий первым делом принялся перечитывать пьесу. Теперь он видел, что некоторые монологи и вправду затянуты, а некоторые определения излишни. Он принялся править текст – и так увлёкся, что едва не забыл слетать за аппаратом. А по возвращении домой его ждали ещё пять романов от господина Шкупердяева. «Нет мне покоя!» – вздохнул Гоблинович и неохотно отожил своё детище.

Впрочем, невесты, похищенные альфа-самцами, не заняли много времени и сил. Гоблинович написал на них пять одинаковых рецензий и отослал Шкупердяеву. «На этот раз совсем тупые книжонки, – плевался елдыринец. – Они что, снова деградируют?» Однако неприятная работа была позади, и можно было вернуться к пьесе.

Иннокентий перекраивал её несколько дней. Он заново оценивал каждую реплику и даже произносил монологи

вслух – так, как они звучали бы на сцене. Раньше Иннокентий рассматривал драматургию только лишь как часть литературы. Теперь же он понимал, что пьеса – это не только текст. Иннокентий учитывал всё, что было написано в рецензии и что говорил ему Чепухеня. Елдыринец снова чувствовал себя Пигмалионом, из-под резца которого вот-вот появится прекрасная Муза.

Наконец, новый вариант пьесы был готов, и Гоблинович решил отправить его своему нечаянному покровителю. А вдогонку отправил сообщение: «Если будет время, прочти».

Чепухеня позвонил ему вечером того же дня.

– Неплохо! – сказал он бодрым голосом. – Хотя, возможно, есть ещё что доработать... Кстати, у меня есть два билета на пьесу «Олег, Паша и жёлтые карлики». Если хочешь, можем потолковать в антракте.

В антракте оба цензора пили коньяк.

– Знаешь, – сказал Чепухеня, – Хельмимира, конечно, против кумовства и всего такого... Но, может, тебе не помешало бы завести больше связей в нашем отделе?

Гоблинович, уже хорошенько подвыпивший, смотрел на него с удивлением.

– Завтра мы собираемся в Беатрис-Тинслей, на «Злачной террасе», – продолжал Чепухеня. – Будут играть киберджаз. Если хочешь, подваливай...

Иннокентий не мог поверить своему счастью.

– Я точно могу присоединиться к вашей компании? – с

сомнением спросил елдыринец.

– Не беспокойся об этом, – ответил Чепухеня.

Собираясь на «Злачную террасу», Иннокентий надел свой лучший костюм. Администратора заранее предупредили, что к компании цензоров присоединится ещё один гость. Гоблинович был в восторге: на террасе слушали киберджаз и говорили об искусстве. Чепухеня встретил его и представил своим друзьям из отдела. Вскоре принесли выпивку – и беседа потекла ещё более оживлённо. «Нам пришлось по вкусу ваша «Муза», – признавались Гоблиновичу некоторые цензоры. – Но, увы, Шерези был непреклонен».

«Если вы все такие душевные, то кто же тогда голосовал против моей пьесы? – украдкой думал елдыринец. – Неужели только начальство?»

В тот вечер Иннокентий снова порядком напился.

– О, Бригелла, я вижу, ты тоже светский лев! – сказал Бабельянц, встречая его под утро.

Слова старика оказались пророческими. Вскоре Гоблинович стал «выходить в свет» гораздо чаще, чем раньше. Он познакомился со многими цензорами, и на каждой вечеринке его звали на новую. Чепухеня сопровождал его повсюду. Он постоянно обещал поговорить с Шерези-Шико. Иннокентий понимал, что вновь рискует попасть в лапы Зелёного Змия, однако уже не мог остановиться. «Это всё только на время, – твердил себе Гоблинович. – Мне просто нужно понравиться тем, кто пропустит мою пьесу».

Теперь елдыринец пил каждый день, как это было когда-то на Кривоцице. Просыпаясь в обеденное время, он чувствовал невольный страх и вину за то, что вновь перебрал со спиртным. После этого он выпивал – и мир сразу делался дружелюбнее. Несколько раз Иннокентию звонил Гардиальд. Он спрашивал, не нужна ли помощь. Иннокентий отказывался: у него уже был тот, кто мог помочь ему стать драматургом. Днём Гоблинович писал рецензии на «Невест» и «Бруталов», а вечером шёл отдыхать с новыми друзьями.

Всё рассыпалось в один день – когда Чепухеня внезапно позвонил Гоблиновичу и сказал, что ничего не вышло: пьесу не пропустили во второй раз.

– Они точно перечитывали текст?! – воскликнул Иннокентий, срываясь на крик.

– Точно, друг, точно... Прости.

Чепухеня приехал к Иннокентию спустя пару часов. К этому времени Гоблинович был уже изрядно пьян.

– Что поделывать, друг, что поделывать, – успокаивал его Чепухеня. – Я, впрочем, тоже привёз нам выпивку...

Чепухеня находился рядом с Иннокентием на протяжении всего запоя – четверо суток по джоселинскому счёту, неделя по меркам Кривоцицы. Как настоящий друг, он покупал ему алкоголь, кормил деда и подзаряжал Коломбину. Сначала Иннокентий пил почти всё время. Потом, как это обычно бывало при каждом запое, он стал понемногу цепляться за обрывки реальности, и в его сознании начали проступать

небольшие светлые островки. Гоблинович знал: в этот период можно выбраться из запоя, постепенно снижая дозу. Однако Чепухеня заботливо подливал ещё и ещё – пока, наконец, у Иннокентия не случился новый «штопор».

– Бригелла, ты как-то плохо выглядишь, – говорил Бабельянц. – Нельзя столько работать.

– Авырґца, – отвечал ему Иннокентий и впадал в беспмятство. Зелёные космические лоси гарцевали где-то за окном; Чепухеня, который ходил из комнаты в комнату, иногда превращался в героя сказки «Вий», а вселенная вокруг представляла собой один большой хаос, одну сплошную оргию безумных монстров. «Как же мне хреново!» – пытался объяснить им Гоблинович, но его постоянно отбрасывало куда-то назад, на потрёпанный диван в старокозлищенском доме...

Всё это продолжалось до тех пор, пока елдыринца не стало рвать собственной желчью. Находясь в пьяном бреду, он слышал, как в соседней комнате Чепухеня принялся кому-то звонить. Вскоре на пороге квартиры появились древние воины в странных доспехах. Во главе отряда стояла амазонка.

– Доктор, помогите! – бросился к ней Чепухеня.

«А этот гадёныш, похоже, всё и подстроил», – неожиданно пронеслось в голове у Гоблиновича. Это было последнее, что он подумал, прежде чем окончательно упасть в забытье.

Глава 30: Хельмимира и на работе и дома

Хельмимира всё чаще бывала в плохом настроении. «Вокруг одни предатели и идиоты!» – сокрушалась она, досадуя на подчинённых. А самым страшным было то, что её совсем перестал поддерживать Исаак.

Сначала всё было просто прекрасно. Сразу после победы над Харальдюфом Исаак и Хельмимира вместе помогли Её Величеству устанавливать новый порядок в империи. Спустя некоторое время Визулинда назначила Хельмимиру своим главным советником по вопросам культуры. Исаак решил посвятить себя творчеству: это было то, о чём он мечтал всю жизнь. Хельмимира, конечно, поддержала его решение.

– Ты гений пера, – сказала она Исааку. – А гениям пера положено творить для современников и потомков.

В один прекрасный день Исаак и Хельмимира стали супругами. Им достался огромный особняк на окраине Беатрис-Тинслей. Теперь можно было ни от кого не прятаться. Каждый день Хельмимира улетала по делам, а Исаак оставался у себя в кабинете и работал над произведениями. Тем не менее, качкоид был в курсе всего, что предпринимала его супруга. Приходя домой, Хельмимира всегда делилась с ними своими планами.

– Теперь всё будет иначе! – говорила она. – Я сняла запрет на книги древних авторов, и скоро они появятся в магазинах. Очевидно, что ширпотреб не сможет тягаться с качественной литературой. Читатель не выберет помой, когда перед ним окажется деликатес.

Однако вскоре Хельмимиру ждало разочарование. Публика вовсе не спешила бросать старые привычки. Продажи книг древних авторов были ничтожно малы, в то время как народ по-прежнему скупал «истории на один вечер».

– Что не так?! – злилась Хельмимира. – Я дала им достойные произведения – так почему они продолжают читать ширпотреб?!

– Они, похоже, совсем отупели за время правления Харальдюфа, – рассуждал Исаак.

– Ничего, я верну им хороший вкус! Введём цензуру. Тогда им придётся думать головой – хотят оно того или нет!

– У Харальдюфа тоже была своя цензура, и мы легко обходили его запреты...

– И всё равно он сумел привить свою скотскую эстетику миллиардам гуманоидов.

– Ты же знаешь: где цензура – там и чёрный рынок.

– Нашёл, чего бояться! Партизаны не одолеют партизан?

– Возможно, ты и права... Только, мать, полегче на поворотах.

«Раньше он поддерживал мои идеи», – с горечью думала Хельмимира, вспоминая прошлые беседы с мужем. Она не

могла точно сказать, когда всё изменилось. Между супругами не было крупных ссор и скандалов. Несмотря на плотный график, Хельмимира никому не доверяла произведения Исаака и редактировала их сама. Супруги всегда проводили свободное время вместе. Её телохранители были его друзьями. «Так что же всё-таки происходит?» – спрашивала себя мундиморийка, мучаясь от глухой, зябкой, тёмной неизвестности.

В один прекрасный день Хельмимира поняла, что её окружают одни только идиоты и предатели. Она рассказала об этом Исааку – и внезапно не нашла у него той поддержки, которой так жаждала. «Ты, мать, поаккуратнее с такими мыслями», – вот и всё, что ответил ей качкоид.

«Неужели он разлюбил меня?» – с ужасом думала мундиморийка.

Приходя домой, Хельмимира всё чаще стала замечать во взгляде Исаака холод и непонимание. Она делилась с ним самым сокровенным – а он только смотрел на неё с какой-то странной тревогой.

– Не нужно было давать столько свободы цензорам, – говорила Хельмимира. – Многими из них овладела ересь – и вот они уже готовы отступить от идеалов партизанского движения... А ты ведь знаешь: на войне мы таких расстреливали.

Исаак молчал, а иногда и вовсе переводил тему: начинал рассказывать про какие-то психические расстройства. Одна-

жды он даже посоветовал Хельмимире о них почитать. Тогда мундиморийка решила, что главным героем его следующего романа станет сумасшедший.

– Знаешь, – сказала она мужу, – мне, как читателю, нет необходимости так глубоко разбираться в дебрях психиатрии.

Время от времени Хельмимира успокаивала себя тем, что Исаак просто сильно увлечён своим творчеством и поэтому не может больше разделять её интересы. Однако с каждым днём она всё разительнее чувствовала, что он охладевает к ней как к женщине – даже несмотря на то, что она посещала самые дорогие центры красоты на Джоселин-Белл-Бернелл. Как и в годы своей молодости, мундиморийка вновь носила женственные платья, полупрозрачные блузы и кружевные чулки. А ещё она отыскивала духи, которыми пользовалась в то далёкое время, когда ей только предстояло обольстить Исаака и подчинить его себе... «Как давно это было? – думала Хельмимира, ощущая светлую грусть. – Миллиарды лет назад, в другой вселенной? Тогда он и вправду сходил по мне с ума. А теперь обнимает, как больную... Неужели меня так сильно потрепала жизнь?»

Супруги редко говорили о старых временах. Лишь однажды Хельмимира услышала от Исаака упоминание далёкого прошлого – и в груди у неё разлилось приятное тепло. Это случилось, когда Хельмимира объявила мужу, что ужесточила требования к цензорам.

– Я собираюсь навсегда очистить Комитет от всякой ереси, – сказала она за ужином. – Я уничтожу всех, кто идёт против моего курса!

Исаак вздохнул и тихо произнёс:

– Давным-давно у тебя газета была... Название не помнишь?

Хельмимира плохо спала по ночам. Ей часто снилось, что на неё пытаются напасть. Во сне она по привычке хваталась за пистолет – а на поясе было отвратительно пусто... Просыпаясь в холодном поту, Хельмимира бросалась к выдвинутому ящику прикроватной тумбы – и, к счастью, находила там свой грэйс-хоппер. Тогда она с облегчением падала обратно на кровать, чтобы отдышаться, а потом подползала к Исааку и прижималась к нему всем телом. Он тоже просыпался и обнимал её.

– Ты, наверное, разлюбил меня, – сказала Хельмимира однажды.

Качкоид глубоко вздохнул.

– Если бы я разлюбил тебя, то давно свалил бы подальше от всего этого.

Он снова заговорил про какую-то газету и про какого-то психотерапевта. Хельмимира уже засыпала и совсем его не слушала.

– В конце концов, не важно, любишь ты меня или нет, – сказала она сквозь дремоту. – Главное, чтобы ты оставался верен идеалам космических партизан.

Между тем цензуру проходили считанные произведения. Появился дефицит современных фильмов, игр, книг, музыкальных композиций. Публика восполняла его продуктами, которые продавались на чёрном рынке.

– Бездари! – говорила Хельмимира, досадуя на творцов.

Чтобы научить их работать, она организовала по всей империи бесплатные курсы писательского мастерства, кинокритики, режиссуры, общей теории искусства... Учились авторы крайне медленно. Тем временем чёрный рынок наполнялся романами, которые были написаны за неделю, и рэпом а-ля ранний Дюндель. В книжных магазинах было совсем немного покупателей. Те, кто приходил, искали в основном обучающую и деловую литературу. На самых населённых планетах появились подпольные каналы, которые показывали кустарные клипы и мыльные оперы. Они собирали гораздо большую аудиторию, чем каналы классической музыки и интеллектуального кино. «Пиратов» ловили и наказывали – с переменным успехом. Однако на место старых любителей подпольного заработка всегда приходили новые. Люди и раньше не боялись отупеть, а теперь – и подавно. Идиотия стала излечимым заболеванием: Визулинда открывала больницы по всей империи.

Хельмимира была обескуражена. Только теперь она осознавала всю глубину той бездны, в которой оказалась массовая культура. Последней каплей стало то, что роман «Все идиоты, а я просто сволочь» сделался подпольным бестсел-

лером.

– Мы боремся не только с наследием Харальдюфа, – сказала Хельмимира мужу. – Нам противостоит гораздо более древнее зло: невежество и лень разумных гуманоидов.

Исаак невесело усмехнулся и внезапно спросил:

– Ты решила покончить с этими явлениями? Думаешь их расстрелять?

– Сарказм здесь не уместен! – воскликнула Хельмимира и отправилась в свой кабинет.

Качкоид явно недооценивал Хельмимиру и её силу воли. Хельмимира, как обычно, знала, что делать.

«Я напишу новую программу, – решила она. – Это будет уже не «диктат хорошего». О, нет! Это будет кое-что получше... Программа Интеллектуального Очищения!»

Хельмимира ожесточённо взялась за работу. Ей не нужны были помощники: она знала, что от всяких предателей и идиотов толку нет. Основой Программы Интеллектуального Очищения стали идеалы космических партизан. Целью Программы было уничтожить ересь, а потом – и само невежество.

«Длительное воздействие Программы Всеобщей Дебилизации, – писала Хельмимира, – привело к тому, что общество вконец оступело. Мероприятия, которые я осуществила как главный советник Её Величества по вопросам культуры, оказались эффективны лишь в некоторой степени. На сегодняшний момент существует немало подпольных ор-

ганизаций, которые извлекают выгоду из торговли низкосортными неаттестованными продуктами массовой культуры. Назвать такие организации «партизанским движением» не поворачивается язык. Партизаны, которые совсем недавно боролись против гнусного режима всеобщего отупления, действовали на безвозмездной основе в соответствии со своими высокими побуждениями и ценностями. Идеалы космических партизан – качество в искусстве, интеллектуальное развитие общества, прогресс мысли – являются высшим благом всей гуманоидной расы.

Увы, прогресс в общественном сознании идёт слишком медленно. Виной тому Программа Всеобщей Дебилизации, а также пагубные привычки большинства гуманоидов, которые им не удалось искоренить за множество тысячелетий. Мозг любого разумного создания стремится к тому, чтобы экономить энергию. Познание для человека является высшей потребностью, а не естественной необходимостью или инстинктом. Именно поэтому к познанию стремятся немногие.

Для того, чтобы ускорить интеллектуальное развитие общества, я, Хельмимира Лукреция Гелихард, предлагаю нижеследующие меры».

Далее следовало несколько артикулов, каждый из которых касался отдельной проблемы современного общества. Сначала мундиморийка рассуждала о борьбе с подпольной контркультурой. Она предлагала разделить нарушителей на

организаторов, исполнителей и творцов. Первых надлежало расстреливать. Вторых, по мнению Хельмимира, следовало пожизненно изолировать в специальных учреждениях. С третьими мундиморийка советовала поступать так:

«Творцов необходимо наказывать соразмерно тяжести их преступлений. Тех, кто оступел, принудительно лечить. Если кто-нибудь из них создал нечто поистине ужасное – такое, например, как «Бабское порево без художественной ценности» – его лучше немедленно расстрелять, чтобы он не повторил своё омерзительное злодейство. Тех же, чьи творения хоть немного приемлемы, следует помещать в Лагерь Хорошего Вкуса».

«Лагерями Хорошего Вкуса» Хельмимира называла учреждения, где она собиралась делать хороших авторов из различного рода бездарей. Туда же она предлагала помещать и тех, кто потреблял неаттестованные продукты – чтобы развивать в них эстетическое чувство.

Последний артикул был посвящён тому, как сделать общество лучше.

«Народ необходимо принуждать к культурному досугу, – писала Хельмимира. – Каждый гражданин империи должен посещать литературный клуб или научный кружок. А если кто-нибудь попытается уклониться от этого, его следует расстрелять или поместить в Лагерь Хорошего Вкуса».

Когда Программа была готова, Хельмимира отослала её императрице по засекреченному каналу.

«Обязательно прочту», – ответила Визулинда.

Хельмимира принялась ждать ответа. Всё больше времени она проводила в Комитете Цензуры: зона Каролин-Порко, сектор Ада-Лавлейс, улица Хеди-Ламарр, здание триста пятьдесят два. Хельмимира видела: вокруг неё множатся ереси. Многие из тех, кому она когда-то доверяла, начали высказывать мысли о том, что нужно прекратить бороться с отупляющим искусством, пустить культуру на самотёк, отдать её на откуп бездарям... Некоторые смельчаки спорили с Хельмимирой прямо на заседаниях цензоров. «Их надо уничтожить, пока они не заразили остальных!» – думала мундиморийка.

Самым опасным предателем был Видо Бонмарито, который когда-то командовал одной из партизанских баз. Он в открытую говорил Хельмимире, что цензуру пора отменить – и мундиморийка видела, что его поддерживают некоторые коллеги. Однако теперь Хельмимира не могла в открытую расправляться с несогласными. Необходимо было придумать другой, более тонкий способ убирать людей – так, чтобы они теряли не только работу, но и авторитет. «Если я просто их уволю, они организуют подпольное движение», – рассуждала мундиморийка.

К счастью, у Хельмимиры всё ещё были верные люди. К примеру, Чепухеня – заурядный литератор, которого Хельмимира вывела из грязи в князи. Целый месяц Чепухеня «подкармливал» Бонмарито блокаторами серотонина. В

конце концов Бонмарито оказался в психушке.

– Увы, – сказала Хельмимира на собрании в Комитете, – один из наших товарищей не вынес тяжёлой работы цензора. Не каждый разум устойчив к отупляющему искусству. Иногда ломаются даже такие закалённые партизаны, как Видо... Едва ли он к нам вернётся. А вы берегите себя.

Те, кто имел проблемы с алкоголем, были особенно лёгкой добычей. Одним из таких людей стал Карел Плешак – бывший глава лиза-мейтнерской подпольной ячейки. Хельмимире ничего не стоило довести его до запоя. Она действовала через своего подручного Хиляйло. Однако настоящим разочарованием для Хельмимиры стал Гоблинович. «От тебя, Иннокентий, я такого не ожидала!» – в сердцах думала мундиморийка, когда тот пропустил в печать абсолютную дрянь. Если бы он просто ошибся с романом – не беда, бывает. Но, увы, елдыринец обнаружил гораздо более страшные симптомы, нежели простая близорукость. Его разум был отравлен ересью.

Хельмимира знала, что Иннокентий писал пьесу и относился к своему детищу с большим трепетом. Из-за этого его было даже немного жаль: всё-таки мундиморийка сама спасла его от пьянства и сделала одним из цензоров... «Я будто убиваю спящего, – раздражённо думала Хельмимира, досадуя на елдыринца. – Обязательно было доводить меня до ручки?!» И всё же она вызвала к себе Шерези-Шико и запретила ему пропускать на сцену пьесу Гоблиновича. Несмотря

на то, что Иннокентий давно не пил, достаточно было одного небольшого толчка, чтобы заставить его сорваться.

– Совсем скоро Шерези-Шико уходит на пенсию, – сказала Хельмимира, когда Чепухеня снова оказался в её кабинете. – Я подумываю о том, кого бы поставить на его место...

Чепухеня знал, что делать. Совсем скоро он доложил Хельмимире, что Гоблиновича забрали в больницу.

– Ещё один коллега не выдержал постоянного давления отупляющего искусства, – сказала мундиморийка на заседании Комитета. – Берегите свой разум, цензоры.

Хельмимира не спешила признаваться Исааку о том, что на самом деле случилось с его бывшими соратниками. Её сдерживало какое-то смутное опасение, которое она едва ли могла объяснить даже себе. «Должно быть, Исаак расстроится, – думала мундиморийка, чтобы хоть как-то оправдаться в собственных глазах. – Нелегко признать, что все они предатели».

Казалось, Хельмимиру было уже ничем не удивить. Однако вскоре судьба нанесла ей очередной удар в спину – на этот раз, руками самых близких людей.

Однажды в кабинет к Хельмимире явились Гардиальд и Стефания. Гардиальд был главным киноцензором, и Хельмимира видела его регулярно. А вот Стефания давно отошла от борьбы с отупляющим искусством и занималась карьерой мужа. Супруги вместе основали продюсерский центр «Оззи и Шерон».

– Рада тебя видеть, – сказала Хельмимира Стефании. – Как дела?

– Нормально, – коротко ответила та.

– Сейчас попрошу сделать кофечай, – с улыбкой проговорила Хельмимира.

– Не нужно! – резко произнёс Гардиальд.

Хельмимира уставилась на него с удивлением. Её улыбка мгновенно исчезла.

– Мы пришли поговорить о том, что случилось с Гоблиновичем и остальными, – продолжал Гардиальд. – Мы знаем, что это твоих рук дело.

Хельмимира откинулась в кресле и сложила руки в замок.

– Что за дикие обвинения? – спокойно спросила она.

– Брось, мы слишком давно знакомы, – сказал Гардиальд. – К тому же, любой, кто умеет сопоставлять факты, поймёт, что это ты всё подстроила. Люди, которые с тобой не согласны, так или иначе уходят из Комитета – а некоторые ещё и попадают в больницу. И каждый раз в этом почему-то оказываются замешаны Чепухеня, Хиляйло и те, кто оказался в отряде не по убеждениям, а потому что скрывался от закона.

– Ты судишь о товарищах по тому, каким образом они оказались в отряде? – усмехнулась Хельмимира. – Как же это не по-братски!

– Я воевал с ними и знаю, кто чего стоит.

Хельмимира замолчала и посмотрела на Стефанию. Та си-

дела с каменным лицом.

– Чего вы хотите? – произнесла, наконец, мундиморийка. – Ждёте, что я начну каяться в каких-то невероятных злодеяниях?

– Неужели ты не видишь, до чего мы докатились? – спросил Гардиальд. – Неужели ты не видишь, что партизанское движение выродилось в тоталитарную секту?

Хельмимира была ошарашена. «Что позволяет себе этот щенок?»

– Партизанское движение идёт правильным курсом, – заявила Хельмимира. – А все те, кто пытается ему помешать, отступники и предатели.

– Ну и что ты называешь «правильным курсом»? – воскликнул Гардиальд. – Твоя цензура закрутила гайки так, что любое движение мысли уже невозможно! Мы только и делаем, что молимся на мёртвых классиков – а сами что? Что нового мы можем создать, не подражая, не списывая, не воруя чужие идеи?

– Создавайте, что хотите, никто не против, – сказала Хельмимира. – Только не нужно вешать на стену дохлых крыс и называть это «новаторством». Человеческой культуре много миллиардов лет. Ты правда думаешь, что люди способны вот так сходу создать что-то принципиально новое?

– Способны или нет – это уже второй вопрос, – внезапно проговорила Стефания. – Для начала прекрати им мешать.

Хельмимира почувствовала, как что-то резко кольнуло у

ней в груди. Такого предательства она не ожидала.

– Что ты говоришь? – изумлённо произнесла она, не веря своим ушам. – Ладно бы твой брат, но ты... Что с тобой случилось?! Ты жизнь была готова отдать за идеалы космических партизан!

– Я и сейчас готова, – ответила Стефания. – Только знаешь, о чём я думаю? Вот я бы умерла тогда в системе Генриетты-Ливитт... А ты после этого ввела бы цензуру и начала бы репрессировать своих же соратников. За что, спрашивается, было умирать?

В глазах у Хельмимиры потемнело.

– Неблагодарная девчонка! – раздражённо воскликнула она. – Вот, оказывается, как ты заговорила! Связалась с каким-то бездарем из Елдыринской Губернии и заразилась от него идиотией! Но я-то понимаю, дорогая, к чему все эти разговоры... Ты просто обиделась, когда я не пропустила тексты твоего мужа. Так вот, послушай меня внимательно: когда я говорю, что произведение сырое, то нужно идти и править его, а не строить из себя непризнанный талант!

– Конечно, – усмехнулась Стефания, – у тебя ведь идеальный художественный вкус. Никто, кроме тебя, не может назначить своего мужа «классиком современности».

Это уже не лезло ни в какие ворота.

– Исаак – гений пера, блестящий самородок! – закричала Хельмимира, вскакивая со своего места. – Не смей его ни с кем сравнивать! Исаак всего в жизни добился сам!

– Ага, – кивнула Стефания. – И когда он только-только пришёл в отряд, то сразу же сделался одним шкиперов... Странно, почему с другими такого не случилось. Витю, например, ты вообще принимать не хотела.

– Твой Витя врал мне! И ты тоже!

– Не спорь с ней, – обратился Гардиальд к сестре. – Она действительно верит в то, что Исаак – единственная надежда современной литературы.

– Ты сам хвалил его произведения! – воскликнула Хельмимира, поражённая очередным предательством.

– Мне нравятся его произведения, – согласился Гардиальд. – И я уважаю его как человека. Но ты позволяешь ему то, чего не позволяешь другим авторам. Ему, считай, всё можно: стилистические шероховатости, вольные трактовки...

«Что он говорит? – пронеслось в голове у Хельмимиры. – Неужели это правда?»

– Мне давно следовало высказать тебе всё как есть, – продолжал Гардиальд. – И я жалею, что так долго молчал. Видишь ли, когда-то партизанское движение было надеждой империи. Мы боролись за то, чтобы Харальдюф не сделал из людей полуграмотное стадо. Но, знаешь, со всеми великими начинаниями всегда происходит одно и то же: их в конце концов извращают. В какой-то точке хорошая идея вдруг превращается в своего уродливого двойника. Теперь мы не помогаем культуре развиваться, а тянем её назад. Ты одер-

жима утопией: хочешь за одно поколение создать общество интеллектуалов... Увы, это невозможно. И если в тебе осталась хоть капля благоразумия, подумай об этом хорошо.

Хельмимира молчала. То, что сказал Гардиальд, отдавалось внутри неё глухой болью. «Так вот, кого я пригрела на своей груди!» – сокрушалась мундиморийка. Внезапно в глубине её разума промелькнула страшная мысль: «А что, если он в чём-то прав?» Однако Хельмимира не смогла вынести её и прогнала прочь.

– Какой же ты всё-таки трусливый, – сказала она Гардиальду.

– Я – трусливый?! – удивился тот.

– Трусливый и слабохарактерный, – повторила Хельмимира. – Пасуешь перед трудностями. Ты думал, победа над Харальдюфом – это конец борьбы? Как бы не так! Одолеть имперскую армию было самой простой нашей задачей. Теперь же мы имеем дело с настоящим врагом: привычкой народа к отупляющему искусству. Она появилась не во времена Харальдюфа, о нет! Она существует с тех пор, как зародилась культура. Гуманоиды жаждут дешёвых развлечений и совсем не хотят тратить энергию на осмысление.

– Ты хочешь насильно заставить их думать? – спросил Гардиальд. – Насильно всех сделать гениями?

– Ну, гениями – это громко сказано, – усмехнулась Хельмимира. – Но величайший из идеалов партизанского движения – это духовный и интеллектуальный рост общества в

целом. Что толку, если черепашьими темпами развивается только думающее меньшинство? Нужно заставить гуманоидную расу шагнуть вперёд – так, чтобы люди использовали свой мозг не на пять процентов, а хотя бы на пятьдесят. Мы всё ещё партизаны, и мы всё ещё боремся. И если мы прекратим борьбу – это будет означать дезертирство. А дезертиров, как ты знаешь, расстреливают.

Хельмимира видела, что брат и сестра смотрят на неё с испугом. «Что у ней в голове?!» – прошептала Стефания и закрыла лицо руками.

– Так ты и вправду людей начнёшь расстреливать! – возмутился Гардиальд.

– Мы говорим о ценностях, ради которых не жалко убить, не страшно умереть и не стыдно предать, – стальным тоном заявила Хельмимира.

Брат и сестра переглянулись.

– Знаешь, я умываю руки, – внезапно произнёс Гардиальд.

– В смысле? – уточнила Хельмимира.

– Я ухожу в отставку, – пояснил Гардиальд. – Извини, но ты свихнулась.

«Эти двое обязательно побегут к императрице», – подумала Хельмимира, когда Гардиальд и Стефания покинули её кабинет. Она ощущала болезненную досаду – несмотря на то, что за много лет борьбы привыкла терять боевых товарищей. «А я ведь столько для них сделала! – сокрушалась Хельмимира. – Как можно быть такими неблагодарными?!»

Исаак уже спал, когда Хельмимира оказалась дома. Она заказала дроиду горячий морс и села в гостиной. На глаза ей попала книга – ярко-красная лайка с фирменным логотипом издательства, который был выгравирован прямо на ней. Хельмимира активировала её и обнаружила один из романов Исаака. «Неужели я была необъективна?» – с ужасом думала мундиморийка, проходясь по строкам и дотошно оценивая каждую фразу. Внезапно она увидела в тексте несколько стилистических шероховатостей. «Это невозможно, этого не может быть!» – со злостью подумала Хельмимира и тут же закрыла голограмму. На пороге гостиной стоял дROID с подносом.

«Если тот елдыринец напишет хорошие тексты, я их пропущу», – думала Хельмимира уже в постели.

Утром всё было как всегда. Однако после завтрака Исаак неожиданно произнёс:

– Ну всё, мать, поехали к доктору.

Хельмимира изумлённо уставилась на мужа.

– К какому ещё доктору? – спросила она.

– К психотерапевту, как договаривались.

Хельмимира была ошарашена.

– Когда это мы договаривались? – уточнила она, прищурившись и наклонив голову.

– На днях, когда ты проснулась посреди ночи.

Только теперь Хельмимира начала припоминать что-то подобное, однако всё равно не могла восстановить тот раз-

говор.

– Знаешь, я, наверное, ошиблась, – сказала она. – Мы друг друга не поняли. Я собираюсь лететь в Комитет, а потом к императрице.

– Ты не можешь лететь в Комитет, – проговорил Исаак с настойчивой мягкостью. – Нас ждут у доктора.

Хельмимира смотрела на мужа, почти не моргая. «Что, мать его, происходит?!»

– Поехали, – сказал качкоид, поднимаясь из-за стола. – И надень манто: ещё прохладно.

– Никуда я не поеду! – заявила мундиморийка. – Что за патриархальные замашки под старость лет? Среди качкоидов своих доминируй!

Исаак глубоко вздохнул и тихо произнёс:

– Нет, Хельмимира, это не патриархальные замашки. Мы оба знаем, что тебе нужна помощь.

– Если ты решил, что можешь меня контролировать, иди к чёрту! – воскликнула Хельмимира.

Она встала из-за стола, схватила сумку и направилась к выходу. Исаак преградил ей путь.

– Что ты себе позволяешь?! – вскричала Хельмимира. – А ну отойди!

Исаак не двинулся.

– Брось, Хельмимира, – проговорил он всё так же тихо. – Ты не в себе, и сама это понимаешь.

– Ты думаешь, я свихнулась?! – в отчаянии воскликнула

мундиморийка.

– Ну... все мы немного ненормальные. Просто тебя, мать, как-то особенно занесло...

Исаак продолжал стоять у двери – огромный и невозмутимый. Он вёл себя так, словно заранее знал, что именно скажет ему Хельмимира, и был к этому готов.

– Ты просто разлюбил меня! – прокричала мундиморийка в лицо мужу. – Была «фифа», а теперь стала «мать»?!

– Хватит придумывать причины и высасывать их из пальца, – хладнокровно отозвался качкоид. – То я тебя разлюбил, то цензоры у тебя предатели... Хватит, Хельмимира. Хватит оправдывать себя и своё состояние.

Хельмимира почувствовала, что готова разрыдаться от какой-то странной неизбежности.

– Я наводил справки о том, что с тобой происходит, – продолжал Исаак. – Это называется «сверхценная идея» – если, конечно, я не запутался в терминах. Мы поздно обращаемся к специалисту, но тебе всё ещё можно помочь. Одевайся и полетели.

Несколько секунд Хельмимира внимательно смотрела Исааку в глаза. Сдаваться она не привыкла. Понемногу к ней вернулось самообладание.

– Хорошо, – сказала она, наконец, – допустим, я ненормальная... Но нормален ли мир, где людям даёшь сокровище – а они предпочитают ему дешёвку? Нормален ли мир, где люди могут наслаждаться величайшими достижениями

человеческого разума – а вместо этого рассматривают голые задницы? Я, может, свихнулась – но что не так я говорю?

Хельмимира остановилась, будто проверяя, какой эффект произвела её речь. Качкоид нахмурился.

– Неужели ты сам не видишь, что происходит? – вновь заговорила Хельмимира. – Мы боролись против всеобщего оупления – и чего мы добились? Люди продолжают читать бульварные романы, слушать гнусавое нытьё каких-то бездарей, смотреть фильмы без сюжета и смысла...

– Ты уверена, что все они в восторге? – спросил Исаак.

– Не важно, в восторге они или нет, – горько усмехнулась Хельмимира. – Они тратят на это дерьмо свои жизни!

– А тебе не приходило в голову, что у них есть право тратить свои жизни так, как им вздумается?

Хельмимира почувствовала, как от возмущения кровь приливает к её лицу.

– Что ты говоришь?! – воскликнула она. – Ради чего, по-твоему, погибали наши товарищи?! Ради такой вот «полупобеды», когда мы вроде как одержали верх – а на деле ничего не изменилось?

– Изменилось, – возразил Исаак. – Харальдюф мёртв, а его программа больше не работает. Лагеря для инакомыслящих уничтожены, узники получают помощь. Визулинда строит больницы, ты организовываешь курсы... Народ потихоньку просвещается и умнеет. Не понимаю, зачем ты обесцениваешь наши достижения.

– Брось Исаак! Ты сам-то во всё это веришь? Подпольные каналы собирают миллиардную аудиторию. Бестселлером становится дешёвка. Ради этого мы рисковали жизнью?

Исаак молчал.

– Я могу выглядеть хоть сколько угодно безумной, – продолжала Хельмимира. – Но разве ты сам не видишь, что я права? Ты просто боишься признать очевидное. Люди продолжают тупеть, и скоро нам придётся отвоёвывать даже свои прошлые успехи... Ты собираешься мириться с этим только потому, что нам дали симпатичный особняк?

Качкоид переступил с ноги на ногу. Он продолжал смотреть на Хельмимиру, но во взгляде его уже не было той уверенности, что раньше.

– Нам повезло: мы живём в прекрасное время, – сказала Хельмимира. – Вселенной угодно, чтобы мы изменили мир к лучшему. Не проси меня сдать, Исаак. Я полечу в Комитет и буду делать то, что должна.

Исаак вздохнул, бормоча себе под нос что-то вроде «Всё тяжелее, чем я думал». Могла ли Хельмимира надеяться на то, что истина в его душе одержит победу над ересью?

– Дай пройти, дорогой, – произнесла Хельмимира.

Некоторое время качкоид медлил. Наконец, он отошёл к стене и грузно опустился на диван. Хельмимира подошла к вешалке, сняла оттуда мантию и принялась деловито одеваться.

– Как же всё-таки называлась твоя газета? – внезапно

спросил Исаак.

– «Свобода слова», – невозмутимо ответила Хельмимира. – Она называлась «Свобода слова»... И, будь добр, отмени врача.

Глава 31: Хельмимира и сюрреализм

После завтрака Хельмимира отправилась в Комитет и провела там несколько плодотворных собраний. Цензоры, наконец, притихли и перестали с ней спорить. «Я знаю, каким курсом вести партизанское движение!» – вещала она с трибуны. Ей казалось, что сотрудники Комитета смотрят на неё преданными глазами. Хельмимира говорила о том, что быть цензором – это не только жить в комфортных апартаментах и никому не сдавать свой чистый энтузиазм. Работать цензором означало упорно стоять на страже качества и не допускать ереси в своей голове.

Наконец Хельмимира отпустила подчинённых и отправилась в свой кабинет. Она могла быть вполне довольна собой, но утренний разговор с мужем не давал ей покоя. Сердце мундиморийки ныло от невыносимой отчуждённости. Она готова была хвататься за любой обрывок надежды вернуть себе Исаака – и её разум судорожно искал решение. «Он поймёт, – мысленно повторяла Хельмимира. – Он согласится. Просто нужно время...»

Со стены кабинета на Хельмимиру осуждающе смотрел Антон Чехов. В конце концов Хельмимире это надоело, и она решила заменить его на кого-нибудь менее принципи-

ального. Ей принесли кофечай с десертом, но кусок не лез в горло. «Скорее бы уже лететь к императрице!» – думала мундиморийка.

Тем не менее, впереди было ещё несколько свободных часов. Хельмимира решила посвятить их тому, чтобы ознакомиться с делами предприятий, которые принадлежали партизанскому движению. После победы Хельмимира добилась того, чтобы забрать их себе, однако ими по-прежнему управляли доверенные лица. Мундиморийка была так увлечена борьбой с отупляющим искусством, что дала управленцам полную свободу. «Подумать страшно, сколько денег проходит мимо! – думала Хельмимира, листая финансовые отчёты. – Всем этим нужно заниматься, а у меня совсем нет времени летать на другие планеты...»

Хельмимира понимала, что могла бы доверить кому-то следить за тем, чтобы управленцы не воровали слишком много. Но где найти таких людей, когда кругом одни идиоты и предатели? Среди прочих документов на глаза Хельмимире попался отчёт «Корпорации Копрорации» – небольшого завода на Лизе-Мейтнер. «Странно, – удивилась Хельмимира, – когда-то он приносил неплохой доход, а сейчас – копейки». Внезапно мундиморийка вспомнила, что всеми делами «Копрорации» занимался Гардиальд, с которым она вчера поссорилась. «Нужно уволить его и навести порядок», – решила Хельмимира.

Она и не заметила, как настало время лететь во дворец.

«Готовьте мой телекоптер», – приказала Хельмимира помощнику. Совсем скоро телекоптер подали прямо на личную стоянку госпожи советника; укутавшись в мантию, Хельмимира уселась на заднее сидение, и пилот взял курс на Батрис-Тинслей. «Интересно, этот щенок Гардиальд уже успел побывать у Визулинды?» – думала Хельмимира по дороге.

В зоне Каролин-Порко было ещё светло, а там, где жила императрица, стояли сумерки. Подлетая к дворцу, мундиморийка заметила, что одно его крыло всё ещё реставрировали после побоища с ультраправыми; работа шла круглосуточно. Хельмимира невольно вспомнила день переворота и украдкой усмехнулась: какую же чудесную, фантастическую победу одержали тогда партизаны! «Нельзя, чтобы всё было зря», – решила мундиморийка.

Пилот связался с диспетчером; совсем скоро телекоптер госпожи советника приземлился на одну из дворцовых стоянок. Хельмимиру почти не обыскивали; её охрана осталась ждать, а люди императрицы повели гостью во внутренние покои.

Визулинда встретила Хельмимиру в роскошном кабинете; его стены были без особой отделки, зато с множеством картин, изображавших диковинные растения. В углу стояла изящная софа, а симметрично ей – статуя Гуру Глебыча. Императрица читала; перед ней находилась голограмма какого-то документа. Хельмимире показалось, что это были чертежи.

– Присаживайтесь, – сказала Её Величество. – Кофечаяю?

– Благодарю, не нужно, – ответила Хельмимира.

– Вы знаете, – продолжала Визулинда, не отрываясь от документа, – сегодня я попала в небольшой цейтнот, и императорские часы наложились на часы учёного...

– Императорские часы? – удивилась Хельмимира.

– Ну да, – пояснила Визулинда. – Я разделила свои сутки на три части. Императорские часы – это время с десяти до пяти, в эти десять часов я императрица. Потом с пяти до пятнадцати я учёный. А ночью и ранним утром я любимая женщина. Такой график позволяет мне всё успевать.

Хельмимира удивилась и даже немного позавидовала. Сама-то она в любое время суток была одновременно лидер космических партизан, военный журналист, редактор и любимая женщина.

– Иногда случаются накладки, как сегодня, – вновь произнесла Визулинда. – Мы ведь строим Шницельвахен, и работы особенно много. Совсем скоро у империи будет огромный запас ценного сырья... Вот, решила немного ознакомиться с чертежами, чтобы хоть что-то понимать. Вы же знаете, я фармаколог, а не инженер.

Шницельвахен – гигантский гравитатор, способный сдвигать с орбиты даже небольшие спутники планет. Зугард и Визулинда начали строить Шницельвахен сразу после того, как пришли к власти.

– Как успехи в борьбе с отуплением? – спросила Её Вели-

чество, всё так же глядя в документ. – Надеюсь, ваш «диктат хорошего» оправдывает себя.

– За прошедший месяц нам удалось обработать пять миллионов двести тысяч произведений искусства по всей империи, – отрапортовала Хельмимира.

– Сколько из них попало к издателям?

– Двести шестьдесят тысяч.

Визулинда резко оторавлась от чертежей и с удивлением уставилась на Хельмимиру.

– Двести шестьдесят тысяч? – переспросила императрица. – Это ведь всего пять процентов...

Хельмимира смотрела ей в глаза, готовая принять вызов.

– Так обстоят дела, Ваше Величество, – проговорила она со вздохом. – Увы, общий уровень авторов низок. Сейчас каждый, кому не лень, мнит себя писателем, художником или музыкантом. Я организовала специальные курсы на каждой из планет империи. Думаю, народу будет не лишним повысить свою грамотность.

– Курсы – это хорошо, – одобрительно сказала императрица, возвращаясь к документу.

– Да, но их недостаточно, – уверенно произнесла Хельмимира. – Именно поэтому я и предложила вам Программу Интеллектуального Очищения...

Несколько секунд Визулинда без единого слова дочитывала фразу. Потом, наконец, она закрыла документ и вновь посмотрела на Хельмимиру.

– О да, – сказала Её Величество. – Мы с мужем, признаться, читали ваш труд, как какую-то антиутопию.

Хельмимира тут же почувствовала, как кровь прилила к её лицу.

– Антиутопию? – возмущённо переспросила она. – Вы называете интеллектуальное возрождение нашего народа... «антиутопией»?!

– Нет, – возразила императрица. – «Антиутопией» я называю расстреливать гуманоидов только за то, что они не хотят ходить в кружки по интересам.

Как и во время вчерашнего разговора со Стефанией, Хельмимира ощутила глухую боль в груди.

– Вы видите другой способ заставить людей развиваться? – резко спросила она.

– Представьте себе, вижу, – уверенно отозвалась Визулинда.

– И в чём же он заключается?

– Он заключается в том, чтобы открывать учебные заведения, увеличивать престиж науки, прививать народу хороший вкус, лечить больных идиотией...

«Надо же, как благовидно щебечет! – со злостью подумала Хельмимира. – Хорошо быть белой и пушистой, когда всю грязную работу уже сделали партизаны!»

– Разумеется, иногда нужно действовать жёстко, – продолжала Визулинда. – Именно поэтому я и позволила вам ввести ваш «диктат хорошего». Из-за него даже немного пострадал

мой муж... Хотя как пострадал? Он, скорее, в восторге...

– Всё это прекрасно, Ваше Величество, – оборвала её Хельмимира. – Но сколько же будет длиться такая эволюция? Когда, наконец, общество вырастет интеллектуально?

– Возможно, это займёт несколько поколений, – предположила Визулинда. – Такие процессы не бывают быстрыми.

– Несколько поколений! – рассмеялась Хельмимира. – Да вы, наверное, шутите! Человечество уже много лет пытается вырасти – и постоянно наступает на одни и те же грабли. Стоит нам только шагнуть немного – как непременно случается то, что отбрасывает нас обратно. Сейчас многие сферы гуманоидного знания находятся почти на том же уровне, что и у наших предков с Изначальной Планеты. Война, неравенство, отсталость периферии – те же проблемы, что и раньше. Ничего не меняется.

– Вы полагаете, в этом виноваты бульварные романы?

– Я полагаю, в этом виновата привычка гуманоидов экономить энергию мозга.

– И вы собрались лечить её массовыми расстрелами?

Визулинда сидела ровно, слегка оперевшись на подлокотники. В полусвете настольной лампы её лицо выражало решимость и спокойствие. На какую-то долю секунды Хельмимира усомнилась в своей правоте, однако её разум немедленно отверг это сомнение.

– Вы что, не видите, в какой пропасти мы оказались? – спросила она, помолчав. – Люди отвыкли думать. Они отка-

зываются от всего, что не развлекает их в первую же минуту. Им не нужны мысли, не нужно развитие – им нужны только сюжетные повороты и постельные сцены... Развивается лишь думающее меньшинство, а остальные так и живут – в рабстве и предрассудках. Неужели вы хотите оставить всё как есть?

– Разумеется, не хочу! – воскликнула Визулинда. – Я что, по-вашему, не вижу проблем, о которых вы говорите?

– Тогда вы должны понимать, что мы не решим их иначе, кроме как твёрдой рукой.

– Вы говорите ерунду! Я, конечно, всего от вас ожидала, но здесь вы превзошли себя. Это уже даже «не диктат хорошего», это уже какой-то «террор хорошего» получается!

Хельмимира печально вздохнула. Ей почему-то вспомнился эпизод в подвале, когда Визулинда пыталась церемониться с Трисбертом и вела себя как тряпка.

– Называйте это, как вам угодно, Ваше Величество, – невозмутимо произнесла Хельмимира. – Но если мы не будем действовать решительно, то ничего не изменится. Ни сейчас, ни через несколько поколений.

– Вы просто хотите немедленных результатов! – воскликнула Визулинда.

– А где гарантия, что будущие поколения доведут наше дело до конца? – спросила Хельмимира, прищурившись и наклонив голову.

– Я верю, что наши потомки будут лучше нас, – убеждённо

произнесла Визулинда. – Развитие неизбежно.

Хельмимира невольно расмеялась: какая же, однако, незамутнённая наивность!

– С вашими генами только на потомков надеяться, – проговорила госпожа советник, оглядывая императрицу едва ли не с жалостью. – Лучше молитесь, чтоб ваш папенька нигде не вылез. А то знаете, как это бывает: программируй не программируй генотип, а всё равно какая-нибудь гадость проскочит...

Визулинда резко изменилась в лице. Позади послышались громкие, уверенные шаги; Хельмимира, опомнившись, вздрогнула и обернулась.

– Добрый вечер, дамы, – весело поздоровался Зугард.

Визулинда растерянно протянула ему руку, которую он тут же чмокнул. Хельмимира почтительно кивнула.

– Что обсуждаете? – поинтересовался генерал.

– Осинки и апельсинки, – внезапно сказала Её Величество, неотрывно глядя на Хельмимиру. – Госпожа советник думает, что вторые не родятся от первых.

– Послушайте, я вовсе не то хотела сказать! – воскликнула Хельмимира. – Возможно, это прозвучало грубо, но...

– Вы абсолютно неправы, – перебил её Зугард. – Иногда случается так, что от старой, уродливой и злобной осины рождается дивный цитрусовый фрукт... Неужели вы не знаете, на какие чудеса способна современная наука?

Лицо Визулинды мгновенно просветлело, и она улыбну-

лась мужу. Хельмимира, смирив пыл, смотрела на обоих по очереди. «Ишь, как спелись!» – промелькнуло у ней в голове.

– Завтра начинается первая стадия испытаний Шницельвахена, – сказала Визулинда, обращаясь к Зугарду. – Надо бы подъехать, посмотреть.

– Подъедем, посмотрим, – бодро отозвался тот. – Впрочем, постойте... сейчас пятнадцать сорок! Значит, вы уже любимая женщина. Какой Шницельвахен?

– Любимой женщине уже и про Шницельвахен поговорить нельзя?

– Кстати, ужин готов...

– Если хотите, поужинайте с нами, – предложила императрица, обращаясь к Хельмимире.

– Да, оставайтесь! – подхватил генерал. – Нам, кажется, есть что обсудить.

«Они меня отравят!» – думала Хельмимира, следуя за супругами в столовую. Те шли под ручку и болтали не переставая. Коридоры дворца были полутёмные, и за каждой колонной Хельмимире мерещился асассин. Позади шагали охранники, и иногда мундиморийке казалось, что один из них вот-вот на неё нападёт. «Глупости, глупости», – шептала Хельмимира, пытаясь прогнать навязчивый страх.

Несмотря на её опасения, в столовую добрались без приключений. Все трое уселись за стол: императрица – во главе, а Зугард и Хельмимира – по обе стороны. Её Величество приказала накрыть ещё на одну персону, и совсем скоро бы-

товые дроиды принесли ужин: паштет с ягодным соусом, гра-тен из корнеплода моногамии и кисло-сладкий суп. Дроиды раскладывали блюда по тарелкам, а Хельмимира любовалась причудливыми фресками на сводчатом потолке. Фрески изображали эпизоды из жизни Дядюшки Ю-Ю – одного из божеств мундиморийского пантеона.

– Когда выйдет новый роман вашего мужа? – поинтересовалась Визулинда, начиная трапезу.

– Не раньше, чем через полгода, – ответила Хельмимира.

– А мой роман почему не пропустили? – внезапно спросил Зугард.

Хельмимира невольно устремила на него ошарашенный взгляд.

– Простите? – переспросила она.

– Мой роман, – повторил Зугард. – «Все идиоты, а я просто сволочь»... Он вам не понравился?

От удивления Хельмимира едва не лишилась дара речи. Так вот, оказывается, кто написал тот паршивый опус, из-за которого свихнулся Гоблинович! Однако следовало отразить отаку. «Сейчас я покажу этому напыщенному негодяю, что не собираюсь плясать под его дудуку!» – решила Хельмимира.

– Дело не в том, понравился ли мне ваш роман, – сказала она, пытаясь говорить спокойно. – Просто у литературоведческой науки есть объективные критерии, которые не позволяют мне отнести его в разряд хороших произведений.

– Какие ещё критерии? – спросил Зугард.

– Такие, например, что он слишком абсурден для драмы и слишком слаб для иронии. В нём отсутствует событийный ряд – и вам бы следовало почитать о том, что это такое. Идеи смазаны или попросту деструктивны. Много лишних деталей, бессмысленных сцен и диалогов. Одним словом, ваше произведение не представляет собой художественной ценности. Вы, конечно, генерал и супруг Её Величества, но я не привыкла прогибаться под власть имущих – поэтому говорю вам как есть... Хотите, можете снять меня с должности.

В столовой воцарилась тишина. Хельмимира открыто смотрела в глаза генералу; терять было нечего.

– Даже не подумаю снимать вас с должности! – неожиданно сказал Зугард, отправляя в рот кусок паштета. – Если я это сделаю, кто тогда будет меня запрещать? Боюсь, я больше нигде не найду такого наглого советника по вопросам культуры.

Хельмимира ощутила себя в какой-то изменённой реальности с непостижимой логикой. «Что за ахинею несёт этот ненормальный?!» – промелькнуло у неё в голове.

– Видите ли, – объяснил Зугард, – я всегда мечтал стать популярным писателем. Но теперь я понимаю, что быть *запрещённым* популярным писателем намного приятнее... Так что можете ругать мои произведения: мне это только на руку.

– Я называю это «феномен популярного дерьма», – сказала Хельмимира. – Это когда бестселлером становится абсо-

лютная дешёвка... Вы уж простите, что позволяю себе такие сравнения за столом.

– Ничего, – успокоила её Визулинда, намазывая паштет на булку. – Это ещё не самое страшное из того, что вы себе позволяете.

– Спасибо за терпение, Ваше Величество, – отозвалась Хельмимира. – Теперь я понимаю, почему вам так не понравилась идея с Лагерями Хорошего Вкуса. Вы просто испугались, что туда попадёт ваш супруг.

Визулинда смутилась; Хельмимира смотрела на неё с победной насмешкой. «Лучше потерять всё, чем уступить».

– Не слушайте её, генерал, – сказала Визулинда. – Вы написали отличное произведение. А госпожа советник не поняла его, потому что у неё нет чувства юмора.

– И где же вы увидели юмор в произведении генерала? – спросила Хельмимира. – Извольте вспомнить хоть один смешной момент?

– Ещё как! – воскликнула Визулинда. – Там полно смешных моментов. Чего стоит, к примеру, вот это: «Средневековая природа этого места заботливо подготовила специальную пещеру для космического корабля»... Разве не уморительно?

– У вас прекрасная память на цитаты, Ваше Величество, – улыбнулся Зугард.

Хельмимира всё больше убеждалась в том, что реальность вокруг неё извернулась каким-то сюрреалистическим обра-

зом. Это была ужасная вселенная, где партизанскую атаманшу использовали и предали двое напыщенных аристократов. Однако сдаваться Хельмимира не собиралась: хоть кто-то да должен был поставить эту парочку на место.

– А вы не хотели бы тоже попробовать себя в литературе? – спросил Зугард. – Я имею в виду не публицистику, а, к примеру, антиутопический роман... Если честно, я просто обзавидовался, когда читал вашу новую программу. Как же сильно вы ненавидите чужое мнение! Это просто шедевр!

– Я ненавижу не чужое мнение, – возразила Хельмимира. – Я ненавижу лень, халтуру, невежество и предрассудки.

– А себя, наверное, мессией считаете? – усмехнулся генерал.

– Я считаю, что могу принести пользу всей гуманоидной расе, – заявила Хельмимира. – И знаю, что я права.

– О какой пользе вы говорите? – неожиданно произнесла Визулинда. – Вы хоть представляете, сколько горя принесёт ваша затея? Искусство нужно людям не только для того, чтобы думать и развиваться. Прежде всего оно должно приносить радость. А какая радость может быть там, где за плохой рассказ тебя расстреляют или отправят в лагерь для инакомыслящих?

Это прозвучало так резко, что Хельмимира невольно вздрогнула и уставилась на императрицу. Та, положив на стол свои приборы, уставилась в ответ.

– Вы предлагаете радоваться дешёвке, – сказала Хельми-

мира. – Вы предлагаете радоваться тому, на что не было потрачено ни единого усилия мысли. Хотите, сочиню вам за минуту дюжину таких историй, какие сейчас популярны? «Жил-был простой парень; однажды он попал в магический мир; ему нужно было найти книгу заклинаний, а перед этим достать карту у трактирщика, завоевать магическое яйцо и победить магического волка...»

– Прекратите! – возмутился Зугард. – Не смейте воровать мои идеи!

– Почему же? – не унималась Хельмимира. – А как насчёт продолжения? «Потом он за пару дней научился драться магическим оружием и пошёл в магический лес, но его спутник оказался приспешником главного злодея...»

– Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет! – запротестовала Визулинда. – Такого даже ранний Зугард себе не позволял! Я сейчас отупею!

– Неужели вы не хотите узнать концовку этой истории? – спросила Хельмимира, усмехнувшись. – Неужели вам не интересно то, что в итоге наш герой окажется Избранным?

– Нет! – хором закричали супруги.

– То-то и оно, – торжествующе произнесла Хельмимира. – Сами не хотите давиться ничем подобным, а народу предлагаете.

В столовой опять наступила тишина. Супруги то и дело переглядывались. Хельмимира, которая ничего не ела во время трапезы, смотрела в свою наполненную тарелку.

Всё, что происходило за столом, напоминало ей чаепитие у Безумного Шляпника.

– На самом деле это совсем не смешно, – сказала она, помолчав. – И я прекрасно понимаю, почему вы не хотите, чтобы люди развивались.

– Ещё как хотим! – воскликнула Визулинда. – Что за глупые обвинения?

– Нет, Ваше Величество, не хотите, – горько усмехнулась Хельмимира. – Если б хотели – послушали бы меня...

– Ещё чего не хватало! – вставил Зугард.

– На самом деле вам, правителям, невыгодно, когда народ умнеет, – продолжала Хельмимира. – Обеспеченные, образованные люди способны построить гражданское общество и сами защищать свои интересы. Намного проще управлять забитыми, полуграмотными людишками, которым достаточно простых развлечений. Не так ли?

Хельмимира смотрела на обоих супругов с грустным укором. Визулинда ошарашенно молчала. Зугард хмурился, потягивая свой напиток.

– Что-то вы, тётя, совсем охамели, – внезапно произнёс генерал.

– Я вам не тётя. И не смейте со мной фамильярничать! – огрызнулась Хельмимира.

– Конечно, вы мне не тётя, – согласился Зугард. – Если б вы были моей тётей, то носили бы дворянский титул, происходили бы из древнего рода и владели бы парой астероидов,

на которых добывают руду.

– Вы хвастаетесь передо мной своим происхождением? Лучше б похвастались талантом! – вскричала Хельмимира, потеряв самообладание.

– Я просто напоминаю, кому вы обязаны своей шикарной жизнью, – всё так же холодно проговорил Зугард. – Если бы не мы с Её Величеством, то вас бы давно расстреляли.

– Речь не обо мне, а о судьбах миллиардов! – воскликнула Хельмимира.

– Вы основали тоталитарную военнизированную секту, – усмехнулся Зугард. – Какое вам гражданское общество, какие судьбы миллиардов?

– Хватит! – звучно произнесла Визулинда.

Зугард и Хельмимира одновременно уставились на неё.

– Вы изволите думать, что я недалеко упала от своей яблони, – сказала императрица, обращаясь к Хельмимире; та попыталась было возразить, но Визулинда невозмутимо продолжала: – Действительно, есть вещи, которые невозможно контролировать. Но человек наделён волей и разумом. И я сделаю всё, чтобы не быть похожей на отца.

Хельмимира усмехнулась: у неё был ещё шанс поиграть на детских комплексах Её Величества.

– Тогда сделайте хоть что-то в противовес своему папеньке, – произнесла она, неотрывно глядя на Визулинду. – Или так и будете всю жизнь бояться проявить твёрдость?

– Вот именно, что нет! – воскликнула императрица. –

Поймите: принуждая людей подчиняться единой идеологии, я становлюсь такой же, как отец! Вы хоть понимаете, что нет никакой разницы между Лагерями Хорошего Вкуса и лагерями для инакомыслящих?!

– Лагеря для инакомыслящих были злом, – уверенно произнесла Хельмимира. – В них людей отупляли. А Лагеря Хорошего Вкуса принесут пользу: в них люди будут умирать... Вы что же, совсем не видите разницы между чёрным и белым?

Визулинда тяжело вздохнула, закатила глаза и посмотрела на мужа. Тот негромко засмеялся, покачивая головой.

– А что, Ваше Величество, – сказал он, наконец. – Может, нам и вправду следует устроить небольшую диктатуру? Любители крепкой руки и длинной плётки уже ноют, что к власти пришла женщина с либеральными взглядами... Их нужно срочно отдоминировать, иначе они совсем загрузят.

Визулинда сардонически улыбнулась.

– Давайте поручим это Хельмимире, – проговорила она.

– У Хельмимиры гениталии не те, – возразил Зугард. – Боюсь, наши пациенты не получат удовольствия.

– Могу использовать фаллоиммитатор, – мрачно произнесла Хельмимира, понимая, что вселенная вокруг неё теряет остатки здравого смысла.

После ужина супруги проводили Хельмимиру на открытую террасу, где стоял её аппарат.

– Вы прекрасная пара, – сказала она на прощание. – Сам

Ю-Ю будто бы благословил вас мантрой «Они друг друга стоят».

Ночь была такая короткая, что уже начинало светать. «Завтра, возможно, меня снимут с должности или арестуют», – думала Хельмимира, глядя на рассветные облака в лучах Сессилии-Пейн. Одно из них было особенно тяжёлое, грязно-синего цвета – и Хельмимира невольно поймала себя на мысли, что она готова была бы объединиться с любой тёмной сущностью, только бы всё изменилось.

«А ведь у меня хватило бы денег на парочку боевых кораблей», – рассуждала мундиморийка. Тем не менее, она понимала: всё это были жалкие, напрасные мечты. Партизаны превратились в цензоров, подпольщики – в редакторов и руководителей. Да и с кем она могла бы вновь совершить революцию? Зугард и Визулинда использовали её и предали, а других союзников Хельмимира не найдёт. Исаак думает, что она свихнулась. Гардиальд и Стефания выросли и отрастили собственное мнение. Плешак и Бонмарито в психушке.

Хельмимира вспомнила про Чепухеню и Хиляйло – и почувствовала приступ гадливости. «Придёт время, они и меня продадут за два космотугрика», – с горечью думала мундиморийка. Теперь, наконец, ей стало понятно, что она прогнала, отвратила и уничтожила самых честных, самых идейных партизан – и волей-неволей придётся окружать себя негодяями.

Хельмимира чувствовала себя разбитой, подавленной,

дряхлой. Она будто оказалась в новом мире, где была не нужна. Когда-то Хельмимира умело распоряжалась деньгами партизанского движения; теперь же она понятия не имела, что делать с огромным капиталом, который оказался в её руках. Ведь если нельзя купить оружие и наёмников, то что тогда можно купить? И если нельзя расстрелять предателей, которые забирают себе часть прибыли с её заводов, то что тогда с ними делать?!

А больше всего Хельмимиру злила её беспомощность. Не в силах больше влиять на ход событий, мундиморийка приходила в бешенство. Она всё ещё оставалась чиновником высокого ранга – и, тем не менее, чувствовала, как власть утекает сквозь её пальцы... Это было невыносимо.

Остаток дороги Хельмимира провела почти в забытьи. Когда аппарат приземлился на парковочную площадку особняка, мундиморийка отпустила телохранителей в их апартаменты. Чуть пошатываясь и держась за перила, Хельмимира отправилась в гостиную и уже собралась было идти в спальню – как вдруг остановилась прямо на лестнице: в гостиной сидели Гардиальд и Гоблинович. Исаак стоял рядом с ними. Опустив руки в карманы и оперевшись о край стола, он спокойно смотрел на удивлённую супругу.

«Я что, и вправду свихнулась?» – промелькнуло у Хельмимиры в голове.

Гоблинович выглядел вполне трезво; Гардиальд хмурился. Хельмимира мгновенно сбросила с себя оцепенение, и к

ней вернулась её обычная уверенность.

– Если ты решил собрать у нас дома всех предателей, то здесь не хватит места, – насмешливо обратилась она к мужу.

– Брось, Хельмимира, – отозвался Исаак. – Ты перешла все границы. Зачем ты устроила так, чтобы Иннокентий сорвался?

– Никто не заставлял его пить! – воскликнула Хельмимира.

– А что насчёт Видо? Что насчёт Плешака?

Хельмимира молчала.

– Этого подонка Чепухеню прибить мало, – мрачно произнёс Гардиальд.

– Неужели ты не понял, о чём я говорила тебе утром? – воскликнула Хельмимира, обращаясь к Исааку. – Неужели ты не видишь, в какую пропасть мы катимся?!

– Вижу, Хельмимира, вижу, – вздохнул Исаак. – Поэтому завтра ты идёшь к доктору. А иначе развод.

В груди у мундиморийки будто что-то оборвалось.

– И ты, Исаак? – печально усмехнулась она, содрогаясь от невыносимой боли.

– Только не нужно делать из меня предателя! – невозмутимо произнёс качкоид. – Мы все желаем тебе добра – несмотря на то, как ты поступаешь.

– Надо же, как трогательно! – воскликнула Хельмимира.

– Знаешь, – продолжал Исаак, не обращая внимания на её реплику, – я обдумал то, что ты сказала мне утром – и нашёл

всё-таки нужное слово, чтоб тебе возразить...

– Какое к чёрту слово?! – вскричала Хельмимира. – Оступляющее искусство процветает, люди остаются недалёкими... Что здесь возразишь? По-твоему, я не права?

– Ты права, – согласился Исаак. – Но, знаешь, мир слишком сложен для того, чтобы вот так насильно делать его лучше.

Хельмимира ошарашенно умолкла. В гостиной воцарилась тишина – и внезапно посреди неё раздался звук коммуникатора, который заставил мундиморийку вздрогнуть. Звонили Исааку. Тот спокойно ответил. Хельмимира ничего не слышала: в ушах у неё гудело, а вселенная плыла перед глазами.

– Кто это был? – машинально спросила она, когда Исаак закончил разговор.

– Это Стеша и Витя, – объяснил качкоид. – Они собрались отвезти деда в клинику, но сначала заберут Иннокентия.

Хельмимира вновь посмотрела на диван, где сидели Гардиальд и Гоблинович. Гардиальд потупился, поджав губы; Иннокентий смотрел по сторонам.

– Ребята хотели бы кое-что тебе рассказать, – произнёс Исаак. – Возможно, это поможет тебе посмотреть на вещи по-другому.

Хельмимира всё ещё стояла на лестнице, держась за перила.

– И что же, интересно, расскажут мне эти предатели? –

спросила она, спускаясь.

– Это касается «Копорации», – проговорил Гардиальд. – Иннокентий, расскажи ей, что случилось на Лизе-Мейтнер...

Хельмимира остановилась напротив дивана. Иннокентий принялся рассказывать. Сначала Хельмимира слушала его без всяких эмоций. Когда же Гоблинович признался, что они с дедом купили «Бабское порево», лицо мундиморийки исказила гримасса гнева.

– Ах вы сукины дети, – произнесла она с презрением. – Что ты, что старик – вы оба заслужили расстрел!

– Не злись, – тихо сказал Гардиальд. – Просто выслушай дальше.

Иннокентий подолжил рассказ. Когда он дошёл до того места, где на пересохшей почве за одну ночь выросла трава, Хельмимира ушам своим не поверила.

– После этого мы подпитали жижей растения в оранжеее, – признался Гоблинович. – Те из них, что давно не цвели, раскрыли свои бутоны уже через восемь лиза-мейтнерских суток...

– Вы читали только «Бабское порево»? – спросила Хельмимира.

– Нет... Мы пробовали различные книги.

Хельмимира почувствовала, как темнеет у неё в глазах. Далее заговорил Гардиальд. Он рассказал, как удалось основать «Копорацию». Сперва это было процветающее пред-

приятие; когда же после победы космических партизан Гардиальд и Гоблинович переехали на Джоселин, они перестали добавлять жижу в удобрения, и дела у «Копрорации» пошли намного хуже. Хельмимира тут же вспомнила странный финансовый отчёт, который читала днём... Паззлы сложились, и всё встало на свои места.

– Сволочи, – произнесла Хельмимира. – Вы уже тогда были предателями!

– Мы не предатели! – воскликнул Гардиальд, вскакивая с дивана – Ты хоть понимаешь, что мир не вращается вокруг борьбы с отупляющим искусством?! Речь идёт об озеленении целых миров!

– Надо же, какие мы благородные! – усмехнулась Хельмимира. – Сперва ты молчал и просто зарабатывал деньги – а теперь о судьбах миров беспокоишься?

– Ты тоже брала эти деньги! – вскричал Гардиальд. – Я всё отдавал партизанскому движению!

Хельмимира умолкла: он был прав. Сама того не зная, она тоже участвовала в этой мерзости.

– Мы все предатели, – заключила Хельмимира.

– Отлично, давайте повесимся! – воскликнул Гардиальд, усаживаясь обратно.

– Вообще-то, они совершили великое открытие, – заметил Исаак, кивая на Гоблиновича. – И всё благодаря отупляющей литературе.

– Так начни уже писать отупляющие романы! – огрызну-

лась Хельмимира. – Поможешь сельскому хозяйству!

– Дело не в том, что теперь нужно писать отупляющие романы, – сказал Гардиальд. – Пойми: они лишь перегой, но котором рождается настоящее искусство...

– Это как фекалии космических лосей, – добавил Иннокентий. – Говно превращается в топливо.

Хельмимира вновь умолкла. То, что она создавала долгие годы, рушилось прямо на глазах. Мундиморийка понимала, что проиграла: её флот был разбит, а враг торжествовал; её соратники отвернулись, её идеалы обесценились... И была она теперь обычная потасканная баба.

– Отмени «диктат хорошего», – сказал Исаак. – Он больше не нужен.

– Возможно, его отменят без меня, – ответила Хельмимира. – Скорее всего, я уже не советник.

В гостиной наступила тишина: мужчины, казалось, были ошарашены. Хельмимира повернулась и побрела в соседнюю комнату.

– Не хочешь обсудить, что делать дальше? – спросил Исаак.

Хельмимира не ответила. Оказавшись наедине с собой, она упала в огромное кресло и уставилась в потолок. «Всё это ересь, ересь», – повторяла мундиморийка, отрицая действительность. Она потянулась к секретеру, что стоял рядом, обнаружила внутри него пачку сигарет и принялась искать зажигалку в кармане манти. «Проклятье!» – промелькну-

ло у Хельмимира в голове, когда она вытащила из кармана ещё одну пачку – и тут же выронила первую, и попыталась достать сигарету, и вдруг все они посыпались на пол... Но нет, одна из них всё-таки застряла между сидением и подлокотником.

«И вправду, что делать дальше?» – спрашивала себя Хельмимира, закуривая. Она знала, что впереди её ждёт одно только бесчестье и забвение; от всего этого хотелось уснуть и не проснуться... Внезапно Хельмимира подумала о том, что в ящике её прикроватной тумбы находится пистолет, и он всегда заряжен...

«И придёт же в голову такая пошлость!» – усмехнулась мундиморийка. – А, впрочем, надо включить вытяжку...»

Хельмимира с трудом поднялась – и внезапно услышала чужие голоса со стороны лестницы. Она тут же бросилась к пепельнице, потушила сигарету и застыла на месте.

– Приветствую, благородные сеньоры! – раздался бодрый выкрик Бабельянца. – Могу я узнать, дома ли прекрасная донна Франческа? Я хотел бы выказать ей своё почтение!

– А мы хотели бы организовать против неё подпольное движение, – сказал Гардиальд.

– Я всё слышу! – крикнула Хельмимира

В гостиной притихли.

– Ах, сеньоры, какой же прекрасный особняк! – вновь подал голос Бабельянц. – Наверное, лучший во всей Флоренции!

– Нет такого слова «флоренция», – засмеялся Дюндель.

– А вот и есть, негодный мальчишка! – воскликнул дед.

Дюндель и Бабельянц принялись спорить. Иногда в их спор вклинивался Гоблинович, которого дед почему-то называл «Бригелла». Хельмимира болезненно прислушивалась: она всё ждала, когда же заговорит Стефания. Наконец, Стефания спросила:

– Как ваше здоровье, дядя Кеша?

«О моём здоровье, небось, не спросит», – со злостью подумала Хельмимира. Гоблинович принялся рассказывать о том, как его выводили из запоя.

– Ребята, идёмте завтракать, – предложил Исаак.

Хельмимира вновь услышала шаги на лестнице – только теперь она понимала, что Исаак и гости спускаются на первый уровень дома. Ещё некоторое время она находилась в оцепенении. В конце концов Хельмимира поняла, что в гостиной больше никого нет, и решила туда выйти. Мундиморийка подошла к стене за диваном и нажала на рычаг в форме гаргульи. Декоративная панель, украшенная лепниной, мгновенно перевернулась, обнажив полный бар. Хельмимира взяла оттуда коньяк и собралась уже вернуться в своё убежище, как внезапно раздался грохот... От неожиданности Хельмимира резко обернулась и, прижавшись спиной к стене, приготовилась защищаться бутылкой.

– Кто здесь?! – крикнула она, сжимая в руке тонкое горлышко.

Небольшой шкаф, который стоял возле окна, теперь лежал на полу. Первой мыслью Хельмимира было бежать в спальню, где находился пистолет; не выпуская из виду шкаф, Хельмимира попятилась к двери... Внезапно шкаф зашевелился – и оттуда с трудом выбрался Бабельянц; на нём были яркий пиджак со стразами и красные брюки. Хельмимира облегчённо вздохнула и выругалась.

– Приветствую вас, о прекрасная донна Франческа! – элегантно поздоровался дед. – Надеюсь, вы в добром здравии?

– Да уж, лучше некуда, – усмехнулась Хельмимира.

– А я вот решил немного отдохнуть в этом саркофаге...

«Как же его по мозгам-то ударило! – подумала мундиморрийка, глядя на полоумного деда. Эпизод со шкафом немного развеселил её – насколько можно развеселить того, чей мир был только что разрушен. Хельмимира передумала идти в соседнюю комнату, взяла из бара стакан и уселась на диване.

«Хотя чему удивляться? – размышляла она, открывая бутылку. – Я ведь отупила его на максимальной мощности...»

Бабельянц приблизился, восхищённо глядя на янтарную жидкость.

– Эти предатели в столовой? – спросила Хельмимира, наливая себе коньяка.

– Какие ещё предатели? – удивился Бабельянц. – Там только ваш сын и прислуга.

– Сын? – переспросила Хельмимира. – Ты, вижу, совсем

в прострации.

– Ваш сын Гардиальд, – пояснил старик. – А у вас что, есть ещё дети?

– Нет у меня никаких детей... Одни предатели.

Хельмимира залпом выпила содержимое стакана. Старик сглотнул.

– Это хорошо, сеньора, – сказал он, пританцовывая. – Выходит, вам некому завещать своё состояние?

– Состояние моё хреновое, – отозвалась Хельмимира, наливая себе ещё коньяка. – Все думают, я свихнулась.

– Ну, сеньора, это ещё не самое страшное! – рассмеялся Бабельянц. – Когда-то одна цыганка сказала мне, что на самом деле я император богатых и красивых, а ещё умею исцелять одержимых женщин... Было это в Кордове, сеньора, миллионы жизней назад...

В какой-то момент Хельмимира подумала, что Кордова – это какая-то глушь в елдыринской губернии. Лишь спустя минуту до неё дошло, что в Кордове происходили события новеллы «Кармен».

«Возможно, Гоблинович пытался лечить его литературой», – догадалась мундиморийка.

– Вы печальны, – сказал Бабельянц. – Вас обидел негодяй Теодоро?

– Какой ещё Теодоро? – удивилась Хельмимира, опрокидывая очередной стакан.

– Ну Теодоро – этот качкоид, ваш охранник....

От неожиданности Хельмимира едва не захлебнулась коньяком.

– Ну тебя и приплющило! – воскликнула она, смеясь. – Какая-то каша в голове: и «Кармен», и «Собака на сене»... Впрочем, лучше бы все они читали «Кармен», чем «Бабское порево»...

– А что особенного в «Кармен»? – внезапно спросил Бабельянц. – Подумаешь, история какого-то ненормального, который зарезал свою гулящую девку! Где конфликт? Где идея?

Хельмимира вновь едва не захлебнулась – на этот раз от удивления. Обычно подобные вопросы задавала она. Несколько секунд мундиморийка молча сидела, уставившись на Бабельянца.

– Идея в том, – произнесла она, наконец, – что настоящая страсть заслуживает больше уважения, чем мелочный расчёт.

– Разве подобные идеи не устарели? – продолжал допытываться Бабельянц. – По-вашему, это правильно – романтизировать грабителя и убийцу? Мы что, обязаны сострадать преступнику, который убил женщину просто потому, что она его не любила?

– Можно долго обсуждать идеи, – сказала Хельмимира. – Но качество текста от этого не меняется.

– А что толку от качественного текста, если его идея обесценилась?

Хельмимира, которая уже успела захмелеть, от таких речей едва не протрезвела. Не говоря ни слова, она встала, подошла к бару, вытащила оттуда второй стакан, налила туда коньяка и кивнула деду. Увидев это, Бабельянц радостно потрусил к столу. Оказавшись напротив Хельмимиры, он схватил стакан, выпил содержимое и одобрительно прищёлкнул языком. Хельмимира наблюдала за ним, прищурившись и наклонив голову.

– А ну скажи мне, – приказала она, вновь разливая по стаканам сияющую жидкость, – как вытравить из людей лень и невежество?

– Это невозможно, сеньора, – ответил Бабельянц.

– А что, если их заставить учиться и думать? – не унималась мундиморийка.

– Тогда, конечно, они станут немного умнее, – рассудил Бабельянц. – Но если вы будете делать это из-под палки, то они всеми силами будут этого избегать. Появится подпольное движение тех, кто думать не захочет... А знаете, сеньора, что самое страшное? Самое страшное то, что именно эти люди и будут самыми думающими из всех, кого вы хотите заставить думать...

Хельмимира едва с дивана не рухнула.

– Сеньора, – умильно произнёс Бабельянц, поглядывая на стакан, – могу я выпить?

Хельмимира ошарашенно кивнула. В голове у ней становилось всё светлее и светлее.

– Скажи тогда, – произнесла Хельмимира, как только дед угостился, – как сделать, чтобы авторы писали только произведения высшего качества?

– Это тоже невозможно, сеньора, – ответил старик.

– Почему? – спросила Хельмимира.

– Потому, что понятие «высшего качества» – слишком уж расплывчатая категория даже для точной литературоведческой науки, – проговорил Бабельянц. – Идеальных авторов нет. У любого из них можно найти объективный промах.

«Ну и ну!» – пронеслось в голове у Хельмимиры. Такой наглости она не ожидала даже от полоумного.

– Ну, – сказала она с вызовом, – тогда найди объективный промах у кого-нибудь из основателей фантастики.

– Да сколько угодно! – заявил Бабельянц. – Взять хотя бы братьев Стругацких...

– Кого?! Да как ты смеешь?!

– Смею, сеньора, смею. Помните «Понедельник начинается в субботу»?

– Разумеется, помню!

– Так вот сеньора, в этом произведении трудоголизм возводится в единственную норму. Разве это правильно? Неужели нельзя хорошо работать и вместе с тем хорошо отдыхать? Почему у тех сотрудников, кто смеет завести семью и увлечения, обязательно растут волосы на ушах?

– Литературная критика не касается идей, а оценивает только тексты.

– Это, мадам, не идея, а идеологический косяк. Или вот вам ещё пример: «Звёздный десант» Хайнлайна... Как бы ни был хорош, а всё же есть огрехи. Там, если заметили, обесценивается роль военачальника и прославляется роль полевого командира. А вы ведь по опыту знаете, что этот подход неверный...

«Откуда он, мать его, помнит про мой опыт?!» – промелькнуло в голове у Хельмимиры, однако это было неважно по сравнению с тем, что говорил старик. Мундиморийка и раньше видела «особенности» мировоззрения древних авторов, но как-то списывала их на время, в котором они жили... Точно так же она прощала Исаака. Теперь же в её голове будто соединились какие-то клеммы, и чёрно-белая картина мира внезапно сделалась разноцветной.

«Возможно, со стороны я выгляжу точно таким же поехавшим дедом, – подумала Хельмимира. – А, впрочем, нет... Дедуля толковее рассуждает».

Тем временем, дед критиковал Набокова за отсутствие глубоких идей и одинаковые мотивы.

– А делать-то что? – перебила его Хельмимира. – Как читателю найти моральный компас, когда всё относительно?

Бабельянц умолк. Время от времени он посматривал на пустой стакан. Хельмимира догадалась, что за каждый ответ старик просит угощение, и налила ему до краёв. Бабельянц быстро выпил.

– Не знаю, сеньора, что делать, – произнёс он без зазрения

совести.

– Ах ты пройдоха! – воскликнула Хельмимира. – Я ж тебе целый стакан налила!

– Увы, сеньора, – развёл руками Бабельянц. – Что тут поделаешь, когда любое произведение можно раскритиковать?

Внезапно в голове Хельмимиры будто вспыхнул свет – такой яркий, что она даже на секунду ослепла.

– Критика... – растерянно произнесла Хельмимира. – Нам нужна не цензура... а критика!

Её взгляд упал на лестницу – и тут она вздрогнула: из-за перил виднелась голова Исаака. Качкоид находился на нижних ступеньках – так, что в гостиную выступала только макушка – и слушал разговор Хельмимиры со стариком. Понимая, что его заметили, Исаак поднялся невозмутимо произнёс:

– Я деда ищу... Мы думали, он в туалете.

– Как ты посмел за нами шпионить, негодник Теодоро?! – вскричал Бабельянц.

– Критика, – упрямо повторила Хельмимира, обращаясь к Исааку. – К чёрту цензуру! Нам нужен социальный институт независимой критики! Специалисты будут писать отзывы на произведения – так, чтобы читателю было легче ориентироваться! Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Понимаю, – кивнул Исаак. – А ещё я понимаю, что ты, мать, наклюкалась. Иди-ка ты спать: завтра поедem к доктору.

Глава 32: Никто не уйдёт необиженным

Визулинда проснулась счастливой. «Сегодня великий день!» – с восторгом подумала она. Зугарда рядом не было: уже улетел хлопотать. Супруги готовили большой приём на борту императорского лайнера, и гостей ждал невероятный сюрприз.

Её Величество уже знала, что Пищимуха находится на орбите Джоселин-Белл-Бернелл. «Не время нежиться в кровати!» – решила императрица. Она поспешно встала, надела на ноги домашние туфли и накинула пеньюар. Даже собаки, вырезанные на подголовнике, как-то особенно радостно смотрели на неё из иллюминаторов своих причудливых аппаратов.

Визулинда прошла в кабинет и уже собиралась позвонить, чтобы принесли завтрак – как внезапно обнаружила на столе большую корзину с фруктами, цветами и сладостями. Сверху виднелась лайка. Едва не вскрикнув от радости, Визулинда бросилась к столику и принялась поспешно распаковывать подарок; самой лакомой его частью был, конечно, текст. Несколько секунд – и ярко-фиалетовая лайка оказалась в руках императрицы; Визулинда активировала её и прочла:

«С Днём рождения, Ваше апельсиновое Величество! И

пусть я не силен в ботанике, позвольте преподнести Вам эту историю.

В одном парке жила-была злобная, уродливая осина. Однажды случилось чудо: на одной из её веток вырос дивный цитрусовый цветок. Осина разозлилась: цветок совсем не вкладывался в её устаревшую картину мира. Тогда осина решила повернуть цветок к старой ёлке – так, чтобы та заслоняла ему свет.

Много лет ёлка мешала цветку расти. Она говорила ему, что он никогда не добьётся успеха, потому что у него пестики-тычинки неправильной формы... Но цветок её не слушал. В один прекрасный день он превратился в красивого лебедя и улетел из парка, а потом стал великим учёным и возглавил галактическую империю.

Надеюсь, мой рассказ Вас позабавил. И загляните в лабораторию: возможно, вам понравится новый сепаратор вещества».

Закончив читать, Визулинда рассмеялась – и сердце её наполнилось нежностью. История, которую написал Зугард, обрадовала её даже больше, чем новый сепаратор вещества – хоть Визулинда и считала сепаратор вещества лучшим подарком для женщины. Гуру Глебыч смотрел на Её Величество с весёлой хитринкой; Визулинда улыбнулась ему в ответ. «Поверить не могу, что сегодня я попаду на Пищимуху!» – возбуждённо подумала она.

Её Величество позвонила, чтобы завтрак накрыли прямо

в кабинете; совсем скоро бытовые дроиды принесли кофечай и небольшую трапезу. Визулинда поела быстро: ей вовсе не хотелось терять время. Как только посуду унесли, в покои Визулинды явились её помощницы: стилист, визажист и парикмахер.

– Пожалуйста в туалетную, дамы, – сказала императрица. – А я схожу в купальню.

«Туалетной» Её Величество называла комнату, где раньше находились электроидры Брандомонда. Теперь же там стояло огромное зеркало и хранились всякие «женские штучки»: плойки, утюжки для волос, косметика, украшения, маникюрные принадлежности... Из всего этого многообразия Визулинда в основном использовала только «базовые» инструменты и средства; остальные же попросту ждали своего часа.

– Пожалуй, настало время для причёски наподобие «Эллады», – сказала Визулинда, вернувшись в туалетную после всех гигиенических процедур. – Понимаете, о чём я? Только не делайте слишком высоко: мне сегодня костюм химзащиты надевать.

Костюм химзащиты находился на борту императорского лайнера, и парикмахеру пришлось планировать высоту причёски, что называется, «на глазок». В то время как помощницы приводили Визулинду в монарший вид, она ёрзала на стуле и всё пыталась что-нибудь почитать, поставив лайку на соседний пуфик. «Поверните голову вправо, Ваше Вели-

чество», – говорила парикмахер как раз тогда, когда императрица вникала в суть очередного эксперимента, описанного в журнале «Биохимия углеродной жизни». Тогда пuffed приходилось переставлять, а Визулинда неудобно косилась в сторону текста. Она любила хорошо выглядеть, и в то же время ненавидела подобные «сеансы красоты» – только потому, что нужно было смиренно сидеть и ничего не делать.

И всё же спустя несколько часов приготовления были окончены: в волосах императрицы сияли углеводороды, а лёгкий макияж делал её лицо немного выразительнее. Визулинда выбрала к празднеству голубое платье в пол.

– Главное, что здесь широкий вырез и удобная молния, – говорила она, рассматривая себя в зеркале. – Можно быстро переодеться в костюм химзащиты... Ах, дамы, я так взволнована!

Корабль императрицы уже ждал её на стоянке. В сопровождении охраны Визулинда поднялась на борт и отправилась в космопорт Беатрис-Тинслей. Её Величество была в таком хорошем настроении, что всю болтала с телохранителями: «Вы ведь помните, господа, что все планеты, на которых живут гуманоиды, когда-то были терраформированы? Так вот, мы могли бы «опищимухивать» необитаемые миры и заселять их лосями!»

Телохранители глубокомысленно кивали. Наконец, корабль императрицы прибыл в космопорт – и тут же стыковался с круизным лайнером. Её Величество даже почув-

ствовала лёгкую дрожь: было волнительно думать, что вот-вот она выступит перед многочисленной аудиторией с сенсационной речью. Прямо в транспортном отсеке Визулинду встретил Зугард – весь из себя такой бравый, в парадном кителе...

– Нас все уже ждут, Ваше Величество, – произнёс он с сияющей улыбкой.

Визулинда улыбнулась в ответ и взяла его под руку. Супруги направились в банкетный зал – туда, где находились гости. Народу было и вправду много: императрица не поскупилась на размах праздника. Она пригласила знатных граждан империи, советников, журналистов, промышленных магнатов, общественных деятелей... Это был, как говорили мундиморийцы, «свободный фуршет»: угощения стояли вдоль стен, а гости могли перемещаться по залу. Все общались и выпивали. Хельмимира доказывала остальным советникам, что её новая Программа Всеобщей Критики принесёт огромную пользу государству. Немного поодаль стоял Исаак; вокруг него собрались читатели. Гоблинович беседовал с директором театра – и одновременно следил за тем, как бы дед, которого он притащил с собой, ничего не выкинул. «Гарсон, шампанского!» – кричал Бабельянц, обращаясь к каждому, кого принимал за официанта. Иногда он не ошибался, и ему приносили полный бокал.

– Уймись, дед! – говорил Иннокентий, посматривая по сторонам. – Нас и так сюда на птичьих правах провели, а ты

ещё и буянишь...

– Я дон Панталоне! – восклицал дед, поднимая бокал повыше. – Потомственный дворянин королевских кровей!

Стефания и Дюндель беседовали с промышленным магнатом, который собирался вложить деньги в их продюсерский центр. Гардиальд общался с молодой дворянкой. Когда вошла Визулинда, придворные застыли в низком поклоне. Улыбнувшись, Её Величество поздоровалась.

– А вот и дорогая племянница! – закричал дед.

Места для императрицы с супругом находились на небольшом пьедестале у стены. Там же был установлен пункт радиосвязи, с помощью которого Визулинда и Зугард могли отдавать приказы пилотам. Поднявшись, императрица осмотрела зал – и едва не задохнулась от радостного волнения: сколько людей пришли поздравить её с победой! Ещё вчера пожилой император утверждал здесь свои ценности, но теперь всё будет иначе. История движется только вперёд, и выросло поколение, которое не хочет жить по-старому. Визулинда чувствовала себя так, будто ставит ногу на грудь поверженному чудовищу – и это её пьянило. «Вот бы папенька видел!» – крутилось у неё в голове. Она бы дорого отдала за то, чтобы посмотреть на его бессильную злобу.

– Пора начинать, – проговорил Зугард, наклонившись к уху возлюбленной.

Визулинда посмотрела на него и согласно кивнула. Генерал помог ей надеть микрофон.

– Дамы и господа! – воскликнула Её Величество. – Прошу вашего внимания...

Все, кто был в зале, умолкли и устали на императрицу. Визулинда вновь почувствовала лёгкую дрожь: она вовсе не боялась публики, но выступать перед таким количеством народа ей не доводилось. Она даже немного пожалела о том, что не стала заучивать речь наизусть. «Что ж, буду говорить, как есть», – решила Визулинда.

– Я очень рада видеть вас всех на нашем празднике, – сказала она, поборов замешательство. – Сегодня день моего рождения, но мы собрались вовсе не поэтому. Происходит кое-что гораздо более важное: прямо сейчас на орбите Джоселин находится неиссякаемый источник ценного топлива. Это исторический день, господа. Это наш шанс изменить вселенную!

Гости принялись аплодировать. Визулинда невольно обернулась – и тут же встретила счастливый взгляд супруга.

– Наши инженеры просчитали всё до мелочей, – продолжала императрица, когда придворные поутихли. – Мы день и ночь строили Шницельвахен, чтобы однажды совершить нечто потрясающее. И нам это удалось, господа! Теперь Пицимуха станет спутником Джоселин-Белл-Бернелл – что может быть удивительнее? И это совсем не навредит нашей плате, как опасались некоторые скептики. Немного изменится продолжительность суток – но разве плохо иметь пару лишних часов, чтобы пообщаться с любимыми?

Гости заулыбались. Визулинда вновь сделала паузу, любуясь эффектом, который произвели её слова. Однако главная часть монолога была ещё впереди.

– Нет такой задачи, господа, – произнесла императрица, помолчав, – с которой не справился бы человеческий разум. Теперь, когда у Джоселин есть Пищимуха, климат на нашей планете станет намного мягче. Возможно, придётся отключить некоторые генераторы магнитного поля – и это прекрасно! Но главное не это, господа. Главное то, что рядом с нами теперь будут жить потрясающие создания – космические лоси!

Зал снова взорвался бурными аплодисментами.

– Даже не верится, – продолжала Визулинда, – что в условиях огромной свалки могли зародиться такие уникальные животные... Воистину чудо природы! Вы знаете, господа, мы с мужем даже пытались держать лосей в неволе – однако от этого их фекалии сделались бесполезными. Мы обеспечивали лосям сытость и комфорт – но они всё равно не хотели размножаться...

– Я ради них поместье снёс, – вставил Зугард.

– Прекрасные, свободолюбивые существа! – воскликнула Визулинда. – Пищимуха была памятником человеческой безответственности – а они превратили её в рай для учёного... К слову, животные всё ещё у нас, и сегодня мы намерены вернуть их на родину. Пусть же плодятся и радуются жизни!

На этот раз гости принялись аплодировать с особым подострастием. Визулинда была счастлива: её услышали и поддержали; закончив речь, она уселась на место. Тем временем Зугард приказал разогревать двигатели, чтобы отправиться на Пищимуху.

– Скорее бы! – сказала императрица, счастливо улыбаясь. – Мне уже не терпится там оказаться!

– Пятнадцать минут, Ваше Величество, и мы будем на месте, – отозвался генерал.

Мундиморийские корабли не имели иллюминаторов, однако лайнер был оснащён системой раздвижных панелей. Огромное окно в банкетном зале прикрывалось частью корпуса, которая в нужный момент «отъезжала» вверх. Таким образом, пассажиры могли любоваться космическими красотами не только посредством камер. Правда, обычно любоваться было попросту нечем. Зрелище планет стало делом обыденным. Лишь время от времени взору космических путешественников открывалась хоть сколько-то симпатичная туманность.

Однако с Пищимухой был особый случай: Визулинда непременно хотела устроить некую «церемонию открытия». Сначала гости увидели бы Пищимуху издалека. Потом, приблизившись, корабль облетел бы её кругом, постепенно снижаясь. Кульминацией мероприятия должно было стать воссоединение лосей с их природной средой. Животные находились на борту лайнера, помещённые в специальный бес-

пилотник. По команде императрицы, его планировали отпустить на Пищимуху. Достигнув поверхности, он должен был плавно приземлиться; после этого бортовой компьютер открыл бы все выходы, и лоси оказались бы на свободе... Думая об этом, Визулинда представляла, как лоси скачут и радостно ржут. Сама она планировала посетить Пищимуху в конце мероприятия. Для императрицы и других учёных подготовили специальный аппарат.

Дорога заняла даже меньше, чем говорил Зугард. Корабль сбавил ход и завис на орбите Пищимухи. Визулинда приказала открыть панель – и глазам пассажиров представился новый спутник. Пищимуха выглядела как типичная карликовая планета; она была освещена лучами Веры и Сесилии, и лишь небольшая её часть оставалась в тени.

– Мы попытались воссоздать те же условия, что были в Елдыринской Губернии, – сказала Визулинда. – Пищимуха медленно вращалась вокруг своей планеты – так будет и с Джоселин. Разница только в том, что теперь на Пищимухе светлое время будет занимать две трети суток. Это совсем не повредит лосям.

Зугард связался с пилотами и приказал приблизиться. Войдя в атмосферу Пищимухи, корабль опустился достаточно низко и начал медленно двигаться параллельно поверхности. Взору гостей представились мусорные горы и долины. Гоблинович и Дюндель, переглянувшись, грустно улыбнулись друг другу.

– Вы, наверное, скучаете по дому, – тихо проговорила Стефания.

– Немного, – отозвался Иннокентий. – Интересно, а как удалось уговорить чиновников отдать Пищимуху?

– Очень просто, – сказал Дюндель. – Не знаешь, что ли, как это у нас бывает? Дали взятку какому-нибудь господину Тютькину – вот он и забыл, что у Кривоцицы ещё один спутник имеется...

Иннокентий сардонически усмехнулся.

– Да уж, Афоня, – обратился он к Бабельянцу. – Помнишь, как ты родину когда-то хотел продать? Вот оно и получилось...

Бабельянц молча смотрел в окно. Его прежняя весёлость исчезла без следа. Дюндель вздохнул и произнёс:

– Не брали бы они на лапу – не таскал бы инопланетный генерал народное имущество...

– Выпускайте лосей! – скомандовала Визулинда.

Спустя несколько минут беспилотник с лосями вылетел из главного шлюза. Гости проводили его бурными аплодисментами. Аппарат начал плавно двигаться вниз – и вдруг застыл в воздухе...

– Что происходит?! – воскликнул Зугард.

По залу прошёлся ропот недоумения. Какое-то время аппарат не двигался – и вдруг выходы из беспилотника открылись вопреки плану.

– Осторожно! – закричал Гоблинович. – Лоси любят бо-

дать корабли!

– Не волнуйтесь, – успокоила его Визулинда. – Это лоси с Розалинд-Франклин. Они вряд ли улетят, а дышать могут резервным кислородом.

И всё же Зугард немедленно приказал пилотам отвести лайнер на несколько эклов – так, чтобы лоси оставались в поле зрения. «Я убью этого кретина Шмульке!» – тихо ругался генерал. Речь шла о главном инженере, который допустил недоразумение. Прошло ещё немного времени – и лоси, вопреки словам Визулинды, принялись вылетать из своего аппарата. Вокруг их морд были природные мешки с кислородом.

– Невероятно! – воскликнула императрица, приподнявшись.

Тем временем животные весело кружились в воздухе, радуясь свободе. Все, кто находился на борту лайнера, старались приблизиться к окну, чтобы лучше видеть необычное действо. Однако совсем скоро весёлая болтовня гостей вновь сменилось испуганными возгласами: лоси принялись бодать беспилотник и в конце концов сбили его... Несчастный аппарат стал терять высоту.

– Видите, я говорил, – произнёс Гоблинович.

– Начнётся пожар! – воскликнула императрица. – Пострадают лоси на поверхности!

– Надеюсь, они улетят, – отозвался Зугард. – Отправлю разведывательный дрон на место крушения...

– Смотрите! – внезапно закричал Дюндель, указывая куда-то за окно.

Визулинда мгновенно вскочила с места; по залу прошёл изумлённый ропот. Кто-то из гостей закричал и бросился прочь от окна; остальные же застыли в оцепенении. В небе над Пищимухой происходило невероятное: лоси начали скидывать с себя шкуры, превращаясь в огромные сияющие силуэты с крыльями...

– Что это за мать его?! – вскричал Зугард.

– Ты тоже это видишь? – спросила Хельмимира, обращаясь к Исааку.

Банкетный зал озарился ярким светом – и гости отпрянули от окна. Некоторые из них, вопя, бросились к выходу в аппаратный отсек, сбивая друг друга.

– Всем оставаться на своих местах! – закричал Зугард и, связавшись с кабиной, приказал: – Закройте панели! Заблокировать выходы! Активировать боевые беспилотники! Уходим!

– Нет! – внезапно сказала Визулинда. – Не закрывайте панели и не уводите корабль!

Боевые беспилотники, которые сопровождали лайнер, окружили место аномалии.

– Что вы творите?! – воскликнул Зугард, обращаясь к императрице. – Нужно увести отсюда гражданских!

– Подождите! – настойчиво проговорила Визулинда, глядя за борт.

Аномалия была прекрасна: крылатые создания переливались всеми цветами спектра.

– Мы даже не знаем, что это такое! – вскричал генерал. – Если бы мы знали, что это такое...

– Не что, а кто, – послышался откуда-то тонкий голос. – Мы богатые и красивые из измерения богатых и красивых...

Зугард остолбенел, уставившись на динамик. Гоблинович, который в это время пытался оттащить Бабельянца от окна, ослабил хватку и отпустил деда. Стефания закрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

– Ты это слышал? – спросила Хельмимира, обращаясь к мужу.

– Вроде, слышал... – неуверенно отозвался тот.

– Значит, коллективная галлюцинация, – заключила госпожа советник. – Надо же! Ничего реального...

– Откуда звук? – спросила Визулинда.

– Изниоткуда, – вновь послышался хрустальный голос, а потом и смех.

В зале наступила тишина. Гости застыли; никто из них больше не метался в панике; лишь один какой-то мундимориец истошно завопил: «Мы все умрём!»

– Заткнись, – беззлобно сказала ему Хельмимира. – Иначе я тебя пристрелю.

Неожиданно императрица сорвалась с места и двинулась на противоположный конец зала – туда, где располагалось огромное сияющее окно.

– Что вы делаете? – закричал Зугард. – Куда вы?

Визулинда подошла к окну и положила свою ладонь прямо на прозрачный полимер.

– О дивные создания! – обратилась она к богатым и красивым. – Прошу, не надо шутить над нами! Мы пришли с миром!

– Конечно, вы пришли с миром, – засмеялись богатые и красивые. – И боевые машины с собой взяли...

– Генерал, уберите беспилотники! – приказала императрица.

– Можете не убирать, – проговорили богатые и красивые. – Мы всё равно их не боимся...

– Ваше Величество, а вы в курсе, что это я создал этих светящихся тварей? – внезапно спросил Зугард.

Визулинда резко обернулась и посмотрела на мужа. Среди гостей послышались изумлённые возгласы.

– А вот и нет! – сказали богатые и красивые и вновь рассмеялись. – Ты просто черпал информацию из Вселенского Разума.

– Какого ещё разума? – возмутился генерал. – Ваше Величество, не слушайте их! Это я придумал религию, чтобы успокоить отупевших людей на Макнамаре: измерение богатых и красивых, Ужасная Вундервафля, Внутренняя Вагина...

– Что?! – вскричала Стефания.

– Хотя вру, – поправил себя Зугард. – Внутреннюю Вагину

придумал мой адъютант...

Визулинда продолжала зачарованно смотреть в окно. Откуда-то издалека показалось разноцветное сияние: к богатым и красивым приближались сородичи. Когда они оказались рядом, в зале сделалось ещё светлее. Радуюсь встрече, существа принялись издавать высокие звуки: это было похоже на звон миллиона колокольчиков.

– Нет, ну это уже ни в какие ворота не лезет! – воскликнула Хельмимира.

– Да уж, тут всё серьёзно, – согласился Исаак. – Похоже, мать, мы все под веществами. Вон императрицу как плющит: к стеклу прилипла...

– Вы невероятные, – сказала Визулинда, когда богатые и красивые немного притихли. – Как вам удалось принять такую форму?

– Это наш изначальный вид, – отозвались богатые и красивые. – Мы стали животными, когда явились в ваш мир.

– И зачем же вы явились в наш мир? – спросила Визулинда.

Богатые и красивые рассказали ей свою историю. Злобный профессор забросил их императора в грубое измерение гуманоидов. Они отправились следом – и оказались недалеко от того места, где томился их правитель. Однако они не сумели его спасти: совсем скоро туда явился аппарат, из которого доносилась ужасная музыка: что-то про тачку и сучку... Тонкая душевная организация богатых и красивых не

вынесла такой безвкусицы, и они превратились в космических лосей.

– А как вам удалось прийти в себя? – допытывалась Визулинда. – И почему именно теперь?

– Златоволосый юноша прилетел на Пищимуму и включил совсем другую музыку, – ответили богатые и красивые. – Кстати, он до сих пор здесь... Но можете уже забирать его, если он вам нужен.

Внезапно раздался сигнал: звонили не из кабины.

– Кто-то пытается связаться с кораблём! – догадалась Визулинда.

Зугард включил динамики.

– Мейдей, мейдей, мейдей! – послышалось оттуда. – Люди, помогите!

Первые три слова слова означали международный сигнал бедствия, который был известен любому пилоту любого государства. Гоблинович и Дюндель переглянулись.

– Антоха? – тихо спросил Дюндель, обращаясь к Гоблиновичу.

– Антоха! – воскликнул тот и бросилась к переговорной панели.

Дюндель побежал следом. Охранник оттолкнул Иннокентия, когда тот попытался приблизиться к генералу.

– Там племянник мой! – закричал елдыринец.

– Отправьте спасательный шаттл, – сказал Зугард, переключившись на кабину пилотов.

– Антоха! – закричал Дюндель.

– Дюндель! – донеслось из динамика. – Твою мать, вытаци меня отсюда! У меня вышли из строя все приборы! Какие-то твари заставляют меня крутить твой альбом!

По залу прошёлся ропот возмущения.

– Что вы сделали?! – воскликнула Визулинда, обращаясь к богатым и красивым. – Отпустите его!

– Уже отпустили, – отозвались богатые и красивые. – Он ведь сумел с вами связаться...

– Я тут уже три дня сижу! – вопил Антоха. – Вокруг была белиберда! У меня кислород заканчивается!

– Антоха, держись! – заорал Дюндель. – Богатые и красивые захватили тебя, когда Шницельвахен захватил Пищимуму!

– Он, наверное, за какахами туда прилетел... – тихо произнёс Гоблинович.

– Какие нахрен богатые и красивые?! – не унимался Антоха. – Какой нахрен Шницельвахен?!

– А сейчас вы можете запустить двигатели? – спросил Зугард.

В зале повисла напряжённая пауза.

– Да, мать его! – заорал Антоха.

– Отставить спасательный шаттл, приготовиться к стыковке, – приказал генерал своим пилотам и тут же добавил, обращаясь к Антохе: – Передаю вам координаты нашего корабля...

Вздохнув с облегчением, Гоблинович отошёл от генерала. Кто-то из гостей подбодрил елдыринца добрым словом; Стефания положила руку ему на плечо.

– А можно, Антоха придёт сюда, когда стыкуется? – попросил Дюндель у Зугарда.

Генерал приказал подчинённым разблокировать двери.

– Зачем вы держали его так долго? – воскликнула Визулинда, вновь обращаясь к богатым и красивым.

– Мы восстанавливали свои способности, – ответили те.

– А лоси, которые были на борту нашего аппарата... как они умудрились услышать такую далёкую музыку?

– У нас хороший слух. Мы слышим даже то, о чём вы думаете. Например, пилоты Шницельвахена думали о том, что у вас в плену находятся наши собратья...

– Мне жаль, если мы причинили вам неудобства, – сказала Визулинда. – Надеюсь, теперь все недоразумения позади...

– Надейся, – захихикали богатые и красивые.

Последняя фраза прозвучала не очень-то вежливо.

– Послушайте, – произнесла Визулинда, помолчав. – Я думаю, нашим расам следует объединить усилия. К примеру, мы могли бы помочь вам найти вашего императора...

– Не нужно помогать. Мы уже нашли его.

По залу прошёлся изумлённый гул.

– И где же он? – спросила Визулинда.

– Среди вас...

Внезапно что-то подняло Бабельянца под потолок. Разда-

лись испуганные крики; кто-то из гостей упал без сознания.

– Афанасий! – закричал Гоблинович.

Бабельянец продолжал двигаться по направлению к окну. Его лицо было спокойно, а в глазах отражалась какая-то нечеловеческая отрешённость. Старик приблизился к прозрачному полимеру, прошёл сквозь него – и тут же принял сияющую форму богатого и красивого. На полу осталась лежать его шуба.

– Разгерметизация! – истошно заорал кто-то в зале.

В этот момент открылись двери: охранники пустили в зал Антоху – но его тут же сбили оголтелые паникёры, которые, напротив, устремились в аппаратный отсек.

– Всем оставаться на местах! – закричал Зугард и, обратившись к пилотам, приказал немедленно снизиться.

– Кеша, прощай! – раздался голос Бабельянца. – Не поминай лихом!

Среди всей этой сумятицы Иннокентий стоял, опустив руки и поражённо глядя в окно. Дюндель улыбнулся и помахал деду. Антоха, который снова сумел оказаться в зале, изумлённо таращился по сторонам.

– Нет у вас никакой разгерметизации, – сказали богатые и красивые. – Можете лететь восвояси.

– Что значит «восвояси»? – воскликнула Визулинда. – Вы что, не хотите установить контакт? Учтите: ваша планета теперь спутник моей столицы!

– Не нужна нам планета. Мы возвращаемся в свой мир.

С этими словами богатые и красивые стали отдаляться.

– Подождите! – вскричала Визулинда. – Прошу, давайте познакомимся поближе! За много лет наша раса накопила много знаний. Возможно, они пригодятся и вам...

– Не пригодятся, – скептически отозвались богатые и красивые. – И, дорогая, прекрати уже играть в дипломатию. Мы все прекрасно понимаем, что тебе от нас нужны только фекалии.

Визулинда умолкла, ошарашенная. Богатые и красивые продолжали отдаляться.

– А что, если и так? – с вызовом проговорила императрица. – Я делаю это ради блага всего человечества!

– Так и разбирайся сама со своим человечеством. Нам-то что? Попривыкали животных эксплуатировать!

– Вы можете помочь мне навсегда решить проблему энергоресурсов!

– Ишь, какая умная! Хочешь универсальный источник энергии – а развиваться кто будет?

– Что вы несёте?!

– А то и несём, что петрократия порождает застои в науке. Вам только дай всё на блюдечке – вы же отупеете, как стадо космических лосей...

Визулинда снова ошарашенно умолкла.

– А ну вернитесь! – вскричал Зугард. – Это я вас создал!

– Дурачок, – засмеялись богатые и красивые.

– Ах вы сукины дети! – ещё громче заорал мундиморец

и, немедленно связавшись с кабиной пилотов, решительно произнёс: – Активировать боевые дроны! Огонь по аномалии!

В течение нескольких секунд дроны взяли аномалию на прицел и выстрелили... Богатые и красивые всё также отдалялись. Гости наблюдали эту картину, отойдя подальше от окна, и только Визулинда продолжала стоять вплотную к стеклу. Зугард орал пилотам, чтобы дроны не упустили аномалию из виду; гости ещё больше прижимались к стене; Визулинда молчала, опустив руки... Так продолжалось ещё некоторое время, пока, наконец, сияние богатых и красивых совсем не скрылось за горизонтом. Вскоре пилоты доложили генералу, что дроны потеряли аномалию из виду.

– Проклятье, проклятье! – выругался Зугард.

Визулинда повернулась и медленно побрела на своё место.

– Они правы, правы... – чуть слышно бормотала она. – Не надо нам всё на блюдечке...

Гости стали понемногу отходить от стены, разбредаясь по залу. Из ангара вернулись оголтелые паникёры: они заходили украдкой и быстро оказывались на прежних местах. Дюндель и Гоблинович кинулись к Антохе.

– Дядя Кеша! Витёк! – воскликнул тот, бросаясь в объятия к товарищам.

Хельмимира посмотрела на Исаака и спросила:

– Так это всё-таки взаправду, или я окончательно свихну-

лась?

Качкоид молчал и только пялился на жену оголтелыми глазами.

– Понятно, – вздохнула Хельмимира. – Значит, мир действительно сложнее, чем я думала.

2018-2021